РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

Vil KLEINER witze:

К 80-летию профессора Юрия Александровича Клейнера

Санкт-Петербург
2026

УДК 80/81
ББК 81.2Англ-1 / 81.2Англ03 / 82.3 (0)
В44

Ответственный редактор
Н. А. Бондарко

Редколлегия
Н. А. Бондарко, М. Л. Кисилиер, Д. Д. Пиотровский,
Н. Д. Светозарова

Рецензенты: П. В. Шувалов, Д. А. Черноглазов

В44 **Vil KLEINER witze: к 80-летию профессора Юрия Александровича Клейнера** : сборник статей. — СПб. : РХГА, 2026. — 673 с.
ISBN 978-5-908124-21-8

Настоящий сборник подготовлен к юбилею профессора кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета Юрия Александровича Клейнера — одного из ведущих российских специалистов в области германского языкознания, просодической фонологии и теории устной традиции.

Тематический диапазон публикуемых работ во многом определяется широтой научных интересов юбиляра. В книге представлены исследования, посвящённые широкому кругу проблем: от сегментной и супрасегментной фонологии германских языков и принципов слогоделения до проблем эволюции поэтического языка, от анализа древнегерманского эпоса и скальдической метрики до сопоставительных изысканий в области мифологии и фольклора. Значительное место отведено вопросам истории лингвистической науки, в том числе разбору ключевых понятий фонетической теории и реконструкции научных биографий.

Помимо собственно лингвистических и филологических изысканий, в сборник вошли материалы, отражающие многолетнюю педагогическую и общественно-научную деятельность Ю. А. Клейнера, — воспоминания коллег и учеников, а также очерк, посвященный истории Петербургского лингвистического общества и журнала «Язык и речевая деятельность». Живой и нередко парадоксальный стиль мышления юбиляра находит отклик в работах, затрагивающих логико-философские аспекты семантики имён собственных, вопросы межъязыковых контактов и даже культурно-исторические экскурсы в область скандинавской кулинарной традиции. В томе также представлены публикации, обращённые к наследию русской литературы XIX века и древнерусской эпиграфике.

Издание адресовано лингвистам, филологам, историкам культуры и всем, кто интересуется проблемами языка, поэтики и гуманитарного знания в их исторической перспективе и междисциплинарном единстве.

УДК 80/81
ББК 81.2Англ-1 / 81.2Англ03 / 82.3 (0)

DOI: 10.25991/u4842-2285-5588-o
ISBN 978-5-908124-21-8

© Авторы статей, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редакторов 6
Tabula gratulatoria 9

Приветственные слова

Р. С. Ашкенази. 15
К. Джункова. Взмах бумажного крыла… Православная миссионерская лингвистика и богослужение на языках коренных народов России и Аляски сегодня 16
Э. А. Ершова. 25
М. Л. Каленчук. 26
Сардарбек кызы Нурайым. Петербург – Бишкек: мост через науку и дружбу 27
Ю. В. Рябухина. 30
П. Серио. 31
А. К. Филиппова. 33

Воспоминания

Л. Э. Найдич. Портрет филолога на фоне петербургского пейзажа. К юбилею Юрия Александровича Клейнера 39
Н. Д. Светозарова. Похвала фестшрифту: Общество и его журнал 55

Научные материалы

А. В. Андронов. Слог: между фонемой и морфемой (1) 77
О. В. Антонова. Современные тенденции в акцентуации фразеологизмов в русском литературном языке 87
Н. А. Бондарко. Ю. А. Клейнер, формулы и тривиальные вещи 105
М. М. Валенцова. Несколько слов со словарем о рыбацком профессиональном жаргоне 183
И. Б. Губанов. Об исторических источниках, использованных в фильме Роберта Хьюстона Эггерса «Северянин» (Robert Houston Eggers. The Northman, 2022) 217
Т. Н. Джаксон. Что важнее — поэтика или объективная действительность? 229
Ю. А. Дзиццойты, А. И. Фалилеев. Germano-Ossetica: прародители Одина и Нартовский эпос осетин 237
А. А. Еселева: Когда поэмы стали письменными, или Предложение об уточнении термина «формула» 253

Б. С. Жаров. Использование традиций жанра саги в произведениях исландской литературы для детей и юношества в XXI веке 257
М. Л. Зайчик. Составная рифма в английской поэзии XIV–XVIII вв. 263
С. В. Иванов. Доверие к автору и интерпретация средневекового текста 275
Н. Н. Казанский. Языковая реформа Аполлона в Дельфийском храме 287
М. Л. Кисилиер. «Жертвоприношение Авраама» у греков Приазовья 313
С. А. Крылов. О содержании и объёме термина «фонетика»: место фонетики в системе лингвистических дисциплин (к проблеме усовершенствования преподавания фонетических дисциплин) 359
С. А. Крылов. Опыт составления краткой библиографии избранных работ по начальному ознакомлению с исторической и генетической (сравнительно-исторической) лингвистикой 375
Г. А. Левинтон. О переводческих приемах П. Г. Богатырева 399
А. Н. Ливанова. Клейнер в странах Скандинавии 407
С. И. Межерицкая. Менандр Лаодикейский: Разбор видов торжественного красноречия. О торжественном красноречии 415
И. М. Михайлова. «И дара твоего не ослабел прибой» 437
Т. А. Михайлова. Поэт и/как жена правителя: оправдание Атирне 449
Э. И. Мячинская. Эволюция письменного функционирования английских диалектов 481
Н. Л. Огуречникова. К вопросу об акцентно-звуковой организации дротткветта (апология слога) 493
Д. Д. Пиотровский. Неизвестная дочь Пипина Короткого 523
Т. В. Рождественская. О надписях на фресках в ц. Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке: предварительные замечания 555
Н. Л. Сухачев. «Дневник» и картины Марии Башкирцевой 563
В. С. Томеллери. О судьбах грамматической терминологии в контексте языковых и культурных контактов 591
А. В. Циммерлинг. Подпоручик Киже и Падеревский: так ли загадочны имена собственные? 617
А. А. Яковлева. О морфологии нидерландских междометий 639

Список публикаций Юрия Александровича Клейнера 647

Информация об авторах 671

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Выражение *vil kleiner witze*, давшее название этому скромному подношению, извлечено на свет из сумрака средневековых кодексов. Оно дошло до нас в немецкой анонимной повести «О глупом попе» (*Vom dummen Pfaffen*), сохранившейся в знаменитой Мелькской рукописи (Codex Vindobonensis 2705) второй половины XIII в. — времени, когда поэты еще не гнушались хорошей шутки, а филологи не успели объявить ее «низким жанром».

В исходном контексте *vil kleiner witze* — ключевая характеристика главного героя, вокруг которой и выстраивается весь комический парадокс. О протагонисте сообщается: *er ist vrœlîch und kan vil kleiner witze* («Он веселого нрава и весьма малого ума»). Перед нами как будто бы классический дурак, лишенный и книжной учености, и богословских премудростей. Однако — такова уж природа трикстера, пусть и в церковном облачении — именно этот «простец» оказывается хитрее, удачливее и, в конечном счете, счастливее всех окружающих его умников. Сюжет, как и положено, балансирует на грани скабрезности и житейской мудрости.

Впрочем, средневерхненемецкое *klein* — слово непростое. Помимо значения «малый, незначительный», оно несло в себе и такой смысл, как «остроумный, изящный, тонкий». А потому в ином контексте выражение *vil kleiner witze kunnen* может означать прямо противоположное: владение тем самым острым, отточенным интеллектом, которым мы без малейшей иронии восхищаемся в нашем юбиляре.

Возможно, еще уместнее здесь оказывается то прочтение, которое с неизбежностью подсказывает современному носителю немецкого языка языковая интуиция, помноженная на ложную память и грамматическую погрешность: *Vil kleiner witze* — это, конечно же, «множество маленьких шуток», занятных историй, анекдотов и наблюдений за причудами языка и жизни. И если уж примерять подобную характеристику к кому-либо, то прежде всего она относится не к юбиляру, а к содержанию настоящего из-

дания — этому пестрому собранию научных виньеток, серьезных (и не очень) штудий и заметок на полях сложных для понимания текстов минувших эпох.

Вместе с тем, если все же следовать исходному контексту средневерхненемецкого выражения *vil kleiner witze*, то это не что иное, как смиренная оценка нашего скромного дара, который содержит **слишком мало мудрости**, по сравнению с мудростью нашего юбиляра. Авторы этого сборника — коллеги, ученики и друзья Юрия Александровича — отдают себе отчет в том, что было бы несколько самонадеянно обещать читателю непременное остроумие. Однако мы смиренно надеемся, что каждый текст в этой книге содержит то самое *vil* — достаточное количество — занятных, неожиданных и точных наблюдений, маленьких лингвистических радостей и «анекдотов» в исконном смысле этого слова.

Наконец, выражение *vil KLEINER witze* имеет еще один специфический, уникальный и исключительно важный для нас смысл: это *много Клейнеровской мудрости* — т. е. мудрости и остроумия, присущих исключительно нашему юбиляру. В этом случае можно смело говорить о выявлении нового, до сих пор не известного историкам языка средневерхненемецкого композита *Kleinerwitze!*

Пусть же это собрание малых премудростей порадует того, чье имя с такой неизбежностью, элегантностью и фонетической точностью вплелось в средневековую строку. *Ad multos annos*, дорогой Юрий Александрович, — и да пребудет с Вами и впредь Ваш неизменный веселый настрой (*vrœlîcher muot*) и Ваша подлинная мудрость (*vil **groziu** witze*), без дураков!

Настоящий сборник первоначально задумывался как дань уважения Учителю и Мастеру от Петербургского Германского семинара, возрожденного в 2023 году и работающего ныне под эгидой Института лингвистических исследований РАН. Деятельное участие Юрия Александровича обеспечивает прямую преемственность нашего Семинара по отношению к старому Семинару, который был посвящен чтению древнегерманских текстов и действовал когда-то параллельно с фонологическим семинаром при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (так ранее назывался ИЛИ РАН: истории обоих семинаров посвящена статья Л. Э. Найдич в этом томе). В том старом Семинаре Ю. А. Клейнер с начала 1970-х гг. выполнял роль секретаря (руководителем был А. С. Ли-

берман, а затем Ю. К. Кузьменко), а в дальнейшем возглавил его сам.

В процессе подготовки тома нам стало очевидно, что ограничиться камерным сборником работ членов Семинара невозможно: он бы никак не смог отразить многосторонность научных интересов Юрия Александровича и харизматичность его личности. Члены редколлегии даже не смели ожидать столь активного и заинтересованного участия со стороны научного сообщества, причем не только в качестве авторов, но и как деятельных помощников в процессе его подготовки и издания. В частности, мы бы хотели выразить особую благодарность профессору Наталии Дмитриевне Светозаровой за редактуру статей и ценные практические советы, а также Алексею Викторовичу Андронову за его помощь и неравнодушное отношение к подготовке тома. Нашему коллеге Александру Николаевичу Левичкину мы искренне признательны за терпеливое и профессиональное макетирование сборника. Мы также благодарим преподавателей кафедры общего языкознания Петра Валерьевича Шувалова и Дмитрия Александровича Черноглазова, согласившихся выступить в качестве научных рецензентов этого издания.

Издание этого юбилейного сборника стало возможным только благодаря дружной помощи нашего научного сообщества. Мы благодарим за помощь Николая Николаевича Казанского, Дмитрия Дмитриевича Пиотровского, Елену Аркадьевну Бабаину, Антона Владимировича Циммерлинга, Алексея Викторовича Андронова, а также группу преподавателей кафедры общего языкознания СПбГУ, на которой трудится наш дорогой юбиляр: Елену Леонидовну Вилинбахову, Наталью Михайловну Заику, Ванду Пятровну Казанскене, Ольгу Николаевну Николаенкову, Анастасию Ильиничну Пучкову, Елену Игоревну Риехакайнен и Полину Михайловну Эйсмонт; несколько коллег пожелали остаться неназванными.

От имени редколлегии Н. А. Бондарко, М. Л. Кисилиер
31 мая 2026 года

TABULA GRATULATORIA

Алексей Викторович Андронов
Ольга Валентиновна Антонова
Роза Сергеевна Ашкенази
Елена Аркадьевна Бабаина
Галина Андреевна Баева
Кирилл Андреевич Битнер
Сергей Игоревич Богданов
Николай Александрович Бондарко
Марина Михайловна Валенцова
Ирина Эдуардовна Васильева
Ярослав Владимирович Васильков
Анастасия Николаевна Велигоцкая
Елена Леонидовна Вилинбахова
Мария Дмитриевна Воейкова
Александр Константинович Гаврилов
Наталия Александровна Ганина
Наталья Юрьевна Гвоздецкая
Евгений Васильевич Головко
Тьерд де Грааф (Tseard de Graaf)
Илья Борисович Губанов
Татьяна Николаевна Джаксон
Катарина Джункова (Katarína Džunková)
Юрий Альбертович Дзиццойты
Фатима Абисаловна Елоева
Элина Антоновна Ершова
Анастасия Александровна Еселева
Борис Сергеевич Жаров
Алексей Иосифович Жеребин
Наталья Михайловна Заика
Михаил Леонидович Зайчик
Сергей Валентинович Иванов
Ванда Пятровна Казанскене
Николай Николаевич Казанский
Мария Леонидовна Каленчук

Максим Львович Кисилиер
Михаил Витальевич Корышев
Елена Всеволодовна Краснова
Андрей Андреевич Красномовец
Сергей Александрович Крылов
Юрий Константинович Кузьменко
Георгий Ахиллович Левинтон
Анатолий Симонович Либерман
Александра Николаевна Ливанова
Кристина Валерьевна Манёрова
Светлана Игоревна Межерицкая
Ирина Михайловна Михайлова
Татьяна Андреевна Михайлова
Эльвира Ивановна Мячинская
Лариса Эриковна Найдич
Ольга Николаевна Николаенкова
Наталия Львовна Огуречникова
Дмитрий Дмитриевич Пиотровский
Александр Васильевич Подосинов
Михаил Борисович Попов
Анастасия Ильинична Пучкова
Елена Игоревна Риехакайнен
Милена Всеволодовна Рождественская
Татьяна Всеволодовна Рождественская
Юлия Владимировна Рябухина
Сардарбек кызы Нурайым
Наталия Дмитриевна Светозарова
Патрик Серио (Patrick Sériot)
Павел Анатольевич Скрелин
Николай Леонидович Сухачев
Елена Сергеевна Тихонова
Витторио Спрингфилд Томеллери (Vittorio Springfield Tomelleri)
Федор Борисович Успенский
Александр Игоревич Фалилеев
Алиса Константинова Филиппова
Антон Владимирович Циммерлинг
Дмитрий Александрович Черноглазов
Дарья Борисовна Шереметова

Петр Валерьевич Шувалов
Полина Михайловна Эйсмонт
Александра Алексеевна Яковлева
Наталия Янчевская (Nataliya Yanchevskaya)
Мария Вадимовна Яценко

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

יורי אלכסנדרוביץ' היקר והמכובד!

מכל הלב שלי, אני מברך אותך לכבוד יום ההולדת שלך! קודם כל, אני מאחל לך בריאות טובה וכוח גדול, כדי שתמשיך לבצע את כל המחקרים המדהימים הרבים ושיהיו לך סטודנטים חרוצים!

לצערי, אני לא מכיר אותך זמן רב, אבל שמעתי עליך כל כך הרבה דברים טובים מחבריי בפקולטה לפילולוגיה שלמדו אצלך. אני רוצה לומר איך אני שמחה שפגשתי מומחה כה גדול ואדם נעים כמוך, וללמוד איתך שפות גרמאניות בסמינרים, שאני מאוד אוהבת אבל לא מבינה בהן טוב מאוד (אני מקווה, רק לעת עתה!).

מזל טוב, עד שתגיע ל-120!

עם אהבה ובכבוד,

רוזה אשכנזי

К. Джункова

Взмах бумажного крыла… Православная миссионерская лингвистика и богослужение на языках коренных народов России и Аляски сегодня

Говорят, что взмах крыльев бабочки вызывает бурю в тропическом лесу. В моей жизни вызвал бурю шелест бумаги. Когда я собиралась поступать в аспирантуру МГУ, случилось так, что по распределению Министерства образования я была направлена в СПбГУ. Тогда я не имела понятия, в какой город и в какую страну вообще я попала. Не знала, каких замечательных людей встречу уже в первые дни в новом университете.

Одним из них был Юрий Александрович Клейнер. Я посещала его аспирантский семинар по истории лингвистики. С самого первого момента Юрий Александрович удивил меня своей открытостью и вниманием, которое он уделял студентам. Меня поразило его знание чешских реалий. Когда на одном аспирантском экзамене я вытащила вопрос из другой дисциплины, который случайно оказался в пачке с вопросами по истории лингвистики, и все-таки сдала этот экзамен, Юрий Александрович прокомментировал происходящее словами: «Как дурак с чистой шеей». С тех пор я запомнила эту идиому

Именно на занятиях Юрия Александровича я выбрала тему семинарской работы «Расширение лингвистического кругозора в связи с великими географическими открытиями. Миссионерская лингвистика». Конечно, речь шла прежде всего о грамматиках, составленных католическими или протестантскими миссионерами в Америке, Азии или Африке. Однако мое внимание в поисках информации привлекла картина, изображающая государственного деятеля, стоящего рядом с православным батюшкой на ярко-зеленом берегу широкой реки. Это картина А. Г. Авдеева, на которой святой Иннокентий (Иоанн Вениаминов, 1797–1879), автор грамматики алеутского и тлингитского языков, вместе с графом Н. Н. Муравьевым-Амурским (1809–1881) стоят у реки Амур (во время переговоров с китайской делегацией об установлении границ). «Как же… Разве и в России была миссионерская лингвистика?» — остановилась в изумлении перед этим фактом как ничего не подозревающая

словачка. Годы промчались, и эта тема стала позже моим вторым диссертационным исследованием, которое я как раз заканчиваю в университете в Праге. Эта работа привела меня на Аляску, в Якутск и в Ханты-Мансийский автономный округ. В течение этой работы я приобрела необычный опыт и приняла участие в невероятных мероприятиях: например, в конференции по миссионерской лингвистике в Аргентине или курсе хантыйского языка в Мюнхене. Но в начале всего был шелест бумаги. В начале был взмах бумажного крыла, когда Юрий Александрович Клейнер показал нам темы семинарских работ. В начале был именно Юрий Александрович. Благодарю уважаемого юбиляра за то, что своими точными советами он столь необычно мотивирует и определяет жизнь студентов!

***

Миссионерская лингвистика представляет собой область лингвистики, посвященную языковым трудам (грамматикам, словарям, букварям, переводам и т. д.), созданным миссионерами, причем по своей сути это естественное явление в процессе распространения религий, основанных на переводимых священных текстах. В ходе исследования русской миссионерской лингвистики мы сосредоточились на печатных изданиях с последней четверти XVIII в. до 1917 г., материал которых облегчает изучение церковной и государственной политики в отношении коренных народов. Мы работали в основном с собраниями Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки, а также в других учреждениях в России и за рубежом. Мы пытались определить подход миссионеров, выяснить, с какими лингвистическими теориями они были знакомы и каковы были причины создания отдельных языковых пособий.[1]

Православные миссионеры работали среди десятков коренных народов и создали языковые пособия для более чем 35 языков. Это были языки: абхазский, алеутский, алтайский, алутиик, башкирский, бурятский, гагаузский, казахский, калмыцкий, карельский, коми, мансийский, маньчжурский, марийский (горный и луговой),

[1] Džunková, K. Pravoslávna misionárska lingvistika v Ruskom impériu (špecifiká a problémy žánru). *Slavia* 94 (2025), 1–2, p. 108–129.

монгольский, мордовский (мокшанский и эрзянский), нанайский, ненецкий, орочский, осетинский, саамский (кильдинский), селькупский, татарский, тлингитский, удмуртский, узбекский, финский, хантыйский, хакасский, чукотский, чувашский, шорский, эвенский, якутский. Мы разделили эти пособия на три основных жанра: грамматики (созданные миссионерами предположительно для 22 языков), словари и буквари — причём самым популярным (и практичным) из них был букварь.

Миссионерскую лингвистику можно определить как практическую лингвистику, целью которой являлось обучение коренного населения основам православной веры и грамотности, что одновременно сближало бы их с образом жизни русского населения. Результатом этой миссионерской работы стали переводы Священного Писания и других текстов. С первой трети XIX в. российские императоры стали издавать указы, разрешающие богослужение на языках местных коренных народов — первоначально в области Поволжья, где происходило массовое возвращение кряшен в ислам, отчасти также из-за непонимания церковных обрядов. Постепенно миссионеры начинали служить литургию на коренных языках также в других областях империи — правда, предполагалось, что это лишь временное решение. Литургия до 1917 г. совершалась на абхазском, алеутском, алтайском, бурятском, гагаузском, карельском, коми, кряшенском татарском, марийском, удмуртском, чувашском, якутском и других языках.

На сегодняшний день заслуживает внимания феномен литургии (или части богослужебных практик) на языках коренных народов в нескольких регионах России. В ходе исследования нам довелось участвовать в богослужениях в четырех городах, где полностью или частично служится такая литургия: в Фэрбенксе на Аляске, в Казани, в Ижевске и в Якутске.

***

Закрываю глаза. Передо мной простирается серебристый океан. Сижу на берегу острова Баранова и слышу крик воронов. Над головой кружат их стаи, здесь они такие же обычные, как в Европе голуби. Неудивительно, что вороны занимают важное место в мифологии тлинкитов. Их глубокий, роковой крик прерывает боевой

клич орла, который тоже прилетел сюда за рыбой. Хлоп! Шлёп...! Что-то постоянно, почти ритмично, бьется на поверхности. Я слышу, как плещутся рыбы.

Я слушаю лососей. Они выпрыгивают на поверхность целыми стаями. Сейчас период нереста, в реках и океане их так много, что достаточно просто закинуть удочку, вытянуть руку — и в ней точно заблестит серебристая рыба. Так здесь играют с рыбой дети. Мы видели даже медведя-барибала, наблюдали, как он без труда, казалось бы, почти от скуки, ловит в стоячих водах огромных лососей.

Голоса воронов звучат утром и вечером. Мощные самцы на краях крыш обозначают свою территорию. На солнце блестят их стальные чёрные перья. Ворон для тлинкитов мифическая птица. Ворон сотворил мир. Ворон вернул человечеству солнце, когда его украл жадный человек. В ворона перевоплотился шаман, чтобы проникнуть в мир духов. Ворон был обитателем острова еще до того, как его заселил человек. Сами тлинкиты делились на две группы: на «воронов» и «орлов». Воронов на тотемах часто изображали с ушами, как будто они слышали все, что не слышно человеческим ушам.

Я учусь читать тотемы. На них сверху вниз изображены мифологические и исторические сюжеты. На Тотемной площади в городе Ситка — бывшем Новоархангельске, столице российской Северной Америки — стоит тотем, рассказывающий об освоении этих земель русскими. Частью тотема является также русский медведь. На вершине тотемного столба расположена статуя Александра Баранова, первого правителя русских поселений в Северной Америке.

В городке начинается суматоха, когда приплывает круизный лайнер. В остальное время в Ситке пусто и тихо. Люди здесь сразу заметят каждого новичка. Под августовским солнцем загорает на крыше в порту Евгений с русской фамилией, продавец художественных сувениров. Тротуары здесь иногда перекрывают из-за появления медведей. В городе доминирует деревянный православный Собор святого Михаила XIX в., где служил будущий московский митрополит Иннокентий (Вениаминов). Человек великих дел, который, помимо прочего, занимался классификацией североамериканских языков. Население до сих пор с теплотой

вспоминает православных миссионеров. Даже в аэропорту можно увидеть двуглавого орла Российской империи, словно здесь и не было большевистской революции. На литургии вижу женщину в платке, напоминающем павловопосадский платок. Я по привычке ожидала увидеть под ним русские черты лица, но, когда женщина повернулась, черты лица оказались тлингитскими.

Затем мы с сестрой путешествовали по материковой части Аляски. Величественная гора Денали (на языке коюконов ‘высокая’) возвышается на высоту 6190 метров, словно огромная мать, по сравнению с которой окружающие двухтысячные горы кажутся лишь детьми. В широких поясах тундры растут ели, удаленные друг от друга, как будто их кто-то разбросал. Но все же они близки друг к другу — даже дерево не может жить в полном одиночестве. Мы добираемся до самого северного прихода Православной церкви в Америке – до церкви святого Германа в городе Фэрбенкс. Церковь названа в честь аляскинского проповедника святого Германа (ок. 1751–1836), монаха с острова Валаам, похороненного на острове Кодиак, где до сих пор находится духовная семинария. Там учился также отец Эндрю Васили (Andrew Wassilie) из юпикского народа. Похоже, что именно из народа юпиков в настоящее время происходит много православных священников, служащих на Аляске. Среди юпиков служил один из первых православных священников-креолов, переводчик Св. писания, святой Иаков Нецветов (1802–1864). Первоначальное население района вокруг Фэрбенкса составляли атабаски. Сегодня они являются членами местной общины, как и потомки многих других народов, включая выходцев из Европы. Меня глубоко тронул лектор Джордж, который после литургии спросил, откуда я родом. Когда я ответила, что из Словакии, его заинтересовал конкретный регион. В первый момент я подумала, что это просто вежливый американский вопрос. Он вряд ли разбирается в регионах Словакии. Как я ошибалась! Оказалось, что дедушка и бабушка Джорджа, которые эмигрировали в США, были греко-католиками из Земплина – области в Словакии.

Литургия проходит торжественно и спокойно. Она полностью ведётся на английском языке, и мне показалось, что её песнопения местами переходят в джазовые тональности. Исключение представляют несколько фраз на языке юпик, родном языке предков отца Эндрю, например: «Мир всем!» — «Nepaitnaq tamalkuitnun!»

В конце прозвучало на церковнославянском: «С праздником!» Поскольку приближался сентябрь и начало нового учебного года, после литургии дети получали особое благословение. Маленьких школьников к священнику подводили элегантно одетые мамы — с благородством, которое часто свойственно восточнославянским женщинам. Освещенная зажженными свечами, сияла икона святого Германа, сделанная из бусин. Пахло ладаном. Аляскинское воскресенье.

***

Москва внезапно раскинулась подо мной, словно мерцающий, сверкающий паук, в его многочисленных ногах пульсировала жизнь, миллионы жизней. Затем самолёт погрузился в сибирскую ночь, и когда я проснулась, подо мной простиралась Лена. Лена — океан. Уже в аэропорту у меня случился шок – по совету отца Павла я скачала специальное приложение для заказа такси. Вместо символов автомобилей на карте отображались движущиеся иконки с якутскими орнаментами, причем водители договаривались со мной о цене. Лететь в Якутию с целью посещения литургии на якутском языке — не повседневное дело. Особенно когда я, ничего не подозревая, попала как раз на якутский праздник солнцестояния Ысыах — слово, которое я со своей словацкой артикуляцией даже не могу произнести. Город переполнен туристами, а также якутами, возвращающимися на родину на славный праздник. Во дворах в белые ночи звучит тяжелая рок-музыка, днем мастера различных ремесел показывают в лавках свое искусство. В светлые ночи из-за смены часовых поясов я подолгу смотрела из окна на больших сибирских собак во дворе напротив. Они лениво переворачивались на своих пушистых спинах, меняли позы, улыбались во сне. Надолго запомнился умоляющий, ожидающий взгляд бледно-голубых и коричневых глаз якутских собак.

В храме сразу привлекает мое внимание квадратная деревянная копилка с надписью: «На перелеты». В то время как в комфорте цивилизации многие христиане не посещают даже богослужения в храмах поблизости, в Якутске людям приходится собираться вместе, чтобы священник хотя бы время от времени навещал их общину. Это как во времена миссионеров XIX в., только теперь по-

ложение дел облегчает вертолет. Отец Павел Слепцов любит свой родной якутский язык. По просьбе епископа он участвовал в создании нового якутского перевода литургии и других молитвенных текстов. Миссионерские переводы середины XIX в., в основном созданные епископом Д. Хитровым, автором якутской грамматики, были сделаны с благочестивым намерением, но их язык непонятен. Хор исполняет всю литургию на якутском языке. Стою в состоянии благоговения, и лишь спустя некоторое время оглядываясь назад — Градоякутский Преображенский собор наполнился народом. Затем отец Павел рассказывает мне о радостях и трудностях своего священнослужения в Якутии, которому он посвящает себя целиком.

Однако Якутия преподнесла мне еще одну неожиданную встречу. Я узнала, что в местной католической церкви работает группа словацких монахов — салезианцев, которые занимаются миссионерской деятельностью с 1990-х гг. У меня с ними не было контакта, я просто подошла вечером к костелу. Молодой священник меня сразу заметил. Я обострила слух, пытаясь уловить его акцент. Да… Это он! Когда священник вежливо спросил, откуда я, ответила улыбаясь: «Из Словакии». Почти шок… Радость. Веселье. В то время в Якутске находились четыре словацких салезианца и один молодой волонтер из Словакии. Они заботятся о местной молодежи, помогают социально незащищенным. Так в Якутске состоялась встреча словаков.

Волонтер со мной гуляет по Якутску, показывает, как стоят дома на сваях, обеспечивающих изоляцию от холода. Только что зашло солнце и снизу, от поверхности земли исходит холод — грегорианский хорал вечной мерзлоты. Зимой якутяне защищают свои машины специальными термоодеялами «Наташа». Двигатели время от времени автоматически запускаются. Иначе машины не удалось бы завести до самой весны. Мне рассказывают о проблемах водного транспорта, столь важного для Якутска, особенно весной и осенью, когда по Лене плывут льдины. До сих пор в городе нет моста. Как только начинает таять лёд, добраться до другого берега, в сторону Нижнего Бестяха, можно только на судах на воздушной подушке. Однажды одно из таких судов сломалось посреди реки, и словацкому священнику-салезианцу пришлось несколько часов ждать помощи.

В воскресенье прихожане везут меня за город на праздник Ысыах. На стадионе сотни якутов празднуют летнее солнцестояние. В два часа ночи они приветствовали могучее солнце, дарителя жизни. Танцевали в кругу, исполняя якутские песни. Многие якуты сохраняют традиционную систему верований. Иногда получается в какой-то степени «двоеверие». Я прихожу в большую юрту, где сжигают талисманы из конского хвоста в знак очищения и благодати. Женщина играет на хомусе, поет гортанным голосом, читает слова ритуала. На якутском языке проводятся и другие мероприятия без перевода на русский.

Я оказалась на традиционном соревновании по подъёму огромного камня. Стадион в восторге. Мужчины готовятся к нему целый год, чтобы в день праздника поднять 132-килограммовую глыбу и узнать, кто её сможет пронести дальше остальных. Магический камень специально натирают белым мелом, чтобы не выскользнул из рук состязателей. Если участник его упустит, он выбывает из игры. Победу одержал стройный молодой якут, сумевший пронести тяжелый груз на расстояние 150 метров. И в этом есть нечто символическое: нести бремя с настойчивостью современного Сизифа. Ах, Саха… Жизнь здесь сурова, но все-таки прекрасна — как этот священный камень.

***

Благодаря исследованию миссионерской лингвистики я посетила еще несколько областей, где литургия служится на языках коренных народов. Особенно запомнилась литургия на татарском языке в Тихвинском соборе в Казани, где её совершает самоотверженный отец Алексей для небольшого прихода, где в основном участвуют в богослужении пожилые женщины. Здесь используется миссионерский перевод литургии от первого священника из крещеных татар, Василия Тимофеевича Тимофеева (1836–1895). Для современных кряшен этот перевод имеет отпечаток языка второй половины XIX в., но благодаря этому получился возвышенный, религиозный язык. Я также посетила Никольскую церковь в Ижевске, где отец Павел совершает литургию на удмуртском языке для общины удмуртских верующих, которые рады, что поют богослужение на своем драгоценном языке. Новый литургический пе-

ревод был сделан выдающимся удмуртским филологом и монахом М. Г. Атамановым (р. 1945). В то время в Ижевске стояли сильные морозы. В лесу за городом огромный самец лося словно движущаяся черная точка вышел на белую равнину…

Это лишь осколки богатой мозаики, которую мне подарили исследования миссионерской лингвистики в России. И ничего этого не случилось бы, если бы я случайно не попала в аспирантуру в Санкт-Петербург. И если бы по счастливой случайности не попала на семинар Ю. А. Клейнера. Юрий Александрович, спасибо! Поздравляем Вас с днем рождения!

Катарина Джункова

Э. А. Ершова

Дорогой Юрий Александрович,

Поздравляю Вас с днем рождения! Хочу пожелать, чтобы острота Вашего критического взгляда постоянно оттачивалась, чтобы техника на занятиях не подводила, и чтобы в аудитории всегда оказывались люди, с которыми легко и приятно находить общий язык. Ваш энтузиазм, интерес к своему делу, открытость к взаимодействию и новому опыту очень поддерживают и помогают видеть все разнообразие и увлекательность языкознания как науки. Пожалуйста, читайте лекции все новым и новым поколениям студентов, находите и дальше любопытные темы для исследования и обязательно напишите статью на исландском!

Til hamingju með afmælið!

Элина Ершова

М. Л. Каленчук

Дорогой мой дру[х], любезный Юрочка!

Главный вопрос – и чего это я в тебя такой влюбленный?!

Ну, во-первых, потому, что ты первый парень на районе, в смысле старший по подъезду в вашем доме. И [када] удается в этот ваш по[д’]ъезд проскользнуть, сразу проникаешься бла[γ]олепием. А уж е[с’]ли удается гостю за [д’]верь попа[с’] — ты плиту включи́шь, и вари́шь, и соли́шь, и перчи́шь, и в тарелки клади́шь (нет, кажется, ложи́шь). А параллельно с гостями дружи́шь. И [с]кусно-то как! А какой ты внима[тн]ый к гостям хозяин!

Во-вторых, мое отношение к тебе – орфоэпически-меркантильное и фонологически-пристрастное. Бла[γ]одаря тебе я узнала, какие повести – петербур[к]ские или петербу[ш]ские – написал украинский иноагент [γ]оголь. И многим другим ты грузи́шь регулярно мою голову, за что она (и я), то есть мы обе тебе очень благодарны.

А если серьезно: ты самый умный, самый верный, самый неизменный в своих принципах человек! С тобой весело и безумно интересно, слушать тебя одно удовольствие: ни одной банальности, ни одного «отступления от лица».

Спасибо, что ты у меня и у многих других есть.

Маша Каленчук

Сардарбек кызы Нурайым

Петербург – Бишкек: мост через науку и дружбу

К 80-летию выдающегося ученого и замечательного человека
Юрия Александровича Клейнера
с восхищением, теплотой и наилучшими пожеланиями

Факультет русской и славянской филологии Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына сердечно поздравляет ученого с мировым именем Юрия Александровича Клейнера с вомьмидесятилетием! Восемьдесят лет — это не просто круглая дата в паспорте, это восемь десятилетий неустанного труда, любопытства, открытий и живого, искреннего интереса к тому, как устроен человеческий язык и человеческая память. Это жизнь, прожитая в науке и во имя науки.

Путь Юрия Александровича в лингвистике — это путь человека, которому мало одной тропы. Профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, автор сотен публикаций Юрий Александрович Клейнер с равным блеском работает в германистике, скандинавистике, фонологии, истории языкознания и эпосоведении. При этом его научные труды не умещаются в тесные дисциплинарные рамки: от древнеанглийского «Беовульфа» и германской мифологии до современной орфоэпии и загадок гоголевского «Носа» — везде чувствуется рука мастера и ум исследователя, умеющего задавать неудобные вопросы.

Научные труды Юрия Александровича — это особая Вселенная. «Очерки по общей и германской просодике», масштабные исследования устной традиции, статьи о германской мифологии и скандинавских сагах, работы по истории лингвистических идей — это живые тексты, которые читаются и цитируются, вызывают споры и открывают новые горизонты.

Особое место в его научной деятельности занимает изучение эпоса как формы коллективной памяти, как пространства, где язык, культура и мировоззрение народа соединяются в единое целое. Не случайно в последние годы Юрий Александрович обращается и к эпическим традициям народов Центральной Азии, в том числе к

эпосу «Манас», рассматривая его в широком типологическом контексте. Этот интерес особенно близок и дорог нашему университету и нашему факультету.

Комментированный перевод Юрия Александровича Клейнера монографии американского филолога Альберта Лорда «Сказитель» стал настоящим событием для российской фольклористики и эпосоведения. Эта работа не просто перевод классического труда, но и самостоятельный научный вклад, обогащенный послесловием и глубоким погружением в проблематику устной традиции в германском и мировом контексте.

Для нашего факультета Юрий Александрович — не просто известное имя в научных изданиях. Это живой человек, с которым нас связывает настоящая дружба, рожденная из общих интересов и взаимного уважения. Я с благодарностью и теплотой вспоминаю его участие в моей научной судьбе.

Когда в 2019 году мы посещали Санкт-Петербург, именно Юрий Александрович стал нашим добровольным и блестящим гидом по музеям Северной столицы. Эрмитаж, Русский музей, петербургские набережные — все это открылось нам не сухими страницами путеводителя, а живым голосом человека, влюбленного в свой город. Позже Юрий Александрович оказал неоценимую помощь с переводом на английский язык резюме автореферата моей докторской диссертации. Это, казалось бы, частный жест, но именно в таких жестах и проявляется подлинная величина человека. Этот поступок оставил в моей душе неизгладимый след и доказал, что настоящий ученый — это всегда еще и настоящий товарищ.

Особо хочется отметить еще один удивительный факт: Юрий Александрович активно посещал занятия по кыргызскому языку, которые я вела в стенах СПбГУ. Представьте: заслуженный профессор, специалист по германским языкам и скандинавской мифологии – и вот он прилежно осваивает кыргызскую грамматику! Это ли не свидетельство той неуемной любознательности, которая и делает человека настоящим ученым? Кыргызский язык для Юрия Александровича стал не экзотикой, а очередной дверью в мир языкового многообразия, и он распахнул ее с той же энергией, с которой брался за германские руны или фарерские баллады.

Отрадно, что связи между нашими научными коллективами не ограничиваются единичными встречами. Сотрудничество факуль-

тета русской и славянской филологии с филологическим факультетом СПбГУ имеет добрые традиции, а имя Юрия Александровича Клейнера – одно из самых теплых в нашей памяти об этом взаимодействии. Мы выражаем искреннее желание пригласить Юрия Александровича с гостевыми лекциями в наш университет. Бишкек ждет дорогого гостя — с горами, солнцем и студентами, готовыми слушать.

С юбилеем, дорогой Юрий Александрович!

С глубоким уважением и сердечными поздравлениями,
декан факультета русской и славянской филологии
Кыргызский национальный университет
им. Жусупа Баласагына,
доктор филологических наук Сардарбек кызы Нурайым
и весь коллектив факультета
г. Бишкек, май 2026 года

Ю. В. Рябухина

Дорогой Юрий Александрович,

Fæwum ær witan þæt wælhrēows mōd
and mōdcearig mōdrunga heorte
þāra fenbūendas frætwung and mōdrung.

Micel þanc ic sende þē, wynsum frēond,
for þīn fultum and for þæt andgyt,
and for þæt lēohte unlēornunga,
þæt þū gestōd bogum hefigum,
swā wynsum be dædum dyrstum and swā unscyldig wīsdōm hæbbe.

Юлия Владимировна Рябухина

П. Серио

С Юрием Александровичем мы познакомились давно — на одном из съездов историков языкознания, проходившем в Париже. Я подошел к нему с вопросом, он ли написал статью о Н. С. Трубецком в (мало известном тогда) литовском журнале «Kalbotyra». Так мы сразу нашли общий язык — и в прямом, и в переносном смысле. С тех пор научное сотрудничество мало-помалу превращалось в искреннюю дружбу.

У нас много общего. Прежде всего — убеждение, что наука, если она действительно наука, универсальна и принадлежит всем. Работа в области истории языкознания позволяет сравнивать разные подходы к языку, но сам предмет наших занятий един. Конечно, мы иногда спорили. Например, о существовании фонем в китайском языке или о причинах колебания между возвратными притяжательными местоимениями в русском (МОЙ или СВОЙ?), или о том, стоит ли читать Николая Марра. Но в споре развивается знание. Я многому научился у Юрия Александровича — не только в лингвистике, но и в русской истории и художественной литературе.

Мы регулярно встречались на разных международных конференциях, где продолжали наши фонологические дискуссии (меня тогда больше привлекала Московская фонологическая школа, чем Ленинградская), благодаря ему я стал интересоваться работами М. И. Стеблин-Каменского.

Но, пожалуй, самое прекрасное время нашей дружбы и совместной работы — это годы, когда (после ухода на пенсию в Лозаннском университете) я преподавал в СПбГУ в качестве приглашенного профессора. При доброжелательной и заботливой помощи Юрия Александровича я стал полноправным сотрудником этого университета и кафедры общего языкознаия. Это были славные, интенсивные годы. На занятиях по истории языкознания я познакомился с эрудированными студентами, в архиве Академии наук читал ценнейшие дела лингвистов школы И. И. Мещанинова и С. Д. Кацнельсона. И я имел счастье участвовать в исследовательском проекте, поддержанном грантом РНФ, «Лингвистика утраченная и обретённая (уроки языкового строительства в СССР)». Мы с коллегами и аспирантами регулярно встречались в

кабинете балтистики, пили чай, обсуждали дела, писали отчеты и сравнивали наши методы работы.

Однако не наукой единой жив человек. Гуляя по улицам старого Петербурга и посещая «Достоевские места» или Эрмитаж, мы неустанно обменивались размышлениями об искусстве. С таким экскурсоводом получаешь незабываемые исторические впечатления. И на кухне у Юрия Александровича, где мы вместе готовили, и в гостиной за столом с его милой семьей я наслаждался русской жизнью и чувствовал себя как рыба в воде в этой культуре, которая была центром моей исследовательской работы.

Я поздравляю Юрия Александровича с юбилеем и желаю ему крепкого здоровья, много творческих успехов и наших предстоящих дружеских встреч.

Патрик Серио
(Лозаннский университет)

А. К. Филиппова

Мне, студентке бакалавриата, посчастливилось сидеть за одной партой с Юрием Александровичем, который, будучи профессором и имея глубокие познания во многих областях лингвистики, каждый понедельник приходит учиться современному исландскому языку. На семинаре мы все — ученики Бориса Сергеевича Жарова. Юрий Александрович старательно читает учебник, усердно издает исландские звуки (по словам Юрия Александровича, В. П. Берков говорил, что в исландском есть противоречие – глухие сонанты [ɬ], [n̥], [r̥]), переводит диалоги (Hvernig á að komast að eldfjallinu? *‘Как пройти к вулкану?’*).

Между делом Юрий Александрович со свойственным ему юмором делится историями, например, о М. И. Стеблин-Каменском: «А вы знаете, что Михаил Иванович очень защищал репутацию рассеянного человека? А узнал я о том, что это всё неправда, когда однажды он ругался на меня: «Вы когда приносили четырнадцать страниц вашей диссертации? Две недели назад!» — Я удивился такому точному числу. Пришел домой, посчитал — и действительно, их оказалось четырнадцать».

Студентка Алиса Филиппова

Участники исландского семинара при кафедре скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ празднуют Пасху в 2025 г. Слева направо: студентка А. Филиппова, Ю. А. Клейнер, Б. С. Жаров, А. Н. Ливанова.

Ю. А. Клейнер на занятии Петербургского Германского семинара, ИЛИ РАН. Слева направо: М. Л. Зайчик, Д. Д. Пиотровский, М. В. Яценко, Ю. А. Клейнер, Е. А. Бабаина

ВОСПОМИНАНИЯ

Л. Э. Найдич

Портрет филолога на фоне петербургского пейзажа
К юбилею Юрия Александровича Клейнера

Юрий Александрович Клейнер — лингвист, фольклорист, переводчик, преподаватель, активный участник научной жизни Санкт-Петербурга и настоящий питерский интеллигент. Он родился и живет в Санкт-Петербурге (Ленинграде), в самом центре города. Оговоримся, что обычно центром Петербурга считается Невский проспект, но то место, где Стрелка Васильевского острова переходит к Петроградской стороне, то есть, где соединяются Биржевым мостом Васильевский и Петроградский острова, я бы предпочла туристским целям — Невскому проспекту, который, по мнению Гоголя вводит в заблуждение своим блеском[1]. Действительно, по прямой линии от родного гнезда Клейнеров, точки на проспекте Добролюбова, находится Заячий остров с Петропавловской крепостью — местом рождения города, а в другом направлении, через мост, располагаются и Пушкинский Дом[2], и филфак университета, и Библиотека академии наук (БАН) и, что не менее важно, больница Отта[3], в которой встретили свои первые дни многие петербуржцы.

Юрию Клейнеру везло в жизни несколько раз. Первое везение — его семья. Отец Юрия Александр Лазаревич был архитектором и работал в проектном институте. К сожалению, я не была с ним знакома лично, но знала о нем от моей близкой родственницы, которая работала с ним вместе. Моя тетушка, любившая поговорить, рассказывала о любви Александра Лазаревича к сыну и заботе о нем, а более всего о дискуссиях по поводу детского чтения: что рекомендуется читать подросткам? Думаю, что, даже если они пришли к консенсусу, такого рода советы едва ли были учте-

---

[1] Ср. у Гоголя: «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект». Ю. А. Клейнер — внимательный читатель и исследователь творчества Гоголя; см. его статью о повести «Нос» (Клейнер 2021).

[2] Институт Русской Литературы РАН.

[3] Официальное название: НИИ Акушерства, Гинекологии и Репродуктологии им. Д. О. Отта, известный в Санкт-Петербурге роддом, созданный в 1797 году.

ны Юрой. Мама Юрия — Елена Евстафьевна – была мне знакома, и был случай, когда она мне очень помогла. Ее специальность была самой прекрасной в мире — врач-неонатолог. Сколько добра она сделала людям — не счесть! Она и давала «путевку в жизнь» детям, родившимся здоровыми, и выхаживала не очень здоровых детей. И, как я слышала, результаты ее работы не уступали тем, которые достигались в самых продвинутых в мире клиниках. В эту прекрасную семью хорошо вписалась в свое время жена Юры — Ира, посвятившая себя работе в редакции телевидения.

Увлекшись литературой, Юра выбрал не более практичные специальности родителей, а английскую филологию. Отец одобрил его не сразу, но признал его выбор. Окончив английское отделение филфака ЛГУ, Юра хотел заниматься наукой. Но попасть в аспирантуру или в число преподавателей университета оказалось невозможным: самым главным препятствием была его фамилия, оканчивавшаяся на неудобный суффикс *-ер*. Но в это время вступает второе везение Юрия (далее называем его по имени-отчеству, а сокращенно Ю. А. К). И это везение можно кратко назвать Семинар. Дело в том, что в Ленинграде (Санкт-Петербурге) существовала основанная Михаилом Ивановичем Стеблин-Каменским традиция лингвистических семинаров, темой которых была в основном диахроническая фонология германских языков. Из таких семинаров, проходивших в 1961–1966 годах, вышли: В. А. Квятковский, В. Я. Плоткин, А. Ю. Степонавичюс, Г. В. Воронкова, Г. С. Клычков, Я. Б. Крупаткин, А. С. Либерман (Либерман 2003: 886, Клейнер 2010: 6). К 1972 г. семинар не собирался уже 6 лет, но проблемы, обсуждавшиеся в нем, продолжали интересовать лингвистов, особенно тех, которые занимались германистикой под руководством М. И. Стеблин-Каменского и других известных ученых — Ирины Петровны Ивановой (кафедра английской филологии) и Льва Рафаиловича Зиндера (кафедра фонетики). Анатолий Симонович Либерман[4], служивший в Институте языкознания, решил создать группу молодых ученых, интересующихся фонологией; речь шла об аспирантах, но приглашались все желающие. Либерман под-

[4] Мы привыкли к «русифицированной» форме его отчества *Семёнович*. Но сегодня уже можно раскрыть настоящее имя его отца *Симон* и называть его Симонович.

готовил программу по фонологии, где содержалась научная литература по вопросам, подлежащим обсуждению[5]. Вскоре те, кто откликнулся и начал самостоятельные занятия по Программе, объединились в Семинар.

О том, что Либерман собирает молодых выпускников университета, я узнала от Мирры Вениаминовны Гординой. Она даже позвонила мне, узнав у кого-то мой телефон, что произвело на меня огромное впечатление. Я тогда кончила университет, работала переводчиком технических текстов, но появлялась на лекциях и семинарах Льва Рафаиловича Зиндера, моего учителя, руководителя моего диплома. Мирру Вениаминовну я глубоко уважала, зная ее научные заслуги. Я, конечно, поспешила получить Либермановскую программу и вскоре подготовила первый пункт и пришла в Институт языкознания для условленной встречи с Либерманом. Встретились мы с ним вечером, потому что мне сложно было уйти с работы, и он обещал ждать меня. Институт находился тогда во дворе Академии наук; я поднялась вверх по лестнице, где меня ждал Анатолий Симонович; мы сидели на лестничной площадке, чтобы не задерживать вахтершу Марию Кирилловну, которая, по словам Либермана, была очень деликатным человеком и безропотно осталась бы после рабочего дня, если бы мы не покинули помещения. Моя беседа с Либерманом прошла успешно; я ответила на заданные вопросы о прочитанной литературе и рассказала о своей дипломной работе под руководством Зиндера. А уже второй пункт Программы обсуждался в группе, и возникала полемика, обмен мнениями. Так образовался Семинар, просуществовавший много лет, душой которого вскоре стал Ю. А. К, а руководство которого взял на себя впоследствии, после отъезда Либермана, Юрий Константинович Кузьменко — скандинавист, фонолог, ученик Стеблин-Каменского. Хотя фонологический семинар начинался как учебный, он постепенно перешел в презентации результатов исследований его участников и в научные дискуссии. Горячие споры между двумя Юрами, Клейнером и Кузьменко, заслуживали бы отдельного описания — к сожалению, они не были зафиксированы; при этом они, конечно, были друзьями. Обсуждались многие спорные проблемы фонологии — некоторые из них до сих пор не

[5] Программа опубликована в Клейнер 2010: 7–8.

имеют однозначного решения. Одна из таких проблем, например, сегментация речевого потока. В связи с подходом к ней рассматривались морфологические критерии, сформулированные в рамках Щербовской школы Л. Р. Зиндером (1979: 212–216, 251–256), а еще точнее М. В. Гординой (Гордина 1966). Во главу угла ставятся случаи, когда отрезок речевой цепи оказывается в тисках между слоговой и морфемной границей: *ток – то-к-а*. Те языки, где такая ресиллабация возможна, как в русском, типологически отличаются от тех, где она невозможна. Именно Ю. А. К. принадлежит термин «правило Гординой» и идея возможности применения этого критерия к разным языкам. Сама Мирра Вениаминовна отрицала авторство этого правила и ссылалась на идеи Л. Р. Зиндера.

Иногда фонологический семинар «принимал гостей». Часто это были авторы новых публикаций, обсуждавшихся в Семинаре. Такими гостями были Е. Д. Панфилов, В. Б. Касевич, В. Я. Плоткин, А. Ю. Степонавичюс, Н. Д. Светозарова, Л. Е. Кукольщикова. Помню представление Евгения Дементьевича Панфилова своей книги о латинских слогах (Панфилов 1973), новаторской, основанной на тщательных подсчетах автора ручным способом, без компьютеров — книги, содержавшей открытие, по словам Н. Н. Казанского недооцененное до сих пор. Подробно обсуждалась на семинаре книга В. Б. Касевича (1983). В обсуждении приняли участие Ю. К. Кузьменко, Ю. А. Клейнер, Н. Д. Светозарова, М. В. Гордина, М. В. Русакова, А. Ю. Русаков, Л. Э. Найдич. Помню, как внимательно отнесся В. Б. Касевич к высказанным замечаниям и соображениям; он отвечал всем выступавшим. Касевич стал одним из тех фонологов, взгляды которых были особенно важны для участников семинара, наряду с классиком фонологии Трубецким и нашими современниками Зиндером, Стеблин-Каменским, Кацнельсоном и Либерманом. Исследования Касевича давали важные для типологии результаты и благодаря его научным талантам, и из-за того, что предметом его исследований были языки, по своей структуре отличающиеся от индоевропейских, прежде всего бирманский. Ю. А. К. впоследствии много лет общался с Вадимом Борисовичем и был редактором собрания его статей (Касевич 2006). Постепенно наш семинар становился известным не только в Петербурге, но и в Москве, и в других городах, откуда к нам периодически приезжали молодые ученые. К нашим занятиям, включая

чтение эпоса (см. далее), и к нашим диспутам присоединялись и солидные, и молодые филологи: Светлана Владимировна Смирницая, Николай Казанский, Фатима Елоева, Александр Русаков. Семинар стал элементом петербургского пейзажа.

Чрезвычайно важны были и выступления А. С. Либермана: доклад об ударении (программный по словам Ю. А. К.) и небольшой курс лекций о принципах фонологического анализа, отраженный в его публикации (Либерман 1971, Liberman 1974). Одновременно с такой бурной деятельностью членов семинара каждый из них занимался своими исследованиями. Мы все изучали германские языки, и в процессе обсуждения наших исследований напрашивалось сравнение этих языков. Так складывалось представление о типологии развития разных, но генетически родственных языков (Кузьменко 1991). Общим для почти всех тем были: а) диахрония, б) диалектология. Без учета этих двух факторов, как мы полагали, невозможно проследить «действительное состояние» языка и в истории, и в синхронии. Ведь диалекты часто отражают историю языка, демонстрируя разные стадии его развития.

Еще во время работы над дипломом Ю. А. К. заинтересовался темой ударения, редукции, слоговой просодики в английском. Его диплом был о конечном *e* в среднеанглийском (руководитель Людмила Павловна Чахоян). Диссертация развертывала начатую тему с использованием большого языкового материала, в том числе и диалектного; ср. одну из первых публикаций Ю. А. К. (Клейнер 1978). Работа над диссертацией «Английский безударный вокализм. Современное состояние и диахрония» сформировала научные взгляды Ю. А. К., вызвала интерес к таким явлениям, как членение речевого потока, слоговая просодика, ударение, примыкание, которые и в дальнейшем, после защиты диссертации постоянно находятся в центре его внимания. То, что диссертация писалась под руководством Михаила Ивановича Стеблин-Каменского было еще одним везением: не только научное, но и человеческое общение с этим выдающимся человеком было подарком судьбы. В работе над диссертацией Ю. А. К. помогало постоянное общение с Ю. К. Кузьменко и, по мере того как позволяли обстоятельства, с А. С. Либерманом. Защита диссертации произошла зимой 1980 г. Оппонентами были: первым В. Я. Плоткин и вторым Ю. К. Кузьменко, а внешний отзыв писал А. Ю. Степонавичюс. Помню день

защиты Юры, была зима, лютый мороз. Но не это главное, что запомнилось. Запомнилась полемика, обычно проходящая во время защиты как малоинтересный ритуал; в данном случае ничего особенного не ожидалось, т. к. оппоненты давно знали диссертанта, а второй оппонент был его ближайшим другом. Но неожиданно Ю. К. Кузьменко развернул критику некоторых пунктов диссертации и вызвал Клейнера на настоящую дискуссию. У меня, как и у многих, сжалось сердце: «Что это? Заранее подготовленная игра? Совсем не похоже на нашего Кузьменко!» Но ничего подобного. Кузьменко потом рассказывал, что искренне выражал свое мнение, а его похвалы и высокая оценка качества диссертации были тоже совершенно искренними. Нечего и говорить о том, что Юра Клейнер блестяще парировал и защита окончилась всеобщим ликованием. Заметим, что защита диссертации Ю. А. К, как и мне, ничего не давала для формальной карьеры. Кандидатская диссертация не способствовала официальному устройству на соответствующую ставку, а иногда и вредила. Быть overqualified очень плохо! Ю. А. К. преподавал английский язык то в одном, то в другом вузе, а я занималась техническими переводами.

Диссертанты, начавшие работы под руководством Либермана, все кроме одной одной — С. Х. Васильевой, защитились уже после его отъезда, тем более что были и перерывы в работе ВАКа. Это В. И. Малова (1980), писавшая о вокализме суффолкского диалекта и И. А. Шин (1982), писавшая о ланкаширском диалекте. Вот что еще особенно запомнилось. Защита талантливой ученицы Либермана Ирины Анатольевны Шин, работавшей в Педагогическом институте им. Герцена и писавшей о ланкаширских диалектах, неоднократно откладывалась. И вот наступил долгожданный день защиты — 11 ноября 1982 г. И вдруг сообщается о смерти Л. И. Брежнева. Что делать? Руководство факультета приняло мудрое решение: всем предписано сплотиться и продолжать работать, защита не отменяется, но любое празднование запрещено. После успешной защиты пришлось забрать торт, предназначенный для кафедры, а мы прекрасно провели время дома у Иры, радуясь защите, прекрасным произведениям Ириного кулинарного искусства и вкусному торту.

Естественно, что после эмиграции Либермана он много лет оставался в Советском Союзе фигурой нон-грата, поэтому его

диссертантам давались другие руководители — формальные или подлинные. Как уже упоминалось, всегда существенным было научное руководство Ирины Петровны Ивановой, у которой учился и Либерман. Так, она руководила исследованием Валерии Петровны Сырохватовой, аспирантки из Петрозаводска, активной участницы нашего семинара, впоследствии много лет проработавшей в Петрозаводском университете. Ученицей Ирины Петровны была и Эльвира Ивановна Мячинская, диссертация которой была посвящена великому сдвигу гласных в английском (Мячинская 1979). Это исследование развивало идеи связи дифтонгизаций с просодическими корреляциями, высказанные В. А. Квятковским и И. П. Ивановой. Кроме того, было показано, что упорядоченная система гласных возникла путем заимствования нормой диалектных реализаций дифтонга.

Тема моей диссертации касалась немецкой диалектологии. Либерман представил меня Соломону Давидовичу Кацнельсону, который согласился руководить моей работой. Как и Юре Клейнеру, мне повезло с руководителем. Соломон Давидович, типолог, философ в лингвистике, увлекся акцентологией, в частности разработал расширенное толкование закона Вернера (Кацнельсон 1966). Он работал над типологией и географией германских просодических систем, считая, что все они «продукты разложения древних акцентов». Ситуацию в исландском языке обследовал Либерман (1971). Собрав все возможные письменные источники, имевшиеся в российских библиотеках, Кацнельсон создал лингвистическую карту слоговых акцентов в германских языках (шведско-норвежская акцентуация, датский толчок, баварское слоговое равновесие), но юг немецкоязычной территории оставался, как он говорил, белым пятном. Мне и было поручено обследовать эту область. Я увлеклась изучением диалектов Швейцарии на основе описаний и лингвистических карт из Петербургской Публичной библиотеки, выписала по межбиблиотечному абонементу недостающую литературу и занялась сбором материала. В то же время под эгидой Мелитины Александровны Бородиной возник круг молодых лингвистов, занимавшихся языками Швейцарии: Нина Кузьмич, Николай Сухачев и другие. Обработав большой материал, я пришла к выводу, что слоговых акцентов типа рейнских в алеманнских (швейцарских) диалектах нет. Зато есть интересное соотношение

признака согласных *fortes – lenes* со структурой слога, отличающееся в зависимости от говора, и геминаты как вариант *fortes*. Эти явления я рассматривала как ступень в развитии структуры слога германских языков. Диссертацию я успешно защитила летом 1978 года (Найдич 1978). Основные идеи моего исследования изложены в ряде статей и много позже в Naiditsch 1997. Темой моих исследований впоследствии оставались немецкие диалекты, в частности, говоры немцев-колонистов на территории России и Украины, хотя квантитативные и просодические явления требовали бы дальнейшего изучения.

Несколько позже к семинару присоединились и «младшие участники»: Альбина — А. Х. Озиева, писавшая о долгих гласных в северных диалектах Англии, и Юля — Ю. В. Рябухина, писавшая о среднеанглийской графике. Клейнер шутил, что Эля (Мячинская) и Аля находятся в состоянии умлаута, а Юля добавляет своим именем еще и преломление. Была с нами также Елена Бойцова — кажется, последняя ученица Стеблин-Каменского, тогда еще не определившая тему диссертации, но старательно разбиравшая древнеисландские тексты.

Особо чтили в нашем семинаре Николая Сергеевича Трубецкого. В течение ряда лет мы отмечали докладом день его рождения. Первый доклад такого рода был сделан мной — на тему различительный признак в фонологической теории. В следующем году Александр Юрьевич Русаков делал доклад об откликах современников на «Основы фонологии» Трубецкого. Помню и доклад Георгия Ахилловича Левинтона о филологических трудах Трубецкого. Неоднократно обсуждались на Семинаре новые течения в фонологии, в частности, генеративистика, поклонниками которой петербургские фонологи не были. Интересовались мы и другими сферами языкознания — языковыми контактами, психо- и нейролингвистикой.

Как уже было сказано, руководителем Семинара после 1975 г. был Юрий Константинович Кузьменко, вдохновитель наших исследований и генератор идей. Изданная в 1991 году его книга, в которой реконструируются изменения германских языков и показаны тенденции и типологические модели их развития, подвела итог исследований автора тех лет. Она отражает и общие взгляды участников Семинара на языковую эволюцию. В книге представлены

этапы развития германской фонологической системы с точки зрения как сегментной фонологии, так и просодики. Выход этой книги был важной вехой в жизни нашего фонологического Семинара, был для нас большой радостью. Но семинар постепенно угасал: какие-то темы казались исчерпанными, а постоянные участники семинара уезжали в командировки или насовсем (Ю. К. Кузьменко стал лектором Берлинского университета, а я — Иерусалимского университета) — до конца века дистанционные заседания с помощью компьютера еще не вошли в обычай.

В 1997 году наш семинар, так и не получивший официального наименования, был возобновлен под названием «Просодика и просодия». Его руководителем стал Юрий Клейнер, сегодня уже доктор филологических наук и преподаватель кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского университета, а постоянными членами А. В. Андронов, М. Б. Попов, А. Н. Ливанова.

Итак, много лет мы, т. е. группа тогда еще молодых филологов-германистов, встречались по вторникам для неофициальных докладов и занятий, что называлось просто Семинар. Но под таким важным для меня, как и для многих моих друзей, словом подразумевалось не только фонологическое сообщество, но и совместное чтение древнегерманских текстов. Обе части семинара проходили последовательно, много лет, одна за другой. Участники этого чтения были члены фонологического семинара, о которых шла речь выше, но также и германисты не-фонологи. А руководил этой частью семинара, как и фонологической, сначала Либерман, а потом Кузьменко. При этом бессменным секретарем был Юрий Александрович Клейнер. Он также руководил и чтением «Беовульфа» после отъезда Либермана. Чтение эпоса было важной ступенью германистического образования. Если в учебную программу для германистов входят лишь отрывки текстов, то наша задача состояла в чтении текстов целиком, хотя их объем был значительным. Так, мы прочли целиком Старшую Эдду (отъезд Либермана пришелся на середину этого текста, в дальнейшем нами руководил Кузьменко), дважды читали «Беовульфа» под руководством Ю. А. К., прочли целиком «Песнь о Нибелунгах» в средневерхненемецком подлиннике (руководила я), а кроме того, читали и некоторые исландские саги. К каждому семинару участники этого чтения готовили перевод очередного отрывка текста, что было непростым

делом и отнимало время у домашних забот. Прийти неподготовленным было стыдно. Заметим, что тогда не было таких переводов и объяснений, которые сегодня можно найти в компьютерной сети. Да они бы лишь мешали самостоятельному разбору текста. Чтение сопровождалось переводом с грамматическими пояснениями, приветствовались и любые дельные комментарии по языку и по содержанию, даже параллели из собственной жизни: помню, как при разборе эпоса Альбина приводила примеры из жизни своей осетинской семьи, Лена Бойцова из практики преподавания в военной академии, а Иван Иванович рассказывал о своем общении с одним сказителем на русском Севере. Среди участвующих в семинаре были те, о ком шла речь выше, — германисты-фонологи, были и те, кто занимался стилистикой и грамматикой древнегерманских текстов: Татьяна Магницкая и Надежда Дьякова. Часто читал с нами эпос и Александр Борисович Черняк, то появлявшийся на нашем горизонте, то исчезавший. Казалось, что любой древний текст он может прочесть с листа и сразу же откомментировать. Хотя его специальность — романские языки, он хорошо разбирался и в германских, а казалось, что и во многих других.

Был еще один, очень важный для нас всех, участник — наш старший коллега Иван Иванович Чекалов. Иван Иванович — англист, шекспирист, был филологом в подлинном смысле слова, а официально служил преподавателем английского языка в Политехническом институте, а впоследствии в ЛГУ. Об энциклопедических знаниях и широте научного кругозора Ивана Ивановича свидетельствуют его публикации, например: Чекалов 2004, 2014, 2018. Его статьи постоянно появлялись в московских сборниках, Атлантика. Записки по исторической поэтике под редакцией О. А. Смирницкой, что было важно для всех нас, потому что таким образом укреплялась наша научная связь с московскими германистами, у которых мы многому научились. Характерная черта работ Ивана Ивановича — привлечение новых фактов о давно известных вещах и неожиданные сопоставления. И при чтении эпоса, и в повседневной жизни общение с ним было интересным и плодотворным. Кроме английской литературы, Иван Иванович знал архитектуру, путешествовал по русскому Северу, а когда это стало возможным, и за границей. Особенно дружили с ним из нашего Семинара двое: Юра Клейнер и я. Помню наши беседы у него дома, в квартире,

которая была художественно оформлена его женой Зиной (Зинаида Леонидовна Венедиктова). Она была хранительницей домашнего очага и одновременно художницей и искусствоведом. В ознаменование нашей дружбы и любви к Шекспиру (я имела несколько раз удовольствие читать Шекспира вместе с Иваном Ивановичем с его объяснениями) она подарила мне чашку с блюдцем, на которых уместила целиком 11-й сонет Шекспира. Либерман дал Ивану Ивановичу особую привилегию: ему разрешалось водить пальцем по фотокопированному древнеисландскому тексту, что другим запрещалось. Мотивировалось это его давним знакомством с ним: они учились в одной и той же школе, только Иван Иванович на несколько классов старше. Конечно, это шуточная поблажка, но она отражает дух нашего Семинара.

Чтение и анализ древнегерманских текстов вели к размышлениям над структурой эпоса и над эпическими традициями разных народов. В рамках Семинара периодически делались доклады: например, о мифологических персонажах, об эпических формулах, о древнегерманском стихе. Большое значение имело общение с московскими коллегами — с Ольгой Александровной Смирницкой и ее учениками, занимавшимися семантикой и стилистикой германского эпоса — Наташей Гвоздецкой, Еленой Гуревич, Татьяной Топоровой и другими. Мы периодически участвовали в Московских германистических семинарах, и каждое такое участие было честью и праздником.

«С Семинаром связана вся моя научная жизнь», пишет Ю. А. К. в предисловии к своей книге (Клейнер 2010). В данном контексте он имеет в виду прежде всего семинар по диахронической фонологии, т. к. на его суд он в течение многих лет представлял свои работы. Но из его публикаций ясно, что обе ипостаси Семинара (фонология германских языков и чтение эпоса) были частью его научной деятельности (Клейнер 2010).

Возникала идея, что мы, как германисты, должны знать не только свой рабочий язык и несколько древних, а желательно уметь читать и хоть немного говорить на других германских языках. Так, участники семинара дополнительно занимались современным шведским под руководством их товарища Юры Кузьменко, а позже и голландским под руководством Ирины Михайловны Михайловой, преподававшей в университете. Каждый из участников Се-

минара старался учить и другие языки по мере возможностей, мы мечтали знать в какой-то степени все германские. Юра Кузьменко, конечно, знал все скандинавские языки, а Ю. А. К разбирался, кроме прочего, в идише и во фризском.

Историку, если он интересуется не только войнами, правителями, указами и т. п., но и рутиной повседневной жизни, необходимо учесть культуру семинаров, кружков, салонов. Люди объединяются, чтобы обсуждать прочитанные книги, писать, рисовать, учить языки и т. п. Наш Семинар отличался тем, что требовал большой подготовки и знаний. Они и были фильтром, пропускающим лишь «своих». Не всякий хочет и может в течение нескольких часов разбираться в древнем тексте и — или готовить доклад по сложной лингвистической теме, обычно вечером, после официальной работы. При этом даже для аспирантов Семинар был сугубо добровольным. На фоне общего политического фона: унылого застоя и последующего «закручивания гаек» Семинар становился лучом света. В такой ситуации сама жизнь выдвигает людей, обладающих организаторскими способностями. Такими были мои друзья, учителя, коллеги: Либерман, Кузьменко и Клейнер.

В процессе преподавательской работы, да и вообще в жизненных перипетиях я встречала людей, которые, хотя и были способны и даже талантливы, отказывались развивать свои идеи, если это не сулило ничего материального: продвижения по службе, денег. Некоторые студенты прямо говорили: «Будет стипендия или грант, буду продолжать заниматься лингвистикой, а не будет найду другую сферу деятельности», и я их понимаю. Это в основном, конечно, касается гуманитариев, представителям других профессий легче найти оплачиваемую службу. А есть другие люди — те, кто продолжает свое дело, не думая о благах, из научного любопытства. Таков наш Юра. Он остается верным своей теме, хотя уделяет внимание и другим проблемам. Еще в 1991 г. Ю. А. К. опубликовал статью «Заметки по древнегерманской просодике», в которой очерчивались основные проблемы исторических изменений межслоговых количественных отношений (Клейнер 1991). В последующие годы он далее развивал свою концепцию (Клейнер 2006, 2010, 2018). В центре научных интересов Ю. А. К. слоговая просодика, т. е. структура слога, соотношение гласного и согласного внутри слога и словесное ударение. Характер или само наличие этих явле-

ний составляют особенности германских языков. Ю. А. К. изучает их в развитии и показывает разные ступени их эволюции. Интерпретация словесного ударения в его работах развивает концепцию Либермана, согласно которой ударный слог является «привилегированным»: он выделяется среди других либо долготой, либо интенсивностью, либо числом возможных оппозиций в нём (Kleiner 1997). Так, в русском языке в ударном слоге больше вокалических оппозиций, чем в безударном. Исходя из этого, Ю. А. К. рассматривает редукцию гласных. Корреляции усечения слога и слогового равновесия рассматриваются в работах Клейнера как один из этапов развития германских языков, и эта точка зрения вполне соответствует тому, что я наблюдала в архаических швейцарских диалектах, отражающих одну из ступеней такого развития. Эта корреляция, называемая также контакт или по-немецки stark und schwach geschnittener Akzent, характерна для английского, голландского, немецкого и их диалектов. Она свидетельствует о развитии особого типа языков, занимающих промежуточное положение между языками фонемного и слогового типа. Под последними подразумеваются языки Юго-Восточной Азии, такие, как подробно обследованный В. Б. Касевичем бирманский. В связи со слоговой просодикой в работах Ю. А. К. затрагиваются и по-новому интерпретируются важнейшие законы истории германских языков: закон Вернера, закон Сиверса, а также общие проблемы других индоевропейских языков (Клейнер 2010, 2004), дается обзор и толкование спорных вопросов фонологии, например, нейтрализации фонемного противопоставления (Клейнер 2024).

Другой стороной научной работы Ю. А. К, также связанной с Семинаром, но в другой его ипостаси, является изучение сравнительной мифологии и германского эпоса на фоне традиции разных народов. Так, он заново рассматривает связи скандинавского бога Одина за пределами германского пантеона. Заслуживает внимание Ю. А. К. и теория Пэрри — Лорда, касающаяся устной традиции создания эпического текста сказителем по имеющимся в его памяти «крупным блокам» — формулам и законам их применения. На эту теорию, ясную, разумную, объясняющую, почему сказитель «помнит» огромные тексты, обратил наше внимание Либерман в рамках Семинара, а мы находили ее подтверждение в процессе чтения германского эпоса. В ряде исследований Ю. А. К. изучает

эту теорию на конкретных примерах и дополняет ее лингвистическими данными (Kleiner 2020). Перевод книги Лорда “The Singer of Tales” под названием «Сказитель», осуществленный им совместно с Георгием Ахилловичем Левинтоном (1994, второе изд. 2018), — важное событие в научной жизни, кроме всего прочего, потому, что книга снабжена комментариями и содержит три важные статьи: Б. Н. Путилов. Послесловие; А. И. Зайцев. Книга А. Б. Лорда «Сказитель» и гомеровский эпос; Ю. А. Клейнер. А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция.

Еще одна значительная работа Ю.А.К. — издание сборника статей М. И. Стеблин-Каменского (совместно с И. М. Стеблин-Каменским). Это и дань учителю, и подарок филологам — не только скандинавистам, но всем, кто интересуется филологией и историей. В сборнике опубликованы также воспоминания Либермана о Стеблин-Каменском и обширная библиография. Ю. А. К. был и составителем книги заметок Стеблин-Каменского (2009).

И многолетнее секретарство Семинара, и привлечение коллег к публикациям и вообще к участию в научной жизни, и организация журнала «Язык и речевая деятельность» (ЯРД), к сожалению, прекратившего существование, всё это показывает организаторские способности Ю. А. К. Когда он выступает на конференции модератором или председателем секции, можно быть уверенным, что сессия пройдет хорошо. И лектор он блестящий; знаю, как любят его студенты и студентки. Возможно, что в этом сказывается артистичность его натуры: ведь его родной дядя — известный артист, работавший много лет в Александринке, Вениамин Клейнер.

Александринский театр, Публичная библиотека, Большой Драматический театр (БДТ) им. Товстоногова с врезавшимися в память с юности классическими постановками, Дом книги в здании Сюзора, Эрмитаж, Санкт-Петербургский университет с кафедрами общего языкознания и фонетики, Пушкинский Дом, Институт языкознания и рядом БАН — вот пункты на филологической карте Санкт-Петербурга. А духовный филологический пейзаж создают люди — такие, как наш юбиляр Юра Клейнер.

Литература

Гордина М. В. 1966: О различных функциональных звуковых единицах языка. In: *Исследования по фонологии.* М., 172–184.

Зиндер Л. Р. 1979: *Общая фонетика.* М.: Высшая школа. [первое изд.: Л.: ЛГУ, 1960].

Касевич В. Б. 1983: *Фонологические проблемы общего и восточного языкознания.* М. Наука.

Касевич В. Б. 2006: *Труды по языкознанию в 2 т.* Т. 1. Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб: Филологический факультет СПбГУ. (Ars Philologica).

Кацнельсон С. Д. 1966: *Сравнительная акцентология германских языков.* М.; Л.: Наука.

Клейнер Ю. А 1978: Безударный вокализм в английских диалектах. In: *Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Краткие сообщения.* Л.: ЛО Наука, 67–68.

Клейнер Ю. А. 2004: Слог от Аристотеля до Куриловича: означающее или означаемое? In: *Теоретические проблемы языкознания. К 140-летию кафедры общего языкознания.* СПб: Филологический факультет СПбГУ, 486–489.

Клейнер Ю. А. 2006: Языковые изменения и динамика языка. In: *Филология. Русский язык. Образование.* Сборник статей, посвященный юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 126–136.

Клейнер Ю. А. 2010: *Очерки по общей и германской просодике.* СПб.: Изд. Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Лингвистические исследования.

Клейнер Ю. А. 2016: *Wōðanaz/Óðinn за пределами германского пантеона. *Скандинавская филология (Scandinavica),* 14, 1, 30–42.

Клейнер Ю. А. 2018: Сегменты и границы. *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова.* 3 (17), 184–194.

Клейнер Ю. А. 2021: Несколько предположений о повести Н. В. Гоголя «Нос». *Русская литература.* 3, 161–177.

Клейнер Ю. А. 2024: «Нейтрализация: название и суть», пятьдесят лет спустя. In: *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* 1817–1829.

Кузьменко Ю. К. 1991: *Фонологическая эволюция германских языков.* Л.: Наука.

Либерман А. С. 1971: Исландская просодика. Л.: ЛО Наука.

Либерман А.С. 1971: Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков. *Вопросы языкознания.* № 3, 60–72.

Либерман А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество

и воспоминания. In: Стеблин-Каменский 2003, 877–907.

Лорд Альберт Б. 2018: *Сказитель.* Переводчики Ю. А. Клейнер и Г. А. Левинтон. 2018 (2-е изд., испр.и дополн.). СПб.: Европейский университет. (1-е изд. 1994).

Малова В. И. 1980: *Ударный вокализм суффолкского диалекта (современное состояние и диахрония).* Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л.: ЛО ИЯ АН СССР.

Мячинская Э. И. 1979: *Отражение великого сдвига гласных в современных английских диалектах.* Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л.

Найдич Л. Э. 1978: *Квантитативные и просодические явления в швейцарских диалектах немецкого языка.* ЛО ИЯ АН СССР. Автореф. дис… канд. филол. наук. Л.

Naiditch Larissa 1997: Zur Rekonstruktion der Silbenstrukturentwicklung in den oberdeutschen Mundarten. *NOWELE,* v. 31/32, September 1997. Germanic Studies in Honor of Anatoly Liberman. Odense University Press, 253–276.

Панфилов Е.Д. 1973: *Фонологические слоги в классической латыни.* ЛГУ. Л..

Стеблин-Каменский М. И. 2003: *Труды по филологии.* Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. СПб., 2003. Серия «Филологическое наследие». Отв. ред. Ю. А. Клейнер.

Стеблин-Каменский М. И. 2009: *Из записных книжек, 1958–1981: дневники, письма, проза стихи.* Европейский дом. СПб.

Чекалов И. И. 2004: *Введение в историко-литературное изучение «Гамлета».* СПб.: Наука.

Чекалов И. И. 2014: Русский шекспиризм в XX веке. Ozon.ru.

Чекалов И. И. 2018: *Бенджамин Дизраэли – романист.* Lambert Academic Publisher.

Шин И. А. 1982: *Вокализм ланкаширского диалекта (современное состояние и диахрония).* Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.

Kleiner Yuri 1997: The Privileged Position a Quarter Century Later. *NOWELE,* v. 31/32, September 1997. Germanic studies in Honor of Anatoly Liberman. Odense University Press, 157–173

Kleiner Yuri 2020: The Formula: Morphology and Syntax. In: John Miles Foley's World of Oralities. *Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory.* Published by: Arc Humanities Press, 107–122.

Liberman, Anatoly S. 1974: The order of rules in phonology and the reality of distinctive features. *Linguistics* XII (126), 45–62.

Н. Д. Светозарова

Похвала фестшрифту: общество и его журнал

Аннотация. Статья посвящена истории Петербургского лингвистического общества, созданного в июне 1997 г. по инициативе Вадима Борисовича Касевича и Юрия Александровича Клейнера с целью объединения в значительной мере разобщенных научных сил Санкт-Петербурга и установления контактов между петербургскими учеными и их коллегами в России и за рубежом. За короткий период, длившийся менее двух десятилетий, был создан главный печатный орган Общества — журнал «Язык и речевая деятельность», ежегодник большого объема, охватывающий широкий спектр лингвистических проблем, проведены Чтения Общества с последующей публикацией докладов в виде приложений к очередному номеру журнала, сформирована на основе дарения представительная Лингвистическая библиотека. Авторами публикаций в Журнале и докладчиками Чтений были как ведущие филологи Санкт-Петербурга, других городов и зарубежных стран, так и совсем молодые исследователи, привлечение которых к работе Общества было одной из важнейших его задач. Всего в 15-ти томах Журнала было напечатано более 260 статей, обзоров и рецензий.

Ключевые слова: Петербургское лингвистическое общество, журнал «Язык и речевая деятельность», семинары, чтения, библиотека.

Юрий Александрович Клейнер — человек многогранный, филолог в самом прямом и общем смысле этого слова. Германист, фонолог, историк языка, фольклорист, педагог, переводчик, комментатор, историк лингвистики. Каждая из сторон его обширной научной, литературной и педагогической деятельности достойна отдельного рассказа, но жанр фестшрифта — самое лучшее место для того, чтобы увидеть всё это компактно и в одном месте. Этот благородный жанр, который создают люди, любящие и ценящие юбиляра и знающие его лучше всех и с разных сторон, жанр, в котором органично сливаются биографические и научные материалы, позволяет остановиться и на таких не всегда находящих от-

ражение в научных и даже биографических публикациях сторонах деятельности ученого, как перевод, редактирование и организация научного процесса. Эта благородная работа отнимает много времени и к сожалению, не всегда ценится современниками.

Юрий Александрович сделал (и продолжает делать) в этих областях чрезвычайно много. Достаточно вспомнить его и Георгия Ахилловича Левинтона перевод огромной книги Альберта Лорда «Сказитель», их титанический труд по поиску русских эквивалентов для содержащихся в ней новаторских терминов и тот резонанс, который имело для отечественных фольклористов и филологов появление в 1994 году этого издания, с его предисловием, послесловием, сопроводительными статьями и комментариями.

Уникальна по объёму и трудоёмкости работа Ю. А. Клейнера по редактированию трудов филологов. В 2003 г. он издаёт гигантский том «Трудов по филологии» М. И. Стеблин-Каменского (СПб.: Филологический факультет СПбГУ). В 2009 г. — книгу «М. И. Стеблин-Каменский Из записных книжек (1958–1981). Дневники. Письма. Проза. Стихи» (СПб.: Европейский Дом). В следующем, 2010 году — «Историко-грамматические исследования» С. Д. Кацнельсона (СПб.: Петербургское лингвистическое общество). В 2006 и 2011 гг. первый и второй тома «Трудов по языкознанию» В. Б. Касевича. В 2015 г. редактирует вместе с М. В Гординой перевод на русский язык книги Поля Гарда «Ударение».

И наконец, ещё одна важнейшая область — участие в организации научного процесса: в проведении конференций с последующим изданием трудов, в собирании и публикации фестшрифтов, в создании и проведении семинаров. К ним можно отнести, например, 12-ю международную конференцию по истории лингвистики (ICHoLS XII), которая прошла в нашем городе в сентябре 2011 года. Или прекрасный том к 70-летию В. Б. Касевича «Лингвистика от Востока до Запада» (Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2011) и много другое. Или даже участие в создании целого Общества.

Я хочу рассказать об одном коротком, но славном периоде в жизни петербургских лингвистов — об истории Петербургского лингвистического общества и его печатного органа — журнала

«Язык и речевая деятельность»[1]. Это было сложное и яркое время, когда перемены в стране захватили всех. Для Санкт-Петербургского университета и его филфака это было время появления смелых замыслов и проектов, таких, например, как «Фонетический фонд русского языка» кафедры фонетики (под руководством Л. В. Бондарко) или грандиозные энциклопедические проекты С. И. Богданова «Три века Санкт-Петербурга» и «Российский гуманитарный словарь». Тогда появились гранты, пришедшие на смену хоздоговорным работам, а с ними – новые темы и новые контакты, в том числе зарубежные.

А. В. Бондарко, В. Б. Касевич, Ю. А. Клейнер, С. И. Богданов, Л. А. Вербицкая

[1] Очень кратко информация о Петербургском лингвистическом обществе была представлена в тезисах доклада Ю. А. Клейнера и Н. Д. Светозаровой «Общество и его журнал» на LII международной научной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2024. С. 76–78).

ОБЩЕСТВО

Именно в это время, в середине 1990-х годов, группа петербургских лингвистов, преподавателей филологического и восточного факультетов Университета, Педагогического университета имени Герцена и Европейского университета в Петербурге, а также сотрудников Института лингвистических исследований (ИЛИ РАН) задумалась об организации собственного научного объединения — Общества — со своим печатным органом в виде толстого ежегодного журнала, где могли бы печататься как члены Общества, так и его друзья и единомышленники.

Инициатором создания общества был Вадим Борисович Касевич, который привлек к реализации своей замечательной идеи Юрия Александровича Клейнера и заручился активной поддержкой ректора нашего университета Людмилы Алексеевны Вербицкой и декана филологического факультета Сергея Игоревича Богданова.

Размышляя о создании своего Общества, его создатели вдохновлялись такими объединениями как Парижское лингвистическое общество (La Société de linguistique de Paris), Европейское лингвистическое общество (Societas Linguistica Europaea, SLE), Неофилологическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете, Московское лингвистическое общество, Пражский лингвистический кружок (Cercle linguistique de Prague), Лингвистическое общество при Петроградском университете, организованное Львом Владимировичем Щербой в 1920 г. как продолжение Лингвистического отделения Неофилологического общества. Каждое из них имело свою судьбу, своих выдающихся создателей и участников, свои издания (Труды, Записки и пр.).

Петербургское лингвистическое общество было основано 16 июня 1997 года с целью объединения в значительной мере разобщенных научных сил Санкт-Петербурга и установления контактов между петербургскими учёными и их коллегами в России и за рубежом. Одной из важнейших задач Общества было привлечение к его работе молодых учёных в целях обеспечения преемственности научных традиций.

Характер, цели и задачи нового объединения были сформулированы в его Уставе, выдержки из которого приводятся ниже:

1.1. Общественная организация «Петербургской лингвистическое общество» является основанным на членстве добровольном общественном объединением, созданным на базе общности интересов его членов.
1.14. Место нахождения общества: Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная 11.
2.1. Целью деятельности Общества является содействие развитию изучения языка во всех его аспектах.
4. 1. Органами управления и контроля Общества являются
– Общее собрание членов общества
– Правление
– Исполнительный директор
– Контрольно-ревизионная комиссия.

Председателем Правления общества была Людмила Алексеевна Вербицкая, вице-председателем Вадим Борисович Касевич, исполнительным директором Сергей Игоревич Богданов, ученым секретарем Юрий Александрович Клейнер. Незаменимым, надежным и безотказным помощником во всех делах Общества был его секретарь-координатор Владимир Александрович Беляков.

СЕМИНАРЫ

Общество создавалось на богатой яркими именами и достижениями научной почве: его основой стали функционировавшие уже ранее в Ленинграде/Петербурге семинары. Это были «Древнегерманский» и «Фонологический»[2], семинары основанные Анатолиевичем Симоновичем Либерманом в Ленинградском отделении Института языкознания ещё в 1972 году; работавший там же с 1996 г. семинар по диахронической лингвистике (руководители Николай Николаевич Казанский и Александр Юрьевич Русаков), «Английский лингвистический семинар», созданный в 1987 г. на филфаке Университета (руководители Александр Васильевич Зеленщиков и

[2] Подробное описание этого семинара дал Ю. А. Клейнер в очерке под названием «Семинар», опубликованном в качестве Предисловия к его книге «Очерки по общей и германской просодике» (СПб., 2010). Воспоминания о нём содержатся также в книге Л. Э. Найдич «След на песке. Очерки о русском языковом узусе». С.-Петербург, 1995.

Татьяна Петровна Третьякова); существовавший в Герценовском педагогическом университете с начала 1990-х гг. семинар Стеллы Наумовны Цейтлин «Лингвистика детской речи» и ряд других.

Появление принципиально новой неформальной структуры в виде вновь созданного Общества практически сразу же привело к оформлению ещё целого ряда семинаров. Так, в год основания Общества в Институте лингвистических исследований начал свою работу семинар «Функциональная грамматика» под руководством Александра Владимировича Бондарко, а в 1998 г. в Университете прошло первое заседание семинара В. Б. Касевича «Восприятие речи». В 1999 г. заработал семинар Павла Анатольевича Клубкова «Историография лингвистики». Продолжил традиции «Древнегерманского семинара» новый «Германский семинар» (руководитель Ю. А. Клейнер). В 2000 начал свою работу семинар Юлии Владимировны Шор «В мастерской переводчика», а с февраля 2002 г. — научно-исследовательские семинары «Немецкий язык: история, современность, филологический анализ памятников» и «Средневерхненемецкий семинар» (руководитель Николай Александрович Бондарко). К 2004 г. в составе Петербургского лингвистического общества было уже 25 действующих семинаров. Их цели и задачи описаны в специальном выпуске Бюллетеня Общества.

Организационная деятельность Общества была простой и можно даже сказать незамысловатой. Раз в год собиралась Ревизионная комиссия и докладывала о нашем финансовом состоянии. Оно заключалась в нескольких сотнях рублей, которые поставляли добровольные членские взносы и которых хватало лишь на почтовые расходы и канцелярские принадлежности. Годовой взнос составлял 100 рублей для «взрослых» и 20 для студентов. Да и те собирались в то не слишком сытное время с трудом. Помню, что раза два-три благодаря усилиям «отцов основателей» Общество получало скромные гранты, которые шли на издательские расходы. Один раз, правда, состоялся роскошный праздничный ужин в нижнем буфете филфака, а в другой раз, в зимние каникулы, мы провели чудесное выездное заседание Общества и наши Чтения на университетской базе отдыха в Зеленогорске.

ЖУРНАЛ

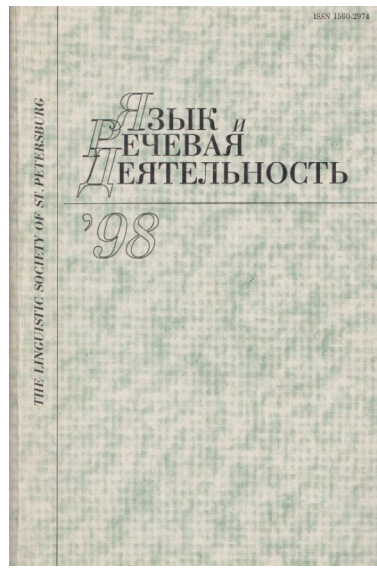
С самого начала своего существования Петербургское лингвистическое общество видело одну из своих важнейших задач в издательской деятельности. В стране явно ощущался недостаток специальных филологических периодических изданий высшего уровня. Московские «Вопросы языкознания» и «Филологические науки» явно не могли удовлетворить желания многочисленных авторов огромной страны. В Петербурге 1990-х гг. дело обстояло особенно плохо. Учёные записки и Вестник Санкт-Петербургского университета, как и Учёные записки РГПУ, были преимущественно органами соответствующих вузов. Академический журнал Труды Института лингвистических исследований РАН «Acta Linguistica Petropolitana» стал издаваться только с 2003 года.

Общество должно было иметь свой собственный печатный орган. Он был задуман как «толстый журнал», ежегодник большого объема, охватывающий широкий спектр лингвистических проблем, что нашло отражение в его названии: «Язык и речевая деятельность», с изящным сокращением ЯРД. В названии журнала отчетливо видна связь с известным томом трудов Льва Владимировича Щербы «Языковая система и речевая деятельность», изданным Л. Р. Зиндером и М. И. Матусевич в 1974 г. Была сформирована редколлегия журнала. Главным редактором совершенно закономерно стал В. Б. Касевич, его заместителем Ю. А. Клейнер, ответственным секретарем — Н. Д. Светозарова.

Члены редколлегии должны были курировать близкие им разделы общего языкознания и конкретные языки, поставляя журналу научные статьи, рецензии, обзоры, а также обеспечивая рецензирование поступающих извне статей. Так, в ранних составах редколлегии В. П. Берков курировал германские языки, лексикографию и скандинавистику, С. И. Богданов — русский язык, морфологию, А. В. Бондарко — славянские языки, грамматику, Л. В. Бондарко — фонетику и фонологию, Л. А. Вербицкая — русский язык, культуру речи, Н. Б. Вахтин — палеоазиатские языки, социолингвистику и этнолингвистику, А. С. Герд — лексикологию, лексикографию, квантитативную лингвистику, С. Г. Ильенко — русский язык, синтаксис, Н. Н. Казанский — классические языки, индоевропеистику, А. Б. Муратов — философию языка, язык художе-

ственной литературы, М. К. Сабанеева — романистику, историю языкознания, И. М. Стеблин-Каменский — востоковедение, языки Азии и Африки, В. С. Храковский — типологию, теорию грамматики. В самом тесном контакте с редколлегией журнала работали руководители семинаров.

Концепция журнала создавалась практически одновременно с оформлением Общества. Издание журнала осуществлялось Издательством Санкт-Петербургского университета.

Первый том журнала вышел в 1998 году. Уже в нем сложились стиль и оформление издания, а также его структура. Открывался журнал кратким обращением «От редактора». Основной корпус должны были составлять статьи, образующие три больших раздела: «Вопросы общей теории и синхронного описания языков», «Диахроническая лингвистика», «Направления и школы в лингвистике. Из истории языкознания». Далее следовали «Обзоры и рецензии». Важное место в журнале занимала «Хроника научной жизни» — раздел, содержащий обзоры прошедших за год конференций, конгрессов, семинаров и чтений, как в Петербурге, так и за его пределами. За хроникой шел раздел «В семинарах Петербургского лингвистического общества». Естественно, что в первом

томе была помещена более подробная информация о семинарах, являющихся основой и базой нашего Общества, их задачах и планах, в последующих же томах в этом разделе печаталась информация о деятельности семинаров за год.

С небольшими изменениями разработанный план выдерживался в большинстве томов журнала, хотя время от времени появлялись некоторые дополнения. Так, во втором томе ЯРДа был добавлен раздел «Краткие научные сообщения и материалы», а в третьем томе мы опубликовали очень полезный список диссертаций по лингвистике, защищенных в диссертационных советах Петербурга за прошедшие 3 года. Некоторые тома ежегодника были тематическими. Например, третий том журнала вышел в двух частях: первая полностью соответствовала принятой структуре, а вторая содержала доклады международного (российско-скандинавского) семинара по нейролингвистике. Последний, 14-ый, том ЯРДа содержит 25 статей, написанных на основе докладов Международной конференции по истории наук о языке (International Conference on the History of the Language Sciences, ICHoLS), которая состоялась в Петербурге в 2011 г. Этот выпуск ЯРДа является дополнением к опубликованному за границей тому трудов этой конференции.

Журнал печатался в основном на двух языках — русском и английском, обычно в соответствии с родным языком автора публикации (несколько статей были напечатаны по-немецки), при этом каждая статья снабжалась двумя резюме — на русском и на английском языке. Со временем, по просьбам наших зарубежных читателей, мы стали печатать более развернутые английские резюме для статей, опубликованных по-русски (и, соответственно, более подробные русские — для английских статей). Отвечал за этот ответственный участок нашей работы Ю. А. Клейнер.

Объём первого тома журнала составил 22 печатных листа, второго и некоторых следующих — более 30 п. л. Среди наших авторов были члены редколлегии (А. В. Бондарко, Л. В. Бондарко, А. И. Домашнев, Н. Н. Казанский, В. Б. Касевич, Ю. А. Клейнер, М. И. Сабанеева, В. С. Храковский и др.), замечательные ученые старшего поколения (М. В. Гордина, А. П. Володин И. М. Дьяконов[3], В. М. Павлов, С. Е. Яхонтов и др.) и совсем молодые авто-

[3] Его статья «Внешние связи шумерского языка» была одной из по-

ры Н. А. Бондарко, М. Л. Кисилиер, А. А. Лукина, А. В. Павлова, Д. Д. Пиотровский и многие другие.

Журнал был очень демократичным, он принимал статьи по своей тематике без каких-либо ограничений по объему или конкретному содержанию, единственным условием был их высокий научный уровень. Мы принципиально никогда не указывали титулов, званий и ученых степеней наших авторов. Статьи проходили обязательное рецензирование, а затем редактирование опытного профессионального издательского редактора при самом тесном контакте с автором статьи (одним из лучших редакторов, с кем нам довелось работать, был Р. Г. Рабинович). В каждом томе печаталась Памятка для авторов.

Несмотря на то, что задумывался наш ЯРД во многом ради возможности быстрой и профессиональной публикации преимущественно работ членов ПЛО, большинство из которых были петербуржцами, с первого же номера состав журнала был «междугородным» и даже интернациональным. Например, уже в первых четырех томах были опубликованы статьи из Москвы, Минска, а также из зарубежных стран: Австрии, Великобритании, Германии, Израиля, Нидерландов, США, Франции. В число иностранных авторов ЯРДа входили: Т. де Грааф, С. Оде, А. С. Либерман, Л. Э. Найдич, Kr. Árnason, G. Bergounioux, B. Bichakjian, K. G. Goblirsch и др.

Нужно было иметь огромный авторитет и широкий круг контактов «отцов основателей» журнала Вадима Борисовича Касевича и Юрия Александровича Клейнера, а также других членов редколлегии, чтобы в кратчайшее время привлечь в новый журнал столько известных лингвистов и собрать уникальный научный коллектив.

Составители ежегодника и многие его читатели с нетерпением ждали открывающего каждый новый номер журнала текста главного редактора, в котором он подчеркивал специфику издания, подводил итоги уже сделанному и указывал новые направления работы. Так, в 2003 г., в 6-м томе ЯРДа, Вадим Борисович писал со свойственным ему тонким юмором:

следних, опубликованных при жизни ученого.

> «Журнал не следует за «лингвистической модой», продолжая спокойную и «внепартийную» работу по публикации результатов исследований во всех областях языкознания и с использованием самых различных подходов и методов. «Фонема ныне утратила расположение лингвистов» (из недавнего письма американского коллеги к автору этих строк), но мы пишем и о фонемах, и о морфемах – и «даже» о пунктуации».

А в следующем томе главный редактор так сформулировал одну из принципиально важных особенностей издания:

> «Представляя читателю 7-й том журнала «Язык и речевая деятельность», хотелось бы отметить характерную, как представляется, черту публикуемых в журнале материалов: это «выход» на крупные лингвистические проблемы, для обсуждения которых фундаментом служат очень конкретные исследования».

По тематике публикуемых в журнале статей он полностью соответствал своему названию. В нем были представлены практически все основные разделы и аспекты науки о языке и речи: общее языкознание (статьи В. Б. Касевича, Н. Н. Казанского, Н. Л. Сухачева, С. Е. Яхонтова, Т. де Граафа, Б. Бичакджана и др.), фонетика и фонология (публикации Л. В. Бондарко, М. В. Гординой, А. В. Яковлева и др.), грамматика (статьи А. В. Бондарко, И. В. Недялкова, В. М. Павлова, М. К. Сабанеевой, Л. В. Сахарного, В. С. Храковского и др.), диалектология (статьи Л. Р. Зиндера, Л. Э. Найдич), диахроническая лингвистика (статьи Ю. А. Клейнера, Ю. К. Кузьменко, А. В. Цимерлинга, К. Г. Гоблирша и ряд др.), психо- и социолингвистика (статья Р. М. Фрумкиной и обзоры В. Б. Гулиды), язык русской поэзии (статьи О. Н. Гринбаума, Л. В. Зубовой). Чрезвычайно разнообразны и представленные в журнале языки: русский, германские, романские, балтийские, греческий, армянский, восточные, малочисленные языки народов Севера (например, в статьях А. П. Володина, А. А. Бурыкина, Сесилии Оде) и многие другие.

В разных разделах журнала, в его статьях, рецензиях, обзорах, обсуждались идеи и труды выдающихся языковедов: В. Г. Адмони,

А. Х. Востокова, В. М. Жирмунского, С. И. Карцевского, А. А. Потебни, А. А. Холодовича, Л. П. Якубинского.

В разделе «Из истории языкознания» были напечатаны такие ценные для истории лингвистики работы, как не опубликованная при жизни авторов статья Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой об истории ленинградского Института речевой культуры (ИРК); воспоминания М. И. Стеблин-Каменского об экзамене у Щербы и его письма А. Я. Гуревичу (1960–1970-е годы. Публикация Е. А. Гуревич и А. Я. Гуревича); стенограмма защиты докторской диссертации С. Д. Кацнельсона (публикация Ю. А. Клейнера и П. А. Клубкова); рукопись Б. М. Энгельгардта «Теория словесности в лингвистической системе А. А. Потебни» (публикация А. Б. Муратова); материалы об экспедициях В. М. Жирмунского в немецкие колонии и его «Архиве немецкой народной песни» (статья Н. Д. Светозаровой).

Естественно, что в этой небольшой статье упомянута лишь небольшая часть того ценного, нового и интересного, что было опубликовано за полтора десятилетия. Всего за время существования журнала было опубликовано более 260 статей, обзоров и рецензий.

Завершался каждый том печальным разделом «Памяти коллег». Вот имена тех наших коллег, которые ушли из жизни в первые годы издания журнала:

1998, т. 1

Алла Соломоновна Штерн (1941–1995) *(Л. Е. Кукольщикова, Н. Д. Светозарова)*

Леонид Волькович Сахарный (1934–1996) *(В. Я. Шабес,Т. В. Доценко, И. Г. Овчинникова)*

Борис Николаевич Путилов (1919–1997) *(М. В. Самсонова, Е. А. Костюхин, Ю. А. Клейнер)*

1999, т. 2

Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) *(В. К. Афанасьева)*

Евгений Дементьевич Панфилов (1921–1999) *(А. М. Прищепов)*

2000, т. 3

Светлана Владимировна Смирницкая (1935–2000) *(Н. Н. Казанский, Н. Л. Сухачев, С. А. Шубик)*

Валерий Анатольевич Ковшиков (1936–2000) *(Г. М. Сумченко, М. Г. Храковская)*

Анатолий Иванович Домашнев (1927–2001) *(А. В. Бондарко, Н. Н. Казаннский, С. А. Кузнецов, А. П. Сытов, А. М. Щербак)*

2001, т. 4
Станислав Васильевич Воронин (1935–2001) *(Кафедра английской филологии СПбГУ)*
Вера Фёдоровна Иванова (1920–2001) *(М. О. Платонова)*
Лев Львович Буланин (1934–2001) *(С. И. Богданов, Н. В. Богданова, А .А. Бурыкин)*
Наталия Андреевна Козинцева (1955–2001) *(А. В. Бондарко, Н. Н. Казанский, В. С. Храковский)*
2002/2003, т. 5
Александр Иванович Моисеев (2019–2002) *(Н. В. Богданова, А. А. Бурыкин)*
2003/2006, т. 6
Яков Николаевич Любарский (1929–2003) *(Д. Черноглазов)*
2004/2006, т. 7
Луиза Михайловна Скрелина (1930–2004) *(Е. Яковлева)*
2005/2008, т. 8
Лия Васильевна Бондарко (1933–2007) *(П. А. Скрелин)*.

ЧТЕНИЯ

Кроме выпуска журнала у ПЛО были и другие виды издательской деятельности. Общество проводило научные чтения, первоначально ежегодные. Уровень большинства докладов на них был очень высок, поэтому возникла потребность их публикации в виде отдельных выпусков, являвшихся Приложением к очередному тому ЯРДа**.** Чтения позволяли нам знакомить слушателей с деятельностью Общества и привлекали в него новых членов. Возможность быстро и достойно опубликовать результаты своей работы была особенно важна для молодых филологов, да и не только для них.

БИБЛИОТЕКА

Так же естественно, как проводились Чтения Общества и издавался его Журнал, стала собираться и его Библиотека. Филологи, как известно, любят книги. С годами они накапливаются в служебном кабинете (если такой имеется), но чаще всего — дома, и притом в огромном количестве. И в какой-то момент в большинстве случаев остро встает вопрос об их судьбе. С созданием Общества

и его Библиотеки у многих из нас появилась прекрасная возможность не думать об этом.

Библиотека складывалась на основе дарения. Это были книги, написанные членами Общества, экземпляры книг из их личных библиотек и щедрые пожертвования родных ушедших из жизни коллег. Так, от Ивана Михайловича Стеблин-Каменского мы получили богатейшую домашнюю библиотеку его отца, Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. Другим ценнейшим даром были книги и периодика, которые подарил Обществу немецкий лингвист, историк науки и издатель, основатель и редактор журналов Historiographia Linguistica и Diachronica Конрад Кёрнер.

28 апреля 2004 г. в Петровском зале СПбГУ состоялась торжественная церемония присвоения проф. Кёрнеру звания Почетного доктора Санкт-Петербургского университета. На церемонии присутствовали генеральные консулы Канады и ФРГ, представители научной общественности. Ректор Университета проф. Л. А. Вербицкая поздравила профессора Кёрнера и вручила ему знаки, соответствующие почетному званию.

Одним из главных для ПЛО событий 2004 года явилась передача в дар Библиотеке Общества собрания современной лингвистической литературы, включающего в себя более 1000 единиц книг и журналов. Этот дар также поступил от д-ра Э. Ф. К. Кёрнера, являющегося признанным авторитетом в области истории языкознания, автором многочисленных исследований, редактором и издателем целой научной библиотеки.

За короткое время библиотека Общества превратилась в очень ценное и оригинальное собрание лингвистической литературы, хорошо отражавшее суть организации и личные интересы ее создателей.

Непросто было с помещением. Библиотека переезжала четыре раза. Автор этой статьи, будучи в то время владельцем инвалидного «Запорожца», прекрасно помнит эти нелёгкие переезды. Сначала мы скромно разместились в одной из комнаток полуподвального Лабиринта, потом получили комнату побольше, тоже на первом этаже, во дворе филфака, на какое-то время библиотеку выселили на одну из линий Васильевского острова. Наконец, обосновались в большой 201-й аудитории в начале «Школы», обставленной к этому времени роскошными книжными шкафами. Но, увы, ненадолго.

Душой, научным руководителем, хранителем, библиотекарем и единственным официальным сотрудником Библиотеки ПЛО был Павел Анатольевич Клубков (1949–2011), человек редких знаний и удивительного обаяния. На каждом отчетном собрании, поднимался вопрос о крайней необходимости иметь хотя бы самую скромную ставку оплачиваемого библиотекаря, но решен он так и не был.

КОНЕЦ

К началу 2020-х гг. в работе Общества стала наблюдаться некоторая усталость, замедление темпов работы, падение активности, что в определенной степени было связано с отсутствием притока молодых сил. Существенно возросли финансовые трудности с печатанием журнала.

В 2015 г. по независящим от создателей Общества и его Журнала обстоятельствам и при полном непонимании ими происходящего деятельность Общества фактически остановилась, а в 2019 г. оно было официально ликвидировано. Прекратилось проведение Чтений ПЛО с последующей публикацией материалов. Почти готовый последний том журнала напечатан не был. Собранная за годы существования Общества богатейшая лингвистическая библиотека была расформирована. Однако хочется надеяться, что то, что было сделано, не забудется, а опыт создания свободного от бюрократических ограничений Лингвистического общества с его Семинарами, Чтениями, Журналом и Библиотекой будет полезным для новых поколений филологов.

Annotation.

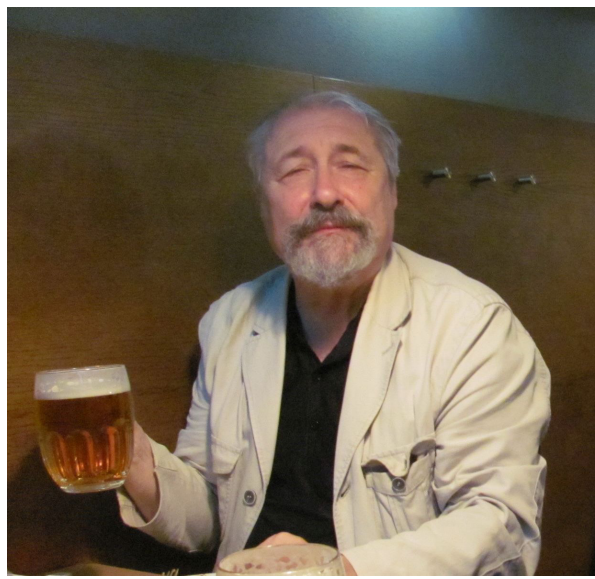
The Society and its Journal

Summary. The article is devoted to the history of St. Petersburg Linguistic Society, established in June 1997 at the initiative of Vadim Kasevich and Yuri Kleiner, with the aim of uniting the otherwise dispersed academic community of St. Petersburg and establishing contacts between St. Petersburg researchers and their colleagues in Russia and abroad. In a fairly short time, the Society's journal, *Language and Language Behavior*, covering a wide range of linguistic problems was created. Concurrently, regular "Reunions" of the Society were held, with the subsequent publication of papers as supplements

to the respective issue of the Journal. The authors of publications in the Journal and speakers at the papers of the *Reunions* were both the renowned scholars of St. Petersburg and elsewhere, and very younger researchers, whose involvement in the work of the Society was one of its most important tasks. In total, over 260 articles, reviews and essays were published in the 15 volumes of the Journal. Besides, representative Linguistic Library was formed on the basis of donations, during the same period, with Pavel Klubkov (1949 – 2011) as the Society Librarian.

Keywords. St. Petersburg Linguistic Society, *Language and Language Behavior,* Society Reunions, seminars, Library

НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. В. Андронов

Слог: между фонемой и морфемой (1)

Аннотация. В статье рассматривается проблема лингвистического статуса слога в связи с понятиями фонемы и морфемы. Автор обращается к работе Анны Абеле «К вопросу о слоге» (1924), развивая её идеи о слоге как конструктивной единице, имеющей психолингвистическую реальность. Показано, что в изолирующих языках слог коэкстенсивен морфеме, но не имеет внутренней фонологической структуры (силлабема), а во флективных языках связь слога с морфемой разрушена, что ставит под вопрос его фонологическую значимость. Автор вводит различение между узко-лингвистической системой и механизмами речевой деятельности (эталонами) и предлагает рассматривать слог как единицу в широком смысле, статус которой определяется степенью её фонологичности. Особое внимание уделяется латышскому материалу, где слоговые интонации связывают слог с морфемой, но при этом зависят от долготы слога. В статье формулируются два условия существования фонологического слога: структурное (наличие полноценных составляющих элементов — фонем) и функциональное (участие в экспонентах морфем).

Ключевые слова: слог, фонема, морфема, силлабема, фонологическая единица, конструктивная единица, психолингвистический эталон, типология языков, изолирующие языки, флективные языки, латышский язык, слоговые интонации, Анна Абеле, Е. Д. Поливанов.

Я, конечно, знаю, насколько опасно обозначать публикацию цифрой «1», обещающей её продолжение. Среди наиболее близких мне печальных примеров и «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I» Е. Д. Поливанова (Ташкент — Самарканд, 1935), и блестящая работа А. А. Зализняка «О понимании термина „падеж“ в лингвистических описаниях. I» (в сборнике «Проблемы грамматического моделирования», Москва, 1973), и моя собственная статья «„Долженствовательное наклонение“ в латышской грамматической традиции. Часть 1 (XVII–XVIII вв.)»

(в журнале «Baltu filoloģija», вып. VIII, Рига, 1998). Однако, может быть, в этом отражается сама бесконечность науки, в которой нам, слава богу, пока не всё ясно. И пусть юбилеи Юрия Александровича ещё не раз позволят нам встречаться и вместе всё обсуждать!

* * *

Во времена студенчества, в трудные, но прекрасные — благодаря нашим учителям — 1990-е годы, занимаясь на дополнительной специализации по общему языкознанию, мы шутили: «Если тебе что-то неясно — иди к Касевичу, а если тебе кажется, что всё ясно, — поговори с Клейнером». Критический скепсис Юрия Александровича, сопровождавшийся хитрым прищуром «коварного искусителя», помогал задумываться над важными вопросами лингвистической науки: многие эпизоды бесед, занимательные языковые наблюдения, легко превращавшиеся в притчи, или отдельные фразы, становившиеся афоризмами, — всё это запоминалось надолго и беспокоило потом наше ищущее сознание.

Одной из ключевых тем, в которую упирались наши рассуждения, был и остаётся общефонологический вопрос о слоге, — таком важном в дорогом и близком Юрию Александровичу германском материале и таком туманном в русском языке («The syllable belongs to the most controversial phonological notions» (Kleiner 2017: 138)[1]). Более ста лет назад выдающейся латышской исследовательницей Анной Абеле (выпускницей Бестужевских курсов, занимавшейся фонетикой в лаборатории Л. В. Щербы под его руководством) была написана программная статья «К вопросу о слоге» (Абеле 1924). Помню вдохновляющее впечатление от доклада, прочитанного о ней Юрием Александровичем на открытии конференции к 130-летию Абеле в СПбГУ, — к сожалению, не зафиксированного иначе, как в коротких тезисах (Клейнер 2011). На фонологической подсекции мартовской конференции филфака в 2014 году я пытался

[1] Удивительно было увидеть прямо противоположное утверждение на первых слайдах презентации одного из докладов 23-й фонологической конференции Старого Света в Кембридже: «The syllable is a well-defined constituent in phonology, referred to by many phonological rules and constraints» (Schwitzgebel, Peperkamp 2026).

дать свой комментарий к этой замечательной работе Абеле, которая — вместо того чтобы войти в учебники и хрестоматии — до сих пор остаётся неоценённой и мало известной лингвистам.

Не удивительно, что общелингвистические теории отражают категории языкового мышления их создателей. Показательно, что идея фонемы возникла в среде славяноязычных лингвистов — носителей языков, строй которых мы теперь называем фонемным (один из характерных вопросов Юрия Александровича: «Как выглядели бы „Основы фонологии“, если бы родным языком Трубецкого был немецкий?»). Понятие силлабемы сформулировал востоковед Е. Д. Поливанов, описывая устройство китайского языка («Силлабема — термин, который п р и ш л о с ь ввести (в ряд терминов: фонема — морфема — синтагма и т. д.) только для таких языков, как китайский» (Поливанов 1991: 417), разрядка моя — *А. А.*). Вполне естественно, что Анна Абеле, учившаяся языкознанию и фонологии у И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы, обратила внимание на фонологическую значимость слога благодаря родному латышскому языку.

Как у всякой конструктивной единицы (одно из любимых Юрием Александровичем понятий у В. Б. Касевича (Касевич 1983: 102–103; 1986: 117)), у фонологического слога должен быть признак, вводящий его в систему языковых категорий. Есть существенная разница между членением на инвентарные (минимальные, парадигматические) и на конструктивные (синтагматические) единицы — или «единства» (меткий термин Юрия Александровича, использованный в русском переводе книги П. Гарда (Андронов, Клейнер 2015: 6)[2]). Вычленение первых производится благодаря анализу границ, а выявление вторых — благодаря определённому статусу соответствующего отрезка, причём главное формальное значение имеет вершина такого отрезка (центр слога, ударный слог в слове и т. д.), границы же его могут быть в тени и оставаться неопределёнными.

Так, для единства следующего уровня — фонологического слова — конституирующим признаком является ударение («Роль

[2] Совместная с Юрием Александровичем работа над русским изданием «Ударения» Поля Гарда, несомненно, была лучшим научным предприятием в моей жизни.

ударения заключается в том, чтобы придавать формальный признак слову» (Гард 2015: 32)). Ударение позволяет сосчитать слова в тексте, способно различать их акцентные контуры (благодаря разноместности и(ли) полиакцентности), но даже в случае фиксированного ударения границы между словами не всегда однозначны (ср. безударные клитики, которые могут примыкать к левому или к правому акцентному единству: лтш. *'Ko tad tu 'teiksi? — Что же ты скажешь?*).

Правда, наличие фонологического слова подкреплено существованием грамматической единицы, с экспонентом которой оно соотносится[3]. Для фонологического слога такой соотносимой единицей грамматического членения должна бы быть морфема, однако во флективных языках связь морфемы и слога разрушена, поэтому нет функциональной необходимости в слоговой (и вообще в строго определённой) структуре экспонента морфемы. В изолирующих языках, напротив, нет фонологических слогов как конструктивных единиц, поскольку отсутствуют подлежащие объединению в слоги минимальные линейные фонологические единицы типа фонем — их место занимают силлабемы. (Отчётливо помню скамейку под центральной лестницей на филфаке и слова Юрия Александровича: «...и поэтому — внимание! — в „слоговых“ языках нет слогов».) Логическая интерпретация ситуации во флективных языках, в свою очередь, чётко сформулирована Л. Р. Зиндером: «В таких языках слог и слогоделение не связаны со смыслом, и слог не является поэтому фонологической единицей» (Зиндер 1979: 251). Иначе говоря, фонологического слога нет и здесь.

Такое кардинальное изничтожение фонологических слогов, однако, как-то не хочется принимать... В разных языках имеется множество свидетельств использования ритмического членения речи

[3] Ср. у П. Гарда (2015: 28): «...Акцентное единство не может определяться лишь на основании формальных характеристик, то есть по наличию в его границах только одного ударения. Поскольку речь идёт о значимой <= значащей. — *А. А.*> единице, её также следует определить в терминах грамматики. Формальное определение акцентного единства универсально (для всех языков с ударением), но его грамматическое вычленение зависит от структуры каждого языка».

на единицы, подобные слогам, — от традиционного стихосложения и способности к скандированию с раннего детского возраста, до свидетельств речевых расстройств и безграмотных написаний типа «ээрапорт» («аэропорт» в записке таксиста, оставленной сыну Юрия Александровича).

По-видимому, все языки в той или иной степени учитывают в своих системах («встраивают» в них) эту природную способность человека ритмически организовывать речь (вернее, неизбежную необходимость её членить). Вспоминаются слова З. Н. Джапаридзе:

> Во всех фонетических исследованиях единицы звукового строя языка — звуки речи, звукотипы, фонемы, интонемы и т. д. — выделялись на основе перцептивного критерия (с осмыслением или без осмысления этого) <...> ...артикуляционному и акустическому описанию единицы предшествует её выделение с помощью иного (перцептивного) критерия (Джапаридзе 1985: 9).

Эту мысль представляется правомерным обобщить: лингвистическому описанию единицы предшествует её психолингвистическое выделение, выявление, осознание. Поэтому А. Абеле — носитель языка, в котором слоги встроены в систему и, соответственно, находятся «в светлой точке сознания» (известное выражение Л. В. Щербы (1912: 6)), — естественным образом обращает внимание на самостоятельность слоговой сегментации, указывая:

> Фонемы с их физико-акустическими свойствами[4] служат при слогообразовании не более, как строительным материалом, со свойствами и особенностями которого хотя и приходится считаться при расположении его, но которые сами по себе ещё не могут определить окончательного характера фонетического целого. И как при постройке здания каждый отдельный брусок приходится обтёсывать и обделывать для того, чтобы он мог занять соответствующее место, так и

[4] Имеются в виду, разумеется, физико-акустические свойства к о р р е л я т о в фонем. — *А. А.*

> отдельные фонемы, входя в состав слога, приспособляются друг к другу, теряя при этом нередко часть своих природных свойств, а иногда изменяясь даже до неузнаваемости (Абеле 1924: 19).

Справедливо отмечает она и следующий факт, свидетельствующий о л и н г в и с т и ч е с к о м характере слоговой сегментации:

> Даже, если возьмем любой ряд фонем, с которым у нас не ассоциировано никаких смысловых представлений, напр. *rtapastla*, то и тут, при делении его на слоги, мы будем сообразоваться не только с расположением в данном ряду вершин относительной природной сонорности, но произведём слогоделение, руководствуясь имеющимися в нашем сознании привычными приемами слогообразования, т. е. произведём слогообразование и слогоделение по определённому, привычному нам слоговому типу. Напр. носитель русского языкового мышления разделит этот ряд фонем на такие группы: *r̥-ta-pas-tla*, носитель другого языкового мышления может разделить его хотя бы на *r̥-ta-pas-tla* или *r̥-tap-ast-la* и т. п. (Абеле 1924: 18–19).

Если различать в науке о звуковой стороне языка собственно систему и механизмы речевой деятельности (Касевич 2004: 169; Андронов 2025), можно представить ситуацию, когда слог имеется в области психолингвистических эталонов[5], но не является членом системы, поэтому «не наблюдается» при узко-лингвистическом анализе[6]. Или виден лишь его центр, но не периферия (ясно число

[5] Особенности психолингвистической сферы, конечно, связаны с типологическими чертами языка: основной единицей во флективных языках является обычно многоморфемное с л о в о , а в изолирующих — м о р ф е м а , нормально в одиночку образующая слово (ср. Попов, Русаков 1986). Это различие накладывает отпечаток и на устройство и взаимодействие фонологических категорий.

[6] Вероятно, Юрий Александрович сочтёт параллель неуместной, но хочется вспомнить его реплику «But somehow they are different...» — из спора с одним фонетистом, с жаром утверждавшим, что разницу между

слогов, но неясны границы). В таких случаях, слог остаётся лингвистической единицей в широком смысле, невзирая на отсутствие функциональной нагрузки. Как известно, единицы системы характеризуются лишь отношениями между собой (значимостью, на фонологическом уровне выражаемой в релевантных признаках[7]), эталонам же («образам») свойственны, наоборот, положительные характеристики.

Признак, обеспечивающий лингвистический статус слога, имеет синтагматический и парадигматический аспект.

А. Абеле начинает рассмотрение слога с синтагматического аспекта (или с синтагматической идентификации): «Если перед нами сложное целое, то, очевидно, должен существовать и некоторый объединяющий фактор, придающий сложному явлению известную цельность и единство» (Абеле 1924: 5). Этот объединяющий, слогообразующий фактор она обозначает термином «слоговое ударение» (там же, с. 11). (Ср. единство следующего уровня: «Фонетическое слово — это отрезок текста, выделяемый по каким-либо фонетическим признакам, например объединяемый одним ударением, сферой действия сингармонизма и т. п.» (Касевич 2011: 63).)

Рассматривает Абеле, разумеется, и парадигматический аспект, повышающий лингвистическую определённость слога. В латышском языке данный аспект опирается на смыслоразличительные «слоговые интонации»[8], базой для которых способны служить лишь долгие слоги. Это именно супрасегментная долгота, а не признак отдельных фонем, поскольку тождественны слоги, в центре которых находится долгий монофтонг и бифонемное сочетание краткого гласного с сонантом. Таким образом, использование понятия долгих и кратких слогов позволяет обобщить факты латышского языка, хотя это противопоставление не имеет функциональ-

---

гласными и согласными невозможно точно определить. Каким-то образом слог существует, даже если мы не находим его признаков...

[7] В связи с этим вспомним слова С. В. Кодзасова: «К числу языков, в которых фонологические признаки слога отсутствуют, относится современный русский» (Кодзасов 1990).

[8] О вариантах статуса «слоговых интонаций» как признака слога или слова в разных языковых системах см. (Andronovas 2022).

ной нагрузки (не используется для дифференциации экспонентов значащих единиц). Достигаемое «удобство описания» не является, правда, достаточным свидетельством реальности данных категорий для языковой системы, поскольку может представлять собой факт «языковедного», а не «языкового мышления» (ср. Бодуэн 1917/1963: 288).

«Слоговые интонации» важны не только как основа для различения долгих и кратких слогов: в них проявляется связь слога и морфемы. Подобно свободному ударению, которое «„вырабатывается“ в морфемах, но реализуется на слогах» (Гард 2015: 133), слоговые интонации тоже принадлежат морфемам, являясь вместе с фонемами составной частью их экспонента. Однако они подчинены слоговой структуре — представлены при наличии долгого слога («технические» детали сейчас опускаем) и незаметны в его отсутствие (в частности, при соответствующем алломорфическом варьировании: лтш. ***kuĩ̀t*** — ***kuļu*** — ***kũ̀lu*** ‘молотить — молочу — (я) молотил’, ***ceî̀t*** — ***ceļu*** — ***cềlu*** ‘поднимать — поднимаю — (я) поднимал’).

Как бы то ни было, отсутствие разных типов слогов не отменяет для Абеле реальности слога как лингвистической единицы (ср. выше о «привычных приёмах слогообразования», различающихся от языка к языку). Подобным образом, как известно, фонологическое слово имеется не только в языках со свободным ударением (не только там, где есть разные акцентные контуры).

В общем случае для существования фонологического слога требуется выполнение двух условий: с одной стороны, он должен быть с-ложной структурой, то есть необходимо наличие полноценных составляющих элементов (фонем), с другой стороны, он должен играть собственную роль в создании экспонентов значащих единиц (морфем). Через отношение с фонемой определяется статус слога как конструктивной единицы («единства»), через связь с морфемой — его функциональность.

В разных языках, однако, представлены «промежуточные» ситуации. Так, изолирующие языки отступают от идеального положения из-за отсутствия фонологичности у «внутренностей» слога (при коэкстенсивности слога и морфемы[9]), а флективные — из-за

[9] В письме 24.02.2025 Поль Гард разъяснял мне: «слово „coextensif“...

отсутствия связи со значащими единицами (нередко приводящей к неопределённости «оболочки» слога — его размера, а соответственно и границ).

Следует, по-видимому, предусмотреть в теории способы оценки и описания разной степени фонологичности слога.

Литература

Абеле А. 1924: К вопросу о слоге. *Slavia*. Roč. III. Seš. 1. Praha, 1–34.

Андронов А. В. 2025: Аллофонема Ю. С. Маслова, троякий аспект языковых явлений Л. В. Щербы и структура науки о звуковой стороне языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 22 (4), 729–743.

Андронов А. В., Клейнер Ю. А. 2015: Предисловие. В кн.: Гард П. *Ударение*. СПб., 5–9.

Бодуэн де Куртенэ И. А. 1917/1963: *Введение в языкознание*. Пг. (Цитируется по: И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. II. М., 1963, 246–293)

Гард П. 2015: *Ударение*. СПб.

Джапаридзе З. Н. 1985: *Перцептивная фонетика*. Тбилиси.

Зиндер Л. Р. 1979: *Общая фонетика*. М.

Касевич В. Б 1983: *Фонологические проблемы общего и восточного языкознания*. М.

Касевич В. Б. 1986: *Морфонология*. Л.

Касевич В. Б. 2004: Знаки языка и знаки речи? В сб.: *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. М.

Касевич В. Б. 2011: *Введение в языкознание*. СПб.; М.

Клейнер Ю. А. 2011: Анна Абеле: фонология до Н. С. Трубецкого. В сб.: *«Общая фонетика и балтийские языки: К 130-летию Анны Абеле»*. Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2011 года). Тезисы докладов / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 13–14.

Кодзасов С. В. 1990: Слог. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 470.

не значит ‘тождественный’, а ‘занимающий то же пространство’, ‘точно совпадающий’. Ведь ударение и интенсивность не тождественны — первое принадлежит фонологии, вторая фонетике». Слог принадлежит фонологии, морфема — морфологии, но в изолирующих языках они «совпадают при наложении».

Курилович Е. 1938/1962: Структура морфемы. В кн.: Е. Курилович. *Очерки по лингвистике*. М., 71–91 (Оригинал: Struktura morfemu // Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego. T. 7. Kraków, 1938, 10–28.)

Поливанов Е. Д. 1991: Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937). В кн.: Поливанов Е. Д. *Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 318–506.

Попов М. Б., Русаков А. Ю. 1986: О роли слова и морфемы в развитии звукового строя языка. В сб.: *Язык, культура, общество: Проблемы развития* / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. Л., 66–76.

Щерба Л. В. 1912: *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. СПб.

Andronovas A. 2022: Lietuvių kalbos priegaidės — skiemens ar žodžio požymiai? *Baltìstikos platýbėse*: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 21–32.

Kleiner Yu. 2017: The Syllable according to Aristotle. *Histoire. Épistémologie. Langage*, 39/1, 137–153.

Schwitzgebel D., Peperkamp Sh. 2026: Typological rarities and learning biases: The case of syllable-copy reduplication. *The 23rd Old-World Conference in Phonology (OCP23)* / Gonville & Caius College, Cambridge, United Kingdom, [14–16] January 2026, 187–188. URL: https://www.phonetics.mmll.cam.ac.uk/files/ocp23_book_of_abstracts.pdf

О. В. Антонова

Современные тенденции в акцентуации фразеологизмов в русском литературном языке

Дорогому Юрию Александровичу Клейнеру, непревзойденному корифею и хранителю традиций русского ударения

Аннотация. Статья посвящена исследованию изменений, происходящих при выборе словесного ударения во фразеологизмах в современном русском литературном языке. Целью работы стало определение динамики в акцентуации идиом с учетом влияния прагматического фактора. Было установлено, что в ряде случаев действует тенденция отказа от фразеологического ударения в пользу иного ударения, присущего той же лексеме в свободном сочетании. Такая тенденция реализуется более последовательно по мере уменьшения возраста респондентов. Анализ данных, полученных в результате фонетического эксперимента, позволил в целом подтвердить гипотезу о роли прагматического фактора как основного поддерживающего элемента при сохранении исконных акцентуационных особенностей идиом. Однако для получения наиболее объективной информации следует рассматривать каждый фразеологизм индивидуально (с учетом не только собственно фонетических, но и социолингвистических факторов, оказывающих влияние на динамику акцентуации).

Ключевые слова: акцентуация фразеологизмов, динамика акцентуации, фразеологическое ударение, прагматический фактор.

0. Введение

До недавнего времени акцентуация фразеологизмов нечасто становилась темой специальных исследований, так как считалось, что ударение в них остается стабильным и неизменным в силу базовых свойств фразеологизма как явления. Тем не менее,

наблюдения над живой речью[1] носителей русского литературного произношения показывают, что акцентные сдвиги в фразеологии возможны и достаточно частотны. Так, в современном литературном узусе некоторые фразеологические формы утрачивают уникальное (исторически достоверное) ударение и начинают следовать общелитературной норме. Об этом говорят и недавние исследования[2], основанные на актуальных экспериментальных данных о речи современных носителей русского языка и их реального выбора ударения во фразеологизмах. Так, в рамках настоящей статьи предлагается гипотеза, согласно которой сдвиг ударения может быть связан со снижением частотности и общей употребительности фразеологизмов (а в части случаев — и с выходом подобных выражений из употребления), т. о. было предпринято исследование зависимости акцентуации в устойчивых сочетаниях от прагматического фактора (по терминологии А. А Зализняка).

1. История вопроса

В соответствии с определениями, данными понятию фразеологизма разными исследователями (см, к примеру, (Шанский 1985: 67; Телия 1981: 48) и др.), возможно выделить их основные общие свойства: обычно под фразеологизмом понимают устойчивое воспроизводимое сочетание, значение которого (как правило) фиксировано и не выводится из значений его компонентов. Современная российская наука в описании и исследовании фразеологизмов прежде всего опирается на труды В. В. Виноградова. Согласно его концепции, существует три типа устойчивых сочетаний: фразеологические единства (*бить ключом*), сочетания (*сгорать от стыда*) и сращения (*семи пядей во лбу*), которые дифференцируются по степени свободы компонентов, входящих в их состав (Виноградов 1946: 45–69). К классификации Виноградова Н. М. Шанский добавил четвертый тип: фразеологические выражения, т. е. выражения, значение которых выводимо и компоненты которых имеют свое

[1] Согласно современным орфоэпическим воззрениям, именно распространенность в речи образованных людей выделяется как один из важнейших признаков, необходимых для кодификации того или иного варианта, см. (Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10).

[2] См., к примеру, (Коробейникова 2023; Коробейникова 2025) и др.

свободное значение, однако их количество, порядок и форма фиксированы: *собака лает, а караван идет* (Шанский 1964: 201–202). В соответствии с концепцией Виноградова и Шанского выступает и современная российская школа фразеологии. Так, в современном Академическом словаре русской фразеологии под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского дается такое определение идиомам: «словосочетание, которое характеризуется высокой степенью устойчивости (воспроизводимости в речи) и нерегулярностью образования смысла – идиоматичностью» (Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 887); это определение и будет использовано в настоящей работе, так как указанный словарь считается наиболее авторитетным современным академическим словарем русской фразеологии.

Традиционное представление о характере фразеологизмов включает, как правило, устойчивость таких выражений на фоне общих лабильных (подвижных) лингвистических процессов. Благодаря этому в них фиксируются слова и грамматические формы, которые давно вышли из употребления, но дошли до наших дней именно и только в таком, фразеологическом виде: *при всем честно́м народе, кромешный ад* (устар. лексемы *честно́й, кроме́шный*); *гол как сокол, красна девица* (устар. полные формы прилагательных) и мн. др. Однако, помимо лексики и грамматики, фразеологизмы могут фиксировать и отражать изменения также на уровне фонетики (например, в фразеологизме *друг сердешный* отражена старомосковская норма произношения сочетания *чн* в слове *серде́*[*шн*]*ый*), так как в них обычно сохраняется тот вариант произношения, который являлся узуально нормативным на момент появления идиомы.

К числу фонетических процессов, «законсервированных» внутри устойчивых сочетаний, в ряде случаев относится и ударение. Наиболее очевидный способ фиксации ударения во фразеологизмах — это рифма, поддерживающая определенную ритмическую структуру (*чёрного кобеля́ не отмоешь добела́; пришла беда́, отворя́й воро́та; всем сестра́м по серьга́м*). Впрочем, и без ритмической поддержки ударение во фразеологизмах как правило неподвижно и неизменно, оно сохраняется и воспроизводится самими носителями языка, а затем фиксируется фразеологическими и орфоэпическими (а нередко и толковыми) словарями. Тем не менее,

на рубеже XX–XXI вв. фразеологизмы вовлекаются в общую динамику языковых изменений, что особенно ярко прослеживается в области акцентуации. Об этом свидетельствуют как наблюдения над живой речью носителей современного русского литературного языка, так и следы колебаний ударения на страницах словарей, где от издания к изданию норма для одного выражения может разниться (например, для выражения *на воре шапка горит* Большой академический словарь дает норму ударения *во́ре* (Герд (ред.) 2008–2024), а Большой орфоэпический словарь — *воре́* (Касаткин (ред.) 2018)).

Вопрос о динамике акцентуации во фразеологии до недавнего времени находился за пределами пристального внимания исследователей именно в связи с представлениями об устойчивости идиомы как явления (т. о. и ударение во фразеологизмах считалось неизменным). Однако эта тема была затронута, в частности, в статьях Т. Н. Коробейниковой (Коробейникова 2023) и Е. М. Алтайской (Алтайская 2023) в которых были отражены изменения в орфоэпии некоторых фразеологизмов и описаны новые актуальные данные, полученные в ходе фонетических экспериментов. Автору настоящей работы показалось целесообразным продолжить исследование динамики ударения во фразеологизмах, проанализировав в своем исследовании, помимо прочих параметров, знание фразеологизма говорящим и частотность его использования в речи, так как на материале исследований акцентуации существительных[3] влияние прагматического фактора[4] (а именно – освоенности слова) в ряде случаев было признано решающим.

2. Описание эксперимента

Для изучения динамики акцентуации в идиомах был проведен специальный орфоэпический эксперимент. В качестве материала были выбраны фразеологизмы, в составе которых имеется знаме-

[3] См. (Антонова 2021).

[4] «Особое место в акцентной эволюции русских существительных занимает прагматический фактор. В ходе истории обнаруживаются постепенные сдвиги в сторону соотношения, характерного для современного языка: нетривиальное ударение у освоенных слов, тривиальное — у неосвоенных» (Зализняк 1985: 376).

нательное слово, допускающее колебание ударения (т. е. норма ударения для лексемы в составе фразеологизма и того же слова в свободном употреблении расходится, а в отдельных случаях норма вариативна даже внутри идиомы, что лишний раз свидетельствует о лабильности ударения). При этом не учитывались фразеологизмы с архаизмами, не существующими в свободном употреблении в современном языке, а также те выражения, в которых словом с неоднозначным ударением выступает глагол, т. к. в глаголах нормативное ударение более подвижно. Таким образом, на базе академических фразеологических словарей под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского разных лет издания были отобраны 8 фразеологизмов, содержащих имена с потенциально возможными акцентными колебаниями. Также в качестве источников нормативных сведений об ударении были использованы Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В. Н. Телии (Телия (ред.) 2017), Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (Ушаков (ред.) 1935–1940), Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой (Евгеньева (ред.) 1999), Орфоэпический словарь русского языка под ред. Р. И. Аванесова (Аванесов (ред.) 1989), Большой орфоэпический словарь под ред. Л. Л. Касаткина (Касаткин (ред.) 2018) и нек. др. Для эксперимента были выбраны следующие фразеологизмы: *как (будто\словно) с цепи сорвался; не мытьем, так катаньем; руки коротки; как с гуся вода; на воре шапка горит; вор у вора дубинку украл; уписывать\уплетать за обе щеки; не в деньгах счастье.*

Отобранные фразеологизмы имели в словарях либо идентичные рекомендации, отступления от которых были замечены в живой речи носителей литературного языка, либо в ряде случаев для одного и того же фразеологизма допускались варианты акцентуации (как в одном источнике, так и в различных). К примеру, для фразеологизма *как (будто\словно) с цепи сорвался* в словарях (Евгеньева (ред.) 1999; Мокиенко, Никитина 2007; Телия (ред.) 2017) имеется акцентологическая рекомендация с цепи́, а в орфоэпическом словаре под ред. Р. И. Аванесова дается вариативная рекомендация *с це́пи* и доп. *с цепи́* (Аванесов (ред.) 1989); для свободных сочетаний в этом источнике и в (Касаткин (ред.) 2018) приводится наосновное ударение *с це́пи*.

В сочетании *не мытьем, так катаньем* словари (Евгеньева (ред.) 1999; Ушаков (ред.) 1935–1940; Телия (ред.) 2017) рекомендуют только *ка́таньем*, а в (Аванесов (ред.) 1989; Касаткин (ред.) 2018) для свободных сочетаний дается норма *ката́ньем*.

Для фраземы *руки коротки* (Евгеньева (ред.) 1999; Ушаков (ред.) 1935–1940; Герд (ред.) 2008–2024) рекомендуется вариант *ко́ротки*, однако в словаре поговорок (Мокиенко, Никитина 2007) приводится ударение в составе фразеологизма на флексии: *коротки́*.

Для сочетания *как с гуся вода* в (Евгеньева (ред.) 1999; Герд (ред.) 2008–2024; Мокиенко, Никитина 2007; Аванесов (ред.) 1989; Касаткин (ред.) 2018) дана единобразная рекомендация *с гу́ся*, лишь два последних источника допускают варианты в свободных сочетаниях: *гу́ся* и допуст. *гуся́*.

Идиома *на воре шапка горит* в двух словарях имеет противоположные рекомендации; так, в (Герд (ред.) 2008–2024) дано ударение *на во́ре*, а в (Мокиенко, Никитина 2007) — *на воре́*. Недавно вышедший словарь ударений (Каленчук, Савинов (ред.) 2025) для фразеологизма допускает вариативное произношение: ***на воре́*** *и шапка горит* и допуст. младш. ***на во́ре*** *и шапка горит*.

В другом сочетании с лексемой *вор* (*вор у вора дубинку украл*) словарь (Мокиенко, Никитина 2007) приводит акцент на корне: *во́ра*, однако это противоречит рекомендациям (Касаткин (ред.) 2018; Каленчук, Савинов (ред.) 2025), в которых дан вариант *вора́*. Для свободных сочетаний в последних двух случаях (Аванесов (ред.) 1989; Касаткин (ред.) 2018; Каленчук, Савинов (ред.) 2025) рекомендуют только ударение *во́ра, во́ре*.

Во фразеологизме *уписывать\уплетать за обе щеки* словари (Евгеньева (ред.) 1999; Ушаков (ред.) 1935–1940; Мокиенко, Никитина 2007; Аванесов (ред.) 1989) рекомендуют только ударение *щеки́*, а в (Каленчук, Савинов (ред.) 2025) допускается равноправное вариантное произношение: *уплетать за обе* ***щеки́*** и *уплетать за обе* ***щёки*** (для свободных сочетаний во всех источниках рекомендован вариант *щёки*).

Для идиомы *не в деньгах счастье* (Аванесов (ред.) 1989) дает наосновное ударение *де́ньгах*, а (Каленчук, Савинов (ред.) 2025) рекомендует варианты: ***не в де́ньгах*** *счастье* и допуст. младш. ***не в деньга́х*** *счастье.* В свободном сочетании рекомендация меняется:

в (Касаткин (ред.) 2018) находим: *деньга́м* и допуст. старш. *де́ньгам*.

Эксперимент проходил в два этапа. В первой части респондентам предлагалось прочесть вслух без предварительной подготовки специально составленный текст, включающий выбранные фразеологизмы; таким образом определялось реальное произношение информантами устойчивых выражений (в отдельных случаях, когда дикторы запинались при произнесении и повторяли фразеологизм более одного раза, фиксировалось то ударение, которое они называли как предпочтительное). Во второй части участники проходили электронный опрос, а именно анкетирование в онлайн-формате, содержащее вопросы о знании, понимании значения и использовании в речи каждого из фразеологизмов; также требовалось указать некоторые социолингвистические сведения (например, возраст респондента). Следует отметить, что вопросы о понимании значения фразеологизма предполагали наличие развернутого текстового ответа.

В эксперименте принял участие 61 человек; информанты были разделены на группы: младшая группа (18–25 лет), средняя группа (26–49 лет), старшая группа (50 лет и старше). Младшая группа состояла из 34 респондентов, средняя — из 17 респондентов, старшая — из 10 респондентов. Обязательными требованиями к информантам явились: наличие высшего образования (или неполного высшего), владение произносительной нормой литературного языка и отсутствие в речи явных дефектов или диалектных особенностей.

3. Результаты эксперимента

При интерпретации результатов использовалось понятие фразеологического ударения. Под фразеологическим ударением понимается такое ударение, которое рекомендовано словарями для лексемы в составе фразеологизма (или, при разночтениях в рекомендациях, — большинством словарей), но при этом отличается от основного рекомендованного ударения для той же лексемы в свободном употреблении.

В первую очередь рассмотрим общее распределение выбора ударений во всех фразеологизмах среди респондентов каждой возрастной группы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение выбора ударения во фразеологизмах для каждой возрастной группы[5]

		Старш. гр.	Средн. гр.	Младш. гр.
Как/будто/словно с цепи сорвался	цепи́	90%	100%	97%
	це́пи	10%	0%	3%
Не мытьём, так/а катаньем	ка́таньем	100%	59%	36%
	ката́ньем	0%	41%	64%
Руки коротки	ко́ротки	90%	53%	61%
	коротки́	10%	47%	39%
Как с гуся вода	гу́ся	100%	94%	70%
	гуся́	0%	6%	30%
На воре шапка горит	воре́	80%	59%	49%
	во́ре	20%	41%	51%
Уписывать/уплетать за обе щеки	щёки	60%	53%	55%
	щеки́	40%	47%	45%
Не в деньгах счастье	де́ньгах	70%	41%	42%
	деньга́х	30%	59%	58%
Вор у вора дубинку украл	во́ра	50%	35%	24%
	вора́	50%	65%	76%

Итак, из результатов, представленных в табл. 1, очевидно, что для подавляющего большинства сочетаний наибольший процент выбора фразеологического ударения зафиксирован среди информантов старшей возрастной группы. Также заметна разница между средней и младшей группами (в средней процент выбора фразеологического ударения в основном выше), однако она не настолько очевидна, как в старшей: в некоторых фразеологизмах (*руки коротки; уписывать/уплетать за обе щеки; не в деньгах счастье*) число выбравших фразеологическое ударение в младшей группе превалирует, пусть и незначительно. Тем не менее ясно, что общая тенденция связи частотности выбора фразеологическо-

[5] Здесь и далее серым выделен вариант с рекомендованным словарями фразеологическим ударением.

го ударения с увеличением возраста респондента действительно присутствует. Информанты старшей группы значительно чаще выбирали акцентные варианты, соответствующие словарным рекомендациям, а испытуемые в младшей группе в нескольких случаях предпочли ударение, характерное для свободного сочетания: *не в деньга́х счастье, вор у во́ра дубинку украл* и др.

Далее отдельно рассмотрим выборку результатов только тех информантов, которые продемонстрировали знание (и понимание) фразеологизма и/или заявили об его использовании (табл. 2). Было признано целесообразным выделить таких респондентов в особую группу, так как выбор ударения информантом, не знакомым с фразеологизмом, может носить случайный характер.

Таблица 2. Распределение выбора ударения среди респондентов, которые 1) знают[6] и понимают фразеологизм; 2) используют фразеологизм в речи; 3) используют фразеологизм крайне редко (или вовсе не используют)

		Знают и понимают	**Используют**	**Исп. редко/не уверены**
Как/будто/словно с цепи сорвался	цепи́	98%	95%	100%
	це́пи	2%	5%	0%
Не мытьём, так/а катаньем	ка́таньем	82%	82%	100%
	ката́ньем	18%	18%	0%
Руки коротки	ко́ротки	66%	67%	56%
	коротки́	34%	33%	44%
Как с гуся вода	гу́ся	86%	94%	76%
	гуся́	14%	6%	24%
На воре шапка горит	воре́	61%	57%	67%
	во́ре	39%	43%	33%
Уписывать/ уплетать за обе щеки	щёки	57%	65%	36%
	щеки́	43%	35%	64%

[6] Т. е. информанты не просто объявили, что фразеологизм им знаком, но и сумели правильно (или хотя бы частично) описать его значение.

Не в деньгах счастье	де́ньгах	48%	39%	50%
	деньга́х	52%	61%	50%
Вор у вора дубинку украл	во́ра	63%	100%	60%
	вора́	37%	0%	40%

В результате анализа выбора варианта ударения среди информантов, знающих (и понимающих) смысл фразеологизмов, удалось условно разделить фраземы на две группы. Для первой группы процент выбора фразеологического ударения заметно выше среди респондентов, знающих фразеологизм, чем тот же процент среди всех респондентов всех групп; к ним относятся *не мытьем так/а ка́таньем* (57 % среди всех и 82 % среди знающих), *руки ко́ротки* (36 % среди всех и 66 % среди знающих), *как с гу́ся вода* (18 % и 86 % соответственно) и *вор у вора́ дубинку украл* (33 % и 63 % соответственно). Для вторых численная разница в выборе фразеологического ударения между знающими фразеологизм и всеми респондентами практически отсутствует; к ним относятся: *как/будто/словно с цепи́ сорваться* (97 % среди всех и 98 % среди знающих), *на воре́ и шапка горит* (57 % и 61 % соответственно), *уписывать/уплетать за обе щеки́* (56 % и 57 % соответственно). В отдельном случае процент выбора фразеологического ударения оказался незначительно меньше среди знающих фразеологизм: *не в де́ньгах счастье* (52 % среди всех и 48 % среди знающих)[7].

Что касается зависимости выбора ударения от использования фразеологизма в речи, следует отметить, что процент выбора фразеологического ударения среди респондентов, использующих выражение, в целом соотносится с тем же процентом среди респон-

[7] Примечательно, что для лексемы *деньги*, как было сказано выше, в свободном употреблении орфоэпические словари указывают две допустимые нормы ударения, что свидетельствует об их достаточной распространенности в узусе. При этом любопытно, что многие испытуемые (особенно в младшей группе) отметили, что не воспринимают выражение *не в деньгах счастье* в качестве идиомы (а некоторые информанты в ответ на просьбу объяснить значение выражения просто повторяли само это словосочетание). Таким образом, можно предположить, что заметные колебания ударения в этом фразеологизме связаны не с разницей фразеологического и свободного ударения, а с вариативностью ударения в слове в свободном употреблении, а также со сверхчастотностью лексемы *деньги*.

дентов, понимающих его значение (результаты фразеологизма *вор у вора́ дубинку украл* можно считать нерелевантными, т. к. о его использовании заявил только один респондент). Также нет закономерной разницы в выборе ударения между теми, кто использует фразеологизм, и теми, кто использует его редко (либо не смог уверенно об этом заявить): для одних выражений процент выбора фразеологического ударения выше у первых, для других — у вторых, распределены они приблизительно поровну. Таким образом, можно сделать вывод, что знание и/или использование фразеологизма для некоторых выражений (*не мытьем, так/а катаньем, как с гуся вода, руки коротки, вор у вора дубинку украл*) повышает процент выбора фразеологического ударения, однако прямой зависимости нет, и каждый случай стоит рассматривать отдельно.

Далее сведения о выборе ударения среди всех респондентов по каждой возрастной группе будут рассмотрены в соотношении с данными о количестве знающих, понимающих значение и использующих фразеологизм в речи (табл. 3–5).

Таблица 3. Старшая группа: данные о знакомстве респондентов с фразеологизмами, о частоте их использования и о выборе места ударения

	Старшая группа информантов					
	Знают	**Понимают**	**Используют**	**Исп. редко / не уверены**	**Выбор ударения**	**% выбравших**
Как/будто/ словно с цепи сорвался	100%	70%	40%	40%	цепи́	90%
					це́пи	10%
Не мытьём, так/а катаньем	100%	90%	20%	40%	ка́таньем	100%
					ката́ньем	0%
Руки коротки	100%	90%	50%	20%	ко́ротки	90%
					коротки́	10%
Как с гуся вода	100%	100%	40%	50%	гу́ся	100%
					гуся́	0%

На воре шапка горит	100%	80%	10%	60%	воре́	80%
					во́ре	20%
Уписывать/ уплетать за обе щеки	100%	90%	30%	40%	щеки́	60%
					щёки	40%
Не в деньгах счастье	100%	100%	40%	40%	де́ньгах	70%
					деньга́х	30%
Вор у вора дубинку украл	50%	30%	0%	30%	вора́	50%
					во́ра	50%

Таблица 4. Средняя группа: данные о знакомстве респондентов с фразеологизмами, о частоте их использования и о выборе места ударения

	Средняя группа информантов					
	Знают	**Понимают**	**Используют**	**Исп. редко / не уверены**	**Выбор ударения**	**% выбравших**
Как/будто/ словно с цепи сорвался	100%	100%	29%	71%	цепи́	100%
					це́пи	0%
Не мытьём, так/а катаньем	82%	82%	50%	6%	ка́таньем	59%
					ката́ньем	41%
Руки коротки	100%	94%	29%	35%	ко́ротки	53%
					коротки́	47%
Как с гуся вода	100%	82%	41%	41%	гу́ся	94%
					гуся́	6%
На воре шапка горит	100%	100%	18%	47%	воре́	59%
					во́ре	41%
Уписывать/ уплетать за обе щеки	100%	100%	47%	35%	щеки́	53%
					щёки	47%
Не в деньгах счастье	100%	88%	59%	18%	де́ньгах	41%
					деньга́х	59%

Вор у вора дубинку украл	47%	41%	0%	12%	вора́	35%
					во́ра	65%

Таблица 5. Младшая группа: данные о знакомстве респондентов с фразеологизмами, о частоте их использования и о выборе места ударения

	Младшая группа информантов					
	Знают	**Понимают**	**Используют**	**Исп. редко / не уверены**	**Выбор ударения**	**% выбравших**
Как/будто/словно с цепи сорвался	100%	100%	35%	53%	цепи́	97%
					це́пи	3%
Не мытьём, так/а катаньем	41%	62%	6%	9%	ка́таньем	36%
					ката́ньем	64%
Руки коротки	71%	71%	15%	24%	ко́ротки	61%
					коротки́	39%
Как с гуся вода	97%	56%	18%	38%	гу́ся	70%
					гуся́	30%
На воре шапка горит	79%	82%	9%	21%	воре́	49%
					во́ре	51%
Уписывать/уплетать за обе щеки	100%	100%	59%	12%	щеки́	55%
					щёки	45%
Не в деньгах счастье	97%	94%	65%	15%	де́ньгах	42%
					деньга́х	58%
Вор у вора дубинку украл	21%	21%	3%	3%	вора́	24%
					во́ра	76%

Из табл. 3–5 ясно, что среди информантов старшей возрастной группы освоенность фразеологизмов в целом заметно выше, чем в младшей, т. е. представители старшей группы в большинстве своем знают и понимают значение фразеологизмов, а также чаще выбирают фразеологическое ударение (единственное исключе-

ние составляют результаты для фразеологизма *вор у вора дубинку украл*, который, очевидно, не знаком большинству респондентов всех групп); в младшей же группе освоенность заметно меньше. В средней возрастной группе процент знания фразеологизмов близок к старшей (для 6 из 8 фразеологизмов он полностью совпадает), а показатели понимания значения по некоторым выражениям (*на воре шапка горит, руки коротки* и др.) даже выше, чем в старшей группе.

В свою очередь, результаты анализа речи респондентов младшей группы (табл. 5), в особенности данные об использовании фразеологизмов, наглядно показывают, какие выражения выходят или уже практически вышли из употребления (*вор у вора дубинку украл, не мытьем так/а катаньем, на воре шапка горит*), а какие сохраняются в живой речи и продолжают активно использоваться молодыми людьми (*не в деньгах счастье, уписывать/уплетать за обе щеки, как/будто/словно с цепи сорваться*). Эти сведения объясняют и неравномерное распределение в выборе ударений между разными фразеологизмами: выражения, отобранные для исследования, очевидно, имеют различный статус в современном языке и разную степень освоенности, а следовательно, и разное соотношение ударений.

4. Выводы

По результатам эксперимента и в ходе анализа всех полученных данных гипотеза исследования частично подтвердилась. Во-первых, очевидно, что колебания в акцентуации фразеологизмов действительно существуют как в живой речи, так и в нормативных словарях. Во-вторых, была выявлена тенденция отказа от фразеологического ударения по мере уменьшения возраста респондентов, однако из этой закономерности есть исключения: например, в сочетаниях *как/будто/словно с цепи сорваться* или *уписывать/уплетать за обе щеки* младшие респонденты выбирали фразеологическое ударение наравне со старшими. В-третьих, анализ сведений об освоенности фразеологизмов и использовании их в речи показал, что выражения, выходящие из активного употребления, провоцируют сдвиг фразеологической орфоэпической нормы — респонденты выбирают в таких случаях ударение, харак-

терное для свободных сочетаний. При этом отдельные выражения, упомянутые выше (например, *как/будто/словно с цепи сорваться*), активно используются молодежью, и именно в таких случаях фразеологическая акцентовка сохраняется: сдвига ударения нет либо же он заметно меньше. В-четвертых, в ходе работы было отмечено, что колебания ударения во фразеологизмах могут объясняться и другими факторами: на примере выражения *не в деньгах счастье*[8] мы видим, что значительный сдвиг ударения может быть связан с утратой восприятия этого выражения как устойчивого сочетания (особенно респондентами младшей группы). Определение таких факторов и рассмотрение сдвига ударения на частном примере для отдельных фразем может послужить почвой для дальнейших исследований.

Итак, в целом гипотезу о роли прагматического фактора как основной поддерживающей причины при сохранении исконных акцентуационных особенностей идиом современного русского языка можно считать подтвержденной. Однако необходимо особо отметить, что для получения наиболее объективной информации следует рассматривать не группы идиом, а каждое фразеологическое сочетание индивидуально с учетом всех факторов, оказывающих влияние на динамику его акцентуации.

Литература

Алтайская Е. М. 2023: Особенности акцентирования сочетаний знаменательных и служебных слов в русских фразеологизмах. *Труды ИРЯ РАН*. № 4 (38), 100–116.

Антонова О. В. 2021: Акцентуация имен существительных ж. р. на -а, -я. В сб.: *Норма произношения в узусе и кодификации.* Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М., 26–57.

Виноградов В. В. 1946: Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В сб.: *Труды Юбилейной научной сессии (1819–1944): Секция филологических наук.* Отв. ред. С. Д. Балухатый и П. Н. Берков. ЛГУ, 45–69.

Зализняк А. А. 1985: *От праславянской акцентуации к русской.* М.: Наука. 432 с.

[8] См. о судьбе этого фразеологизма также в (Коробейникова 2025: 88–89).

Каленчук М. Л. 2016: Нормы произношения в живой речи и в словарях. *Труды Отделения историко-филологических наук РАН.* Отв. ред. В. А. Тишков. М., 262–270.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. 2017: Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных. *Русский язык в научном освещении.* № 2 (34), 9–28.

Коробейникова Т. Н. 2023: Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм. *Русская речь*, № 2, 29–42.

Коробейникова Т. Н. 2025: Акцентуация существительных на -а и -я с односложной основой в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях. *Русский язык в научном освещении.* М., № 1, 77–94.

Телия В. Н. 1981: Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. М.: Наука. 269 с.

Шанский Н. М. 1964: *Лексикология современного русского языка.* М.: Просвещение. 316 с.

Шанский Н. М. 1985: Фразеология современного русского языка. Изд. 3-е, испр. И доп. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

Источники

Аванесов Р. И. (ред.) 1989: *Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы.* 5-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык. 702 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.) 2007: *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка* / (Баранов А. Н. и др.) ; под ред.: А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Мир энциклопедий Аванта+. 1134 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.) 2020: *Академический словарь русской фразеологии.* Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Под ред. Баранова А. Н., Добровольского Д. О. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКСРУС. 896 с.

Герд (ред.) 2008–2024: *Большой академический словарь русского языка.* Т. 1–28 (Стравить-Сям). Гл. ред. А. С. Герд. М.; СПб.

Евгеньева А. П. (ред.) 1999: *Словарь русского языка: В 4-х т.* Под ред. А. П. Евгеньевой. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы.

Касаткин М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. 2018: *Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты.* Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 1024 с.

Телия В. Н. (ред.) 2017: *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* Отв. ред. Телия В. Н. 4-е изд. М.: Словари XXI века. 784 с.

Ушаков Д. Н. (ред.) 1935–1940: *Толковый словарь русского языка: В 4 т.* Отв. ред. Д. Н. Ушаков. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2007: *Большой словарь русских поговорок.* М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 784 с.

Н. А. Бондарко

Ю. А. Клейнер, формулы и тривиальные вещи

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции эпической формулы, разработанной Ю. А. Клейнером, и ее применению для сравнительного изучения двух частей древнеанглийской поэмы «Бытие» (*Genesis A* и *Genesis B*). В первой части работы прослеживается эволюция устно-формульной теории от М. Пэрри и А. Б. Лорда до современных подходов, учитывающих гибридную устно-письменную природу англосаксонской словесности. Особое внимание уделяется полемике Ю. А. Клейнера с ортодоксальной устной теорией и его трактовке формулы не как лексического повтора, а как абстрактной модели порождения, принадлежащей грамматике поэтического языка. Во второй части статьи вводится разграничение понятий «темы» и «типовой сцены», которое служит инструментом для иерархического анализа организации традиционного текста. На основе статистического подсчета формульной плотности и качественного анализа формульных систем демонстрируется, что *Genesis A* и *Genesis B* представляют собой две принципиально разные поэтические системы, различия между которыми проявляются на всех уровнях — от набора типовых сцен до конкретных формульных реализаций. Делается вывод, что поэма *Genesis A* является продуктом последовательной книжной переработки устно-формульной традиции, тогда как *Genesis B* отражает иную поэтическую стратегию, ориентированную на психологизацию и драматизацию библейского сюжета и допускающую сознательный отход от формульного канона.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, Genesis A, Genesis B, устно-формульная теория, эпическая формула, тема, типовая сцена, поэтический язык, аллитерационный стих, Ю. А. Клейнер, формульная плотность, книжная традиция, сравнительная поэтика, библейский эпос.

0. Вместо введения

Есть ученые, чье влияние на учеников измеряется не количеством прочитанных курсов и принятых экзаменов, а особой спо-

собностью перестраивать саму оптику научного зрения. Юрий Александрович Клейнер принадлежит именно к этому редкому типу. Новые поколения студентов имеют счастливую возможность испытать на себе тот же эффект «интеллектуальной прививки», что и их предшественники тридцать лет назад. А. В. Андронов, один из авторов настоящего сборника, учившийся в 1990-е годы на кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского университета, вспоминает негласное правило, бытовавшее среди студентов: «Если тебе что-то неясно — иди к Касевичу, а если тебе кажется, что всё ясно, — поговори с Клейнером»[1]. Критический скепсис Юрия Александровича, сквозящий через знаменитый «прищур коварного искусителя», с которым он встречает любое слишком поспешное обобщение или чересчур гладкую теорию, — это не просто черта характера, а его главный педагогический и научный инструмент. Его беседы, полные неожиданных языковых наблюдений, легко превращающиеся в назидательные притчи и анекдоты, и отдельные фразы, мгновенно становящиеся афоризмами, запоминаются на десятилетия и продолжают «беспокоить ищущее сознание» еще долго после того, как студент покидает университетские стены.

Можно сказать, что Клейнер учит своих студентов не ответам, а вопросам. Вернее, он учит их тому, что правильно поставленный вопрос к тривиальному, казалось бы, объекту часто оказывается продуктивнее дюжины скороспелых ответов.

Название настоящей статьи требует краткого пояснения. Оно отсылает к знаменитой книге Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи» (1987)[2]. Лакофф показал, что за внешне хаотичным объединением понятий в одной категории (класс-слово *balan* в австралийском языке дьирбал, куда входят женщины, огонь и опасные вещи) стоит специфическая система категоризации, основанная на базовых когнитивных моделях, а не на аристотелевской

[1] См. статью А. В. Андронова в этом томе.

[2] Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. Русский перевод: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

логике общих признаков. То, что кажется наивному наблюдателю причудой или лингвистическим курьезом, при пристальном взгляде оказывается ключом к устройству человеческого мышления. Именно этот парадоксальный перечень и дает Лакоффу основание для развернутой аргументации против аристотелевской модели: если использовать только формальную логику, то категория *balan* оказывается бессмысленной, так как обнаружить единый общий признак у женщины, огня и змеи попросту невозможно.

В противовес классической теории Лакофф демонстрирует, что в основе данной категории лежит принцип семейного сходства, сформулированный Л. Витгенштейном, а также специфическое для данной культур мифологическое мышление. Связи между элементами внутри категории устанавливаются не по логическому правилу «если и только если», а посредством цепочек метонимических и метафорических переносов. В рамках мифологической картины мира дьирбал женщина ритуально связывается с солнцем, а солнце, в свою очередь, с огнем; и женщина, и огонь могут осмысляться как источник опасности (скверны или магии), что сближает их со змеями и другими ядовитыми существами. В результате формируется радиальная категория: в ее центре находится прототипическое ядро, а остальные элементы группируются вокруг него, будучи мотивированы не единым абстрактным признаком, а конкретными ассоциативными связями, прозрачными для носителя традиции, но не сводимыми к одной формально-логической формуле. Таким образом, и Дж. Лакофф в области когнитивной семантики, и Ю. А. Клейнер в области лингвистической поэтики приходят к типологически сходным выводам: как естественный язык структурирует мир, опираясь не на формальную логику, а на культурный опыт и телесные основания, так и поэтический язык традиции организует свой материал не по формально-лексическому принципу повтора, а на более глубоких функционально-грамматических основаниях — просодии и синтаксисе. В обоих случаях то, что при поверхностном взгляде кажется хаотичным и семантически немотивированным набором элементов — будь то «змеи, огонь и женщины» или «серые, бурые и вороные кони», — предстает как строго упорядоченная система, правила функционирования которой лежат глубже поверхности слов.

Для Ю. А. Клейнера формула есть не застывшая лексема, а абстрактная модель, своего рода радиальная категория, единство которой обеспечивается не дословным повтором, а тождеством «основной мысли» и синтаксической позиции в стихе. Такие внешне различные словосочетания, как те, что приводит в качестве примеров А. Б. Лорд в книге «Сказитель», — а именно, *davur ħogo* («серый конь»), *davur štyran* («бурый конь») и *davur doro* («вороной конь») (Лорд 1994: 60–61), — оказываются членами одной категории, поскольку их связывает функциональное отношение к единому смысловому ядру («конь»), а не формальное совпадение лексических единиц.

Стиль научного мышления Ю. А. Клейнера обладает глубоким, хотя и не внешним, сродством с этим подходом. Взяв в качестве объекта исследования, на первый взгляд, «тривиальную вещь» — повторяющееся в эпосе словосочетание, «эпическую формулу», он отказывается видеть в ней просто удобную мнемоническую «заплатку» для неграмотного певца. В рамках его концепции формула превращается в своего рода «когнитивную модель» традиционного сознания, в абстрактное правило, управляющее порождением поэтического текста. Подобно «опасным вещам» из языка дьирбал, безобидные с виду *Gār-Dene* («копьеносные даны») и *Ēast-Dene* («восточные даны») скрывают за собой работу механизма поэтической грамматики, где семантика подчиняется требованиям просодии. В этом смысле вся научная программа Ю. А. Клейнера может быть описана как последовательное вскрытие нетривиальной сложности, таящейся в самых, казалось бы, «тривиальных» элементах традиционного текста.

Эта способность видеть проблему там, где другие видят очевидность, пронизывает все научное творчество Ю. А. Клейнера, далеко выходя за пределы поэтики эпоса. Достаточно привести несколько примеров из области «обычной» лингвистики, которые он любит обсуждать со студентами и коллегами, — примеров того, как привычные школьные истины рассыпаются при первом же непредвзятом вопросе.

Вот английское слово *pity* [ˈpɪti]: любой словарь и любой учебник скажут, что оно двусложное: *pi-ty*. Но попробуем произнести его по слогам. Где проходит слогораздел? Фонетически звук [t] в этом слове является амбисиллабическим, то есть принадлежит одновре-

менно и первому, и второму слогу, а во втором «слоге» гласный редуцирован. Разделить *pity* на два слога так, чтобы это соответствовало фонетической реальности, попросту невозможно. То, что выдается за очевидный факт, при ближайшем рассмотрении оказывается удобным упрощением, основанным на орфографической привычке и латинской грамматической традиции. А Юрий Александрович обращает внимание слушателей, на то, что всё гораздо сложнее…

Или возьмем китайский язык с его «слоговым» письмом. Начинающим филологам говорят, что китайское слово состоит из слогов. Но что такое «слог» в китайском? В нем нет привычного нам свободного комбинирования согласных и гласных; его структура жестко ограничена, а тон является не просодическим украшением, а смыслоразличительным элементом, распределенным в пределах слога. Китайский «слог» — это особая просодическая единица, не имеющая прямых аналогов в европейских языках, и называть его тем же термином «слог» — значит скорее затемнять, чем прояснять его природу.

Наконец, классический пример из области германистики: учебники нередко утверждают, что фиксация динамического ударения на первом слоге корня *явилась причиной* редукции и отпадения окончаний в германских языках. Ударение падает на начало слова — безударные слоги в конце редуцируются — всё логично. Однако, замечает Клейнер, одно явление может предшествовать другому во времени и даже создавать условия для него, не будучи при этом его *прямой причиной*. Причинно-следственная связь здесь не прямая, а опосредованная сложным взаимодействием морфологических и просодических факторов; возможно, даже наоборот: редукция флексий, вызванная морфологическими причинами, способствовала закреплению ударения на корне как на единственном стабильном элементе словоформы. Сводить многовековой процесс к механическому действию («стабилизировалось ударение — **следовательно**, отпали окончания») — значит подменять многофакторную диахроническую динамику красивой, но ложной в своей простоте схемой.

Это стремление докапываться до нетривиальной истины, скрытой за фасадом школьных трюизмов, и есть, пожалуй, главная черта клейнеровского интеллектуального почерка. Студент, полагавший, что с формулой, китайским слогом или германским

ударением «всё ясно», после разговора с профессором Клейнером обнаруживает, что не ясно ничего, — и именно с этого момента начинается подлинное понимание. Это можно было бы назвать *the art of making the obvious properly obscure before it becomes truly clear*. Способность превращать очевидное в загадочное, а затем снабжать ученика инструментами для его расшифровки — редкий дар, которым Юрий Александрович наделен в избытке. В результате многие обсуждаемые юбиляром вопросы остаются открытыми до сих пор: возможно, потому что некоторые из них не имеют однозначного и окончательного решения, а «закрыть» другие было бы жаль.

Обратимся к одной из главных тем в научном творчестве юбиляра: структура эпических формул и их функционирование в тексте — главным образом, на материале древнегерманской традиции.

1. История вопроса: от устной теории к функциональному подходу

Изучение эпической формулы на протяжении XX века развивалось под знаком «устно-формульной» теории Милмэна Пэрри и Альберта Бейтса Лорда, совершившей переворот в понимании гомеровского эпоса и средневековой словесности. Согласно этой теории, формула определяется как «группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли» (Лорд 1994: 42)[3], а ее наличие в тексте служит диагностическим признаком устного происхождения последнего. Однако механическое применение этого инструментария к памятникам, дошедшим до нас в письменной фиксации, породило ряд методологических противоречий, связанных с принципиальной разницей между живой импровизацией и стилистически выверенной тканью рукописей.

Как известно, классическая «устно-формульная» теория была разработана М. Пэрри на материале гомеровского эпоса и затем перенесена А. Б. Лордом на южнославянский материал. Ключевые постулаты теории — утилитарность формулы, ее неотделимость от

[3] Это определение формулы принадлежит учителю Лорда М. Пэрри: «…A group of words which is regularly employed under the same metrical conditions to express a given essential idea» (Parry 1930: 80).

устной импровизации и принципиальное отсутствие у нее эстетической функции — были сформулированы Лордом в его знаменитой книге «The Singer of Tales», опубликованной в 1960 г.[4] Первым, кто систематически применил методологию М. Пэрри и А. Б. Лорда к древнеанглийскому материалу, был гарвардский профессор (и официальный научный руководитель А. Б. Лорда) Ф. П. Магун-младший. В своей программной статье «The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry» (Magoun 1953) он ввел сам термин «oral-formulaic» и на основе подсчета формульной плотности «Беовульфа» пришел к выводу об устном происхождении поэмы. Магун настаивал на том, что «устный характер может быть установлен путем анализа формульных выражений в тексте» (Magoun 1953: 447), и объявил поэму «Беовульф» записью устной импровизации на основании высокой формульной плотности. При этом Магун всячески подчеркивал, что буквальный лексический повтор не является ни необходимым, ни достаточным признаком формулы; решающее значение имеют регулярность употребления и тождество метрических условий. Магун вводит также понятие «формульной системы» (formulaic system), допускающей вариативность (например, замену первого элемента в составе сложного слова), и рассматривает такие системы как неотъемлемую часть устно-формульного репертуара (Magoun 1953: 449–451).

Уже в 1960-е годы эта позиция подверглась серьезной критике. Л. Д. Бенсон (Benson 1966), исследовав переводные древнеанглийские поэмы, показал, что формульный стиль может быть литературным приемом, а не признаком устного происхождения. Его вывод о том, что «формула является характерной чертой письменной поэзии не в меньшей степени, чем устной» (Benson 1966: 340), стал поворотным пунктом в дискуссии. Другие оппоненты — в частности, Х. Л. Роджерс (Rogers 1966) и А. Ренуар (Renoir 1981; 1987) — также указывали на недопустимость отождествления формульности и устности.

В дальнейшем уже Дж. М. Фоули отмечал, что сторонники теории (включая Лорда) хотя и не отказались от количественного анализа, но значительно смягчили ригоризм первоначальных

[4] Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

формулировок (Foley 1988: 45–46). Формульная плотность стала рассматриваться лишь как один из параметров наряду с другими: формульными системами, типовыми сценами, синтаксическими рамками, звуковыми повторами и прочими традиционными поэтическими приёмами. Для древнеанглийской поэзии это означало, что «Беовульф», «Бытие», «Андрей» и другие поэмы могут иметь высокую плотность, но это не доказывает их устного происхождения; это лишь свидетельствует об их глубокой укоренённости в традиционном стиле (Foley 1988: 70–72). Формульная плотность остаётся полезным предварительным инструментом, но окончательное суждение об устности или письменности текста требует качественного анализа — изучения того, как формулы и темы функционируют в конкретной традиции (Foley 1988: 109).

В целом, Фоули оценивает современную ему исследовательскую ситуацию как требующую отказа от бинарной оппозиции «устное vs. письменное». Он предлагает три принципа для будущих исследований: *tradition-dependence* (учёт особенностей каждой традиции), *genre-dependence* (учёт жанровых различий) и *text-dependence* (учёт природы каждого конкретного текста) (Foley 1988: 109–111). В монографии «Traditional Oral Epic: The Odyssey, Beowulf, and the Serbo-Croatian Return Song» (Foley 1990), посвящённой сравнительному анализу трёх эпических традиций, Фоули утверждает, что каждая поэтическая традиция имеет свои уникальные просодические, метрические и фразеологические особенности, которые нельзя сводить к единому шаблону, выработанному на материале гомеровского эпоса или сербохорватской устной традиции. Он вводит категорию «тексты, производные от устной традиции» (oral-derived texts): к ним относятся памятники (включая «Беовульф» и другие древнеанглийские поэмы), чьё устное происхождение невозможно доказать с уверенностью, но которые демонстрируют недвусмысленные устно-традиционные характеристики. Такие тексты нельзя приравнивать к более поздним литературным произведениям только на том основании, что их устный статус остаётся недоказанным (Foley 1990: 4–5).

Фоули критикует ранние попытки применить к древнеанглийской поэзии («Беовульф») критерии, разработанные Пэрри и Лордом для гомеровского гекзаметра. Он указывает, что древнеанглийский аллитерационный стих имеет иную природу: он основан

на ударении и аллитерации, а не на количестве слогов и структуре колонов, как древнегреческий (Foley 1990: 201–202). Поэтому классическое определение формулы Пэрри неприменимо к древнеанглийскому материалу без серьёзных оговорок. Он приходит к выводу, что «тест на формульную плотность» в его традиционном виде должен быть отвергнут, поскольку он не может доказать устное происхождение текста (Foley 1990: 4). Будущее устно-формульных исследований лежит не в поиске единственного критерия (как, например, формульной плотности), а в многоуровневом, качественном анализе, учитывающем специфику каждой традиции и каждого текста.

Собственная методика Фоули строится на нескольких уровнях анализа. Во-первых, он вводит термин *традиционные правила* (*traditional rules*): это фундаментальный уровень, который лежит в основе всех формульных и не-формульных структур. В древнеанглийской поэзии важнейшим таким правилом является «размещение слово-типов» (*word-type placement*): например, односложные глаголы в прошедшем времени стремятся занять начальную или конечную позицию в полустишии, а метрически более протяжённые слово-типы тяготеют к концу полустишия (Foley 1990: 237). Эти правила работают на глубинном уровне, организуя поэтический язык (poetic diction) даже там, где нет классических формул.

Во-вторых, Фоули выделяет «спектр традиционной фразеологии» (*spectrum of traditional phraseology*), который включает не только формулы и формульные системы, но и такие явления, как *коллокации* (collocations) — аллитерирующие пары слов, *кластеры* (clusters) — ассоциативные группы морфем, возникающие вокруг определённых идей, и *темы* (themes). Анализируя отрывок «Приближение Гренделя к Хеороту» («Беовульф», строки 702b–730a), Фоули показывает, что лишь 19,5 % полустиший могут быть названы формулами в узком смысле, 51,8 % — продуктами формульных систем, а 28,6 % не поддаются удовлетворительному объяснению через формульную систему, но при этом все они подчиняются традиционным правилам (Foley 1990: 234–235).

Переходя к тематическому анализу, Фоули отмечает, что древнеанглийские темы (например, «морское путешествие» в «Беовульфе» или «бичевание» в «Андрее») обладают устойчивой нарративной последовательностью (идейной структурой), но почти полностью

лишены вербальных соответствий (verbal correspondence) между разными вхождениями (Foley 1990: 340, 349). В отличие от гомеровского или сербохорватского эпоса, где тема обычно закреплена за определённым набором формул (эффект «экономии», thrift), в древнеанглийском языке одна «основная мысль» (essential idea) может выражаться множеством различных фразеологических вариантов. Это связано с отсутствием структуры колонов и с риторической фигурой вариации (variation), которая поощряет добавление синонимичных полустиший (Foley 1990: 355–357). Фоули показывает также, как в поэме «Андрей» поэт использует тему «изгнания» (Exile) для объяснения иноязычного источника аудитории, погружённой в родную традицию (Foley 1990: 352–354).

Современный этап исследований (с 1990-х годов до настоящего времени) характеризуется отходом от жесткой дихотомии «устный vs. письменный» и признанием того, что англосаксонская поэзия существовала в гибридной устно-письменной культуре. В центре внимания оказывается не просто подсчет формул, а их функция в тексте и коммуникативная прагматика.

В отечественной филологии ко многим сходным выводам пришел М. И. Стеблин-Каменский (1903–1981) — причем совершенно независимо от Пэрри и его учеников. Его концепция «неосознанного авторства» в средневековой традиционной словесности связана с идеей о том, что формулы в «Старшей Эдде» и сагах являются не столько «техническим» средством импровизации, сколько признаком особого типа художественного сознания (Gvozdetskaya 2003: 289). Ю. А. Клейнер (Клейнер 2003а) характеризует соотношение теории неосознанного авторства М. И. Стеблин-Каменского и устно-формульной теории Пэрри–Лорда как взаимодополняющее, а не противопоставленное. Оба подхода, по его мнению, описывают разные аспекты одного явления — перехода от безличного фольклорного творчества к осознанному авторству (Стеблин-Каменский 1978: 40–42). Если Пэрри и Лорд делают акцент на фиксированном тексте (формульность как механизм устной композиции), то Стеблин-Каменский — на психологической основе традиции, вводя понятие «неосознанного авторства», при котором сказитель не осознаёт своего вклада в текст и не рефлектирует над вариативностью (Стеблин-Каменский 1978: 40; он же 1979: 81). Клейнер подчёркивает, что сам Стеблин-Каменский, познакомившись с

книгой Лорда в середине 1970-х годов, признал её «очень близкой» к своей теории, отметив лишь различие в акцентах: у Парри–Лорда — «подход со стороны формы» (метрические условия), у него самого — со стороны психологии творчества (Клейнер 2003а: 80, примеч. 3). Формульность для М. И. Стеблин-Каменского объясняется не столько устным способом композиции, сколько неосознанным следованием традиции, обусловленным, в частности, аллитерационной техникой стиха (Стеблин-Каменский 1978: 12). Показательно, что и исчезновение сложных слов как стилистического приёма в среднеанглийской поэзии Стеблин-Каменский интерпретирует как свидетельство завершения эволюции стиля и перехода к новой, уже неформульной поэтике (Стеблин-Каменский 1978: 12–13). Таким образом, обе теории следует рассматривать как близкие подходы, дающие в совокупности более полное объяснение природы традиционного эпоса и диахронического перехода от фольклорного творчества к литературе.[5]

Е. М. Мелетинский в книге «Эдда и ранние формы эпоса» (Мелетинский 1968) показал, что формула в архаическом эпосе обладает не только технической, но и художественной значимостью. Он рассматривал формулу не как механическую «заплатку», а как элемент более сложной системы, связанной с мифологическим мышлением и особой «эпической картиной мира». На конкретном материале «Эдды» он продемонстрировал, что формулы выполняют композиционную функцию (создание рефренов, маркировка смены нарративных режимов), служат средством художественного контраста (смех — плач, торжество — унижение) и, главное, моделируют фундаментальные пространственно-временные оппозиции архаического миросозерцания (свое/чужое, мифическое время/историческое время). При этом Мелетинский сознательно полемизировал с господствовавшей в западной германистике линией, восходящей к А. Хойслеру. Хойслер и его школа (включая Яна де Фриса) рассматривали эддическую поэзию как сугубо книжное, индивидуальное творчество, а формульный стиль — как

[5] О роли М. И. Стеблин-Каменского в разработке проблем исторической поэтики средневековых текстов, релевантных для устно-формульной теории, написано достаточно — см.: Kleiner 2003a; Клейнер 2003б; 2010: 33–34; Gvozdetskaya 2003; Гвоздецкая 2024; Яценко 2024.

признак поздней модернизации, распада классической героической песни или даже ученического стилизаторства (см.: Мелетинский 1968: 12–14, 16–17). В противовес этой трактовке, Мелетинский настаивал на фольклорных истоках эддической поэтики и на том, что формульность является не свидетельством «декаданса», а имманентной чертой архаического эпического сознания (Мелетинский 1968: 18, 328–330). Таким образом, именно Е. М. Мелетинский, задолго до многих западных критиков устной теории, указал на эстетическую функциональность формульного стиля и на то, что формула не может быть сведена к чисто утилитарному средству.

Впоследствии эти идеи получили развитие и в работах учеников упомянутых исследователей. Так, Е. А. Гуревич (1982), исследуя парные формулы в эддической поэзии, пришла к выводу, что формулы «способны исполнять в тексте и эстетические, и композиционные функции» (Гуревич 1982: 61). В свою очередь, И. Г. Матюшина в статье «Функции формульного стиля в поэмах Англосаксонской Хроники» (Матюшина 2019) развивает функциональный подход, в рамках которого формула рассматривается не как пассивный маркер устности или письменности, а как активный элемент поэтики, наделенный способностью передавать дополнительные смыслы. На материале поэм, включенных в Англосаксонскую Хронику (прежде всего поэмы о смерти Эдуарда Исповедника, 1065 г.), Матюшина показывает, что формулы используются здесь для создания образов и мотивов при помощи ассоциаций с традиционными образами героической и духовной поэзии. Главную функцию формульного стиля в письменной поэзии она предлагает называть «ассоциативной»: «создатель поэмы осознанно использовал в качестве приемов характерные черты техники аллитерационного стиха и традиционный формульный стиль, наделенный ассоциациями с древнегерманской героической, духовной и элегической поэзией» (Матюшина 2019: 78). Формулы, по ее наблюдению, наделяются также героизирующими, архаизирующими и ностальгическими коннотациями.

Московская школа исторической поэтики, ярче всего представленная трудами О. А. Смирницкой и ее учеников, ставит во главу угла **слово**. Статьи в ежегодных выпусках альманаха «Атлантика. Записки по исторической поэтике» и программный сборник «Сло-

во в перспективе литературной эволюции» (2004) в этом смысле чрезвычайно репрезентативны. Для исследователей этого направления слово в эпическом тексте — это не просто лексическая единица, а своего рода «смысловой сгусток», хранящий память о породившей его культурной и мифологической реальности[6].

О. А. Смирницкая в монографии «Стих и язык древнегерманской поэзии» (1994) предложила принципиально иной взгляд на природу формульности. Она показала, что формула в аллитерационном стихе не может быть понята как простой лексический повтор: она возникает из самого устройства древнегерманского стиха, где метрические единицы еще не отграничены от целостных смысловых частей высказывания, а слово в составе формулы сохраняет свою семантическую весомость. Смирницкая настаивала на том, что формульность не может быть сведена к техническому инструментарию, так как это «неизбежно повлекло бы автоматизированность формы, несовместимую с самой природой искусства» (Смирницкая 1994: 226). Для нее формула — это не столько «строительный материал» для сказителя, сколько *способ существования поэтического смысла* в условиях аллитерационного стиха. Соответственно, эпическая формульность — это не внешнее свидетельство устного происхождения текста, а результат внутреннего воздействия стиха на языковую синтагматику[7]. Исследовательница настаивает на принципиальном разграничении двух явлений: формульности как глубинного структурного свойства поэтического языка — закономерного итога его метрической «оформленности»

[6] Ср. характерную в этом плане трактовку взаимодействия поэтического и естественного языка в древнеанглийской эпической традиции: «Древнеанглийский поэтический язык черпал простые синонимичные наименования из запаса устаревших, вышедших из употребления слов индоевропейского происхождения, ср. имена мужа, воина, героя» (Гвоздецкая 2020: 348).

[7] «Формульность эпической поэзии рассматривается в работе как результат воздействия стиха на языковую синтагматику. В формульности проявляется также ориентация словосочетаний, заполняющих КС [краткую строку — *Н. Б.*], на конкретные словесные структуры, канонизуемые в частных метрических схемах. Таким образом, эволюция КС имеет своей оборотной стороной усиливающееся сцепление метрики с языком и развитие формульности эпической речи» (Смирницкая 1994: 220).

и эволюции краткой строки — и традиционных «формул», представляющих собой устойчивые лексические коллокации, способные сохранять известную независимость от стиховой формы.

Расхождения с классической устно-формульной теорией здесь носят не столько полемический, сколько методологический характер: принимая положение А. Лорда о формуле как особой «грамматике» поэзии[8], Смирницкая вместе с тем переносит акцент с проблемы «устности vs. письменности» на проблему типа авторства: наблюдаемая в «Беовульфе» и эддических песнях формульность трактуется ею не как пережиток устной импровизации, а как проявление фундаментального единства стиха и языка, достигающего своего предельного развития в «большом» эпосе на исходе традиции, — тогда как в письменной словесности эта формульность способна трансформироваться в сознательно культивируемый художественный прием. Анализируя соотношение лексико-семантических и ритмико-синтаксических формул, О. А. Смирницкая показывает, что тонкости аллитерационной метрики не могут существовать в отрыве от эпических тем и, следовательно, среди многочисленных ритмико-синтаксических схем, моделируемых стихом, всегда обнаруживаются и семантически сближаемые словосочетания; в то же время она предостерегает от сведения этой сложной системы к чисто синтаксическим схемам, критикуя, в частности, опыт Ф. Кэссиди, исключившего метрику из анализа формул «Беовульфа» и тем самым утратившего сам предмет исследования — поэтическую грамматику как таковую. Наконец, важнейшая задача, которую Смирницкая формулирует в заключение, состоит в том, чтобы понять, каким образом в традиционном искусстве, основанном на неосознанном авторстве, предотвращается

[8] «Рассматривая формульность как общий структурный признак поэтического языка, а также связывая формульность с эпическим авторством, мы тем самым разделяем основные положения формульной теории. Для настоящей работы остаются основополагающими тезисы А. Лорда о нерасчлененности воспроизведения и сочинения в эпическом искусстве <…> **и о существовании формульности как особой «грамматики» поэзии, надстроенной над грамматикой общего языка**» (Смирницкая 1994: 221). — *Здесь и далее все шрифтовые выделения в текстах цитат сделаны мною — Н. Б.*

автоматизация языка, — а это, в свою очередь, требует перехода от плана выражения к семантике и от синтагматики краткой строки к ценностной структуре долгой строки, организуемой аллитерацией (См.: Смирницкая 1994: 224–226).

Обращаясь к синонимическим системам «Беовульфа», О. А. Смирницкая показывает, что для школы Ф. П. Магуна отношения между синонимами (например, десятками наименований моря) всецело формализованы: поскольку предметно-логические различия между ними стерты, выбор синонима диктуется исключительно его просодической формой и пригодностью для аллитерации. Исследователи этого направления — в частности, Р. Крид и У. Уоллон — фактически низводят синонимы до взаимозаменяемых конструктивных элементов, подставляемых в формулу по формальным основаниям, что с неизбежностью ведет к выводу об автоматизации поэтического языка и, как следствие, к трудноразрешимому противоречию между «формульностью» и «искусством».[9] Смирницкая, опираясь на идею Ю. М. Лотмана об «ин-

[9] Строго говоря, позиции Р. П. Крида и У. Уоллона не тождественны, и Смирницкая объединяет их именно в рамках критики общей методологической установки, а не полного совпадения взглядов. Крид — наиболее ортодоксальный последователь гарвардской «устной школы». В программной статье “The Making of an Anglo-Saxon Poem” (Creed 1959) он доводит принцип формульной автоматизации до предела: поэт не выбирает слова, а монтирует стих из готовых ритмико-синтаксических блоков, руководствуясь исключительно аллитерационной «полезностью» (utility) (Creed 1959: 445, 446–447). Синонимы, с этой точки зрения, — не носители смысловых оттенков, а просодические варианты одного функционального элемента; первый элемент составного слова «скорее существует ради аллитерации, чем ради более точного обозначения» (Creed 1959: 452–453). Тем не менее, сам Крид, завершая статью, признаёт, что его собственная попытка пересочинить отрывок «Беовульфа» по тем же формульным правилам оказалась художественно несостоятельной, но не находит способа разрешить это противоречие в рамках своей теории (Creed 1959: 453–454). У. Уоллон в книге “Formula, Character, and Context” пытается показать, что гомеровские эпитеты не просто формулы, а значимые характеристики индивидуального характера героя (Whallon 1969: 1–30). Однако, как замечает рецензент Уоллона Ф. М. Комбеллак, эта связь не всегда подтверждается сюжетом: в «Илиаде» Ахилл ничем не выделяется как особенно быстрый бегун, несмотря на свой постоянный

формационном парадоксе» канонического искусства, утверждает принципиальную невозможность автоматизации формы в условиях неосознанного авторства: формализованные синонимические системы, где отношения между словами действительно определяются исключительно их просодикой, сложились не в эпосе, а в поэзии скальдов, — но там они и сопровождаются рождением индивидуального авторства, осознающего форму как личное достижение. В эпосе же, где сочинение и воспроизведение не разделены, форма сохраняет свою неавтоматизированность именно благодаря тому, что дифференциация синонимов осуществляется не по формально-просодическому, а по ценностному принципу — через систему «метрических рангов», определяющих предрасположенность синонимов к определенным позициям в краткой строке и к определенным типам формул. Эта ранговая иерархия не является застывшей данностью, но должна творчески воссоздаваться при каждом исполнении, вовлекая память аудитории и обеспечивая самовозрастание эстетической информации. Таким образом, О. А. Смирницкая приходит к выводу, что хотя выход за пределы круга идей, внушаемых эпической поэтикой, осуществлялся разными путями в христианской поэзии и у скальдов, но сам эпический мир, замкнутый в себе и существующий лишь в непрерывном поэтическом воспроизведении, базируется на принципиально иной, ценностной, а не формальной организации синонимических систем (см. Смирницкая 1994: 227–239).

Н. Ю. Гвоздецкая в статье «Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе» (2016) предпринимает анализ одной конкретной формулы — ‘X maþelode’ («[не-

эпитет «быстроногий»; так что попытка доказать, что эпитеты влияют на представление о характере героя, остаётся не более чем «интересной догадкой» (Combellack 1969: 42–43). При этом структурно-статистический метод Уоллона, основанный на дистрибуционном анализе синонимов и понятии «экономии» (thrift), показывает, что в древнеанглийской поэзии выбор между такими словами, как *beorn / guma / hæleþ / rinc* («воин») или *brim / holm / wæg / sæ* («море»), практически полностью предопределён аллитерацией и метрической позицией (Whallon 1969: 86–95, 113–116). Таким образом, при всех различиях в риторике и исходных установках, древнеанглийский поэт в их интерпретации действует не как творец, а как оператор формальной системы.

кто] молвил») — в поэме «Беовульф». Она показывает, что данная формула тесно связана с ситуациями пира и битвы как наиболее значимых социальных актов раннего средневековья и сопровождает ритуальные действия (приветствие, похвальбу, клятву, дарение сокровищ). Формула обладает высокой структурной и лексической устойчивостью, а ее расширение за счет патронимов, этнонимов и эпонимов «придает ей значимость в отображении ценностей героического мира» (Гвоздецкая 2016: 163). Вместе с тем, авторские ремарки нарративного или рефлексивного характера, сопровождающие эту формулу в «Беовульфе», свидетельствуют о глубоких изменениях, которые претерпевала поэтика героического эпоса в пору христианизации Англии. Исследование Гвоздецкой демонстрирует, как этимологический и деривационный анализ одного глагола (maþelian) позволяет возвести семантику формулы к эпохе общегерманского племенного общества.

Опираясь на эволюционную теорию литературы М. И. Стеблин-Каменского и концепцию архаического аллитерационного стиха О. А. Смирницкой, Н. Ю. Гвоздецкая в других своих работах предлагает семиотическую трактовку древнеанглийской поэтической лексики (см.: Gvozdetskaya 2003; Гвоздецкая 2002; 2003; 1995; 1997; 2004; 2016; 2020; 2024). В частности, с этой точки зрения «формула» рассматривается не как механическое средство устной импровизации, а как гибкая семиотическая единица, вариативная и в плане содержания, и в плане выражения, способная адаптироваться к развитию сюжета и к переосмыслению традиционных тем в контексте христианской культуры (Gvozdetskaya 2003). На примере формульных систем, связанных с обозначениями Гренделя, Н. Ю. Гвоздецкая показывает, как варьирование компонентов формулы фиксирует ключевые моменты «поэтической биографии» персонажа, а на примере синонимов *sele* и *heall* демонстрирует, что даже этимологически близкие лексемы дифференцируются не по формальному, а по функционально-семантическому принципу, становясь центрами притяжения для разных формульных систем и закрепляясь за разными ролями в эпическом нарративе. Опираясь на идею О. А. Смирницкой о «мотивирующей силе» аллитерации, исследовательница утверждает, что звуковое сходство в поэтической речи воспринималось как семантическая близость, а звуковое различие — как различие зна-

чений; тем самым аллитерация обусловливала «дифференцирующую силу» синонимии и «интегрирующую силу» полисемии, что, с одной стороны, позволяло показывать объект в его различных аспектах, а с другой — способствовало слиянию старых германских понятий с новыми христианскими. Особое внимание в статье уделяется *поэтическому композиту*, который трактуется как семиотическая единица, совмещающая функции номинации и предикации: композит одновременно идентифицирует предмет рассказа и содержит в себе «зародыш» сюжета, который может быть развернут в повествование, что наглядно демонстрируется анализом начальных строк «Беовульфа», где именные композиты и глагольные фразы образуют непрерывную ткань текста. В итоге Н. Ю. Гвоздецкая приходит к выводу, что адекватный семантический анализ древнеанглийской поэтической речи требует учета специфических семиотических и прагматических особенностей архаического литературного мышления, в котором «сочинение» и «воспроизведение» были нераздельны, а формула выступала не как риторическое украшение, а как фундаментальный механизм текстопорождения. В конце концов, именно функционирование формулы в тексте оказывается ключевым критерием ее единства и стабильности[10].

В статье «Древнеанглийский поэтический стиль: слово и текст» Н. Ю. Гвоздецкая рассматривает поэтический композит в качестве центральной текстообразующей единицы, в которой находит отражение специфика «неосознанного авторства» (Гвоздецкая 2004б)[11]. Основываясь на концепции О. А. Смирницкой о «тек-

[10] Ср.: «Единство формулы лежит не на лексическом уровне, а на уровне семантико-синтаксическом. Однако семантико-синтаксическое понимание стабильности формулы не может быть сведено ни к абстрактно-синтаксической модели (вместе с ее ритмическим воплощением), ни к чисто концептуальному аспекту. Определение стабильности формульной системы (ее границ) действительно лежит между Сциллой ритмико-синтаксической модели и Харибдой лексического «концепта», но тождество ее самой себе обеспечивается лишь ее функцией в тексте. Отсюда следует, что важнейшая задача изучения формульных словосочетаний — показать, как работает их семантика (и семантика составляющих их слов) на построение нарративных структур текста» (Гвоздецкая 2004: 43).

[11] Принципиально важной представляется следующая формулировка: «Поэтическое творчество в эпоху неосознанного авторства было основа-

сте в тексте», она показывает, что сложное имя (типа *Gār-Dene*) выступает не просто средством аллитерации или украшения, а свернутым высказыванием, содержащим в себе «зародыш» будущего повествования. В начальных строках «Беовульфа» субстантивные эпитеты намечают те признаки героев, которые затем развертываются в глагольных предикатах, так что идентификация и характеризация оказываются нераздельны. Вторая ключевая функция композита — резюмирующая: в составе эпической вариации композит «останавливает» рассказ, свертывая предшествующее сообщение в образ (например, *micel morgensweg* «великий утренний вопль» как итог описания поднявшегося плача); тем самым композит органически соединяет две стороны эпического творчества — «сочинение» (динамику сюжета) и «воспроизведение» (статику традиционных смыслов). Исследовательница приходит к выводу, что «предикативность» и «номинативность» композита реализуют единый принцип взаимопревращения имени и высказывания, вследствие чего семантический анализ древнеанглийской поэтической речи не может быть сведен к инвентаризации стилистических приемов, но должен учитывать глубинную соотнесенность словесной и фразовой номинации, укорененную в архаическом типе художественного мышления.

но на припоминании известного из традиции текста, на развертывании известных тем. Отправным пунктом припоминания служит многопризнаковый образ предмета — зерно будущего рассказа. **Удобной лингвистической формой является для такого образа сложное имя.** Его идеализированной поэтической моделью служит композит с украшающим субстантивным эпитетом, в котором название отвлеченного признака не дифференцировано от названия вещи» (Гвоздецкая 2004б: 307). Ср. также: «Всякое значение в архаическом аллитерационном стихе оказывается в некотором роде «связанным» контекстом вследствие предопределенности эпическими формулами, а **оценочные (точнее, ценностные) смыслы эпического слова (то есть, в современном понимании, коннотации) по условию составляют часть эпического «денотата»**. В таком случае семантика «орнаментального» субстантивного эпитета является не украшающей добавкой, а неотъемлемой частью обозначаемого композитом лица или предмета, в силу ее сращенности с той социально-значимой информацией, которую передает эпическое слово» (Гвоздецкая 2024: 1706–1707).

Таким образом, по убеждению Н. Ю. Гвоздецкой, формульная вариативность, с одной стороны, и композитное «припоминание» имени-образа, с другой стороны, — это разные грани одного и того же явления: неразличения номинации и предикации в условиях неосознанного авторства. По существу, речь идет об одном и том же феномене: в архаическом поэтическом мышлении граница между словом и высказыванием проницаема, и именно эта проницаемость обеспечивает одновременно и устойчивость традиции (воспроизведение), и возможность ее обновления (сочинение). Таким образом, композит в трактовке Н. Ю. Гвоздецкой оказывается не частным случаем поэтической лексики, а элементарной ячейкой, «молекулой» формульного стиля.

В целом, работы представителей московской школы исторической поэтики, при всех различиях в материале и исследовательской методологии, объединяет стремление уйти от упрощенной дихотомии «устный – письменный» и рассматривать формулу как многофункциональный поэтический прием, чья роль в тексте не может быть сведена к технической утилитарности. Именно в этом пункте их исследования смыкаются с концепцией Ю. А. Клейнера, который, однако, предлагает еще более радикальный пересмотр самой онтологии формулы.

2. Онтология формулы: от лексического повтора к абстрактной модели

Важной вехой в развитии сравнительно-исторического изучения эпоса в России стал сборник «Поэтика традиции» (2010), изданный под редакцией Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера с предисловием Ю. А. Клейнера. Основная концепция сборника была изложена в статье Ю. А. Клейнера «Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии» (Клейнер 2010): в ней формулируется принципиально новый взгляд на природу эпической формулы (ср.: Клейнер 1994; 1999; 2003б; 2013). В настоящей статье мы ставим целью дать систематическое изложение этой теории, проследить ее внутреннюю логику, оценить ее полемический потенциал, а также показать, какое развитие она получила в работах других авторов и как она соотносится с иными направлениями в изучении формульного стиля, представленными в отечественной науке.

Краеугольным камнем подхода Ю. А. Клейнера является пересмотр онтологического статуса формулы. В программной статье сборника «Поэтика традиции» он указывает на фундаментальную терминологическую путаницу, возникшую в рамках самой устной теории. А. Б. Лорд, наряду с собственно «формулами», ввел понятие «формульного выражения», под которым понимался «стих или полустишие, строящееся по образцу формулы» (Лорд 1994: 14). Как показывает Клейнер, критерии разграничения этих двух понятий остаются крайне расплывчатыми, основываясь на субъективной оценке «пределов вариативности» — «бóльшие в случае формульных выражений и меньшие в собственно формулах» (Клейнер 2010: 19).

Клейнер предлагает радикальное решение: формулой следует считать не конкретное словосочетание, а *модель*, описывающую класс потенциальных подстановок. В этом смысле формула сродни математическому или химическому понятию (ср. H_2O), которое описывает соотношение элементов в общем виде, а не их конкретное количество в данном объеме (см.: Клейнер 2010: 20–22). Так, встречающиеся в записях сербохорватского эпоса варианты *davur hogo* («серый конь»), *davur štyran* («бурый конь») и *davur doro* («вороной конь») являются не тремя разными формулами, а реализациями единой формулы[12], которую Клейнер записывает так:

$[_{\text{конь}}[\text{двусложный эпитет}]_{\text{эпитет}}[\text{‘конь’} = \text{два слога}]_{\text{конь}}]_{\text{конь}}$ (Клейнер 2010: 21)[13].

Такой подход переносит анализ из области лексикологии и фольклористики в область синтаксиса и грамматики. Формула трактуется не как застывшее клише, извлекаемое сказителем из «закромов памяти», а как правило порождения высказывания, ана-

[12] «Важно подчеркнуть, что “описываются формулой” не значит “являются формулами”. Данная оговорка существенна, поскольку речь идет о некой обобщенной схеме и ее конкретном воплощении…» (Клейнер 2010: 21).

[13] Ю. А. Клейнер использует запись, принятую в генеративной лингвистике: «крайние индексы означают начало и конец формулы, а также ее значение в целом, а внутренние скобки со своими границами — внутреннюю структуру формулы и значение ее составляющих» (Клейнер 2010: 21, прим. 4).

логичное грамматическому правилу в естественном языке. Сказитель не «цитирует» готовый блок, а строит текст, подставляя необходимые элементы в заданную метром и синтаксисом схему. Именно поэтому Ю. А. Клейнер поддерживает А. Б. Лорда в том, что «в песне нет ничего, что не было бы формульным» (Лорд 1994: 62), понимая под этим тотальную грамматикализованность традиционного поэтического текста.[14]

3. Лингвистика вместо поэтики: просодия и десемантизация эпитета

Вторым значимым компонентом теории Ю. А. Клейнера является перенос внимания с семантики формулы на ее просодическую и синтаксическую обусловленность. В этом пункте его концепция вступает в скрытую полемику с традицией Московской школы исторической поэтики, для которой основным элементом эпического языка выступает слово (прежде всего субстантивный композит) — «смысловой сгусток», мифопоэтический знак.

Ю. А. Клейнер предлагает принципиально иной подход. Для него **формула и есть слово** — но не в том смысле, в каком слово существует в естественном языке, а в том, в каком оно входит в особый, отдельный от естественного *лексикон поэтического языка*. Поэтический язык, в его концепции, — это автономная система, «наложенная» на естественный язык, но обладающая собственной грамматикой и собственным словарем (ср.: Клейнер 1999).[15] Еди-

[14] Ключевым рассуждением Лорда для Ю. А. Клейнера является следующее: «Рассматривая модели и системы устного повествовательного стиха, мы в действительности наблюдаем “грамматику” этой поэзии, причем эта грамматика как бы накладывается на грамматику соответствующего естественного языка. …[М]ожно сказать, что внутри грамматики языка мы обнаруживаем некую особую грамматику, необходимость которой обусловлена версификацией. **Словосочетаниями и предложениями для этой грамматики являются формулы.** Раз овладев этим языком, его носитель пользуется им, и в этом ничуть не больше механистичности, чем в нашей обычной речевой деятельности» (Лорд 1994: 50) — см.: Клейнер 2010: 25.

[15] «Дж. М. Фоули называет такие «сращения» (*amalgamations*) «сло-

ницей этого словаря является не лексема типа *gār* или Dene, а целая формульная модель — например, [эпитет + этноним]. Вслед за М. И. Стеблин-Каменским, Ю. А. Клейнер указывает на явление *десемантизации* эпитетов в составе формулы.

На этой основе делается радикальный методологический шаг. Если для московской школы *Gār-Dene* («копьеносные даны») и *Ēast-Dene* («восточные даны») — это *разные* слова с разной семантикой, отсылающие к разным аспектам реальности (война vs. география), то для Клейнера это **одно и то же** слово поэтического языка, реализованное в двух вариантах, выбор между которыми диктуется не смыслом, а требованиями аллитерации. В строке, где аллитерация требует звука /g/, будет «произнесено» (реализовано) *Gār-Dene*, где требуется гласный — *Ēast-Dene*, где /w/ — *West-Dene* («западные даны»). Семантическое различие между этими вариантами в момент порождения текста редуцируется почти до нуля, подобно тому как в современном английском выбор между вариантами окончания множественного числа /s/, /z/ или /ɪz/ не несет никакой смысловой нагрузки, а целиком определяется фонетическим окружением. Эпитет в составе такой формулы функционально уподобляется не значимому слову, а морфеме или даже служебному аффиксу[16] (см.: Клейнер 2010: 34–35; более подробно эти примеры анализируются в: Клейнер 2003а: 81–83). Формула в этой системе — результат компромисса между фразовым ударением и интонацией живого языка и жесткой сеткой аллитерационного стиха.

вами» (в кавычках), что является предпочтительным по сравнению с его же терминами ‘составные слова’ (*composite words*) или «укрупненные слова» (larger words), т. е. нечто, составленное из более мелких единиц, и не отражает в достаточной степени отличия поэтического языка от языка естественного <…>. Можно сказать, что формулы, лежащие в основе этих «сращений», и являются элементарными единицами языка устной эпической традиции, позволяющими сочетать постоянство содержания и вариативность (= отсутствие фиксированности) формы» (Клейнер 2010: 31–32).

[16] «В древнеанглийском “Беовульфе”, например, одни и те же “даны” (Dene) могут быть “западными” (*West*), “восточными” (*Ēast*) или “копьеносными” (*Gār*) и т. д. (Клейнер 2010: 34).

Отсюда вытекает и разное понимание самой задачи исследователя. Московская школа, стремится за «стершимся» эпитетом увидеть породившую его реальность, реконструировать культурный контекст. Клейнер же, верный структурной лингвистике, стремится описать *правила*, управляющие выбором того или иного варианта, — грамматику поэтического языка, в которой формула функционирует как минимальная значимая единица. Это не значит, что он отрицает наличие у эпитета какого бы то ни было смысла; это значит, что для понимания механизмов текстопорождения в устной традиции семантика отдельного слова оказывается вторичной по отношению к просодической и синтаксической дистрибуции. Поэтический язык «не хочет» выражать тонкие смысловые оттенки через выбор эпитета; он «хочет» заполнить метрическую позицию, и для этого годится любой элемент из заданного парадигматического ряда, независимо от его словарного значения.

Таким образом, разница между двумя подходами — это, в сущности, спор о том, где искать «слово» в традиционном поэтическом тексте. Московская школа исторической поэтики ищет его в лексеме с ее образной глубиной и культурной памятью. Петербургская школа Ю. А. Клейнера — в формуле как абстрактной модели, принадлежащей не естественному, а поэтическому языку. И то, что для одной стороны является предметом поэтики и истории культуры, для другой становится объектом строгого лингвистического описания, изоморфного описанию грамматики любого естественного языка. Впрочем, оба подхода вовсе не исключают друг друга, а скорее, взаимодополняют.

4. Формула и тема: иерархия единиц поэтического языка

В работах Ю. А. Клейнера формула рассматривается не изолированно, а в иерархии единиц поэтического языка. Следующей ступенью после формулы является эпическая *тема*. Анализируя определения темы у А. Б. Лорда, Ю. А. Клейнер приходит к выводу, что наиболее адекватным является понимание темы как «структурной единицы, имеющей собственное семантическое наполнение, но неразрывно связанной со своей формой, пусть даже постоянно меняющейся и многообразной» (Клейнер 2010: 37). Да-

лее, он отмечает: «В устной традиции тема характеризуется обязательностью и наличием словесных примет, отличающих ее от других, столь же обязательных тем той же традиции. В сочетании с регулярно повторяющимся содержанием («понятиями, представлениями») такой отрезок традиционного текста, пронизанный формулами, и будет “темой”…»[17]. Такая трактовка формулы «предполагает использование формул в функции тематических маркеров. Соответственно, темы могут рассматриваться как (необходимый и достаточный) формульный контекст, определяющий семантику формулы» (Клейнер 2010: 36).

Формулы в функции тематических маркеров задают структуру темы и ее границы в тексте. Например, древнеанглийское *hwæt* может служить приметой зачина произведения в целом (в «Беовульфе», «Исходе», «Андрее»), а *oð þæt* («до тех пор, пока») указывает на завершение темы «путешествия» и переход к следующей теме (см.: Клейнер 2010: 36–39). Таким образом, выстраивается иерархия: *формула → тема → сюжет*, где каждый уровень обладает собственной грамматикой и семантикой в рамках данного поэтического языка.

5. Формула в прозе: синтаксический ритм саги

Одним из наиболее оригинальных и эвристически ценных расширений теории Клейнера стало ее применение к прозаическим текстам — прежде всего к исландским родовым сагам. Традиционная устная теория сталкивается здесь с очевидным затруднением: формула Пэрри–Лорда по определению привязана к «одним и тем же метрическим условиям». В прозе метра нет. Следовательно, строго говоря, в сагах не может быть формул. Однако любой читатель саг ощущает их глубинную «формульность» — регулярную повторяемость одних и тех же оборотов (*Hann mælti þá* «Тогда он сказал», *Nú er at segja frá* «Теперь следует рассказать о» и т. п.). Клейнер разрешает это противоречие, вводя понятие *синтаксического ритма*.

[17] Как отмечает Ю. А. Клейнер, такое понимание темы подпадает под другое определение А. Б. Лорда — «группа понятий и представлений, регулярно используемых при передаче сюжета в формульном стиле традиционной песни» (Лорд 1994: 84).

По мысли ученого, в саговой прозе место метрической схемы занимает синтаксическая матрица — устойчивая модель построения предложения или сверхфразового единства, закрепленная за определенной нарративной функцией (ввод прямой речи, описание перемещения героя, указание на смену сцены). Эти матрицы допускают лексическую вариативность в рамках жестко заданного синтаксического каркаса.

Вместе с тем, Ю. А. Клейнер подчеркивает принципиальное различие между такой саговой «формульностью» и устной поэтической техникой. В устной поэзии модель диктуется фонологией (аллитерация, счет слогов) и служит для обеспечения безостановочности исполнения. В саге модель диктуется синтаксисом и является результатом *сознательной литературной стилизации*. Писец или автор саги, работая в рамках письменной культуры, не испытывает такого временного давления, как устный сказитель. Повторяемость синтаксических конструкций для него — не техническая необходимость, а стилистический прием, способ придать тексту иллюзию устного происхождения, «эпическую объективность».

Таким образом, Клейнер приходит к выводу: чем более «формульной» (в синтаксическом аспекте) выглядит сага, тем менее она является продуктом устной импровизации и тем более — продуктом развитой письменной традиции, освоившей и переработавшей наследие устного рассказа.

6. Традиция фиксированных текстов и полемика с устной школой

Теоретические построения Ю. А. Клейнера имеют прямой выход в область текстологии и истории культуры. В статьях «Сюжет — песнь — традиция» (Клейнер 1993) и «Устная традиция и традиция фиксированных текстов» (Клейнер 2013) он предлагает новую типологию способов бытования словесности, которая позволяет преодолеть упрощенную бинарную оппозицию «устный – письменный» (ср.: Клейнер 2003б). Клейнер вводит понятие *«традиции фиксированных текстов»*, занимающей промежуточное положение между устной импровизацией и письменной

литературой. К этой категории он относит, например, ведийские гимны или некоторые формы сакральной поэзии, где текст, хотя и не записывается, но заучивается наизусть особой кастой жрецов или певцов и передается с максимально возможной точностью. Такая «устная фиксация» принципиально отлична от «сочинения в процессе исполнения», характерного для эпоса Пэрри–Лорда, и не предполагает той вариативности, которая является conditio sine qua non устной теории.

Применительно к древнегерманским памятникам этот подход означает следующее. Дошедшие до нас тексты «Беовульфа», «Старшей Эдды», саг были созданы в момент перехода из устной (или смешанной) традиции в письменную. Субъектом этого перехода был не устный сказитель, взявший в руки перо, а *писец-редактор* — образованный человек, знакомый как с правилами устной поэтики, так и с нормами книжной культуры. Этот писец-редактор не творит «в процессе исполнения», он работает в условиях письменной фиксации, получая возможность редактировать свои источники, отбирать варианты повествования и выстраивать композицию текста. Примерами таких фигур для Ю. А. Клейнера служат исландский священник Одд Мудрый, по инициативе которого была составлена «Сага об Ингваре Путешественнике», или Снорри Стурлусон, выступивший в роли заказчика и редактора «Круга Земного». К ним можно добавить и не известного по имени автора средневерхненемецкой «Песни о Нибелунгах».

В результате возникает произведение, которое, с одной стороны, пронизано «формульными» оборотами (воспроизводящими грамматику устного стиля), а с другой — демонстрирует ту степень сложности и завершенности, которая недостижима в живой импровизации. Такой текст бытует и функционирует одновременно в двух измерениях — устном и письменном, оставаясь при этом вполне традиционным.

Таким образом, полемика Клейнера с Ф. П. Магуном, объявившим поэму «Беовульф» записью устной импровизации на основании 70-процентной «формульности», переводится в иную плоскость. Сам по себе высокий процент формульных конструкций не доказывает устного происхождения текста. Он может свидетельствовать как об устной технике, так и о *письменной стилизации* под устность, осуществленной по правилам особой «поэтической грам-

матики». Взгляд Клейнера, ориентированный на модель (langue), а не на ее поверхностную реализацию (parole), позволяет адекватно описывать тексты, находящиеся на границе двух культурных эпох.

Различие между подходом Магуна и подходом Клейнера удобнее всего продемонстрировать на том самом материале, с которого, собственно, и началось применение устной теории к древнеанглийской словесности, — на знаменитом «кэдмоновском эпизоде» из «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного. Именно этот эпизод стал для Магуна своего рода «экспериментальной площадкой», а полвека спустя — для Клейнера — столь же удобным полигоном для демонстрации уязвимых мест устной теории. И если Магун, анализируя «Гимн Кэдмона» (Magoun: 1955), нашёл, что 83 % языка поэмы — традиционны (формулы и формульные выражения), и задался вопросом: что составляют остальные 17 %, то Ю. А. Клейнер предлагает радикальное решение, переворачивающее сам подход к проблеме. Если принять формулу как абстрактную схему, а не конкретное повторение, то **нет ничего в поэме, что не было бы формульным.** Остальные 17 % — это не «неформульные элементы», а элементы, описываемые формулами, которые ещё не выявлены из-за недостаточного объёма корпуса или несовершенства метода (см. Kleiner 2020: 115). Так разрешается «парадокс Магуна». Однако формулы не существуют в тексте сами по себе: формульные элементы обретают своё значение не в изоляции, а в рамках *темы* (theme) — структурной единицы с семантической сущностью, которая может варьироваться по форме. Маркеры границ темы — формулы типа *þæt wæs gōd cyning* («то был добрый король») или *oþ þæt* («до тех пор, пока») (Kleiner 2020: 114).

Однако вернемся в полемике вокруг «Кэдмоновского эпизода». Напомним вкратце фабулу. Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis) в «Церковной истории народа англов» (“Historia ecclesiastica gentis anglorum”, ок. 731 г.) рассказывает о некоем неграмотном пастухе Кэдмоне, который во время пира, когда арфа передавалась по кругу и каждый должен был что-то спеть, от стыда покидал застолье, потому что не умел слагать стихов. Однажды ночью, уснув в хлеву, он увидел во сне некоего мужа, повелевшего ему: «Спой мне о начале творения». И Кэдмон, никогда прежде не сочинявший стихов, немедленно пропел «Гимн Кэдмона» — древнеанглийское

переложение библейской космогонии. Проснувшись, он помнил всё спетое во сне и вскоре, будучи представлен аббатисе Хильде (ок. 614–680 г.), был принят в монастырь Уитби и стал родоначальником христианской поэзии англосаксов.

6.1. Интерпретация Ф. П. Магуна: случай из практики устного сказителя

Для Ф. П.Магуна этот эпизод стал «историей болезни» (case-history) устного певца — заголовок его статьи 1955 г. (“Bede’s Story of Caedmon: The Case-History of an Anglo-Saxon Oral Singer”) говорит сам за себя. Магун прочитывает рассказ Беды как ценное историческое свидетельство, приоткрывающее завесу над тем, как функционировала устная традиция в англосаксонском обществе. Его интерпретация такова:

1. Кэдмон — это типичный устный сказитель, владеющий традиционной формульной техникой. Тот факт, что он «не умел» петь на пирах, Магун объясняет не отсутствием поэтического дара, а тем, что репертуар Кэдмона — в отличие от репертуара его товарищей — состоял из песен на христианские, а не на традиционные германские сюжеты. Когда арфа передавалась по кругу и пелись песни о подвигах предков, Кэдмону просто нечего было предъявить. Его репертуар был иным, но техника — общей.

2. Само «чудо» обретения дара Магун объясняет вполне рационально, в рамках устной теории. Кэдмон, уже будучи носителем традиционной формульной техники, получает во сне «заказ» на новую тему — библейскую. И он исполняет этот заказ, используя готовые формулы, которые были в его распоряжении. Его гимн, проанализированный Магуном с точки зрения формульной плотности, оказывается сотканным из тех же формул, что и остальная древнеанглийская поэзия. Никакого «чуда» здесь нет: есть работа механизма устного сложения, просто примененного к новому, христианскому содержанию.

3. Беда, с точки зрения Магуна, просто не понял этой истории. Будучи человеком книжной, латинской культуры, он интерпретировал нормальную работу устного сказителя как божественное откровение. Рассказ Беды — это, так сказать, «перевод» феномена устного творчества на язык христианской агиографии.

6.2. Интерпретация Ю. А. Клейнера: символ новой поэтической традиции

Ю. А. Клейнер, в своем учебном пособии «Гимн Кэдмона» (Клейнер 2010) и статьях, посвященных этому эпизоду (Kleiner 2008; Kleiner 2020), предлагает принципиально иную интерпретацию. Его анализ движется не от устной теории к тексту, а от самого текста Беды — к той культурной ситуации, в которой этот текст создавался.

Прежде всего, Ю. А. Клейнер обращает внимание на внутренние противоречия в рассказе Беды. С одной стороны, Беда говорит, что Кэдмон не умел петь и потому покидал пиры. С другой — он же говорит, что Кэдмон «не узнал других стихов», кроме религиозных, то есть что его репертуар был ограничен христианской тематикой. Но если он *не умел* петь, то у него вообще не было репертуара, — а если у него был репертуар (пусть и христианский), то он *умел* петь и незачем было покидать пир. Это противоречие, замечает Клейнер, не случайно. Оно выдает наличие двух разных логик в рассказе Беды: логики описания реального устного сказителя и логики конструирования легенды о «первом поэте».

Далее Ю. А. Клейнер реконструирует ту культурную задачу, которую решал Беда. Его целью было не зафиксировать для потомков случай из жизни безвестного пастуха, а создать **основополагающий миф** для новой, христианской поэтической традиции англосаксов. Беда прекрасно знал, что до Кэдмона существовала богатая устная традиция германского эпоса. Но эта традиция была языческой, и ее необходимо было не просто оттеснить, а *заменить* новой. Для этого требовался акт учреждения — своего рода «нулевая точка» традиции. Кэдмон и становится такой точкой.

Крайне показательно, *что именно* приказывает спеть Кэдмону таинственный посетитель: не что-нибудь из традиционного репертуара, а «начало творения» — библейский сюжет. И Кэдмон, получив этот заказ, мгновенно его исполняет, минуя весь тот длительный период ученичества, который обязателен для реального устного сказителя. Если в традиционной сказительской культуре «легенда о призвании певца» служит объяснением того, как певец приобщился к *уже существующей* традиции, то в версии Беды она служит объяснением того, как традиция *возникла* — и возникла

она из ничего, из прямого божественного откровения.

Наконец, Ю. А. Клейнер анализирует формульную структуру самого гимна. Он признает, что гимн насыщен формулами, общими с «Беовульфом» и другими памятниками. Но для него это не доказательство устного происхождения, а свидетельство того, что гимн был создан внутри *письменной* культуры, автором, прекрасно владевшим поэтической грамматикой своего времени. Более того, этот автор (кем бы он ни был — самим Бедой, переведшим гимн на древнеанглийский, или кем-то из его окружения) создал текст, который должен был выглядеть *как устный*, чтобы выполнить свою главную функцию: предъявить читателю образец «правильной», христианской поэзии, неотличимой по форме от традиционной, но принципиально новой по содержанию.

6.3. Существо расхождений

Таким образом, одно и то же историческое свидетельство в двух интерпретациях предстает как два разных объекта. Для Магуна это «окно» в реальную практику устного сказительства, позволяющее увидеть, как устный певец осваивает новую тему старыми средствами. Кэдмон Магуна — традиционный сказитель, нечаянно записанный не понявшим его книжником.

Для Ю. А. Клейнера это «окно» в иную реальность — реальность целенаправленного культурного строительства, которое вели интеллектуалы Каролингского возрождения и их англосаксонские коллеги. Кэдмон Клейнера — это не реальный пастух, а **культурный конструкт,** фигура «первопоэта», сконструированная Бедой для легитимации христианской поэтической традиции. Его «Гимн» — не запись устной импровизации, а тщательно изготовленный по правилам поэтической грамматики образец, призванный имитировать устность и тем самым сообщить новой традиции авторитет древности.

Это различие в трактовке кэдмоновского эпизода отражает различие двух научных подходов в целом — условно говоря, «эмпирического» и «скептического», или «фольклористического» и «филологического». И выбор между этими подходами, как показывает Ю. А. Клейнер, не может быть сделан на основе простого подсчета формул: он требует учета всего комплекса исторических, культур-

ных и литературных данных. Магун, сам того не желая, оказался заложником той самой легенды, которую Беда создал для своих современников. Клейнер же предлагает посмотреть на эту легенду как на *объект* анализа — и в этом, быть может, состоит его главный методологический урок.

7. Развитие концепции в трудах учеников и коллег

Научная продуктивность теории Ю. А. Клейнера подтверждается уже хотя бы тем, что она стала основой для самостоятельных и оригинальных исследований других авторов, работающих на принципиально разном материале. Обратимся к уже упомянутому нами сборнику «Поэтика традиции» (2010) и некоторым другим работам «клейнеровского круга».

М. Л. Кисилиер в статье «Что это такое — язык поэтической традиции?» (Кисилиер 2010) применяет клейнеровскую методологию к материалу византийского и новогреческого эпоса. Он предлагает рассматривать формулу не как застывшее словосочетание, а как ограничение на количество и направление «ветвления» синтаксической структуры. Ключевым понятием для него становится *«вершина»* — элемент, стоящий во главе синтаксической структуры и обусловливающий ее форму. Формула, по Кисилиеру, — это «необходимое ограничение на (1) количество шагов ветвления и (2) направление ветвления» (Кисилиер 2010: 64).

Д. Д. Пиотровский формулирует важнейший прагматический критерий, имплицитно присутствовавший у Клейнера, но не эксплицированный с такой четкостью. Анализируя фарерские баллады, Пиотровский отмечает, что в них присутствуют и формулы (например, *tað var* ‘это был’), и текстовые повторы, которые не следует смешивать с формулами (Пиотровский 2010: 365). Ключевое отличие устной формулы от письменного клише он видит в «полезности» для сказителя в момент исполнения. Формула является таковой только для сказителя и только в момент исполнения, когда она служит средством быстрого, безостановочного сложения песни (Пиотровский 2010: 365). Это разграничение грамматики (формула в устной традиции) и стилистики (клише в письменной литературе) является прямым развитием клейнеровского разграничения языка и речи, системы и ее реализации.

Важным вкладом в развитие концепции поэтического языка, сформулированной Ю. А. Клейнером, следует признать тезисы Д. Д. Пиотровского, посвященные проблеме транзитивности формулы (Пиотровский 2026). Центральный вопрос, который ставит исследователь, логически вытекает из программного положения Клейнера о том, что поэтический язык представляет собой одно из проявлений общенационального языка и, следовательно, должен рассматриваться как система, обладающая собственными грамматикой и лексиконом (Клейнер 1999). Если формула действительно является строевой единицей такого языка, то к ней, по-видимому, должна быть применима классическая для структурной лингвистики дихотомия эмического и этического (ср. фонема и аллофон, морфема и алломорф). Однако Пиотровский приходит к отрицательному ответу на этот вопрос, выстраивая свою аргументацию вокруг математического свойства *транзитивности*.

Суть аргумента сводится к следующему. Для единиц естественного языка, например фонем, действует принцип транзитивности: если два аллофона ([a] и [b]) признаются вариантами одной фонемы, и то же самое справедливо для другой пары ([b] и [c]), то из этого с необходимостью следует, что [a] и [c] также являются вариантами той же самой фонемы ($a=b \wedge b=c \rightarrow a=c$). Пиотровский демонстрирует, что для эпической формулы в том виде, как она понимается в школе Клейнера, этот принцип не выполняется[18]. В качестве иллюстрации он обращается к хорошо изученному им материалу фарерских баллад. Так, строки *Ligg nú heilur Sigmundur* («Лежи, мой добрый Сигмунд») и *Hoyr tú reysti Sigmundur* («По-

[18] «Необходимо помнить, что сущность формулы, в частности, состоит в ее способности к варьированию. Следовательно, внутри формулы обязательно выделяются постоянная и переменная часть. Поэтому в первом приближении принцип единства формулы можно представить так: $a(\alpha+\beta) = b(\alpha+\gamma)$, где латинскими буквами обозначены варианты формулы, а греческими – части формулы, которые могут быть постоянными (α) или переменными (b, γ). Но то, что было постоянной частью, может стать переменной, и наоборот. И тогда возможно отождествление типа $b(\alpha+\gamma) = c(\delta+\gamma)$. **Если бы отношение единства формулы было транзитивным, то нужно было бы отождествить *a* и *c*: $a(\alpha+\beta) = c(\delta+\gamma)$. Однако для отождествления вариантов формулы необходимо наличие части постоянной, чего в последнем случае нет**» (Пиотровский 2026).

слушай, могучий Сигмунд») правомерно рассматривать как реализации одной формулы, поскольку они имеют общую постоянную часть — имя героя (*Sigmundur*). В свою очередь, строка *Hoyr tú reysti Sigmundur* может быть отождествлена со строкой *Hoyr tú reysti Sjúrður* («Послушай, могучий Шуур») на том основании, что их общей частью является уже не имя, а целая синтаксическая конструкция (*Hoyr tú reysti*). Однако попытка применить транзитивный переход и объявить вариантами одной формулы строки *Ligg nú heilur Sigmundur* и *Hoyr tú reysti Sjúrður* оказывается несостоятельной: у них попросту отсутствует какой-либо общий элемент. Следовательно, заключает Пиотровский, отношение «быть вариантом одной формулы» является нетранзитивным.

Из этого наблюдения делается важный теоретический вывод: выделение эмических и этических единиц на уровне формулы неправомерно. Данное заключение, однако, следует трактовать не как опровержение, а как существенное уточнение теории Клейнера. Последний постулировал изоморфизм поэтического и естественного языков, в то время как Д. Д. Пиотровский эксплицитно указывает на онтологическую границу этого изоморфизма. В естественном языке наблюдается жесткая иерархия эмических единиц (фонема, морфема, лексема), где отношения между вариантами внутри каждого уровня подчиняются принципу транзитивности. Напротив, формула в поэтическом языке предстает как единица более высокого порядка, своего рода «гештальт», чья целостность не разложима на сумму составляющих и не подчиняется логике транзитивных подстановок. Для объяснения этого феномена Пиотровский выдвигает две гипотезы. Согласно первой, проблема кроется в самой природе единиц надсловного уровня: возможно, эмические единицы в принципе не могут быть выделены на уровнях выше слова, а формула принадлежит уже к сфере текста. Вторая гипотеза апеллирует к диахронии и предполагает, что язык устной поэзии мог законсервировать более архаичное состояние языковой системы, при котором отношения между строевыми элементами носили не строго транзитивный, а, скорее, ассоциативный или радиальный характер, типологически сходный с принципом семейного сходства, описанным Л. Витгенштейном и впоследствии примененным Дж. Лакоффом к анализу естественных категорий.

Данный тезис органично дополняет и развивает теоретическую модель, разработанную в рамках школы Клейнера. Если в подходе самого Клейнера формула определялась как абстрактная модель или парадигма, то Пиотровский уточняет ее природу, квалифицируя как *нетранзитивную парадигму*. Соответственно, иначе видятся и отношения внутри этой парадигмы. Вместо единой системы, где все подстановки связаны общей «основной мыслью» и метрической позицией, предлагается сетевая модель, в которой варианты связаны попарно через какой-либо общий элемент (лексический, синтаксический или просодический), но эти попарные связи не образуют единого транзитивного класса.

Практическое значение этого теоретического уточнения трудно переоценить. Принятие тезиса о нетранзитивности формулы ставит под вопрос традиционную практику составления «словарей формул», характерную для исследований гомеровского или древнеанглийского эпоса. Становится очевидным, что метод простой группировки всех строк, содержащих определенное «опорное слово», методологически уязвим. Связи внутри формульной системы являются не иерархическими, а сетевыми, и лексика представляет собой лишь одну из возможных, но отнюдь не единственную точку входа в эту сеть. Тем самым получает дополнительное обоснование настойчивое стремление как самого Ю. А. Клейнера, так и М. Л. Кисилиера перенести фокус анализа с лексического состава формулы на ее синтаксическую модель и метрическую позицию. Сказитель в процессе исполнения движется по этой нетранзитивной сети от одного узла к другому, но не оперирует в своем сознании неким абстрактным «аллофонным рядом» формулы как единой эмической сущности — прежде всего потому, что такой сущности в системе поэтического языка, согласно выводам Пиотровского, не существует.

Н. А. Бондарко переносит клейнеровскую логику на анализ прозаических духовных текстов. Для этого им вводится понятие *«продуктивной модели»* — «многократно воспроизводимой во всех текстах данной традиции проекции некоего стереотипного смысла на типовую синтаксическую структуру» (Бондарко 2010: 307). В этой статье и ряде других работ Бондарко показывает, что в немецкой мистической прозе место метрической матрицы занимает логико-синтаксическая схема, связанная с риторической тради-

цией, определенными жанрами и характерными для них топосами. На примере средневекового немецкого трактата «О смирении» и ряда других выявляется и описывается доминантная модель, реализующаяся в вариантах типа *die demoit ist hübisch* («Смирение куртуазно») или *div minne begert cheines lones* («Любовь не желает никакой награды») (Бондарко 2010: 312–325; см. также Бондарко 2014: 465–493). Анализ подобных текстов показывает, что продуктивная модель является структурой, «объединяющей в себе синтаксическую схему, осложненную семантическими ограничениями в виде логико-грамматических типов предложения, и структуру исключительно когнитивного плана, которая может существовать в культуре в виде топоса» (Бондарко 2010: 308). Этот тип языковой стереотипии имеет преимущественно письменную природу, хотя, разумеется, может воспроизводиться и устно (например, при чтении текста вслух по рукописи или на память).

Статья Е. А. Бабаиной (Бабаина 2019) представляет собой опыт применения методологии клейнеровской школы к материалу среднеанглийского «Аллитерационного возрождения». Отталкиваясь от сформулированного Н. А. Бондарко тезиса о подчиненном положении авторской индивидуальности в традиционном тексте, она переносит центральную для Ю. А. Клейнера проблему разграничения формулы-модели и ее текстовой реализации на почву письменной литературной традиции XIV века. Исследовательница убедительно показывает, что обнаруживаемые здесь ритмико-синтаксические схемы (подобные строкам на *-askes*) являются не семантически мотивированными формулами в духе Пэрри и Лорда, а клишированными синтаксическими матрицами, «формульность» которых исчерпывается метрической позицией и аллитерацией, что полностью соответствует клейнеровской критике «формульного штампа». Следуя призыву своего учителя изучать не «слова», а «грамматику» традиции, Бабаина переносит анализ на глубинные семантические модели и на примере стереотипной структуры эпического поединка демонстрирует, что именно тема, понимаемая как инвариантная единица плана содержания, является главным операциональным инструментом, а ее поверхностные лексические реализации варьируются автоматически, подчиняясь просодической обусловленности — точь-в-точь как при выборе между *Gār-Dene* и *Ēast-Dene* у самого Ю. А. Клейнера. В итоге, критикуя

многоуровневые иерархии нарративных единиц за отсутствие надежных критериев и сводя их к теме как базовому элементу сюжетосложения, Е. А. Бабаина не только успешно операционализирует теоретическую концепцию учителя для решения конкретных задач анализа, но и демонстрирует глубинное структурное сходство аллитерационных поэм и рыцарских романов, работающих по поэтическим законам, изоморфным устной технике, но при этом сугубо литературной природы.

8. Промежуточные выводы

Концепция эпической формулы, разработанная Ю. А. Клейнером, представляет собой одну из наиболее целостных и методологически выверенных теорий в современной медиевистике и лингвистической поэтике. Ее ядро составляет последовательное проведение структурно-лингвистического подхода к традиционному тексту.

Ю. А. Клейнеру удалось решить ряд фундаментальных противоречий, накопившихся в устной теории. Во-первых, он преодолел упрощенное отождествление формулы с лексическим повтором, показав, что подлинная формула — это абстрактная модель порождения, элемент «поэтической грамматики». Во-вторых, он раскрыл глубинную связь формульности с просодическим и синтаксическим строем конкретного языка, переведя анализ из сферы субъективных эстетических оценок в сферу верифицируемых лингвистических фактов. В-третьих, он предложил элегантное решение проблемы «формульности в прозе», введя понятие синтаксического ритма и показав, что саговая клишированность есть продукт не устной импровизации, а письменной стилизации. Наконец, его разграничение «устной традиции» и «традиции фиксированных текстов» создало надежную типологическую рамку для анализа памятников, находящихся на стыке дописьменной и письменной культур.

Научное значение трудов Ю. А. Клейнера выходит далеко за пределы частных вопросов теории поэтического языка и германского эпосоведения. Разработанный им инструментарий применим к анализу любых традиционных текстов: он одинаково успешно работает как на материале средневековой духовной прозы, так и на

материале баллад Нового времени, вскрывая механизмы текстопорождения в самых разных жанровых и исторических контекстах.

9. Формульный анализ «Бытия А» и «Бытия В»: история вопроса

Одним из наиболее показательных примеров, позволяющих апробировать клейнеровский подход за пределами германского героического эпоса, является древнеанглийская поэма «Бытие» (Genesis), занимающая уникальное место в корпусе англосаксонской словесности. Её основная часть (*Genesis A*) представляет собой оригинальное англосаксонское переложение библейского сюжета, тогда как инкорпорированная поэма *Genesis B* является переводом с древнесаксонского источника[19]. Это единственный случай, когда в рамках одного кодекса сосуществуют два генетически разнородных текста на общую тему. Мы получаем редкую возможность сравнить принципиально разные типы поэтической техники на строго контролируемом материале и поставить вопрос о том, детерминирует ли формульный репертуар ту или иную модель текстопорождения, или же оба памятника, несмотря на разное происхождение, подчиняются единой грамматике поэтического языка.

Обе поэмы дошли до нас в составе так называемой Кэдмоновой рукописи, или рукописи Юниуса (Oxford, Bodleian Library, MS Junius 11) — одного из четырёх главных кодексов древнеанглийской поэзии. Манускрипт датируется рубежом X–XI веков, однако тексты, вошедшие в него, были созданы значительно раньше и отстоят друг от друга хронологически. *Genesis A* принято относить к VIII–X вв., и по своей поэтической технике эта поэма примыкает к архаической традиции, наиболее ярко представленной «Беовульфом»[20]. Текст *Genesis B* был переведен с древнесаксонского языка

[19] В порядке исключения здесь и далее мы используем как русский перевод поэмы («Бытие»), так и оригинальное название (Genesis). Это связано со специфической текстологической ситуацией этого памятника. Под «Бытием» мы имеем в виду весь текст поэмы, представленный в кодексе Юниуса. Под *Genesis A* и *Genesis B* имеются в виду две разные поэмы, которые контаминированы в рукописи.

[20] Значительная часть современных учёных склоняется к более поздней дате. Так, А. Н. Доан в своём издании *Genesis A* (Doane 2013) на ос-

во второй половине IX века, после того как оригинал попал в Англию — возможно, вместе с миссионерами или паломниками — и отражает уже иную стадию развития аллитерационной поэзии, осложнённую континентальными влияниями. Таким образом, перед нами не просто два текста на одном языке, но два памятника, разделённых временем, географией и поэтической традицией, — обстоятельство, делающее их сопоставительный анализ особенно ценным для верификации любой теории, претендующей на объяснение природы формульного стиля.

История изучения древнеанглийской поэмы «Бытие» (*Genesis A* и *B*) неразрывно связана с эволюцией устно-формульной теории на протяжении второй половины XX – начала XXI века, и первой в этом контексте следует упомянуть уже рассмотренную нами статью Ф. П. Магуна, посвященную гимну Кэдмона (Magoun 1955). Хотя непосредственно к тексту «Бытия» Магун подробно не обращался, его методология — статистический подсчет формул и выделение формульных систем — сформировала фундамент, на котором строились все последующие исследования. Именно Магун поставил тот самый вопрос, который позже будет обращен и к «Бытию»: является ли дошедший до нас в письменной форме текст записью устного исполнения или же «книжной» имитацией устного стиля? В конце концов, средневековые составители Кэдмоновской рукописи считали, что «Бытие» и есть произведение Кэдмона, сочиненное после обретения певцом поэтического дара.

Р. П. Крид, анализируя строку 1316 поэмы *Genesis A*, где нарушается обычная для древнеанглийского стиха аллитерационная связь между полустишиями, предположил, что такое отклонение свидетельствует об **устном происхождении** текста: певец, дей-

---

новании лингвистических данных и анализа источников допускает, что поэма в её дошедшем до нас виде могла быть составлена или существенно переработана в IX или даже X веке. Вместе с тем, ряд учёных, включая К. О'Брайен О'Киф (O'Brien O'Keeffe 1990), подчёркивают, что тексты такого масштаба часто имеют длительную и многослойную историю бытования. Они могли содержать архаичное метрическое и формульное ядро, но подвергаться языковой и стилистической правке (в том числе при записи в кодекс Юниуса в X–XI веках), что делает однозначную датировку крайне затруднительной.

ствуя в ситуации устной импровизации, допустил сбой, который был бы маловероятен для книжного поэта, выверяющего каждую строку. Тем самым Крид использовал *Genesis A* как доказательство в пользу устной гипотезы, что вызвало возражения оппонентов, указывавших на возможность иных интерпретаций этого пассажа (Creed 1958).

В другой работе Крида (Creed 1967) центральное место занимает устно-формульный анализ заключительной сцены жертвоприношения Исаака в поэме *Genesis A* (строки 2846–2936). Опираясь на теорию Ф. П. Магуна, Крид определяет формулу как повторяющийся стих или полустишие. По его подсчетам, из 182 полустиший анализируемого пассажа 55 являются цельно-стиховыми формулами, а 78 содержат значимые формулы меньшего размера. Общая формульная насыщенность (или плотность) достигает 73 % (Creed 1967: 48). Для сравнения: в аллюзивном фрагменте из поэмы „Исход» (строки 397–406, 10 строк, 20 полустиший), где сцена жертвоприношения Исаака упоминается лишь вкратце, формульная плотность составляет 75 % — близкий показатель, что, по мнению Крида, свидетельствует о принадлежности обоих авторов к единой устной традиции (Creed 1967: 48–49).

Формульность в *Genesis A* служит нескольким целям. Во-первых, она позволяет драматизировать библейский источник: речь Бога (строки 2850–2859) содержит 68 слов против 22 в прозаическом переводе, причём расширение достигается за счёт формул *þín ágen bearn* («твоё собственное дитя»), *stéape dúne* («крутые горы») *sweartan líege* («тёмным пламенем»), которые нагнетают ужас (Creed 1967: 50–51). Во-вторых, формульность поддерживает традиционный героический кодекс: Бог выступает как *cyning* («король»), испытывающий *ellen* («мужество») Авраама (Creed 1967: 50). В-третьих, формулы участвуют в ритмическом ускорении: в сцене заклания (строки 2902–2908) восемь стихов типа A подряд с повторяющимся наречием *þá* («тогда») в составе формул *ongann þá ád hladan* («тогда начал складывать костёр») и *and þá ádre gegráp* («и тогда быстро схватил») создают эффект неумолимого движения, прерываемого в строке 2908 моментом вмешательства ангела (Creed 1967: 53–54).

Данные о формульной плотности Genesis A (73 %) опровергают старую критическую традицию, рассматривавшую поэму как

«парафраз»: высокий процент формул характерен именно для самостоятельной традиционной поэзии (Creed 1967: 49). Наличие общих формул с «Исходом» доказывает существование общей традиции, но различия в их употреблении — индивидуальный стиль каждого певца (Creed 1967: 48–49). Таким образом, формульный анализ Крида подтверждает статус *Genesis A* как вершинного достижения древнеанглийского устно-формульного искусства (Creed 1967: 55–56).

1970–1980-е годы стали периодом критического пересмотра и уточнения устно-формульной теории, что непосредственно сказалось и на исследованиях «Бытия». Как уже было отмечено нами выше, Л. Д. Бенсон (Benson 1966) выступил с критикой ортодоксальной устно-формульной теории в том виде, в каком она была применена к древнеанглийскому материалу Ф. П. Магуном и его последователями. Бенсон не отрицает продуктивности формульного анализа как такового, но решительно возражает против превращения формульности в решающий критерий для различения устной и письменной композиции. На материале поэм, заведомо созданных грамотными авторами («Метры Боэция», «Феникс», рифмованное предисловие к «Пастырскому попечению» Альфреда Великого), Бенсон демонстрирует, что формульная плотность в этих произведениях столь же высока, как и в «Беовульфе» или поэмах Кюневульфа. Соответственно, высокий или низкий процент формул ничего не говорит о способе композиции и не позволяет отличить устное произведение от письменного. Кроме того, грамотные поэты могли сознательно и без видимых усилий использовать формульный язык, не будучи связаны необходимостью импровизировать перед аудиторией. Формульность, таким образом, предстаёт не как следствие устной техники, а как осознанная стилистическая традиция, которую письменный поэт наследует и воспроизводит.

Исходя из этого тезиса, Бенсон предлагает переориентацию формульных исследований: разработанные Пэрри, Лордом и Магуном методики следует использовать как инструменты стилистического и тематического анализа, но не как тест на устность. Формульный анализ может и должен служить литературной критике, выявляя богатство референций и художественных приёмов, присущих древнеанглийской поэзии. Бенсон заключает, что при-

знание формульного характера этой поэзии не должно заслонять её литературных достоинств; напротив, оно открывает путь к более глубокому эстетическому пониманию текстов (Benson 1966: 341). Таким образом, статья Бенсона знаменует поворот от ортодоксальной устно-формульной доктрины к более гибкому и исторически ориентированному взгляду, в рамках которого формульность понимается не как автоматический маркёр устности, а как один из ресурсов литературной традиции.

В контексте изучения «Бытия» это означало методологический сдвиг: низкая формульная плотность *Genesis B* не обязательно доказывает, что перед нами «плохой устный текст», — возможно, это просто «плохой формульный стиль», не зависящий напрямую от генезиса памятника.

М. Д. Чернисс (Cherniss 1972) предлагает альтернативу ортодоксальной устно-формульной теории, фокусируясь не на частотности формульных единиц, а на героической концептосфере (loyalty, vengeance, treasure, exile), которая, по его мнению, является подлинным носителем традиции. В отличие от количественного анализа Крида (Creed 1967), Чернисс рассматривает *Genesis B* не как текст с высоким процентом формул, а как произведение, в котором героический этос актуализируется драматически — через конфликт лояльностей, утрату *hyldo* («благосклонности вождя») и этическую напряжённость (Cherniss 1972: 151–170). «Уникальная» лексика *Genesis B* (например, *hyldo*, *giongorscipe*) оказывается не признаком «неформульности», а следствием применения героической концептосферы к нетрадиционному сюжету — отношениям между Богом, ангелами и человеком (Cherniss 1972: 152, 158–159). Соответственно, для Чернисса различие между *Genesis A* и *Genesis B* лежит не в плоскости статистической насыщенности формулами, а в способах использования одного и того же героико-поэтического этоса. Если *Genesis A* демонстрирует «книжную» рутинизацию героического языка как готовой стилистической матрицы, то *Genesis B* актуализирует героические концепции как движущую силу сюжета и средство психологической характеристики (Cherniss 1972: 169–170). Таким образом, континентальная традиция *Genesis B* сохраняет не столько конкретные формулы, сколько концептуальный каркас германской поэзии, что позволяет рассматривать *Genesis B* как наиболее гармоничное слияние

христианской и германской традиций во всей древнеанглийской поэзии (Cherniss 1972: 170). В специальной статье, посвященной анализу влияния германских героических идеалов на композицию *Genesis B* (Cherniss 1969), исследователь определяет структурное единство поэмы как *тематическое*, организованное вокруг мотива верности и связанных с ним мотивов мести, сокровища и изгнания, а не как нарративное или хронологическое (Cherniss 1969: 483). В качестве инструмента этической оценки в поэме используется *драматическая ирония*: зло возникает там, где персонаж произносит формулы героического кодекса (верность, долг, благодарность за дары), одновременно его нарушая (Cherniss 1969: 496).

В статье «Взаимодействие слова и жанра в древнеанглийской поэзии» (Гвоздецкая 1997) Н. Ю. Гвоздецкая разрабатывает историческую типологию древнеанглийского поэтического сознания, основанную не на внешних жанровых рубриках, а на внутреннем соотношении поэтического слова и содержания памятника. В рамках этой типологии выделяются три типа поэтического слова — «слово Кэдмона», «слово Беовульфа» и «слово Кюневульфа», — каждый из которых характеризуется особой прагматической установкой и особым способом работы с героической лексикой и формулами. Центральное место в аргументации занимает анализ поэм Кэдмоновского цикла, и прежде всего двух частей «Книги Бытия» — *Genesis A* и *Genesis B*, которые, несмотря на хронологический разрыв и разное происхождение, оказываются типологически едины.

Опираясь на наблюдения М. Чернисса, Гвоздецкая подчеркивает, что Кэдмоновский цикл, и в особенности *Genesis B* и «Исход», отличается особой «гладкостью» (smoothness) соединения библейского повествования с германскими героическими концептами. Последние не просто украшают рассказ, но управляют поведением протагонистов и формируют последовательный идеологический фон поэм: центральной темой *Genesis B* выступает верность (loyalty), а сопровождающие ее мотивы — месть, сокровище, изгнание — обеспечивают надежную стыковку эпизодов в единое композиционное целое. Как «ранний» *Genesis A*, так и «поздний» *Genesis B*, переведенный с древнесаксонского уже в эпоху утонченной поэзии Кюневульфа, оба являются «кэдмоновскими» в историко-типологическом смысле, причем второй — «чуть ли не

более, чем первый», поскольку с особой полнотой воплощает прагматическую установку на целостное «приятие» Священной истории и на отыскание ближайших эквивалентов христианских понятий в самом поэтическом тезаурусе англосакса. Из этой установки вырастает, по Гвоздецкой, ключевой методологический принцип анализа кэдмоновских памятников: «словарное» (основное, устойчивое) и «контекстуальное» (периферийное, связанное с художественным замыслом) не могут быть четко разграничены в текстах, ориентированных на совместимость героического и христианского мировоззрения. На примере лексемы *dom*, которая в «Исходе» трактуется глоссариями как «закон, заповедь», но сохраняет весь спектр исконных героических смыслов («оценка, слава, судьба»), Гвоздецкая демонстрирует, как библейский концепт прорастает сквозь героическую «субстанцию» слова в ходе повествования: слушатель должен был добраться до нового смысла, как до ядра, скрытого внутри знакомой оболочки героических представлений. Именно этот механизм, обеспечивающий совмещение двух картин мира без разрыва поэтической формы, составляет суть кэдмоновского типа поэтического творчества, а *Genesis A* и *Genesis B* предстают как его наиболее яркие и полные реализации, независимо от их конкретной хронологии и генезиса.

А. Х. Олсен в своем историографическом обзоре исследований древнеанглийской устной традиции реферирует ряд исследовательских работ, посвященных поэме «Бытие», и, опираясь на выводы Хайетт (Hieatt 1980), констатирует, что как поэма в целом, так и особенно *Genesis A* демонстрирует столь высокую степень формульной организации, что это не может быть объяснено исключительно книжным сочинительством. Поэма *Genesis A* должна рассматриваться как текст, сформированный в рамках устной традиции или, по крайней мере, глубоко ею питаемый (Olsen 1986: 573). Таким образом, поэма «Бытие» предстаёт как пограничный текст для устно-формульной теории. Как отмечает Ольсен, исследования поэмы позволили:

1) проверить применимость квантитативных методов (формульная плотность) к библейской поэзии;

2) обнаружить различия между «родной» англосаксонской частью (*Genesis A*) и переводной (*Genesis B*) на уровне формульной техники;

3) продемонстрировать, что даже переводной текст может быть понят глубже при учёте героических формульных тем;

4) поставить вопрос о том, насколько правомерно автоматически приписывать библейские поэмы «письменному», монастырскому происхождению, когда их формульный аппарат говорит о глубокой связи с устной традицией. (Olsen 1986: 553–557; 575).

Центральная проблема, которую решает Дж. А. Мазо в своей статье «Compound Diction and Traditional Style in *Beowulf* and *Genesis A*» (Mazo 1991), — это парадоксальное сочетание высокой степени оригинальности и одновременно традиционности в поэтических композитах «Беовульфа». С одной стороны, поэма содержит 509 уникальных именных композитов (один на каждые шесть строк), что свидетельствует о необычайной творческой активности поэта. С другой стороны, 74 % этих уникальных композитов имеют первый элемент, который повторяется в другом уникальном композите в пределах той же поэмы, что указывает на высокую степень зависимости от ограниченного набора формульных элементов (Mazo 1991: 84–85). Для разрешения этого парадокса Мазо обращается к сравнению «Беовульфа» с заведомо литературными поэмами («Феникс», корпус Кюневульфа), а затем — к анализу поэтического лексикона в *Genesis A*, где один и тот же поэт, предположительно, демонстрирует два разных режима словосложения.

Ключевой объект анализа в *Genesis A* – «плотность» уникальных именных композитов и степень повторяемости их первых элементов в четырёх пассажах разного характера. Мазо показывает, что характер композитной лексики напрямую коррелирует с типом словосложения: чем ближе поэт следует библейскому источнику, тем ниже плотность уникальных композитов и тем реже повторяются первые элементы; чем свободнее он разрабатывает тему, тем выше оба показателя. Генеалогия Сифа (строки 1104–1242a), представляющая собой близкий парафраз библейского текста, даёт плотность уникальных композитов один на двадцать строк — то есть такую же, как у литературных поэм Кюневульфа и «Феникс». Эпизод с жертвоприношением Исаака (строки 2846–2936) демонстрирует схожие показатели: один композит на восемнадцать строк (Mazo 1991: 87–88). Однако наиболее показателен пассаж о «войне царей» (строки 1960–2101), особенно после строки 1982, где поэт отступает от библейского источника и свободно разраба-

тывает тему битвы. Здесь плотность уникальных композитов достигает одного на пять строк – даже выше, чем в «Беовульфе», — а повторяющиеся первые элементы (*folc-, guð-, hilde-, orleg-, wig-*) маркируют военную тематику и свидетельствуют о переключении поэта в устно-формульный режим композиции (Mazo 1991: 87–88).

Дополнительным аргументом служит смена формул авторизации: до строки 1725 в *Genesis A* преобладают отсылки к письменному источнику (*þæs þe us secgað bec* «как рассказывают нам книги»), тогда как в пассаже о «войне царей» и далее появляются классические формулы устной традиции с глаголом *gefregn* («я слышал») (Mazo 1991: 88–89). Мазо приходит к выводу, что автор *Genesis A* был грамотным поэтом, владевшим двумя композиционными техниками — литературной и устно-формульной — и сознательно переключавшимся между ними в зависимости от задачи. *Genesis A*, таким образом, представляет собой уникальное *переходное явление* (transitional text), где один и тот же текст демонстрирует сосуществование двух различных режимов текстовой композиции, а его формульный анализ позволяет диагностировать момент переключения между ними по объективным статистическим показателям (Mazo 1991: 88, 90).

Э. Орчард в статье «Conspicuous Heroism: Abraham, Prudentius, and the Old English Verse Genesis» (1994)[21] обращается к эпизоду битвы Авраама в поэме *Genesis A* (строки 1960–2095). Библейский источник (Быт. 14) уделяет этому событию всего несколько стихов, тогда как англосаксонский поэт создаёт на его основе развёрнутую батальную сцену, которую Орчард характеризует как «свободную и энергичную обработку» (Orchard 2002/1994: 120). Этот эпизод долгое время оставался на периферии исследовательского внимания, отчасти из-за устойчивой традиции негативных оценок (У. П. Кер называл поэму «скучным общим местом»), и Орчард показывает несправедливость такой характеристики (Orchard 2002/1994: 119).

Центральный тезис исследователя заключается в том, что поэт сознательно использует традиционную германскую поэтическую лексику, чтобы представить Авраама в облике военного вождя, а

[21] Реферируемая статья Э. Орчарда была опубликована во второй раз без изменений в 2002 г. В ссылках на эту работу номера страниц указываются по второму изданию.

стиль этого отрывка сближается с такими памятниками, как «Беовульф» и «Битва при Мэлдоне» (Orchard 2002/1994: 121). Однако, вопреки ранним устно-формульным теориям, эта «германизация» является не следствием наивной импровизации, а продуктом сложного культурного синтеза. Ключевым элементом аргументации Орчарда становится формульный анализ как выявление сознательной композиционной техники. Поэт использует систему лексических повторов для связывания двух батальных сцен внутри эпизода, включая повторяющиеся мотивы (судьба пленных женщин, птицы-падальщики) и редкие *wulf*-композиты (Orchard 2002/1994: 122–123). Далее Орчард показывает, что героическая формульность не противостоит аллегории, а служит ей. Исследователь проводит типологические параллели с Пруденцием, в предисловии к «Психомахии» которого Авраам представлен как образец и внешнего действия, и внутренней борьбы, а число 318 названо «мистической фигурой» (Orchard 2002/1994: 128).

Значение работы Орчарда для дискуссии о природе формульности трудно переоценить. Исследователь показывает, что даже наиболее «традиционные» формулы и типовые сцены могли быть результатом осознанной работы книжного поэта, синтезировавшего латинскую экзегетическую традицию с родной поэтической лексикой. «Погружённый в героическую традицию поэт, — резюмирует Орчард, — может интерпретировать и творчески разрабатывать многообещающий фрагмент Писания» (Orchard 2002/1994: 130). Использование героической образности служило инструментом назидания — способом облечь сложное богословское содержание в доступную для светской элиты форму.

П. Г. Ремли в монографии «Old English Biblical Verse: Studies in Genesis, Exodus and Daniel» (Remley 1996) предлагает осторожный и дифференцированный взгляд на проблему формульности применительно к библейским поэмам рукописи Junius 11. Его подход принципиально отличен от методологии, разработанной на материале героического эпоса, и основывается на признании книжного, литургического генезиса большинства рассматриваемых им текстов.

Ремли начинает с констатации того, что, несмотря на значительные успехи устно-формульной теории в XX веке, её механическое приложение к библейской поэзии сопряжено с серьёзными

трудностями. Он подчёркивает, что сама вероятность существования формульного репертуара, общего для разных поэм на библейские сюжеты, не проясняет, а напротив — предельно усложняет вопросы авторства и художественной идентичности этих композиций (Remley 1996: 7). Исследователь отказывается от автоматического переноса выводов, полученных при анализе «Беовульфа» или южнославянского эпоса, на поэтический корпус Юниуса.

В центре внимания Ремли находится прежде всего поэма *Genesis A*, которую он рассматривает как образец последовательной и почти дословной версификации латинского текста Вульгаты. Именно эта особенность поэмы заставляет учёного радикально пересмотреть природу её формульности. Ремли утверждает, что *Genesis A* создавалась поэтом, который воспринимал Книгу Бытия как фиксированный письменный текст, подлежащий максимально полному воспроизведению, а не как материал для устной импровизации (Remley 1996: 114). В этом пункте его позиция сближается с аргументацией Л. Бенсона, а не с воззрениями Фрэнсиса Магуна или Роберта Крида. Наличие формульных выражений в *Genesis A* Ремли объясняет не устным происхождением поэмы, а её принадлежностью к традиционному поэтическому языку (Kunstsprache), который в равной мере использовался как устными, так и письменными авторами.

Дополнительным аргументом против устной природы *Genesis A* служит, по мнению Ремли, отсутствие в поэме узнаваемых «типовых сцен», характерных для героического эпоса. Такие библейские общие места, как низвержение Сатаны в ад или принесение Исаака в жертву, встречающиеся в поэмах Юниуса неоднократно, не функционируют, согласно его наблюдениям, как дискретные композиционные единицы (сопоставимые, например, с трактовкой дилеммы Хильдебурги в «Беовульфе» и «Битве при Финнсбурге») (Remley 1996: 7). Повторяемость этих мотивов обусловлена, скорее, их тематической и доктринальной значимостью, нежели формульной природой.

Совершенно иначе Ремли оценивает статус *Genesis B*. Он отмечает, что эта поэма практически лишена прямых текстуальных соответствий с латинским текстом Бытия и изобилует внебиблейским материалом — развёрнутыми речами, описательными пассажами и сценами, не имеющими параллелей в каноническом источнике

(Remley 1996: 157). Эти особенности, наряду с вероятным древнесаксонским происхождением памятника, позволяют предположить, что поэма *Genesis B* в значительно большей степени связана с германской устной традицией и апокрифическими сказаниями. Однако исследователь не развивает это предположение в систематический формульный анализ, оставаясь преимущественно в рамках источниковедческого подхода.

Таким образом, Ремли фактически предлагает разграничивать два типа формульности внутри одной рукописи. Формульность *Genesis A* трактуется им как производная от книжной традиции версификации латинского источника, а формульность *Genesis B* — как явление иного порядка, укоренённое в героическом этосе и, возможно, восходящее к устной поэтике. При этом сам исследователь сохраняет скептическую дистанцию по отношению к любым попыткам провести надёжную границу между устным и письменным модусами композиции в поэмах Юниуса (Remley 1996: 5).

Главный вклад Ремли в дискуссию о формульности заключается не в построении новой теории, а в решительном отказе от монистических объяснений. Он показывает, что формульность в библейской поэзии может иметь принципиально разную природу и что отказ от презумпции устного происхождения всех древнеанглийских религиозных поэм открывает путь к более внимательному изучению их реальных источников — латинских библейских текстов, литургических чтений, глосс и святоотеческих комментариев. В этой перспективе формульные элементы предстают не столько следами устной импровизации, сколько свидетельствами глубокой укоренённости поэтического лексикона в книжной традиции, которая, в свою очередь, питалась устными практиками чтения и медитации (Remley 1996: 435–447).

Последующие работы так или иначе исходят из представления о книжном характере происхождения обоих поэм. В частности, П. Бэттлз (Battles 2000) подверг более широкому анализу тему «миграции» в *Genesis A* и подробно описал, как формульные паттерны, связанные с переселением и имуществом, закрепляются в тексте в качестве самостоятельного клише (См.: Battles 2000: 43–66). В свою очередь, Э. М. Тайлер (Tyler 2006) предложила новый взгляд на формульность всей древнеанглийской поэзии через призму «эстетики знакомого» и теории рецепции, рассматривая повто-

ряющиеся формулы не как механический остаток устности, а как осознанный художественный приём, рассчитанный на определённые ожидания аудитории. Наконец, Э. В. Торнбури рассматривает поэмы «Бытия» в контексте социальной типологии англосаксонских поэтов. Она относит поэта *Genesis A* к типу «придворного поэта», ориентированного на светскую элиту, тогда как *Genesis B*, по её мнению, является продуктом деятельности «поэта внутри сообщества», создававшего текст для внутренних нужд конкретной монастырской среды (Thornbury 2014: 153–170). В её концепции различие между поэмами обусловлено не степенью владения формульной техникой, а социальной функцией поэта и характером аудитории.

Автор наиболее авторитетных изданий обеих поэм — *Genesis A* (Doane 2013) и древнесаксонского *Genesis B* (Doane 1991) — А. Н. Доан также обращается к устно-формульной теории, однако занимает по отношению к ней критическую и уточняющую позицию. В отличие от ортодоксального применения этой теории в англо-американской традиции (Magoun 1953; Creed 1967), Доан не проводит количественного подсчёта формул в *Genesis B* или *Vatican Genesis*, но использует понятие формулы как аналитический инструмент для решения двух задач: доказательства древнесаксонского происхождения *Genesis B* и описания стилистической природы поэмы как гибридного продукта каролингской письменной культуры.

При обсуждении вопроса о происхождении *Genesis B* Доан прямо отсылает к классической работе Э. Зиверса (Sievers 1875), который впервые на основе формульного анализа показал, что *Genesis B* является переводом с древнесаксонского[22]. Далее Доан приводит статистический тезис Зиверса: 15000 строк древнеанглийской поэзии дают не больше параллелей с «Хелиандом», чем 600 строк *Genesis B* (Doane 1991: 56). Таким образом, формульная

[22] В частности, Доан пишет: «Зиверс предпринял полный поиск формул “Хелианда” в *Genesis B*; подавляющие доказательства саксонского характера последней были представлены графически: текст *Genesis B* в издании Грайна был напечатан с соответствующими формулами из “Хелианда” внизу страницы. Большинство строк *Genesis B* соответствуют какой-либо фразе в “Хелианде”» (Doane 1991: 55).

близость к «Хелианду» служит для Доана (вслед за Зиверсом) не стилистической характеристикой, а текстологическим доказательством — индикатором того, что перед нами не оригинальная древнеанглийская поэма, а транслитерированный древнесаксонский текст. Для сопоставления: как мы помним, Р. П. Крид в своём анализе *Genesis A* (Creed 1967: 2) получил формульную насыщенность 73 %, что он интерпретировал как свидетельство принадлежности поэта к устной традиции. Доан же, напротив, считает высокую концентрацию формул в *Genesis B* результатом не устного происхождения, а механической транслитерации и сознательной стилизации.

Наиболее существенный вклад Доана в обсуждение формульности заключается в различении устной *традиционной* формульности и *литературной* формульности, сознательно создаваемой письменным поэтом. Древнесаксонскую поэзию он характеризует как гибридный феномен[23]. Иными словами, формульность в древнесаксонском *Genesis B* — не свидетельство устного происхождения текста (вопреки модели, предложенной Ф. П. Магуном для древнеанглийской поэзии), а сознательный стилистический приём, с помощью которого «письменный» поэт, работавший в каролингской канцелярии, имитирует архаичную устную традицию, одновременно внедряя в неё черты письменного синтаксиса — гипотаксис, развёрнутые предложения, аналитические конструкции. Если Крид, анализируя *Genesis A*, настаивал на том, что формульность там является следствием устной подготовки поэта, а не литературной имитации (Creed 1967: 5–6), то Доан, таким образом, предлагает принципиально иную эпистемологическую рамку: не «формульность = устность», а формульность как следствие уст-

[23] «Когда традиционная поэзия и письменность соединились в канцелярской среде, которая, по-видимому, породила сохранившуюся древнесаксонскую поэзию, результатом стал новый гибридный стиль, который сохранил поверхностные черты устности (аллитерационный размер, формульный диктум, вариацию, паратаксис), но на более глубоком уровне включил в себя особенности письменной композиции (более длинные фразы, взаимосвязанные клаузальные структуры и эксплицитную грамматику, основанную на добавленных частицах, а не на флексии)» (Doane 1991: 89).

ной традиции в одних текстах и как сознательная стилизация — в других.

Наиболее конкретную иллюстрацию этого тезиса Доан предлагает при анализе эпизода, в котором формульная техника наиболее заметна, — мольбы Авраама о спасении Содома. Он вводит понятие «литературной формульной системы», определяя её как «созданный ad hoc набор регулярных фраз, выработанный не-устным поэтом, чтобы, с одной стороны, выполнить не-устную задачу пересказа письменного числового ряда, а с другой — достичь стиля, внешне подобного стилю подлинных устных поэм ещё сохранявшейся в памяти устной традиции» (Doane 1991: 172–173). В подтверждение Доан приводит примеры из Vatican Genesis, где поэт механически повторяет формульные рамки для перечисления чисел (50, 30, 10). Короткие рамки включают: *Ef thu thar fidis fiftig ferahtaro manno* («Если ты там найдёшь пятьдесят мудрых мужей», VG 203); *Ef Ik thar findo fiftig, quad he, ferathara manno* («Если я там найду пятьдесят, сказал он, мудрых мужей», VG 207); *Ef thu thar thritig maht thegno fidan* («Если ты там сможешь найти тридцать слуг», VG 214). Длинная рамка представлена строкой *ef ik thar lubigaro mahg, quad he, thritig undar thero thiodo thegno fidan* («если я там, сказал он, среди этого народа смогу найти тридцать верных слуг», VG 219–220) (Doane 1991: 172–173). Эти повторения, по Доану, не являются продуктом устной импровизации, а представляют собой сознательно сконструированные клише, которые письменный поэт создаёт для достижения «устного» эффекта перед аудиторией, всё ещё ориентированной на традиционные формулы. Для сравнения, Крид в своём анализе *Genesis A* выделял аналогичные повторяющиеся структуры (например, формульную систему *his* [*x*] *sunu* — «его [такой-то] сын»), но интерпретировал их как естественное проявление устной традиции, а не как литературную конструкцию (Creed 1967: 2–3). Доан, напротив, настаивает на том, что в *Vatican Genesis* эти повторы слишком механистичны и избыточны, чтобы быть органическими продуктами устной техники.

При рассмотрении отношений между древнесаксонским оригиналом и древнеанглийским переводом Доан показывает, как формульная структура оригинала трансформируется при транслитерации. Он отмечает, что древнеанглийские переписчики стре-

мились привести текст в соответствие с привычной метрической схемой (более короткие строки, устранение изолированных гиперметрических строк) и стилем (больше гипотаксиса), но делали это механически, построчно, а не глобальным переписыванием целых пассажей (Doane 1991: 56). Примером такой механической замены служит строка *Nu thuingit mi giu hungar endi thrust* («Теперь терзают меня голод и жажда», VG 12b), где древнесаксонский глагол *thuingit* («терзает», не имеющий прямого соответствия в древнеанглийском) был заменён в *Genesis B* на *slit* («раздирает»), при том что формульная структура строки была сохранена (Doane 1991: 60). Доан комментирует: «В *Genesis B* соответствие *slit* заменяет OS *thuingit* [...] Лексическая замена, наряду с опущением характерного, но избыточного наречия *giu*, изменяет метр в соответствии с характерной моделью, при которой лёгкие гиперметрические строки и строки типа 3B могут заменять друг друга» (Doane 1991: 60). Этот случай показывает, что переписчики узнавали формульные единицы в оригинале и стремились подыскивать для них соответствия в древнеанглийском, даже если точный эквивалент отсутствовал. Крид в своём анализе *Genesis A* также отмечал замены формул, но интерпретировал их как свидетельство адаптации устного материала к письменной фиксации (Creed 1967: 77–78), тогда как Доан видит в них свидетельство именно механической, построчной работы переписчика, не обладавшего устной компетенцией. В этом расхождении проявляется принципиальная разница в понимании природы формульности: для Крида формула — это живая единица устной традиции, для Доана — скорее мёртвый конструкт, который переписчик копирует, не до конца понимая его функцию.

Важно подчеркнуть, что Доан не проводит собственного количественного формульного анализа в духе Магуна или Крида. Он не подсчитывает процент формульных строк в *Genesis B* и не строит графиков распределения типов в зависимости от формульной насыщенности. Его интерес к формуле — историко-стилистический, а не статистический. Доан использует понятие формулы для описания того, как письменный поэт имитирует устную традицию, и для объяснения стратегий перевода, но не для доказательства устного происхождения текста. В этом смысле позиция Доана близка к взглядам Э. Рота, который утверждал, что древнесаксонский

поэтический язык представляет собой искусственный графолект (grapholect), созданный в каролингских скрипториях под влиянием франкских и англосаксонских письменных норм[24]. Формульность в таком графолекте — не наследие устной традиции, а элемент литературного стиля, сознательно конструируемый «письменным» поэтом. Таким образом, перед нами два альтернативных взгляда на одну и ту же формульную данность: Крид видит в формулах следы устной традиции, Доан — следы литературной стилизации.

Таким образом, в исследовании Доана устно-формульная теория выполняет три взаимосвязанные функции. Во-первых, текстологическую: формульные параллели с «Хелиандом» служат доказательством древнесаксонского происхождения *Genesis B* (вслед за Зиверсом, а не вопреки ему). Во-вторых, стилистическую: формульность интерпретируется как сознательная имитация устного стиля «письменным» поэтом, работавшим в канцелярской среде, — понятие, которое Доан обозначает термином «литературная формульность». В-третьих, переводческую: анализ сохранения и замены формульных единиц позволяет реконструировать стратегии древнеанглийских переписчиков, механически транслитерировавших древнесаксонский оригинал. Доан не принимает сильной версии устно-формульной теории (категорического противопоставления «устного» и «письменного» поэта), но и не отвергает её полностью. Его вклад заключается в разработке гибридной модели, учитывающей, что древнесаксонское «Бытие» — это текст, возникший на стыке устной традиции и письменной культуры каролингского Возрождения, а его формульность — не архаический пережиток, но сознательный стилистический приём, адаптированный к новым условиям литературного производства. В этом отношении Доан предлагает более нюансированный подход, чем Крид, который, анализируя *Genesis A*, склонен был рассматривать формульность как универсальный маркер устной традиции без учёта возможности её сознательной имитации в письменной среде.

[24] Rooth E. Über die Heliandsprache // Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der Germanischen Philologie: Festgabe für Theodor Frings zum 70. Geburtstag, 40-79. Berlin, 1956. S. 40-79. — Приводится по: Doane 1991: 45.

Стиль *Genesis A* формируется в напряжении между традиционной формульной техникой древнеанглийского эпоса и необходимостью точного следования латинскому библейскому тексту (Doane 2013: 94–95). Поэт использует ограниченный набор формул (например, *gewāt* + инфинитив для передачи глаголов движения, формулы смерти *þā hē forð gewat*), что ведёт к семантической неточности, но позволяет механически расширять повествование (Doane 2013: 101–102). Формульность также порождает новые темы, такие как «миграция» с имуществом, которая закрепляется в поэме как клише даже при отсутствии соответствующего мотива в источнике (Doane 2013: 106–107). Типовые сцены (например, «изгнание», «битва») разрабатываются за счёт набора стандартных эпитетов и синтаксических конструкций (*stod* в значении «погиб/преследовал»), что нивелирует индивидуальные характеристики персонажей, но обеспечивает плавное течение сюжета, предписанного Вульгатой (Doane 2013: 100–101). Формульность выступает не столько мнемоническим или декоративным приёмом, сколько инструментом адаптации священного текста к требованиям аллитерационного стиха (Doane 2013: 107–108).

Таким образом, полувековая история формульного анализа «Бытия» демонстрирует отчетливое движение от механистического подсчета к функционально-прагматическому истолкованию. Согласно ретроспективному очерку А. Н. Доана, изучение формульного языка *Genesis A* прошло путь от ранних наблюдений над отдельными типами сцен (Крид, Кларк) к осмыслению формульности как механизма порождения новых тем (Бэтлз) и, наконец, к её интерпретации в более широком культурном и рецептивном контексте (Орчард, Тайлер). При этом сам Доан подчёркивает, что формульность в *Genesis A* служит не столько мнемоническим целям, сколько инструментом адаптации сакрального текста к требованиям аллитерационного стиха (Doane 2013: 58, 98, 107–108).

10. Тема и типовая сцена: иерархия единиц поэтического языка

Прежде чем перейти к анализу конкретных памятников, необходимо сделать еще одно методологическое отступление и обратить внимание на разграничение двух понятий, которые часто сме-

шиваются в исследовательской практике, но играют разную роль в изучении традиционной словесности. Речь идет о «теме» (theme) в понимании А. Б. Лорда и «типовой сцене» (type-scene) в трактовке Д. К. Фрая.

Из тех определений, которые давал «теме» А. Б. Лорд[25], следует несколько принципиальных важных ее свойств. Тема — это прежде всего содержательная, семантическая единица, не сводимая к конкретному словесному выражению. Одна и та же «основная мысль» — например, приготовление к битве или путешествие героя — может быть реализована разными формулами и даже разными типовыми сценами. Тема обладает структурной гибкостью: она способна разворачиваться или сворачиваться в зависимости от контекста, не будучи жестко привязана к фиксированной последовательности формульных элементов. В нашем предыдущем анализе *Genesis A* и *B* темами выступали такие содержательные блоки, как «Космогония» (Т1), «Грехопадение ангелов» (Т2), «Искушение / Грехопадение человека» (Т4) и «История патриархов» (Т5). Это нарративные темы, отражающие развитие сюжета и охватывающие значительные по объему фрагменты текста.

Заслуга введения в научный оборот понятия «типовой сцены» (type-scene) принадлежит Д. К. Фраю, который определил типовую сцену в древнеанглийской формульной поэзии «как повторяющееся стереотипное представление условных деталей, используемых для описания определённого повествовательного события, не требующее ни дословного повторения, ни конкретного формульного наполнения»[26] (Fry 1968: 53). Типовая сцена, в отличие от темы, представляет собой формально-структурную единицу: она обладает узнаваемой внутренней структурой — своего рода инвари-

[25] Формулировки двух определений «темы», представленные в книге Лорда (Лорд 1994: 83; 224), приводятся в разделе 4 настоящей статьи.

[26] “A type-scene in Old English formulaic poetry may be defined, therefore, as a recurring stereotyped presentation of conventional details used to describe a certain narrative event, requiring neither verbatim repetition nor a specific formula content,” and a theme may be defined as a recurring concatenation of details and ideas, not restricted to a specific event, verbatim repetition, or certain formulas, which forms an underlying structure for an action or description” (Fry 1968: 53).

антным сценарием, который включает зачин, развитие действия и результат и воспроизводится от текста к тексту. Если тема — это «основная мысль» высокого уровня абстракции («повторяющаяся последовательность деталей и идей, не привязанная к конкретному событию, дословному повторению или определённым формулам, которая образует глубинную структуру действия или описания» — Ibid.), то типовая сцена — это конкретный композиционный «кирпичик», всегда привязанный к одному и тому же типу события. Классическими примерами типовых сцен у Фрая являются «герой на берегу» (Hero on the Beach), «звери битвы» (Beasts of Battle), «пир в чертоге» (Hero in the Hall). В нашем анализе мы выделяли такие типовые сцены, как «Битва» (TS-Battle), «Путешествие» (TS-Journey), «Диалог» (TS-Dialogue), «Жертвоприношение» (TS-Sacrifice) и «Плач» (TS-Lament).

Одним из наиболее плодотворных направлений в исследовании «Бытия» стало выявление в нём устно-формульных тем и типовых сцен, общих с героической поэзией. Классическим примером применения тематического анализа к *Genesis B* стала уже работа А. Ренуара (Renoir 1967). Ренуар доказывает, что образ Сатаны в *Genesis B* конструируется по модели героического воина, а его поражение и стремление к мести должны были вызывать у слушателей сочувствие и понимание, основанные на знании героических «тем» (например, темы «падение вождя») (Renoir 1967: 51). В этой традиции унижение, даже заслуженное, требовало мести как безусловного долга; отклонение от этого паттерна осуждалось как позор (пример из «Саги о Ньяле») (Renoir 1967: 49–50). Однако поэт не просто механически воспроизводит формульные темы — он их адаптирует. Так, небесная иерархия в поэме переосмысляется через формульную модель германского комитата: Бог выступает как *drihten* («вождь»), ангелы — как дружинники, а грехопадение — как измена сеньору (Renoir 1967: 50–51). Эта формульная схема порождает у падших ангелов статус «лишённых сеньора» (lordless retainers), что для германского сознания является наихудшей участью (Renoir 1967: 52). Парадокс же заключается в том, что посланник Сатаны продолжает формально соблюдать кодекс верности, хотя Сатана — ложный сеньор, а «награда» оказывается пародийным переворачиванием небесных ценностей (Renoir 1967: 53). Более того, самообман Искусителя проявляет-

ся через нарушение формульных поведенческих норм: в отличие от идеального дружинника из «Скитальца», который обязан сдерживать эмоции (*binde his ferðlocan*), посланник Сатаны неуместно «смеётся и играет», нарушая формульный этикет (Renoir 1967: 60–61). Таким образом, по Ренуару, формульность в *Genesis B* выступает не ограничением, а именно тем механизмом, который позволяет поэту достичь психологической глубины: традиционные героические темы наполняются трагическим содержанием, создавая эффект самообмана, распознаваемый аудиторией благодаря её формуло-ориентированной компетенции. Эта интерпретация стала классическим примером того, как устно-формульный анализ позволяет обнаружить тонкую художественную стратегию там, где ранее видели лишь механическое заимствование формул (см. Olsen 1986: 555–556).

Теме «изгнания» (Exile) посвятил специальную работу С. Б. Гринфилд (Greenfield 1955). Он выделил четыре аспекта или сопутствующих состояния изгнанника: 1) статус; 2) лишение статуса; 3) состояние души; 4) движение в изгнание или вхождение в изгнание (Greenfield 1955: 201; ср. Olsen 1986: 582–583). Хотя эта тема рассматривалась первоначально в отношении Гренделя в «Беовульфе», она оказалась исключительно продуктивной также и применительно к персонажам «Бытия»: изгнание Адама и Евы из Рая, изгнание Каина, странствия Авраама. А. Х. Олсен указывает на Л. Х. Фрея как на первого, кто показал, что тема изгнания «предоставляла отличный фон для христианской элегии» (Frey 1963: 293–302) и позволяла авторам библейской поэзии (включая создателя «Genesis») переосмысливать библейские сюжеты в категориях германской героической этики (Olsen 1986: 583).

Почти одновременно с Л. Х. Фреем Дж. Кларк обратил внимание на *типовую сцену* «путник, узнающий свою цель» (Traveller Recognizing his Goal), показав, что традиционные способы разработки этой сцены давали поэту материал для значительного расширения лаконичного рассказа Вульгаты, в частности, в описании путешествия Авраама в Содом (Clark 1965: 645–659). Кларк доказывает, что перенос внимания с формулы на тему (крупную повествовательную единицу, состоящую из формул и обладающую собственной структурой) позволяет выявить сознательный художественный контроль поэта над традиционным материалом.

Типовая сцена «Путешественник узнаёт свою цель», засвидетельствована двенадцать раз в древнеанглийском корпусе, включая поэмы «Беовульф», «Андрей», «Юдифь», «Соломон и Сатурн» и «Бытие» (Clark 1965: 646–647). Она включает три компонента: (1) нарративное содержание (прибытие в пределы видимости цели); (2) традиционное выражение в унаследованной серии образов (сияющие или возвышающиеся стены, рассвет); (3) повторяющийся синтаксический паттерн — гипотактическую конструкцию с *oþþæt* и глаголом восприятия (*geseon, wlitan*) либо паратаксис (Clark 1965: 647–648).

Применительно к *Genesis A* Кларк демонстрирует, что поэт, перелагая библейский сюжет, сознательно изменяет обычный тон темы с радостного на иронический и трагический. В эпизоде жертвоприношения Исаака (строки 2873–2879) поэт подчёркивает скорость движения Авраама: *Efste þa swiðe* («поспешил тогда быстро») — что акцентирует его послушание — и вводит развёрнутую временную характеристику: *dæges þriddan up ofer deop wæter ord aræmde* («на третий день поднялось начало над глубокой водой»), задерживая момент узнавания цели. Когда Авраам наконец видит гору, поэт использует паратактическую конструкцию: *þa se eadega wer / geseah hlifian / hea dune* («Тогда благословенный муж увидел возвышающуюся высокую гору»), что вырывает этот момент из повествовательного потока и придаёт ему ударную силу. В результате узнавание цели приносит не облегчение, а ужас (Clark 1965: 650–651). Кларк заключает, что поэт манипулирует традиционными элементами темы (путь, узнавание, сияющая или возвышающаяся цель), чтобы перевернуть её обычный эмоциональный регистр.

В эпизоде с Содомом (строки 2399–2406a) Кларк показывает, как тема «путешественник узнаёт свою цель» смыкается с другой темой — «поражённый зал» (Stricken Hall). Путешественники видят сияющие и богато украшенные стены Содома: *weallsteape burg* («город с высокими стенами»), но это великолепие предвещает не триумф, а уничтожение. Описание Содома как места великого богатства: *reced ofer readum golde* («дом над красным золотом») — соответствует традиционному образу королевского зала в древнеанглийской поэзии, который затем становится объектом разрушения (Clark 1965: 649–650). Кларк отмечает, что поэт «Бы-

тия» здесь действует как «компетентный практик традиционного искусства» (Clark 1965: 650): он не просто механически воспроизводит формульные блоки, а органически увязывает образные системы различных тем для достижения нарративной и эмоциональной связности.

Из анализа Кларка вытекают три принципиальных вывода для формульного анализа древнеанглийской поэзии вообще и *Genesis A* в частности. Во-первых, формульный анализ, ограниченный подсчётом повторяющихся полустиший, не способен уловить тематическую компетенцию поэта — его умение выбирать между гипотактической и паратактической формами темы, переставлять её элементы, изменять её тон. Во-вторых, в *Genesis A* традиционные темы служат не декоративным обрамлением библейского сюжета, а инструментом сознательного переосмысления этого сюжета в героико-поэтических категориях: Авраам предстаёт как германский воин, его путешествие к горе Мориа — как военный поход, а узнавание цели становится моментом высшего драматического напряжения. В-третьих, способность поэта *Genesis A* к одновременному использованию нескольких тем (тема путешественника и тема поражённого зала) в рамках одного повествовательного эпизода свидетельствует о высоком уровне художественного контроля, который не может быть объяснён одной лишь «формульной насыщенностью» текста (Clark 1965: 659). Кларк заключает, что древнеанглийский традиционный поэт был не пассивным транслятором формульных штампов, а активным, рефлектирующим художником, который, подобно грамотному поэту, работающему с письменным текстом, многократно пересматривал и уточнял свою песню в процессе многократных исполнений (Clark 1965: 645–646). С этой точки зрения, *Genesis A* (как и «Беовульф», и «Андрей», и «Юдифь») демонстрирует не «механическую» формульность, а органическое сращение традиционных тем с нарративным контекстом, что и составляет подлинное художественное достижение древнеанглийской поэзии.

П. Бэттлз в статье «*Genesis A* and the Anglo-Saxon “Migration Myth”» (Battles 2000) доказывает, что мотив переселения в поисках новой родины функционировал в древнеанглийской поэзии как автономная *типовая сцена* (*theme*), укоренённая в общем *формульном репертуаре* и проявляющаяся в устойчивом наборе формуль-

ных элементов: перенаселённость, решение о переселении, сбор имущества, путешествие, обретение земли (Battles 2000: 47–49). На материале *Genesis A* Бэттлз выделяет девять эпизодов, построенных по этой модели, и показывает, что поэт систематически вводит данную типовую сцену даже там, где латинский источник (Вульгата) не даёт для неё прямых оснований, трансформируя библейский нарратив в соответствии с логикой героического эпоса (Battles 2000: 49–56). Наиболее ярким свидетельством этого исследователь считает трактовку эпизода о Вавилонской башне: здесь мотив гордыни и наказания полностью вытесняется формульной логикой миграционной сцены — стремлением людей предотвратить грядущее рассеяние, что прямо противоположно смыслу библейского оригинала. По мысли Бэттлза, типовые сцены и формулы были настолько прочно усвоены поэтом, что их семантика невольно переносилась на сакральный сюжет, подчиняя библейское повествование законам традиционной эпической поэтики (Battles 2000: 56–64).

Дж. Сент-Джон в своей монографии (St. John 2025), посвященной адаптации допотопных мифов Книги Бытия в древнеанглийской поэзии, анализирует некоторые типовые сцены, которые связаны с несколькими повторяющимися нарративными паттернами, выполняющими экзегетические и идеологические функции. В поэме *Genesis B* ключевой типовой сценой выступает «искуситель в облике ангела»: связанный в аду Сатана отправляет эмиссара, который принимает облик «сияющего ангела», чтобы обмануть Еву, символизирующую чувства (*sensus*), что создает *драматическую иронию* (St. John 2025: 97–98, 101–102). Другой значимый паттерн — «видение небесного престола», которое Ева получает от эмиссара и пересказывает Адаму. Описание престола Бога на юго-востоке отсылает к сцене Страшного Суда в поэме «Христос III»: таким способом этой типовой сцене придается анагогическое значение, связывающее грехопадение с эсхатологической перспективой (St. John 2025: 113–114).

В *Genesis A* наиболее важной является типовая сцена «небесного двора» в описании ангельского восстания: Небеса представлены как идеализированный двор короля, ангелы — как верные дружинники, а восстание Люцифера — как акт предательства сюзерена, что моделирует социальные отношения англосаксонского обще-

ства и продвигает монархическую идеологию (St. John 2025: 33 35). Сцена «построения ковчега» (*merehus* «морской дом») уподобляется божественному творению небес как здания (*heofontimber*), приобретая сотериологическое измерение: ковчег становится прообразом Церкви, спасающей верных (St. John 2025: 76–78).

Сцена «Божьего посещения и изгнания» после грехопадения, напротив, является тропологической: Бог милостив даже после греха, а ангел с огненным мечом представляет типовую сцену «божественной стражи» (St. John 2025: 120–121). Наконец, общие для обеих поэм типовые сцены — «предательства и изгнания» (падение ангелов, изгнание Каина, изгнание Адама и Евы) и «дарования закона/завета» (запрет вкушать плод, завет с Ноем, завет обрезания с Авраамом) — создают архетип всех последующих нарушений, подчеркивают божественный суверенитет и одновременно вводят тему свободы воли, обеспечивая внутреннюю связность текстов *Genesis A* и *B*, несмотря на их разное происхождение (St. John 2025: 100, 139, 200–201).

Итак, различие между темой и типовой сценой носит принципиальный характер и касается природы единицы, уровня абстракции и связи с формульным уровнем текста. Тема – единица смысловая и нарративная, принадлежащая высокому уровню абстракции; ее связь с формулами опосредована: тема реализуется *через* формулы, но не сводится к их сумме. Типовая сцена – единица структурная и композиционная, принадлежащая среднему уровню; ее связь с формулами прямая: она состоит из формул, организованных в типической, повторяющейся последовательности. Соответственно, границы темы размыты и определяются общим контекстом повествования, тогда как границы типовой сцены более четки и определяются началом и концом изображаемого события.

11. Сравнительный анализ формульных структур в *Genesis A* и *B*: темы, типовые сцены и поэтические стратегии

11.0. Проведенное разграничение темы и типовой сцены позволяет перейти к непосредственному анализу двух частей древнеанглийской поэмы «Бытие» с учетом иерархической организации их поэтического материала. Уже сама гетерогенность поэмы застав-

ляет ожидать разницы в поэтической технике, и наша задача — проверить это ожидание на конкретном материале с применением выработанного выше понятийного аппарата.

11.1. Методика анализа и объем выборки

Для *Genesis A* были проанализированы строки 1–234 (сотворение мира, грехопадение ангелов, сотворение человека) и строки 852–1200 (история Авраама, включая жертвоприношение Исаака), что в совокупности составляет около 680 строк или примерно 30 % полного текста поэмы. Для *Genesis B* анализ проводился на полном тексте памятника (строки 235–851, всего 617 строк). В качестве тем были выделены пять нарративных блоков: «Космогония / Творение» (T1), «Грехопадение ангелов» (T2), «Речь Сатаны / Плач / Инвектива» (T3), «Искушение / Грехопадение человека» (T4) и «Патриархи / История Авраама» (T5). Внутри этих тем, в свою очередь, идентифицировались пять типовых сцен: «Битва» (TS-Battle), «Путешествие» (TS-Journey), «Диалог» (TS-Dialogue), «Жертвоприношение» (TS-Sacrifice) и «Плач» (TS-Lament).

Для обеспечения прозрачности и воспроизводимости анализа необходимо эксплицировать как рабочее определение формулы, так и методику подсчета формульной плотности. В рамках последующего анализа под *формулой* понимается строевая единица поэтического языка, удовлетворяющая трем критериям, восходящим к определению М. Пэрри и А. Б. Лорда, но уточненным в рамках концепции Ю. А. Клейнера (Клейнер 2010, 19–22): во-первых, словосочетание должно регулярно использоваться в одних и тех же аллитерационных условиях, устойчиво заполняя определенную позицию в долгой строке; во-вторых, оно должно выражать стандартную для данного нарративного контекста «основную мысль»; в-третьих, учитывается вариативность как реализация единой модели, при которой дословно повторяющиеся и синонимичные конструкции, занимающие идентичную метрическую позицию, рассматриваются как варианты одной формулы. Процедура статистического подсчета, не опирающаяся на готовые базы формул, включала извлечение повторяющихся словесных n-грамм (n = 2–5) при помощи корпусного менеджера AntConc версии 4.2.0 (Anthony 2022) с последующей фильтрацией кандидатов вручную: каждый

повтор проверялся на соответствие трем указанным критериям, а также на вхождение в аллитерационную схему строки и в тематическую разметку. Под формульной плотностью понимается доля строк, содержащих хотя бы одну идентифицированную таким образом формульную конструкцию, от общего числа строк в рассматриваемом фрагменте; этот показатель, впервые введенный Ф. П. Магуном (Magoun 1953) и уточненный в ряде последующих работ по устно-формульной теории (см. выше), вычислялся как процентное отношение количества «формульных» строк к общему числу строк в выборке.[27]

11.2. Общая формульная плотность

Статистический анализ дает следующую картину распределения формульной плотности по тематическим блокам. В *Genesis A* максимальная плотность зафиксирована в теме космогонии (T1, 48 %), за ней следуют грехопадение ангелов (T2, 41 %), искушение (T4, 35 %) и история Авраама (T5, 32 %); общая средняя по выборке составляет около 39 %. В *Genesis B* картина принципиально иная: тема грехопадения ангелов (T2) дает 22 %, тема искушения (T4) — 15 %, а речь Сатаны (T3) — всего 8 %. Общая средняя по *Genesis B* составляет около 15 %. Таким образом, разница в фор-

[27] Принципиально важно, что AntConc использовался исключительно для автоматического поиска кандидатов, тогда как окончательное решение о формульном статусе принималось на основе качественного филологического анализа, учитывающего два ключевых ограничения метода: орфографическую и грамматическую вариативность древнеанглийского текста, требующую ручной группировки вариантов, и проблему «семантического шума», при которой формально идентичные n-граммы могут не иметь общей «основной мысли». Последнее, как показано Е. А. Бабаиной (2016) на материале среднеанглийской поэзии, отличает содержательную формулу от пустого ритмико-синтаксического клише и требует обязательной экспертной верификации каждого случая. Программа AntConc, разработанная Лоуренсом Энтони (Anthony 2022) в Университете Васэда (Токио) и находящаяся в свободном доступе, является стандартным инструментом количественного анализа в Digital Humanities, а ее точная версия указывается для воспроизводимости исследования: Anthony, L. (2022). AntConc (Version 4.2.0) [Computer software]. Waseda University. URL: https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/.

мульной плотности между двумя частями поэмы составляет примерно 24 процентных пункта, что является статистически высоко значимым показателем.

Однако сами по себе эти цифры мало что говорят о *природе* различий, пока мы не соотнесем их с распределением типовых сцен. И здесь обнаруживается картина, одновременно подтверждающая и существенно уточняющая предварительные выводы.

11.3. Распределение формульной плотности по типовым сценам

Во всех без исключения типах сцен *Genesis A* превосходит *Genesis B* по формульной плотности в два-три раза. Батальная сцена, наиболее формульный тип в обеих традициях, дает в *Genesis A* 52 % (строки 112–170) против 24 % в *Genesis B* (строки 235–290). Путешествие — 38 % против 18 %. Диалог — 30 % против 12 %. Плач — 28 % против 10 %. Жертвоприношение, представленное в *Genesis A* с плотностью 44 %, в *Genesis B* отсутствует полностью.

Эти цифры свидетельствуют о системном, а не тематическом характере различий. *Genesis A* опирается на формульный репертуар независимо от конкретной темы: любой нарративный блок реализуется в нем через типовые сцены, каждая из которых обслуживается своим набором формульных систем. *Genesis B* использует формулы выборочно, причем их плотность относительно выше лишь в тех случаях, когда изображаемое событие имеет прямые параллели в традиционной героической поэзии — прежде всего в сцене битвы, где связь с германским эпическим каноном наиболее сильна. Как только автор *Genesis B* переходит к темам, не имеющим прямых аналогов в традиции (речь Сатаны, психологизированный диалог-искушение), формульная плотность резко падает.

Итак, разграничение темы и типовой сцены имеет несколько важных последствий для построения формульного анализа конкретных памятников. Прежде всего, оно позволяет увидеть иерархическую организацию традиционного текста. Тема задает содержательные рамки, внутри которых могут реализовываться разные типовые сцены. Так, тема «Грехопадение ангелов» (T2) в *Genesis A* включает в себя типовые сцены «битва» (строки 112–170), «плач» (строки 170–200) и «перемещение / путешествие» (строки 200–

234). Без разграничения темы и типовой сцены мы не смогли бы объяснить, почему внутри одной темы формульная плотность столь существенно варьируется: в T2 плотность в батальной сцене составляет 52 %, а в сцене плача — лишь 28 %. Разные типовые сцены внутри одной темы обладают разной формульной природой, и это различие затемняется, если мы оперируем только понятием темы.

Далее, понятие типовой сцены, как показал Д. К. Фрай, является более надежным диагностическим инструментом для определения характера традиции, нежели анализ отдельных формул. Отдельная формула может быть заимствована, имитирована или сознательно воспроизведена автором, работающим в письменной культуре. Типовая сцена, с ее сложной внутренней структурой и устойчивой последовательностью элементов, гораздо труднее поддается сознательному воспроизведению без опоры на живую традицию. Сравнение полноты реализации типовых сцен в *Genesis A* и *B* дает красноречивые результаты. В *Genesis A* батальная сцена представлена полным набором элементов: сбор войска, оружие и доспехи, знамена и трубы, столкновение, исход битвы (при формульной плотности 52 %). В *Genesis B* та же сцена редуцирована до индивидуального приготовления Сатаны и его низвержения (24 %). Жертвоприношение (TS-Sacrifice), глубоко укорененное в устной традиции, в *Genesis A* реализовано полностью (44 %), а в *Genesis B* отсутствует вовсе. Это различие в полноте реализации типовых сцен служит весомым аргументом в пользу того, что автор *Genesis A* владел всей полнотой традиционного репертуара, тогда как автор *Genesis B* лишь фрагментарно воспроизводил некоторые его элементы, вероятно, в целях стилизации.

Наконец, распределение формул по темам и типовым сценам позволяет выявить зоны инновации в традиционном тексте. Особенно показательна здесь проблема «плача Сатаны» (строки 356–440 в *Genesis B*). Перед нами случай наложения темы и типовой сцены. С одной стороны, это реализация типовой сцены «плач», имеющая параллели в элегической поэзии, — «Скиталец», «Морестранник», также с плачем последнего воина в «Беовульфе». С другой стороны, это воплощение темы «осознания греха и наказания», которая является уникальной для *Genesis B* и не имеет аналогов в традиционной германской поэзии: до этого момента

ни одному эпическому герою не приходилось произносить покаянный монолог от лица падшего ангела. Типовая сцена «плач» обслуживает здесь уникальную тему, и именно эта уникальность вынуждает автора не просто воспроизводить готовую структуру, но трансформировать ее, вводя элементы, не свойственные традиционному плачу, — богословскую рефлексию, мотив зависти к человеку, риторические вопросы. Как следствие, формульная плотность в этом фрагменте падает до минимальных 8–10 %. Таким образом, именно там, где тема уникальна, а типовая сцена требует трансформации, мы наблюдаем отход от формульного канона и вторжение «авторского» начала.

В итоге иерархическая схема взаимодействия уровней традиционного текста может быть представлена как последовательное развертывание: тема (нарративный уровень) реализуется через одну или несколько типовых сцен (композиционный уровень), каждая из которых, в свою очередь, строится из формул (вербальный уровень). В поэме *Genesis A* эта иерархия работает в полную силу: тема «разыгрывается» преимущественно через типовые сцены с высокой формульной плотностью. В поэме *Genesis B* тема часто реализуется через уникальный нарративный материал, не имеющий прямых аналогов в древнеанглийской традиции, что ведет к редукции типовых сцен и снижению формульной плотности. Это фундаментальное различие, как мы покажем далее, и определяет специфику поэтики каждого из двух памятников.

11.4. Формульные системы в поэме *Genesis A*: полнота и вариативность

Рассмотрим теперь, какие конкретно формулы обслуживают различные темы и типовые сцены в каждом из двух памятников. Начнем с текста *Genesis A*. Батальная сцена (TS-Battle) представлена здесь полным набором элементов, характерных для героического эпоса. Сбор войска маркируется формулами с глаголами *samnian* («собирать») и *gebādan* («созывать»); оружие и доспехи описываются устойчивыми парами *hildewǣpnum ond heaðowǣdum* («боевым оружием и бранными одеждами») (GenA 39), *billum ond byrnum* («мечами и кольчугами») (GenA 40); знамена и трубы вводятся формулами *segn for sweotum* («знамя перед отрядами»)

(GenA 124) и *bȳman sungon* («трубы запели») (GenA 109); начало битвы передается через модель *þær wæs heard plega* («тогда была суровая битва») (GenA 1989) с последующим нанизыванием синонимических вариаций (*wǣlgāra wrixl* «смена смертоносных копий», *wīgcyrm micel* «великий бранный шум») (GenA 1990); исход битвы маркируется формулами *hæfde wīgsigor* («одержал победу в битве») (GenA 2003) и *wurdon... tōwrecene* («были... рассеяны») (GenA 131). Все эти элементы организованы в узнаваемую, повторяющуюся от памятника к памятнику последовательность, что и позволяет говорить о «типовой сцене» в понимании Д. К. Фрая.

Космогоническая тема (T1) обслуживается формулами, практически полностью совпадающими с «Гимном Кэдмона» и началом «Беовульфа». Зачин *Ūs is riht micel þæt we rodera weard... herigen* («Нам подобает весьма, чтобы мы Стража небес... славили») (GenA 1–2) прямо параллелен *Nū wē sculon herigean heofonrīces weard* («Ныне мы должны славить Стража небесного Царства») («Гимн Кэдмона», Уэссекская версия). Именования Бога-Творца образуют богатую формульную систему, в которой варианты *frēa ælmihtig* («Владыка всемогущий») (GenA 6, 116, 150 и др.), *ēce drihten* («вечный Господь») (GenA 112, 925, 1745, 2058, 2035 и др.), *wuldres aldor* («Князь славы») (GenA 1003, 2575; также GenB 639), *sigora waldend* («Властитель побед») (GenA 126, 1112, 1365, 1408) и *scīr metod* («лучезарный Создатель») (GenA 979) функционируют как взаимозаменяемые элементы, выбор между которыми диктуется требованиями аллитерации. Формула *Næs him fruma ǣfre, ōr geworden* («Не было Ему начала никогда, истока») (GenA 5–6) находит дословное соответствие в других памятниках, равно как и описание творения *hē ǣrest scēop eorðan bearnum heofon tō hrōfe* («он впервые создал сынам земли небо как кровлю») (GenA 112–113). Создание света передается устойчивой конструкцией *lēoht forð cuman ofer rūmne grund* («свет выходит наружу над просторной землей») (GenA 122–123) с возможностью варьирования глагола. Стыд Адама и Евы и сокрытие ими своего проступка передается формулой *hyddon hīe on heolstre* («спрятались они во мраке») (GenA 860).

Наконец, тема жертвоприношения (TS-Sacrifice), отсутствующая в поэме Genesis B, но крайне важная для *Genesis A*, имеет собственный формульный репертуар: построение алтаря (*weobedd*

worhte «жертвенник воздвиг») (GenA 2842), принесение жертвы (вариативная система с синонимами *tīber onsægde* «жертву принес» (GenA 1502) и *lāc onsægde* «дар принес» (GenA 1792) и благословение / принятие жертвы (*him þæs lēan forgeald* «ему за то воздал наградой») (GenA 2546); ср.: *he þæt* ***gyld*** *on þanc* ***agifen*** *hæfde and on geogohade godum dædum ær* ***geearnod*** «он принёс ту жертву с благодарностью, и в юности своей добрыми делами прежде заслужил [милость Божью]» (GenA 1506–1508).

Все это указывает на существование в англосаксонской традиции общего фонда «формул творения», которым мастерски пользуется автор *Genesis A*. Устойчивость этих формул свидетельствует о существовании в традиции особой типовой сцены жертвоприношения, обладающей собственной внутренней структурой.

11.5. Формульные системы в поэме *Genesis B*: редукция и трансформация

В поэме *Genesis B* те же темы и типовые сцены обслуживаются совершенно иначе. Батальная сцена, при том что она и здесь является самым формульным типом, редуцирована до нескольких элементов: приготовление Сатаны передается формулой *ongan hine þā gyrwan* («начал он тогда снаряжаться») (GenB 443–444), оружие сводится к индивидуальному доспеху (*hæleðhelm on hēafod āsette* «шлем на голову возложил») (GenB 445–446), знамена и трубы отсутствуют полностью, прямое описание битвы заменено словесным поединком, а поражение описывается не как разгром армии, а как индивидуальное низвержение (*wearp hine on þæt mōrðer innan* — «швырнул его в ту преисподнюю внутрь») (GenB 342). Там, где в *Genesis A* действует множество персонажей, объединенных в дружину, в *Genesis B* действует одинокая фигура мятежного ангела (его воинство остается лишь фоном), и эта смена перспективы влечет за собой редукцию формульного аппарата.

Тема искушения (T4) в *Genesis B* также обслуживается устойчивыми формулами, но обнаруживает существенные отличия. Сатана именуется *godes andsaca* («божий противник») (GenB 443). Посланник-искуситель перифрастически называется *boda bitre gehugod* («вестник с горькими помыслами») (GenB 725); его речь вводится формулой *ongan hine þā frīnan forman worde* («начал его

тогда спрашивать первым словом») (GenB 495); запретное дерево обозначается как *dēaðes bēam* («древо смерти») (GenB 478, 492, 528, 593, 646) (ср.: *lifes beam* «древо жизни» GenB 468); само грехопадение передается развернутой конструкцией *alwaldan bræc word and willan* («преступил слово и волю Всевластителя») (GenB 599–600).

Речь искусителя вводится сразу с указанием на то, что это ложь (*Ongon hine þa frinan forman worde se lāða mid ligenum* — «Тогда стал его вопрошать первым словом тот злодей с ложью») (GenB 495–496). Запретный плод получает уникальное, не встречающееся в других памятниках обозначение *ofet unfǣle* («плод неблагой») (GenB 723). Само грехопадение описывается лаконичной конструкцией *heo þa þæs ofætes āt* («она тот плод съела») (GenB 599), лишенной той эпической развернутости, которая характерна для *Genesis A*. Наконец, описание стыда и сокрытия, присутствующее в *Genesis A* (*hyddon hīe on heolstre* «спрятались они во мраке»: GenA 860), в тексте *Genesis B* вообще отсутствует — поэма обрывается, не доводя сюжет до этого момента. Все эти различия указывают на иную поэтическую стратегию: автор *Genesis B* не столько воспроизводит традиционный формульный репертуар, сколько адаптирует его к задачам психологизированного, драматического повествования.

11.6. Проблемные аспекты анализа

Полученные результаты требуют обсуждения ряда методологических трудностей. Первая из них касается разграничения «формулы» и «риторического клише». Низкая формульная плотность в речи Сатаны (Т3) не означает отсутствия повторяющихся элементов. Напротив, здесь обнаруживаются конструкции, явно рассчитанные на воспроизведение, но в иной, не метрической, а риторической традиции: *Wē þæs sculon hycgan georne* («Мы о том должны помышлять усердно») (GenB 397), *Uton ōwendan hit...* («Давайте извратим это...») (GenB 403) (ср. зачин из причитания Адама: *Hwæt, we nu gehyra…* «Вот, мы теперь слышим…») (GenB 939). В них нет ни единых метрических условий, ни, например, «прославления» как «значения данного отрезка», которое в сочетании с «соответствующим словесным выражением» могло бы

стать поэтической темой (Клейнер 2010: 37). Это не формулы в терминах Пэрри, а риторические клише, организующие публичную речь по образцу латинской инвективы или судебного красноречия. Возможно, это именно тот случай, когда клейнеровский подход, с его акцентом на выявление моделей «поэтической грамматики», нуждается в модификации, при которой учитывалось бы понятие «риторической формулы», необходимое для адекватного описания текстов переходного типа, каковым является *Genesis B*.

Другая проблема — прагматическая трансформация формулы в условиях драматического повествования. Один из самых выразительных примеров в поэме *Genesis B* — формула *þæt we mihtiges godes mod onwæcen* («чтобы мы изменили настрой Бога могучего») (GenB 403), которую Сатана использует в речи о Боге. Само по себе словосочетание *mihtiges godes* вполне традиционно, но вложение его в уста падшего ангела, готовящего бунт против признаваемого им же самим «могущественным» Творца, создает *драматическую иронию*, невозможную в «наивном» эпическом повествовании (см.: Cherniss 1969: 496; St. John 2025: 95–117). Сатана использует эпические формулы хвалы не для прославления, а для обоснования своего бунта. Традиционная форма остаётся, но её прагматическая функция меняется на противоположную: эпическая форма наполняется бунтарским содержанием; мы видим персонажа, который говорит языком прославления Бога (доксология), но использует этот язык для сопротивления Божьей воле.

Традиционная формульная теория, с ее вниманием к повторяемости и метрике, не вполне улавливает эту прагматическую трансформацию; учет «точки зрения» и нарративной перспективы, заимствованный из арсенала нарратологии, мог бы существенно обогатить анализ. Наконец, различна и структурная функция формул в двух поэмах. В *Genesis A* формулы часто выполняют роль дискурсивных маркеров, сигнализирующих о начале или завершении эпизода — например: *þa ic... gefrægn* («тогда я... узнал») (GenA 2061, 2244, 2484, 2543). В *Genesis B* такие маркеры почти полностью отсутствуют, а смена темы осуществляется через смену говорящего — переход к прямой речи. Это фундаментальное различие в композиционной технике отражает различие двух поэтических модусов: эпического, в котором повествование организуется во-

круг повторяющихся событийных структур, и драматического, в котором оно движется речью персонажей.

12. Выводы: две поэтические системы в рамках одной книжной культуры

Проведенный анализ с очевидностью демонстрирует, что *Genesis A* и *Genesis B*, при всем формальном сходстве (оба текста используют аллитерационный стих и формульный регистр), представляют собой две принципиально разные поэтические системы, различия между которыми проявляются на всех уровнях организации — от темы и типовой сцены до отдельной формулы. *Genesis A* является продуктом основательной и последовательной книжной переработки устно-формульной традиции. Его анонимный автор, работая с латинским источником (Вульгатой), сознательно применяет технику традиционного англосаксонского скопа для легитимации библейского материала. Высокая формульная плотность (около 39 %), полнота типовых сцен (пять из пяти возможных), системное варьирование в рамках формульных систем — все это не «следы устного происхождения», а свидетельство виртуозного владения поэтической грамматикой, примененной к новому, христианскому содержанию. Автор *Genesis A* надевает «маску скопа» для того, чтобы сделать Ветхий Завет «своим» для англосаксонской аудитории. Это стратегия канонизации нового сюжета через тотальную имитацию устного стиля.

Поэма *Genesis B*, напротив, является продуктом иной культурной и поэтической ситуации. Созданный на основе переводного древнесаксонского источника, он демонстрирует значительно более экономное использование формульного репертуара (около 15 %). Набор типовых сцен в нем редуцирован (три из пяти, причем все — в неполном виде), а формульная плотность резко падает именно там, где тема не имеет прямых аналогов в традиции (речь Сатаны, психологизированный диалог-искушение). Однако это снижение плотности связано не с «неумелостью» автора, а с иной поэтической задачей: интересом к внутреннему миру персонажа, потребовавшим более гибкого, менее клишированного языка. Автор *Genesis B* не столько имитирует устного сказителя, сколько адаптирует континентальную (т. е. сформированную иде-

ями Каролингского возрождения) поэтику с характерным для нее психологизмом и драматизмом. Это стратегия психологизации и драматизации, допускающая сознательный отход от формульного канона там, где он перестает обслуживать новые художественные задачи.

Таким образом, различие между поэмами *Genesis A* и *B* — это не различие между устным и письменным текстом. Оба памятника, безусловно, являются продуктами письменной, христианской культуры. Сущность различия лежит в иной плоскости: перед нами два разных способа литературной работы с традицией, два разных модуса поэтического творчества, сосуществовавших в пределах одной словесности. И именно концепция поэтического языка Ю. А. Клейнера, с ее вниманием к иерархической организации единиц этого языка и к функциональной нагрузке формулы, позволяет выявить эти различия с той степенью детализации и доказательности, которая недоступна ни строго количественному, ни строго эстетическому подходам. Ну а дальше – как любит завершать свои выступления Юрий Александрович – будем думать и будем обсуждать!

Литература

Бондарко Н. А. 2010: Продуктивные модели в языке немецкой средневековой мистической традиции и проблема их структурного описания. В сб.: *Поэтика традиции: Сборник научных статей* / Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 289–333.

Бондарко Н. А. 2014: *Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст*. СПб.: Наука, 673 с.

Гвоздецкая Н. Ю. 1995: Взаимодействие слова и жанра в древнеанглийской поэзии. *Атлантика. Записки по исторической поэтике.* Вып. I, 83–90.

Гвоздецкая Н. Ю. 1997: Текстообразующие функции древнеанглийского поэтического сложного имени. *Атлантика. Записки по исторической поэтике.* Вып. III, 42–47.

Гвоздецкая Н. Ю. 2002: Древнеанглийское поэтическое слово в структурах текста. В сб.: *Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации* / Отв. ред. Н. Ю. Гвоздецкая, И. В. Кривушин. Иваново: Ивановский государственный университет, 124–151.

Гвоздецкая Н. Ю. 2003: Пролегомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова. В сб.: *Philologica Scandinavica. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 28–42.

Гвоздецкая Н. Ю. 2004б: Древнеанглийский поэтический стиль: Слово и текст. В сб.: *Слово в перспективе литературной эволюции* / Отв. ред. О. А. Смирницкая, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 307–333.

Гвоздецкая Н. Ю. 2016: Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4, 158–167.

Гвоздецкая Н. Ю. 2020: Функционирование поэтического слова в древнеанглийском эпосе. В сб.: *Критика и семиотика.* № 2, 344–364.

Гвоздецкая Н. Ю. 2024: Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии: истоки и перспективы исследования // *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* Т. 28, 1699–1711.

Гуревич Е. А.1982: Парная формула в эддической поэзии (Опыт анализа). В сб.: *Художественный язык средневековья.* М.: Наука, 61–82.

Кисилиер М. Л. 2010: Что это такое — язык поэтической традиции? В поисках подходов к языку греческой поэтической традиции. В сб.: *Поэтика традиции: Сборник научных статей* / Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 45–67.

Клейнер Ю. А. 1993: Сюжет — песнь — традиция. В сб.: *Слово в контексте литературной эволюции.* М., 44–54.

Клейнер Ю. А. 1994: А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция. В кн.: Лорд А. Б. *Сказитель.* М.: Восточная литература, 350–365.

Клейнер Ю. А. 1999: Поэтический язык как язык. *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов.* Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 22–25.

Клейнер Ю. А. 2003а: Эволюция поэтического языка как диахронический процесс. В сб.: *Philologica Scandinavica. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 80–89.

Клейнер Ю. А. 2003б: Устная традиция и письменная культура. В сб.: *Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In Memoriam.* СПб.: Петербургское востоковедение, 314–320.

Клейнер Ю. А. 2010: Язык поэтической традиции в синхронии и диахро-

нии. В сб.: *Поэтика традиции: Сборник научных статей* / Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 18–44.

Клейнер Ю. А. 2013: Устная традиция и традиция фиксированных текстов. В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте.* М.: Университет Дмитрия Пожарского, 221–246.

Лорд А. Б. 1994: *Сказитель* / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера, Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН. 368 с.

Матюшина И. Г. 2019: Функции формульного стиля в поэмах Англосаксонской Хроники. *Studia Litterarum.* Т. 4, № 2, 62–87.

Пиотровский Д. Д. 2010: Фарерская баллада о кузнеце Реине. Вступительная статья, перевод и комментарии. В сб.: *Поэтика традиции: Сборник научных статей* / Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 363–390.

Пиотровский Д. Д. 2026: Транзитивность формулы? *Сборник тезисов LIV Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой*, 24–30 марта 2026 года. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. (В печати).

Смирницкая О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии:* в 2 т. М.: Филология, Т. 1. 484 с.

Стеблин-Каменский М. И. 1984: *Мир саги. Становление литературы.* Л.: Наука, 248 с.

Яценко М. В. 2024: «Неосознанное» авторство и авторство как авторитет: теории авторства в контексте древнеанглийской христианской поэзии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* Т. 28, 2029–2046.

Battles P. 2000: Genesis A and the Anglo-Saxon ‘Migration Myth’. *Anglo-Saxon England.* Vol. 29, 43–66.

Benson L. D. 1966: The Literary Character of Anglo-Saxon Formulaic Poetry. *Publications of the Modern Language Association.* Vol. 81, 334–341.

Cherniss M. D. 1969: Genesis B and the Heroic Ideal. *Modern Language Quarterly.* Vol. 30, № 4, 480–496.

Cherniss M. D. 1972: *Ingeld and Christ.* The Hague; Paris: Mouton. 297 p.

Clark G. 1965: The Traveler Recognizes His Goal: A Theme in Old English Poetry. *Neuphilologische Mitteilungen.* Vol. 66, 645–659.

Combellack F. M. 1971: [Review:] Formula, Character, and Context… by William Whallon. *Classical Philology.* Vol. 66, № 1, 41–43.

Creed R. P. 1958: Genesis 1316. *Modern Language Notes.* Vol. 73, 321–325.

Creed R. P. 1959: The Making of an Anglo-Saxon Poem. *ELH.* Vol. 26, № 4, 445–454.

Doane A. N. 2013: *Genesis A: A New Edition.* Tempe, AZ: ACMRS. 492 p.

Doane A. N. 1991: *The Saxon Genesis: An Edition of the West Saxon Genesis B and the Old Saxon Vatican Genesis.* Madison, WI: University of Wisconsin Press. 488 p.

Foley J. M. 1988: *The Theory of Oral Composition: History and Methodology.* Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 170 p. (Folkloristics Series).

Frey L. H. 1963: Exile and Elegy in Anglo-Saxon Christian Epic Poetry. *Journal of English and Germanic Philology.* Vol. 62, 293–302.

Fry D. K. 1968: Old English Formulaic Themes and Type-Scenes. *Neophilologus.* Vol. 52, 48–54.

Greenfield S. B. 1955: The Formulaic Expression of the Theme of "Exile" in Anglo-Saxon Poetry. *Speculum.* Vol. 30, 200–206.

Gvozdetskaya N. Yu. 2003: Old English Poetic Diction: Semiotics, Pragmatics, Style. В сб.: *Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г.* СПб.: Наука, 289–295.

Hieatt C. B. 1980: Divisions: Theme and Structure of Genesis A. *Neuphilologische Mitteilungen.* Vol. 81, № 3, 243–251.

Kleiner Yu. A. 2003a: Unconscious Authorship and Oral Composition: Comparing the Two Theories. В сб.: *Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г.* СПб.: Наука, 325–329.

Kleiner Yu. A. 2008: The Hymn of Caedmon: Oral Singer or Literary Author? *Philologia Norvegica.* Vol. 10, 5–19.

Kleiner Yu. 2020 The Formula: Morphology and Syntax. *John Miles Foley's World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory* / Ed. by M. C. Amodio. Arc Humanities Press, 107–115.

Magoun F. P. Jr. 1955: Bede›s Story of Caedmon: The Case-History of an Anglo-Saxon Oral Singer. *Speculum.* Vol. 30, № 1, 49–63.

Magoun F. P. Jr. 1953: The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. *Speculum.* Vol. 28, № 3, 446–467.

Mazo J. A. 1991: Compound Diction and Traditional Style in Beowulf and Genesis A. *Oral Tradition.* Vol. 6, № 1, 79–92.

O'Brien O'Keeffe K. 1990: *Visible Song: Transitional Literacy in Old English Verse.* Cambridge: Cambridge University Press. 204 p. (CSASE 4).

Olsen A. H. 1986: Oral-Formulaic Research in Old English Studies: I. *Oral Tradition.* Vol. 1, № 3, 548–606.

Orchard A. 2002: Conspicuous Heroism: Abraham, Prudentius, and the Old English Verse Genesis. *The Poems of MS Junius 11: Basic Readings* / Ed. R. M. Liuzza. New York: Routledge, 119–136. (Впервые опубл. в:

Heroes and Heroines in Medieval English Literature. A Festschrift Presented to Andre Crepin on the Occasion of the Sixty-Fifth Birthday / Ed. L. Carruthers. Woodbridge, 1994, 45–58).

Parry M. 1930: Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, I: Homer and Homeric Style. *Harvard Studies in Classical Philology.* Vol. XLI, 73–147.

Remley P. G. 1996: *Old English Biblical Verse: Studies in Genesis, Exodus and Daniel.* Cambridge: Cambridge University Press. 476 p.

Renoir A. 1967: The Self-Deception of Temptation: Boethian Psychology in Genesis B. *Old English Poetry: Fifteen Essays* / Ed. R. P. Creed. Providence, RI: Brown University Press, 47–67.

Renoir A. 1981: Oral-Formulaic Context: Implications for the Comparative Criticism of Mediaeval Texts. *Oral Traditional Literature: A Festschrift for Albert Bates Lord* / Ed. by J. M. Foley. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 416–439.

Renoir A. 1987: Repetition, Oral-Formulaic Style, and Affective Impact in Mediaeval Poetry: A Tentative Illustration. *Comparative Research on Oral Traditions: A Memorial for Milman Parry* / Ed. by J. M. Foley. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 533–548.

Rogers H. L. 1966: The Crypto-Psychological Character of the Oral Formula. *English Studies*. Vol. 47, 89–102.

St. John J. 2025: *Genesis Myth in Beowulf and Old English Biblical Poetry.* New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group. 202 p. (Routledge Studies in Medieval Literature and Culture).

Thornbury E. V. 2014: *Becoming a Poet in Anglo-Saxon England.* Cambridge: Cambridge University Press. 322 p.

Tyler E. M. 2006: *Old English Poetics: The Aesthetics of the Familiar in Anglo-Saxon England.* Woodbridge: York Medieval Press. 204 p.

Whallon W. 1969: *Formula, Character, and Context: Studies in Homeric, Old English, and Old Testament Poetry.* Washington, D.C.: Center for Hellenic Studies (distr. Harvard University Press). 225 p.

М. М. Валенцова

Несколько слов со словарем о рыбацком профессиональном жаргоне

Аннотация. Статья посвящена практически не исследованной области русской субстандартной лексики — профессиональному жаргону рыболовов-любителей. Отталкиваясь от общих теоретических положений о функциях жаргона и сленга (языковое обособление, экономия речевых усилий, оценочность, игровая функция), автор анализирует собранный в ходе полевых и интернет-изысканий корпус из более чем 500 лексических единиц. В работе определяются основные тематические группы рыболовного жаргона (названия снастей, приманок, видов рыб, типов рыболовов, рельефа водоема и др.), подробно описываются способы номинации (метафоризация, ассоциативный перенос, «антропонимизация») и словообразовательные модели (аффиксация, универбация, аббревиация, заимствования). Особое внимание уделяется системным отношениям в жаргонной лексике — развитой синонимии и полисемии. Статья включает публикацию авторского «Словарика рыбацкого жаргона» с толкованиями, в котором вводится в научный оборот новый, ранее не систематизированный пласт русской разговорной лексики.

Ключевые слова: профессиональный жаргон, сленг, рыболовный жаргон, субстандартная лексика, способы номинации, языковая игра, словообразование, синонимия, жаргонная фразеология, лексикография.

С Юрием Александровичем мы познакомились и контактировали на международных конференциях по сравнительной мифологии (IACM), которые проводились в разные годы в разных странах мира. Юрий Александроваич говорил о германском мифологии, я — о славянской. Исходя из общих интересов напрашивалась тема славянско-германских параллелей. Однако для юбилейной статьи мне показалось подходящим неожиданное переключение внимания с германской филологии на русский жаргон, тем более жаргон рыболовный (сравнительно мало изученный). Научно-юмористический дискурс в кластере жаргона, избегающем скуки,

рутины и стандартов, заставляет улыбнуться, но с другой стороны, его речевая реализация также дает повод задуматься над философскими вопросами функционирования языка. Приведу несколько подтверждающих цитат: «Английский писатель Дж. К. Честертон считал, что “сленг есть не что иное, как разновидность метафоры, это лексико-семантические единицы, полные юмористического и метонимического смысла” (Beliaieva, Khomiakov, 1985). Как отмечают ученые Х. Вентворт и С. Флекснер, “сленг используется для того, чтобы избежать скучной общеизвестности стандартных слов, он как бы предлагает уйти от устоявшейся рутины каждодневной жизни” (Wentworth, Flexner, 1975)» (Абайдельданова, Тирадо 2024: 181–182, там же расшифровка источников).

Поздравляя Юрия Александровича с юбилеем этой статьей, я не нашла лучшего обоснования, чем просто желание отвлечь юбиляра от профессиональных интересов в области германской филологии и мифологии, уйти от «рутины каждодневной жизни» и удивиться народному остроумию. Ведь иногда ради отдыха и смены парадигмы можно на минутку изменить своим интересам.

Нельзя не согласиться с тем, что «профессиональный жаргон — это особая смесь из необычных слов, нестандартных ударений, странных сокращений и смешных идиом», что он является «словесным шифром, который обычно понимают только свои» (https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/professionalnye-zhargony-zachem-govorit-ne-kak-vse).

В доказательство приведу публикацию на одном из рыбацких сайтов: «Однажды едем мы с мужем на рыбалку в пригородном автобусе, к нам подсаживается знакомый спиннингист и начинает “нести” такое, что я незамедлительно включила диктофон. На лист бумаги рассказ рыболова переношу дословно. Возможно, кто-то из рыбацких фольклористов переведет мне эту тарабарщину. “... Ездим мы с друганом в жабовник Сорочьего Лога. Палки у нас современные и мясорубки нормальные, по несколько шаров имеют. Точку быстро нашли и по всему радиусу начали хлестать направо и налево. Пробовали ловить и на вертушки, и на колебло, но все безпонтово. Первые хваталы жаба сделала на резину. У меня сопля была зеленого цвета, а у другана — красная. Сначала у меня пиписка хватила, а за ней крокодил соплю за буратино запутал. Еще палку на песок положил, песок в мясорубку попал,

пришлось мульт с ниткой ставить, на резину от трусов крокодилов не ловят, даже жалко, что такую жабу слил. Сели похавать. Затем железо подальше спрятали, а на чебурашку бросать решили, отстрел нормальный, и сопля дальше летит. Здесь не Обь — течняка нет, хлестать можно наверняка. Правда, во многих местах гаврилы клетчатые удочки воткнули и жаб ловят, а рыбники на этих браков ноль внимания. Короче, завалил я одну жабу под трешник. Этот крокодил мне штык сломал. Всего за день я семь жаб завалил. Пару раз клин на мульте был, но все обошлось. Так что в жабовник можно ездить до самого ледостава...»» (https://rybolovnn.ru/articles/rybatskie_razgovory/).

Оставляя в стороне тот факт, что запись рассказа слишком длинна для спонтанной разговорной речи и перегружена жаргонизмами, что у дамы, ехавшей на рыбалку, оказался под рукой диктофон, причем вовремя включенный, всё же отметим, что все эти термины действительно употребляются в свободной речи рыболовов (что подтверждают настоящие рыболовы).

Жаргон рыболовов (частных рыбаков), кажется, специально не изучался, по крайней мере, профессиональных словарей жаргонизмов рыболовной лексики мною пока обнаружено не было.

Исследовались другие группы жаргона и слэнга (иногда эти понятия считаются синонимичными). Так называемый общий жаргон, используемый в разговорной и публицистической (отчасти и литературной) речи собран в «Словаре общего жаргона» (Розина 1999, там же библиография более ранних словарей). Позже подробнее изучался преимущественно молодежный сленг и жаргон (см., например, Ухова 2020, там же ссылки на литературу). В последней статье автор приводит определение сленга, данное ею в своей диссертации. Сленг она понимает как «комплекс некодифицированных лексических единиц, который признан и употребляется референтной группой как знак языкового обособления, а также способ оригинального самовыражения, с помощью которого члены группы оценивают и выражают свое отношение к окружающей их действительности» и считает главным его свойством оценочность (в контекстах «от шутливо-вульгарной до обидно-высокомерной коннотации»). Нельзя также не согласиться с автором, что сленговые выражения «всегда направлены на субъект, т. е. возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы

его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» (Ухова 2020: 97).

Вообще профессиональный жаргон служит для обозначения понятий, в особенности новых, используемых в профессиональной среде. В связи с этим на передний план выступает словотворчество участников сообщества, почти фольклорная форма создания слова. Фольклоризм подверждается и аксиологической направленностью жаргонизмов, например, в рыболовном жаргоне — оценочными наименованиями браконьеров: *драчипист*; их снастей: *драч*, *драчик* ‘браконьерская снасть, предназанченная для багрения рыбы’; типов ловли: *троллинг* ‘проводка спиннинговой приманки с движущейся лодки’, *ОП* ‘Облом Петрович, нулевая рыбалка’; оценки начинающих: *Гаврила*; бестолковых рыбаков: *Гаврила*, *кожа*, *дермантин*, *целлофан*, *пузатый дядька*; мешающих рыболовам купальщиков: *бобры*; оценки ситуаций: *цепка спала* ‘психоневростенический приступ рыболова’, и даже оценки известных лиц через номинацию рыболовных реалий: *чубайс* ‘электроудочка, браконьерская снасть’ и др. Новые слова семантически точны (компрессивность семантики) и формально экономичны (широко применяются универбация, аббревиация).

Жаргонная лексика может переходить в область терминологической и наоборот, рыболовные словари могут включать и широко распространившуюся популярную жаргонную лексику. Так, часть вошедшей в публикуемый ниже словарик рыболовного жаргона можно найти также в «Рыболовном словаре Прикамья» (2013), описывающем «промысловую лексику пермских народных говоров и современных рыбаков» (РСП: 7) и отражающем «лексику и фразеологию живой народной речи» (РСП: 4), что еще раз демонстрирует отсутствие четких границ между профессиональным словарем и профессиональным жаргоном. Пермский словарь включает такие жаргонизмы, как *пингвин* ‘зимний рыболов’, *балалайка* ‘зимняя удочка определенной формы’, *нюрка* ‘мелкая щука’, *подлец* ‘подлещик’, *бутерброд* ‘комбинированная наживка’, *карандаш* ‘мелкий судачок или щурёнок’, *крокодил* ‘крупная щука’ и др., известные и в других российских регионах. В некоторых случаях в словаре предлагается мотивация жаргонных слов, например, термина *ОП*, которая в Перми — «шутливое обозначение рыбацкой неудачи *Облом Петрович*». Способ «расшифровки» аббревиатур

и междометий хорошо известен русскому разговорному дискурсу (например, ОБС — Одна Баба Сказала или ИИ — Иван Иванович). Похоже, что в случае с аббревиатурой *ОП* или *О.П.* надо предполагать первичное междометие «оп!», «опаньки!», в дальнейшем раскрытое как Облом Петрович, при этом считать «имя св. Петра неслучайным, поскольку этот святой считается покровителем рыбаков» (РСП: 148) мне кажется излишним. Также неубедительной представляется и трактовка в словаре термина «*мандула* ‘приманка с необычными добавками’. <...> — В жаргонах слово часто используется как шутливое название всего того, что своего названия не имеет, предмета непонятной формы и назначения. Вероятна связь с термином тибетской мифологии мандала, обозначающим модель вселенной или представляющим символ, который при медитации помогает слиться с божеством (в связи с аналогией рыбалки и медитирования). Любопытно, что словом *мандула* в ряде мест называют также особую пенополиуретановую приманку, имитирующую небольшую рыбку» (РСП: 132). Более вероятной (и в связи с предметами непонятной формы и непонятного же назначения, и в связи с пенополиуретановой рыбкой), несмотря на реальность связи рыбалки с релаксацией (но не медитацией), представляется этимология этого слова от обсценного *манда*, поскольку рыболовы трактуют *мандулу* как многосоставную оснастку для спиннинговой джиг-головки, то есть как предмет сложный, с труднообъяснимым устройством, часто самодельный и т. п., а именно для таких вещей в русском языке находятся выражения с корнями матерных слов, часто с уменьшительно-ласкательными суффиксами или эвфемизмами таких слов (типа *херня какая-то*, *хреновина такая*, *на п**дюльках висит* и т. п.).

Исследователи (см., например, Даминова 2016, Иванова 2007) отмечают в жаргонизмах стремление к экономии языковых средств и речевых усилий, к сокращению слов и, соответственно, времени коммуникации. При этом остается важным точное понимание слова и высказывания в целом. Не владеющий профессиональным жаргоном рискует непониманием ситуации, с одной стороны, и невключением его в профессиональное сообщество, с другой (ср. наименования молодых или неумелых рыбаков: *гаврила, кожа, дермантин*). Иными словами, профессиональный жаргон создает уникальность сообщества и укрепляет связи между его чле-

нами (https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/professionalnye-zhargony-zachem-govorit-ne-kak-vse).

Лексика жаргона строится на базе литературного языка путём переосмысления, метафоризации, переоформления, звукового и морфемного усечения, универбизации, аббревиации, а также активного усвоения иноязычных слов и морфем.

В рыболовном жаргоне, впрочем, так же, как и в молодежном, присутствует игровая функция, которая реализуется в процессе номинации такими способами, как «фонетическая мимикрия, метатеза, эпентеза, контаминация» (Матюшенко 2007: 23–24).

Заинтересовавшись некоторыми яркими терминами рыболовного жаргона (*мандула, чебурашка, пыздрик*), я решила собрать словарик этого профессионального жаргона и проанализировать его с лингвистической точки зрения.

Термины, приведенные в собранном словарике, записаны на разных территориях России — от Русского Севера до Ростова-на-Дону, тем не менее многие из них, как было сказано выше, встречаются в «Рыболовном словаре Прикамья», то есть можно сказать, что по крайней мере часть этой лексики употребляется шире, чем локальные термины, или является общерусской. В дальнейших, более основательных, исследованиях следовало бы, конечно, обозначать ареал бытования термина, но для нашей актуальной задачи это пока необязательно.

В части определений в словарике приводятся денотативные значения, но во многих случаях представлены и значения коннотативные, в том числе оценочные, причем представлены они так, как их понимают сами пользователи жаргона. В целом оценке уделено большое внимание.

Начиная описание словарика, прежде всего, следует охарактеризовать **тематические группы** рыболовных слов. Среди них:

— рыболовные снасти и их части: *мотиватор*, *палка*, *спин*, *дрын*, *темляк*, *удочка в клеточку*, *чебурашка*, *чубайс*, *морковный дедушка*, *банан*, *балерина*, *балда*;

— названия приманок: *сопля*, *тапочки*, *толстяк*, *звери*, *белый*, *гадёныш*, *девон*, *гвоздь*, *буратинка*;

— способы, обстоятельства и результаты ловли: *помочь*, *погаврилить*, *пузырить*, *троллинг*, *твичинг*, *стартовый закорм*, *сход*, *токовище*, *наноджиг*, *блеснить, О.П.*;

— названия рыб: *пан*, *пистолет*, *подлец*, *сабля*, *Сара Абрамовна*, *Агап*, *сула*, *крокодил*, *хозяин*, *хорёк*, *чахлая*, *лопата*, *леопёрд*, *лапоть*, *костыль*, *Кравчук*, *змей*, *пиписка*, *сигаретки*;

— названия рыболовов: *Гаврила*, *пингвин*, *пиписочник*, *пеликан*, *целлофан*, *дермантин*, *крокодильщик*, *буффало*;

— названия рельефа водоема и погоды: *закосок*, *жабовник*, *стол*, *пупок*, *язык*, *труба*, *лужа*, *мокрота*;

— слова, относящиеся к рыболовной этике: *получить по сусликам*, *карта мира рухнула*, *шпонку срезало*, *заготовитель*, *нуждающийся*, *голодный*, *хапуга*, *жучила*;

— другие слова: *пернатые* ‘комары’, *ёгарл* ‘лягушка’, *шахта* ‘рыбья пасть’, *Святой Трифон*, *Байнай* ‘покровители рыбалки’, *Петрович* ‘дух водоема’.

Во всех этих группах можно видеть преимущественно частичную мотивацию во всех ее видах: метафорическую, косвенную и особенно ассоциативную.

Типы номинации

— по материалу изготовления: *тапочки* ‘спиннинговая приманка из плавающего материала, которым часто служил материал дешевых тапочек’; *сталька* стальная проволока, используемая на поводки вместо лески, шнура’; *железо*, *железка* ‘колебалки и вертушки, любые блесны’, *резина* ‘мягкие спиннинговые силиконовые приманки’;

— по внешнему виду: *чернопуз* ‘подуст’, *чернуха* ‘красноперка’, *стеклярус* ‘мелкий судачок’, *стол* ‘небольшой по площади плоский участок дна водоема’; *желтобокий* ‘лещ’, *гитара* ‘снасть для ловли лосося’, *змей* ‘угорь’, *юбка* ‘вид мягкой приманки из силикона, напоминающий юбки из тростника некоторых африканских племён’, *конопатая* ‘форель, лосось’, *лавровый лист* ‘мелкая густерка’, *лаврушка* ‘мелкий подлещик, густёрка’;

— отражающие какую-либо характеристику объекта: *резинка от трусов* ‘монофильная леска’ (потому что она растягивается), *зеленый китаец* ‘модель воблера, дешевая (первоначально китайского производства), но уловистая снасть, часто самоделка’, *кастрюля* ‘алюминиевая лодка любого размера’, *шуршун* ‘непромокаемый лёгкий костюм от дождя’;

— по характерному действию: *хлестать* ‘ловить рыбу спиннингом’, *тычка* ‘шест для управления лодкой на

неглубоких местах', *тюкалка* 'спаренные спиннинги', *резкий* 'голавль';

— по ассоциации с литературным героем: *премудрый* 'пескарь', *чебурашка* 'грузило с двумя ушками', *штирлиц* 'лещ мелкий';

— по имени известного деятеля: *чубайс* 'электроудочка', *черномырдин* 'килец (глубоководная ряпушка в Онежском озере) или глубоководный налим'.

— оценочные наименования: *срань* 'мелкая рыбка', *голоштанник* 'мелкий сом', *ирокез* 'верхний плавник окуня'.

Способы образования терминов

Словообразование:

— аффиксация: *колебалка*, *колебло* 'колеблющаяся блесна', *махалка* 'зимняя удочка', *микруха* 'микроджиг', в том числе аффиксация «неожиданная»: *клевша* 'клёв рыбы', *клубень* 'член питерского клуба рыбаков', *красень* 'осетровая рыба';

— словосложение: *туводная (рыба)* 'рыба, постоянно живущая в Дону', *мормодрочер* 'рыбачащий на сверхлегкие палочки и приманки';

— усечение слов и аббревиация: *флюр* 'леска из флюорокарбона', *фрик* 'фрикцион', *спин* 'спиннинг', *НХНЧ* 'традиционное пожелание удачной рыбалки: «Ни хвоста, ни чешуи!»';

— образование новых вариантов слов (в том числе телескопически) часто с каламбурным сближением с общеупотребительными словами языка: *чехотка, чахлая* 'чехонь', *толстый, лобатый* 'толстолобик', *джигит* 'спиннингист, предпочитающий джиговую ловлю'; *ленкозавр, леопёрд* 'ленок (сибирская форель)', *маропедка* 'зимняя блесна, название которой образовано комбинацией названий трех других известных блесен: «Матвейчикова» + «ромб» + «торпедка»', *монка* 'монолеска', *оЛо* — употребляется при необходимости отказать в чём–либо.

Синтаксическая транспозиция:

— субстантивация прилагательных: *усатый* 'сом', *ушастый* 'свинцовое грузило круглой формы с двумя металлическими ушками', *чахлая* 'чехонь', *толстый* 'толстолобик', *зубастая* 'щука', *колючий* 'ерш'.

Семантическая транспозиция:

— метафорический перенос: *гадёныш* 'опарыш', *кости* 'мелкая густера, белоглазка, синец, кляпец и прочее фанерообразное;

общее название белой рыбы, используемой в дальнейшем на таранку', *крокодил* 'крупная щука (в связи с ее длинной мордой)', *дуршлак* 'небольшое место на льду с большим количеством лунок';

— метонимический перенос: *сплетня* 'поверхностная снасть для ловли хариуса и других рыб с поплавками', *корыто* 'деревянная лодка', *пан* 'очень крупный сом', *хвост* 'одна пойманная рыба; используется как единица измерения улова';

— перифрастическая номинация: *удочка в клеточку* 'сеть', *обуть палку* 'подобрать катушку под спиннинговое удилище', *пузатый дядька* 'мажорный рыбак с дорогими снастями, не смыслящий в рыбалке', *шпонку срезало, карта мира рухнула* 'психоневростенические приступы у рыболова', *собачий хвост* 'способ ведения приманки потяжками, в результате которых воблер ходит влево-вправо'; *дал по губам* 'спустил рыбу при подсечке (зимой)', *обняться с ОП* 'ничего не поймать';

— универбизация: *троль* 'рыбак, ловящий троллингом'.

Как отдельные виды семантических сдвигов были выделены:

— «антропонимизация» (разные виды семантических трансформаций антропонимов): *Харитон* 'хариус', *Мартын* 'крупная чайка', *Гаврила* 'рыбак-неспиннингист; неумелый рыбак', *Клара Захаровна* 'крупная щука', *Сара Абрамовна* 'щука весом более 5 кг', *Чубайс* 'электроудочка', *Черномырдин* 'глубоководные рябушка или налим', *Кравчук* 'карп', *Изя* 'язь', *Евдотка* 'пескарь', *Никодим* 'налим', *Шурик* 'окунь' (см. специальную работу: Гладченкова 2012);

— использование обсценной, сниженной лексики и ее производных: *пиписка* 'мелкий окунёк', *гандон* 'надувная лодка', *мандула* 'непонятная снасть', *собачий х*й* 'отсутствующая во время бесклёвья воображаемая наживка', *верхобзда* 'верховодка, уклея', *жёваное говно* 'универсальная лещёвая насадка органического происхождения', *пи*дорыбица* 'бычок';

— заимствования: *глиссер* 'разновидность легких поверхностных спиннинговых приманок', *фэт* (англ. *fat* «толстый») 'короткий и толстый воблер в виде изогнутой капли', *квивер-тип* («дрожащая вершинка») 'вид сигнализатора поклевки в донной ловле, гибкий кончик удилища', *шнотль* 'рыболовный крючок', *фидер* 'снасть с кормушкой (англ. *to feed* 'кормить')', *тампакс* 'раскраска приманки «ред хед»', *чомба* 'сазан' («чомба», «чумба», «чумбат» —

предположительно, из негритянского уличного жаргона choomba, chombatta ‘друг, братан, чувак’ по отношению к близкому человеку).

Системные отношения в жаргонной лексике

Как и в других лексико-семантических сферах языка, в рыбацком сленге развита **синонимия**. Разные названия объекта могут быть привязаны к разным территориям и акваториям, но и в одном ареале часто сосуществуют разные наименования рыб в зависимости от размера, внешнего вида, поведения. Как правило маркируются очень мелкие и очень крупные экземпляры. Например, названия:

щуки — *мамка, хайка, тетя Хая, Сара Абрамовна, дочка Фаина, Клара Захаровна, зубастая, жидовка, щупачок, жаба, жабень, костыль, крокодил* (часть названий отражает использование щуки в еврейской кухне);

подлещика — *подлещ, подлец, лаврушка, фанера*;

окуня — *кокунь, чикомас, горбатый, матрос, пистон, полосатик, шурик*;

судака — *Агап, батон, карандаш, клыкастый, колючка, сандаль, сундук, утюг, сула.*

Обратный синонимии процесс — приобретение словом **многозначности**. Он также чаще всего (хоть и не всегда) ареально маркирован. Например,

собака – 1. колокольчик, оповещающий о поклевке; 2. *собака, мотособака* – мотобуксировщик; 3. жук медведка (в качестве приманки);

паровоз – 1. клюнувшая крупная рыба (карп, сом); 2. две и больше приманок, закрепленных одна над другой на определенном расстоянии на снасти;

Гаврила – 1. рыбак – не спиннингист, иногда и посторонние спиннингисты; 2. неумелый рыболов, не желающий или не способный к обучению и совершенствованию; 3. местный рыболов;

дегустаторы – 1. рыбы, откусывающие приманки. 2. иногда это рыбаки, забившие на рыбалку в период бесклёвья и принимающие на грудь или что-то банально пробующие в первый раз;

жаба – 1. сом крупный (говорят те, кто его дерёт), *жабка*; 2. *жаба, жабень, жабец* (лат. Esox) — род пресноводных рыб, семейство щуковые; 3. ротан;

чебак – 1. разновидность плотвы с черными глазами и плавниками; 2. крупный лещ.

Подытоживая этот краткий обзор рыболовного жаргона, надо сказать, что он интересен в разных аспектах — в социологическом, лингвистическом, фольклорном. Он отражает те же и похожие тенденции, которые выделяют и в других группах жаргона и сленга, в частности, молодежного. Более того, в жаргонной лексике присутствуют те же тенденции словотворчества, что и в фольклорных жанрах. Например, использование личных имен широко распространено в славянской демонологии (ср., например, названия чертей: *Сысой*, *Ничипор*, леших: *Митрий*, *Иван*, болезни: *Оспа Ивановна* и др.); не менее широко применяется использование имен в русских заговорах, например, *баба Яга* (*ага*, *ога*) называется *Агафьей*, *Грипиной* (*Агриппиной*), *Гарафеной* (*Аграфеной*) (Черепанова 2008: 211).

Благодаря выразительности, экспрессивности и остроумию наименований объектов своей сферы жаргон проникает и в литературную лексику.

В последние десятилетия в русский язык хлынул поток англицизмов (в первую очередь), называющих новые реалии, неизвестные ранее русскому языку, что отразилось и в рыболовном жаргоне в связи с появлением большого количества снастей и приманок иностранного производства, обозначающих новые виды ловли и т. п. Далее происходили социальные сдвиги, псевдодемократизация лексики, позволившая ненормативной лексике проникать в разговорный язык, жаргон и слэнг. Отражение всех этих процессов можно видеть в словарике, публикуемом ниже.

Словарик рыбацкого жаргона

Словарик собран в интернет-ресурсах, он содержит более 500 терминов. Некоторые откровенно обсценные слова были изъяты, другие, более допустимые, оставлены в целях полноты лингвистического анализа. Толкования слов по возможности сохранены в том виде, в каком они даны на рыболовных сайтах (иногда в целях экономии места или конкретизации значения внесены изменения). Словарик далек от полноты, а значит преждевременно ждать от него лексикографической завершенности. В перспективе можно

было бы добавить в него не только географические пометы для употребляемого слова, но и морфологические, этимологические пояснения и системные дополнения (например, синонимы).

Абориген – местный житель, местный рыболов.
Агап – судак крупный.
Аматор, турист – начинающий рыболов.
Амнистия – процедура выпуска пойманной рыбы обратно в водоём.
Анимация – игра приманкой.
Бабайка – весло.
Бабка – личинка бабочки подёнки, живущей в воде или в норках на берегу.
Бабушка – очень крупная рыба.
Багор, багорик – приспособление в виде крюка для извлечения из воды подсеченной рыбы.
Багрить – цеплять рыбу крючком за всё, что угодно, кроме губы.
Багрить кобылу – мёртвый *зацеп* (см.).
Базанить – двигать лодку одним веслом.
Байнай – в народном эпосе рыбаков божество «которому лучше налить перед рыбалкой», чтобы не было ветра и волны, да и рыба чтобы «шла». [Байанай – дух – хозяин природы, покровитель охотников в якутской мифологии. – прим. МВ].
Бакен – спиннинговая приманка.
Балалайка – зимняя снасть для ловли лосося; тип зимней удочки с горизонтальной катушкой.
Баланс – балансир, а иногда имеют в виду баланс удилища.
Балансир – горизонтальная блесна, применяемая в основном для зимней ловли хищника.
Балбер(к)а – то же, что бомбарда.
Балда – 1. тяжелый поплавок до 100 гр для дальних забросов; 2. конструкция типа мормышки.
Балерина – вид грузика на стальной спице для замусоренных и закоряженных мест; груз наглухо закреплен на спице.
Балябуха – прикормочный шар, замешаный на глине.
Банан – зимняя мормышка по форме напоминает этот фрукт.
Барабан, колесо – большая инерционная катушка типа «Невской».
Баран – перехлест стальки, ведущий к обрыву.

Басклейка – уклейка.
Батон – крупный судак.
Бахилы – высокие, до колена, резиновые чулки с калошами, которые надевают поверх валенок.
Башка – разборная чебурашка или джиг-головка.
Баян – зимняя снасть для ловли лосося.
Бебейка – мелкая рыба безотносительно к видам.
Белый (*опарик*) – опарыш.
Бель – белая не хищная рыба (мирная рыба: чебак, пескарь, плотва и пр.); рыба из семейства карповых.
Бель пробила – клев белой рыбы.
Бирюк – ёрш.
Блесна – рыболовная снасть, представляющая собой металлическую пластину с крепящимся к ней трехзубым крючком.
Блеснилка – рыболовная снасть, состоящая из короткого прочного и упругого удилища длиной 50–70 см и катушки с леской для отвесного блеснения со льда зимой и летом с лодки.
Блеснить – ловить рыбу на блесну.
Блэдбейд (*цикада*) – легкая плоская приманка из металла, имеет несколько отверстий в верхней части, в хвосте приманки есть утяжелитель.
Бобры – 1. купальщики на реке, мешающие ловить и пугающие рыбу; 2. белая рыба трофейного размера.
Бобырь – ёрш.
Бой, котёл – массовая охота хищной рыбы.
Бойл – приманка и насадка для ловли карповых в виде ароматизированных высушенных шаров диаметром от 1 см, получаемых в результате варки шариков из исходной смеси. Изготавливаются из теста (базовые смеси).
Бокоплавы – слепые бобры (см. бобры 1) на гребных плавсредствах.
Болото – стоячая вода; по болоту – по стоячей воде в Днепре
Болт – неудачная рыбалка, отсутствие клёва.
Бомба – каша-прикормка с ароматизаторами, перемешанная с глиной и вылепленная в форме шара.
Бомбарда – это приспособление, изобретённое для ловли форели. Напоминает яйцеобразный поплавок с полой антенной, проходящей через тело поплавка.

Бомбардир – рыбак, который ловит на бомбарду (иначе называемую *сбирулино*).
Борода – запутавшаяся леска, шнур.
Бородка – 1. снасть для ловли судака, часто используется при ловле на стальку (см.); 2. отгиб на жале крючка, предотвращающий сход рыбы с крючка.
Борщ, зелёнка – густая водная растительность.
Брак, бракоша, брэк – браконьер.
Бревно – сом.
Бровка – характерное изменение рельефа дна реки – довольно заметный перепад глубин около берега (с мели на глубину – «передняя бровка», или с глубины на мель – «задняя»). Проще говоря, граница между ямой и отмелью.
Бровка, перекат, стол, пупок, коса, язык, труба – различные участки реки, термины используются в описании рельефа водоема и уловистых точек;
Буби – опарыш.
Буратинка – воблер. *Буратина́*, pl — обычные воблеры. *Буратины*, pl – большие массивные приманки, обычно деревянные — в основном джеркбэйты.
Буратино – коряга.
Бурло – водоворот.
Бутерброд – комбинация различных насадок на крючке (мотыль+опарыш), а может и съедобный личный НЗ рыбака.
Буффало – упитанный зимний рыболов преклонного возраста.
Бэнык, бэчик – бычок.
В гавань – вываживанье крупного леща без подсака на берег.
Валет – рыболов неопытный (начинающий).
Васыль, Вася – лещ.
Вертолёт – самодельный балансир.
Вертуха, вертушка – вращающаяся блесна.
Верхобзда – верховодка, уклея.
Виброхвост – искусственная приманка в виде рыбки с плоским хвостом, изготовленной из мягкого пластика.
Висячка – «цепа» (зацеп) за оборванную леску, стальку, сетку на дне, то есть не за корч или камни.
Воблер – искусственная приманка, напоминающая по форме настоящую рыбку и имитирующая ее движение – для ловли хищных рыб.

Водномоторник – рыбак при наличии лодки с мотором.
Водяной шелк – нитчатые водоросли, растущие в реках, на камнях, сваях и т. д.
Волкер – специальный воблер без лопасти для поверхностной ловли.
Волосня – бородка.
Выползок – крупный земляной червь.
Выход 1 – время суток, когда определенный вид выходит на кормежку к берегу.
Выход 2 – сближение рыбы с приманкой с последующей атакой или появление рыбы на поверхности воды во время охоты.
Гаврила – 1. рыбак–не спиннингист, иногда и посторонние спиннингисты; 2. неумелый рыболов, не желающий или не способный к обучению и совершенствованию... Это звание не зависит от рыболовного стажа, человек может всё жизнь рыбачить и остаться при этом Гаврилой; 3. местный рыболов.
Гаденыш – опарыш.
Гаджетка – любая рыболовная снасть, принадлежность, аксессуар.
Гак – рыболовный крючок.
Гандон – надувная лодка, от резиновой одноместной, до пяти–шестиметрового ПВХ–гиганта, чаще всего звучит в устах обладателей «кастрюль».
Гвоздик – разновидность зимней блесны.
Гвоздь – вид окуневой блесны.
Гирлянда – снасть с несколькими поводками.
Гитара – зимняя снасть для ловли лосося
Глиссер – это разновидность легких поверхностных спиннинговых приманок для ловли хищника на самой поверхности воды. Разновидности глиссеров: лягушка, мышь, хорватское яйцо.
Говно (*какашка*) – уловистый силикон (ультрафиолетовый хамелеон с блестками).
Говно метет – разнообразный (весенний, утренний) мусор плывущий по Днепру.
Головастик – мелкий сом.
Головёшка – ротан.
Голодный, хапуга – удачливый рыболов, иногда – рыболов, не знающий меры вылова.

Голоштанник – мелкий сом.
Гонка – специальная сеть для загона рыбы.
Горбатый – название окуня.
Горбач – крупный окунь.
Горбачей набить, набомбить – наловить крупных окуней.
Горбыль – самец горбуши на нерестилище.
Грызло́ – гнус, мошка.
Губан, губатый – ветер.
Губошлёп – подуст.
Дал по губам – спустил рыбу при подсечке (зимой).
Дать по зубам – ощутимый в руку сход рыбы во время подсечки.
Девон – искусственная приманка (блесна), вращающаяся благодаря лопастям, расположенным по бокам.
Дегустаторы – 1. рыбы, откусывающие приманки. 2. Иногда это рыбаки, забившие на рыбалку в период бесклёвья и принимающие на грудь или что–то банально пробующие в первый раз.
Дермантин – рыболов, еще более бестолковый, чем **кожа** (см.).
Джиг — спиннинговая ловля хищника ступенчатой проводкой искусственной приманки.
Джиг, джиг-головка – крючок, впаянный в грузило округлой формы. Предназначен для насадки искусственных приманок из мягкого пластика. Используется при особом типе проводки, получившей такое же название (джиг, джиг проводка).
Джигит – спиннингист, предпочитающий джиговую ловлю.
Джэрки – джэркбейты.
Донка – рыболовная снасть для ловли со дна, состоящая из крючка, грузила и лески. доночник, подонок – спец по рыбалке на донки
Донклбластер – большая рыба
Дорожка (*троллинг*) – старинный, доспиннинговый способ ловли рыбы на блесну, которую на длинной крепкой леске тянут за движущейся лодкой. Если лодка с мотором – это троллинг.
Дочка Фаина – щука от 3 до 5 кг.
Драть, душить – глаголы, в общем–то означающие интенсивную ловлю рыбы, носящие негативный оттенок к тем, кто их реализует. Как правило термин «душить» употребляется более пренебрежительно, особенно к спортсменам–«пиписочникам». В термине «драть» – кроме осуждения, как правило присутствует толика зависти, если он употреблен не в отношении себя.

Драч (или **драчик**) – браконьерская снасть, предназначенная для багрения рыбы. Она представляет собой тяжелое грузило с впаянными в него большими острыми крючками (обычно тройниками или пучком одинарных крючков), которые цепляют рыбу за тело, а не за рот.
Драчипист – рыболов, «ловящий» на драча (см.)
Дроч, твич – рывковые проводки приманок.
Дубинить – следующая стадия после темпования (см.) – сидеть и выжидать поклевки.
Дубинщик – человек ловящий качественную, съедобную рыбу.
Дуршлаг – небольшое место на льду с большим количеством лунок.
Дырка – 1. отверстие во льду, лунка; 2. закормленное место, перспективное место.
Дюбать – клевать.
Евдотка – пескарь.
Еврей – хитрожопый рыболов любой национальности.
Еврейская пища – язь и щука.
Ёгарл – лягушка.
Жаба – 1. сом крупный (говорят те, кто его дерет), *жабка*; 2. *жаба*, *жабень*, *жабец* (лат. Esox) — род пресноводных рыб, семейство щуковые; мелкая щука–травянка; 3. ротан.
Жабовник – залив, озеро, пруд, место обитания жабы, разнокалиберных щук.
Жало – острие крючка.
Жёваное говно – универсальная лещёвая насадка органического происхождения.
Железняк – червь, длиной до 15 см, используемый в качестве наживки.
Железо, железка – колебалки и вертушки, любые блесны.
Желтобокий – лещ.
Жёнка – корма лодки.
Жерлица – рыболовная снасть для ловли на живца, применяемая рыбаками при ловле хищной рыбы обычно со льда в зимний период.
Живая трещина – незамерзшая трещина, которая периодически то сжимается, то расширяется.
Живец – мелкая и средняя рыба, используемая для ловли хищной рыбы.

Жидовка – щука.
Жимы – сопротивление рыбы.
Жмурик – очень тяжелый мусор, пойманный на глубине крючком, из-за предположения, что это утопленник.
ЖОПС – слэнговое для GPS-навигатора.
Жор – активный клёв.
Жучила – рыбак одиночка; при поимке рыбы, сразу убирает её в шарабан, а не кидает на лёд.
Забодяжить – замесить тесто (для подкормки).
Завалить – поймать рыбу.
Заготовитель (*нуждающийся*) – рыбакоподобное, часто хорошо экипированное, понимающее в рыбалке существо, забирающее все пойманное на водоемах. Основная мотивация – «Я котику».
Закидушка – закидная удочка. Аналогична донке и подразумевает наличие кормушки на конце снасти.
Закосок – небольшой заливчик в реке, отгороженный от основного течения обычно только водорослями и чаканом, кугой.
Замор – массовая гибель рыб, вызванная уменьшением количества растворённого в воде кислорода (до 5–30% нормального насыщения) или появлением в воде ядовитых веществ (в результате сброса промышленных неочищенных сточных вод или смыва с суши ядохимикатов).
Затылок – загиб крючка от цевья до лба.
Звери – черви красные, мотыль.
Звонкий – чувствительный «в руку» спиннинг.
Зеленый китаец – модель воблера, ставшая уже именем нарицательным для дешевых приманок, часто самоделок, которые ловят хищную рыбу получше самых дорогих, именитых воблеров.
Зимовальная яма – место массового скопления рыб в углублениях дна рек и озер в зимний период. Обычно на ямах сосредоточиваются рыбы одного вида, что обеспечивает наилучшие условия зимовки. В проточных водоемах зимовальные ямы находятся в наиболее глубоких местах с замедленным течением. В озерах и водохранилищах они располагаются в устьевой зоне впадающих рек и речек, в местах выхода подводных источников. Рыбалка на них запрещена.
Змей – угорь.
Зубастая – щука.

Изя – язь.
Иржик – ёрш.
Ирокез – верхний плавник у окуня.
Ицык, ицман – язь.
Кабарга, кабаржка – позвоночник, хребет рыбы.
Калина, калинка, калиновец – густера.
Карамель, машинное масло, кислотник – цвета силиконовых приманок.
Карандаш – общее название мелкого судака, щуки.
Каролина, Техас – разновидности джиговой оснастки.
Карта мира рухнула – психоневростенический приступ рыболова
Картуз – большой, круглый, золотой карась.
Кастрюля – алюминиевая лодка любого размера, и даже пластиковый катер за несколько миллионов.
Кач – наноджиг (очень мелкое джигование).
Качать (соплёй) – наноджиг (очень мелкое джигование).
Каша – 1. смесь опарыша с мотылем; 2. черная икра.
Квивер-тип («дрожащая вершинка») – вид сигнализатора поклевки в донной ловле, гибкий кончик удилища.
Квок – приспособление для ловли сома, производящее булькающие звуки при ударе по воде.
Кивок – колеблющийся кончик удочки, который показывает поклевку рыбы.
Киса, киця – драч (неспортивная снасть), иначе – японская мормышка.
Клара Захаровна – крупная щука.
Клевша (*клевака*) – клёв рыбы.
Клетчатая удочка – сеть.
Клин – отказ работы катушки.
Клубень (клубничка) – члены питерского клуба рыбаков
Клыкастик, клыкастый – судак.
Кляпс – густера
Кожа, кожаный рыбак – начинающий, бестолковый рыболов.
Коза – мормышка с двумя крючками, напоминающее рога.
Козел – подуст.
Козлёнок – автомобиль для рыбалки типа ГАЗ–69, УАЗ–469, Хантер.
Кокунь – мелкий окунь.

Колебалка, колебло – колеблющаяся блесна. Вид металлической искусственной приманки, имитирующей движение плывущей рыбки, чем привлекает хищника.
Колючий (*хозяин*) – ёрш.
Колючка – судак.
Конопатый, конопатая – форель, лосось в легендах и мечтах. В отчетах практически не встречается.
Копыто – виброхвост фирмы Релакс. А может быть опаленное копыто как привада. Или твоя неуклюжая нога.
Корга, или *луда* – каменистая возвышенность на дне водоёма.
Кормушка – приспособление для прикормки рыбы. Делится на зимнюю и летнюю.
Коромысло, кольцо, яйца – часть донной снасти для разнесения оснастки
Коромысло, отвод – противозакручиватель для донной ловли рыбы с кормушкой.
Коротыш – донная удочка с длиной лески до 15 м для ловли сома и налима.
Корыто – деревянная лодка.
Кости – мелкая густера, белоглазка, синец, кляпец и прочее фанерообразное; общее название белой рыбы, используемой в дальнейшем на таранку.
Костыль – мелкая щука
Косынка – треугольный телевизор для ловли с толстого льда (браконьерская снасть).
Котел – место на поверхности воды, где активно кормится мальком стайный окунь.
Кравчук – карп.
Красень – осетровая рыба.
Краснопёрый, хозяин реки – таймень.
Краснопузая – красноперая густера.
Крокодил – крупная щука; хищник трофейного размера; или легендарный неубиваемый спиннинг.
Крокодильщик – спец по рыбалке на донки.
Кружок – плавучая снасть в виде диска с углублением на ребре для намотки лески, используется по открытой воде для ловли на живца в стоячих водоемах или медленно текущих реках.

Кукан – приспособление для хранения крупной рыбы в живом состоянии, изготовленное из металлической цепочки или прочного шнура с крупными карабинами.
Кукловоды – рыболовы джерковики.
Лавровый лист – мелкая густерка.
Лаврушка – мелкий подлещик, густёрка.
Лайт – легкий класс удилища
Лапоть – крупный экземпляр «средней рыбы» – окуня, леща; иногда используют при названии хорошего, большого карася.
Левша – клёв.
Ленкозавр – ленок (сибирская форель).
Леопёрд – рыба ленок.
Лечить – ремонтировать спиннинг или катушку.
Лоб, затылок – загиб крючка, примыкающий к жалу.
Лобатый – названия голавля, толстолоб(ик)а.
Ложка – колеблющаяся блесна, сделанная из обычной столовой ложки.
Ломать погоду – употреблять спиртные напитки непосредственно на рыбалке до улучшения погоды.
Лопата – жерех.
Лох – силиконовая приманка цвета ультрафиолет.
Лужа – небольшой замкнутый водоем.
Лупатая – чехонь.
Ляга (*небритый*) – налим.
Майна – прорубь для установки и снятия сетки.
Макароны – слизь смываемая с амура на зимовальной яме.
Мама, мамка – крупная рыба, прежде всего, щука.
Мандула – спиннинговая шарнирная многосоставная оснастка для джиг-головки.
Маньяк с бубенцами – спец по рыбалке на донки.
Маропедка – популярная зимняя блесна, название которой образовано от комбинации названий трех других известных блесен: «**Ма**твейчикова» + «**ро**мб» + «тор**педка**». Изобретена спортсменом Александром Воробьевым.
Мартын – крупная чайка.
Мастяка (*мастырка*) – гороховая насадка на основе манки и подсолнечного масла.
Матрос, матросик – мелкий окунь.

Махалка – зимняя удочка на хищника.
Мёртвая лунка – полное отсутствие клева на лунке в течении всей рыбалки.
Мертвяк – мертвый зацеп.
Микроколебло – миниатюрные колебалки, ловля которыми уже чуть ли не отдельное направление в спиннинге, как микроджиг и наноджиг.
Микруха (МДЖ) – микроджиг.
Минноу – сильно вытянутый воблер.
Михал Сергеич – одно время так уважительно именовали самых крупных окуней (но не прижилось).
Мишпуха – мелкая рыба.
Мокрота – дождь.
Мокрые мушки – искусственные насадки, имитирующие утонувших взрослых насекомых, а также водных личинок. Используются для проводки под водой.
Монка – монолеска.
Морда (*жак, бурак*) – устройство для ловли как большой рыбы, так и малька: сетчатый цилиндр с конусным входом.
Морковный дедушка – воблер dead float морковного цвета.
Мормоджиг, он же *мормоспиннинг, наноспиннинг, мормодрочь* – спиннинговое направление, отколовшееся от микроджига, так как применяет еще более мелкие и легкие приманки.
Мормыш (бокоплав) – водяной рачок тёмно–жёлтого цвета.
Мормышка – крючок, впаянный в грузило, изготовленное обычно из свинца или вольфрама.
Московский лещ – подлещ.
Мотиватор – колотушка.
Мотовильце – приспособление для намотки лески. Может быть как частью конструкции удилища, так и отдельным элементом для намотки лески.
Мотыга – длинный *прут* (см.), спиннинг.
Мотыль – личинка комара-дергуна, червячок рубинового цвета, живущий на илистом дне водоёма.
Мудак – судак, к которому никак не подобрать ключик.
Мульт – инерционная мультипликаторная катушка. При сматывании лески барабан катушки, на который она намотана, вращается. Рассчитана на большую нагрузку.

Мухоблесны – блесны малых размеров, оснащенные, кроме вращающегося лепестка, кисточкой из перьев.
Мыльница, мульт – мультипликаторная катушка.
Мясо – красные черви.
Мясорубка – безынерционная катушка (формой напоминает ручную мясорубку).
Набомбить – наловить рыбы.
Навик – навигатор.
Накрыть стол – закормить участок дна.
Напильник, или *карандаш* – мелкая щучка.
Нахлестанная рыба – рыба, постоянно наблюдающая игру спиннинговых приманок.
Нахлыст – ловля рыбы в верхних слоях воды путем заброса длинного шнура с легкой плавучей приманкой.
Небритый – налим.
Невка – инерционные катушки типа «невская».
Незацепляйка – приманка, крючок которой относительно защищён от «зацепов».
Неподсекайка – незацепляющийся вариант приманки.
Нержавейка – чехонь.
Никодим – налим.
Нитка – плетёный шнур, плетёнка.
НХНЧ – традиционное пожелание удачной рыбалки: «Ни хвоста, ни чешуи!»
Нэгрык – цвет Предатора а ля «потемневшее серебро».
Обняться с ОП – ничего не поймать (ОП – см.).
Обратка – участок реки с обратным течением.
Обрубить – просверлить лунку и начать ловить в непосредственной близости от удачливого коллеги.
Обуть палку – подобрать катушку под спиннинговое удилище.
Огурцы – корюшка.
Окно – пространство водоёма (озера, болота), не заросшее травой.
Оливка – вид грузила, используемого в донной снасти.
ОЛО – употребляется при необходимости отказать в чём–либо. Например, можно сказать «оЛо тебе» заменив тем самым фразу: «Милейший, в данный момент я, к моему величайшему сожалению, не могу тебе помочь. Через пару недель, подходи, и всё будет в порядке». Вся необходимая информация будет донесена до про-

сящего. Обычно «оЛо» пишется латинскими буквами, но в свете последних решений можно писать и «olo», и «оЛо».

О.П., иногда **О.П.** – он же Облом Петрович, он же — Отсос Петрович — легендарно-былинная личность, известная, по крайней мере, с середины XV века. Может появляться совершенно неожиданно в любой точке водоема. Данный факт говорит о фантомной структуре тела О.П., но отрицательное влияние на процесс ловли ощущается весьма физически. Может принимать любой вид, от тщедушного старичонка в рваной телогрейке до распальцованного рыбачка на белом катере. Любая встреча грозит частичным или полным прекращением клева. При появлении на горизонте О.П. рыболову настоятельно рекомендуется исчезнуть из поля зрения О.П., дабы избежать более близкого знакомства.

Отсосин – виброхвост американской фирмы «Bass Assassin».

Отсосямбра, или *чупа-чупс* – полный ноль по рыбе.

Отстрел – отрыв приманки при забросе.

Отцеп – приспособление для освобождения блесен и крючков, зацепившихся на глубине.

Палка – удочка, в любом варианте: спиннинговое или поплавочное удилище.

Палка, дрын – спиннинговое и другие виды удилищ.

Палка, спин – спиннинг.

Пан – очень крупный сом.

Паровоз – 1. клюнувшая крупная рыба (карп, сом); 2. две и больше приманок, закрепленных одна над другой на определенном расстоянии на снасти.

Пеликан – рыбак летний.

Пелька – лунка.

Пена – шарик пенопласта, надеваемый на крючок как самостоятельная наживка на леща, так и подсадка к опарышам, червям, мотылю.

Перехлёст – зацеп крючком приманки за леску при забросе.

Пернатые – комары.

Пеструха – форель (ручьевая).

Петрович, или *отсос* – дух водоема, не дающий рыболовам поймать рыбу.

Пешня – ударное орудие для проделывания лунок в тонком льду, а также для проверки надежности льда. Представ-

ляет из себя длинный деревянный черенок с металлическим наконечником.

Пи*дорыбица – бычок.

Пингвин – любитель зимней рыбалки. Или рыбак, ловящий стоя. Также *Балансирщик, блеснильщик.*

Пингвинить – ловить зимой со льда.

Пиписка – в отличие от **шнурка** (см.), термин определен чёткими весовыми или размерными рамками. Он применим в адрес любой рыбы, размер или вес которой, относительно максимально возможного, менее 1/100 части. Так для щуки, это где-то 300 г, для судака — 250 г, для окуня — 20 г.

Пиписка – мелкий окунек.

Пиписочник – человек, целенаправленно ловящий пиписок и их не выпускающий, поэтому уважением в наших кругах не пользуется.

Пистолет – мелкий лещ или судак.

Пистон – окунь мелкий.

Писюкатор – сторожок на мелкую рыбку (*писюков*).

Писярик – слово, рождённое на просторах великой реки Волхов, означает порцию любого спиртосодержащего напитка (кроме пива) эквивалентную «писидесяти» граммам водки, выпиваемую на рыбалке.

Писярикодавец – человек безвозмездно и с чистой душой подносящий писярик кому-либо. (Рюмка водки, выпиваемая на даче, в походе, в бане, на работе или дома не может являться писяриком).

Плетня, плетёнка, шнур – многожильная плетеная леска. Различается по количеству «косичек», способу плетения, толщине и методу изготовления.

Поводок – отрезок металлической проволоки, струны, флюра или лески, крепящийся к основанию снасти. Применяется либо для защиты лески от перекусывания зубов хищной рыбы, либо для использования второй приманки на меньшей глубине.

Погаврилить – половить на поплавок.

Погремушка – система внутри воблера из металлических шариков (или воблер целиком) с металлическими шариками внутри, создающими при проводке определённые звуковые колебания.

Подвох – подводный охотник.

Поджопники – назойливые рыболовы, не соблюдающие этику зимней рыбалки, приближающиеся с целью ловить рыбу, ближе, чем на расстояние заброса спиннинга или ближе 5 метров зимой.
Подлец – подлещик.
Подлещ – густера; лещ мелкий.
Подъемник (паук) – небольшая мелкоячеистая сеть на жестком каркасе для ловли живца.
Полёвка – стальная нить полевого кабеля, используемая для изготовления поводков.
Полосатик – мелкий окунь.
Получить по сусликам (*суслопарикам*) – получить в лицо вследствие нарушения рыболовной этики.
Помочь – встать на якорь и начать ловить в непосредственной близости от удачливого коллеги.
Попер (*поппер*) – рыболовная приманка из серии воблеров. Подразделяются на несколько подвидов: чавкающие, брызгающие и т. д.
Поролон, поролонка – поролоновые рыбки, искусственные приманки.
Порося – карп.
Поскользить на шлепках – порыбачить.
Потрях – первичная проверка свойств удилища в магазине с умным видом, тряся бланком и поглядывая на реакцию удилища.
Потычка – слабая поклевка (окуня, судака), чаще всего заканчивающаяся обломом.
Предатель – «Предатор–3», одна из наиболее популярных мягких приманок для джиговой ловли щуки, судака и окуня.
Премудрый – пескарь.
Приваживание, привада – привлечение рыбы с помощью корма, опускаемого в течение длительного времени в намеченном месте в одно и то же время.
Прикол – постоянное прикормленное рыбаками место, на котором ловят рыбу с лодки.
Проха, прошка – плетёный шнур американской фирмы «Power Pro».
Прут – спиннинговое удилище для донной ловли.
Псахис – комар.
Пузатый дядька – мажорный рыбак с дорогими снастями, которые в рыбалке не смыслит ничего.

Пузырить – бестолку кидать *железо* (см.)
Пупок – отмель, участок дна, глубина над которым заметно меньше окружающих глубин.
Пыздрик (*пиздрик*) – искусственная приманка в виде малька рыбы.
Рабочая струя – оптимальная для клева леща сила течения.
Раздача – интенсивный клев.
Разнесёнка – тип рукоятки удилища, а не в меру полная женщина.
Расколбас – наноджиг (очень мелкое джигование).
Резина – мягкие спиннинговые силиконовые (в некоторых случаях и поролоновые) приманки типа виброхвостов, твистеров, слагов и пр.
Резинка от трусов – монофильная леска.
Резинка – донка с резиновым амортизатором. Снасть для рыбалки, состоящая из тяжелого груза с прикрепленной к нему длинной резинкой.
Резкий – голавль.
Сабля – чехонь.
Салазан – крупный земляной червь.
Самосвал – прикормочная кормушка.
Сандаль – мелкий судак.
Сара Абрамовна – щука больше 5кг.
Свал – 1. сход рыбы; 2. часть рельефа водоема.
Свечка – выпрыгивание хищника из воды при вываживании.
Святой Трифон – в народном эпосе рыбаков божество «которому лучше налить перед рыбалкой», чтобы не было ветра и волны, да и рыба чтобы «шла». См. также Байнай.
Сдать точку – поведать миру о хорошем месте.
Секуша – блесна с двумя наглухо впаянными крючками, которая используется для ловли сига.
Селедка – иногда используют в качестве названия жереха.
Семидырка – минога. В Алтайском крае занесена в Красную книгу!
Сеня – синец. Разновидность пресноводной рыбы семейства карповых.
Сигаретки – корюшки размера, ловящегося у дамбы.
Синеботы – типа-рыбаки, которые ездят только бухать и гадить на берегу.
Сип – поклевка жабки на квок.

Слить – упустить добычу.
Собака – 1. колокольчик; 2. *собака, мотособака* – мотобуксировщик; 3. жук медведка.
Собачий х*й – отсутствующая во время бесклевья наживка: «Клюй, клюй, клюй на собачий х...».
Собачий хвост (Walking the dog) – способ ведения приманки (воблера) размеренными потяжками, при которых приманка ходит влево-вправо.
Собрание – нахождение в одной точке большого количества щук одного размера.
Сопли – общее название рыбы, выделяющей много слизи: ерш, лещ, синец, густера, белоглазка, подуст.
Сопливый – ёрш, синец, линь, белоглазка или кляпс.
Сопля – одно из названий твистера – силиконовой приманки с длинным, мягким и энергично вибрирующим хвостом в форме запятой
Соревы – соревнования по рыбалке.
Сплетня – поверхностная снасть для ловли хариуса и других рыб с поплавками.
Срань – мелкая рыба.
Став, ставок – маленький пруд.
Сталька – стальная проволока, используемая на поводках вместо лески, шнура.
Стартовый закорм – принять по 100 гр. перед рыбалкой, ну а у фидермэнов правило «5–ти кормушек».
Стеклярус – мелкий судачок.
Стена – большое скопление белой рыбы в слое воды.
Стол – небольшой по площади плоский участок дна водоема.
Стоп энд гоу – характерный тип проводки приманки катушкой. Несколько оборотов, а затем пауза и т. д.
Сторожок – приспособление, сигнализирующее о поклёвке и хватке рыбы.
Стояк – 1. закрытый водоем без течения; 2. эрекция после вываживания крупной рыбы.
Струна – поводок изготовленный из струны;
Струя – течение.
Ступенька – вид проводки джиговых приманок.
Сула – судак.

Сулятник – некрупный сазан до 2 кг.
Сундук – судак.
Суспендер – воблер нейтральной плавучести.
Сухие мушки – искусственные насадки с богатым оперением, используемые для проводки по поверхности воды.
Сход – обидное освобождение рыбы от крючка.
Съедоба, съедобная резина – силиконовая приманка с пропитками и солями.
Сын полка – молодой рыболов в старшей компании.
Тампакс – раскраска приманки РЕД ХЕД (красная голова, белое тело).
Тапочки – спиннинговая приманка из плавающего материала, которым часто служил материал дешевых тапочек.
Твистер (виброхвост) – динамическая спиннинговая искусственная приманка из пластика, имитирующая червей.
Твичинг — рывковая техника спиннинговой ловли на воблеры.
Телевизор – браконьерская снасть: натянутая на рамку сеть с крупными ячеями, в которой запутывается рыба.
Телемастер – тот, кто «ловит» **телевизором** (см.)
Темляк – багор для крупной рыбы.
Темповать (*темпануть*) – уменьшить время между забросами фидерной снастью. Применяется для интенсивного закорма точки лова и привлечения (увода) рыбы от соседних спортсменов.
Тетя Хая (*Хайка*) – щука.
Течка – наличие течения.
Течняк – место с сильным течением.
Тиролька – тирольская палочка или целиком снасть для ловли хариуса в придонных слоях.
Токовище – место общего сбора или обеда рыболовов.
Толстый (*лобатый*) – толстолобик.
Толстяк – второе название воблеров *фэт* (fat).
Торба – кормушка-сеточка.
Торчит – сидит на крючке.
Тоха – лодочный двигатель фирмы Tohatsu.
Точка – 1. уловистое место, где хищник отстаивается или приходит сюда на жировку; 2. локальное прикормленное место на водоеме.
Травянка – мелкий щурёнок.

Троллинг – проводка спиннинговой приманки с движущейся лодки (с использованием лодочного мотора).
Троль – рыбак, ловящий *троллингом* (см.).
Туводная рыба – рыба, постоянно живущая в Дону.
Тычка – шест для управления лодкой на неглубоких местах.
Тюкалка – спаренные спиннинги. Снасть, служащая для ловли рыб, питающихся летающими и прыгающими насекомыми.
Тюлька – мелкая морская рыба семейства сельдевых, применяется как в живом, так и в замороженном виде для ловли хищной рыбы (обычно судака или налима). Используется в качестве наживки для жерлиц или насадки при отвесном блеснении.
Тюльпан – верхнее концевое пропускное кольцо удилища.
Удар – очень мощная поклёвка.
Удочка в клеточку – сеть.
Ультралайтщик, наноджигер, микроджигер, мормодрочер – рыбачащий на сверхлегкие спиннинги и приманки.
Усатый – крупный сом (называют те, кто его уважает).
Усы – след на воде от поверхностной приманки.
Утюг – крупный судак.
Утюги – долбанные электроудочники (браконьеры).
Ушастый (*Чебурашка*) – свинцовое грузило круглой формы с двумя металлическими ушками для крепления лески (плетёнки) и приманки.
Фанера, фанерка – густера, подлещик.
Фидер – снасть с кормушкой (англ. *to feed* ‘кормить’), рассчитанная на дальний заброс и ловлю со дна с постоянным прикармливанием места ловли. То же, что закидушка, но по-новому.
Фидермен, фидерман, фидераст – рыболов, ловящий на фидер.
Флажок – сигнализитор поклевки на жерлицу зимой.
Флиппинг, *питчинг, walking the dog* – проводка воблера.
Флюр, *флюрик* – леска, изготовленная из флюорокарбона.
Фрик – фрикцион на катушке.
Фэт (*Fat*) – «толстяк» – короткий и «толстый» воблер в виде «изогнутой» капли.
Хайка – крупная щука.
Хайло – очень большая хайка.
Хапуга – очень удачливый рыболов.
Харитон – хариус.

Хая (хайло) – щука.
Хвост – одна пойманная рыба. Используется как единица измерения улова.
Хитрая удочка – покаток.
Хлестание – пустая рыбалка, закидывание удочки без результатов.
Хлестать – ловить рыбу спиннингом.
Хозяин – ёрш.
Хорёк, харюзок, парусник (и размерные – *октябрёнок, пионер, комсомолец*) – хариус.
Хына – бычок.
Хынч – особый способ ловли спиннговой ловли (охоты), приоритетом которого является не только поимка рыбы на тяжелую джиговую приманку, но и ее багрение.
Цевье – часть крючка, предназначенная для удерживания насадки.
Целофан – рыболов, еще более бестолковый, чем «дермантин».
Цепка спала – психоневростенический приступ рыболова.
Чахлая – чехонь.
Чебак – 1. разновидность плотвы с черными глазами и плавниками; 2. крупный лещ.
Чебачник – сеть для ловли мелкой рыбы, в первую очередь, чебака.
Чебурашка – грузило с двумя ушками.
Чекомас, чикомас – окунь.
Черномырдин – килец (глубоководная ряпушка в Онежском озере) или глубоководный налим.
Чернопуз – подуст.
Чернуха – красноперка.
Чёртик – металлическая мормышка с тройничком. Крючки обычно оснащают бисеринками или цветными кембриками.
Чехотка – чехонь.
Чомба – онежский налим.
Чомба, чомбатый – сазан.
Чубайс – электроудочка.
Чувал – рюкзак (рыбацкий), баул.
Чувиха – плотва.
Чуйка – чувствительность снасти, удилища.
Чупа-чупс – полный ноль по рыбе.
Шалупайка – паяная судаковая блесна.

Шаня, шанька – кормушка.
Шарамболь – тройной драч, тяжелая блесна с тремя впаянными крюками, браконьерское орудие лова.
Шаран – мелкий сазан.
Шахта – рыбья пасть, точнее, зев. «В шахте» – означает, что рыба глубоко заглотила приманку.
Швабра – джиговый звонкий *прут* (см.)
Шелупонь (*срань*) – мелкая рыба.
Шнотль – рыболовный крючок.
Шнурок – мелкий щурёнок. *Шнурок* на крупных водоёмах (Ладога, Нева, Залив и т.д.) это всякая щука весом менее 2-х кг. Для озёр Карельского перешейка — это тот же esox, но уже весом до 1 кг. Для близлежащих к Питеру водоёмов это щукарь размером, несовместимым с честью и совестью настоящего рыболова, т. е. менее 30 см. Так же на весовое значение этого слова влияет амбициозность и уровень самомнения рыболова. Чем они выше, тем и вес «шнурка», соответственно, больше.
Шпонку срезало – психоневростенический приступ рыболова.
Штаны – метод вязания двойного поводка.
Штирлиц (*подвася*) – лещ мелкий (см. *Васыль*).
Штык – жало крючка.
Шуга – мелкие льдинки в лунке или плывущие по реке в период становления льда.
Шумок – каменистый перекат с сильным течением.
Шурик – окунь.
Шуршун –непромокаемый лёгкий костюм от дождя.
Щупачок – мелкая щука.
Электрик – браконьер с электроудочкой. Электрики – самая подлая часть браков. Самые главные враги всех рыбаков. Даже браки-сетевеки считают их изгоями. При обнаружении подлежат немедленному уничтожению всеми доступными средствами.
Юбка – вид мягкой приманки из силикона, напоминающий юбки из тростника некоторых африканских племён.
Юнкерсы – слепые на скоростных моторных плавсредствах.
Яд – приманка флюорисцентной, кричащей раскраски Mat, Fire Tiger.
Яички – бубенчики.
Якорь – двойной крючок.

Яма – глубокое место или лодочный двигатель фирмы Yamaha.
Японская мормышка – драч (неспортивная снасть).
Ящик – *телевизор* (см.).

Литература

Абайдельданова М. К., Тирадо Р. Гусман 2024: Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением. *Журнал Сибирского федерального университета.* Гуманитарные науки 2024 17(1), 177–189. EDN: WPFOVF

Гладченкова Е. А. 2012: *Имена собственные в составе жаргонных фразеологизмов: структурно-семантический, этимологический и функциональный аспекты.* Дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

Даминова С. О. 2016: Профессиональный жаргон как компонент лингвистической компетенции студентов-нефилологов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* Гуманитарные науки. Вып. 1 (762), 18–30.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.1999: *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона* / под общим рук. Р. И. Розиной. М.

Иванова Н. С. 2007: *Молодежный жаргон в лингвокультурологическом освещении.* Автореф. дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург.

Матюшенко Е. Е. 2007: *Современный молодежный сленг: формирование и функционирование.* Волгоград. URL: https://www.dissercat.com/content/sovremennyi-molodezhnyi-sleng-formirovanie-i-funktsionirovanie

РСП 2013: *Рыболовный словарь Прикамья.* СПб.: Издательство «Маматов».

Ухова Л. В. 2020: Исследование структурно-семантических характеристик сленга русской студенческой молодежи. *Вестник МГПУ.* Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 96–106. DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.11

Черепанова О. А. 2008: Древняя культура Северного Причерноморья и исторические корни славянского образа бабы-Яги. *Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры».* V чтения памяти академика О. Н. Трубачёва. Материалы. Алупка, 25–30 сентября 2008 г. Киев – Москва, 210–212.

Ресурсы

Словарик рыболова: https://fisher.spb.ru/images/raznoe/slovar.html
Рыболовные термины: da-fish.ru/рыболовные-термины.html

Рыболовный словарь: https://www.karp-nn.ru/rybalka/articles/rybolovnyy-slovar-chast-1-ot-a-do-p.html

Ульяновский форум любителей рыбалки организовал форум «Слэнг рыболова»: https://rybalka73.ru/forum/viewtopic.php?t=986

Сленг рыболовов акватории Дона: http://govoruha-otrok.livejournal.com/87465.html

Амурский берег, форум: https://amur-bereg.ru/threads/sleng-rybackij-dialekt.4244/page-3

Рыбалка в Карелии: http://fishing.karelia.ru/viewtopic.php?t=941

FishX: https://fishx.org/raznye-stati/slovar-rybolova-spinningista/

Артем Шипилов. Жаргон рыбака (23 марта 2020): https://dzen.ru/a/Xngs8NrNpTmkpW5W

Клуб успешных рыбаков: https://fisher-club.com/news/sleng_rybakov/2021-10-17-3062

На рыбалке. Рыболовный жаргон: https://m.ok.ru/riebalka/topic/68502267876691

Рыболовный сленг: https://www.rusfishing.ru/forum/threads/rybolovnyi-sleng.484445/page-2

Рыболов NN. Ваш рыболовный гид: https://rybolovnn.ru/articles/rybatskie_razgovory/

Лесохот. Фидерный сленг: https://lesohot.ru/forum/thread1486.html

Уральский клуб рыбалки. Анатолий Байнов. «Современный рыболовный словарь»: https://vk.com/@ural_club.fishing-prostym-yazykom-o-slozhnom-rasshifrovka-rybackogo-slenga

Donfisher. Форум рыбаков: https://forum.donfisher.ru/index.php?board=1.0 (рыболовный словарь составлен Автором сайта (05 сентября 2008). Собраны, в основном, рыболовные термины Нижнего и Среднего Дона. Автор с рождения слышит и пользуется большинством этих слов).

https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/professionalnye-zhargony-zachem-govorit-ne-kak-vse

https://dzen.ru/a/XjBB8rH_fEzwfHI (первая систематизация клубного сленга, предствленная Сергеем Карповым (Сом) в 2001 г. в рубрике «рыбацкие рассказы»)

https://www.reddit.com/r/FishingForBeginners/comments/1ede2c9/fishing_slang/?tl=ru

https://mormishka.mybb.ru/viewtopic.php?id=61

https://fishinform.blogspot.com/2011/01/blog-post_23.html

https://forum.guns.ru/forummessage/41/870866.html

И. Б. Губанов

Об исторических источниках, использованных в фильме Роберта Хьюстона Эггерса «Северянин» (Robert Houston Eggers. The Northman, 2022).

Аннотация. Статья представляет собой критический анализ исторической достоверности фильма Роберта Эггерса «Северянин» (2022) с позиций палеоэтнографии, социальной антропологии и источниковедения. Автор выявляет круг письменных источников, на которые опирался режиссер при реконструкции древнескандинавского быта, обрядов и социальных норм эпохи викингов. Детально разбираются как удачные реконструкции (погребальный обряд в ладье по описанию Ибн Фадлана, сцена битвы с мертвецом в кургане, устройство длинного дома, ритуал окропления кровью), так и многочисленные анахронизмы, этнографические ошибки и идеологически мотивированные искажения в начальных и финальных сценах фильма. Особое внимание уделено несоответствию финала фильма древнескандинавским правовым и религиозным нормам. Автор приходит к выводу, что, несмотря на впечатляющую насыщенность палеоэтнографическими деталями, фильм в ряде ключевых аспектов уступает в достоверности и художественной цельности предыдущей работе Эггерса — «Ведьме».

Ключевые слова: историческая достоверность, Роберт Эггерс, «Северянин», эпоха викингов, древнескандинавские саги, Ибн Фадлан, погребальный обряд, палеоэтнография, социальная антропология, кровная месть, анахронизмы, игровое кино.

Очень редко встречаются картины, по которым видно, что режиссер, добросовестно работая с источниками, пытался воссоздать эпоху. Для времени, не столь отдаленного от нашего, порою удается уловить сам дух эпохи.

Так, мрачная атмосфера начала XVII в. блестяще показана в «Ведьме» Роберта Эггерса, которую можно понимать, как некую погруженную в мрачную мистику и суеверия той эпохи символистскую историю об инициации и взрослении (тема, очень характерная для многих фильмов этого режиссера), причем время очень

хорошо передано и визуальными средствами, напоминающими живопись малых голландцев, и аутентичностью костюмов, и средствами архаизированного языка. Такими средствами выразительно передан духовный сумрак этой эпохи накануне научной революции XVII столетия, когда под основательно подгнившие в позднее Средневековье и т. н. «эпоху Возрождения» столпы церковной христианской веры хлынула тина зловещих суеверий и мистицизма, ведущих происхождение еще из первых веков нашей эры, если не раньше (см. натирание ведьминой мазью еще в «Золотом Осле» Апулея (II в. н. э.)).

Предприимчивый дух георгианской эпохи второй половины XVIII столетия, стремящийся нарушить сословные границы, прекрасно передан в «Барри Линдоне» Стэнли Кубрика — символистской истории поднимающего ввысь и низвергающего колеса Фортуны, слепой *игры* случая, определяющей судьбу вне зависимости от личной отваги, в этом красивейшем и точном в деталях историческом фильме со столь характерным для творчества режиссера удивительно выразительным сочетанием музыки и видеоряда.

Очень трудно сказать, насколько аутентично воссоздана жизнь людей, отстоящая от нас на тысячу лет (вследствие неполноты источников, а также огромной исторической и социально-психологической дистанции), но историк и социальный антрополог, по крайней мере, может определить, по каким источникам воссозданы обычаи, ритуалы или типичное социальное поведение.

Сюжет «Северянина» Роберта Эггерса весьма далек не только от шекспировского «Гамлета», но даже от соответствующей истории Саксона Грамматика (надо сказать, довольно близкой к позднейшему творению великого драматурга). Объединяет его только месть дяде за убитого отца, а также притворство Амлета. Правда, он прячется не под личиной слабоумия, как у Саксона или Шекспира, а под личиной раба, готовя братоубийце кровную месть за отца. Хотя кровная месть за отца — первейший долг скандинавского мужчины (см. «Речи Регина» из героических песней «Старшей Эдды»), сюжет убийства близкого родственника (дяди) в качестве мести за отца может быть уже у самого Саксона Грамматика стадиально поздним, возникшим вследствие знакомства с античной литературой. Однако сюжет мы здесь разбирать не будем. Моя за-

дача — показать, где режиссер по мере возможности точно следовал источникам, а где допустил домыслы или ошибался.

Собственно, я бы рекомендовал смотреть фильм Роберта Эггерса «Северянин», начиная с той части, где действие происходит уже в Исландии начала X столетия — времен Первопоселенцев.

Первоначальная часть картины содержит множество ошибок, анахронизмов, этнографических несоответствий и не подкрепленных источниками домыслов, подчас к тому же ещё и грубо идеологизированных в соответствии с политическим заказом. Так, в Норвегии показан целый город, в котором княжит конунг, тогда как подобные центры были в то время лишь в Дании (Хедебю) и Швеции (Бирка) и не были резиденциями конунгов. Ритуал с употреблением галлюциногена и вставанием на четвереньки с издаванием лая в древнем подземном святилище бронзового века или неолита нетипичен для древних германцев (скорее, сакрализации собак можно было ожидать у кельтов, у древних германцев следовало ожидать перевоплощения в волков). Наконец, наиболее бросающаяся в глаза для исследователя древностей Северной Европы ошибка: славянский город, который захватывают берсерки, совсем не похож на город «на Руси», то есть в землях восточных славян, а представляет собой типичное городище балтийских славян — ободритов, вильцев, жителей Рюгена или других поморских славян. Таков здесь и славянский храм, за образец которого взята реконструкция святилища вильцев в Гросс-Радене под Шверином (Славяне и скандинавы 1986: 356–357). С другой стороны, убор из перьев «славянской» жрицы скорее напоминает уборы северных шаманов, например, саамов. Подруга и «соучастница» Амлета вовсе не похожа на древнюю славянку и вообще на молодую женщину традиционного общества, в ее поведении проглядывают стереотипы современной феминистской эмансипированной героини. К тому же она говорит на одном из современных славянских языков, а вовсе не на древнем. Все это похоже на определенный политический заказ на злобу дня.

Однако режиссеру следует отдать должное за основанные на источниках реконструкции скандинавских древностей, когда действие переносится в Исландию. Верно воссоздан длинный дом скандинавского вождя каркасно-столбовой конструкции с открытыми напольными очагами по центральной оси.

Достаточно брутальная исландская игра в мяч показана в соответствии с данными саг, например, «Саги об Эгиле»: смертоубийства в ней, были, видимо, нередким явлением: «Когда Эгилю исполнилось двенадцать лет, он был таким рослым и сильным, что в играх мало кто мог победить его. В ту зиму, когда ему минуло двенадцать, он много участвовал в играх. Торду, сыну Грани, в то время было двадцать лет. Он был очень силен. В конце зимы часто случалось, что Эгиль и Торд играли вдвоем против Скаллагрима. Однажды шла игра в мяч в Сандвике, южнее Борга. Эгиль с Тордом играли против Скаллагрима, и Скаллагрим устал, потому что им было легче играть, чем ему. Вечером же, после захода солнца, дело пошло у Эгиля с Тордом хуже. Скаллагрим сделался таким сильным, что поднял Торда и так швырнул его оземь, что переломал у него все члены, и тот сразу умер. После этого Скаллагрим схватил Эгиля. Одну из служанок Скаллагрима звали Торгерд Брак. Она ходила за Эгилем, когда тот был ребенком. Она была рослая и сильная, как мужчина, и умела колдовать. Торгерд сказала: — Озверел ты, Скаллагрим, на собственного сына бросаешься! Тогда Скаллагрим отпустил Эгиля и бросился на нее. Она увернулась и убежала, а Скаллагрим – за ней. Так они выбежали на мыс Дигранес, и она прыгнула со скалы в пролив. Скаллагрим бросил ей вслед большой камень и попал ей между лопаток. После этого она больше не выплыла. Этот пролив теперь называют Бракарсунд. А вечером, когда они вернулись в Борг, Эгиль был вне себя от гнева. Когда Скаллагрим и все люди сели за столы, Эгиль не занял своего места. Он вошел в дом и подошел к тому человеку, который был у Скаллагрима надзирателем над работами и казначеем и которого тот очень любил. Эгиль нанес ему смертельную рану, а затем пошел и сел на свое место. Скаллагрим не сказал на это ни слова, и все было спокойно, но отец с сыном больше не разговаривали, ни дружески, ни враждебно. Так прошла эта зима» (Гл. XL. Перевод С. С. Масловой-Лошанской) (Сага об Эгиле. Сага о Ньяле 2017: 107–108).

Обычай погребения в ладье с жертвоприношением рабыни показан по описанию погребения знатного руса, которое своими глазами наблюдал ученый Аббасидского халифата и дипломат, способствовавший принятию волжскими булгарами ислама Ахмед Ибн-Фадлан в 921–922 гг. н. э.: «Когда же пришло время спуска

солнца, в пятницу, привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой [смотря поверх нее вниз], и произнесла какие-то слова на своем языке, после чего ее спустили. Потом подняли ее во второй раз, причем она совершила подобное же действие, [как] и в первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же самое действие, что и в первые два раза… Итак, я спросил переводчика о ее действиях, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли: «Вот я вижу своего отца и свою мать», — и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие», — и сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящем в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, — так ведите же меня к нему». Итак, они прошли с ней в направлении к кораблю. И она сняла два браслета, бывшие при ней, и отдала их оба женщине-старухе, называемой ангел смерти, которая ее убьёт. И она сняла два бывших на ней ножных кольца и дала их оба тем двум девушкам, которые [все время] служили ей, а они обе — дочери женщины, известной под названием ангел смерти. *После этого та группа [людей], которые перед тем уже сочетались с девушкой, делают свои руки устланной дорогой для девушки, чтобы девушка, поставив ноги на ладони их рук, прошла на корабль.* Но они [еще] не ввели ее в шалаш. Пришли мужи, [неся] с собою щиты и палки, ей подали кубок набиз. Она же запела над ним и выпила его. И сказал мне переводчик, что она прощается со своими подругами. Потом ей был подан другой кубок, она же взяла его и долго тянула песню, в то время как старуха торопила ее выпить его и войти в палатку, в которой [находился] ее господин. И я увидел, что она растерялась, захотела войти в шалаш, но всунула свою голову между ним и кораблем. Тогда старуха схватила ее голову и всунула ее [голову] в шалаш и вошла вместе с ней, а мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, вследствие чего обеспокоились бы другие девушки перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами. Затем вошли в шалаш шесть мужей *из [числа] родственников ее мужа* и все [до одного] сочетались с девушкой *в присутствии умершего*. Затем, *как только они покончили с осуществлением [своих] прав любви*, уложили ее рядом с ее господином. Двое схватили обе ее

ноги, двое обе ее руки, *пришла* старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум [мужам], чтобы они ее тянули, и приступила [к делу], имея в руке огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла… И берется огонь за дрова, потом за корабль, потом за шалаш, и мужа, и девушку, и [за] все, что в нем [находится]. Потом подул ветер, большой, ужасающий, и усилилось пламя огня и разгорелось его пылание… И в самом деле, не прошло и часа, как корабль, и дрова, и девушка, и господин превратились в золу, потом в [мельчайший] пепел…» (Перевод А. П. Ковалевского) (Древняя Русь в свете зарубежных источников 2009: 74–76).

Как видим, режиссер, фильмы которого принято относить к «пост-хоррору», значительно цензурировал древний обряд, убрав из него эпизоды, которые шокировали бы современного зрителя.

Окропление людей кровью жертвенных животных, как это показано в фильме, упоминается в сагах, хотя и несколько в другом контексте — не при погребальной церемонии, как в фильме, а перед священным пиром — *блотвейцлой*. Впрочем, всех случаев, при котором людей кропили кровью принесенных в жертву животных, мы не знаем. В «Саге о Людях с Песчаного Берега» просто сказано, что «На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам» (Гл. IV. Перевод А. В. Циммерлинга) (Исландские саги 2004: 25; Губанов 2016: 205–206). Описание окропления присутствующих кровью жертвенных животных перед главным культовым действом древних норвежцев — священным пиром — дано в «Саге о [конунге] Хаконе Добром» «Круга Земного» Снорри Стурлусона: «Сигурд, хладирский ярл, был ревностным язычником, каким был и Хакон, его отец. Сигурд-ярл давал все жертвенные пиры от лица конунга там в Трендалеге. По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся

кровь от жертв называлась жертвенной кровью, а чаши, в которых она стояла, — жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина — его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньерда и кубок Фрейра — их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным» (Перевод М. И. Стеблин-Каменского) (Губанов 2016: 206–207).

Фольклорный мотив битвы с мертвецом в кургане ради добычи древнего магического оружия (меча или однолезвийного тесака сакса) или сокровищ появляется во многих сагах, и в фильме эти фантастические события показаны близко к исландским фольклорным источникам. Так, в «Саге о Греттире, сыне Асмунда», главный герой спускается в курган более чем полувековой давности, середины X в.: «Спустился Греттир в курган. Там было темно и запах не из приятных. Он старается разведать, что там такое. Ему попались конские кости. Потом он ударился о столбы седалища, и оказалось, что на седалище сидит человек. Там была сложена груда сокровищ — золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра. Греттир взял все эти сокровища и понес к веревкам, но в то время, как он шел к выходу из кургана, кто-то крепко его схватил. Он бросил сокровища, и они кинулись друг на друга и стали биться ожесточенно. Все разлеталось у них на пути. Могильный житель нападал свирепо. Греттир все пытался ускользнуть. Но видит, что от того не уйдешь. Теперь оба бьются нещадно. Отходят они туда, где лежат конские кости. Здесь они долго бьются, то один упадет на колени, то другой. Все же кончилось тем, что могильный житель упал навзничь со страшным грохотом. Тут Аудун убежал от веревок: он подумал, что Греттир погиб. Греттир же выхватил меч Ёкуля, и, ударив могильного жителя по шее, срубил ему голову и приложил ее к ляжкам. Потом он пошел с сокровищами к веревкам, но Аудуна и след простыл.

Пришлось ему самому карабкаться вверх по веревке. Он привязал сокровища к бечеве и вытянул их за собою… Тут он выложил на стол все взятые из кургана сокровища. Было между ними одно, от которого он не мог отвести взгляда — сакс[1], такое доброе оружие, что он, по его словам, и не видывал лучшего. Его выложил он последним. Торфинн, увидев сакс, весь просиял, ибо это была их родовая драгоценность, и она никогда не покидала их рода» (Гл. XVIII. Перевод О. А. Смирницкой, И. Б. Губанова) (Сага о Греттире 1976: 31).

В «Саге об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» (Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana) сцена сражения героя с мертвецом в кургане полна красочных устрашающих образов: «Меньше чем месяц спустя после их приезда Аран внезапно упал замертво, когда входил в свои палаты. Тело обрядили для погребения согласно обычаю. Асмунд воздвиг над Араном курган и подле тела разместил коня вместе с уздой и седлом, а также стяги и оружие, сокола и пса, которые принадлежали покойному. Аран был посажен в кресло в полном воинском облачении. Асмунд принес в курган другое кресло и расположился в нем после того, как курган был закрыт. В первую ночь Аран встал с кресла, убил сокола и собаку и съел их. Во вторую ночь он опять встал, убил коня и разорвал его на куски; затем он стал рвать плоть коня зубами, и кровь стекала у него изо рта, покуда он ел. Он предложил Асмунду разделить с ним трапезу, но Асмунд ничего не ответил. В третью ночь на Асмунда напала сонливость, и он пришел в себя лишь тогда, когда Аран схватил его за уши и оборвал их. Асмунд выхватил *сакс* и снес Арану голову. Затем он развел огонь и сжег Арана, обратив его в пепел. Асмунд направился к канату и был поднят наверх. Затем курган снова закрыли. Асмунд забрал все сокровища из кургана с собой» [Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana, VII] (Перевод И. Б. Губанова) (Хлевов, Губанов 2024: 202).

Сам меч, который тут добывает герой фильма Амлет и которым он мстит за отца — это типичный древний «меч с кольцом» вендельского периода, VII столетия н. э. (об этом типе роскошного

[1] А вовсе не «короткий меч», как в переводе О. А. Смирницкой. Однолезвийные саксы могли быть довольно длинными.

древнегерманского оружия был сделан недавно содержательный доклад на петербургских Скандинавских Чтениях Александром Покрищуком). Разумеется, в Исландии нет курганов VII века, но в других частях Северной Европы такие курганы имеются, комплексы богато украшенных вещей из них широко известны (например, англосаксонский комплекс из Саттон-Ху) (Evans 1994; Marzinzik 2007).

Самый конец фильма, как мне представляется, столь же неудачен, как и его начало. Амлет, хоть и обороняясь, убивает мать, на извергающейся Гекле убивает убийцу своего отца — дядю, а затем, хотя бы в своем предсмертном представлении, оказывается унесен валькирией в Вальгаллу. Однако убийство женщины – тягчайшее преступление, не искупаемое никакой платой, как обычное убийство, которое рассматривалось как достаточно рядовое правонарушение, искупаемое выплатой вергельда пострадавшему роду. Также и всех убийц родичей, согласно древнескандинавским представлениям, сосёт в мрачном, наполненном ядом потустороннем мире дракон Нидхёгг. Так что посмертная участь эггерсовского Амлета выглядит бесславной и незавидной.

Это хорошо показано в норвежско-русском фильме 1985 года «И на камнях растут деревья» («Dragens fange», «Пленник дракона» в норвежском прокате). Ясно, почему в конце фильма объявленный вне закона Сигурд так сокрушен духом, когда Сигню натыкается на его меч; кстати, многие другие древнескандинавские реалии, например, сражение на кораблях между норвежцами и данами, показаны там очень близко к реальности; часто используется лексика саг — мечи «кусаются» и проч., а актерская игра с точки зрения палеоэтнографа и социального антрополога безупречна: герои фильма совсем не похожи на современных молодых неформалов — ролевиков, реконструкторов и «неоязычников», как в недавнем сериале «Викинги». Увы, «Северянин» Роберта Эггерса преимущественно населен также современными «неформалами», играющими в «викингов».

Следует отметить, что в сцене убийства Амлетом матери режиссер допустил грубое смешение с древнегреческой трагедией (убийство Клитемнестры своими детьми в качестве кровной мести за отца – видимо, позднедраматургический прием), явно потакая дурновкусию определенной части современных зрителей.

Также нереалистична для древних скандинавов эпохи викингов демонстрация ненависти к христианству, зато это явно подыгрывает настроениям современных неформалов — «неоязычников». На самом деле во многих случаях проявлялся симбиоз. Так, большинство специалистов полагают, что известнейшие скандинавские амулеты эпохи викингов — «молоточки Тора» — произошли от нательных христианских крестиков. Известнейшая «языческая» песнь «старшей Эдды» — «Прорицание вёльвы» — демонстрирует сильные христианские влияния (хотя следует отметить, что показанный в ней мифологический мир в целом глубоко своеобразен).

Наиболее реалистично отношение скандинавов к христианству показано в «Житие Ансгара» — тут сказано, как у свеев середины IX в. некий предсказатель по древнегерманскому обычаю бросает жребий (схожий обычай у древних германцев описывает еще Корнелий Тацит) и таким образом выясняет, что из всех богов только Христос ему враждебен и призывает несчастного снискать расположение бога христиан: «Был в той земле некий знатный муж. Сын же его вместе с другими участвовал в заговоре и притащил то, что ему удалось урвать из награбленного, в дом своего отца. С тех пор имущество оного мужа стало таять, а скот и семья его гибнуть. Умер сын его, сраженный карой Божьей, а по прошествии малого времени скончалась жена его вместе с другим сыном и дочерью. Итак, лишившись всего, что у него было, кроме одного маленького сына, устрашился несчастный гнева богов и размыслил, что он выносит все эти беды потому, что нанес обиду кому-то из небожителей. Тогда, по тамошнему обычаю, отправился муж сей к некоему волхователю, прося его бросить жребий и выяснить, гнев какого из богов навлек он, а также сказать, чем угодить этому богу. Исполнив сказанное, как положено по обычаю, волхователь ответил, что все их боги благоволят к оному мужу и только лишь бог христиан всячески ему враждебен. «Нечестивым считает тебя Христос, – сказал волхователь. — За то, что ты скрываешь в доме своем добро служителей его, и обрушились на тебя эти несчастья. И не кончатся они до тех пор, покуда будет лежать сие в доме твоем». Услыхав такое, несчастный заволновался и стал раздумывать, что бы это могло быть за добро, пока не вспомнил, как его сын принес в дом какую-то книгу, украденную тогда у епископа. Итак, пораженный ужасным страхом и совершенно не зная, что сделать

с этой книгой, ведь священников уже не было в Свеонии, он, однако, никоим образом не осмеливался держать ее далее у себя и — сразу как получил совет волхователя — представил книгу взорам людей, бывших в городе, описав им, что с ним произошло. После того, как все сказали, что не знают, что посоветовать ему в этом деле, но сами весьма боятся взять оную книгу и держать у себя в доме, муж сей — так как его ужасала необходимость хранить ее дольше — привязал благочестивое сочинение к какому-то забору, объявив, что, кто желает, может подобрать книгу там, тем самым он доставил Иисусу Христу желаемое удовлетворение за преступное деяние» (Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы 1999: 36–37).

Итак, я бы рекомендовал посмотреть фильм Роберта Эггерса «Северянин», как картину о древних скандинавах, наиболее насыщенную палеоэтнографическими реалиями, отметив, однако, что она сильно уступает как по своим художественным достоинствам, так и по воспроизведению духа эпохи такой картине Роберта Эггерса, как «Ведьма» 2015 года.

Источники и литература

Губанов И. Б. 2016: *Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы.* СПб.: Изд-во МАЭ РАН.

Древняя Русь в свете зарубежных источников 2009: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I – Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; части II – В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке.

Из ранней истории шведского народа и государства 1999: Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т.

Исландские саги 2004: Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга; стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова. М.: Языки славянской культуры.

Сага о Греттире 1976: Сага о Греттире. М.: Наука.

Сага об Эгиле. Сага о Ньяле 2017: Сага об Эгиле. Сага о Ньяле. Рязань: Александрия.

Славяне и скандинавы 1986: Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс.

Хлевов А. А., Губанов И. Б. 2024: Саксы и скальмы: однолезвийное оружие в текстах древнеисландских саг. *Скандинавская филология.* Т. 22. Вып. 1, 192–209.

Evans A. C. 1994: *The Sutton Hoo Ship Burial.* London: British Museum Press.

Marzinzik S. 2007: *The Sutton Hoo Helmet.* London: British Museum Press.

Т. Н. Джаксон

Что важнее — поэтика или объективная действительность?

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения поэтической условности и отражения объективной действительности в древнескандинавской и древнеанглийской литературной традиции. Отталкиваясь от тезиса Ю. А. Клейнера о возможном приоритете правил поэтики над реальной географией, автор исследует уникальную пространственную модель, представленную в «Саге о Кнютлингах» (XIII в.), где вся Дания словно бы повернута на 90 градусов против часовой стрелки (Ютландия лежит на юге, Фюн, Зеландия и Сконе — к северу от нее). Путем сопоставления с широким кругом источников — от «Беовульфа» и перевода Орозия короля Альфреда до рунических надписей, хроники Адама Бременского и «Пророчества Мерлина» Гуннлауга Лейвссона — автор выявляет древнее, восходящее к практике итинериариев, представление о делении данов на «южных» (ютландцев) и «северных» (жителей островов и Сконе). Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на требования аллитерации, основой ряда поэтических этнонимов выступают не условные эпитеты, а реальные термины стран света, что отражает бытовавшие в традиции «фоновые» географические знания.

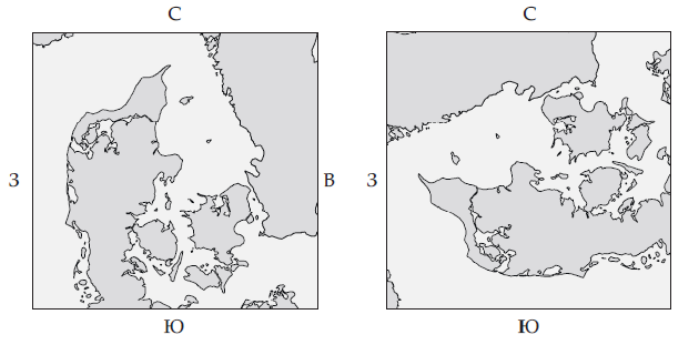
Ключевые слова: историческая география, картина мира, пространственная ориентация, «Сага о Кнютлингах», «Беовульф», король Альфред, поэтика, аллитерация, этнонимия, даны, итинерарии, древнескандинавская литература

Несколько лет назад я уговорила нашего нынешнего юбиляра поехать вместе на прелюбопытную конференцию в Нижний Новгород — «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание». К сожалению, погулять вместе по прекрасному городу у слияния Оки и Волги нам не удалось, потому что возникли обстоятельства, помешавшие Ю. А. приехать на эту конференцию, равно как мне не удалось обсудить с ним вопрос, порожденный к жизни его опубликованными тезисами (Клейнер 2020) и вынесенный мною в заглавие настоящей заметки. Хочу здесь поделиться некоторыми соображениями по данному поводу.

Комментируя рассуждение М. И. Стеблин-Каменского о невозможности составить карту мира эддических мифов, поскольку «местности, упоминаемые в них, сплошь и рядом никак не ориентированы ни по отношению к миру в целом, ни даже по отношению к таким частям, как земля и небо» (Стеблин-Каменский 2003: 243), Ю. А. приводит следующий комментарий: «“Ориентир” определяется здесь “точкой зрения”, зависящей, в свою очередь, от ряда факторов — таких даже, как поэтика, правила которой могут оказаться важнее, нежели объективная действительность: например, даны в “Беовульфе” могут быть “восточными”, “западными”, “южными” и “северными” (*Ēast, West, Sūþ, Norþ*, в зависимости от аллитерации данного стиха). Многочисленные расхождения с реальностью в случае *мифологической географии*, сосуществовавшей с реальной географией теоретического и практического плана, также, судя по всему, не приводили к конфликту со знаниями о мире, которыми древние германцы руководствовались в своей практической деятельности» (Клейнер 2020: 107).

«Разноориентированные» даны из «Беовульфа» когда-то привлекли мое внимание в связи с попыткой найти истоки загадочной ориентационной ошибки, системно присутствующей в древнеисландской «Саге о Кнютлингах», написанной в середине XIII в. Олавом Тордарсоном по прозвищу Белый Скальд (Джаксон 2016).

Дело в том, что в реальности Дания удивительно четко вписана в сетку координат юг–север, запад–восток. Ее основная часть, полуостров Ютландия, протянулась строго с юга на север. К востоку от Ютландии, по другую сторону проливов Малый и Большой Бельт соответственно, расположены острова Фюн и Зеландия. А еще восточнее, за проливом Эресунн, находятся датские (на тот момент) земли Сконе, Халланд и Блекинге (принадлежащие сегодня Швеции и занимающие южную оконечность Скандинавского полуострова). Однако в «Саге о Кнютлингах» описания этих четырех областей (Ютландии, Фюна, Зеландии, Сконе) и пролива Эресунн демонстрируют последовательную ошибку в ориентации – выстраиваемая на основании саги текстуальная карта Дании оказывается словно бы повернутой на 90 градусов против часовой стрелки (как изображено на приводимой ниже схеме).

В саге многократно утверждается (Джаксон 2025: 590–595), что Ютландия лежит на юге, что к северу от нее располагается Фюн, к северу от Фюна — Зеландия, к северу от Зеландии — пролив Эресунн, а еще дальше к северу — Сконе и Халланд. При всех перемещениях персонажей и указаниях направления их движения (что делается в саге с известной регулярностью) эта ориентационная схема четко выдерживается. Естественно, встает вопрос о том, как могло возникнуть такое представление о расположении Дании или из какого источника оно могло быть позаимствовано.

Обращение к текстам, близким «Саге о Кнютлингах» жанрово, хронологически и тематически, ответа на этот вопрос не дает. Так, в «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), который был одним из источников «Саги о Кнютлингах», эта схема не представлена (равно как и в предшествующих «Кругу земному» сводах королевских саг «Гнилая кожа» и «Красивая кожа», откуда Снорри нередко заимствует свой материал). Несколько словоупотреблений, которые могли бы смутить читателя при их изолированном рассмотрении, оказываются вполне логичными в рамках общих пространственных представлений Снорри. Основная пространственная конструкция в его тексте — деление ойкумены на четверти с центром в области датских проливов. Дания и за ней Саксланд принадлежат Южной четверти; Норвегия и Финнмарк — Северной; обширная Восточная четверть вбирает в себя земли по берегам Балтийского моря, Русь и Византию; не меньшая Западная четверть — это Атлантика (Джаксон 1994). Дания фигурирует в сагах о норвежских конунгах по преимуществу в контексте противостояния и военных действий датских и норвежских правителей,

а соответственно, и перемещений конунгов и их людей. Однако у авторов саг о норвежских конунгах *вся* Дания лежит на юге, *все* ее части лежат на юге, принадлежат Южной четверти, и плыть к ним нужно на юг, а от них – с юга. Саксон Грамматик в предисловии к «Деяниям данов» (нач. XIII в.) выстраивает последовательность частей Дании строго с запада на восток. У Свена Аггесена географическое положение Дании вообще не обсуждается. Датские хроники тоже на этом своего внимания не фиксируют. Таким образом, источник особого пространственного ви́дения, присущего «Саге о Кнютлингах», среди древнескандинавских сочинений, близких ей по времени, не обнаруживается.

Можно посмотреть на более ранние памятники, в которых отражена география Северной Европы. Адам Бременский посвящает четвертую книгу «Деяний архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.) северным землям. Северную Европу детально и последовательно Адам описал первым из известных нам средневековых авторов, и в его изображении Дании никаких особых «нарушений» нет. Рассказ о Дании, естественно, начинается с Ютландии, которая, как следует из текста, от пограничной с Германией реки Эйдер протянулась на север. У Адама мы тоже не находим столь «искаженного» представления о соотношении Ютландии, Фюна, Зеландии и Сконе, как у автора «Саги о Кнютлингах».

Небезынтересным оказывается рассмотрение добавлений короля Альфреда к его переводу Орозия, среди которых он уделяет особое внимание географическому описанию Дании: «К западу от *южных данов* — тот рукав океана, который окружает Британию, а к северу от них — тот рукав моря, который зовется Остсэ, а к востоку и к северу от них — северные даны, как на материке, так и на островах, а к востоку от них — афдреды (ободриты. — *Т. Д.*), а к югу от них — устье реки Эльбы и часть старо-саксонских земель. К северу от *северных данов* — тот же рукав моря, который зовется Остсэ, а к востоку от них — племя ости, и афдреды к югу» (Two Voyagers 1984: 16–18; курсив мой). Как видим, по мнению короля Альфреда, даны подразделяются на *южных* и *северных*. Название «южные даны» он применяет к жителям Ютландии: к югу от них — устье Эльбы, к западу — Северное море («тот рукав океана, который окружает Британию»), а к востоку и северу —

«северные даны, как на материке (на Сконе. — *Т. Д.*), так и на островах». Соответственно, «северные даны» — это те, кто живет на Фюне, Зеландии и Сконе. Такое разделение данов в тексте IX в. короля Альфреда соответствует разделению, которое мы находим и в «Саге о Кнютлингах» XIII в., однако, к сожалению, никаких «каналов связи» между этими двумя источниками не обнаружено.

На самом деле следы разделения данов на основе их географического положения отражены и в некоторых других ранних текстах. Так, в англосаксонской эпической поэме VIII в. «Беовульф», наряду с многочисленными «данами» (*Dene* — passim) и «Скильдингами» (*Skyldinge* — passim), мы встречаем такие обозначения, как «славные даны» (*Beorhtdene* — 427, 609), «кольцевые (украшенные кольцами) даны» (*Hringdene* — 116, 1279, 1768), «копьевые (вооруженные копьями) даны» (*Gardene* — 1, 601, 1856, 2494), «северные даны» (*Norðdene* — 783), «южные даны» (*Suðdene* — 463, 1996), «западные даны» (*Westdene* — 383, 1578) и «восточные даны» (*Ēastdene* — 392, 616, 828). Н. Лунд утверждал, что «когда в тексте встречаются северные даны, южные даны, восточные даны, вооруженные копьями и многие другие даны, причину всякий раз следует видеть в том, что автору требовалась определенная аллитерация» (Lund 1991: 168; ср.: Карпова 2002: 200–201). Однако эта взаимозаменяемость эпитетов все же не объясняет, почему наряду с описательными эпитетами анонимный автор «Беовульфа» использовал для той же цели названия стран света, если только эти термины не употреблялись по отношению к данам в реальной повседневной жизни. И если «западные даны» и «восточные даны» не упоминаются никем, кроме автора «Беовульфа», то «южные даны» и «северные даны» знакомы, как мы видели чуть выше, также королю Альфреду.

Но и этим перечень источников, упоминающих «пространственно ориентированных» данов, не исчерпывается. «Южные даны» (*Suðrdanir*) упоминаются на руническом камне X в. с острова Лолланн (Danmarks runeindskrifter 1941–1942: Nr. 217), а «северные даны» (*Norðr Dana*) встречаются в «Пророчестве Мерлина» («Merlínusspá», ст. II 25): «Ему [королю Артуру] покоряется зеленая земля и множество островов во внешнем океане: ирландцев, и англов, и дальних скотов; обширные земли народа франков, побережье Норвегии и [земли]

северных данов» (Poole 2017: 64; курсив мой), что, безусловно, заслуживает внимания. Ведь «Merlínusspá» — это стихотворный перевод знаменитых «Пророчеств Мерлина» («Prophetiæ Merlini») Гальфрида Монмутского (до 1035 г.), выполненный после 1200 г. исландским монахом Гуннлаугом Лейвссоном. Точный латинский текст, который Гуннлауг передает в данной строфе, не установлен исследователями, но строфа, очевидно, основана на латинском комментарии, а не на тексте самого Гальфрида. Вариант Гуннлауга более или менее соответствует следующему засвидетельствованному комментарию: «Hyberniam namque, Islandiam, Scotiam, Orcadum insulas, Gothlandiam, Norguegiam, Datiamque sub iugum misit et suo subiecit imperio» («Ибо он покорил Ирландию, Исландию, Шотландию, Оркнейские острова, Готланд, Норвегию и Данию и подчинил их своей имперской власти») (Wille 2015: 161). Мы видим, что слово *Norðr* («северные») было добавлено Гуннлаугом в процессе передачи/перевода латинского текста. Это могло быть сделано в целях аллитерации (как нередко делалось, согласно Н. Лунду), но в то же время остается возможность, что данный эпитет не был бы добавлен, если бы не существовало какого-то общеупотребительного обозначения данов как «южных» и «северных», на которое можно было бы опереться. Похоже, что исландец начала XIII в. был осведомлен об этом словоупотреблении.

Весь рассмотренный материал приводит к выводу, что у древних германцев существовало представление о разделении датских земель на южные и северные: Ютландия образовывала южный регион, а северный состоял из Фюна, Зеландии и Сконе. Кстати, указанное разделение данов на «южных» и «северных» соответствует границе древнейших датских диалектов — ютландского (ютского) и островного датского, – проходящей по Малому Бельту (см.: Brøndum-Nielsen 1927; Dansk sproghistorie 2016–2022). Трудно сказать, как и из какого конкретного источника эта идея дошла до автора «Саги о Кнютлингах». Не исключено, что она была, так сказать, «на слуху», принадлежала некоему общему знанию, общей картине мира. Связано это могло быть с тем, что географические описания древности основывались большей частью на итинерариях и, как правило, в древних текстах указывались «только два направления: к цели и от нее» (Ellegård 1954–1955: 9). К примеру,

движение в Данию от ее южной границы — реки Эйдер — в рассказе Адама Бременского (IV.1) выглядело так: «…первая [от нас] область Дании, которая называется Ютландией, *простирается к северу от Эйдера* на три дня пути, если повернуть в сторону острова Фюн» (Adam 1917: 227; Адам 2012: 421; курсив мой). При таком взгляде на нее Ютландия действительно выступала как самая южная часть разрозненно лежащей Дании; начальное же направление движения на Фюн было и в самом деле северным. Отсюда логично было представить также «более северное» расположение Зеландии и Сконе с Халландом и Блекинге, поскольку они лежат еще дальше от Ютландии, а значит, как бы севернее по отношению к отправной точке. Так что, думаю, при всем уважении к поэтике, фоновые знания (читай — объективная действительность) проникали в труды средневековых писателей, хотя, возможно, и были менее важны для них, но представляют большу́ю ценность для современных исследователей.

Литература

Адам Бременский 2012: *Деяния архиепископов гамбургской церкви*. Пер. В. В. Рыбакова. В кн.: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 297–449.

Джаксон Т. Н. 1994: Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава. *Одиссей. Человек в истории.* М.: Наука, 54–64.

Джаксон Т. Н. 2016: О «потерявшем ориентацию» авторе «Саги о Кнютлингах». *Историческая география*. Отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Аквилон. Вып. 3. 251–279.

Джаксон Т. Н. 2025: *Сага о Кнютлингах: Текст и перевод. Комментарии. Исследования*. М.: Альма Матер. (Эпохи. Средние века. Тексты).

Карпова Е. А. 2002: Интерпретация древнеанглийского поэтического текста: Опыт лингвокультурологического анализа наименований стран света в поэме «Беовульф». В сб.: *Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации.* Иваново: ИГУ, 190–202.

Клейнер Ю. А. 2020: Древнегерманская мифологическая география. В кн.: *Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание: Материалы международной научной конференции. XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова*. Под ред. А.Н. Маслова и А.В. Махалюка. Нижний Новгород: Из-во НГУ, 103–107.

Стеблин-Каменский М. И. 2003: Миф. В кн.: Стеблин-Каменский М. И. *Труды по филологии.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 223–292.

Adam 1917: *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum.* Hrgg. von B. Schmeidler (Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatism editi). Hannover; Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.

Brøndum-Nielsen J. 1927: *Dialekter og dialektforskning*. København: I. H. Schultz forlag.

Danmarks runeindskrifter 1941–1942: *Danmarks runeindskrifter*. Udg. ved L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. Bæksted og K. M. Nielsen. København: Ejnar Munksgaards Forlag. B. I–II.

Dansk sproghistorie 2016–2022: *Dansk sproghistorie*. Huvudred. E. Hjort. Copenhagen & Aarhus: Det Danske Sprog- og Litteraturselskab & Aarhus Universitetsforlag. B. 1–6.

Ellegård A. 1954–1955: De gamla nordbornas væderstrecksuppfatttning. *Lychnos*, 1–20.

Lund N. 1991: “Denemearc”, “tanmarkar but” and “tanmaurk ala”. In: *People and Places in Northern Europe, 500–1600: Essays in Honour of Peter Hayes Sawyer*. Ed. by I. N. Wood, N. Lund. Woodbridge: The Boydell Press, 161–169.

Poole R. (ed.) 2017: Gunnlaugr Leifsson. Merlínusspá I. In: *Poetry in fornaldarsögur. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages* 8. Ed. by M. Clunies Ross. Turnhout: Brepols, 38–133.

Two Voyagers 1984: *Two Voyagers at the Court of King Alfred. The ventures of OHTHERE and WULFSTAN together with the Description of Northern Europe from OLD ENGLISH OROSIUS*. Ed. by N. Lund. Tr. by Chr.E. Fell. York: William Sessions Limited.

Wille C. 2015: *Prophetie und Politik: Die Explanatio in Prophetia Merlini Ambrosii des Alanus Flandrensis* (Lateinische Sprache und Literatur des Mittelalters; 49). Bern: Peter Lang. B. I.

Ю. А. Дзиццойты
А. И. Фалилеев

Germano-Ossetica: прародители Одина и Нартовский эпос осетин.

Аннотация. Исследование посвящено прародителям верховного бога эддической традиции Одина в сравнительном аспекте. В скандинавской мифологии первочеловек *Бури* (*Búri*) дал жизнь одному из ассов по имени *Бор* / *Бур* (*Borr* / *Burr*), который стал впоследствии отцом Одина. В свое время оно было рассмотрено в увязке с первым компонентом личного имени *Buræfærnyg* | *Boræfærnug*, принадлежащего одному из важных героев осетинского нартовского эпоса и родоначальнику осетинской фамилии *Borætæ*, собств. **Būræ-færn-yg* | **Boræ-færn-ūg* "*Būræ* | *Boræ*, наделенный фарном". Совсем недавно было предложено сопоставление сказания о сыновьях Уархага Ахсаре и Ахсартаге нартовского эпоса и фрагмента древнескандинавского, где особый акцент делается на формальной схожести имен отца или деда Уархага (*Бур* / *Борæ*) и отца и деда Одина. В статье рассматриваются эти гипотезы и лежащие в их основе методологии.

Ключевые слова: скандинавская мифология, нартовский эпос, Один, Бури, Бор, Бурафарныг, осетино-скандинавские параллели, этимология, антропонимия, сравнительная мифология, индоевропейское наследие, народная этимология, фарн.

Введение.

"Непреходящий интерес к древнегерманскому верховному богу Одину" был отмечен юбиляром в одной из его работ (Клейнер 2016: 31), и не случайно, что Энди Орчард охарактеризовал этого аса как "most ambiguous in character and attributes" (Orchard 1997: 122). То, что образ Одина многослоен, отмечалось в многочисленных работах, выполненных в самых разнообразных традициях, см., например, важнейшее и многоуровневое исследование Liberman 2011, где учитывается и анализируется богатейшая литература по этому вопросу. Уже после выхода в свет этой статьи исследование продолжалось, ср., напр., (Liberman 2014: 90 *et passim*,

Schjødt 2017: 72–7, Antón 2021 или Напольских 2021: 92). Представляется, что Юрию Александровичу — ведущему специалисту по истории древнегерманской эпической традиции — будет небезынтересна предлагаемая нами работа, посвященная прародителям Одина в сравнительном аспекте.

В скандинавской мифологии *Бури* (*Búri*) — это первочеловек, от которого произошел один из ассов *Бор* / *Бур* (*Borr* / *Burr*), и который дал жизнь самому Одину, верховному богу эддической традиции. "Старшая Эдда" сообщает о том, что Бури возник, когда первородная корова Аудумла (Auðhumla) лизала покрытые инеем соленые глыбы, и в связи с родословной Одина. Сын его Бор женился на великанше Бестле (Bestla), и от брака этого появились Один и его братья — Вили и Ве (Vili и Vé).[1] Прародители Одина крайне редко упоминаются в скальдической поэзии, и контексты самих этих упоминаний весьма ограничены; см., прежде всего, (Ásdísardóttir 2010) с полным собранием материала и критической литературы. *Búri* традиционно интерпретируют как 'родитель, отец', *Borr* — 'рожденный, сын' (ср. Orchard 1997: 23 и 27–8 и Стеблин-Каменский 1970: 23, где имена глоссируются соответственно как 'Родитель' и 'Рожденный'), ср. готск. *baur* или др. -англ. *byre* 'id.', хотя предлагались и другие семантические интерпретации, см. ссылки в (Ásdísardóttir 2010: 92). С точки зрения этимологического анализа, в привычной для современности парадигме эти имена возводят к и.-е. **bher*- 'нести' (IEW 128–32, ср. EWA s.v. *beran*, *peran*). Уже более половины века их рассматривают в увязке с осетинскими данными. В этой статье мы планируем проанализировать различные аспекты этого сопоставления.

1. *Бури*, *Бор* и *Burœfœrnyg* | *Borœfœrnug*.

Рассматривая личное имя *Burœfœrnyg* | *Borœfœrnug*, принадле-

[1] Ср. (в переводе О. А. Смирницкой): "Тогда сказал Ганглери: «А чем же кормилась сама корова?». Высокий говорит: «Она лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выросли человечьи волосы, на второй день — голова, а на третий день возник весь человек. Его прозывают Бури. Он был хорош собою, высок и могуч. У него родился сын по имени Бор. Он взял в жены Бестлу, дочь Бёльторна великана, и она родила ему троих сыновей: одного звали Один, другого Вили, а третьего Ве" (Стеблин-Каменский 1970: 23).

жащего одному из важных героев нартовского эпоса и родоначальнику осетинской фамилии *Борæтæ*, более восьмидесяти лет тому назад В. И. Абаев возводил его к **Бӣрæ-фæрн-уг* | **Борæ-фæрн-ӣг*. Соответственно, антропоним означает буквально "*Бӣрæ* | *Борæ*, наделенный фарном", а "*Бӣр* / *Борæ* сближается с именем родоначальника богов в скандинавской мифологии: др. сев. *Bora* (отец Одина)" (Абаев 1945: 29, ИЭСОЯ I: 272, ср. Мелетинский 1968: 222). Данное сопоставление было предложено в увязке с возможным германским происхождением еще двух нартовских антропонимов: имя великана *Алæф* возводилось к скандинавскому имени *Олаф*, встречающемуся и в эпосе (Абаев 1945: 29), а имя эпизодической героини *Алдæ* связывалось с именем невесты Роланда *Альда* в "Песне о Роланде" (Там же: 26, 29). Последние две этимологии не получили широкой известности, и сам Абаев даже не включил имена *Алæф* и *Алдæ* в свой "Историко-этимологический словарь". Что касается имени *Бур-* | *Борæ-*, то оно не только было включено в *Словарь*, но и претерпело изменения в плане этимологической интерпретации: "[в]есьма возможно, что это имя тождественно с *бӣр* | *бор* 'желтый' (основа эта широко распространена и в германских языках) и означает 'светловолосый'" (ИЭСОЯ I: 272). Примечательно, что и в работе 1949 г. автор не указывает скандинавских параллелей этому собственному имени и ограничивается ссылкой на цветообозначение (Абаев 1949: 161). Скандинавские параллели отсутствуют и в статье "Скифо-сарматские наречия", вышедшей спустя два десятилетия после опубликования первого тома *Историко-этимологического словаря осетинского языка* (Абаев 1979: 284). Однако в "Исправлениях и дополнениях" к нему (ИЭСОЯ V: 8) не содержится никаких уточнений этой леммы, и можно с большой долей уверенности предполагать, что осетино-скандинавское сопоставление рассматривалось Абаевым как надежное.

Некоторые ученые, говоря о происхождении антропонима *Бурæфæрнуг*, приводят обе этимологии В. И. Абаева, не отдавая предпочтения ни одной из них (Knobloch 1991: 31; Рахно 2022: 326). Впрочем, параллель на германской почве опускается в целом ряде недавних работ (напр., Fritz 2006: 323; Уалыты 2001), в которых имя *Бурæфæрнуг* | *Борæфæрнуг* рассматривается исключительно в связи с цветообозначением. Причина тому понятна — осетинское названия цвета и скандинавские имена имеют отличные друг

от друга собственные этимологии. Напомним, что имена прародителей Одина традиционно возводят к и.-е. **bher-* ‘нести’ (IEW 128–32, ср. EWA s.v. *beran*, *peran*) и видят в них значение, связанное с семантическим кругом ‘рождение’. Предыстория же осет. *būr* | *bor* ‘желтый’ описана В. И. Абаевым несколько непоследовательно: “[н]еотделимо, с одной стороны, от русск. бурый, с другой — от перс. *būr*, *bōr* ‘бурый’, ‘рыжий’, ‘желтый’, пам. язг. *bər* […]. Вместе с ними восходит к старому субстратному евразиатскому слову, представленному в различных языковых группах; в герм, **brūn* ‘коричневый’, **bero* ‘медведь’ и др.; в тюрко-монгольских: монг. *boro*, тюрк. *bora*, *boro*, *boz* ‘цвета земли’, ‘серый’, *qəzəl-boz* ‘рыжий, буланый (о лошади)’; в кавказских: сван. *burğwa* ‘темно-рыжий (бык)’” (ИЭСОЯ I: 271). В “Исправлениях и дополнениях” к этой словарной статье (ИЭСОЯ V: 8) лишь предлагается добавить к иранским параллелям согд. *βwr* — без корректировки процитированного подхода. Возведение осетинского цветообозначения к праиран. **baura-* ‘темно-коричневый, гнедой’ принятое в (ЭСИЯ II: 151–3), ср. также (Дзиццойты, Фалилеев 2023: 111), вызывает ряд трудностей. Те иранские языки, в которых рефлексы этого гипотетического этимона присутствуют, показывают различное семантическое наполнение этого цветообозначения, попытку объяснения чего см. в (Rossi 2006: 472–3). Детали реконструкции самого этимона также дискуссионны, см. Sims-Williams 2010: 52–3, где имплицитно критикуется и формальная сторона этимона, предложенного в *Этимологическом словаре иранских языков*. В любом случае, рефлекс и.-е. **bher(H)-o-*, **bher(H)-u-* ‘hell, braun’, см. EWA s.v. *brûn*, *prûn* и ср. IEW 136-7, следует принять здесь во внимание.

В таком случае имя *Buræfærnyg* | *Boræfærnug* поддается очевидной интерпретации. Вторая его часть представлена соответствием совр. осет. *farn* | *farnæ*, о котором В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 421) писал так: “общеиранское полурелигиозное понятие, точное значение которого трудно определить; будучи дериватом ‘неба-солнца’, оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: ‘небесная благодать’, ‘благополучие’, ‘преуспевание’, ‘благопристойность’, ‘мир’, ‘тишина’” (см. также Абаев 1949: 71, 195–196, 201). Хотя детали этимологического анализа термина ‘фарн’ (ср. авест. *xvarənah-*) и его распространения по ираноязычному миру имеют ряд проблем (ср. ЭСИЯ III: 440–1 и Lubotsky

1998), это не касается предлагаемого здесь анализа. Личные имена с этим компонентом известны в ряде иранских языков с древности (Грантовский 1970: 252), ср. др.-перс. *Vindafarnah-* или авест. *Viδaṯ. xᵛarənah-* ‘находящий *фарн*’. По подсчетам В. И. Абаева (1979: 316), скифо-сарматское его соответствие мы находим в пятнадцати антропонимах. При этом не следует забывать, впрочем, и о том, что в целом ряде случаев они оказываются заимствованиями, см. примеры бактрийских антропонимов согдийского происхождения с этим компонентом в Sims-Williams 2010: 42, 77 или 97. Осетинские имена с этим же компонентом не являются заимствованиями и достаточно хорошо изучены. Они представлены в основном в Нартовском эпосе: помимо упомянутого *Buræfærnyg*, ср. еще *Farnæg* — имя эпизодического героя (НК(Г), I: 191, 301). Кроме того, мужское имя **Færn(æ)* “(Носитель) Фарна” отложилось в современном осетинском фамильном имени *Færniatæ* “Фарниевы”. Примечательно, что в соответствующей статье своего *Словаря* Абаев переводит *Buræfærnyg* | *Boræfærnug* как “Бора, наделенный фарном” (ИЭСОЯ I: 422) и, тем самым, оставляет начальный компонент его без объяснения. Если учесть, что в цветовой символике осетин желтый цвет соответствует понятию ‘благодать; процветание’ (Уалыты 2001: 180), то рассматриваемое имя можно переводить как ‘Желтый фарн’, т. е. “Носитель фарна, обеспечивающего достаток, процветание”.

Иная этимология первого компонента имени была предложена Х. Бейли, который связывает его не с современным осетинским *bur* ‘желтый’, но с древнеиранским **bau-ra-*, производным от иранск. **bau-* ‘быть богатым’ (Bailey 1979: 278, ср. Bailey 1980: 241), в связи с этим ср. ЭСИЯ II: 135–6. Следует отметить, что Бейли, которому был известен первый том *Историко-этимологического словаря осетинского языка* В. И. Абаева, также избегает осетино-скандинавского сопоставления. В принципе, обе исконно иранские этимологии компонента *Bur-* | *Boræ-* указывают на одну и ту же особенность носителя этого имени: характеризуя основные черты рода *Borætæ*, Ж. Дюмезиль (1976: 166) пишет: “их жизненный принцип — богатство”. Аналогичной характеристикой наделен и главный представитель этого рода: “Бурафарныг <…> тип спесивого богача” (Там же). Крайне любопытно, что и вторая часть анализируемого имени (*færnyg*) обладает значениями, близкими к

первой: ‘небесная благодать; преуспевание, и пр. (ИЭСОЯ I: 421). Показательно, что один из собирателей нартовского эпоса в конце XIX в., осет. поэт А. Кайтмазов (Qajtmazty Aslæmyrzæ), записанные им тексты издал в переведенном на русский язык виде. Имя Buræfærnyg он перевел как ‘Бурон-богач’ (НК I: 467, 468, ср. также Дюмезиль 1976: 177), причем русское ‘богач’ в его переводе соответствует осетинскому *færnyg*. Примечательно, что точное этимологическое соответствие осетинскому *farn*, авестийское *xvarənah-*, сотни раз встречается в авестийских текстах в сочетании со словом, означающим ‘богатство’, ср. (Lubotsky 1998: 479).

Следует, впрочем, отметить, что в современном этимологическом словаре иранских языков общеиранск. глагол **bau-* ‘быть богатым’ не реконструируется. Однако, согласно ЭСИЯ II: 135, в “некоторых языках в глаголе и производных выявляется круг значений: ‘быть // стать достаточным, обильным; хватать, удовлетворять’ […], а также ‘мочь, уметь, быть в состоянии’”. Далее, в *Словаре* отмечается, что “[с] кругом значений ’возрастать, быть // становиться многим, большим; изобиловать, быть достаточным, хватать’ и т. п. связаны лексикализованные имена и наречия со значением ’много, многий, большой’” (ЭСИЯ II: 136). Они рассматриваются отдельно в статье **būri* ‘много, многий; огромное количество’, где мы находим ссылки на анализ этого компонента как в работах Абаева, так и Бейли (ЭСИЯ II: 190–1). Таким образом, наиболее вероятной этимологией рассматриваемого компонента *Boræ* является та, которую предложил Г. Бейли. Однако нельзя исключать и того, что в дальнейшем произошла контаминация этого имени со словом *bur* | *bor* ‘желтый’ в результате чего это имя было поставлено в один ряд с остальными именами, содержащими данную лексему. Более того, интерпретация имени со значением ‘Желтый фарн’ как “Носитель фарна, обеспечивающего достаток, процветание”, о чём см. выше, также в этой связи показательна. Что же касается связи с германским именем, то она — на уровне этимологии — иллюзорна: каждое из сопоставленных имен имеет достаточно убедительные предыстории соответственно на иранской и на германской почве. Более того, скандинавский материал не дает никакого основания для отсылки к цветообозначению или богатству — все, что мы знаем о Бури, это то, что он — “хорош собою, высок и могуч” (Стеблин-Каменский 1970: 23, Hann var fagr

álitum, mikill ok máttugr), а какое-либо описание Бора отсутствует вообще. Впрочем, нельзя и совсем исключать возможности, что в данном случае мы оказываемся в ловушке народной этимологии, о чем см. ниже.

2. Отец или дед Уархага (*Бур / Борæ*) и отец (*Borr / Burr*) и дед (*Búri*) Одина.

Совсем недавно В. В. Напольских (2021) вернулся к сопоставлению др.-сканд. *Búri* / *Borr* с осетинским материалом в рамках изучения скандинаво-аланских параллелей в фольклоре и мифологии. В работе сопоставляется сказание о сыновьях Уархага Ахсаре и Ахсартаге нартовского эпоса и фрагмент древнескандинавского, и помимо сходства сюжетов, отмечается, в том числе, и следующее. Согласно исследователю, "самым поразительным в этой системе параллелей является полное совпадение имен отца или деда Уархага (*Бур* / *Борæ*) и отца (*Borr* / *Burr*) и деда (*Búri*) Одина". При этом автор справедливо отмечает, что они имеют собственные этимологии, что исключает общее индоевропейское наследие, и допускает, что мы можем иметь тут дело со случайным совпадением, которых, добавим мы, зафиксировано немало при сравнении осетинских и германских данных, ср. (Dzitstsoity, Falileyev 2024). Однако, "не меньше оснований предполагать народную этимологию в одной из традиций: в германской могло иметь место раздвоение первоначально единого образа с неясным для германцев именем, которое связали с производными глагола *bera* 'рождать' и выстроили расширенную версию происхождения Одина; в осетинской германские имена могли быть переосмыслены в соответствии с народным ономастиконом (*Būri* 'Светловолосый'), и два образа слились в один" (Напольских 2021: 91).

Примечательно, что это осетинское сказание об Ахсаре и Ахсартаге уже сопоставлялось с ранним "европейским" текстом, но не скандинавским и даже не германским. Уже в 1938 г. В. И. Абаев опубликовал статью, сопоставляющую этот нарратив с легендой о происхождении римлян, и спустя десятилетия — в (Абаев 1965: 86–92) — вновь вернулся к этому вопросу. Ученый отмечает восемь общих для них признаков мифологического, семантического и формального порядка которые не могут быть объяснены ни типологической близостью, ни генетическим родством. Этот же

фрагмент был рассмотрен детально Ж. Дюмезилем, но в иной плоскости: автора интересовали вариации, обнаруживаемые как в осетинских версиях сказания, так и в переосмыслении этого нарратива в других мифопоэтических традициях Кавказа, как, например, у черкесов, где *Bore-ž* "старый Боре" не является нартом (Дюмезиль 1976: 174–86). Впрочем, уже осетинские версии могут видоизменять этот рассказ — так, в одной из них самым далеким предком нартов называют Суасса, у которого было три сына, из которых выжил только Бора, родитель Уархага и Уархтанага, а в другой Бора становится дедом Ахсара и его близнеца Ахсартага. Комментарии к русскому переводу этого исследования, выполненные В. И. Абаевым, значительно корректируют взгляды французского ученого, но следует обратить внимание на то, что даже в границах небольшой территории и даже в рамках одного языка образ Бора может калейдоскопически варьироваться.

Основным мотивом, имеющим важное значение для сближения рассматриваемых персонажей осетинского эпоса и скандинавской мифологии, является статус *Borœ* как родоначальника нартов. Об этом в свое время писал В. И. Абаев, отметивший, что в некоторых вариантах нартовских сказаний Бора "выступает родоначальником всех нартов" (Абаев 1945: 29). Для понимания релевантности концепции В. В. Напольских необходимо уделить внимание Бора осетинской традиции. Детальное "досье" на этот персонаж осетинской мифологии было напечатано в работе (Дзиццойты 2017: 162–181), где приводится и полная библиография; здесь мы ограничимся лишь пунктирным его изложением. Важно, что исследования уже второй половины прошлого века показали, что не только в некоторых, но в большинстве лучших текстов, записанных в конце XIX и в начале XX вв., Бора действительно является родоначальником нартов, а нартовский народ называется не только *nartæ*, но и *Borœtæ*. Однако роль героя Бора в становлении социальных институтов и, соответственно, социальной иерархии у нартов оказалась не менее сложной, чем вопрос о происхождении его имени. Все дело в том, что нартовский эпос знает не только деление общества на три функциональные страты, на которое давно обратил внимание Ж. Дюмезиль, но и стадию "бесклассового" общества, при котором все его представители являются рядовыми общинниками (земледельцами и скотоводами). Это было общество,

которое не знало деления на знатных и плебс, не имевшее, к тому же, ни военной, ни религиозной прослойки. В этой связи можно упомянуть и определение подходов Дюмезиля как “догматически анти-эволюционных” (‘dogmatically antievolutionist’) А. Либерманом (Liberman 2011: 409).

Военные и религиозные лидеры у нартов появились, начиная с третьего поколения. И именно ко второму поколению нартов принадлежит Бора, являющийся младшим сыном первого земного человека. Два других брата этого героя в текстах обычно не упоминаются, хотя в двух текстах сохранились их имена. Военная аристократия у нартов стала зарождаться, начиная с сына (*Wærxæg*, букв. ‘Волк’) и внука (*Æsærtæg*, букв. ‘Доблестный’) Бора, а его правнуки, *Хæмус* и *Wyryzmæg*, ведут уже споры о первородстве. Таким образом, военная аристократия уже сформировалась, и дележ наследства отца происходит по аристократической традиции, учитывающей в первую очередь, интересы старшего сына. Следует отметить, что борьба между зародившейся военной аристократией и всеми остальными нартами велась за обладание домом Бора, который располагался в наиболее сакральном месте нартовского локуса — в самом центре села. Когда Ахсар и Ахсартаг вступили в борьбу за социальное лидерство, в этом доме жил один из потомков (возможно, внук) Бора — известный нам как *Бурæфæрнyг*. Его-то и изгнали “доблестные” нарты, первоначально проживавшие где-то на окраине нартовского мира. А после изгнания Бурафарныга, они навсегда завладели домом общего предка, и установили свое господство над всеми нартами. Именно по этой причине нарты в целом именуются *Борæтæ*, т. е. “потомками Бора”.

При такой сложной схеме развития социальных отношений у нартов неясным остается только вопрос о становлении религиозной аристократии — *Алæгатæ*. В текстах встречаются глухие указания на то, что и они потерпели поражение в войне с остальными нартами, которая произошла задолго до войны между военной аристократией и остальными нартами. Для нас важно, что Бора оказывается прародителем всех трех ветвей нартовского народа. И именно этим его персона привлекает наше внимание при решении вопроса о тождестве его образа с образом упомянутых героев скандинавской мифологии. В самом деле, помимо фонетической близости имен, перед нами отчетливо встает и функциональная

близость скрывающихся за этими именами героев: Бора — прародитель мифических нартов, а Бор — прародитель одного из главных героев скандинавской мифологии. Возможно, не случаен и тот факт, что в скандинавской мифологии отец и сын, Бури и Бора, имеют схожие в фонетическом отношении имена. Так же и в нартовском эпосе Бора и его сын(?) или внук Бурафарныг имеют схожие и, скорее всего, этимологически тождественные имена. При этом историческая фонетика осетинского языка требовала сужения корневого гласного и в имени *Borœ*, что произошло лишь в некоторых вариантах текстов (*Bur*), но в большинстве из них язык предпочел сохранить древнюю форму для имени отца (или деда), преобразованную в имени сына (или внука). Иными словами, фонетические расхождения в именах были использованы для дифференциации скрывающихся за ними образов.

3. Параллели, заимствования, влияния?

“Таким образом”, согласно Напольских (2021: 91), “в родословной и судьбе сыновей Уархага в осетинском нартовском эпосе и в родословной и судьбе сыновей Одина в скандинавской мифологии можно обнаружить достаточно точный параллелизм, отраженный в частных деталях и ономастике, который трудно объяснить иначе как общим наследием с последующим независимым развитием отдельных образов [..]. То обстоятельство, что в осетинской традиции перед нами в основном героическое эпическое предание, а в скандинавской — мифы о богах, не должно смущать: перенос сюжетов из одной сферы в другую вполне возможен”. С последним предложением, в принципе, нельзя не согласиться, и различные трансформации сопровождают перенесенные нарративы, ср. известнейшую историю Бижена и Мениже в её осетинском изводе в сравнении с оригиналом и версиями на других языках, см. (Dzitstsoity, Falileyev 2024: 227–8). При этом также можно вспомнить слова юбиляра о том, что “[д]ревнегерманский пантеон, в том виде, в каком он представлен в эддической традиции, демонстрирует наличие глубинных индоевропейских связей и, одновременно, их разрушения” (Клейнер 2016: 311).

Впрочем, не учитывая богатой германистической литературы, посвященной этому сюжету — см. (недавно) весьма разнящиеся по подходам (но учитывающие и иные мнения) обсуждения это-

го в (Ásdísardóttir 2010, Schjødt 2017: 72–7 или Antón 2021), — им заниматься не следует. Вместо этого можно озаботиться вопросом методологического характера, а именно: может ли оказаться случайной указанная формальная и функциональная близость между скандинавскими и осетинскими героями? Общее индоевропейское наследие, наиболее ярко наблюдаемое в соответствующих языках — на уровне лексики и грамматики — не вызывает сомнений. Им же пытаются объяснять или объясняют параллели и на уровне текстов, сюжетов и тем. "[Е]сли вспомнить, что осетины — последние потомки алан и через них — сармато-скифов", как писал Дюмезиль (1976: 17), изучение их традиции может дать "возможность найти крупицы древней мифологии, о которой до сих пор забывали при сравнительном изучении старинных верований индоевропейцев". Соответственно, существует немало работ, удачно и уместно рассматривающих эти схождения *sub specie indogermanica*, и в совсем недавнее время исследования, например, Б. Мысыккаты и Т. К. Салбиева; см. также библиографию в (Рахно 2022: 329-30). Понятно и то, что очень часто «полуавтоматическое» сопоставление др.-сев. нарративов с данными других и.-е. традиций не выдерживает критики, а «индоевропеизация» средневекового скандинавского материала оказывается весьма подозрительной, ср. название статьи А. Либермана "Are the Scandinavian Gods of Indo-European Heritage?" (Liberman 2014). В данном же конкретном случае обращение к общеиндоевропейскому прошлому не приводит к каким-либо результатам, а ссылка на архаичные модели в целом (ср. недавно Antón 2021 с вавилонским материалом, или еще более ранние построения с учетом разнообразных географически далеких нарративов (ср. Мелетинский 1968: 65 и 185), не имеет глубоких объяснительных ценностей для решения этой конкретной задачи. Примечательно, что и многие исследователи прежних лет (ср. Абаев 1965: 103–5 или Дюмезиль 1976: 118) нередко приходили к аналогичным выводам при исследовании скандинаво-нартовских схождений.

Имеются и попытки анализа этих параллелей без отсылки к общеиндоевропейскому наследию или типологической схожести. Так, *Журнал Министерства народного просвещения* в 1835 г. сообщает о мнении Юлиуса Клапрота (Julius Klaproth, 1783–1835), согласно которому "оссетинцы суть не что иное, как Асы (As) и Ала-

ны Средних Веков”. Немецкий востоковед “находит в названии их сходство с именем народа *Асов* (*Asen*), из первобытного жилища коих вышел Один с колонией Асов и поселился в Древней Скандинавии”. *Журнал* переводит слова академика Андрея Михайловича Шёгрена (Andreas Johan Sjögren, 1794–1855), опубликованные в газете *St. Petersburgische Zeitung*: “это мнение обобщает важную историческую истину, если собраны будут все существующие известия о поселениях и переселениях и сравнены между собою” (Аноним 1835: 325). Удивительным образом, воззрения подобного рода появлялись в академических и научно-популярных изданиях достаточно часто в прошлом веке, и даже продолжают публиковаться в веке нынешнем. Впрочем, исследования в этом направлении, значительно разнящиеся как в подходах, так и в немаловажных деталях, но, естественно, не отождествляющие пред-осетин и скандинавских *асов*, продолжают оставаться актуальными, ср. в этой связи (Напольских 2021: 92-96 с библиогр., которую без труда можно дополнить).

“Контактное” же объяснение схождений фрагментов нартовского эпоса осетин и скандинавского нарратива средних веков применялось исследователями и в прошлом веке, ср. разбор книги Акселя Ольрика 1913 г. в Дюмезиль 1976: 116-20, и в веке нынешнем. Именно готско-аланскими контактами в Северном Причерноморье в III–IV вв. н. э. объясняет рассматриваемую параллель В. В. Напольских (2021); впрочем, попутно можно напомнить и о том, что саамский контактный “след” также находили в др.-сев. мифологических нарративах, ср. (Liberman 2011: 399 *et passim* или Schjødt 2017: 75). Собственно контактами скифо-сарматских племен начиная с III в. до н. э. с германцами, в первую очередь — готами, и выделяя в нем герулов как посредников для передачи этого всего комплекса на “запад”, объясняет эти схождения В. И. Абаев (1965: 105–109). Спустя лишь несколько лет после опубликования указанной работы Е. М. Мелетинский (1968: 223) отметил, что “[п]роблема эта относится к числу очень важных и интересных и разработка ее должна быть продолжена”; следует, впрочем, заметить, что в обобщающей работе по скифо-сарматской проблематике В. И. Абаева (1979) она задевается лишь вскользь, и, в дальнейшем, преимущественно развивается в археологических построениях. Исходя же из имеющегося в нашем распоряжении

собственно лингвистического материала в связи с рассматриваемой проблемой праосетинско-германских контактов трудно сделать какие-либо далеко идущие выводы.

Вместо заключения.

В какой-то степени решению этого вопроса могли бы помочь осетино-германские и скифо-готские сепаратные изоглоссы, история изучений которых продолжается веками. Так, ещё в 1835 г. Шёгрен обращает внимание на то, что в списке осетинских слов, приводимом Клапротом, "оказывается много слов готских", собственно — одна пятая списка. Соответственно, "этого намека весьма достаточно для поощрения к точнейшим исследованиям", полагает Шёгрен (Аноним 1835: 326). Ожидаемо, что работа по выявлению этих изоглосс продолжалась и достигла своей кульминации в известной книге В. И. Абаева *Скифо-европейские изоглоссы*, вышедшей в 1965 г., в которой они рассматриваются наряду с данными других (западных) и.-е. языков. Сами же эти скифо-европейские изоглоссы определены Абаевым (1965: 3) как сближения осетинского языка, где он, "порывая с другими индоиранскими языками, смыкается с" германским, италийским и т. д. Однако важно подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев В. И. Абаев пытается объяснить происхождение осетинской лексики именно с помощью германских языков.

Спустя шестьдесят лет после выхода ее в свет можно уверенно говорить о том, что к числу скифо-европейских изоглосс необоснованно было отнесено значительное количество исконно иранских слов осетинского языка, не имевших во времена В. И. Абаева достоверных иранских этимологий. Это касается, в первую очередь, собственно лексических схождений, но затрагивает и морфологические, ср. касательно суффикса *-ul-* / *-ol(æ)-* в осетинском языке (Дзиццойты, Фалилеев 2023: 110 с дальнейшей библиографией). Что же касается собственно германо-скифских лексических параллелей, установленных В. И. Абаевым, необходимо помнить о том, что каждая из отмеченных там изолекс нуждается в дополнительной аргументации, и во многих случаях мы можем оказаться в положении исследователя, пытающегося объяснить одно неизвестное с помощью другого неизвестного. Более того, часть из них уже полностью пересмотрена, и соответствующие осетинские

слова (как и их возможные соответствия в скифском) легко объясняются из иранского. Так, об осет. *tusk'a* ‘кабан’, которое Абаев (1965: 26-27, 133 и ИЭСОЯ III: 320–321) рассматривает в увязке с др.-сев. *toskr* ‘клык’, др.-англ. *tusc* ‘id.’ см. Dzitstsoity, Falileyev 2024, а осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’, которое согласно В. И. Абаеву (ИЭСОЯ II: 139-40) “естественно сближается с германской группой”, представленной др.-сев. *mūli*, нем. *Maūl* ‘рот’, ‘пасть’ и др., исследовано по-иному в работе (Дзиццойты, Фалилеев 2025: 599-602). Что же касается самого др.-скандинавского первочеловека Бури и сына его по имени *Бор* / *Бур*, то скудность позитивных знаний о них (ср. Ásdísardóttir 2010: 92) не позволяет сделать каких-либо бесспорных выводов касательно их генезиса, и их связь с осетинскими данными не представляется очевидной.

Литература

Абаев В. И. 1945: Нартовский эпос. *Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.* Т. X, вып. I. Дзауджикау: Сев. Осет. Гос. изд-во.

Абаев В. И. 1949: *Осетинский язык и фольклор.* Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР.

Абаев В. И. 1965: *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада.* М.: Наука.

Абаев В. И. 1979: Скифо-сарматские наречия. В кн.: *Основы иранского языкознания*. *Древнеиранские языки*. М.: Наука, 272–364.

Аноним 1835: О цели путешествия академика Шегрена на Кавказ. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1835. Т. 8, 323–326.

Грантовский Э. А. 1970: *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М.: Наука.

Дзиццойты Ю. А. 1992: *Нарты и их соседи*: *Географические и этнические названия в нартовском эпосе*. Владикавказ: Алания.

Дзиццойты Ю. А. 2017: *Вопросы осетинской филологии*. Т. I. Цхинвал: Республикæ.

Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. 2023: Волшебная бусина осетин: филологический и лингвистический анализ. *Вопросы языкознания*. Вып. 5, 101–116.

Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. 2025: Названия десны в осетинском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 29, 593–610.

Дюмезиль Ж. 1976: *Осетинский эпос и мифология* / Пер. с франц. М.: Наука.

ИЭСОЯ 1958–1995: Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I–V. М.; Л.: Изд-во АН СССР / Наука.

Клейнер 2016: Клейнер, Ю. А. *Wōđanaz* / *Óđinn* за пределами германского пантеона. *Скандинавская филология*. Т. 14. Вып. 1, 30–42.

Мелетинский Е. М. 1968: *«Эдда» и ранние формы эпоса*. М. : Наука.

Напольских В. В. 2021: “Мæ фат уæлæмæ дыууæйæ ссæуæт, фæстæмæ иуæй раздæхæт”: к проблеме скандинаво-аланских параллелей в фольклоре и мифологии. *Вопросы ономастики*. Т. 18, № 3, 85–99.

НК (I) 2003: *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Чиныг сарæзта Хæмыцаты Т*. Т. I. Дзæуджыхъæу: Ирыстон.

НК(Г) 1989: *Нарты кадджытæ. Чиныг сарæзта Гуытъиаты Хъ*. Т. I. Дзæуджыхъæу: Ир.

Рахно К. Ю. 2022: Германские параллели к нартовскому эпосу. В кн.: *Энциклопедия осетинской Нартиады*. В 3-х т. Т. I. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 325–330.

Стеблин-Каменский М. И. 1970: *Младшая Эдда*, пер. О. А. Смирницкой. Л.: Наука.

Уалыты М. 2001: Хуызæвдисæг терминты нысаниуæг. *Мах дуг*. № 3, 179–183.

ЭСИЯ 2000–2020: *Этимологический словарь иранских языков*. Т. I–VI. М.: Восточная литература.

Antón 2021: Antón, T. M Völuspá, the Uncertainty of Norse Creation Myths and some Babylonian Parallels. *Narrating the Beginnings*. Editors: Alberto Bernabé Pajares, Raquel Martín Hernández. Wiesbaden: Springer VS, 155–174.

Ásdísardóttir I. 2010: Bors synir “bjöðum ypptu”— or did they? *Rannsóknír í félagsvísindum XI*. Helga Ólafs og Hulda Proppé (ed.). Reykjavík: Félagsvísindastofnun Háskóla Íslands, 90–98.

Bailey H. W. 1979: *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bailey H. W. 1980: Ossetic (Nartä). *Traditions of Heroic and Epic Poetry*. Hainsworth J. B., Hatto A. T. (eds.). London: MHRA, 236–267.

Dzitstsoity Yu., Falileyev A. 2024: Ossetic Boar. *Iran and the Caucasus*. V. 28, 420–432.

EWA 1988–2024: Albert L. Lloyd, Rosemarie Lühr et al. (hsg.), *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*. B. I–VIII. Vandenhoeck & Ruprecht.

Fritz S. 2006: *Die ossetischen Personennamen*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

IEW 1959: Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Bern: Franke Verlag.

Knobloch J. 1991: *Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepic*. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag.

Liberman A. A. 2011: Short History of the God Óðinn. *NOWELE*. V. 62/63, 351–430.

Liberman A. A. 2014: Are the Scandinavian Gods of Indo-European Heritage? *Scandinavistica Vilnensis*. V. 9, 83–96.

Lubotsky A. 1998: Avestan *xᵛarənah*-: the etymology and concept. *Sprache und Kultur*. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, ed. W. Meid. Innsbruck: IBS, 479–488.

Orchard A. 1997: *Dictionary of Norse Myth and Legend*. London: Cassell.

Rossi A. V. 2006: Colours and Lexical Taxonomies: Linguistic and Cultural Categories in Iranian. *Societas Iranologica Europæa*. *Proceedings 2003 II*. Milan, 463–84.

Sims-Williams N. 2010: *Bactrian Personal Names*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Schjødt J. 2017: The Reintroduction of Comparative Studies as a Tool for Reconstructing Old Norse Religion. *Theorizing Old Norse Myth*, ed. by S. Brink and L. Collinson. Turnhout: Brepols, 61–81.

А. А. Еселева

Когда поэмы стали письменными, или Предложение об уточнении термина «формула»

Аннотация. Статья посвящена проблеме терминологического разграничения устно-формульной и письменной традиций. Опираясь на идеи Ю. А. Клейнера о нетождественности устности и нефиксированности, автор предлагает для письменных текстов «переходного периода», имитирующих устную традицию, термин «псевдо-формула», указывающий на утрату текстообразующей функции при сохранении формальных признаков.

Ключевые слова: устная традиция, формула, псевдо-формула, переходный период, фиксированный текст, древнеанглийская поэзия, поэтика, Ю. А. Клейнер.

Дорогой Юрий Александрович, сердечно поздравляю Вас с Юбилеем! Пользуясь прекрасным поводом, прилагаю небольшое рассуждение по мотивам наших вдохновенных семинарских бесед о древнеанглийском «Бытии»[1].

Итак, беседа была, разумеется, о Формуле… О том, что Формула — это материя устной традиции, её необходимый и сущностный элемент. В обобщённом смысле можно поставить знак тождества между Формулой и самой Традицией. Термин «Формула» в этом значении стоит писать с заглавной буквы. Устная традиция есть Формула, при этом каждая отдельная формула представляет собой её частный случай.

Первые исследования, посвящённые устной традиции, прежде всего ставили целью определить её и дифференцировать, а также доказать универсальные законы, по которым складывается устная традиция у разных народов. Но следующим этапом стало обсуждение вопросов, связанных с тем, что произведения устной тради-

[1] Относятся ли к устной традиции такие беседы? и следует ли облекать их в форму фиксированного текста?.. Ответственность за (возможно, неловкое) их истолкование remains mine.

ции древних языков дошли до нас в фиксированной письменной форме. Ещё в статье «А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция», сопровождающей русское издание книги Лорда «Сказитель», Ю. А. Клейнер отметил «смещение интереса исследователей с отдельных элементов эпоса (формул, тем) к целым текстам, их природе и форме бытования» (Клейнер 1994: 357).

Важное противопоставление вводится в статье Ю. А. Клейнера «Устная традиция и традиция фиксированных текстов». В статье показано, что сама по себе устность не тождественна нефиксированности (Клейнер 2013). Даже во времена, предшествовавшие изобретению диктофона, устный текст мог подвергаться фиксации — сакральные тексты заучивались наизусть, а не подлежали импровизации, как в устной традиции. Фиксированный / нефиксированный, таким образом, — более точное противопоставление, чем письменный / устный, потому что оно смещает акцент в сторону самой существенной характеристики устной традиции. Устная традиция по определению нефиксирована, письменный текст, наоборот, — фиксирован всегда.

Для устной традиции важна её нефиксированность. Цельность произведения устной традиции, по А. Лорду, обеспечивается устойчивостью основного сюжета, а не стабильностью текста (Лорд 1994: 157). Именно в этой «живой материи» при воссоздании произведения при каждом новом его исполнении каждый раз в новом инварианте реализуется Формула. Принимая во внимание, что сама традиция неизмеримо больше сохранившегося варианта, приходится, тем не менее, ставить знак равенства между самим произведением устной традиции (e. g. Beowulf) и зафиксированным вариантом этого произведения в рукописи.

Следующий круг вопросов связан с поиском соотношения между произведением устной традиции, зафиксированном в одном из своих вариантов (таким как «Беовульф»), и произведением исходно письменным, но содержащим черты, присущие устной традиции, — таким, как, например, поэма «Бытие».

Таким образом, складывается новое противопоставление: произведения устной традиции, подвергшиеся фиксации, и произведения исходно письменные, литературные, оформленные согласно канонам устной традиции. Вторая группа более обширна, чем первая, и обозначается как тексты «переходного периода» без чётких

границ — периода перехода от устной культуры к письменной. А. Лорд подчёркивает, что между устной и письменной традициями нет преемственности. Как правило, иноязычная письменная традиция заимствуется в язык с *развитой* письменностью. И следствием такого заимствования является ослабление исконной устной традиции. Переходный период можно определить как период сильного влияния устной традиции на письменную до постепенного исчезновения первой. Именно эти явления мы и наблюдаем в англо-саксонской культуре IX–X веков: параллельное существование устной и письменной традиций, заимствование латинской христианской письменной традиции, и угасание исконной устной традиции.

В процессе становления заимствованной латинской традиции в англо-саксонской письменной культуре для целей ассимиляции произведения насыщались элементами, формально напоминающими исконную устную традицию. Как следствие, мы находим в разнообразных сохранившихся письменных текстах того периода элементы, формально сходные с формулами устной традиции, но утратившие функцию, которую несёт Формула. Ю. А. Клейнер отмечает, что при переходе в иную сферу бытования Формула утрачивает полезность (ведь она нужна для быстрого и безостановочного сложения песни) и превращается в клише, но считает при этом разграничение формулы и клише практически невозможным (Клейнер 1994: 359–360).

В данной статье для «утративших полезность» формул изначально письменных текстов предлагается термин «псевдо-формулы». Представляется, что Формулу в устной традиции уместно сравнить с конструктивно необходимым архитектурным элементом, таким как контрфорс в готическом соборе. В подлинном готическом стиле контрфорсы — это наклонно расположенные снаружи храма столбы, которые имеют конструктивное значение, обеспечивая противодействующую боковому распору силу. Без этих элементов всё здание не устоит. В псевдоготике аналогичные элементы, также именуемые контрфорсами, имеют исключительно декоративное предназначение. Конструкция здания устроена иначе. Таким образом, контрфорс утрачивает свою функцию — похожий на него внешне элемент архитекторы используют лишь для стилизации постройки под готику. Псевдо-формула

в изначально письменном тексте подобна такому «контрфорсу». Уместно привести здесь ещё одну характеристику этого явления от Ю. А. Клейнера, в котором тоже присутствует архитектурная аллюзия: формулы «используются скорее как готовые блоки для заполнения метрической позиции, не выполняя текстообразующей функции» (Клейнер 2013: 235).

Благодаря предшествующим исследованиям сегодня очевидно, что исследователи древних языков вынуждены, преимущественно, работать с материалом другой — письменной, фиксированной — традиции, понимая, что тексты переходного периода несут сильный отпечаток устной традиции, поскольку её влияние в ту пору было велико. Представляется, что на современном этапе пришло время придерживаться термина псевдо-формула для соответствующих эклектичных фрагментов текстов письменной традиции. Такой термин несёт в себе как подтверждение того, что формула в тексте письменной традиции не выполняет текстообразующей функции, так и признание раздельности и несовместности двух традиций.

Литература

Клейнер 1994 — Клейнер, Ю. А. А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция. В кн.: Лорд, А. Б. *Сказитель*. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН: 1994. С. 350–365.

Клейнер 2013 — Клейнер, Ю. А. Устная традиция и традиция фиксированных текстов. В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011: Устная традиция в письменном тексте*. Отв. ред. тома Г. В. Глазырина. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 221–246.

Лорд 1994 — Лорд, А. Б. *Сказитель*. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

Б. С. Жаров

Использование традиций жанра саги в произведениях исландской литературы для детей и юношества в XXI веке

Аннотация. Исландские родовые саги наложили отпечаток на всю современную исландскую литературу, в том числе на литературу для детей и юношества. В статье анализируются проявления этого влияния на материале книги Арнара Маура Арнгримссона «Сага о юном Сёльви» о подростке-бунтаре и цикле из шести книг Кристин Хельги Гуннарсдоухтир о девочке Фиасоль, где рассказывается о пяти годах ее жизни.

Ключевые слова: Исландские родовые саги, литература для детей и юношества, Арнар Маур Арнгримссон, Кристин Хельга Гуннарсдоухтир.

Во всем мире хорошо знают произведения для детей, написанные скандинавскими авторами. Бесспорно, самый знаменитый из них Ханс Кристиан Андерсен, широко известны книги классиков XX века Астрид Линдгрен и Туве Янссон. Но многие другие, менее известные за рубежом авторы трудятся для того, чтобы вступающие в жизнь люди познавали мир. Они создают книги для разных возрастов, в том числе познавательные и художественные произведения, как традиционного, так и провоцирующего характера. Исландия позже других скандинавских стран вышла на литературную арену в области литературы для детей и юношества, что нисколько не помешало ей добиться весьма значительных успехов во всех ее видах и жанрах.

Известные во всех странах, но в первую очередь в Исландии родовые саги не могли не наложить отпечатка на современную исландскую литературу. Бесспорно их влияние на выдающиеся произведения лауреата Нобелевской премии по литературе Хальдоура Кильяна Лакснесса. Как ни удивительно, это относится также и к литературе для детей и юношества. Автору этих строк довелось сделать перевод с исландского языка на русский произведений двух современных авторов, о которых дальше идет речь, и в них влияние ощущается совершенно отчетливо.

Если говорить о прозаических произведениях для детей 6 лет и старше, то можно отметить четкое разделение на книги, которые изображают жизнь исландских детей в традиционном позитивном ключе, и те, в которых наблюдается ярко выраженное бунтарское отношение к жизни.

Ярким представителем направления исландской литературе для детей и подростков, которое показывают глубину проблем в жизни, отражают всякого рода неблагополучие криминального и полукриминального характера, сложные взаимоотношения внутри семьи как между родителями, так и между родителями и детьми, является Арнар Маур Арнгримссон (Arnar Már Arngrímsson), родившийся в 1972 г. Его главная книга «Сага о юном Сёльви» (Arnar 2015; Арнар 2020) получила в 2016 г., т. е. сразу после выхода, литературную премию Северного Совета за книги для детей и юношества. Здесь слово «сага» присутствует в самом заглавии!

Главный герой — 15-летний подросток Сёльви, привыкший к жизни в столице, отправлен родителями «в ссылку» в далекую деревню. Его родители Даниэль и Инге попали в сложное финансовое положение. Помимо этого они готовятся к разводу, который давно назрел, отношения в семье явно ненормальные. Сёльви же погружен в свой компьютерный мир, почти не общается со сверстниками, ненавидит учителей, не любит родителей. Вообще-то он талантлив, легко сочиняет стихи, «рифмует», как это делали исландцы в старые времена, прекрасно разбирается в музыке, правда, исключительно в современной американской, но о его талантах никто не знает.

Он — бунтарь, тип Греттира из знаменитой исландской саги. На очень важной в жизни каждого исландца церемонии конфирмации в лютеранском храме он устраивает скандал. Вместо привычных, освященных традициями слов он воспроизводит с кафедры стихи американского рэпера Кани Уэста, естественно по-английски, и осмеивает все происходящее в известном ему мире. Это приводит к окончательному разрыву с родителями.

Он едет на самый дальний восток острова Исландия и попадает в другую жизнь. Там на хуторе всю жизнь живет мать его отца – «бабка», как он ее воспринимает сначала, «бабуля», как он ее называет потом. Этот женский образ выписан совершенно изумительно и напоминает портреты лучших бабушек мировой литературы.

Бабушка трудится упорно и своим трудом неприметно делает из 15-летнего городского бездельника настоящего мужчину-труженика. Если говорить о сагах, более всего она похожа на знаменитую Бергтору.

Партнером по перевоспитанию выступает ее сосед Томас. В нем есть одна замечательная, причем стопроцентно исландская деталь. Томас — самый обыкновенный селянин, который почти не посещал школы, говорит, что за всю жизнь учился только 13 недель в одно лето, когда в эти дальние края как-то приехала передвижная школа. Однако при этом он прекрасно знает древнюю литературу и современную поэзию, говорит наизусть стихи всех крупных исландских поэтов. Типичный мудрый Ньяль, который в состоянии очень точно оценить стихи Сёльви, когда тот однажды читает их.

Процесс перевоспитания Сёльви длительный и мучительный, ему приходится привыкать к мысли, что надо работать. И только осознав это, он становится человеком. При трагических обстоятельствах умирает бабушка. На все это накладывается история несчастной подростковой любви, когда Сёльви остается верен себе. Получив после бабушки в наследство большую сумму денег, он тратит ее всю на подарок своей возлюбленной. Но выяснив, что она воспринимала их отношения всего лишь как легкий флирт, он без колебаний бросает очень дорогое кольцо в море.

Хорошо известна откровенность в описании сексуальных сцен в произведениях скандинавских авторов, и эта книга не исключение. Жизнь Сёльви изображается безо всяких купюр, пересказывается содержание сайтов, которые он смотрит. В результате парадокс — предназначенная для чтения детей и юношества книга в некоторых странах не может продаваться иначе как с пометой «18+». Хотя ее лучшие страницы безусловно заслуживают внимания подростков многих стран.

Наиболее характерно для другого направления детской литературы творчество Кристин Хельги Гуннарсдоухтир (Kristín Helga Gunnarsdóttir). Замечательная исландская писательница, автор многочисленных произведений для детей и взрослых родилась в столице Исландии в 1963 г. После окончания средней школы училась в учебных заведениях Испании, США и Исландии, получила образование в области испанской филологии и журналистики, не-

сколько лет работала журналистом. После того, как в 1997 г. она выпустила первую книгу «Моя дорогая Бинна», которая очень понравилась читателям, стала профессиональным писателем.

Из вышедших за эти годы трех десятков книг шесть составляют единый цикл, рассказывающий о жизни одной девочки и ее семьи, который пользуется огромной популярностью у исландцев, на его основе даже создан мюзикл. Официальное имя девочки София, но из-за жизнерадостного «солнечного» характера родители и сверстники называют ее Фиасоль, то есть Фиа-Солнышко. В каждой из пяти книг: «Фиасоль во всей красе» (Kristín 2004; Кристин 2020), «Фиасоль у себя в норке» (Kristín 2005; Кристин 2020a), «Фиасоль всегда в пути» (Kristín 2006; Кристин 2021), «Великолепная Фиасоль» (Kristín 2008; Кристин 2021a), «Фиасоль никогда не сдается» (Kristín 2010; Кристин 2021b) в среднем по десять рассказов, или глав. В первой книге девочке шесть лет, хотя в самом начале есть эпизод с попыткой ее побега из дома в возрасте четырех лет. В каждой последующей книге ей на один год больше, и в последней — десять лет. Хронологически пятая книга «Фиасоль и похищение маленького льва» (Kristín 2018; Кристин 2022) повествует о событиях всего лишь одного дня, в ней множество ярких цветных рисунков художника Халлдоура Балдурссона, в других пяти его же черно-белые иллюстрации.

Что сразу приходит в голову при сопоставлении с сагами? В центре один человек, самый яркий, самый интересный. И в то же время это как в сагах подробная история жизни «рода», в данном случае исландской семьи, на протяжении целых пяти лет. Семья состоит из папы и мамы, трех дочерей разного возраста. Иногда присутствуют бабушка и дедушка.

Вокруг них водоворот людей и событий. В их жизни встречаются житейские сложности, которые иногда даже кажутся непреодолимыми. Всегда в центре проблема, которая назревает, потом взрывается, и в конце концов благополучно разрешается.

Проблема зависит от возраста. Вот девочка потерялась, и вся улица, весь городок ее ищет. Нашлась! Или девочка неосторожно пригласила в дом незнакомых мужчин. К счастью, ничего плохого не происходит. Впрочем, бывают исключительные случаи, вроде забастовки учителей всей страны, которые требовали повышения зарплаты. Дети в это время не учились, но они к ситуации отнес-

лись с пониманием, и всё закончилось благополучно.

В родовых сагах возможно присутствие сверхъестественных существ. При этом чаще всего используется вводная фраза: «А еще рассказывают, что однажды…» И здесь тоже есть 13 изумительных исландских «рождественских троллей», которых «видят» все взрослые, но никак не может увидеть маленькая девочка. Они появляются в четко определенные дни в декабре: Дубина, Верзила, Коротышка, Сластена, Подлиза, Лизун, Хлопун, Обжора, Колбасник, Глядельщик, Нюхач, Мясник, Свечник. И ведь странно, она их не видит, а следы их пребывания совершенно очевидны.

Каждая книга рассчитана на читателя или маленького слушателя того же возраста, который имеет в данный момент героиня. Но, как и положено быть со всякой хорошей детской книгой, она доставляет удовольствие и взрослым. Эти книги в совокупности показывают процесс взросления ребенка от шести до десяти лет, растущего в сложной современной жизни, но при этом в нормальной обстановке, в атмосфере радости, в идеальной семье, где не бывает катаклизмов.

Оба названных направления исландской литературы для детей и юношества одинаково интересны.

Литература

Арнар Маур Арнгримсон 2020: *Сага о юном Сёльви*. Перевод Б. Жарова. М.: Самокат.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2020: *Фиасоль во всей красе*. Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2020a: *Фиасоль у себя в норке*. Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2021: *Фиасоль всегда в пути.* Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2021a: *Великолепная Фиасоль*. Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2021b: *Фиасоль и похищение маленького льва*. Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Кристин Хельга Гуннарсдоухтир 2022: *Фиасоль никогда не сдается*. Перевод Б. Жарова. М.: ИД Городец.

Arnar Már Arngrímsson 2015: *Sölvasaga unglings*. Reykjavík: Sögur.

Kristín Helga Gunnarsdóttir 2004: *Fíasól í fínum málum.* Reykjavík: Mál og menning.

Kristín Helga Gunnarsdóttir 2005: *Fíasól í hosiló*. Reykjavík: Mál og menning.
Kristín Helga Gunnarsdóttir 2006: *Fíasól á flandri*. Reykjavík: Mál og menning.
Kristín Helga Gunnarsdóttir 2008: *Fíasól er flottust*. Reykjavík: Mál og menning.
Kristín Helga Gunnarsdóttir 2010: *Fíasól og litla ljónaránið*. Reykjavík: Mál og menning.
Kristín Helga Gunnarsdóttir 2018: *Fíasól gifst aldrei upp*. Reykjavík: Mál og menning.
Поскольку у исландцев нет фамилий, авторы приводятся по первому имени.

М. Л. Зайчик

Составная рифма в английской поэзии XIV–XVIII вв.

Аннотация. Статья посвящена истории составной рифмы в английской поэзии от Чосера до XVIII века — теме, до сих пор не получившей систематического освещения. Предлагается структурная классификация составных рифм по числу слов, совпадению вторых элементов и их просодическому статусу. На материале индексов рифм прослеживается эволюция составной рифмы: от строго точных рифм с энклитиками у Чосера, Спенсера и Шекспира через их почти полное исчезновение в чосеровской традиции (Лидгейт, Скелтон, Уайетт) к расцвету в комической поэзии XVII века (Батлер) и дальнейшей дифференциации на комическую и «серьезную» традиции в XVIII веке (Поуп). Показано, что особый акцентный статус позиции рифмы, канонизированный в чосеровской традиции, препятствовал появлению составных рифм, а их возвращение связано с обновлением английской поэзии в середине XVI века. Анализируется постепенное расширение границ допустимого в составной рифме, включая появление неточных соответствий как просодического, так и фонемного характера.

Ключевые слова: составная рифма, английская поэзия, история рифмы, Чосер, Спенсер, Шекспир, Батлер, Поуп, чосеровская традиция, энклитика, просодия, точная и неточная рифма, комическая поэзия

0. Предисловие

Идея этого небольшого исследования возникла у меня в ходе выполнения экзаменационного задания, предложенного Юрием Александровичем. В нем нам предлагалось проанализировать структуру рифмующихся последовательностей в двух рифмах — *bonnet: on it* (Дж. Борроу) и *is it: visit* (Т. Элиот). Это задание, конечно, носило скорее теоретический характер и касалось просодических различий между ударным односложным словом и заударным слогом двусложного слова в современном английском языке (во втором случае нейтрализуется корреляция примыкания). Однако мне показалось, что без прослеживания истории таких рифм в

английской поэзии теоретические рассуждения о них будут лишь догадками, — и сам Юрий Александрович учит нас не преуменьшать роль в поэзии традиционного компонента. В своем ответе я лишь выдвинул ряд предположений, а здесь постараюсь раскрыть их с привлечением реального материала. Объект моего исследования — составная рифма, то есть рифма, в которой по крайней мере одна рифмующаяся последовательность состоит более чем из одного слова. Полноценных описаний истории английской составной рифмы до XIX в., насколько мне известно, до сих пор не существует[1] — настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

1. Структурная классификация составных рифм

В русской поэзии составные рифмы были исследованы еще В. М. Жирмунским (Жирмунский 1923: 91–92, 178–187), который противопоставил среди них точные (с энклитикой в качестве второго элемента составного окончания) и неточные (с любым другим словом в этой роли). Неточность здесь заключается в рифме редуцированного гласного с нередуцированным. Некоторые поэты начала XIX в. используют лишь точную составную рифму, и даже её — нечасто (так, в пушкинскую эпоху доминируют рифмы типа «глагол на *-у* + *я:* деепричастие на *-уя*). В. М. Жирмунский выстраивает иерархию «тяжести» второго элемента составного окончания в зависимости от его частеречной принадлежности и синтаксической роли и отмечает, что «на протяжении всего XIX в. происходит все более широкое распространение составных рифм, причем постепенно входят в употребление сочетания, в которых второй элемент становится все более тяжелым» (там же: 180). Вместе с тем возрастает и допустимая степень звуковых несоответствий — как в неточных рифмах в целом, так и в составных в частности.

Эти наблюдения, как нам кажется, очень интересны для сопоставления с историей составной рифмы в английской поэзии. Вслед за В. М. Жирмунским мы начнем со структурной классификации, но сделаем ее более развернутой[2].

[1] Так, какие-либо упоминания более ранних авторов отсутствуют в посвященной ей статье в «Принстонской энциклопедии поэзии и поэтики» [PEPP: 900].

[2] Для упрощения классификации мы будем говорить в ней только о

Во-первых, следует противопоставить рифмы по числу слов в рифмующихся последовательностях: (1) одно слово с двумя, (2) одно слово с тремя и более, (3) два слова с двумя. Другие возможные варианты нам не встретились. Во-вторых, при рифме двух слов с двумя второе слово в обоих последовательностях может (1) совпадать и (2) не совпадать. В-третьих, второе слово в последовательности может (1) быть энклитикой[3] или (2) обладать акцентной самостоятельностью. Если предполагать, что энклитики просодически приравниваются к безударным слогам, то такие рифмы можно считать точными. Наконец, среди неточных рифм можно противопоставить различающиеся (1) лишь просодически, (2) лишь по фонемному составу и (3) просодически и по фонемному составу.

2. Анализ материала

Хронологические рамки настоящего исследования ограничиваются, с одной стороны, поэзией Дж. Чосера (ок. 1343–1400) и, с другой стороны, XVIII веком. Выбор материала для анализа был продиктован в первую очередь практическими соображениями — рассматривались авторы или произведения, для которых существуют готовые индексы рифм. Кроме них был частично проанализирован «Гудибрас» С. Батлера (1613–1680) — важнейшее комическое произведение своего времени; его отношение к составной рифме, в более поздней поэзии несомненно имеющей комический эффект, представляется немаловажным. Дополнительно привлекались материалы проведенного ранее исследования рифм некоторых поэтов чосеровской традиции (Зайчик 2024).

Для поэзии XVIII в. были также просмотрены рифмы в текстах, содержащихся в «Архиве английской поэзии XVIII века» (Huber 2026). К сожалению, встроенный индекс рифм учитывает

рифмах между двумя последовательностями; «тройные» составные рифмы нам также встречались (в частности, у Э. Спенсера), однако их число пренебрежимо мало, и их учет не внес бы в классификацию сущностных изменений.

[3] В определении энклитического статуса мы опираемся на полный список английских энклитик, предложенный Р. Диксоном (Dixon 2007: 579).

лишь последнее слово в строке, что не позволило выделить составные рифмы автоматически.

2.1. Поэты чосеровской традиции

Джеффри Чосер считается одним из первооткрывателей рифмы в английской поэзии. Насколько нам известно, он впервые использовал и составную рифму: в «Кентерберийских рассказах» (по индексу (Cromie 1875)) она встречается 26 раз. Во всех случаях это рифма одного слова с двумя, и во всех случаях, кроме одного, ее можно считать точной — в качестве второго слова в последовательности выступает энклитика: *is* (21 раз), *me* (2), *ye* (1), *the* ‘thee’ (1). Такую частотность *is* несложно объяснить — вероятно, оно создавало точную рифму с окончанием множественного числа, напр. *creaturis: cure is*. Единственный случай, когда второе слово в последовательности обладает акцентной самостоятельностью — *confoundid: ywoundid: wounde hid.* Чосер явно стремился использовать только точные составные рифмы, притом подавляющее большинство их создано по одной схеме.

Первым поэтом, который назвал себя последователем Чосера, был Джон Лидгейт (1370–1451). В его «Осаде Фив» (по индексу (Erdmann, Ekwall 1930)) не обнаруживается ни одной составной рифмы. Это можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, составная рифма всегда является женской или дактилической. Дактилические рифмы, насколько нам известно, не встречаются в английской поэзии вплоть до XVII века. Женские рифмы, которые у Чосера занимают заметное место, уже у Лидгейта встречаются существенно реже; это можно связать с началом отпадения конечного *-e* и выпадения гласных во флексиях (*-es, -ed* и др.), что привело к сокращению числа хореических слов и существенно ограничило возможности создания женских, и в том числе — составных рифм[4]. Во-вторых, Лидгейт, как и некоторые другие поэты чосеровской традиции, обращал на рифму меньше внимания, чем сам Чосер, и проявлял в ней консерватизм: рифмы у него однообразнее (активно используются частотные рифмующиеся пары, рифмы на

[4] Рифмы двух слов с двумя, на частотность которых эти процессы не могли бы повлиять, отсутствуют у Лидгейта скорее по причине отсутствия прецедента: к формальным инновациям он был не склонен.

исконные и заимствованные суффиксы), а неточные рифмы встречаются чаще. Составная рифма сама по себе является необычным и ярким средством; возможно, поэтому она не стала для Лидгейта востребованной.

И сокращение числа хореических слов, и невнимание поэтов к рифме способствовали процессу, который происходил в чосеровской традиции начиная с Лидгейта, — канонизации особого акцентного статуса позиции рифмы (Зайчик 2024). Он проявлялся в том, что любой слог (в том числе заударный), оказавшись последним в строке, мог стать основой для рифмы и получить достаточную для этого акцентную выделенность. Этот слог мог относиться к словообразовательному суффиксу, флексии или даже заударной части корня как в заимствованиях (из французского языка), так и в исконных словах. Иными словами, при необходимости рифма автоматически выделяла последний слог строки независимо от его естественного ударения. Поэтому женские рифмы хотя и не отсутствовали вовсе, но были предельно редки и встречались только между словами с несомненным ударением на предпоследний слог (обычно исконными хореическими, напр. *brother: other*). В таких условиях рифмующаяся последовательность, состоящая из более чем одного слова, маловероятна: последнее слово в ней (в т. ч. энклитика) получает акцентное выделение, и рифма становится мужской. Поэтому можно предположить, что у более поздних представителей этой традиции мы также не найдем составных рифм. Для проверки этого предположения рассмотрим еще двух принадлежавших к ней поэтов — Дж. Скелтона (1460–1529) и Т. Уайетта (1503–1542). Оба они в некоторых аспектах от нее отклоняются, что делает исследование их рифм более интересным.

Джон Скелтон, в отличие от остальных представителей чосеровской традиции, известен как комический поэт. Этим, вероятно, объясняется то, что женская рифма встречается у него заметно чаще, чем у ряда современников, и часто включает имена собственные или латинские слова. При этом анализ первых 15 произведений в издании (Scattergood 1983) показал, что составную рифму он не использовал. Единственной составной рифмой в этом материале можно было бы считать рифму между латинским *clamavi* и англ. *crave I* (“Philip Sparowe”, 66–67). Этот случай, как кажется, лишь подкрепляет наше предположение: судя по всему, особый акцент-

ный статус позиции рифмы не подействовал на неадаптированную латинскую вставку, ударение в которой определило ударение в сопоставленной с ней английской последовательности (в то время как при сопоставлении английского хореического слова с последовательностью из двух слов метрическое ударение автоматически получил бы последний слог).

Несмотря на отсутствие составных рифм, у Скелтона можно найти особый тип рифмы, который, как кажется, занимает между ними и обычными рифмами промежуточное положение. Хореическое слово в его комической поэзии иногда рифмуется с односложным, к которому добавляется слог, повторяющий второй слог хореического слова, напр. *mony* ‘money’: *commy* ‘come + *-y*’ (“Elynour Rummynge”, 160–161). В таких случаях можно видеть предпосылки появления комического эффекта у составной рифмы.

Томас Уайетт завершает собой чосеровскую традицию. В его поэзии особый акцентный статус позиции рифмы приобретает наибольшую силу, поэтому неудивительно, что составные рифмы остаются невозможными: в произведениях, содержащихся в издании (Muir, Thomson 1969), не обнаруживается ни одного такого случая[5].

2.2. «Серьезная» поэзия на рубеже XVI–XVII вв.: Э. Спенсер (1552–1599) и У. Шекспир (1564–1616)

В середине XVI в. английская поэзия пережила масштабное обновление, формально выражавшееся в первую очередь в окончательном установлении регулярного силлабо-тонического метра. Обновилась, однако, и рифма: повысились требования к ее качеству, ушли в прошлое популярные прежде рифмы на безударные

[5] Добавим кстати, что Уайетт имеет также некоторое отношение к лирической традиции, существовавшей со среднеанглийского периода: в отношении рифмы она, кажется, обнаруживает некоторые сходства с чосеровской. Можно предположить, что и в лирике, по крайней мере вплоть до XVI в., составные рифмы распространения не имели: некоторые тексты, например, известные ранние “Harley Lyrics” (Harley MS 2253), говорят в пользу этого предположения, однако его полноценное доказательство требует отдельного исследования.

суффиксы[6]. Можно сказать, что впервые со времен Чосера рифма достигла одновременно такой строгости и такого разнообразия. Поэтому неудивительно, что у Эдмунда Спенсера (по индексу (Danson Brown, Lethbridge 2013: 472)) и Уильяма Шекспира (по индексу (Viëtor 1963(1906))) составные рифмы используются во многом так же, как у Чосера: они являются точными, встречаются редко, а вторым словом всегда является энклитика.

У Спенсера есть рифмы как двух слов с одним, так и двух с двумя. В рифмах двух слов с двумя в качестве второго выступают *her* (3 раза), *him* (1) и *it* (1). Рифмы двух слов с одним, кажется, возникают у него лишь при невозможности подобрать рифму к относительно редким в английском языке хореическим словам на *-er, -or* (*honor, better, coffer* и др.). Во всех случаях с ними рифмуется комбинация из односложного слова и энклитики *her* (9 раз).

Составные рифмы у Шекспира еще более единообразны: все они являются рифмами двух слов с двумя. Среди вторых слов встречаются *me, thee, ye, him, her, them, it* и *not*. При этом *me, thee* и *ye* могут в качестве вторых элементов рифмоваться друг с другом. Кроме этого, в индексе есть одна неточная рифма *forlorn me: scorn I: mourn I*, в которой *I*, выступающее в роли подлежащего, не является энклитикой; она, однако, встречается в стихотворении, которое почти наверняка не принадлежит Шекспиру (см. напр. (Smith 1974: 1787–1788)), и может, пожалуй, служить дополнительным аргументом против его авторства. Этот случай показывает, во-первых, что предлагаемый обзор рифм у двух авторов не может претендовать на репрезентативность, во-вторых, что уже в конце XVI в. составная рифма могла быть неточной и включать полноударные слова и, в-третьих, что уже тогда некоторые поэты стремились избегать таких составных рифм.

[6] Впрочем, как мы заметили в ходе проведения этого исследования, окончательно не исчезли они даже в XVIII в.: «Архив английской поэзии XVIII в.» (Huber 2026) содержит отдельные случаи вроде *accurate: modern date, abandonment: lightly bent, Evangelist: design have mist, hardiment: forward bent, quadrature: ensure, protestant: we must grant, agency: tyranny* и проч. (как можно заметить, однако, обычно это рифмы суффикса и корня, а не повтор одного суффикса в разных словах, привычный в чосеровской традиции).

2.3. Дальнейшее развитие составной рифмы: С. Батлер (1613–1680), А. Поуп (1688–1744) и некоторые тексты XVIII века

При исследовании дальнейшей судьбы составной рифмы мы также ограничились сравнительно небольшим материалом, который, возможно, недостаточен для вполне убедительного доказательства наших предположений; кажется, однако, что он отражает основные изменения, произошедшие с составной рифмой в XVII–XVIII вв. Их можно описать так: в XVII в. неточные составные рифмы получили еще большее распространение и окончательно приобрели комический эффект; далее комическая составная рифма и составная рифма в «серьезной» поэзии развивались параллельно, причем в обеих происходило расширение границ допустимого: в первом случае возрастала изобретательность поэтов, во втором — уровень допустимой «поэтической вольности» (возможно, не без влияния комической поэзии).

Первый известный нам поэт, у которого составная рифма стала полноценным комическим средством, — Сэмюэл Батлер. В его поэме «Гудибрас», породившей в английской поэзии особый тип стиха (“hudibrastic verse”), составная рифма встречается постоянно и фактически является самостоятельным художественным приемом. На первых же страницах встречаются примеры вроде *ecclesiastic: instead of a stick* или *defendant: make an end on't*. У Батлера нам впервые встретились дактилические составные рифмы, напр. *philosopher: gloss over*. Он, вероятно, является одним из первых представителей традиции комического использования составной рифмы, к которой уже в XVIII в. принадлежало большое число поэтов, включая, к примеру, Дж. Свифта.

«Архив английской поэзии XVIII в.» (Huber 2026) со встроенным индексом рифм дает приблизительное представление о том, как эта традиция развивалась дальше[7]. Поскольку этот индекс не учитывает составные рифмы, точный подсчет статистики оказывается невозможным; нам остается лишь выделить некоторые

[7] Отметим, что хорошее представление о составной рифме в комической поэзии XVIII в. дает поэма “Human Happiness: or the Sceptic” Томаса Холкрофта (1745–1809), являющаяся несомненным лидером по числу и разнообразию составных рифм среди текстов, представленных в «Архиве».

тенденции, выявленные в ходе ручного просмотра части рифм из индекса. Во-первых, наиболее популярными, в первую очередь в комической поэзии, остаются рифмы с энклитиками; наравне с ними стоят случаи, в которых второе слово последовательности — предлог: *in, on, at* и др. (возможно, он теряет при этом самостоятельное ударение, уподобляясь энклитике). В теории вторыми в последовательности могут быть и другие слова, предпочтительно слабоударные; такие случаи, однако, встречаются редко (напр. *spoke all: vocal*, *cancer: man, Sir*). Во-вторых, продолжают использоваться рифмы двух слов с одним, двух слов с двумя и, реже, более чем двух слов с одним. В-третьих, в рифмах двух слов с одним часто используются редкие, стилистически окрашенные или неожиданные в этой позиции хореические слова — это, вероятно, подкрепляло предполагаемый комический эффект.

Об изменениях, произошедших в практике «серьезных» поэтов с XVI в., как нам кажется, позволяют судить составные рифмы в поэзии Александра Поупа (по индексу (McLean 1891: 156)). Всего у него обнаруживается 33 составных рифмы, из которых 23 — рифмы двух слов с одним и 10 — рифмы двух слов с двумя. Из последних в 9 случаях второе слово совпадает и является энклитикой (*it, ye, him, her*); в одном различаются оба слова (*says, sir: praise her*). Из рифм двух слов с одним в 15 второе слово является энклитикой, в 6 — предлогом; оставшиеся две рифмы — *Zounds end: Townshend* и *can, sir: grandsire*. Все три рифмы, оказывающиеся в этом списке исключениями, были использованы Поупом в комических произведениях (см. ссылки в (McLean 1891: 156))[8]. Иными словами, кажется, ко времени Поупа «серьезная» поэзия позаимствовала у комической лишь составные рифмы с использованием предлогов.

3. В заключение

В этой статье я представил свой взгляд на историю английской составной рифмы. Она, несомненно, заслуживает более подробного и обширного исследования, которое, однако, затруднительно в отсутствие готовых индексов рифм других поэтов. В начале статьи упоминались просодика составных рифм и их отношение

[8] Некоторые из оставшихся рифм, впрочем, также встречаются в комических произведениях.

к традиции — мыслями о том и другом я хотел бы закончить работу.

Как уже было сказано выше, если предполагать, что энклитики просодически приравниваются к безударным слогам, то рифмы с ними можно считать точными. Возможно, Чосер, Спенсер и Шекспир действительно руководствовались этим принципом, однако представляется, что уже в XVIII в. жесткая граница между точной и неточной рифмой (в особенности в случае составных рифм) начинает размываться. Например, у Поупа, в целом внимательного к рифмам, встречаются составные рифмы, неточные с просодической точки зрения (*brag on: dragon; on* не является энклитикой, что влияет на просодический статус гласного в нем), по фонемному составу (*top is: coppice*) и по обоим параметрам (*talk in: walking*); некоторая допустимость как просодических, так и фонемных неточностей заставляет считать их явлениями одного порядка.

Читатель, возможно, даже не обратит внимания ни на одну из перечисленных рифм, поскольку для него граница допустимого смещена немного в сторону от строгого соответствия языковой действительности — такова сила традиции. Рифма для него будет определяться достаточной степенью фонетического сходства; какая степень будет достаточной — зависит от поэтической «моды» и жанра конкретного произведения. В отношении фонемных неточностей последнее утверждение было убедительно доказано Ф. Ритчи более века назад (Ritchie 1901); как я постарался показать, оно справедливо также для неточностей просодических.

Литература

Жирмунский В. М. 1923: *Рифма, её история и теория.* Петербург: «Academia».

Зайчик М. Л. 2024: *Традиция в английской рифме XIV–XVI веков.* Курсовая работа. СПб.

Cromie H. 1875: *Ryme-Index to the Ellesmere Manuscript of Chaucer's Canterbury Tales.* London: N. Trübner & Co.

Danson Brown R., Lethbridge J. B. 2013: *A concordance to the rhymes of The Faerie Queene.* Manchester, England: Manchester University Press.

Erdmann A., Ekwall E. (eds.) 1930: *Lydgate's Siege of Thebes. Pt. 2: Introduction, notes, rhyme-lists, and a glossary, with an appendix.* London: Oxford University Press.

Huber A. (ed.) 2026: *Eighteenth-Century Poetry Archive.* vo1. 14 (Winter 2025/26). Web. 14 Mar 2026. URL: https://www.eighteenthcenturypoetry.org/index.shtml.

McLean M. L. 1891: The Riming System of Alexander Pope. In: *PMLA*. Vol. 6. № 3–4, 134–160.

Muir K., Thomson P. (eds.) 1969: *Collected poems of Sir Thomas Wyatt.* Liverpool: University Press.

Ritchie F. 1901: Rhyme. In: *Longman's magazine*. Vol. 37, 114–124.

Scattergood J. (ed.) 1983: *John Skelton: The Complete English Poems.* New Haven and London: Yale University Press.

Smith H. 1974: The Passionate Pilgrim. In: Evans G.B. (ed.). *The Riverside Shakespeare.* Boston: Houghton Mifflin, 1787–94.

Viëtor W. 1963: *A Shakespeare Phonology.* New York: Frederick Ungar, 1963 (1906).

С. В. Иванов

Доверие к автору и интерпретация средневекового текста

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые имена собственные и географические названия в «Диалоге о чудесах» Цезария Гейстербахского — Sephadinus, Colemies и Sardanay — и предлагается их идентификация. Параллельно приводятся альтернативные варианты, предложенные в других переводах «Диалога», которые не находят подтверждения. Высказываются гипотезы о причиинах появления таких вариантов.

Ключевые слова: средневековая литература, Цезарий Гейстербахский, exempla, переводы, имена собственные, географические названия keywords medieval literature, Caesarius of Heisterbach, exempla, translations, anthroponyms, toponyms.

Проблема толкования и понимания средневекового — и не только — текста, как бы банально это ни звучало, лежит в основе всякого с ним взаимодействия: чтения, изучения, издания, презентации разным аудиториям. Средневековый текст в этом отношении, наверно, сложнее более поздних, так как сама рукописная трансмиссия предполагает возникновение и аккумуляцию всевозможных ошибок. Решить задачи, связанные с реконструкцией исходного, первоначального варианта, призваны стандартные процедуры критики текста, которые исследователь применяет к своим объектам и которые в идеале должны давать результат, независимый от исследователя. Столь же важен для толкования текста анализ его истории, структуры, синтаксиса, лексики и многих других аспектов; в этом анализе роль исследователя и его взглядов уже существенно выше.

Однако даже в случае, близком к идеальному — когда у текста несколько списков времени, близкого к его написанию (а в лучшем случае сохранился автограф); когда списки в большинстве своем исправные и даже известны обстоятельства создания некоторых из них — иными словами, когда ничто не мешает реконструкции и системному анализу — на последнем этапе работы с текстом, который включает в себя комментирование, а также перевод (который

так иначе всегда является следствием осмысления и очередной интерпретацией текста) возникает проблема, лежащая совершенно на ином уровне, а именно, проблема отношения исследователя к автору и к тексту, которую можно назвать проблемой доверия. (Мы не учитываем здесь иные подходы к изданию и толкованию текстов, ставящие перед собой принципиально другие задачи.)

К вопросу доверия отсылает само понятие критики-суждения, вольно или невольно настраивающее исследователя на поиск ошибок и ставящее его в позицию судьи. Как писал Д. С. Лихачев (1989, 181):

«Читательское восприятие произведения отличается от научного тем, что в читательском восприятии автору оказывается полное доверие, автор ведет читателя по своей «последней авторской воле», — в научном же восприятии изучается реальный творческий процесс, текстолог пытается освободиться из-под гипноза «авторской воли» и восстановить историю текста из-под навязываемого ему автором его последнего результата. Исследователь стремится установить все этапы истории текста —, и не только установить, но и объяснить их появление».

Конечно, в цитате речь идет немного о другом, но тем не менее здесь хорошо видна суть отношения, которое, по мысли автора, должен занимать исследователь. В христианской западной экзегезе утвердилось разграничение нескольких конструкций с глаголом «верить» в отношении к Богу: credere Deum, credere Deo, credere in Deum. Credere Deum означало «верить в сам факт существования Бога»; credere Deo «верить Богу», признавать Его источником истины; credere in Deum «верить в Бога», приближаться к Нему с любовью, с полной верой предавать себя в Его руки (Camelot 1941/1942; Mohrmann 1961). По средневековым верованиям, даже бесы обладают верой первых двух уровней – то есть способны признавать Бога и верить Ему, но не могут верить в Бога (DMS III, 6). На этом фоне исследователь обладает, возможно, только самой первой формой веры: credere auctorem, то есть верит в существование автора, и то не всегда.

Иными словами, уже после применения к тексту всех необходимых процедур и реконструкции наиболее вероятной исходной

формы недостаток доверия приводит к возникновению интерпретаций и переводов, очевидным образом расходящихся с тем, что имел в виду автор. Я хотел бы проиллюстрировать этот тезис на нескольких примерах из текста «Диалога о чудесах» Цезария Гейстербахского.

Сначала несколько слов надо сказать об авторе.[1] Все сведения о жизни Цезария, которыми мы располагаем, содержатся в его собственных трудах; лишь один раз он фигурирует как свидетель в одном из документов. Считается, что он родился около 1180 г. Детские годы Цезария прошли в Кельне. Он учился сначала в школе при церкви св. Андрея, а затем ходил в школу при Кельнском соборе. Очевидно, его родители были в состоянии обеспечить Цезарию хорошее образование. Цезарий часто обращается в «Диалоге» к своей юности в Кельне; одно из последних его ярких воспоминаний из мирской жизни — это наблюдение за звездой в 1197 г. во дворе архиепископа.

В 1198 г., как он сам рассказывает в «Диалоге» (I, 17), он ехал из женского монастыря Вальберберг с аббатом цистерцианского монастыря Гейстербах Гевардом, и тот настоятельно увещевал молодого спутника принять постриг. Цезарий согласился, но отложил свое обращение, так как обязан был сначала выполнить обет и отправиться в паломничество в Рокамадур близ Кагора к «черной Мадонне». Впрочем, вернувшись из поездки в 1199 г., он сразу же вступил послушником в Гейстербах.

Монашеское служение Цезария привело его в какой-то момент на должность наставника послушников; также он получил священнический сан. В 1221–1222 г. был составлен документ, в котором упоминается *Cesarius ibidem monachus et magister noviciorum* «Цезарий, монах и наставник послушников», который с полным правом отождествляется с нашим автором. Сам Цезарий не проводил все время в стенах монастыря, но часто ездил с аббатом и приором по монастырским делам в разные места: Сальваторберг в Аахене, женский монастырь Штубен на Мозеле, цистерцианский монастырь Эбербах на Рейне, цистерцианский монастырь Кларкамп, во

[1] О жизни Цезария см. прежде всего Langosch 1978; Brunsch 1998, 144–158; DMNS 45–50.

Фризию, в Кельн и, наконец, в Марбург. Эта последняя поездка датируется 1233 годом, и следующая дата, относящаяся к биографии Цезария, это дата составления каталога его трудов в 1237 г. или вскоре после этого. Затем мы не имеем больше никаких сведений о его жизни. Предполагается, что он умер около 1240 или в 1240-х гг.

От Цезария до нас дошло немало сочинений, которые можно разделить на следующие группы: 1) проповеди — весьма объемное собрание проповедей, до сих пор изданное не целиком; 2) жития — «Житие Энгельберта» и «Житие Елизаветы»; в 1226 году кельнский архиепископ Генрих из Мюлленарка поручил Цезарию написать житие своего убитого предшественника Энгельберта, чтобы подготовить его канонизацию; святая Елизавета, умершая в 1231 г., была канонизирована уже в 1235, и задача Цезария состояла в литературной обработке документов, собранных при подготовке; 3) exempla — собрания примеров, употреблявшихся в проповедях и наставлениях; Цезарий создал в этом жанре два произведения: «Восемь книг о чудесах», из которых до нас дошли только первые две книги и неизвестно, были ли написаны другие, и «Диалог о чудесах» — самое знаменитое и популярное его сочинение.

В «Диалоге о чудесах» содержится 746 коротких рассказов-примеров, иллюстрирующих тот или иной тезис, который подкрепляется конкретным событием или ситуацией. Такие рассказы служат не только для лучшего усвоения теоретических или отвлеченных рассуждений, но и для развлечения и поддержания внимания у аудитории. При этом, так как речь в диалоге идет именно о чудесах, Цезарий очень заботится о достоверности сообщаемых им рассказов, поэтому практически в каждом он указывает 1) источник информации; 2) место, где случились события; 3) время. Благодаря этим указаниям можно достаточно точно определить период написания «Диалога». Это 1219–1223 годы. Возможно, финальная редактура пришлась на чуть более позднее время.

Для нас важно, что Цезарий обладал чрезвычайно широким географическим кругозором и отличными познаниями в области современной истории и политики. Ему хорошо известны дела и события во Франции и Испании, а также в Святой земле. Он упоминает Индию и прибалтийские области, монголов и Египет. Конечно, все это Цезарий не мог видеть своими глазами, но тем не

менее специфика цистерцианского ордена и личные связи Цезария позволяли ему получать самые новейшие сведения из самых отдаленных областей. Цистерцианцы проводили каждый год генеральные капитулы в Сито, на которых теоретически должны были присутствовать все аббаты цистерцианских монастырей. Естественным образом эти собрания были местом общения и обмена информацией между образованными и опытными людьми, составлявшими цвет цистерцианского ордена. Мы часто встречаем истории, привезенные с таких капитулов, на страницах «Диалога».

Цезарий был лично знаком с людьми, посещавшими отдаленные края, — например, с Оливером, магистром школы в Кельне, участником крестового похода и впоследствии епископом Падерборна, который написал книгу об осаде Дамьетты, или с Дитрихом фон Видом, участником предыдущего крестового похода, который принял постриг в Гейстербахе. И естественно, он был прекрасно знаком с географией области, в которой разыгрывается большая часть его рассказов — со средним и нижним течением Рейна, где на правом берегу Рейна напротив Бонна находится и его родная обитель, и прилегающими окрестностями, включая Айфель и Вестервальд. Так же отлично он знал дорогу и области вокруг монастырей, куда приезжал с аббатами и приорами по монастырским делам — в Химмерод, Вальберберг, Штубен, Локкум, Виллер и обители в Нидерландах и Фрисландии.

Еще раз подчеркнем важные обстоятельства:

1) Цезарий тщательно отмечает места, где происходит действие его рассказов.

2) Цезарий обладает широким кругозором и прекрасно представляет себе европейскую географию.

3) Он активно путешествовал и до вступления в орден и после пострига, сопровождая предстоятелей в служебных поездках.

Текст «Диалога» был издан еще в XIX веке Йозефом Штранге (далее — DMS), и это издание остается по сей день единственным, хотя очевидно, что давно назрела необходимость в новом критическом издании. Кроме того, это издание крайне скупо откомментировано. Однако эта нехватка отчасти компенсируется обилием переводов текста, в первую очередь на немецкий и английский языки. В 1929 году вышел английский перевод Чарльза Кука Свинтона Бланда и Генри фон Эссен Скотта (далее — DMSB). Затем

уже относительно недавно в серии *Fontes christiani* вышел немецкий перевод Николауса Нёсгеса и Хорста Шнайдера с параллельным текстом оригинала и обширными вступлением и комментариями (далее — DMNS). Наконец, в 2023 году появился английский перевод Рональда Пепина (далее — DMP).

Вместе с комментариями Штранге к оригинальному изданию и научными трудами, посвященными Цезарию и его «Диалогу», они составляют вполне представительный корпус, который не только служит для непосредственной задачи прояснения и толкования текста, но и позволяет говорить о теме, которая нас сейчас интересует: какими бывают подходы к переводам и комментированию и как на них влияет отношение к оригиналу. Далее мы рассмотрим несколько примеров, когда текст Цезария подвергается существенному перетолкованию в результате переводческих усилий.

1

В главе V, 37 Цезарий рассказывает про черта, который переносит душу рыцаря в разные места: сначала в Рим, а затем предлагает ему посетить Святую Землю. Рыцарь соглашается, и диавол мгновенно перемещает его в Иерусалим в храм Гроба Господня. После того как рыцарь таким же образом осмотрел прочие святые места, диавол спросил его, не хочет ли он увидеть Сефадина, неприятеля христиан, и его воинство. Рыцарь снова согласился, и в то же мгновение был отведен в воинские станы и по указке черта увидел правителя и его князей, воинов, оружие, стяги, шатры и все войско.

Затем черт возвращает душу рыцаря в тело, которое лежало как мертвое дома. Ко всеобщему изумлению он ожил и вернулся к нормальной жизни. Впоследствии он любил рассказывать о том, что ему довелось увидеть и услышать во время этого чудесного путешествия, которое он проделал вне тела. Все, что он видел в Риме и Иерусалиме, в Ломбардии и в Германии, он наблюдал не в пример яснее, а увиденное мог узнать и запомнить лучше, чем если бы он обозревал это телесными глазами. Он описывал устроение Рима и внешность тогдашнего папы господина Иннокентия, кардиналов и церквей, а в иерусалимских краях — облик Сефадина и вид его войска, а также реки, горы, замки и все прочие места, через которые он проходил, так точно, что видевшие их телесными очами не могли найти, что возразить (DMS I, 322–323).

В тексте Цезария вражеский полководец именуется *Sephadinus*. Перевод DMSB (369–370) сохраняет эту форму, не давая никаких пояснений. Однако в DMNS (1085–1087 и прим. 884) на этом месте появляется Саладин. То, что это не ошибка, следует из примечания, в котором говорится, что в рукописной традиции это имя передается как Сефадин (überliefert ist die Form Sephadin): то есть предполагается, что это писцовая неточность, тогда как для протографа нужно восстанавливать *Saladinus*. Перевод DMP (I, 443–444) принимает правку на Саладина, никак это не оговаривая, так что если читатель не решит вдруг ознакомиться с оригиналом – а перевод вряд ли делается в расчете на это — у него возникнет представление, что в тексте Цезария говорится именно о Саладине.

Это совсем не так. Sephadinus Цезария — это, конечно же, Аль-Адиль Сайф ад-Дин (Меч Веры), известный в западных источниках как Сафадин или Сефадин — младший брат Саладина. Саладин умер в 1193 г., и Сафадин принимал активное участие во внутридинастических междоусобицах, достигнув в результате единоличной власти; в 1200–1218 гг. он был правителем государства Айюбидов.

Характерно, что в начале этой главы Цезарий дает точную датировку: черт носил душу рыцаря в том же году, когда король Филипп впервые выступил против Оттона, который потом стал императором. Это отсылка к событиям, развернувшимся после смерти в 1197 г. императора Генриха VI, когда в борьбе за корону сошлись Оттон Брауншвейгский и Филипп Швабский. Выражение «впервые выступил» можно понимать по-разному: возможно, оно относится к предъявлению притязаний на трон или же к началу активных военных действий, однако как бы то ни было, если брать за отправную точку провозглашение Филиппа королем в 1198 г., это случилось существенно позже смерти Саладина. Повествование Цезария логично и хронологически точно, тогда как переводы DMNS и DMP изображают его противоречивым и не знакомым с реалиями.

2

В главе III, 33 Цезарий рассказывает про брата Симона из монастыря Он (Aulne), наделенного духом прозорливости. Молва о нем дошла до Рима, и письмоводитель римской курии, решив про-

верить истинность слухов, приехал в монастырь. Приезжий хотел в присутствии Симона исповедоваться в своих грехах, чтобы посмотреть, сможет ли тот поправить его, если он что-нибудь пропустит или расскажет не полностью. Однако Симона он в аббатстве не застал, так как Симон был на хуторе *Colemies*, принадлежавшем этому монастырю. Приезжий попросил отвезти его на хутор, и его просьбу выполнили. Симон ненадолго отлучился по делам, а затем отправил человека в монастырь с просьбой прислать исповедника. Исповедник приехал, принял исповедь от приезжего, и Симон действительно поправил его в тех местах, где исповедующийся вольно или невольно допускал ошибки (DMS I, 150–151).

Здесь нас будет интересовать название и месторасположение хутора. Сначала следует уточнить, что аббатство Он находилось неподалеку от Шарлеруа, практически у современной границы Бельгии и Франции. Что касается идентификации хутора, то Штранге не предлагает никаких вариантов; перевод DMSB (I, 169–170) просто оставляет в тексте название Colemies, и точно так же поступает DMP (I, 249).

Впрочем, перевод DMNS (613 прим. 396) предлагает со знаком вопроса Кельмис (Kelmis) под Аахеном. Однако хотя формы названий и весьма похожи, нужно учесть, что Кельмис находится в 140 км от монастыря Он. Если следовать логике текста, совершенно невозможно, чтобы Симон и приезжий от курии, а также исповедник с легкостью перемещались из этого места в монастырь и обратно, как подразумевает повествование.

Между тем в 25 км от Она, рядом с городом Эб (Aibes) на территории современной Франции есть ферма под названием Кульми (Coulmie или Coulmy), которая, как подробно описал Питер Гориссен (Gorissen 1952, 165–166), была пожертвована монастырю Он на помин души Робертом де Жемаппом, бальи Эно, в 1180 г. и с тех пор оставалась в собственности монастыря. Естественно, и Симон, и прочие действующие лица могли без затруднений ездить оттуда в монастырь и обратно, и нет никаких сомнений, что речь у Цезария идет именно об этом хозяйстве.

3

В главе VII, 24 Цезарий приводит примеры чудесных исцелений, совершенных благодаря Богородице. После рассказа одного

монаха, избавленного от парши или какой-то другой кожной болезни, поразившей его голову, Цезарий напоминает о других всем известных свидетельствах чудотворной силы Девы Марии в Рокамадуре и Монпелье, а также указывает «на ее икону в Сарданае, которая, обратившись в плоть, беспрерывно мироточит. Тому свидетелями несметное множество людей, которые приезжают сейчас из этого места и привозят как нам, так и другим обителям елей, который у них на глазах собирают с этого святого образа. В некоторых же скляницах, чему ты сам свидетель, этот елей начинает уплотняться и превращаться в плоть» (DMS II, 35).

В латинском тексте мы видим форму Sardanay. Уже Штранге в примечании к этому месту предлагал идентифицировать его с «abbatia de Sarnay, ordinis Cisterciensis in Gallia». Этому указанию последовал перевод DMNS (1375), который без каких-либо пояснений дает *Vaux-de-Cernay* вместо *Sardanay*. Это аббатство к юго-западу от Парижа, в 1147 г. присоединившееся к цистерцианскому ордену. Перевод DMSB (I, 492) сохраняет форму оригинала Sardanay.

Однако то же название *Sardenai* мы встречаем у Гервасия Тильберийского, который рассказывает о том же самом чудотворном образе (OI III, 46, pp. 644–646), но помещает его в «нижнюю Сирию в провинцию Дамаска». Естественно, речь у Цезария идет не о монастыре Во-де-Серне, который не был знаменит чудотворными иконами, а о совр. Сейд-Найя к северу от Дамаска, где хранится мироточивая Сайданайская икона Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. В форме *Sardanay*, *Sardenai* и т.п. оно было прекрасно известно на западе, куда, как сообщает Цезарий, привозили оттуда чудотворный елей. Перевод DMP (II, 42) верно идентифицирует название и ссылается на одну из кантиг Альфонса X, посвященную этому образу.

Этих трех примеров достаточно для иллюстрации тезиса, с которого я начал. Во всех этих случаях толкователи прибегают — если можно воспользоваться таким выражением — к *interpretatio difficilior*, однако в отличие от той роли, которую играет в критике текста *lectio difficilior*, этот механизм скорее приводит к ошибкам. Недостаточное доверие к автору заставляет видеть описки в незнакомых формах и таким образом реконструировать Saladinus на месте Sephadinus или Sarnay / Cernay на месте Sardanay, при том что

формы, употребленные самим Цезарием, являются совершенно стандартными для его времени. Несколько другой процесс лежит в основе неверной интерпретации названия хутора Colemies. Логика сюжета подсказывает, что хутор не мог находиться на слишком большом расстоянии от монастыря, однако критическое отношение к тексту распространяется и на повествование.

Здесь же можно обратить внимание на разные переводческие подходы к интерпретации реалий, включая топонимы и антропонимы. Перевод DMNS старается комментировать и предлагать свои толкования, тогда как перевод DMSB, судя по полному отсутствию пояснений, просто сохраняет формы, представленные в оригинале. В указанных обстоятельствах такая стратегия, хотя и не слишком помогает читателю, позволяет избежать многих ошибок.

Конечно, эту заметку не следует воспринимать как критику переводов «Диалога о чудесах», которые в основном выполнены на великолепном уровне; естественно, неточности вкрадываются в любой труд. Тем не менее, как мы старались показать, причину следует искать зачастую не в предполагаемых неточностях автора, а в гиперкритичном отношении к его тексту.

Литература

Brunsch S. H. 1998: *Das Zisterzienserkloster Heisterbach von seine Gründung bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts*. Siegburg. (Bonner historische Forschungen 58).

Camelot P.-Th. 1941/1942: “Credere Deo, credere Deum, credere in Deum”: Pour l’histoire d’une formule traditionuelle. *Revue des sciences philosophiques et théologiques.* Vol. 30, 149–155.

DMNS 2009: Caesarius von Heisterbach. *Dialogus miraculorum / Dialog über die Wunder* / Eing. von H. Schneider; übers., komment. von N. Nösges, H. Schneider. Turnhout. (Fontes christiani 86).

DMP 2023: *Caesarius of Heisterbach. The Dialogue on Miracles* / Transl. R. E. Pepin; forew., introd. H. B. Feiss. Collegeville, (Cistercian Fathers Series 89).

DMS 1851–1857: *Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum* / Hrsg. von J. Strange. Bd. 2: Coloniae; Bonnae; Bruxellis; Bd. 3: Index. Bonnae; Bruxellis.

DMSB 1929: *Caesarius of Heisterbach. The Dialogue on Miracles.* T. I—II / Transl. H. von E. Scott, C. C. Swinton Bland. New York.

Gorissen P. 1952: Robert de Jemappes, premier bailli de Hainaut. *Revue belge de philologie et d'histoire*, 30, 161–168.

Langosch K. 1978: Caesarius von Heisterbach. *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserlexikon.* Bd. I. Berlin; New York, 1152–1168.

Mohrmann Ch. 1961: Credere in Deum: Sur l'interpretation théologique d'un fait de langue. *Études sur le latin des chrétiens*. I. Roma, 195–203.

OI 2002: Gervase of Tilbury. *Otia imperialia. Recreation for an Emperor* / Eds. S. E. Banks, J. W. Binns. Oxford. (Oxford Medieval Texts).

Лихачев Д. С. 1989: Задачи текстологии. В кн.: *О филологии.* М., 173–203.

Н. Н. Казанский

Языковая реформа Аполлона в Дельфийском храме

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой реформы Дельфийского оракула, о которой сообщает Плутарх в трактате «Об оракулах Пифии» (De Pythiae oraculis 24). Согласно Плутарху, Аполлон запретил Пифии употреблять в прорицаниях ряд архаичных двусоставных эпитетов (πυρικάους, ὀφιοβόρους, ὀρεᾶνας, ὀρεμπότας), заменив их лексикой, соответствующей языку законов, царских указов и наставлений. На основе анализа дельфийской диалектной формы ὀφιόδειρος, сохраненной в корпусе Псевдо-Аристотеля (De mirabilibus auscultationibus), в сопоставлении с общегреческой ὀφιοβόρος у Плутарха предлагается датировка реформы IV в. до н. э. Особое внимание уделено слову πυρίκαοι, обозначавшему дельфийцев и восходящему к микенскому термину pu-ka-wo /pūr-kawoi/. Выдвигается гипотеза, согласно которой микенские pu-ka-wo были не просто «зажигателями огня», но главами домохозяйств, а само обозначение маркировало гражданский статус, сопоставимый с позднейшим понятием πολίτης. Типологически предлагаемая модель находит параллели в системах налогообложения, основанных на «очаге» как единице учета (средневековые καπνικόν, focaticum, дымнина).

Ключевые слова: Дельфийский оракул, Пифия, Плутарх, языковая реформа, Аполлон, микенский язык, pu-ka-wo, πυρίκαοι, ὀφιόδειρος, греческая диалектология, композиты, гражданство, налогообложение, Псевдо-Аристотель, De mirabilibus auscultationibus.

Мне хочется преподнести Юрию Александровичу в качестве юбилейного поздравления нечто, связанное с историей языкознания, но не кочующее из учебника в учебник и редко обсуждаемое в ученых трудах и реферативных работах; что-то, что не попало в исследования, посвященные развитию лингвистической мысли, но теснейшим образом было бы связано с материалом, который профессор Юрий Александрович Клейнер с воодушевлением и дотошностью излагает студентам филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, радостно увлекаясь каждым неожиданным ходом лингвистической мысли.

Разумеется (чтὸ особенно важно в эпоху искусственного интеллекта), анализируемые данные должны отличаться надежностью и достоверностью. Свидетельства, которым посвящена данная статья, надежны по определению, поскольку часть из них восходит напрямую к школе Аристотеля, а свидетельство Плутарха гарантирует древность, значимость и достоверность сведений, даже когда он говорит о личном участии Аполлона в проведении языковой реформы. Подчеркну, что у нас есть все основания верить тому, чтὸ писал о Дельфийском храме его жрец Плутарх, обладавший исключительными знаниями об истории храма и разбиравшийся во всех принятых в Дельфийском храмовом комплексе тонкостях и особенностях языка прорицаний Пифии, включая стиль мантических текстов.

Вот сообщение Плутарха: ἐπεὶ δὲ τοῦ βίου μεταβολὴν ἅμα ταῖς τύχαις καὶ ταῖς φύσεσι λαμβάνοντος ἐξωθοῦσα τὸ περιττὸν ἡ χρεία κρωβύλους τε χρυσοῦς ἀφῄρει καὶ ξυστίδας μαλακὰς ἀπημφίαζε καί που καὶ κόμην σοβαρωτέραν ἀπέκειρε καὶ ὑπέλυσε κόθορνον οὐ φαύλως ἐθιζομένων ἀντικαλλωπίζεσθαι πρὸς τὴν πολυτέλειαν εὐτελείᾳ καὶ τὸ ἀφελὲς καὶ λιτὸν ἐν κόσμῳ τίθεσθαι μᾶλλον ἢ τὸ σοβαρὸν καὶ περίεργον, οὕτω τοῦ λόγου συμμεταβάλλοντος ἅμα καὶ συναπολυομένου κατέβη μὲν ἀπὸ τῶν μέτρων ὥσπερ ὀχημάτων ἡ ἱστορία καὶ τῷ πεζῷ μάλιστα τοῦ μυθώδους ἀπεκρίθη τὸ ἀληθές, φιλοσοφία δὲ τὸ σαφὲς καὶ διδασκαλικὸν ἀσπασαμένη μᾶλλον ἢ τὸ ἐκπλῆττον διὰ λόγων ἐποιεῖτο τὴν ζήτησιν, ἀπέπαυσε δὲ τὴν Πυθίαν ὁ θεός ‘πυρικάους’ μὲν ὀνομάζουσαν τοὺς αὑτῆς πολίτας, ‘ὀφιοβόρους’ δὲ τοὺς Σπαρτιάτας, ‘ὀρεᾶνας’ δὲ τοὺς ἄνδρας, ‘ὀρεμπότας’ δὲ τοὺς ποταμούς· ἀφελὼν δὲ τῶν χρησμῶν ἔπη καὶ γλώσσας καὶ περιφράσεις καὶ ἀσάφειαν οὕτω διαλέγεσθαι παρεσκεύασε τοῖς χρωμένοις ὡς νόμοι τε πόλεσι διαλέγονται καὶ βασιλεῖς ἐντυγχάνουσι δήμοις καὶ μαθηταὶ διδασκάλων ἀκροῶνται, πρὸς τὸ συνετὸν καὶ πιθανὸν ἁρμοζόμενος. — Plut. De Pythiae oraculis 24 (Stephanus 406 d-f)[1].

[1] «И когда таким образом речь переменила свои словесные одежды, то история сошла с колесницы стихотворных размеров и стала в прозе четко отделять сказки от правды. И философия, предпочитавшая потрясению души ясность и поучительность, стала вести свои изыскания прозою. Тогда-то бог удержал Пифию от того, чтобы она называла своих сограждан ‘жгущими огонь’, спартанцев — ‘поедающими змей’, мужей — ‘обитающими в горах’, реки — ‘пьющими горы’. Лишив пред-

Данный текст отсылает к запрету на употребление Пифией ряда слов, причем этот запрет был наложен, как указывает Плутарх, самим Аполлоном (ἀπέπαυσε δὲ τὴν Πυθίαν ὁ θεός … ὀνομάζουσαν). Речь, таким образом, идет о языковой реформе, которая проводилась сверху и совершенно отчетливо имела своей целью модернизировать и приблизить к современности язык оракулов, которые изрекала Пифия[2]. Требовалось, в частности, использовать ту стилистику речи, которая соответствовала бы формулировкам законов в греческих городах-государствах (οὕτω διαλέγεσθαι παρεσκεύασε τοῖς χρωμένοις ὡς νόμοι τε πόλεσι διαλέγονται). Имея в виду роль Дельфийского оракула в греческой общественной жизни (см. Кулешова 2001), можно думать о несомненной важности этой реформы для всей Греции.

Сообщение Плутарха обсуждалось не только в древности, но и в Новое время. В частности, Карл Отфрид Мюллер (Müller 1824: II, 533) неосторожно приравнял[3] слово πυρίκαιοι ‘дельфийцы’ к известному благодаря глоссе Гесихия слову πυρκόοι (πυρκόοι· ὑπὸ Δελφῶν ἱερεῖς δι’ ἐμπύρων μαντευόμενοι) ‘жрецы, гадающие по огненным, т.е. сжигаемым жертвам’, а ὀρεάνας ‘горцев’ с прилагательным *ἠνόρεος (засвидетельствована только форма женского рода ἠνορέα[4] и глосса Гезихия Ἀνόρεος· ἀνδρεῖος). Толкование Мюллера принял Лобек (Lobeck [1829]: II 844). Определенную

сказания стихотворной речи, непонятных слов, описательных выражений и неясности, божество стало так говорить с вопрошающими, как законы говорят с государствами, как цари встречаются с народами, как ученики слушают учителей, – то есть, стремясь лишь к привычному и убедительному». (Пер. Л. А. Фрейберг).

[2] Представив интересующий нас текст (на с. 102) комментарий к нему Штефан Шредер почти полностью посвятил вопросу об отказе Пифии от поэтической формы (Schröder 1990: 53; 67; 379–402). В комментарии не предлагается анализ композитов, которым посвящена данная статья.

[3] Ср.: «Plut. Pyth. orac. 4. p. 289, citirt aus alten Orakeln die Ausdrücke πυρίκαιοι (i. e. πυρκόοι, so hießen die Delpher selbst, vgl. oben Bd. 2, 235, 4.), ὀρεάνας für ἀνδρας (vgl. ἠνόρεος), ὀρεμπότας für ποτάμους; auch κραταίπους Sch. Pind. O. 13, 114.) ist wohl aus einem Orakel».

[4] P. Беекес (Beekes 2010: 103) не исключает, что эта форма извлечена из композита: «ἀνδρεία (-ηίη, -ία) ‘manliness, courage’ (A.); <...> ἠνορέη ‘id.’ (Hom.) for Aeolic ἀνορέα < *-ρία, perhaps from a compound, cf. εὐανορία (Pi.). Thence ἀνόρεος (S.)».

роль в этих интерпретациях мог сыграть лексикограф начала XVIII в. Фаворин (Phavorinus), который упомянул в своем словаре словосочетание Ὀρείηνες ἄνδρες (Phavorinus 1712: 562) в соседстве с прилагательным ὄρειον, обозначающим ‘то, что в/на горé’ (τὸ ἐν ὄρει). Впрочем Мюллер здесь же обратил внимание на словообразование, усматривая в ὀρείονες сравнительную степень прилагательного: «Fortasse viri ex collatione sexus imbecillioris dicti sunt aeolice ὀρείονες, ut mortui οἱ πλείονες, dii οἱ κρείττονες».

Излагая интересующий нас пассаж Плутарха, Лобек снабдил его примечаниями и добавил к сведениям Плутарха данные, почерпнутые из Афинея (Athen. VI. 272 B), согласно которому двусоставными эпитетами в оракулах назывались и другие народы: фессалийцы — ποικιλοδίφρους ‘с расписными (пестрыми) колесницами’, аркадяне — βαλανοφάγους ‘питающиеся желудями’, коринфяне — χοινικομέτρας ‘измеряющие в объемах, принятых для дневного рациона рабов’ (LSJ s. v.). Лобек отчетливо сформулировал (Lobeck, [1829]: II 845), что до тех пор, пока сам Аполлон не запретил Пифии употреблять слово πυρικάους в ряду еще нескольких слов, перечисленных Плутархом, она называла так своих сограждан (τοὺς αὐτῆς πολίτας)[5]. Такими согражданами могли быть только дельфийцы, но по происхождению и по внутренней форме это слово сохраняло связь с ‘возжиганием / поддержанием огня’. Совершенно очевидно, что слова, не одобренные Аполлоном, были «излишне поэтичными»: πυρίκαοι ‘зажигающие огонь’, ὀφιοβόροι ‘змееяды’, ‘мужи’ — ὀρεᾶνες, а ‘реки’ ὀρεμπόται (на это уже давно обращали внимание также ученые нашего времени, возводившие их к эпитетам, взятым из эпической поэзии). Потому считалось, что их без труда можно было помещать в гексаметр или пентаметр — дактилический размер, которым в Дельфах обычно оформлялись прорицания.

Последнее утверждение верно только для слов πυρικάους и ὀρεᾶνας. Два других слова не могли попасть в дактилический раз-

[5] Насколько мы знаем из Плутарха, Пифия избиралась «сначала из молодых непорочных девиц, а впоследствии из женщин не моложе 50 лет» (Латышев 1997: 185). Очевидно, что кандидатуры для избрания ограничивались женщинами из дельфийских семей (в противном случае мы бы знали об общегреческих девичьих конкурсах на занятие вакантной должности).

мер: ὀφιοβόρους начинается с кратких слогов, а ὀρεμπότας содержит ямбическую структуру, однако следует учесть, что, как указывается в диалоге Плутарха, пифийские оракулы и до реформы не всегда имели гексаметрическую и даже вообще стихотворную форму.

При этом все перечисленные Плутархом слова даже на первый взгляд выглядят излишне архаичными как по внешней, так и по внутренней форме. Плутарх специально отметил (*De Pythiae oraculis* 24), что Аполлон рекомендовал заменять устаревшие двусоставные обозначения

1) на привычные слова для выражения юридических понятий (ὡς νόμοι…πόλεσι διαλέγονται),

2) на выражения, принятые при общественно значимом диалоге любого царя со своим народом (βασιλεῖς ἐντυγχάνουσι δήμοις), или

3) на ту лексику, которую ученики слышат от своих учителей (μαθηταὶ διδασκάλων ἀκροῶνται).

Попробуем высказать некоторые предположения о дате реформы языка Пифии, которую, как сообщает Плутарх, проводил сам Аполлон. Из перечисленных Плутархом четырех слов как минимум два — ὀφιοβόροι и πυρίκαιοι — относятся к обозначению социальных групп, но и вообще можно предполагать, что наложенный Аполлоном запрет на употребление в пророческой практике ряда традиционных слов был важен для всей Греции и обсуждался настолько широко, что следы этого обсуждения дошли до нас.

Заметим, что вообще слов, помеченных как дельфийские, до нас дошло очень немного[6], при том, что диалектные надписи достаточно многочисленны и часть из них совершенно уникальна (ср. надпись Лабиадов, Buck 52). По сравнению с дошедшими до нас глоссами и комментариями к текстам, созданным в храме Афродиты в кипрском Пафосе[7], дельфийские глоссы малочисленны и предельно скупы[8].

[6] Характерно, что Мюллер (Müller 1824: II, 533) перечисляет помимо πυρίκαιοι, приравняв их к πυρκόοι, ὀρεάνας (= ἀνδρας (vgl. ἠνόρεος), ὀρεμπότας (= ποτάμους) и добавляет сюда же κραταίπους (Sch. Pind. O. 13, 114.), считая, что и это слово восходит к тексту оракула. Доризмом он считает золотой гигад (Γυγάδας) — дар Гига Дельфийскому храму (Herod. 1, 14).

[7] О пафосских глоссах в словаре Гесихия см. Казанский 1987.

[8] В словаре Гесихия присутствует местная топонимия (προναίας как

Можно быть почти уверенным в том, что никто в Греции традиционные обозначения в языке Пифии широко не обсуждал до тех пор, пока не началась реформа, то есть интерес к этим, признанным устаревшими словам возник только с их упразднением. Сами упраздненные слова отражали традиционный (во многом торжественный) стиль, которым пользовалось жреческое сообщество для общения от имени божества с приходившими вопрошать оракул. По поводу слов для '*реки*' и для '*мужей*' высказывались предположения, которые нельзя ни подкрепить, ни опровергнуть[9], но из приведенных Плутархом четырех слов два можно прокомментировать исходя из их возможной древности — одно чтобы попытаться датировать проведенную Аполлоном реформу, а второе — для того, чтобы дать слову историческое толкование.

1. ὀφιοβόρος / ὀφιόδειρος 'змееед'

Для датировки реформы Аполлона мы располагаем дошедшим до нас свидетельством в сочинении *De mirabilibus auscultationibus*. Существенно, что этот текст (псевдо)Аристотеля сохраняет диалектную дельфийскую форму ὀφιόδειρος, которая у Плутарха уже заменена на общегреческую ὀφιοβόρος. Из этого обстоятельства можно сделать два вывода:

1. Реформа, в результате которой изменился лексикон Пифии, происходила уже тогда, когда традиционно употреблявшие-

участок Афины в Дельфах), эпитет Зевса Εὔυπνος 'дающий благие сны', жрецы, которые дают предсказания, наблюдая сожигаемое (πυρκόοι), фратрия Лафриадов (Λαφριάδαι), а также инфинитив δατέν· ζητεῖν, в котором выделяют показатель -n (как в германских языках, которые дороги нашему юбиляру). Дошла также дельфийская форма причастия пассивного аориста καμβατηθείς· καταπονηθείς 'изнуренный' (восходит к κατα-βαίνω, а фонетическое изменение находит параллели в καμβάλλω = καταβάλλω).

[9] Ср. Beekes 2010: 1198–1199: **ὀρεάνες** = ἄνδρες in the language of the Pythia (Plu. Mor. 406e). => ὀρε(ι)άνες. **ὀρε(ι)άνες** [m.pl.] acc. to Plu. 2, 406e = ἄνδρες in the language of the oracle of the Pythian Apollo; cf. ὀρείονες· ἄνδρες (H.). •ETYM Formation like Ἀκαρνάνες, etc.; further unclear. К этому можно добавить название горы в Этолии Ὀρείη. **ὀρεμπότης** name or epithet of rivers in the language of the Pythia (Plu. Mor. 406e). = Ὀρομπάτας.

ся в Дельфах слова потеряли прозрачность внутренней формы настолько, что пришлось придумывать «мотивологические» объяснения[10].

2. Точная передача диалектной формы указывает на добротный источник, каким могла быть, например, Лакедемонская Полития Аристотеля, фрагменты которой на фоне Афинской Политии и Политики рассматривал А. И. Доватур (Доватур 1965: 327).

3. Порфирий в сочинении *de abstinentia* в III в н. э. датирует поедание змей временем возвращения Гераклидов. Датировка этого эпизода едва ли идет от Аристотеля, но Порфирий датирует это событие со всей определенностью: «при возвращении Гераклидов в Лакедемон, шедшие походом с Эврисфеном и Проклом в условиях недостатка во всем (жизненно) необходимом, ели змей». (Ἐν τῆι καθόδωι τῶν Ἡρακλειδῶν ἐπὶ τὴν Λακεδαίμονα στρατεύοντες μετ› Εὐρυσθένους καὶ Προκλέους ἐν ἀπορίαι τῶν ἀναγκαίων ὄφεις ἔφαγον (Porph. *Abst.* I. 24).

В нашем распоряжении имеются два источника, согласно которым Пифия до определенного момента в своих прорицаниях называла лаконцев ‘змееедами’: ὀφιοδείρους ([Aristot.] *de mirabilibus auscultationibus* 24, 832 a 21) и ὀφιοβόρους (Plut. De Pythiae oraculis 24, 406 e). Оба эти названия легко могут быть возведены к единой на уровне II тыс. до н. э. основе *$H_1og^{u̯h}i$-(o)-$g^{u̯}e/orH_3$-, которая отражает сложение древних основ *$H_1og^{u̯h}i$- ‘змея’ и *$g^{u̯}erH_3$- ‘глотка, глотать’, оформленной либо тематическим гласным -o-, либо суффиксальным -i̯o-. Фонетические изменения в этой форме параллельны развитию лабиовелярного в греческих диалектах, среди которых форма ὀδελός[11] ‘обол’ обнаруживается

[10] Напомню, что теорией этого явления, которое ярко отражает общее падение в стране филологической культуры, активно занималась О. И. Блинова (Блинова 2002; 2004; 2011).

[11] М. Лежен думал о возможном эолийском влиянии на аттическое обозначение, предполагая (Lejeune 1972: § 34 n. 4; § 254), что ὀβολός (с изменением тембра корневого гласного под влиянием гласного следующего слога) вытеснило ὀβελός (с V в. до н. э.). Таким образом, М. Лежен допускал 1) эолийское происхождение аттического слова и 2) замену корневого гласного по аналогии. Формы ὀφιόδειρος и ὀφιοβόρος дают совершенно такое же соотношение, которое, однако, связать с аттическим влиянием решительно невозможно.

в дельфийском, критском и аркадском диалектах. Древнее обозначение *-$g^{u}erH_3$- столь же закономерно дает в дельфийском ὀφιόδειρος, как в аттическом и в койне (с другой огласовкой корня во второй части композита) — ὀφιοβόρος[12].

Как можно видеть, на древность слова указывает уже сама его форма, демонстрирующая диалектную вариативность[13]. Еще одним аргументом в пользу древности композита может служить его непонятность. Известно, что так называла спартанцев Пифия; обе части композита по отдельности семантически прозрачны, но общее значение, внутренняя форма и условия появления термина столь непрозрачны, что о нем упоминают (μνημονεύεται) только в рамках народной этимологии. Характерно, что, относя упоминаемое ὀφιόδειρος к неизвестно какой эпохе (κατά τινας χρόνους), автор приписываемых Аристотелю Мирабилий ([Aristot.] *de mirabilibus auscultationibus* 23–24, 832 a 14–21), дал ему «ученое» объяснение ad hoc:

«(23) Упоминают, что по Фессалии змей народилось столько, что, если бы их не уничтожали аисты, фессалийцам пришлось бы выселяться. Поэтому они и почитают аистов, и закон запрещает их убивать, а если кто убьет, его приговаривают как за человекоубийство. (24) Подобным же образом упоминается, что в Лакедемоне в какие-то времена появилось такое количество змей, что из-за нехватки продовольствия лаконцы начали

[12] В фиванских текстах микенского времени известны e-pe-ta /herpetai/ ‘змеи’ с внутренней формой ‘ползущие’ как в родственном ему латинском *serpens* и ятвяжском *serpine*, переведенном на старопольский словом *zmija* (Зинкявичус 1984: 18).

[13] Именно поэтому мне трудно согласиться с Ч. Джиакомелли (Giacomelli 2023: 225) который определяет ὀφιοδείρους как прилагательное, нигде более не засвидетельствованное, состоящее из слова ὄφις ‘змея’ и редчайшего δειρή (термин, который использовали для обозначения шеи/горла животных). Поскольку неизвестны оракулы, в которых бы употреблялся такой композит, Джакомелли предлагает заменить в тексте Псевдо-Аристотеля слово ὀφιοδείρους на ὀφιοβόρους, известное из Плутарха. Мне не кажется, что такая замена допустима: диалектное ὀφιοδείρους прозрачно по составу и может расцениваться как lectio difficilior. Оба слова, как будет показано ниже, могут отражать один и тот же древний композит, созданный еще во II тыс. до н. э.

употреблять их в пищу. Поэтому говорят, что Пифия прозвала их змееедами[14]».

Оба свидетельства — и Плутарха и (пс.-)Аристотеля едины в сообщении, что обозначение ὀφιόδειρος / ὀφιοβόρος относится к лаконцам, и что так их называла только Пифия. Представляется резонным отнести это обозначение еще к микенскому времени, когда в фиванских текстах уже встретилось сочетание ra-ke-da-mo-ni-jo-i-jo ‘Лакедемонов сын’, свидетельствующее об известности названия Лакедемон уже в конце XIII в. до н. э.

Для классического времени — начиная с драмы и до Аристотеля — внутренняя форма слов, включающих -βόρος, передает идею поедания, чтò отражается в терминологии ср. αἱμοβόρος ‘питающийся кровью’ у Феофраста, πυροβόρος у Квинта Смирнского (Quint. Sm. 2 197 — ‘eating wheat’), κρεοβόρος ‘питающиеся мясом’ (об амазонках), λιχνοβόρος ‘падкий на лакомства’ (о мышах), ἰξοβόρος ‘дрозд-рябинник’, жучок κασιοβόρος ‘поедающий кассию’. Сюда же относятся ἀνδροβόρος ‘людоедский’, κουροβόρος ‘пожирающий детей’, παιδοβόρος ‘пожирающий собственного сына’ (Фиест) при παιδοβοσκός ‘ухаживающий за детьми’. При этом я бы не решился поставить в этот же ряд слово ἰοβόρος (IG 4 620 Argos), употребленное применительно к змее, которая может лишь губить ядом, но не употреблять яд в качестве пищи[15].

[14] Περὶ Θετταλίαν μνημονεύουσιν ὄφεις ζῳογονηθῆναι τοσούτους ὥστε, εἰ μὴ ὑπὸ τῶν πελαργῶν ἀνῃροῦντο, ἐκχωρῆσαι ἂν αὐτούς. διὸ δὴ καὶ τιμῶσι τοὺς πελαργούς, καὶ κτείνειν οὐ νόμος· καὶ ἐάν τις κτείνῃ, ἔνοχος τοῖς αὐτοῖς γίνεται οἷσπερ καὶ ὁ ἀνδροφόνος. ὡσαύτως καὶ ἐν Λακεδαίμονι κατά τινας χρόνους μνημονεύεται γενέσθαι τοσοῦτον πλῆθος ὄφεων ὥστε διὰ σπανοσιτίαν καὶ τροφῇ τοὺς Λάκωνας χρῆσθαι αὐτοῖς· ὅθεν καὶ τὴν Πυθίαν φασὶ προσαγορεῦσαι αὐτοὺς ὀφιοδείρους.

[15] Александр Леонардович Верлинский, которому я благодарен за внимательное прочтение этой статьи, к данному слову сделал важное примечание: «Встречается еще у Оппиана *Cyneget*. 3. 223, и у Никандра (*Ther.* 467), относится к πυθεδόνες, гноящимся ранам; LSJ: ‘eating venomously’, но Gow - Scholfield (Gow A. S., Scholfield A. F. *Nicander, The Poems and Poetical Fragments*. Cambridge, 1953, p. 59 передают как ‘these with their consuming poison’, т. е. понимают композит как ‘имеющий яд, который пожирает’. Если автор Кинегетики, Оппиан (или псевдо-Оппиан), подражает, как иногда думают, в своих новообразованиях Никандру (James A. W. *Studies in the language of Oppian of Cilicia.* Amsterdam, 1970,

Уже у Гомера (*Il.* I 231) представлено слово δημοβόρος, которое Эбелинг переводил как ‘populivorus’ (Ebeling 1885: 295), по смыслу ‘пожирающий народное достояние’ (пер. И. Х. Дворецкого); точно также слово θυμοβόρος у Гомера обозначает ‘терзающий душу, наносящий вред душе’, а не ‘поедающий душу’ и не ‘питающийся душами’. Такой же народной этимологией как для слова ὀφιοβόρος отличается и толкование аттического Κυκλοβόρος (упоминается у Аристофана): Папе и Бензелер (Pape-Benseler 1911: 735) понимали этот гидроним как Ringelhardt (d. h. rings feindlich und um sich fressend), т. е. ‘пожирающий все вокруг’ (пер. И. Х. Дворецкого).

Как можно видеть, семантика греческих композитов с *-g^{u}erH_3- включает идею *пожирания* с переносным значением *уничтожения* (гомер. δημοβόρος ‘наносящий вред народному достоянию’, до полного его уничтожения). Я не берусь выбрать дальнейшие пути возможных поисков для реконструкции развития семантики данного композита, но следует обратить внимание на слово ὀφιηβοσίη ‘место выпаса змей’ (‘food of serpents’ of the Pythian laurel and the Nemean celery — LSJ 1278) в стихотворной косской надписи Аристона сына Аристона (Paton, Hicks 1891: 112–114 № 58 A 5), который змеиными пастбищами называет Дельфийский лавр и Немейский сельдерей, венками из которых он был награжден за победы на Пифийских и на Немейских играх, соревнуясь в игре на флейте. Напомню, что шипение змей упоминается и в гимне Пиндара (Pi. *Pyth.* XII) в связи с изобретением игры на флейте.

Характерно, что композиты с исходом на -δειρος часто вообще никак не связаны с идеей пожирания, но чаще описывают особенности строения шеи и затылка. Уже у Алкея ποκιλόδειρος обозначает ‘with variegated neck’ (Alc. 84), причем пестрый затылок может характеризовать (Epigr. ap. Poll 5. 48 [Anyte]) и змею (ἔχις); αἰολόδειρος ‘с сияющим затылком’ (представлено у Ивика и Нонна), ἀγκυλόδειρος ‘с изогнутой шеей’, δολιχόδειρος (*Il.* 2 460) о лебеде ‘с длинной шеей’. Настаивать на ‘змеиной шее’

р. 114 — об этом композите), то естественно видеть тот же смысл и у Оппиана, и в аргивской надписи, т. е. ‘змея, имеющая пожирающий, уничтожающий яд’».

лакедемонян при толковании эпитета ὀφιόδειρος, конечно, не приходится, но не менее странно предполагать массовый переход всего Лакедемона на меню, полностью основанное на змеях. Толкование ‘истребители змей’ несколько лучше, поскольку известна особая змееобильность отдельных частей Греции, ср., например, остров Ὄφιοῦσσα ‘Змеиный’[16].

Плутарх, знакомый с особенностями дельфийского храма, просто приводит общегреческую форму ὀφιοβόρος, никак ее не толкуя. Текст Мирабилий использует именно дельфийскую диалектную (и, следовательно, аутентичную!) форму, приведя эти(м)ологический миф почти в методологическом русле современной мотивологии (Блинова 2002; 2004; 2011).

Редкая диалектная форма ὀφιοδείρους может указывать на старый и аутентичный источник, из которого она попала в сочинение Псевдо-Аристотеля. Сопоставление этого диалектного по всем признакам слова с представленным у Плутарха общегреческим, как кажется, позволяет (очень гипотетически!) датировть реформу языка предсказаний Пифии IV в. до н. э.

Дельфийцы πυρίκαοι ‘зажигающие огонь’

Особого внимания заслуживает слово πυρίκαος, обозначавшее до реформы, согласно Плутарху, ‘сограждан пифии’ (τοὺς αὐτῆς πολίτας) как ‘зажигавших (и поддерживавших?) огонь’. Предложение использовать вместо πυρίκαος слово πολίτᾱς (= атт. πολίτης) отражает, безусловно, новый подход и более государственное даже по своей внутренней форме понимание идеи гражданства, в самом слове πολίτᾱς отсылающей к понятию ‘горожанин-гражданин’. Правдоподобно, что предшествующий термин не имел ничего общего с идеей государственности, но при этом, очевидно, перво-

[16] В связи с этими терминами можно вспомнить (см.: Verhasselt 2024: 225 n. 23) о бескрылой саранче, которую называли ὀφιομάχος или ὀφιομάχης ‘сражающейся со змеями’ (wingless locust called the “snake fighter”). Это название упоминает Аристотель (Arist. HA 8(9).6.612a.34–35), Плиний Ст. (Plin. *HN* 11.102), а также Гесихий, Суда и Фотий. Предполагают, что общим источником сведений о саранче, нападающей на змей, являлся Аристотель.

начально также обладал внятной внутренней формой, соотносившейся с реальными жизненными установлениями.

Из такого предположения уже давно исходят в своих исследованиях микенологи, привлекающие композиты, в которых представлено сложение двух основ со значением πῦρ ‘огонь’ и καίω ‘гореть’ для интерпретации текстов пилосского архива, в которых встречается обозначение pu-ka-wo. В дошедших до нас табличках упоминаются люди, которых называют pu-ka-wo (см.: Aura Jorrro II 168). Вот как они распределяются по текстам:

PY An 39. 1 VIR 16 PY An 39. 7 VIR 23	PY An 424. 1 VIR 6 PY An 427. 3 VIR 3	PY An 594. 1 VIR 10

Само слово имеет одно безусловное толкование, сохраняющееся неизменным с момента, когда его предложили еще на заре микенологии М. Вентрис и Дж. Чедвик (Docs 1956; Docs^2 1973; Казанскене, Казанский 1986; Aura Jorrro II 168; Killen 2024). Это толкование основано на внутренней форме слова: «πυρ-κάFος (cf. πυρκαεύς), delph. πυρίκαος ‘persona que se ocupa de encender el fuego’» (Aura Jorrro 1993: II 168). Делались попытки конкретизировать понимание микенского термина pu-ka-wo, настаивая на его принадлежности к бытовой[17] или же религиозной сфере.

Мне представляется особенно важным обратить внимание на многочисленность этих ‘зажигателей огня’ (в случайно дошедших до нас микенских текстах этих специалистов оказывается 58), на что уже обращали внимание (ср.: Weilhartner 2017: 225) и отмечали, что интересующие нас pu-ka-wo распределены достаточно широко по всей территории Пилосского царства. Кроме того подчеркивалось, что если видеть в них ‘хранителей священного огня’, то их число трудно объяснить (“If this designation refers to temple functionaries in the sense of ‘guardians of the sacred fire,’ the great number of them would be difficult to explain”). Интересно, что для двух групп pu-ka-wo, как заметила Линдгрен (Lindgren 1973: 125–26), никак не обозначено место их пребывания, вероятно, по-

[17] Ср.: “pu-ka-wo PY An 39 +. Nom. pl. masc., a man’s occupation: pur-kawoi ‘fire-kindlers’, context prob. catering (for work feasts) rather than religious”. (Killen 2024: 1016).

тому что они жили во дворце или рядом с дворцом (“As Lindgren notes, the two groups of 16 and 23 pu-ka-wo on An 39 are registered without place indication. The absence of a place name seems to indicate that the persons in question are at or near the palace of Pylos”). Мне представляется, что в связи со значительным числом pu-ka-wo есть смысл вспомнить, что согласно Плутарху (Plut. *De Pythiae oraculis* 24) Пифия называла πυρικάους всех своих сограждан (τοὺς αὐτῆς πολίτας), которых было немало и которые расселены были также по всей территории государства.

В тексте PY An 39 слово pu-ka-wo встречается дважды в стк. 1 и в стк. 7 (см.: PTT I). Как отметил Х. Мелена (Melena 2021), эти тексты написаны двумя разными почерками, но, можно думать, что бюрократическая сверка, отмеченная на глиняной табличке крестиками, производилась одномоментно, когда уже весь текст, заполненный двумя разными почерками, существовал как единый завершенный список. Характерны повторения, содержащие одну и ту же последовательность:

Почерк 9	Почерк 10
.1 pu-ka-wo× VIR 16	.7 pu-ka-wo × VIR 23
.2 me-ri-du-ma-te VIR 10 ×	.8 me-ri-da-ma-te , VIR 6
.3 mi-ka-ta × VIR 3	.10 mi-ka-]ta , VIR 6 ×
.4 o-pi-te-u-ke-e-we VIR 4 ×	.9 o-pi-]te-u-ke-e-we , VIR 5 ×
.5 e-to-wo-ko × VIR 5	.11 e-]t≥ o≥ -wo-ko , VIR 4 a-to-po-qo VIR 3
.6 ka-sa-to × VIR	

Из приведенного списка те, кто обозначен как pu-ka-wo, всякий раз наиболее многочисленны. Мы знаем отнюдь не все профессии и должности в государствах микенской Греции, однако в приведенном списке можем достаточно надежно определить, что e-to-wo-ko VIR 9 ‘оружейники’ (или ‘изготовители доспехов’), a-to-po-qo VIR 3 ‘хлебопеки’. Предполагают, что люди, обозначенные как o-pi-te-u-ke-e-we VIR 4 ×, присматривали за кладовыми или за трюмами кораблей.

Не трудно заметить, что выпечкой хлеба для всего дворца занимались всего три человека, для изготовления доспехов хватало девятерых, в то время как для зажигания огня понадобилось чуть

ли не одномоментно 39 человек, о ремесленной квалификации которых у нас нет возможности судить.

Одно из возможных предположений, способных объяснить обилие людей, связанных с очагом, могло бы основываться на том, что очаг-домовладение мог включать (как и римская familia) все население дома и служить обозначением хозяйственной единицы[18]. Пилосское царство в микенское время было одним из самых больших в Элладе, что нашло отражение и в Списке кораблей в Илиаде (*Il.* 2. 591), где упоминаются 90 кораблей Нестора, которые были собраны из восьми городов, каждый из которых внес свою лепту в участие в походе[19].

Микенский термин /pūr-kau̯-os/ имеет соответствие в греческом языке I тыс. до н. э. в первую очередь в эпитете πυρκαεύς < *pur-kau̯-eus, характеризующем двух персонажей. Слово представляет собой редкий и архаичный композит, который обычно толкуют, исходя из его внутренней формы, и видят в нем ‘зажигателя огня[20]’ (‘fire-kindler’ — LSJ 1557), при том, что заглавие

[18] Можно думать, что не случайно Аристотель именно дом и домохозяйство определяет как «первое объединение требуемых природой первичных соединений (муж – жена, господин – раб)» и ставит в основу всего общественного устройства (Доватур 1965: 8).

[19] Ср. *Il.* 2. 59 Οἳ δὲ Πύλον τ᾽ ἐνέμοντο καὶ ᾽Αρήνην ἐρατεινὴν
καὶ Θρύον ᾽Αλφειοῖο πόρον καὶ ἐΰκτιτον Αἰπὺ
καὶ Κυπαρισσήεντα καὶ ᾽Αμφιγένειαν ἔναιον
καὶ Πτελεὸν καὶ ῞Ελος καὶ Δώριον, ἔνθά τε Μοῦσαι
ἀντόμεναι Θάμυριν τὸν Θρήϊκα παῦσαν ἀοιδῆς
Οἰχαλίηθεν ἰόντα παρ᾽ Εὐρύτου Οἰχαλιῆος·
‘В Пилосе живших мужей, обитавших в Арне веселой;
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелон и Дорион, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян…’ (пер. Н. И. Гнедича)

[20] Обращение к образу Прометея, занятого разжиганием огня, настолько присутствует в современном сознании, что̀ нашло отражение даже в рекламе, ср.: «Средства по уходу за каминами и дымоходами Прометей. Разжигатель огня Boyscout», а также несколько пугающее объявление «Прометей в Москве» (https://www.toplivo-prometey.ru) при спокойно-бытовом объявлении «Зажигалка Prometheus».

«Прометей-огненосец» намного точнее передает суть мифа о похищении огня.

Этому тексту Эсхила посвящено исследование А. И. Зайцева[21], который предложил восполнить лакуну в папирусном тексте глаголом со значением ‘целовать’ и таким образом реконструировал исключительно живую сценку, когда сатир, впервые увидевший огонь, приходит в такой восторг, что делает попытку его поцеловать (κῦσαι). Название сатировой драмы Эсхила Προμηθεὺς πυρκαεύς (обычно на русский язык переводят как «Прометей-огненосец» или «Прометей-огневозжигатель») отсылает не собственно к возжиганию огня, а к мифу о Прометее, который дарит человечеству «эфирный огонь, похищая его с небесных высот» (формулировка Ф. Ф. Зелинского — Зелинский Ф. Ф. Эсхил // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). ‘Зажигания’ как такового в действиях Прометея нет: есть похищение огня и его передача в дар людям.

Второй раз то же слово встречается в названии пьесы Софокла Ναύπλιος πυρκαεύς, сюжетом для которой послужила месть Навплия ахейцам за казнь его сына Паламеда. Навплий поместил огонь в качестве ориентира на скалах Каферейского мыса на южной оконечности острова Эвбея, спровоцировав крушение ахейских кораблей[22]. В отличие от характеристики действий Прометея, про Навплия можно сказать, что он не просто размещает огонь в качестве маяка, а разжигает костер (Eur. *Hel.* 766 след.; 1126–1131; Soph. fr. 425–438; Sen. *Agam.* 557–575). Характерно, однако, что само слово πυρκαεύς в дальнейшей греческой традиции не используется при изложении мифа о похищении огня Прометеем, однако имеется несколько контекстов (перечислены в LSJ 1557–1558), в которых в четырехсложной и трехсложной формах представлено обозначение семи сожжений (ἑπτὰ πυρκαιὰς νεκρῶν – E. Supp. 1207) на погребальных кострах.

У Гомера слово πυρκαϊή появляется многократно: νεκροὺς πυρκαϊῆς ἐπενήνεον *Il.* 7, 428 ‘мертвых своих на костер полагали’ (пер. Н. И. Гнедича); πυρκαϊὴ ἐμαπαίνετο ‘костер (горение огня) уничтожило сруб’; *Il.* 23, 228 κατὰ πυρκαϊὴν σβέσαν αἴθοπι οἴνωι

[21] Зайцев 1977.

[22] См. Fragmenta tragicorum Graecorum, fr. 392–405.

‘quenched the burning pyre’ (LSJ 1558): *Il*. 23, 250 ‘сруб угасили, багряным вином поливая пространство’ (пер. Н. И. Гнедича).

Особенно показательно распоряжение, с которым обращается Ахилл (*Il.* 23, 237):

> ’Ατρεΐδη τε καὶ ἄλλοι ἀριστῆες Παναχαιῶν,
> πρῶτον μὲν κατὰ πυρκαϊὴν σβέσατ› αἴθοπι οἴνῳ
> πᾶσαν, ὁπόσσον ἐπέσχε πυρὸς μένος· αὐτὰρ ἔπειτα
> ὀστέα Πατρόκλοιο Μενοιτιάδαο λέγωμεν
> εὖ διαγιγνώσκοντες·
>
> ‘Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
> Время костер угасить; вином оросите багряным
> все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
> Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
> Тщательно их отделив от других…’ (пер. Н. И. Гнедича)

Перевод Н. И. Гнедича рисует достаточно точную картину: πυρκαϊὴν… πᾶσαν он переводит как ‘все пространство, где пламень пылал’, подчеркивая, что огонь догорел и только кострище еще тлело на месте, где был сожжен покойник (ср. πυρκαϊὴ ἐμαπαίνετο *Il*. 23, 228)[23].

Аристотель также, когда упоминает, что про иволгу (χλωρίων) говорят, будто она рождается из кострища μυθολογοῦσι γενέσθαι ἐκ πυρκαϊᾶς (Aristot. *Hist. an.* VIII (IX) 609b10), едва ли подразумевает, что ее рождение происходит как у птицы Феникс

[23] В позднейших эпитафиях представлено уже обозначение этим словом погребального костра как такового, ср., например, Expl. Arch. del. 1974. Т. 30. № 472, 1–6:

> θνῄσκω πε[ντεκ]αιεικοσ[έτ]η[ς]·
> Μοῖρα γὰρ οὐχ ὑμέναιον ἐμοὶ πόρεν, ἀντὶ δὲ πεύκης
> νυμφιδίου στύγιον πυρκαϊὴν φθιμένων·
> ὁ πρὶν δ’ ἐκ τέχνης νοσ<ν>ῳ, ξένε, πολλάκι πολλούς
> ῥυσάμενος νούσωι στυγνὸν ἔβην ’Αίδην.
>
> ‘Я умираю, увы, двадцати пяти лет.
> Мне уготован судьбой не брак и не свадебный факел,
> Но погребальный костер – общий увядшим удел.
> Странник, спасал я нередко людей от болезней искусно,
> но от болезни теперь в страшный Аид я сошел’ (перевод *Н. К.*).

непосредственно из огня (Loeb, ed. D. M. Balme, A. Gotthelf, 1991: “was generated out of funeral pyre”). Точно так же то, что переводят как ‘возгорание’ (*conflagration*), обозначает и пожар: LSJ (LSJ 1558) объединяет примеры на ‘*conflagration, arson*’ и даже ‘*burnt ruins*’ (‘пожарище’ у Диодора Сицилийского — D. S. 16. 45).

Форма πυρκαϊά (как и ионийская форма πυρκαϊή) обозначает ‘погребальный костер’ (‘funeral pyre’ — LSJ 1558): Большой Этимологик (E. M. Kallierges 384, 18) также видит синонимом πυρκαϊαί и ‘очаг (ἑστία)’ и даже ‘алтарь (βωμός)’. К этому Большой Этимологик добавляет, что Еврипид говорит, что очаг называют жаровней (отсылка к «Гераклидам» (Eurip. Heraclidae 121, 341), где вместо обычного βωμός Еврипид употребляет ἐσχάρα.. Не совсем ясно, к чему относится завершающее этот пассаж[24] определение «риторическое» (выражение) в Этимологике[25]. Риторичность вступает в противоречие с перечнем, в котором среди подношений в храм на Делосе (IG 11 (2) 145. 58 (Delos IV B. C.), 161, B 124 (Delos III B. C.), IG XI, 2 199 B 91) упомянуты отдельным списком медные предметы: [κ]αὶ τάδε χαλκᾶ· ἐσχάρας πυρκαιοὺς Ε̣Χ.5. ‘а вот нижеследующие медные’. Перечень открывают пять переносных жаровен с эпитетом πυρκαϊός, чтὸ обычно (LSJ s.v.) понимается как ‘жаровни для сожигаемой жертвы (for burnt-offerings)’. Сам эпитет πυρκαϊός перечисляют в одном ряду с упомянутыми Плутархом служителями дельфийского храма, которые поддерживали священный огонь во втором помещении, где стоял жертвенник Посейдона, статуи

[24] E. M. Kallierges 384, 18 ᾽Εσχάρα: ᾽Ιλιάδος κ′, πυρὸς ἐσχάραι. ᾽Αντὶ τοῦ πυραὶ, πυρκαϊαί. Δηλοῖ δὲ ἡ λέξις καὶ τὴν ἑστίαν, καὶ τὸν ῥύπον, καὶ τὸ καυθὲν ἕλκος, καὶ τὸν βωμὸν, ὡς παρ᾽ Εὐριπίδῃ ἐν ῾Ηρακλεῖ. Καὶ τὴν κυρίως λεγομένην ἐσχάραν φασὶ καλεῖσθαι ἑστίαν, τὴν μὴ ἔχουσαν ὕψος, ἀλλ᾽ ἐπὶ γῆς ἱδρυμένην, ἢ κοίλην· παρὰ τὸ καὶ τοὺς ἰατροὺς τὰ ἐν τῷ σώματι κοῖλα ἕλκη ἐσχάρας καλεῖν. ῾Ρητορική.

[25] Лишено риторичности указание в надписи IG V 1 1390 A 107, Buck 18, 21, описывающей штраф за разведение огня в храме Афины Алеи в Аркадии: εἰκ ἐπὶ δ¿μα πῦρ ἐποίσε, δυόδεκο δαρχμὰς ὀφλέν, τὸ μὲν ἔμισυ τᾶι θεοῖ, τὸ δ᾽ ἔμισυ τοῖς hιερ[ο]μνάμονσι ‘А если кто огонь внесет (ἐπ-οίσε̄ aor. subj. к οἴσω, ср. гомер. οἰσέμεναι) в храм (δῶμα), уплатить двенадцать драхм — половину для божества, половину для иеромнемонов т.е., видимо, магистратов, которые ведают храмом’.

двух Мойр, Зевса Мойрагета и Аполлона Мойрагета. Там же находился и священный очаг (ἑστία)[26].

Разобранными примерами πυρίκαος, πυρκαεύς и πυρκαϊός ограничиваются композиты, каждый из которых мог бы претендовать на микенскую древность. Заметим особо, что в греческом языке I тыс. до н. э. всегда подразумевается одно действующее лицо, чтò контрастирует с множественностью микенского употребления данного композита. Исключение составляют только πυρικαῖοί, которые обозначают всех дельфийцев как сограждан Пифии, то есть всех, обладающих в Дельфах гражданскими правами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Очевидно, что для микенской эпохи есть смысл провести сопоставительный анализ и попытаться посмотреть, как можно связать микенских массовых ‘возжигателей огня’ или ‘носителей огня’ с идеей гражданства. Представляется, что 55 истопников избыточны для дворцового хозяйства Пилоса, но если предполагать, что речь идет о привлеченных к дворцовым работам главах отдельных хозяйств (специальными навыками за пределами сельского хозяйства не обладавших), то можно предположить, что перед нами обозначение налогоплательщиков-граждан, стоявших во главе семьи. Подобное толкование подразумевает для мик. pu-ka-wo /pūr-kawoi/ и дельф. πυρικαῖοί < *pūri-kaw-i̯o- интерпретацию, основанную на обозначении налога.

В позднеантичное время основной единицей для налогообложения выступал *oikos, domus*[27], в средние века замененный на на-

[26] Латышев 1997: 184.

[27] Ср. из последних работ: “A new factor in this system that became important especially in the fifth century, and is central to the history and historiography of late antique Egypt, is the late antique oikos (Lat. domus; literally, ‘household’) <…> the status of an oikos was likely linked to that of its master. <…> A precise definition of oikos in this context has not yet been achieved…” (Stern 2025: 29).

лог с очага: греч. καπνικόν[28], южнослав. *дымнина*[29], древнерусский налог с дыма[30], которые соответствуют средневековому «очажному» налогу в Италии (*focaticum (focatico), focularia*) и «подымному» налогу (*fumale*) в Великом княжестве литовском и в Польше[31].

Микенский термин pu-ka-wo как обозначение для владельца домохозяйства, насколько мне известно, прежде не обсуждали; как

[28] «*Податным* (камеральным) *дымом* именуется семейство, доколе, жительствуя совокупно, имеет общее нераздельное имущество и хозяйство» (Дьяконов 1893). Для Византии этот налог известен не позднее начала VIII в., когда, как со ссылкой на (Laiou, Morrisson 2007: 52) пишет Зоран Симонович (Simonović 2024: 53–63): “The land of each peasant household was registered, and the fiscal total value was taken as the basis for estimating the amount of money to be paid by the village, which was collectively responsible for paying taxes” и исчисляет (с. 60) налог kapnikon (household tax) как составляющий 1/24 от произведенного в хозяйстве продукта.

[29] «В Македонии и др. районах Балканского полуострова предусматривалось освобождение от упоминаемой в южнославянских документах *дымнине*, которой, по-видимому, соответствовал византийский налог *капникон* (Там же со ссылкой на книгу: Лаппо-Данилевский 1890).

[30] В летописи под 859 г. стоит известие, что варяги (Юрию Александровичу будет приятно вспомнить) имели дань из-за моря на чюди, славянах (новгородцах), мери, веси и кривичах, а хазаре — на поляках, северянах и вятичах «по белой веверице **от дыма**» и что *дым* как единица налогообложения существовал до XV в. Дым подразумевал отдельное домохозяйство в котором объединялись постройки, земля, скот и инвентарь. В грамотах XVI в. упоминается *подымное*, в других говорится о *поворотном*, т. е. о сборе с ворот. Даже в XVII в. упоминаются еще *подымовные* деньги с дворов (см.: Дьяконов 1893: 302—303). А. Е. Яновский (Там же, с. 304 сл.) (со ссылкой на Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. 1–2, Тифлис, 1887) отмечал *дым* как основную единицу в податной системе, выработанной в 1836 г. для Закавказского края, где эта система сохранялась до начала XX в. В Царстве Польском существовали несколько подымных податей (дворовая, с крестьянских усадеб, со всех построек на посадах, с домов в городах).

[31] Налогообложение Сицилии и Италии (включая папские области), а также Польши и Великого княжества литовского описано в: Guzowski, Sowina 2023. Я благодарен Татьяне Николаевне Джаксон, снабдившей меня этой книгой.

можно видеть, такая интерпретация в значительной мере строится на косвенных соображениях, а не на прямых исторических свидетельствах.

Одним из аргументов, как мы видели, выступает избыточно большое число pu-ka-wo, чтобы считать их всех истопниками. Необходимо иметь в виду, что этот аргумент недостаточно убедителен, так как основан на общих абстрактных соображениях, а греческий мир II тыс. до н. э. обладал конкретным устройством, в котором, например, находили себе место 38 пилосских банщиц с детьми. Не возникает сомнений, что все эти женщины грели воду в котлах-треножниках, наливали ее в ванны и держали все помещение в чистоте. Представляется, тем не менее, неоправданным, предполагать, что число истопников, занятых только топкой (для заготовки дров были du-ru-to-mo /drū-tómoi/ ‘дровосеки’) было намного выше числа банщиц.

Основным аргументом против значения ‘истопник’, пожалуй, служит вся последующая история слова в греческом языке: Навплий и Прометей, а также все жители Дельф не могли определяться как ‘огнежоги’.

Общим может быть значение ‘хранитель огня/очага’ и ‘огненосец’. Значение древнее: оно связано с мифом о Прометее и с Троянской войной (месть Навплия); архаичное обозначение дельфийцев πυρίκαοι и замена старого обозначения на πολῖται не должно датироваться временем после Аристотеля[32].

[32] К этому утверждению А. Л. Верлинский сделал исключительно важное примечание, которое я привожу полностью: «Для греческого, возможно, стоит учесть: Аристотель, *Политика* I, 2, 1252 b 12-15 ἡ μὲν οὖν εἰς πᾶσαν ἡμέραν συνεστηκυῖα κοινωνία κατὰ φύσινοἶκός ἐστιν, οὓς Χαρώνδας μὲν καλεῖ ὁμοσιπύους, Ἐπιμενίδης δὲ ὁ Κρὴς ὁμοκάπους· ‘Домохозяйством же является естественное сообщество, образовавшееся для каждодневной жизни, участников которого Харонд именует «имеющими одну миску для еды», а Эпименид Критянин – «имеющими общую кормушку». Издатели обычно предпочитают чтение т. н. второй семьи рукописей ὁμοκάπους (от κάπη ‘кормушка для скота’), но рукописи первой семьи имеют ὁμοκάπνους, что, кажется, не стоит категорически исключать.

Чуть ниже Аристотель цитирует гомеровское ἀνέστιος (Il. 9, 63) 1253 a5 прибавляя ἐκ τούτων οὖν φανερὸν ὅτι τῶν φύσει ἡ πόλις ἐστί, καὶ ὅτι

Может ли рассматриваемое обозначение непосредственно восходить к микенской эпохе, неясно[33], но предложенное в статье решение позволяет предполагать, что перечисленные композиты, которые с момента дешифровки линейного письма B сопоставляют и по внешней (звуковой), и по внутренней форме, обладали изначально единой лексической семантикой. На этом фоне допущение, что микенские и дельфийские исторические реалии могут рассматриваться не только как связанные между собой, но и в качестве отражающих традиционное обозначение домовладельцев, стоявших во главе самостоятельных хозяйств, не выглядит невозможным.

Как можно было заметить, типологические параллели, которые удалось привести, относятся по преимуществу к периоду Средних веков. Ожидалась бы возможность в качестве более надежных параллелей для микенского устройства налогообложения привести системы, принятые на Древнем Востоке, где, насколько можно судить, подати взымались с земли, а не с хозяйства как такового (См. Якобсон 1999: 59)[34]. Для микенского землепользования и налогообложения также была особенно важна площадь земельного участка (размер которого исчислялся в количестве зерна, необходимого для посева). Тем не менее, нельзя не отметить и такие указания в текстах хозяйственных таблиц как обозначение ра-го + Dat. со значением ‘у такого-то, в хозяйстве такого-то’. Так же обозначается возможность арендовать у кого-то землю, причем

ὁ ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον, καὶ ὁ ἄπολις διὰ φύσιν καὶ οὐ διὰ τύχην ἤτοι φαῦλός ἐστιν, ἢ κρείττων ἢ ἄνθρωπος· ὥσπερ καὶ ὁ ὑφ’ Ὁμήρου λοιδορηθεὶς “ἀφρήτωρ ἀθέμιστος ἀνέστιος”.

У Плутарха Quaest. Conv. II 10, 643 d есть пассаж со сходными именованиями (древние именования тех, кто делят общий стол, кров и проч.), там также ὁμέστιος, которое встречается уже у Эмпедокла» (Прим. А. Л. Верлинского).

[33] Само основание дельфийского оракула восходит к этому периоду, о чем говорит как археология, так и упоминание в гимне Аполлону пифийскому (h. Hom. Apol. Pyth. 292) моряков, которые плыли из Кносса в Пилос и были перенаправлены Аполлоном к берегу в районе будущей Крисы, сохраняющей свое имя до наших дней.

[34] Я благодарю Владимира Владимировича Емельянова за возможность учесть эту редкую работу.

землевладельцем в ряде текстов выступает народ (община?). Этот народ (da-mo /dāmos/) обладает правом голоса и в суде способен оспаривать статус земельного участка. Я бы не исключил возможности интерпретировать микенский da-mo /dāmos/ ‘народ’ как совокупность самостоятельных хозяев, каждый из которых в своем доме был главой, который хранил очаг и возжигал огонь[35].

Мое предположение сводится к тому, что микенское обозначение семьи и хозяйства как очага pu-ka-wo /pūr-kawoi/ находит прямое продолжение в дельфийском (само)обозначении гражданского коллектива как πυρίκαοι. Само обозначение было заменено ок. IV в. до н. э. более современными и более научными терминами, однако упоминания об этой реформе сохранялись еще несколько столетий.

Литература

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томского университета, 2002.

Блинова О. И. Русская мотивология. 2 изд. Томск: Изд-во Томского университета, 2004.

Блинова О. И. Явление мотивации слова. 3 изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I–II. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

[35] Не исключено, что намек на этот обычай сохранился в тексте Одиссеи: так Одиссей определяет жилье Киклопа по дыму и блеянию коз и овец — καπνόν τ› αὐτῶν τε φθογγὴν ὀΐων τε καὶ αἰγῶν. (*Od.* 9. 167). Так же в десятой песни дым как показатель жилища упоминается применительно к лестригонам (*Od.* 10. 99) и к дому Кирки (*Od.* 10. 152; 196). Особенно показателен контекст *Od.* 1. 56–58 — речь Афины, о которой напомнила мне Ванда Пятровна Казанскене, которая также передает сердечные поздравления юбиляру. Афина убеждает Зевса вернуть Одиссея к его родному очагу, указывая, что Калипсо удерживает его на своем острове, надеясь нежными словами заставить его забыть об Итаке, но сам Одиссей мечтает увидеть хоть дым, восходящий от своей земли. Это место дало широко распространенное в европейской культуре представление о дыме отечества, см.: Корешков, Зельченко 2010. Это καπνὸν ἀποθρῴσκοντα νοῆσαι / ἦς γαίης обычно понимают как дым отечества. В контексте предыдущих рассуждений можно поставить вопрос, не подразумевается ли здесь желание Одиссея увидеть свой дом и свои земли, то есть не подразумевается ли дом и очаг как центр хозяйственной жизни.

Дандамаев М. А. (отв. ред.). Подати и повинности на Древнем Востоке. СПб., 1999. С. 54–63.

Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965.

Дьяконов М. А. Дым // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XI (1893). С. 302—303).

Зайцев А. И. 1977 Оксиринхский папирус 2245 и трилогия Эсхила о Прометее // Язык и литература античного мира (к 2500-летию Эсхила): Межвузовский сборник / Отв. ред. Ю. В. Откупщиков (Philologia classica. Вып. 1). Л. 1977. С. 45–50. (= Избранные статьи / Под ред. Н. А. Алмазовой и Л. Я. Жмудя. Серия «Из наследия А. И. Зайцева». Т. 2. СПб., 2003).

Зелинский Ф. Ф. Эсхил // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81 (1904) С. 130-135.

Зинкявичус З. Польско-ятвяжский словарик? // Балто-славянские исследования 1983. М. Наука, 1984. С. 3–29.

Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.: Наука, 1986.

Казанский Н. Н. Пафосские глоссы в словаре Гесихия // Язык и стиль памятников античной литературы: Межвузовский сборник / Отв. ред. Ю. В. Откупщиков (Philologia classica. Вып. 3). Л., 1987. С. 72–76.

Корешков К. С., Зельченко В. В. «Дым отечества» от Гомера до Грибоедова // Русская судьба крылатых слов / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб. С. 461–502.

Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, СПб., 1890.

Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности / под ред. Е. В. Никитюк и Э. Д. Фролова. СПб.: Алетейя, 1997.

Якобсон В. А. Подати и повинности в Новоассирийской державе // М. А. Дандамаев (отв. ред.). Подати и повинности на Древнем Востоке. СПб., 1999. С. 54–63.

Яновский А. Е. Дым // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XI (1893). С. 304 сл.

Aura Jorro Fr. Diccionario Micénico. Vol. I–II. Madrid: Consejo superior de investigaciones cientificas, 1985–1993.

Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. Etymological dictionary of Greek. I−II / With the assistance of L. van Beek. Leiden; Boston, 2010 (= Leiden Indo-European Dictionary Series 10).

Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1955.

Docs. – Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd edition

by John Chadwick. Cambridge: At the University Press, 1956.
Docs^2 – Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd edition by John Chadwick. Cambridge: At the University Press, 1973.
Ebeling E. Lexicon Homericum. Lipsiae: In aedibus Teubneri, 1885.
Etymologicum Magnum. Kallierges
Fragmenta tragicorum Graecorum recensuit A. Nauck. Ed. secunda. Lipsiae, 1899. P. 223 sq., fr. 392-405.
Ebeling E. Lexicon Homericum. Lipsiae: In aedibus Teubneri, 1885.
Fragmenta tragicorum Graecorum recensuit A. Nauck. Ed. secunda. Lipsiae, 1899.
Giacomelli C. – *Peudo-Aristoteles*. de mirabilibus ausculationidus / *Edizione critica, traduzione e commento filologico a cura di Ciro Giacomelli*. Roma: Academia Nazionale dei Lincei, 2023.
Guzowski P., Sowina U. Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania. In: Denis Menjot, Mathieu Caesar, Florent Garnier and Pere Verdés Pijuan (Eds.). *The Routledge Handbook of Public Taxation in Medieval Europe*. London; New York: Routledge, 2023.
IG – *Inscriptiones Graecae*. Berolini
Killen J. *The New Documents in Mycenaean Greek*. Cambridge University Press, 2024.
Laiou A. E., Morrisson C. (2007). *The Byzantine Economy*. Cambridge University Press, 2007.
Lejeune M. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Klincksieck, 1972.
Lindgren, M. 1973. The People of Pylos: Prosopographical and Methodological Studies in the Pylos Archives. Vol. 2. The Use of Personal Designations and Their Interpretation. Uppsala. (= Boreas 3(2)).
Lobeck Chr. A. Aglaophamus, sive, *De theologiae mysticae Graecorum causis libri tres*. Regimontii Prussorum, MDCCCXXIX. [1829].
LSJ – Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S. *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
Melena, J. L. *The Pylos tablets*: Third edition / in transliteration by José L. Melena; with the collaboration of Richard J. Firth. Universidad del País Vasco. Zerbitzua: Servicio Editorial, 2021. (= Anejos de Veleia. Series Maior; 14)
Müller K. O. *Die Dorier*. Breslau: Max, 1824.
Pape-Benseler – Dr. W. Pape's *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Dritte Auflage neu bearbeitet von Dr. G. E. Benseler. Vierter Abdruck. Braunschweig, 1911.
Paton W. R., Hicks E. L. T*he inscriptions of Cos*. Oxford, 1891.
Phavorinus 1712 – Varini Phavorini Camertis Nucerini episcopi Vagnum Dictionarium, sive *Thesaurus universae Linguae Graecae*, studiosorum usui

valde perutilis, ex multis variisque Authoribus collectus, Nova hac Editione per Antonium Bartoli Typographum Venetum diligentissime castigatus, & copia Dictionum auctus; Atque Serenissimo, Celsissimo, ac Piissimo Principi ac Domino Totius Wallachiae d.d. Joanni Constantino Basarambae woevondae Brancovano Dicatus, Anno M.DCCXII.

PTT I – Bennett, E. L., Jr. and Olivier, J.-P. (eds.) *The Pylos Tablets transcribed*. Part I: Texts and Notes. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1973 (Incunabula Graeca 51)

Schröder St. – Plutarchs Schrift *De Pythiae oraculis*. Text, Einleitung und Commentar von St. Schröder. Stuttgart: B. G. Teubner, 1990.

Simonović Z. Taxes and the tax system in agriculture of the Byzantine empire from the III to the IX century // ЕКОНОМИКА. 2024. Vol. 70, № 1 January-March. P. 53–63.

Stern M. *Taxes and Authority in the Late Antique Countryside. The Reach of the State and the Pagarchs of Byzantine Egypt* (*284–642 CE*). Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2025.

Ventris M., Chadwick J. *Documents in Mycenaean Greek*. 2-nd edition by John Chadwick. Cambridge: At the University Press, 1956.

Verhasselt G. *De mirabilibus auscultationibus* 139–151: Theophrastus' *On Animals That Bite and Sting* and Aristotle's *Nomima barbarica.* In: Zuckere A., Mayhew R., Hellmann O. The Aristotelian *Mirabilia* and early presocratic natural science. London; New York: Routledge, 2024. P. 222–264.

Weilhartner J. Working for a feast: textual evidence for state-organized work feasts in Mycenaean Greece // AJA. 2017. Vol. 121. P. 219–236.

М. Л. Кисилиер

«Жертвоприношение Авраама» у греков Приазовья

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию письменной и устной традиций на материале песни «Жертвоприношение Авраама», созданной в конце XIX века приазовским греческим поэтом Демьяном Бгадицей по мотивам одноименной критской драмы Винченцо Корнароса (XVII в.). Автор анализирует парадоксальную ситуацию, при которой заведомо литературный, авторский текст, переложенный на локальный диалект, переходит в сферу устного бытования и начинает функционировать по законам фольклора. На основе сопоставления нескольких разновременных устных версий (включая записи начала XXI в.) с наиболее полным вариантом, зафиксированным Э. В. Хаджиновым, демонстрируется, как письменный прототип варьируется, редуцируется и адаптируется устной традицией. Публикуется лингвистически выверенный текст «полной» версии с переводом, комментариями и анализом основных типов разночтений, что позволяет проследить механизмы превращения литературного произведения в фольклорный текст в условиях диалектного двуязычия.

Ключевые слова: устная традиция, письменная традиция, фольклор, греки Приазовья, румейский диалект, «Жертвоприношение Авраама», Демьян Бгадица, критская литература, вариативность, текстология.

1. Об устном и письменном

Среди широкого спектра научных интересов Юрия Александровича Клейнера особое место занимает устная традиция. Хорошо известно, что юбиляр во многом является последователем идей Альберта Бейтса Лорда, и именно благодаря его усилиям (совместно с Г. А. Левинтоном) знаменитая монография Лорда «The singer of tales» стала доступна русскоязычному читателю под названием «Сказитель» (Лорд 1994). Интерес Ю. А. Клейнера к проблемам сказительства, устной традиции и поэтического языка был всегда настолько ярким и обаятельным, что было невозможно ему не под-

даться. Апогеем нашего сотрудничества стал сборник статей «Поэтика традиции» (Васильков, Кисилиер 2010). Хотя Ю. А. Клейнер не указан в качестве редактора, этот сборник никогда бы не появился без его участия, и в нем нашла свое отражение научная концепция юбиляра.

В своем «Предисловии» к этому сборнику, помимо других тем, Ю. А. Клейнер затрагивает проблему «литературности» и «устности» как двух разных принципов мышления, различающих носителей письменной и бесписьменной культуры. Эта тема многократно обсуждалась с разных позиций (ср., напр., Ong 2007), однако в настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть один из примеров, когда письменность и устность не противопоставлены, а наоборот, скорее, дополняют друг друга. Как бы это ни показалось парадоксальным, подобные ситуации не так уж и редки, особенно в тех культурах, где и устная, и письменная традиции имеют длительную историю — как, например, у греков. Греческая культура демонстрирует, по крайней мере, два типа взаимодействия устного и письменного. **Первый тип** представляет собой запись и литературную обработку эпических/фольклорных текстов, изначально имевших устное хождение. Наиболее ярким примером такого рода являются Гомеровские поэмы, записанные и литературно обработанные при тиране Писистрате (VI в. до н. э.). По-видимому, в процессе их записи и появилась идея авторства, то есть идея литературы. «Илиада» и «Одиссея» в том виде, в котором они известны современному читателю, бесспорно, являются литературными текстами. В то же время они демонстрируют множество черт, типологически восходящих к устной эпической традиции (ср. Казанский 2000). Другой пример — это знаменитая византийская «Поэма о Дигенисе Акрите», часто ошибочно именуемая эпосом. Самые ранние версии этого текста возникли не ранее XII в., и прослеживаемая рукописная традиция (ср. Jeffreys 1998: xviii–xxx) позволяет говорить о связях с устной традицией лишь на уровне сюжетов, несмотря на то, что одна из наиболее поздних версий — Эскуриальская (XVI в.) — очень похожа, по мнению некоторых исследователей, на запись устного исполнения (см., напр., Morgan 1960: 54).

Ко **второму типу** относятся случаи, когда заведомо авторский текст, часто имеющий зафиксированный литературный (то есть

письменный) вариант, начинает бытовать внутри устной традиции. Подобных примеров в греческой культуре очень много,[1] в частности, один из шедевров литературы Критского возрождения «Эротокрит» (XVII в.), написанный неким Винченцо Корнаросом под влиянием ряда средневековых французских рыцарских романов, возможно, в итальянском переводе (Кисилиер, Федченко 2011: 426). «Эротокрит» довольно быстро перешел в устную традицию и повсеместно исполнялся на Крите вплоть до Второй мировой войны (Notopoulos 1952: 228),[2] а локально — и позже.[3]

Настоящая статья связана с другим литературным памятником Критского возрождения — драмой «Жертвоприношение Авраама», также приписываемой Винченцо Корнаросу (Κριαράς 1960: 354–355; Καπλάνης 2004) и представляющей собой переложение итальянской мистерии «Исаак» Луиджи Гротто. В 1902 г. уроженец приазовского греческого села Сартана Демьян Бгадица (иначе Богадица, 1850–1906) написал песню «Жертвоприношение Авраама» на диалекте приазовских греков. Уместно предположить, что это произошло в рамках общей тенденции переложения критской драмы на местные диалекты, которая началась еще в конце XVIII в., когда в 1793 г. «Жертвоприношение…» было переведено на язык караманлийцев — тюркоязычного православного населения Каппадокии (Balta 1997–1998: 138).

О жизни Демьяна Бгадицы известно крайне мало: по разным сведениям, он какое-то время работал в Киеве (Karpozilos 1994: 158), а в 1888 г. переехал в приазовское село Македоновка, где и написал ряд песен, большинство из которых известны и сегодня. Умер Бгадица, по-видимому, от туберкулеза (Хаджинов 1998). По мотивам критской драмы, скорее всего, была написана не одна, а

[1] Впрочем, едва ли стоит считать этот тип, свойственным исключительно греческой культуре, ср. с наблюдением В. Я. Проппа (1976: 24) «…в орбиту … фольклорного обращения могут быть втянуты и литературные произведения».

[2] К сожалению, остается невыясненным, как этот литературный текст трансформировался при устном исполнении.

[3] По мнению Ганса Айденайера, «Стихотворения» Птохопродрома (XII в.) тоже могли иметь устное хождение в течение двух столетий, поскольку наиболее ранние рукописи, содержащие этот текст, относятся к XIV в. (Eideneier 1987: 101, 107).

целая серия песен, наиболее известная из которых и обсуждается ниже. Авторской версии «Жертвоприношения Авраама» не сохранилось, зато до нас дошли многочисленные варианты ее устного исполнения.

2. Краткая справка о фольклоре и литературе греков Приазовья

Для того чтобы понять, почему так произошло, необходимо дать краткую справку о греках Приазовья, их фольклоре и литературе. Греки попали в Приазовье из Крыма в конце XVIII в. По официальной версии переселение произошло по их собственной просьбе, однако, несомненно, оно стало частью «Греческого проекта» Екатерины II, потерпевшего фиаско на Балканах, но блестяще реализованного на южных территориях Российской империи. О значимости этого проекта для Российской империи свидетельствует тот факт, что с русской стороны им руководил А. В. Суворов. Последние десятилетия многие украинские историки прямо или косвенно склонны рассматривать переселение греков в Приазовье как геноцид со стороны российских властей (ср. Якубова 1999: 21–24).[4] Нельзя не признать, что переселение было непростым, а условия жизни на новом месте поначалу оказались более суровыми, чем ожидалось. По разным подсчетам по пути погибло от 2753 до 4655 человек. (Анимица, Кисилиер 2009: 27). Тем не менее, нет оснований считать переселение насильственным. Скорее всего, в нем приняли участие семьи младших детей, не имевшие шанса получить наследство в Крыму.

Собственно в Приазовье началось приобщение греков к русскому языку и культуре, знакомство с русскими песнями (Браунъ 1890: 85), что в итоге даже привело к приложению русских мелодий к греческим текстам. Поскольку диалект приазовских греков перестал быть бесписьменным только в советские годы, у местных поэтов был лишь один шанс создавать тексты на диалекте — вво-

[4] Впрочем, приводимые далее в той же работе данные по приросту населения в Мариуполе и о развитии самого города (Якубова 1999: 26–45) свидетельствуют не о геноциде, а скорее о демографическом и экономическом росте.

дить их в устную традицию в виде песен.[5]

Помимо Демьяна Бгадицы, известны имена многих поэтов, его современников, например — Леонтий Хонагбей (1853–1918), Елизавета Хараман (кон. XIX в.?), Христофор Папуш (кон. XIX в.?), Фроса Зурнаджи (кон. XIX – нач. XX в.). Пожалуй, наиболее ярким из них является Леонтий Хонагбей, как и Бгадица, уроженец Сартаны. Будучи поэтом, он сам стал героем жалобной песни, автором которой как раз был его односельчанин Демьян Бгадица. В этой песне Хонагбей предстает бедняком, которому не только не дают жениться на девушке из богатой семьи, но даже заставляют петь на ее свадьбе. По-видимому, на самом деле Хонагбей был из зажиточных крестьян и, возможно, даже имел собственную пекарню. Так или иначе, сам Леонтий Хонагбей с удовольствием исполнял песню про самого себя, а черновик песни нашла в его архиве в 1926 г. исследовательница местного фольклора А. К. Гаргала (1907–1939), известная под псевдонимом Кассандра Костан (Костан 1932: 62). Не исключено, что она обнаружила и часть рукописи «Жертвоприношения…». По крайней мере, она утверждала, что произведение Бгадицы значительно короче, чем критский оригинал (Чернышева 1965: 119). К сожалению, все материалы, собранные Кассандрой Костан, пропали в блокадном Ленинграде.

3. Варианты «Жертвоприношения…»

«Жертвоприношение Авраама» до недавнего времени оставалось у приазовских греков одной из самых популярных песен. Буквально каждому исследователю, попадавшему в греческие села Приазовья, удавалось ее услышать в том или ином варианте. В ходе экспедиций, организованных СПбГУ в 2001–2004 гг., удалось записать несколько вариантов песни. Ниже приведены два из них, наиболее типичные, записанные участником экспедиции Д. В. Агафоновой у двух разных исполнителей в селе Малоянисоль (см. также Агафонова 2004: 28–29, 51–52):[6]

[5] Даже после появления письменности такая модель существования литературы оставалась доминирующей вплоть начала XXI в. Есть все основания предполагать, что она существует и сегодня, однако это предположение требует проверки.

[6] Тексты публикуются в редакции автора статьи. Здесь и далее пере-

(1) Исполнитель 1, муж., 1934 г. р.:[7]

ti órima ɣo tu dranú
θélu na=tu=ksázu
érkit=mi dáuʃ ap uranú
θélu na=gnefízu
gnef avrám gnef avrám
ti ʧîmás uʃ ta tóra
ató tu stíksis tu xurbán
na=tu=pájs in dun óra
émbrus na=fénit éna fos
si na=pájs apísu
pu sma stécit [a]tó tu fos
[a]cí sma na=váls futíja
na=váls futíja, na=káps tun jó=s
n du timiskú karðía
tos en tu kó=m tu ʎú[8] *tu fos*
tos en tu kó=m t anása
pári[9] *na=pérs tu kó=m tun jo*
épar ta ká=m ta máʧa

‘«Что за сон, который я вижу,
хочу его понять.
Приходит мне голос с неба,
хочу подниматься».
«Вставай, Авраам, вставай Авраам,
что спишь до этого времени,[10]
То, что [ты] пообещал в жертву,
настало время ее принести,
Впереди покажется свет,
ты иди за ним,[11]

вод мой (*М. К.*).

[7] Строки 4–5 и 7–8 повторяются дважды.

[8] Должно быть *íʎu*.

[9] Должно быть *pará*; ср. стр. 17 и 20 в (2).

[10] Букв. до сейчас.

[11] Букв. позади.

рядом с тем местом, где[12] остановится этот свет,
там рядом разожги огонь.
Зажги огонь, сожги своего[13] сына
с чистым сердцем».
«Он мой солнечный свет,
он мое дыхание.
Вместо того, чтобы взять моего сына,
возьми мои глаза»’

(2) Исполнитель 2, жен. 1920 г. р.:[14]

γnef avrám γnef avrám
si ʧímás us ka[15] *tóra*
ató tu stíxsis tu xurbán
na=tu=pájs in dun óra
na=tu=pájs urís θiγós
na=tu=pájs tu piðí=mas
embrús na=féɲit éna fos
ce si na=pájs apísu
pu sma feɲít ató tu fos
[a]ʧí sma na=vγáls futíja
[a]ʧí sma na=fsáxs na=káps tun jó=s
n du timiskú=s karðíja
ti órima en tu dranú
irévu na=t=aksísu
érkit=mi dáuʃ ap uranú
urís=mi na=γnefísu.
pará na=pérs si tu piðí=m…
tos en tu kó=m tu piðí
tos en tu kó=m t anása
pará na=pérs si tu kó=m tun jó
épar ta ká=m ta máʧa

[12] Букв. рядом, где.
[13] Букв. твоего.
[14] Строки 11–12, 15–16 и 20–21 повторяются дважды.
[15] Должно быть *ta*.

‘«Вставай, Авраам, вставай Авраам,
ты спишь до этого времени,[16]
то, что [ты] пообещал в жертву,
настало время ее принести».
«Принести ее приказывает Бог,
принести нашего ребёнка[17]»
«Впереди покажется свет,
а ты иди за ним.[18]
Где рядом покажется этот свет,
там рядом разожги огонь,
там рядом заколи, сожги своего[19] сына
со своим[20] чистым сердцем».
«Что за сон, который вижу,
хочу его понять.
Приходит мне голос с неба,
приказывает мне подняться.
Вместо того, чтобы взять моего ребенка…
Он мой ребенок,
он мое дыхание,
вместо того, чтобы взять моего сына,
возьми мои глаза»’

Оба варианта песни очень похожи. Они совпадают метрически, а их язык, скорее всего, можно определить как субдиалект села Малоянисоль. В глаза бросаются лишь два различия:

1. Строки (1–4), с которых начинается вариант (1), в (2) оказываются не в начале (стр. 13–16). Исходя из логики повествования, вариант (2) представляется, если так можно выразиться, «более правильным».

2. Во варианте (2), в отличие от (1), дважды в разных местах с небольшими изменениями повторяется одна и та же строка, фактически являющаяся частью финала у обоих исполнителей (см. 17: *pará na=pérs si tu piðí=m* и 20: *pará na=pérs si tu kó=m tun jó*).

[16] Букв. до сейчас.
[17] Местоименный повтор дополнения.
[18] Букв. позади.
[19] Букв. твоего.
[20] Букв. твоим.

Складывается впечатление, что исполнительница просто раньше времени пропела эту строчку, поняв это, бросила ее, а потом уже вернулась к ней в положенном месте.

В целом в текстах практически нет ошибок. Замены гласных, типа *na=tu=ksázu* (стр. 2) вместо *na=tu=*[*a*]*ksízu*, *pári na=pérs* (стр. 17) вместо *pará na=pérs* в (1), *ka* (стр. 2) вместо *ta* в (2), скорее всего, вызваны индивидуальными эстетическими предпочтениями исполнителя или удобством для исполнения.

Нет ни малейшего сомнения в том, что оба исполнителя воспроизводят лишь небольшой отрывок песни, в котором ангел призывает Авраама принести в жертву Исаака, а Авраам, страдая, предлагает себя взамен сына. Т. М. Чернышева (1965: 119–120) отмечает, что в ходе экспедиций, организованных Киевским университетом в 1953–1963 гг., удалось зафиксировать несколько отрывков «Жертвоприношения».[21] Вероятно, все-таки речь идет не об отрывках, а о более-менее полном исполнении, поскольку Т. М. Чернышева пытается сопоставить песню приазовских греков с оригинальным критским текстом. Важно отметить, что во второй половине XX в. было записано несколько относительно полных версий «Жертвоприношения…», содержавших произведение целиком. Одну из них без перевода опубликовал Л. Н. Кирьяков в своем сборнике «Народне джерело» (Кір'яков 1994: 68–75). До недавнего времени эта версия оставалась наиболее выверенной и полной. Другая публикация «Жертвоприношения…» с переводом и подробным комментарием принадлежит греческому исследователю Апостолосу Карпозилосу (Karpozilos 1994: 166–185) и представляет собой контаминацию нескольких неопубликованных версий текста:

1. песня, записанная Э. В. Хаджиновым и состоящая из 106 строк;[22]
2. песня, записанная О. Петренко в с. Македоновка в 1965 г.;
3. две песни, записанные в Сартане Л. Н. Кирьяковым (возможно, одна из них опубликована в (Кір'яков 1994: 68–75));

[21] К сожалению, ни самих отрывков, ни упоминаний о них не удалось обнаружить в изданном описании архива А. А. Белецкого и Т. М. Чернышевой (Чернухін и др. 2014).

[22] Нельзя исключать, что она близка к варианту «Жертвоприношения…» из приложения к диссертации Э. В. Хаджинова (1979), публикуемой ниже в разделе 4.

4. песня, записанная О. Петренко в Сартане в 1963 г.;
5. две песни, записанные О. Петренко в с. Херсонес в 1965 г.

Очевидно, что А. Карпозилос, как и Т. М. Чернышева, стремился восстановить изначальный текст Демьяна Бгадицы на основе доступных ему версий «Жертвоприношения…», однако, забегая вперед, можно уверенно утверждать, что получить искомый результат ему не удалось Это, впрочем, не умаляет ценности публикации Карпозилоса и значимости проделанной им работы.

Один из наиболее развернутых вариантов «Жертвоприношения…» был записан замечательным собирателем и знатоком фольклора приазовских греков Э. В. Хаджиновым. Этот вариант был включен в приложение к его незаконченной диссертации (Хаджинов 1979) под № 124, а позже с минимальной правкой, ударениями и переводом был опубликована (Кисилиер 2019: 114–119). Текст был записан в 1971 г. в пос. Волонтёровка у исполнителя 1900 г. р., уроженца с. Македоновка.

Наконец, последняя версия «Жертвоприношения…» стала известна благодаря А. Г. Шамли, записавшему ее в Сартане. К сожалению, ни год записи, ни информация об исполнителе не известны. Сейчас версия А. Г. Шамли доступна в виде рукописи, отредактированной А. Янгичером (Шамли 2004).[23]

Все указанные версии не идентичны и обладают своими особенностями. Тем не менее, нет сомнений, что все они восходят к одному прототипическому тексту. Условно «Жертвоприношение…» можно поделить на пять эпизодов:[24]

1. **Пролог (стр. 1–48).**[25] К Аврааму и Сарре приходят три ангела, разделяют с ними трапезу и обещают, что Сарра родит ребенка. Авраам обещает принести своего первенца в жертву Богу.
2. **Голос с неба (стр. 48–80).** Авраам и Сарра позабыли о клятве. Авраама будит Голос с неба и напоминает о данном обещании. Переживания Авраама.

[23] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить замечательного исследователя греков Приазовья О. Рыбалко, поделившегося со мной рукописью.

[24] Предлагаемые ниже названия эпизодов условны.

[25] Здесь и далее нумерация строк приводится в соответствии с текстом, публикуемым в разделе 4.

3. **Сарра и Авраам (стр. 81–156).** Сарра просыпается из-за переживаний Авраама, и он ей все рассказывает. Скорбь Сарры и ее слова о том, что сын Исаак — часть ее самой. Она просит Бога сохранить ребенка, а забрать ее вместо Исаака. Авраам говорит, что это невозможно, а голос с неба торопит его. Авраам приказывает Сарре разбудить Исаака, а она любуется спящим сыном и стенает. В итоге, Голос с неба грозит Божьим проклятием в случае промедления.

4. **Авраам и Исаак (стр. 157–172).** Авраам будит Исаака.[26] Исаак недоумевает, почему его будит отец, а не мать, зачем его поднимают так рано и отчего мать так печальна. Авраам говорит, что им надо пойти принести жертву.

5. **Эпилог (стр. 173–208).** Условное время действия перемещается на вечер.[27] Авраам и Исаак отправляются приносить жертву. Они вместе собирают хворост для костра. Исаак спрашивает у отца, где жертва, и Авраам ему все рассказывает. Исаак безропотно принимает услышанное. Авраам готовится зарезать сына, но с небес спускается ангел, останавливает его и вручает ягненка для жертвоприношения.

Наиболее последовательно и подробно сюжет «Жертвоприношения…» разворачивается в (Хаджинов 1979). Таблица 1 позволяет увидеть, насколько версии соответствуют друг другу в сюжетном плане.

Табл. 1. Сюжет «Жертвоприношения…» в разных версиях

Эпизод	Версия
1. Пролог	Нет в (Шамли 2004), за исключением стр. 29–32, которые помещены в самый конец этой версии, и у исполнителей 1 и 2 в примерах (1) и (2).

[26] Примечательно, что Авраам будит Исаака теми же словами, какими его самого будит Голос с неба. По-видимому, это можно рассматривать как тему в фольклорном понимании.

[27] Подобный переход хорошо объясним. Если утро — это время покоя и безмятежности, то вечер — время творения. В этой логике именно вечером должны происходить ключевые события.

2. Голос с неба	У исполнителя 1 в примере (1) текст начинается с переживаний Авраама, потом к нему обращается голос с неба. У исполнителя 2 в примере (2), напротив, сначала —обращение с неба, потом переживания Авраама.
3. Сарра и Авраам	В (Кір'яков 1994) наблюдаются незначительные перестановки и добавление строф, а в (Шамли 2004) добавлено несколько строф. У исполнителей 1 и 2 в примерах (1) и (2) кратко пересказывается эпизод, причем переживания Сарры приписаны Аврааму.
4. Авраам и Исаак	Нет у исполнителей 1 и 2 в примерах (1) и (2).
5. Эпилог	Нет в (Шамли 2004) и у исполнителей 1 и 2 в примерах (1) и (2).

Очевидно, что «краткие» версии, представленные в примерах (1) и (2), сосредоточены на двух наиболее драматичных моментах всей истории: на словах ангела, который будит Авраама, чтобы повелеть ему убить сына, и на стремлении родителя пожертвовать собой ради своего ребенка. По сути, перед нами уже самостоятельные произведения, которые можно отнести к популярному жанру «жалобной» песни. Для нее полная история Авраама, Исаака и Сарры неважна. Более того, исполнители конца XX – начала XXI вв., скорее всего, уже не знают полных вариантов песни.[28] Они часто поют не по памяти, а заглядывая в собственные рукописные сборники. Они хотят спеть собирателю как можно больше разных песен, и часто надо успеть закончить интервью до вечерних новостей или любимого сериала.

4. Текст

«Полные» версии «Жертвоприношения…» сегодня доступны исследователю лишь в письменном виде, так или иначе отредактированные собирателями, будь то знатоки местной традиции

[28] Уместно предположить, что упомянутые «полные» варианты «Жертвоприношения…» были записаны в 1960е – 1970е гг., то есть, у исполнителей из поколения их родителей — людей иной, еще устной культуры.

Э. В. Хаджинов и А. Г. Шамли, или один из лучших местных поэтов и переводчиков Л. Н. Кирьяков,[29] или филолог-эллинист А. Карпозилос. Таким образом, ни один из доступных текстов нельзя считать собственно записью устного исполнения. Например, появление в некоторых версиях имени *Авраам* вместо *Аврам* может быть результатом редактуры, а не отражать фонетические особенности певца.[30]

А. Карпозилос опубликовал свою версию в латинской транслитерации, частично отражающей фонетические особенности, но без ударений. Остальные версии записаны кириллическим алфавитом, разработанным А. А. Белецким. Полностью этот алфавит приводится, например, в (Кисилиер 2009: 15). Поскольку он интуитивно понятен носителям русского языка, здесь имеет смысл лишь указать, что *дъ* обозначает /ð/, *тъ* — /θ/. У приазовских греков нет сформировавшейся орфографической нормы. Так, наблюдается вариативность *е* и э (*дъ**е**ндро* ‘дерево’ vs. *дъ**э**ндро*) и *и* и *ы* (тъисия *‘жертва’* vs. *тъ**ы**сия*). Выбор варианта, скорее всего, никак не отражает фонетические особенности, а обусловлен личными предпочтениями пишущего. Например, Э. В. *Хаджинов*, очевидно, предпочитает е и и, а Л. Н. Кирьяков — с э и ы. Впрочем, и у них самих наблюдается вариативность. Подобные варианты не отражены в издаваемом ниже тексте. Другая особенность — регулярное отсутствие словораздела с *клитиками*: глоса**м** *‘язык мой’* (Шамли 2004) vs. глоса-**м** (Кір’яков 1994: 73). При публикации текстов были расставлены ударения и унифицирован словораздел: отрицания, модальные частицы и местоименные клитики записывались через дефис, ср.: **ти-**пе́расин *‘не прошло’ (стр. 14),* **тъа-**э́шит *‘будете иметь’ (стр. 36),* ка́лысйн-**ц** ‘[*Авраам*] *пригласил их’ (стр. 15). Использование дефиса также позволило различать такие омографы, как* ти *‘и’ и* ти — отрицание или ты *‘что’ и* ты *‘им’. Некоторые омографы последовательно разграничивались*

[29] Помимо поэтических сборников на диалекте приазовских греков (Кир’яков 1988; 1993; Кирьяков 1993) и изданий фольклорных текстов под своей редакцией (Кирьяковс 1989; 1991; Кір’яков 1993; 1994; 2007), Л. Н. Кирьякову принадлежат переводы многих литературных произведений на диалект приазовских греков, в частности Т. Г. Шевченко (1994) и «Слова о полку Игореве» (Кір’яков 1989).

[30] Показательно, что имя Сарры во всех версиях — *Сара*.

при помощи ударения: ти ‘и’ vs. *ти́* ‘там’ или *ты* ‘что’ vs. *ты́* ‘они’.

Стоит также отметить, что в отличие от публикации А. Карпозилоса, в остальных версиях раздел на строки проходит по цезуре, поскольку там тоже есть рифма. Этот принцип сохранен и в настоящей публикации.

Все упомянутые «полные» версии содержат неточности, ошибки и темные места, по-видимому, плохо понятные их редакторам и издателям. Очевидно, что издание текста «Жертвоприношения…», ориентированное на сопоставление разных версий, позволяет прояснить многие неточности и устранить явные ошибки. В основе публикуемого ниже текста лежит вариант «Жертвоприношения…», записанный Э. В. Хаджиновым, как наиболее последовательный и полный. Текст был выверен, в т. ч. и лингвистически, путем сравнения с другими версиями. Разночтения приводятся в сносках, и при указании разночтений сохраняется орфография оригинала. В отличие от публикации А. Карпозилоса (Karpozilos 1994: 166–185) здесь не ставится задача воссоздать оригинальное произведение Демьяна Бгадицы или как-то приблизиться к нему. Целью проделанной работы является подготовка более или менее понятного и лингвистически выверенного текста, демонстрирующего, в т. ч. благодаря примечаниям, свою вариативность и пути существования внутри устной традиции.

Тъися́я ту Авраа́м

Э́на тиро́ пас ту́ мисме́р,[31]
Пас мисмири́ т зиста́дъа
Ка́тъандан[32] *п ка́ту сту*[33] *дъе́ндро*[34]
Ай-Авра́мс ти[35] *Са́ра.*
Ты́ здыха́нан, от е́расан

[31] *Пас ту мисмер эна тиро* ‘в полдень однажды’ (Кір’яков 1994: 68).
[32] катъа́нданы (Хаджинов 1979).
[33] п ка́ту (Хаджинов 1979), *pkas tu* (Karpozilos 1994: 166 (стр. 2)).
[34] *ðindro* (Karpozilos 1994: 166 (стр. 2)).
[35] *Авраамс ки* (Кір’яков 1994: 68).

Пес ту пула́ н плуши́я,[36]
Ки[37] *лы́мбизмэн, от пе́расан*
Сн[38] *дуня́ лы́гус пидъы́я.*[39]
И́ксин та ло́я-тын Тъиго́с.[40]
Пас мисмири́ т зиста́дъа,
Аны́йн тот н[41] *о́ра урано́с,*
Кате́йн[42] *ка́ту*[43] *трия́дъа.*
Пула́ тиро́[44] *ти-пе́расин,*
Драна́ Авра́мс[45] *пэс стра́та*
Трис а́рхундадъс[46] *ти ка́лыси́н-ц*
Пес ту ко́-т пала́та.[47]
Авра́мс:
«Пас ту мисме́р, нда ту́ту т зест
Пу, — ле-ты, — на-паэ́ныт?
Э́ху ныро́, ила́т, плы́тъет,
Ки ка́тъумас, здыше́нум.
ма́зум ти тро́гум ту мисме́р,
Ти пе́фтит ка́на о́ра.

[36] *blušia* (Karpozilos 1994: 166 (стр. 3)). Вероятно, вариант Карпозилоса фонетически более точен, передавая озвончение после носового /**n b**luˈʃija/.

[37] Сочетание союза с предлогом пропущено в (Karpozilos 1994: 166 (стр. 4)).

[38] *n* (Karpozilos 1994: 166 (стр. 4)) — то есть артикль в винит. п. без предлога.

[39] *педъыя* (Кір'яков 1994: 68).

[40] *θios* (Karpozilos 1994: 166 (стр. 5)), *тъэос* (Кір'яков 1994: 68).

[41] *анын то тн* (Кір'яков 1994: 68). Очевидно, что *тн* — это артикль в винит. п., но при таком членении непонятно значение *то*.

[42] *катэн* (Кір'яков 1994: 68).

[43] *ка́то* (Хаджинов 1979).

[44] *тирос* (Кір'яков 1994: 69).

[45] *Авраамс* (Кір'яков 1994: 69).

[46] *архундас* (Кір'яков 1994: 69), *arxundas* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 8)).

[47] *на урисны сн палата-т* 'чтобы пригласить в свой дом' (Кір'яков 1994: 69), *pes tuko-t n' balata* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 8)).

Сте́ра гныфу́-сас[48] *ту врадъме́р*
Паэ́ныт ан д аво́ра».[49]
Э́бан апе́су[50] *а́рхундадъ,*
Калме́рсан, плы́тъан, ка́цан.[51]
Авра́мс[52] *эфса́ксин ту мскар,*[53]
На-ц-силя́йсны тма́стан.
Суре́фтан ло́рья[54] *сту трапе́з*[55]
Ти[56] *та фаи́я*[57] *фла́гны.*
Авра́мс[58] *н плуши́я-т пья́кин*[59] *ле-ц*[60]
От т-еш тайфа́ на-фа́гны.
Э́нас ах трия́дъа:
«Х ту ты сис и́сас тушнымен?
Ты хасиве́т сис э́шит?
Стун Тъео́[61] *о́ла эн ме́лем,*[62]

[48] *skuθusas* ‘подниму вас’ (Karpozilos 1994: 167 (стр. 12)).

[49] Стр. 21–24 отсутствуют в (Кір’яков 1994: 69).

[50] э́баны пе́су (Хаджинов 1979)., *eban pesu* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 13)).

[51] *kac pan* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 13)). Вероятно, имеется в виду досл. ‘[они] сели сверху’, однако у обоих компонентов словосочетания отсутствуют окончания. Это допустимо для наречия, но крайне странно для глагола, который в румейском в целом сохраняет свои флексии (Кузнецова 2009: 236).

[52] *Авраамс* (Кір’яков 1994: 69).

[53] *мскар-т* ‘своего теленка’ (Кір’яков 1994: 69), *mskar-t* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 14)).

[54] *смасту* ‘возле’ (Шамли 2004).

[55] Стр. 29–32 есть в (Шамли 2004), однако расположены они в конце вместо эпилога.

[56] *ки* (Кір’яков 1994: 69; Шамли 2004).

[57] *тафаня* (Шамли 2004).

[58] *Авраамс* (Кір’яков 1994: 69).

[59] *пширсин* ‘начал’ (Кір’яков 1994: 69).

[60] *Аврамс пякин плушият лех* ‘Авраам начал [о] своем богатстве говорить’ (Шамли 2004).

[61] *θiu* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 18)).

[62] *malem* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 18)). В урумском, из которого была заимствована лексема, также есть оба варианта — *málim* или *mélʎeut* (Гаркавець 2000: 289, 292). В (Кір’яков 1994: 69) строка выглядит

Ти те́кна сис тъа-э́шит[63]*».*

Авра́мс:
«Ту хасиве́т-мас эн ато́,
От т-е́хум мис пидъи́я[64]*.*
Ту про́ту-мас ту инито́.
Ас эн Тъеу́ т[65] *тъиси́я!».*

Ах трис ты́н то́ты ис тын-ле-ц̧.[66]
«Пас та ине́я ми́ныс
Ине́ка-с Сара тъа-ины́с
Пидъи́ ста еруси́ня-ц̧[67]*».*

Сара ти-тъе́лысин на-пстепс[68]
Пас та[69] *иныны́нда хро́ня*
От еш чара́[70] *на-даяне́пс*
Варе́я пидъипо́ня[71]*…».*

Ки пе́расин пула́ тиро́[72]*.*
Пас[73] *мисмири́ т зистадъа́*

иначе: *ах тун тъэо та ола эн* ‘от Бога все’.

[63] *eščit* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 18)). В (Кір’яков 1994: 69) строка выглядит иначе: *На пет-ту сис ты тешит* ‘скажите [то,] чего у вас нет’.

[64] *педъыя* (Кір’яков 1994: 69).

[65] *Хаил на эн* ‘согласен, что будет [жертвой]’ (Кір’яков 1994: 69), *as en θiu t’* (Karpozilos 1994: 167 (стр. 20)).

[66] *Атоты лэ ах трис-тын ис* ‘тогда говорит из них троих один’ (Кір’яков 1994: 69).

[67] *ерусиныс* ‘[в] твоей старости’ (Кір’яков 1994: 69), *yerusinis* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 22)).

[68] *Ма тьтъэл ич Сара на ту пстэпс* ‘но не хочет совсем Сара ему поверить’ (Кір’яков 1994: 69).

[69] В (Кір’яков 1994: 69) нет артикля *ту*.

[70] от т-еш чара́ ‘*что невозможно*’ (Хаджинов 1979), от теш чара (Кір’яков 1994: 69).

[71] *Педъы варея поня* ‘[из-за] ребенка тяжелые боли’ (Кір’яков 1994: 69).

[72] Пе́расан пула́ хро́ня ‘прошли многие годы’ (Хаджинов 1979), *perasan pula xronja* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 25)).

[73] *ti pas* ‘и в’ (Karpozilos 1994: 168 (стр. 25)).

Ка́тъандан пкас[74] *ту дъе́ндро*[75]
Ай-Авра́мс ти[76] *Са́ра.*

Змо́нсан ту ло́гу, тун Тъео́[77]
Хурба́н от э́хны[78] *на-па́гны*
Ту про́ту-тын ту инито́,
Хапа́рья-па[79] *дъен-фла́гны.*

Даýш ап ураný:
«Гнэ́фа,[80] *Авра́м,*[81] *гнэ́фа,*[82] *Авра́м,*[83]
Ты[84] *тьма́си ус*[85] *та*[86] *то́ра!*
Ато́ ту сти́шсис[87] *ту хурба́н,*
На-ту-пайс ин дун[88] *о́ра.*

[74] *пал пкас* ‘снова под’ (Кір’яков 1994: 69).

[75] *ðindro* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 26)).

[76] *Ай-Авраамс ки* (Кір’яков 1994: 69).

[77] *θio* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 27)). В (Кір’яков 1994: 70) эта строка выглядит по-другому: *Т тъысия змонсан стун тъэо* ‘[они] жертву позабыли Богу’

[78] *Хурбан аты* ‘жертву они’ (Кір’яков 1994: 70).

[79] *Ки ич хапар* ‘и совсем новость’ (Кір’яков 1994: 70), *ki xabarja ра* ‘и новости’ (Karpozilos 1994: 168 (стр. 28)).

[80] *γnef* (исполнители 1 и 2 в примерах (1), стр. 5 и (2), стр. 1).

[81] *Авраам* (Кір’яков 1994: 70; Шамли 2004).

[82] *γnef* (исполнители 1 и 2 в примерах (1), стр. 5 и (2), стр. 1).

[83] *Авраам* (Кір’яков 1994: 70; Шамли 2004).

[84] *si* ‘ты’ (исполнитель 2 в примере (2)). Очевидно, что исполнитель поменял текст для удобства исполнения.

[85] *ос* (Кір’яков 1994: 70), *уш* (Шамли 2004) и *uʃ* (исполнитель 1 в примере (1), стр. 6).

[86] *Ка* (Шамли 2004) и *ka* (исполнитель 2 в примере (2), стр. 2).

[87] *стыхсис* (Кір’яков 1994: 70), *stíxsis* (исполнитель 2 в примере (2), стр. 3), *стыксис* (Шамли 2004), *stíksis* (исполнитель 1 в примере (1), стр. 7).

[88] Винит. п. вместо ожидаемого именит. п., вероятно, из-за временно́го значения, близкого к т. н. *Accusativus temporis*. Другую трактовку предлагает Апостолос Карпозилос, понимая ин дун как *ítun* ‘[он] был’ (Karpozilos 1994: 180). С этим привлекательным предположением трудно согласиться, так как трудно объяснить, почему глагол ‘быть’ оказывается в прошедшем времени.

На-си[89]*-ту-пу тун ё-с на-фсакс*[90]
Го и́ми пилиме́нус,
На-валс футы́я на-тун-капс[91]
Пу и́тун стишиме́нус.
А́ма джуна́й, ури́з Тъео́с[92]
На-парс ти ту пидъы́-су.[93]
На-фе́ныт э́мбру-с э́на фос
Си́ на-паэ́нс[94] *апи́су.*
Пу сма на-сти́кит то́ты[95] *фос*
Ти́[96] *сма на-валс*[97] *фути́я*
Ти сма на-фсакс, на-капс тун ё-с
Н ду тыми́зкус н[98] *кардъы́я».*

Авра́мс:
«Вай,[99] *ти́*[100] *о́рима эн ту-драну́*[101]*?*
Тъе́лу[102] *на-ту-акси́су.*[103]

---

[89] *се* (Кір'яков 1994: 70). Возможно, у Л. Н. Кирьякова проявляется влияние новогреческого.

[90] *на всакс тун йо-с* (Шамли 2004).

[91] *ка* (Хаджинов 1979); *na=káps tun jó=s* 'сожги своего сына' (исполнители 1 и 2 в примерах (1), стр. 12 и (2), стр. 11).

[92] *θios* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 33)). В (Шамли 2004) нет строк 65–76.

[93] *ки ту педъы-су* (Кір'яков 1994: 70).

[94] *na=pájs* (исполнители 1 и 2 в примерах (1), стр. 10 и (2), стр. 8).

[95] *то ту* 'этот [свет]' (Кір'яков 1994: 70), *'to tu* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 35)).

[96] Очевидно, здесь и в (Кір'яков 1994: 70; Karpozilos 1994: 168 (стр. 35)) имеется в виду наречие *ати́* 'там' с аферезой *а*, вызванной метрическими соображениями.

[97] *sma vals* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 35)). Пропуск модальной частицы *па* кажется странным с точки зрения как грамматики, так и метрики. Не исключено, что у Карпозилоса опечатка.

[98] *к* (Кір'яков 1994: 70). Скорее всего, это опечатка.

[99] В (Шамли 2004) нет *Вай*, как и у исполнителя 1 в примере (1), стр. 1.

[100] Местоимение отсутствует в (Кір'яков 1994: 70).

[101] *дарну* (Шамли 2004).

[102] *Э тъе му* 'Э, Господь мой' (Шамли 2004). Не исключено, впрочем, что это ошибка записи.

[103] Так в (Кір'яков 1994: 70) — *аксису*, в (Karpozilos 1994: 168

И́ртын[104] *дау́ш ап ураны́,*
Уриз[105]*-ми*[106] *на-гнэфи́су.*[107]
Та ло́я-т эн кака́, пикра́[108]
Ко́ма э́ркны ста фты́я-м,
Пула́ пикра ки фувира́[109]
Фарма́кусан[110] *н*[111] *кардъы́я-м!».*

Са́ра:

«Э,[112] *си́, Авра́м,*[113] *ти́ эн ту-лес*[114]*?*
Мсоны́хта по́с дъен[115]*-тьма́си?*
Ми́я здъы́шенс[116] *ки ми́я клес.*[117]
Ты́ эн ту си[118]*-пира́зи*[119]*?».*

Авра́мс:

(стр. 37)) — *aksisu*, ср. у исполнителя 2 в примере (2), стр. 14; аксизу *‘понимать’* (Хаджинов 1979), *иксизу* (Шамли 2004), *ksázu* (исполнитель 1 в примере (1), стр. 2).

[104] *эркит* ‘приходит’ (Шамли 2004), *érkit=mi* ‘приходит мне’ (исполнители 1 и 2 в примерах (1), стр. 3 и (2), стр. 14).

[105] *Ориз* (Кір’яков 1994: 70).

[106] *ме* (Кір’яков 1994: 70).

[107] гныфи́су (Хаджинов 1979), *ynifisu* (Karpozilos 1994: 168 (стр. 38)), *gnefízu* ‘подниматься’ (исполнитель 1 в примере (1), стр. 4).

[108] *pirka* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 40)), *fuvira* ‘ужасные’ (Karpozilos 1994: 169 (сн. 33)). Другой вариант строки: *Ама та лоя фаныра* ‘но слова явные’ (Шамли 2004), *Ama ta lojat fanyra* ‘но слова его явные’ (Karpozilos 1994: 169 (сн. 33)). В (Шамли 2004) стр. 77–80 стоят после стр. 64.

[109] *фанера* ‘явные’ (Шамли 2004).

[110] Фарма́косан (Хаджинов 1979), *Фармакусын* ‘[он] отравил’ (Шамли 2004).

[111] Артикля нет в (Хаджинов 1979), *тн* (Шамли 2004).

[112] Нет в (Шамли 2004).

[113] *Авраам* (Кір’яков 1994: 70; Шамли 2004).

[114] *лэйс* (Кір’яков 1994: 70).

[115] *ти* (Кір’яков 1994: 70; Karpozilos 1994: 169 (стр. 41); Шамли 2004).

[116] *сдышенс* (Шамли 2004).

[117] *клэйс* (Кір’яков 1994: 70).

[118] *си-ту* (Хаджинов 1979), *се ту* (Кір’яков 1994: 70), *si tu* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 42)).

[119] *перази* (Кір’яков 1994: 70; Шамли 2004).

«Э́дъуса ло́гу тун Тъео́[120]
Пер на-э́хум[121] *пидъи́я,*[122]
Ту про́ту-мас ту инито́
На-эн афто́[123] *тъиси́я*[124].
Йртин даўш ап ураны́,[125]
Ури́з-ми[126] *на-трума́зу,*[127]
Ма дъен-на-па́ру го т арны́,[128]
Ма[129] *пы́ю го на-сфа́ксу*[130]*».*

Са́ра:

«Пу на-эвру́ ло́я го на-пу[131]
Ти[132] *дъа́кру*[133] *го на-кла́псу*
Харшу́ ста ты́ту тун каймы́[134]

[120] *θio* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 43)), тъийо́ (Шамли 2004). В (Кір'яков 1994: 71) строка выглядит иначе: *Мис логум дъокам тун тъэо* 'мы дали мое слово Богу'.

[121] *Ан тъа эхум* 'если [у нас] будут [дети]' (Кір'яков 1994: 71), *Про н' эхум мис* (Шамли 2004).

[122] *педъыя* (Кір'яков 1994: 71).

[123] *ато* (Кір'яков 1994: 71), *афтон* (Шамли 2004).

[124] *сития* (Шамли 2004).

[125] *Ап урану, эркин фоны* 'с неба пришел голос' (Кір'яков 1994: 71). В (Шамли 2004) нет стр. 89–93.

[126] *ме* (Кір'яков 1994: 71).

[127] *трумаксу* 'содрогнуться' (Кір'яков 1994: 71).

[128] *Тун йо-м на пару, ян т арны* 'сына моего возьму как ягненка' (Кір'яков 1994: 71), *Ма ðеп па paru afto t' arny* 'но не возьму этого ягненка' (Karpozilos 1994: 169 (стр. 46)).

[129] Скорее всего, второй раз *ма* добавлено из метрических соображений.

[130] *па sfazu* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 46)); в (Кір'яков 1994: 71) строка выглядит иначе: *На пагу на тун фсаксу* 'пойду его зарежу'.

[131] *На эвру та лоя пу пуру* 'найти слова где могу' (Кір'яков 1994: 71).

[132] *Ки* (Кір'яков 1994: 71), *Ki* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 47)).

[133] *дъакрис* 'слезы' (Шамли 2004).

[134] *Атосу мега-мас т агу* 'такую большую нашу (= для нас) отраву' (Кір'яков 1994: 71), *Туту ту мега тун каймо* 'это большое горе' (Шамли 2004).

Ты́гла[135] *на-ту*[136]*-пера́су!*[137]
Тос эн[138] *ту ко́-м ту джкар!*[139]
Тос эн[140] *та ныфри́я-м!*[141]
Т агапиме́ну-м[142] *ту пидъи́*[143]
Пра́дза-ту[144] *пках сн*[145] *кардъи́я-м.*
Тос эн ту ко́-м[146] *ту и́лю фос*[147]
Тос эн ту ко́-м т ана́са.
Пара́ тъа-пар то́на Тъео́с[148]
Ас пар та ка́-м та ма́тя![149]
Тъе-му,[150] *эн тос*[151] *ту*[152] *о́лу-мас т хара́,*
Ато́с эн ту зои́[153]*-мас!*
Паракалу́м-си, н[154] *эш чара́*

[135] *тыгала* (Кір'яков 1994: 71).
[136] Нет в (Кір'яков 1994: 71).
[137] *пирасу* (Шамли 2004).
[138] *Си иси пши-м* 'ты душа моя' (Кір'яков 1994: 73).
[139] *чкар* (Шамли 2004). В (Кір'яков 1994: 71) здесь находятся стр. 105–108, а стр. 97–100 располагаются после стр. 152.
[140] *Си иси пши-м* 'ты душа моя' (Кір'яков 1994: 73).
[141] *та ка-м та ныфрия* 'мои почки' (Шамли 2004).
[142] *Ту гапимену-м* (Шамли 2004).
[143] *ту палкар* 'парень, мо́лодец' (Кір'яков 1994: 73), *tu pal'kar* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 50)), *тун палкар* (Шамли 2004).
[144] *Пратзасе* '[я] носила тебя' (Кір'яков 1994: 73), *пратзатун* '[я] носила его' (Шамли 2004).
[145] *пкас н* (Кір'яков 1994: 73), *pkas* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 50)), *пкас тн* (Шамли 2004).
[146] *туко-мас* 'наш' (Кір'яков 1994: 71).
[147] *илю фос* (Кір'яков 1994: 71), *илю ту фос* (Шамли 2004), *tu ʎú tu fos* (исполнитель 1 в примере (1), стр. 15).
[148] *tona θiγos* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 52)), *тун йо* 'сына' (Шамли 2004).
[149] *Ас пар мена с ме хаси* 'пусть возьмет меня, пусть меня погубит' (Кір'яков 1994: 71).
[150] Нет в (Кір'яков 1994: 71).
[151] *Атос эн* (Кір'яков 1994: 71), нет в (Karpozilos 1994: 169 (стр. 53)).
[152] Нет в (Кір'яков 1994: 71).
[153] *zui* (Karpozilos 1994: 169 (стр. 53)).
[154] *Паракалу ан* 'Прошу, если [есть возможность]', *Parakalum an*

Харси́-мас ту пидъы́[1]*-мас!*
Тъе-му,[2] *ас пар*[3] *кардъи́я-м*[4] *ту ратлы́х,*
Ас пар о́лу-м т[5] *плуши́я,*
Ас[6] *пилы́с па́ну*[7]*-м ту хитлы́х*
Н да о́ла та зиньы́я.[8]
Т акирво́-м[9] *тн и́я ас взис*[10]
С ми-дъок ира́йдъа, по́ня,
Т са́рка-м о́лу с катэлы́с,[11]
С трави́су пула́ хро́ня.
А́нда[12] *тъа пе́су сту табу́т*[13]
Ки а́лу ть[14] *тъа гныфи́су,*[15]
Мо́ну ан ку́су[16] *ту дау́ш-т*

‘Просим, если [есть возможность]’ (Karpozilos 1994: 169 (стр. 54)).

[1] *педъы* (Кір’яков 1994: 71).

[2] Нет в (Кір’яков 1994: 71; Шамли 2004).

[3] *Пер* (Хаджинов 1979).

[4] *пши-м ту эш* ‘[возьми] мою душу, которая имеет [покой]’ (Шамли 2004).

[5] С артиклем в (Кір’яков 1994: 71), *п* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 55)).

[6] *С* (Кір’яков 1994: 71).

[7] *апану* (Кір’яков 1994: 71).

[8] *зиня* (Шамли 2004). В (Кір’яков 1994: 71) другой текст: *Ас хас ту эху ти ия* ‘пусть потеряю все, что [у меня] есть, и здоровье’.

[9] *Ту кирво-м* (Шамли 2004).

[10] *si as vzis* ‘ты пусть потушишь’ (Karpozilos 1994: 170 (стр. 57)), *ас ту взис* ‘его забери’ (местоименный повтор дополнения; Шамли 2004). В (Кір’яков 1994: 71) нет стр. 113–116, вместо них стр. 121–124.

[11] *katylis* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 58)), *ту катылыс* ‘[пусть ты] его погубишь’ (местоименный повтор дополнения; Шамли 2004).

[12] *Ан та* (Кір’яков 1994: 71) — скорее всего, это графическая гиперкоррекция Л. Н. Кирьякова, *Ты нда* ‘и когда’ (Шамли 2004).

[13] *табут-м* ‘мой гроб’ (Шамли 2004).

[14] *Алу нда* ‘больше [ни?]когда’ (Кір’яков 1994: 71), *t’alu nda* ‘и больше [ни?]когда’ (Karpozilos 1994: 170 (стр. 59)), *Алу нда ть* ‘больше никогда не’ (Шамли 2004).

[15] *гнэфису* (Кір’яков 1994: 71).

[16] *н акусу* ‘услышу’ (Кір’яков 1994: 72; Шамли 2004), *n’ akusu* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 60)).

Пал пуру́[17] *на зданы́су.*
Джине́м эн аля́х фувиро́[18]
Пу враз зисто́ сели́тра.[19]
То эн како́ пула́[20] *лафро́*
Харшу́ с ту ко́-мас пи́кра»[21].

Авра́мс:

«Мис и́мас пкас Тъеу́[22] *ту шер*[23]
Тун по́ну-мас тос ксер-ту,
Ах с[24] *олс аро́тита тос пер*
Х та[25] *мас*[26] *пе́лсин ире́в-ту.*
Ты́[27] *и́си си́ стун урано́*
Ту ушандра́йсис тма́си.[28]
Ян и́ртын ты́тку оризмо́,[29]
То[30] *эн ту тъе́лыма́*[31]*-су».*

---

[17] *Пуру пал* ‘могу снова’ (Шамли 2004).

[18] *tu džinem kako fuviro* ‘ад — ужасное зло’ (без глагола-связки; Karpozilos 1994: 170 (стр. 61)), *Ту чинем тосу фувиро* ‘ад настолько ужасный’ (без глагола-связки; Шамли 2004).

[19] *силитра* (Кір’яков 1994: 71). В (Шамли 2004): *Пу врас апсо силитра* ‘там кипит горячая селитра’.

[20] *пула-пула* (Шамли 2004).

[21] *Харшу та туту дъикра* ‘по сравнению с такой горечью’ (Шамли 2004).

[22] *θіуи* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 61)), *тъию* (Шамли 2004).

[23] В (Шамли 2004) стр. 125–128 стоят после стр. и нет стр. 129–132.

[24] Нет в (Кір’яков 1994: 72).

[25] *Хты* (Шамли 2004).

[26] *сас* ‘вас’ (Кір’яков 1994: 72).

[27] Плохо понятно значение вопросительного местоимения ты́. В (Karpozilos 1994: 182) оно также осталось без перевода. Можно предположить, что это не местоимение, а союз *ti* (или *ki*) ‘и’, однако и такое предположение не кажется однозначно убедительным.

[28] *sajan sufjanima-su* ‘как и твоя мудрость’ (Karpozilos 1994: 170 (стр. 65)). Сам Карпозилос признает, что это место ему непонятно (Karpozilos 1994: 182).

[29] *An tuko-s tu oryztu* ‘если [это] твое повеление’ (пропущен глагол-связка; Karpozilos 1994: 170 (стр. 66)).

[30] *as* ‘пусть’ (Karpozilos 1994: 170 (стр. 66)).

[31] *θilima* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 66)).

Даýш ап уранý:
«Авра́м, пе́расин тиро́с,[32]
По́с ту парамакре́ныт?
Н акýс та ло́я-сас Тъео́с,[33]
На-ми-тун-какофе́нит».[34]

Авра́мс:
«Са́ра, ксапе́ла тýту кле-с[35]
Тун Иса́к си[36] *ортун,*[37]
С гнэ́фис,[38] *с скутъи́*[39] *ки ас фуре́с.*
Ту[40] *т влуйя́-с*[41] *дъос-тун».*
Иса́кс-па[42] *тьма́ты ки ила́*[43]
Пкас та[44] *спрýцка здо́ня.*[45]
Стун и́пну-т-па тос ти-драна́[46]

---

[32] *Аврам, Аврам! Паен тирос* ‘Авраам, Авраам! Идет время’ (Кір’яков 1994: 72).

[33] *θiγos* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 68)), *тъиос* (Шамли 2004).

[34] *kakufenit* (Karpozilos 1994: 170 (стр. 68)), *какуфенит* (Шамли 2004). После стр. 136 в (Кір’яков 1994: 72) повторяются строки 57–60.

[35] *Ксапела, Сара, сон ту клейс* ‘успокойся, Сарра, прекрати свой плач’ (Кір’яков 1994: 72), *ksapela-tu tu kles* ‘прекрати плач’ (местоименный повтор дополнения; Karpozilos 1994: 171 (стр. 69)), *ксепелату ту клес* (местоименный повтор дополнения; Шамли 2004). Если *клес* считать существительным, то тут странное окончание, даже в случае трактовки *с* как притяжательного местоимения: *кле-с*.

[36] *Си тун Исаак-мас* ‘ты нашего Исаака [разбуди]’ (Кір’яков 1994: 72).

[37] *хартун* (Шамли 2004). Форма непонятна. Возможно, это субдиалектный вариант.

[38] *’s γnifis* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 70)), *Ас гнифис* (Шамли 2004).

[39] В (Шамли 2004) нет *с скутьи́*.

[40] *Ки* (Кір’яков 1994: 72), *ki* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 70)), *ти сы* ‘и ты’ (Шамли 2004).

[41] *влуия си* (без артикля) ‘благословение ты [дай]’ (Кір’яков 1994: 72), *влуия* (без местоимения; Шамли 2004).

[42] *Исаакс* (Кір’яков 1994: 72), *Isak* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 71)).

[43] В (Шамли 2004) строка выглядит иначе: *Гальтея тьмасы ки элас* ‘сладко спишь и смеешься’.

[44] *П кату ста* (Кір’яков 1994: 72).

[45] *та сдоня* (Шамли 2004).

[46] *Стун ипнус зер сы тидранас* ‘в твоем сне неужели ты не видишь’

Мана́-т[47] *та-эш та по́ня.*

Са́ра:

«Тъмитъ, ту пидъи́-м,[48] *на-ми-гнэфа́с,*[49]
И́рта на-си[50]*-гнэфи́су.*[51]
Ан[52] *гнэфи́с*[53]*-па,*[54] *ми-рута́с,*[55]
Пу́ го[56] *тъа-си-пили́су.*

На-си[57]*-ту-пу, гло́са-м ти-клотъ,*[58]
Ти[59] *пу тъа-пайс*[60] *нда ны́зу*[61]
Го пикруме́н, дъина́-м ти-сон[62]
Ту ло́гу-м на-птра́йсу[63]*».*

(Шамли 2004).

[47] *Манас* ‘твоей матери’ (Шамли 2004).

[48] *педъы* (Кір’яков 1994: 73).

[49] *γnifas* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 73)), *гныфас* (Шамли 2004).

[50] *се* (Кір’яков 1994: 73).

[51] *γnifisu* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 73)), *гныфису* (Шамли 2004).

[52] *Ки ан* ‘и если’ (Шамли 2004).

[53] *γnifis* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 74)), *гныфис* (Шамли 2004).

[54] В (Шамли 2004) нет *па*. *Ан се гнэфису* ‘если тебя разбужу’ (Кір’яков 1994: 73).

[55] *на ми рутас* (Шамли 2004).

[56] *Го пу* ‘я куда’ (Шамли 2004).

[57] *се* (Кір’яков 1994: 73).

[58] *тьтъа клос* ‘не повернется’ (Кір’яков 1994: 73; Шамли 2004), *t’θa klos* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 75)).

[59] *Ки* (Кір’яков 1994: 73).

[60] *Ты тъа патъс* ‘и пойдешь’ (Шамли 2004).

[61] *’ndu ny-su* ‘с твоим разумом’ (Karpozilos 1994: 171 (стр. 75)), *нду нысу* (Шамли 2004). Смысл не вполне понятен. Возможно, имеется в виду что-то типа *думай сам*.

[62] *тьтъа сос* ‘не хватит’ (Кір’яков 1994: 73), *t’θa sos* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 76)). В (Шамли 2004) строка иначе: *Го пикрумен глосам тьтъа клос* ‘я несчастна, мой язык не повернется’.

[63] *птраису* (Кір’яков 1994: 73). После стр. 152 в (Шамли 2004) следующие четверостишия:

Тун пурно илюс инытъин
Стун козму ти сту прама
На дъок зун тъагмапудъи
Ан кус ту-ко-с ту тъагма

Даӯш ап уранӯ:
«Авра́м,[64] *си́ ан тъа-хьепс*[65]

ты чара эш на ми сы хьепс
Ан ту-куй катъа эна мана
Тылага на ту даянепс
Аты пси взалнын
Та поняс ста даянывa
Ама панус ти хадрайва
Мера ныхта сы вастана
Ах та ола сы хурайва
Тора сту акузма т аджелс
Ирта на си гныфису
Хт футыя ти ахту машер
Тьтъа си хутхараису
‘Утром солнце родилось
Над миром и над скотиной.
Веди (букв. гони) чудо-ребенка,
Если слышишь твое чудо’
И возможно ли не пожалеть,
Если это слышит любая мать,
Как это выдержит
Она, кто тебя кормила грудью?
Твои страдания [я] терпела,
Лучше, чем ты, [никого] не искала (?),
День и ночь тебя лелеяла,
От всего тебя защищала.
Сейчас, услышав ангела,
Пришла тебя будить.
От огня и от ножа
Не спасу тебя’.

В первом четверостишии плохо понятны два момента. Во-первых, это *зун* в предпоследней строке, относительно которого уместно предположить, что это какой-то вариант артикля. Во-вторых, лексема *тъагма* в конце первого четверостишия. По смыслу сюда бы подходила лексема со значением ‘повеление, приказ, воля’.

[64] *Авраам, Авраам* (Кір’яков 1994: 73).

[65] *si θa na-c xjeps* ‘ты будешь их жалеть’ (Karpozilos 1994: 171 (стр. 77)). В целом для диалекта нехарактерно сочетание двух модальных частиц *θa na*. В (Шамли 2004) строка выглядит иначе: *Си Авраам ан тъа тс хьепс* ‘Ты, Авраам, если их будешь жалеть’.

Эм тун Иса́к ки[66] *т Са́ра,*[67]
То́ты[68] *с*[69] *ту-ксерс, тъа-хазане́пс*
Х[70] *тун Тъео́*[71] *ката́ра».*[72]

Авра́мс:
«Гнэ́фа Иса́к,[73] *гнэ́фа Иса́к,*[74]
Гнэ́фа, пши-м ти ага́пи,[75]
Гнэ́фа, пара́дъус-м[76] *ту чича́к,*[77]
Стэ́кум сма-с н да форма́тя».[78]

---

[66] *эм* (Кір'яков 1994: 73).

[67] В (Karpozilos 1994: 171 (стр. 77)) строка выглядит иначе: *tu Isak ki Sara* 'Исаака и Сару', ср. *Тун Исаак ки т Сара* (Шамли 2004).

[68] *Атот* (Кір'яков 1994: 73).

[69] *ас* (Шамли 2004).

[70] *Ах* (Кір'яков 1994: 73).

[71] *θiγo* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 78)), *тъио* (Шамли 2004).

[72] Далее в (Karpozilos 1994: 171) есть еще отрывок (стр. 79–80):
Θiγu grafi, Θiγu ukum, Θiγu ðitiusini
'Ta purun na mitalayun anda smiliusinis
'Божье писание, Божья воля, Божья справедливость,
Их можно изменить с помощью милости'.
Похожий отрывок в том же месте есть и в (Шамли 2004):
Тъийо графи тъийо укум
Тъийо тъа ту иксызу
Ап урану на миталагун
Нду илю му инысу
'Божье писание, Божья воля,
Божественное [я] пойму,
С небес пусть изменят,
С солнцем моим рожу'.

[73] *Исаак* (Кір'яков 1994: 73; Шамли 2004).

[74] *Исаак* (Кір'яков 1994: 73; Шамли 2004).

[75] *Туко-м пши ки та матя* 'моя душа и глаза' (Кір'яков 1994: 73), *pši ki aγapi* 'душа и любовь' (Karpozilos 1994: 171 (стр. 81)).

[76] *парадъуйсм* (Шамли 2004).

[77] *чичак-м* 'мой цветок' (Шамли 2004).

[78] Вместо этой строки в (Karpozilos 1994: 171 (стр. 82)) зафиксирован другой вариант: *γnefa, pikra-m, ty t'maty?* 'вставай, горе мое, что [он] спит?'. Очевидно, использована не та форма глагола (3 л. вм. 2 л.), возможно, из-за рифмы с ага́пи /aˈγapi/. Ср. с (Шамли 2004): *С гнефис пикрам ту тъматы* 'разбуди горе мое, которое спит'.

Иса́кс:
«Ты́[79] *ми*[80]*-гны́фас*[81] *лы́гус тиро́?*
То[82] *ть-у́туны*[83] *ками́я.*
Па́нда гнэ́фана тун пирно́[84]
Ан т[85] *ма́на-м т лалаши́я.*
Драну́ го т ма́на-м дъакруме́н.
Пос ть-е́ркит[86] *сма-м, ти-фла-ми*[87]*?*
Стэ́кит[88] *тъылы́*[89] *ти*[90] *пикруме́н,*
Аты́[91] *пос ти-гнэфа́*[92]*-ми*[93]*?».*

Авра́мс:
«Гурга́ си-хра́ста, ки х т ато́[94]
И́рта дъафто́-м гнэфу́-си.[95]
Хурба́н тъа-па́гум тун Тъео́,[96]

[79] *Пос* ‘как, что’ (Шамли 2004).

[80] *ме* (Кір’яков 1994: 73).

[81] *гныфа* (Хаджинов 1979).

[82] *Айц, ту* ‘так этого’ (Кір’яков 1994: 73), *ти* ‘этого’ (Karpozilos 1994: 171 (стр. 83)), *туту ту* ‘такого’ (местоименный повтор дополнения; Шамли 2004).

[83] *титун* (Кір’яков 1994: 73).

[84] *пурно гурга* ‘утром рано’ (Шамли 2004).

[85] Артикля нет в (Кір’яков 1994: 73; Karpozilos 1994: 171 (стр. 84)), *д* (Шамли 2004).

[86] *тиркит* (Шамли 2004).

[87] *ме* (Кір’яков 1994: 73).

[88] *Стыкит* (Кір’яков 1994: 73; Шамли 2004), *stykit* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 86)).

[89] *тъилумен* (Шамли 2004).

[90] *ки* (Кір’яков 1994: 73; Шамли 2004), *ki* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 86)).

[91] *Атос* ‘он’ (Шамли 2004).

[92] *γnyfa* (Karpozilos 1994: 171 (стр. 86)), *гныфа* (Шамли 2004).

[93] *ме* (Кір’яков 1994: 73).

[94] *хта то* (Кір’яков 1994: 73), *’x ta to* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 87)), *ирта гныфу сы* ‘[я] пришел разбудить тебя’ (Шамли 2004).

[95] *се* (Кір’яков 1994: 73). В (Шамли 2004) строка выглядит так: *Ирта гныфу сы* ‘[я] пришел разбудить тебя’.

[96] *θiγo* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 88)), *тъио* (Шамли 2004).

Ти хра́зит[97] *на-си*[98]*-лу́си».*

Эпи́логос[99]

Э́на тиро́ пас ту врадъме́р,
А́нда[100] *кате́йн*[101] *аво́ра,*[102]
Пья́кин[103] *Авра́мс*[104] *тун йо-т х ту шер.*
И́пин: «Тъа-паенум мис то́ра!».[105]

Э́мбру-тын фа́нын э́на фос.
Ты́ дъа́ваны апи́су.
Авра́мс:
«Ту фос нда эш тиро́ на-клос
Ти сма на-си[106]*-влуи́су».*

Ту фос нда ста́тъин сма ст[107] *уба́,*
Ва́рнын Авра́м[108] *н кардъи́я.*
Тот[109] *э́стиксини ту хурба́н-т*
Ти сма на[110]*-вал футы́я,*
Ти сма тос со́ривин[111] *яха́р,*
Псилу́ца чаталы́ча.
Иса́кс[112]*-па э́фтайны ярды́м*[113]

---

[97] *Ки храшкит* (Кір'яков 1994: 73), *ki xraškit* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 88)).

[98] *се* (Кір'яков 1994: 73).

[99] В (Шамли 2004) нет эпилога.

[100] *Ан та* (Кір'яков 1994: 74).

[101] *катэн* (Кір'яков 1994: 74).

[102] *ki pas il'u tn' avora* 'и в прохладе солнца' (Karpozilos 1994: 172 (стр. 89)).

[103] *Пякин* (Кір'яков 1994: 74).

[104] *Авраам* (Кір'яков 1994: 74).

[105] *Вай, пу паэнны тора* 'Ах, куда [они] идут сейчас' (Кір'яков 1994: 74).

[106] *се* (Кір'яков 1994: 74).

[107] *stn* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 93)).

[108] *Авраам* (Кір'яков 1994: 74).

[109] *Тос* 'он' (Кір'яков 1994: 74).

[110] *Ки пякин* 'и [Авраам] принялся' (Кір'яков 1994: 74).

[111] *сорипсин* '[Авраам] собрал' (Кір'яков 1994: 74).

[112] *Isak* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 96)).

[113] *Ярдым тун эфтайн ту палкар-т* 'помощь ему оказывал его па-

Н да мкýцка-т[114] *та ширúча.*[115]

Исáкс:

«Тáта,[116] *пу эн ту кó-мас ту хурбáн?*
Пу эн Тъеý[117] *т стишúю*[118]*?*
Йóхсам[119] *э́фсаксис ту мскар*
Стун Тъеó[120] *тъисúя?».*[121]

Аврáмс:

«Исáк, Исáк,[122] *сúй, ту пидъúй*[123]*-м,*
Ту кó-м сúй ту пидъя́су,
Сúй мéна кáмишкис ярды́м,
Ма сéна го тъа-фсáксу».

Исáкс:

«Дъéси та шéра-м сúй, тáта,
Ступý та фты́я-м, го[124] *ми-кýгу.*[125]
Чапаланéфкум дъинатá
Ки сéна го ми-крýгу».

рень’ (Кір’яков 1994: 74).

[114] В (Karpozilos 1994: 172 (стр. 96)) нет притяжательного местоимения.

[115] *шерича* (Кір’яков 1994: 74).

[116] Нет обращения в (Кір’яков 1994: 74).

[117] *тъэо* (Кір’яков 1994: 74), *θiγu* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 97)).

[118] *styšyja* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 97)).

[119] Э́хсам (Хаджинов 1979).

[120] *θiγu* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 98)).

[121] В (Кір’яков 1994: 74) стр. 191–192 выглядят иначе:

Вай, тыглу оморфу заман
Врадъмерс катваз флюрия
‘Ах, какое красивое время
Вечером наступает золотое’.

[122] *Исаак, Исаак* (Кір’яков 1994: 74).

[123] *педъы* (Кір’яков 1994: 74).

[124] В (Karpozilos 1994: 172 (стр. 101)) нет местоимения.

[125] *Та фтыя-м фсал-ми кугу* ‘мои уши закрой мне, чтобы [я] не слышал’ (Кір’яков 1994: 74). У Л. Н. Кирьякова графическая ошибка: отрицание *ми* оформлено как местоименная клитика. Должно быть *фсал ми-кугу*.

Авра́мс[126] *пи́рин*[127] *ту маше́р-т,*
Тун Иса́к[128] *на-сфа́кси,*[129]
Кате́йн[130] *Айс,*[131] *пья́кин*[132] *ту шер-т*
Ки[133] *и́пин: «Ми-тун-сфагнс!*[134]
Тъео́с[135] *идън*[136] *н писти́я-с*[137]
Ти хари́з[138]*-си*[139] *ту пидъа́ти-с.*
Харшу́ сту ме́га-с т тъи́сия[140]
Тос пе́лсин-си[141] *арна́ти!».*

Перевод

Однажды в полдень,
В полуденную жару
Сидели под деревом
Святой Авраам и Сарра.

[126] *Авраамс* (Кір'яков 1994: 74).

[127] *sikusin* '[Авраам] поднял' (Karpozilos 1994: 172 (стр. 103)).

[128] *Исаак* (Кір'яков 1994: 74).

[129] *на тмареви* (Кір'яков 1994: 74); согласно (Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 188), глагол *тмареву* обозначает 'убирать (наводить порядок)', но может быть связан и с уборкой урожая. В (Karpozilos 1994: 172 (стр. 103)) иной порядок слов: *na sfaksi tun Isati* 'чтобы зарезать Исаака'

[130] *Катэн* (Кір'яков 1994: 75).

[131] *andilus* 'ангел' (Karpozilos 1994: 172 (стр. 104)).

[132] *пякины* (Кір'яков 1994: 75).

[133] *ti* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 104)).

[134] *Mi tun sfaks si* 'не режь его ты' (Karpozilos 1994: 172 (стр. 104)). *Ки лэй: «На ми тун тъэвис* 'и [ангел] говорит: «Не приноси его в жертву»' (Кір'яков 1994: 75).

[135] *Θiγos* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 105)).

[136] *iðini* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 105)).

[137] *Н пистыя-с идъын о тъэос* 'веру твою увидел Бог' (Кір'яков 1994: 75).

[138] *ki xarix si* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 105)).

[139] *ki xarix si* (Karpozilos 1994: 172 (стр. 105)), *Ки хариз* 'и дарует' (Кір'яков 1994: 75).

[140] *Хурбан на фсакс, харшу стун йо-с* 'жертву зарежь вместо своего сына' (Кір'яков 1994: 75).

[141] *се* (Кір'яков 1994: 75).

Они говорили о том, что постарели
В большом богатстве,
И страдали, что прожили
В мире без детей.

Услышал их слова Бог.
В полуденной жаре,
Разверзлись в тот же миг небеса,
[И] сошла вниз троица.

Много времени не прошло,
[И] видит Авраам на дороге
Трех старцев и пригласил их
В свой дом.

Авраам:
«В полдень, в такую жару,[142]
Куда, — говорит им, — [вам] идти?
Есть [у меня] вода, идите, умойтесь,
И посидим, поговорим.

Приготовим и пообедаем в полдень,
И полежите час-другой.
Потом разбужу вас вечером,
Пойдете по прохладе».

Вошли внутрь дома архонты,
Поздоровались, умылись, сели.
Авраам зарезал теленка,
Готовили, чтобы их угостить.

[Они] уселись[143] вокруг стола
И ждут кушаний.
Авраам о своем богатстве стал им говорить[144],
Чтобы [они] ели все[145], что есть у семьи.

Один из троицы:
«Отчего вы печальны?
Какая забота вас мучит?

[142] Досл. когда такая жара.
[143] Букв. собрались.
[144] Досл. стал говорит им.
[145] Букв. то.

Богу все известно,
И детей вы будете иметь».

Авраам:
«Печаль наша в том,
Что нет у нас детей.
Первенец наш
Пусть будет жертвой Богу!».

Тогда один из трех им говорит[146]:
«Через девять месяцев
Жена твоя Сарра родит
Ребенка в своем старческом возрасте».

Сарра не хотела поверить,
Что на девяностом году
Возможно[147] вытерпеть
Тяжелые родовые боли…».

И прошло много времени.
В полуденную жару
Сидели снова под деревом
Святой Авраам и Сарра.

[Они] забыли обещание, что Богу
В жертву должны принести[148]
Своего первого ребенка,
Новостей же не ждут.

Глас с неба:
«Проснись, Авраам, проснись, Авраам,
Что [ты] спишь до сих пор!
То, что [ты] обещал в жертву,
Настало время [тебе] ее принести.

Сказать тебе[149], чтобы своего сына [ты] зарезал,
Я послан.

---

[146] В (Хаджинов 1979: 167 (стр. 14); Karpozilos 1994) местоименный повтор дополнения, букв. ‘Из трех им тогда один им говорит им’.

[147] Досл. На девяностом году // что есть возможность вытерпеть; ср. урум. *ʧăre* ‘возможность’ (Гаркавець 2000: 575).

[148] Досл. …Богу // в жертву что [Авраам и Сарра] должны принести.

[149] Досл. сказать тебе это.

Разведи огонь, чтобы сжечь того,[150]
Кто был обещан [в жертву].
Сейчас [же] отправляйся, велит Бог,
Возьми и своего ребенка.
Когда появится перед тобой свет,
Ты иди за ним.
Где рядом остановится, наконец,[151] свет,
Там рядом разведешь огонь
И[152] рядом зарежешь, сожжешь своего сына
С чистым сердцем».

Авраам:

«Ах, что это за сон [я] вижу?[153]
Хочу его понять.
Сошел голос с неба,
Велит мне подняться.
Слова его плохие, горькие
Еще звучат в моих ушах,
Очень горькие и страшные
Отравили мое сердце!».

Сарра:

«Эй ты, Авраам, что такое говоришь?[154]
[В] полночь почему не спишь?
То говоришь, то плачешь.
Что же тебя тревожит?».[155]

Авраам:

«[Я] дал обет Богу,
Прежде чем [у нас] появились дети,
Первый наш ребенок
Будет этой жертвой.
Сошел голос с неба,

[150] Букв. его.
[151] Букв. тогда.
[152] Или рядом; тогда в тексте должно быть *mú*.
[153] Досл. сон, который вижу.
[154] Букв. что есть то говоришь?
[155] Букв. что есть тебя это тревожит?

Велит мне содрогаться,
Но не возьму я агнца [с собой],
Которого[156] я [мог бы] зарезать».

Сарра:
«Где найду я слова, чтобы высказать
И слезы, чтобы мне заплакать
Пред этой скорбью,
Как ее пережить!

Он — моя печень!
Он — мои почки!
Любимый мой ребенок,
[Я] носила его под своим сердцем.

Он — мой солнечный свет,[157]
Он — мое дыхание!
Вместо, того, чтобы Бог забрал его,
Пусть бы взял мои глаза!

Боже мой, он радость для всех нас,
Он наша жизнь!
Просим Тебя, если можно,[158]
Даруй нам нашего ребенка!

Боже мой, возьми моего сердца покой,[159]
Возьми все мое богатство,
Ниспошли на меня нужду
Со всеми страданиями.

Дорогое здоровье мое забери,[160]
Мне пошли[161] язвы, страдания,
Тело мое все пусть [ты] погубишь,
Пусть [я] буду терпеть долгие годы.

Тогда [я] лягу в гроб
И больше не поднимусь,

[156] Букв. но которого.
[157] Букв. свет солнца.
[158] Досл. если имеешь возможность.
[159] В (Анимица и др. 2003: 28) ратлы́х переводится как ‘свобода’.
[160] Досл. пусть потушишь.
[161] Досл. пусть [ты] мне пошлешь.

Только если услышу его голос,
[Я] снова могу ожить.

Ад очень страшен,
Там[162] кипит горячая селитра.
[Но] это зло намного легче
По сравнению с[163] нашей горечью».

Авраам:

«Мы находимся под Божьей рукой,[164]
Боль нашу он знает,[165]
У всех без спроса он берет,
У нас взял то[, что] хочет.

Ты на небесах
То[, что] пообещал, готовь.
Если пришло такое повеление,
[То] это твое желание».

Глас с неба:

«Авраам, прошло время,
Почему тянете время?[166]
Если услышит ваши слова Бог,
Ему это может не понравиться».

Авраам:

«Сарра, успокой этот плач свой,
Исаака разбуди,
Пусть встанет, пусть поднимется и пусть оденется.
И свое благословение дай ему».

Исаак же спит и улыбается
На белых простынях.
Во сне своем он не видит,
Как мать его страдает.[167]

Сарра:

[162] Букв. где.
[163] Букв. перед.
[164] Досл. рукой Бога.
[165] Местоименный повтор дополнения, букв. боль нашу он ее знает.
[166] Букв. почему это тянете?
[167] Местоименный повтор дополнения, букв. их имеет страдания.

«Спи, мой сынок, не просыпайся,
Пришла [я] тебя разбудить.
Если же проснешься, не спрашивай,
Куда я тебя пошлю.

Сказать тебе это язык мой не поворачивается,
И куда пойдешь, когда подумаю,
Я — несчастная, силы у меня не хватает
Речь свою закончить».

Глас с неба:
«Авраам, ты если будешь жалеть
то Исаака, то[168] Сарру,
Тогда знай,[169] заработаешь
От Бога проклятие».

Авраам:
«Вставай, Исаак, вставай, Исаак,
Вставай душа моя и любовь,
Вставай, райский мой цветок,
Стою рядом с тобой с одеждой».

Исаак:
«Что меня будишь так рано?
Такого[170] не было никогда.
Всегда просыпался утром
От материнской ласки.
Вижу маму свою в слезах.
Почему не подходит ко мне, не целует меня,
Стоит хмурая и печальная?
Почему она не будит меня?»

Авраам:
«Рано ты [мне] понадобился и поэтому
Пришел [я] сам поднять тебя,
Жертву принесем Богу,
И нужно, чтоб тебя помыла [мать?][171]».

[168] Букв. и.
[169] Досл. пусть это будешь знать.
[170] Букв. этого.
[171] Пояснение предложено в (Karpozilos 1994: 176).

Эпилог
Однажды вечером,
Когда спустилась прохлада,
Взял Авраам сына своего за руку.
Сказал: «Пойдем мы сейчас!».

Впереди них показался свет.
Они пошли за [ним].
Авраам:
«Свету когда наступит время повернуть,
Там[172] [я] тебя благословлю».

Свет когда остановился у холма,
Стало тяжело на сердце у Авраама.
Тогда поставил [он] жертву свою
И рядом стал разводить огонь,

И рядом он собирал хворост,
Тоненькие веточки.
Исаак же помогал[173] [ему]
Маленькими своими ручонками.

Исаак:
«Отец, где наша жертва?
Где Богу обещанное?
Разве [ты] зарезал теленка
В жертву Богу?».

Авраам:
«Исаак, Исаак, ты мой мальчик,
Мой ты мальчонка,
Ты мне помогал,[174]
А тебя я зарежу».

Исаак:
«Свяжи мои руки ты, отец,
Заткни уши мои, чтобы я не слышал.
Я буду в судорогах биться сильно,
И как бы тебя мне не ударить».

[172] Букв. и рядом.
[173] Досл. оказывал помощь.
[174] Досл. делал помощь.

Авраам взял нож свой,
Чтобы Исаака зарезать,
Спустился святой [ангел], схватил его руку
И сказал: «Не режь его!
Бог увидел твою веру
И дарует тебе ребеночка твоего.
Вместо[175] твоей великой жертвы,
Он послал тебе ягненочка!».

Заключительные замечания

Легко убедиться, что между разными вариантами «Жертвоприношения…» довольно много мелких различий. Их анализ — тема для отдельной публикации. Здесь уместно привести лишь отдельные примеры:

а) Варьирование содержания строки полностью или частично:

стр. 35 *Стун Тъеó óла эн мéлем*
‘Богу все известно’ (Хаджинов 1979)
Ах тун тъэо та ола эн
‘от Бога все’ (Кір’яков 1994: 69).

стр. 47 *от теш чара*
‘что нет возможности’ (Кір’яков 1994: 69)
ot eš čara ‘что есть возможность
[вытерпеть родовые боли]’
(Karpozilos 1994: 168 (стр. 24)).

Очевидно, что в (Karpozilos 1994: 168 (стр. 24)) имеет место косвенная речь, о чем свидетельствует союз *ot* ‘что’ (‘Сара не хотела поверить, // Что на девяностом году // Возможно вытерпеть…»’ — стр. 45–47). В двух других вариантах, несмотря на употребление союза *от* ‘что’, использована прямая речь (Сара не хотела поверить: // Что «на девяностом году // Невозможно вытерпеть…»’).

б) Разные лексемы без изменения смысла:

стр. 31 *пья́кин* ‘[Авраам] принялся [им говорить]’
(Хаджинов 1979)
пширсин ‘[Авраам] начал [им говорить]’

[175] Букв. напротив.

(Кір'яков 1994: 69).

стр. 49 *пула́ хро́ня* '[прошли] многие годы'
(Хаджинов 1979)
пула тиро '[прошло] много времени'
(Кір'яков 1994: 69).

в) Порядок слов и составляющих:

стр. 41 *Ах трис ты́н то́ты ис тын-ле-ц*
'Тогда один из трех им говорит'
(местоименный повтор дополнения; Хаджинов 1979)
Атоты лэ ах трис-тын ис
'тогда говорит из них троих один' (Кір'яков 1994: 69).

стр. 48 *Варе́я пидъипо́ня*
'тяжелые родовые боли' (Хаджинов 1979)
Педъы варея поня
'[из-за] ребенка тяжелые боли' (Кір'яков 1994: 69).

г) Наличие/отсутствие союза:

стр. 50 Пас мисмири́ т зистадъа́
'в полуденную жару' (Хаджинов 1979)
ti *pas mismiri t'zistaða*
'и в полуденную жару'
(Karpozilos 1994: 168 (стр. 25)).
Использование союза облегчает смысл, но портит метрический рисунок.

д) Наличие/отсутствие междометий:

стр. 73 ***Вай***, *ти́ о́рима эн ту-драну́*
'ах, что это за сон вижу?' (Хаджинов 1979)
Ты орыма эн ту дарну
'что это за сон вижу?' (Шамли 2004).

стр. 81 ***Э***, *си́, Авра́м, ти́ эн ту-лес*
'эй ты, Авраам, что такое *говоришь?'* (Хаджинов 1979)
Си Авраам ты эн ту лэс
'Ты, Авраам, что такое говоришь?' (Шамли 2004).

е) Наличие/отсутствие артикля:

стр. 80 *Фарма́косан кардъи́я-м*
'[*слова*] *отравили мое сердце'* (Хаджинов 1979)
Фарма́кусан ***н*** *кардъыя-м* (Кір'яков 1994: 70)
Фармакусын ***тн*** *кардъия-м*
'[*он*] *отравил мое сердце'* (Шамли 2004).

ж) Наличие/отсутствие притяжательного местоимения:
стр. 27 *мскар* ‘[зарезал] теленка’ (Хаджинов 1979)
*мскар-**т*** ‘[зарезал] своего теленка’ (Кір’яков 1994: 69)
*mskar-**t*** (Karpozilos 1994: 167 (стр. 14)).

Некоторые случаи вариативности могут быть связаны с различиями между местными субдиалектами.
3) /e/ vs. /i/:
стр. 8 *п**и**дъы́я* ‘дети’ (Хаджинов 1979)
*п**е**дъыя* (Кір’яков 1994: 68)
стр. 84 *п**и**ра́зи* ‘тревожит’ (Хаджинов 1979)
*п**е**рази* (Кір’яков 1994: 70).
и) /o/ vs. /u/:
стр. 12 *к**а́**то* ‘вниз’ (Хаджинов 1979)
*kat**u*** (Karpozilos 1994: 166 (стр. 6)).

В версии Э. В. Хаджинова отсутствует характерное для румейского сужение /o/ > /u/. Впрочем, в румейском переход /o/ > /u/ намного менее регулярен, чем /e/ > /i/ (Кисилиер 2012: 359). При этом в других случаях в (Хаджинов 1979) наблюдается переход /o/ > /u/: *п**у**ла́* ‘много’ (стр. 13), ср. н.греч. πολλά /poˈla/, или а́рхундадъс ‘старцы’ (стр. 15), ср. н. греч. άρχ**о**ντες /ˈarx**o**ndes/.
стр. 80 *Фарма́к**о**сан* ‘[слова] отравили’ (Хаджинов 1979)
*Фармак**у**сан* (Кір’яков 1994: 70).
к) /ʃ/ vs. /ʃʒ/:
стр. 36 *тъа-э́**ш**ит* ‘будете иметь’ (Хаджинов 1979)
*θa ešči**t*** (Karpozilos 1994: 167 (стр. 18)).
л) Добавление начального /ɣ/:
стр. 44 *еруси́ня-ц* ‘[в] ее старческом возрасте’ (Хаджинов 1979)
sta ɣerusinis (Karpozilos 1994: 168 (стр. 22)).
м) Метатеза:
стр. 73 ***дра**ну́* ‘вижу’ (Хаджинов 1979)
дар**ну (Шамли 2004)
стр. 77 *п**икра́*** ‘горькие [слова]’ (Хаджинов 1979)
*p**irk**a*** (Karpozilos 1994: 169 (стр. 40)).
н) Представление и формы лексем:
стр. 11 *аны́йн* ‘разверзлись [небеса]’ (Хаджинов 1979)

анын (Кір'яков 1994: 68)
стр. 74 *аксúзу* 'понимать' (Хаджинов 1979)
иксизу (Шамли 2004)
ksázu (исполнитель 1 в примере (1), стр. 2)
аксису 'понимать' (Кір'яков 1994: 70).

о) Союз *и*:
стр. 4: *ти* 'и' (Хаджинов 1979)
ки (Кір'яков 1994: 68).

Форма *ки* более свойственна для малоянисольского субдиалекта. Впрочем, стоит отметить, что в версии Э. В. Хаджинова встречаются оба варианта (ср. стр. 4 и 7).

Очевидно, что в большинстве случаев трудно решить, какой вариант мог быть изначальным, тем более что сам Демьян Бгадица писал этот текст с прицелом на его устное бытование. На это, помимо всего прочего, указывает практически полное отсутствие лексических заимствований из русского, нехарактерных для приазовского фольклора XIX в. Так, заимствование из русского *smiliusinis* 'милости' встречается лишь в одной из версий (Karpozilos 1994: 171 (стр. 80)).

Представляется, что было бы в корне неверным пытаться воссоздать прототип «Жертвоприношения…» путем сопоставления разных версий, восходящих к устному исполнению. Тем не менее, само сопоставление не лишено смысла. Оно демонстрирует, как бытовал текст в устной традиции и лишний раз свидетельствует о стремлении языка фольклора к наддиалектности (ср. Десницкая 1970), причем даже в таких случаях, когда речь идет о диалектном фольклоре.

Литература

Агафонова Д. В. 2004: Современное состояние песенной традиции греков Приазовья. специалист. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ. На правах рукописи.

Анимица Г. А., Балабан Н. Г., Згара И. Г., Жигиль Л. С., Мадина М. Н., Ничепоренко Т. В., Седлецкая Е. И., Темир С. А., Хая В. В. 2003: Румейско-русский словарь. Володарское; Киев: Греческие общества сел Чердакли-Кременевка и Касьяновка.

Анимица Г. А., Кисилиер М. Л. 2009: История урумеев. Хронология основных событий (1771–2003) (Гл. 1). В кн.: Кисилиер М. Л. (отв. ред.). Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя, 25–64.

Браунъ Ѳ. А. 1890: Маріупольскіе греки. Живая старина 2, 78–92.

Васильков Я. В., Кисилиер М. Л. (ред.). 2010: Поэтика традиции. *Сборник научных статей*. Предисловие Ю. А. Клейнера. СПб.: Европейский дом.

Гаркавець О. М. 2000: Урумський словник. Алма-Ата: Баур.

Десницкая А. В. 1970: Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука.

Диамантопуло-Рионис А. А., Демерджи Д. Л., Давыдова-Диамантопуло А. М., Шапурма А. А., Харабадот Р. С., Патрича Д. К. 2006: Румейско-русский и русско-румейский словарь пяти диалектов греков Приазовья. Мариуполь: ООО «Типография “Новый мир”».

Казанский Н. Н. 2000: Гомеровское ὥς φατο: история одного формульного выражения. Индоевропейское языкознание и классическая филология 4, 35–38.

Кир’яков Л. Н. 1988: Амфора. Пиимата. Киево: Экдъотикос икос «Радянський письменник».

Кир’яков Л. Н. 1993: За три моря: Пов*і*сть, П›єси, Поез*ії*. Донецьк: Донбас.

Кирьяков Л. Н. 1993: Арион. Стыхя, пиимата, балладыс. Киэво: Экдъотыкос икос «Дніпро».

Кирьяковс Л. Н. (ред.) 1989: Пирнэшу астру. Стихя, пиимата дъиигмата, хурато, паримия, аинигмата. Т. II. Донецък: «Донбас».

Кирьяковс Л. Н. (ред.) 1991: Пирнэшу астру. Стихя, пиимата, дъыигмата, метафрасис, фолклор, юмор, драматыко эрго. Сабати йалдыз. Стихлер, айтмахлар, со’ленмеклер, переводлар, фолклор, гу’мек, драма йапмаги. Т. III. Донецък: Донбас.

Кір’яков Л. Н. 1989: Лого пас Игор ту стратыю. Київ: «Дніпро».

Кір’яков Л. Н. (ред.) 1993: Пирнэшу астру. Стихя, пиимата, метафрасис, юмор. Сабати йылдыз. Стихлер, айтмахлар, дечирмечиклер, гу’мек. Т. IV. Донецьк: «Донбас».

Кір’яков Л. Н. (ред.) 1994: Козмуку Пигадъ. Трагойдъа, пуя пратун анамеса ас румейс ки урумс ас ту Приазовья. Донецк: «Донбас».

Кір’яков Л. Н. (ред.) 2007: Парамитъя пуя пратун меса ас приазовски румейс. Казки грек*і*в Приазов*’*я. Донецьк: Донбас.

Кисилиер М. Л. 2012: Румейский язык и новогреческие диалекты. Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI, 355–368.

Кисилиер М. Л. (отв. ред.) 2009: Лингвистическая и этнокультурная

ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя.

Кисилиер М. Л., Федченко В. В. 2011: О языке новогреческой литературы. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* VII. 1, 409–444.

Кисилиер М. Л. 2019: Социально-культурные и лингвистические особенности поэзии греков Приазовья. В кн.: Гущян Л. С., Тантлевский И. Р., Федченко В. В. (ред.). Формирование культуры в диаспоре. СПб.: Издательство РХГА, 99–134.

Костан К. 1932: З літератури маріупольських греків. Харків: Рух.

Кузнецова Н. В. 2009: Морфология глагола в румейском языке (Гл. 10). В кн.: Кисилиер М. Л. (отв. ред.). Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя, 223–346.

Лорд А. Б. 1994: Сказитель. Пер. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература.

Пропп В. Я. 1976: Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука.

Хаджинов Е. В. 1998: Дем'ян Бгадица — народний поет греків Донеччини. Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького II, 161–166.

Хаджинов Э. В. 1979: Песенный фольклор румеев Донбасса (опыт монографического исследования и тексты). Мариуполь. На правах рукописи.

Чернухін Є. К., Горбач Т. С., Купченко-Гринчук О. М., Лось В. Е. 2014: Архів українських філологів А. О. Білецького і Т. М. Чернишової у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: Біографічне дослідження. Науковий каталог. Київ: Национальна Бібліотека України ім. В. І. Вернадського.

Чернышева Т. Н. 1965: Румынский вариант критской драмы «Жертва Авраама». В сб.: Каухчишвили С. Г. (ред.). Седьмая всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. 13–18 декабря 1965 г. Тезисы докладов. Тбилиси: Мецниереба, 118–120.

Шамли А. Г. 2004: Песни греков Приазовья. Под ред. А. Янгичера. Сартана: На правах рукописи.

Шевченко Т. Г. 1994: Якби ви знали, паничі… *Паныч, нду иксириты сис… Вірші, поеми*. Перекл. Л. Н. Кір'якова. Донецьк: «Донбас».

Якубова Л. Д. 1999: Маріупольські греки (етнічна історія): 1778 р. — *початок 30*х років XX ст. Київ: Інститут історії України НАНУ.

Balta E. 1997–1998: Périodisation et typologie de la production des livres karamanlis. Δελτίο του Κέντρου Μικροασιατικών Σπουδών 12, 129–153.

Eideneier H. 1987: Der PTOCHOPRODROMOS in schriftlicher und münd-

licher Überlieferung. In: Eideneier H. (hrsg.). *Symposion "Neograeca Medii Aevi"*. Bd. 1. Köln: Romiosini, 101–119.

Jeffreys E. M. 1998: *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Karpozilos A. 1994: The Cretan drama of The Sacrifice of Abraham in the dialect of the Mariupol Greeks. *Byzantine and Modern Greek Studies* 18, 155–185.

Morgan G. 1960: Cretan poetry: sources and inspiration. Κρητικὰ Χρονικά 14, 7–68.

Notopoulos J. A. 1952: Homer and Cretan heroic poetry: a study in comparative oral poetry. *The American Journal of Philology* LXXIII. 3, 225–250.

Ong W. J. 2007: *Orality and literacy. The technologizing of the word*. London; New York: Routledge.

Καπλάνης Τ. Α. 2004: Ο Βιτσέντζος Κορνάρος και οι «μοντερνοί» της Αναγέννησης: Γενολογική μείξη στον Ερωτόκριτο. Διαβάζω 9. 454, 95–103.

Κριαράς Ε. 1960: Χρονολογικά, μεθοδολογικά και άλλα ζητήματα «Θυσίας» και «Ερωτοκρίτου». Στο: Τωμαδάκης Ν. (επιμ.). Ανατυπόν από τον τόμον Εις μνήμην Κ. Ι. Αμάντου. Αθήνα: τυπογραφείον Μηνά Μυρτίδη, 353–369.

С. А. Крылов

О содержании и объёме термина «фонетика»: место фонетики в системе лингвистических дисциплин (к проблеме усовершенствования преподавания фонетических дисциплин)

Ю. А. Клейнеру — с любовью и почтением

Аннотация. В статье анализируется неоднозначность термина «фонетика» и его производных («фонетический», «фонетист») в современной лингвистике. Автор выделяет три основных значения термина (наука, описание, строй языка) и три уровня его объема — «суженное» (собственно фонетика, в отличие от фонологии), «среднее» (фонетика, включающая фонологию) и «расширенное» (фонетика как наука о плане выражения языка в целом, без различения устной и письменной форм). Особое внимание уделяется месту графематической («бумажной») фонетики, опирающейся на данные письменных источников, в общей системе фонетических дисциплин. Предлагается классификация разделов фонетики по методам получения знаний (интроспективная, аудитивная, инструментальная, графематическая) и их проекция на онтологию звукового строя языка. Критикуется недостаточное внимание к графематической проблематике в существующих учебных курсах, и ставится вопрос о необходимости более сбалансированного соотношения теории устной и письменной форм языка в преподавании лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: фонетика, фонология, план выражения, графематика, теория письма, грамматология, метаязык фонетики, терминоведение, методология лингвистики, преподавание фонетики.

Ответ на вопрос о том, что такое фонетика, не является самоочевидным.

Очевидно, что этот термин (как и многие другие) не является вполне однозначным (что, однако, в большинстве случаев не представляет сколько-нибудь существенной помехи для научной коммуникации — просто-напросто в силу действия того самооче-

видного закона, что для слушателя или читателя текста сам выбор «правильного» прочтения напрямую зависит от той речевой конситуации и от того речевого контекста, в котором данный термин употреблён).

Сколько же всего разных значений у этого термина; а заодно, и у его дериватов – как синтаксических (напр., **«фонетический»**), так и лексических (напр., **«фонетист»**)? (Разумеется, надо отдавать себе отчёт в том, что реальные речевые употребления этого термина и его дериватов образуют весьма диффузное множество с весьма размытыми границами; однако всё же искусственное проведение дискретных границ позволяет внести в этот вопрос какую-то ясность).

Многие вообще не замечают у этого термина никакой многозначности и определяют фонетику как «науку о звуках (звуковой стороне, звуковом плане выражения) человеческой устной речи (// человеческого устного языка)». Условимся такую трактовку обозначать как «фонетика$_0$».

Но многие, напротив, отмечают у данного термина наличие (по меньшей мере) двух значений, отличающихся тем, какой аспект принимается за основной (центральный) — онтологический vs. эпистемологический (= гносеологический). В первом случае под «фонетикой» понимаются сами «звуки устной речи (// языка)», а во втором случае — «наука о них».

Условимся обозначать фонетику как науку термином **«фонетика$_{I}$»**, а фонетику как предмет этой науки — термином **«фонетика$_{II}$»**. Заметим, что у термина **«фонетика$_{II}$»** есть приблизительные (неточные) синонимы, отличающие его от термина **«фонетика$_{I}$»**, и наоборот, у термина **«фонетика$_{I}$»** есть приблизительные (неточные) синонимы, отличающие его от термина **«фонетика$_{II}$»**. А именно:

«фонетика$_{I}$» = «фонетика как часть лингвистики», ««фонетика как наука» и т. п.; обозначением целого к нему будет «лингвистика».

«фонетика$_{II}$» = «фонетика как часть устного языка», «фонетическая» сторона (устного языка // речи)» «фонетический строй (устного языка)», «фонетическая система (устного языка)», «фонетический уровень (устного языка // речи)», «фонетический ярус (устного языка)», «фонетический стратум (устного языка)» «зву-

ковой план выражения (устного языка // речи)», и т. п.; соответственно, неточными гиперонимами к нему будут: «часть устного языка», «сторона устного языка», «сторона устной речи», «строй устного языка», «система устного языка», «уровень устного языка», «ярус устного языка», «стратум устного языка», «план выражения устного языка // речи» и т. п.

Заметим, что фонетика как наука содержательно расщепляется на два аспекта — (1) деятельностный (//процессуальный), то есть «бесконечно продолжающийся процесс познания звуков устного языка // речи» vs. (2) результативный, то есть «законченное описание системы звуков устного языка // речи, в виде отдельной книги (статьи) или раздела из неё». Условимся обозначать фонетику как разновидность познавательной деятельности (направленную на изучение звуков устной речи) термином **«фонетика$_{I.1}$»**, а фонетику как описательный метатекст (про звуки устной речи) – термином **«фонетика$_{I.2}$»**. Соответственно, приблизительными синонимами к термину «фонетика$_{I.1}$» будет «фонетическая наука», а к термину «фонетика$_{I.2}$» — «фонетическое описание (устного языка)» или «фонетическая модель (устного языка)».

(Любопытно отметить, что как термин «фонетика$_{I.1}$», так и термин «фонетика$_{II}$» принадлежат к числу существительных singularia tantum, тогда как термин «фонетика$_{I.2}$» имеет потенциально двучисловую парадигму, то есть относится к разряду исчисляемых существительных).

Итак, мы получаем в итоге три (тесно взаимосвязанных) термина.

«фонетика$_{I.1}$» (фонетическая наука)

«фонетика$_{I.2}$» (фонетическое описание)

«фонетика$_{II}$» (фонетический строй устного языка // речи = звуковой план выражения устного языка // речи).

Теперь рассмотрим все три выделенных термина с точки зрения степени широты их объёма. Примерно со второй половины XX века (а ещё точнее — с 1939 года, когда были опубликованы «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого) все эти три термина допускают как «обычное» («нормальное», «среднее») (фонетика в широком смысле слова, включающая «фонологию» как свою часть), так и «суженное» употребление («собственно фонетика», в отличие от фонологии).

Условимся обозначать «суженное» употребление (собственно фонетика, в отличие от фонологии) литерой «a», а «обычное» («нормальное», «среднее») употребление — литерой «b».

В этом случае мы получаем уже в общей сложности не три, а шесть значений термина «фонетика», а именно:

фонетика$_{\text{I.1a}}$ (собственно фонетика как наука, в отличие от фонологии)

фонетика$_{\text{I.1b}}$ (фонетика в широком смысле как наука, включая и фонологию)

фонетика$_{\text{I.2a}}$ («собственно фонетическое описание, в отличие от фонологического описания»)

фонетика$_{\text{I.2b}}$ («широко понимаемое фонетическое описание, включающее фонологическое»)

фонетика$_{\text{IIa}}$ («фонетический строй в узком смысле, в отличие от фонологического строя»)

фонетика$_{\text{IIb}}$ («фонетический строй в широком смысле, включая фонологический строй»)

Автор настоящей статьи не будет скрывать, что он не является сторонником употребления термина «фонетика» в суженном смысле слова, то есть употреблений типа фонетика$_{\text{I.1a}}$, фонетика$_{\text{I.2a}}$ и фонетика$_{\text{IIa}}$. Дело в том, что если мы узаконим (то есть объявим нормативным) это («суженное») употребление, то сразу же обнаруживается терминологическая лакуна (или, точнее говоря, сразу три таких лакуны, по числу выделенных ранее значений этого термина): непонятно будет, каким лаконичным (и потому ёмким) термином в этом случае называть понятие, охватывающее фонетику и фонологию в некоторое единое целое? То есть «единую науку о звуковом строе устного языка // речи, о звуковом плане выражения устного языка // речи» (= фонетика$_{\text{I.1b}}$), «единое описание звукового строя устного языка // речи, звукового плана выражения устного языка // речи» (= фонетика$_{\text{I.2b}}$) и сам этот «звуковой строй устного языка // речи» (= фонетика$_{\text{IIb}}$). Сторонники суженного употребления термина «фонетика», как правило, либо не дают ответа на этот вопрос, либо отвечают вопросом на вопрос: «а зачем вообще нужно такое объединение?».

Между тем при широком понимании фонетики (отмеченном литерой «b») на аналогичный вопрос есть некоторый позитивный ответ: а именно, для «суженного» употребления (= собственно фо-

нетика) достаточным оказывается узаконить термин «**субстанциальная** фонетика» (в отличие от **«функциональной»** фонетики = **фонологии**), чтобы соответствующая терминологическая лакуна не возникала вообще.

Итак, условимся узаконить следующие терминологические замены-уточнения:

фонетика$_{\mathbf{I.1a}}$ («собственно фонетика как наука, в отличие от фонологии») ⇒ «**субстанциальная** фонетика$_{I.1b}$»

фонетика$_{\mathbf{I.2a}}$ («собственно фонетическое описание, в отличие от фонологического описания») ⇒ «**субстанциальная** фонетика$_{I.2b}$»

фонетика$_{\mathbf{IIa}}$ («фонетический строй в узком смысле, в отличие от фонологического строя») ⇒ «**субстанциальная** фонетика$_{IIb}$».

А теперь зададимся ещё двумя взаимосвязанными вопросами. А именно:

В1. вопросом о том, какую семантическую роль в смысловом отграничении вышеупомянутых терминов от их смысловых «оппозитов» («противочленов») играют прилагательные «устный» (в составе словосочетаний «устный язык» и «устная речь») и «звуковой» (в составе словосочетаний «звуковая сторона» и «ЗПВ») (а также заодно и их квазисинонимы «аудитивный», «аудиальный» и «слуховой»).

В2. вопросом о том, какую семантическую роль в сужении объёма всех вышеупомянутых терминов играют прилагательные **«устный»** (в составе словосочетаний «устный язык» и «устная речь») и **«звуковой»** (в составе словосочетаний «звуковая сторона» и «ЗПВ») (а также заодно и их квазисинонимы «аудитивный», «аудиальный» и «слуховой»).

Для ответа на первый вопрос («В1») проведём следующий мысленный эксперимент. Для начала подумаем о том, какие прилагательные-аналоги способны занимать позицию второго члена антитезы типа «X, а не Y»). Легко убедиться в том, что это будут, скорее всего, прилагательные **«письменный»** или **«графический»**. Далее мысленно подставим их вместо прилагательных «устный» и «звуковой» в состав вышеприведённых дефиниций терминов, оставив при этом незаполненной позицию «дефиниендума» (то есть определяемого слова), и зададимся вопросом, какие термины-аналоги уместно подставить в контекст этих определений. Легко убедиться, что такими аналогами будут:

Для термина «фонетика$_{I.1}$» (фонетическая наука) — термин (точнее говоря, квазисинонимический ряд терминов) **«теория письма»**, **«грамматология»**, «графемика», «графика» и т. п.

Для термина «фонетика$_{I.2}$» (фонетическое описание) — термины «графика» (или **«очерк системы письма»**).

Для термина «фонетика$_{II}$» (фонетический строй устного языка // речи = звуковой план выражения устного языка // речи) — термины **«система письма» (// «письмо»), «графика», «графическая система», «письменный (//графический //визуальный //оптический) план выражения письменного языка // речи»**.

Для ответа на второй вопрос («В2») проведём следующий мысленный эксперимент. Проведём операцию мысленного опущения терминов «звуковой» и «устный» из текстов вышеприведённых дефиниций (разумеется, оставив позицию дефиниендума также незаполненной), а затем зададимся вопросом о том, какие понятия (и заодно выражающие эти понятия термины) соответствуют полученным в итоге этого опущения дефинициям?

Нетрудно убедиться, что в итоге мы получим примерно следующий результат.

Для термина «фонетика$_{I.1}$» (фонетическая наука) — понятие «наука о плане выражения языка и речи».

Для термина «фонетика$_{I.2}$» (фонетическое описание) — понятие «очерк системы единиц плана выражения языка и речи».

Для термина «фонетика$_{II}$» (фонетический строй устного языка // речи = звуковой план выражения устного языка // речи) — понятие «план выражения (языка // речи)», а также его неточный синоним - «система единиц плана выражения (языка // речи)».

Термин «план выражения» был предложен Л. Ельмслевом в 1943 году; его английский перевод — в 1953 году, и его русский перевод — в 1960 году.

Понятие «план выражения языка» (по Л. Ельмслеву) принадлежит онтологическому аспекту языка. Безусловно, термин «план выражения» вошёл в широкое лингвистическое употребление; но здесь следует отметить, что он реально употребляется преимущественно в работах по теоретическим вопросам общего языкознания (в том числе и в университетских учебниках по курсам введения

в языкознание или общего языкознания), но в текстах реальных описательных грамматик он мало употребителен.

Но существует ли вообще такой термин, который был бы реально употребителен в современных лингвистических работах для обозначения того же, что в работах Л. Ельмслева обозначается термином «выражение» или «план выражения» и при этом был бы (подобно терминам «выражение» и «план выражения») нейтрален в отношении к дихотомии «устный (= звуковой) vs. письменный (графический)»?

Но какие же термины реально употребительны в контекстах лингвистических описаний в тех ситуациях, когда нейтрализованы смысловые различия между терминами, описывающими план выражения устного языка (// речи) vs. письменного языка (// речи)? Какие термины наиболее употребительны в контекстах нейтрализации дихотомии «устная vs. письменная форма языка», «устная vs. письменная речь», «звуковой vs. графический облик языковых единиц»?

Казалось бы, такие контексты немногочисленны (если не считать обсуждения идей и терминов глоссематики в текстах, специально посвящённых этому направлению в лингвистике). На первый взгляд может даже показаться, что таких контекстов вовсе не существует.

Однако при более внимательном анализе бытующего в лингвистике употребления мы вынуждены прийти к неожиданному (и в чём-то даже парадоксальному) выводу. А именно, к выводу о том, что в большинстве лингвистических сочинений последних примерно полутора сотен лет в контекстах нейтрализации данной дихотомии преобладает тенденция к употреблению именно терминов, относящихся к звуковой // фонетической (а не графической!) субстанции. Т. о., приходится признать, что термин «фонетика» в своём реальном бытовании имеет, кроме «среднего» («нормального» или «умеренно широкого») смысла, вдобавок к нему, также ещё и **«расширенное»** («сверх-широкое») употребление.

Обозначим это расширенное (сверх-широкое) употребление литерой «с». Тогда мы получаем следующую концепцию:

фонетика$_{\text{I.1c}}$ (фонетическая наука) — понятие «наука о плане выражения языка и речи».

фонетика$_{\text{I.2c}}$ (фонетическое описание) — понятие «очерк системы единиц плана выражения языка и речи».

фонетика$_{\text{IIc}}$ (фонетический строй) — понятие «план выражения (языка // речи)».

У такой системы теоретических понятий есть и свои достоинства, и свои недостатки.

Начнём с достоинств. Важным достоинством такой концепции является то, что она (как кажется поначалу) довольно убедительно объясняет тот факт, что термин «фонетика» (а также его синтаксический дериват «фонетический») свободно употребляются в тех контекстах, когда обсуждаемый языковой материал представлен отнюдь не в устной, а совершенно напротив, в письменной форме. В частности, это касается обсуждения языкового материала:

(1.) **«реконструируемых»** языков (**«праязыков»**), где используется лишь **транскрипция «праязыковой»** фонетики, напр., праславянской, прагерманской или праиндоевропейской;

(2.) т. н. **«мёртвых»** языков (типа старославянского, классической латыни или древнеегипетского), где используется порой та или иная **транскрипция** фонетики **«мёртвых» языков**, а порой — оригинальная исторически засвидетельствованная письменность (как часто происходит в случае старославянской фонетики или фонетики классической латыни) или её **транслитерация** (как нередко происходит в случае древнеегипетской или древнеперсидской фонетики);

(3.) так называемых **«сакральных»** языков (типа санскритской, церковнославянской или латинской фонетики), где используется то оригинальная традиционная письменность, то её транслитерация, то **«научная транскрипция»**;

(4.) фактов засвидетельствованной истории так называемых **«живых»** языков, относящихся к разряду т. н. «письменных» языков (напр., русской, английской, китайской, арабской, французской, немецкой, японской фонетики), где используется вперемешку то традиционная система социально общепринятого письма (= **«орфография»**) (в том числе, напр., для китайского это «вэньянь» и «байхуа»), то её транслитерация, то «научная транскрипция»;

(5.) фактов истории бесписьменных языков и бесписьменных диалектов, где используется (как правило) та или иная разновидность «научной транскрипции», либо (порою в диалектологии)

фактический «пересчёт» из звуковой формы данного диалекта в орфографическое письмо соответствующего литературного языка, являвшегося в описываемую эпоху социально наиболее престижным для данного диалектного ареала (**«условная орфография»**);

(6.) фактов современного состояния «бесписьменных» языков и «бесписьменных» диалектов, где используется (как правило) та или иная разновидность «научной транскрипции», либо (порою в диалектологии) фактический «пересчёт» из звуковой формы данного диалекта в орфографическое письмо соответствующего литературного языка, являющегося в настоящее время социально наиболее престижным для данного диалектного ареала («условная орфография»), либо т. н. «практическая транскрипция»;

(7.) фактов современного состояния так называемых «письменных» диалектов (ср., напр., письменные диалекты современного немецкого языка), где тоже используется (как правило) та или иная разновидность «научной транскрипции» либо (порою в диалектологии) фактический «пересчёт» из звуковой формы данного диалекта в орфографическое письмо соответствующего литературного языка, являющегося в настоящее время социально наиболее престижным для данного диалектного ареала;

(8.) фактов современного состояния тех языков, которые, по общепринятой трактовке, принадлежат к числу «письменных», где используется либо «стандартная» орфография, либо «научная транскрипция» (в разных её вариантах), либо (изредка, преимущественно при описании так называемой «экспрессивной фонетики») — та или иная разновидность «практической транскрипции».

Однако у обсуждаемой системы теоретических» понятий (речь идёт, напомню, о гипотетических понятиях сверх-широкого объёма: фонетика$_{\text{I.1c}}$, фонетика$_{\text{I.2c}}$ и фонетика$_{\text{IIc}}$) есть один важнейший недостаток, который фактически «перевешивает» вышеотмеченное её достоинство. Ведь всякая многозначность лингвистического термина, безусловно, нежелательна. И её следует по возможности избегать. Между тем введение таких терминов (сверх-широкого объёма) приходит в столкновение с употреблением термина «фонетика» в «нормальном» (= «среднем», «умеренно широком») смысле (то есть с терминами фонетика$_{\text{I.1b}}$, фонетика$_{\text{I.2b}}$ и фонетика$_{\text{IIb}}$), что, безусловно, нежелательно.

Поэтому возникает естественное желание данной многозначности избежать.

Как это сделать?

Обратим внимание, что у термина фонетика$_{I.1b}$ (то есть фонетика как наука) есть свои «гипонимы» (или, точнее, «партонимы»). И среди этих «партонимов» особо важную и особо малоизученную группу составляют те, которые выделяются на основе тех **методов**, которые в данной науке применяются.

Но в существующих учебниках фонетики, к сожалению, внимание, уделяемое обобщённой классификации методов этой научной дисциплины, как правило, недостаточно. В связи с этим попытаемся такую общую классификацию построить.

Прежде всего, фонетика$_{I.1b}$ подразделяется на **«чистую»** (= **«непосредственную»** или **«прямую»**) vs. **«опосредованную»**. В неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе эти адъективные термины-уточнители, как правило, опускаются, что порой приводит к недоразумениям и взаимному непониманию лингвистов.

В отличие от «чистой» фонетики, «опосредованная» фонетика включает в свой состав также и **«метафонетику»**, то есть учение о том, каков тот реальный **«метаязык»**, на котором формулируются сведения о звуках языка-объекта.

«Непосредственная» фонетика подразделяется на **«интроспективную»** фонетику (она изучает собственное произношение и собственное слуховое восприятие исследователя-фонетиста и опирается на собственное фонетическое чутьё исследователя, на его фонетическую интуицию) vs. **«аудитивную»** фонетику (= фонетику слухового наблюдения исследователя над другими индивидами) (она изучает чужое произношение и чужое слуховое восприятие «информанта», то есть «носителя языка»). «Интроспективная» фонетика применима только к исследованию языка, которым исследователь владеет в совершенстве (бессознательно, автоматически), то есть или к **«родному»** языку (или диалекту) фонетиста или к такому **второму** (третьему) языку (или диалекту), которым он владеет на высоком уровне как родным языком. «Аудитивная» фонетика (составляющая разновидность **экспериментальной** фонетики) применима не только к языку (или диалекту), которым исследователь уже владеет, но и к языкам (и диалектам), которыми

исследователь не владеет; такова, в частности, ситуация при так называемом **«полевом»** исследовании живых языков и диалектов.

В реальном лингвистическом дискурсе адъективные уточнители «интроспективный» и «аудитивный», как правило, опускаются, что порой приводит к недоразумениям.

«Опосредованная» фонетика подразделяется на **«инструментальную»** (применяющую те или иные искусственно созданные для этой цели инструменты типа **диктофонов** или **сонографов**) vs. **«графематическую»** (далее гфч-) (опирающуюся на такое собственно семиотическое орудие или знаковую систему, как **письмо**) в неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе такую фонетику называют ещё **«бумажной»**; как правило, последний термин имеет более или менее ярко выраженный шутливый, иронический или насмешливый // пейоративный оттенок).

[Для простоты изложения мы сейчас отвлекаемся от существования (в **диалектной и ареальной** фонетике) особого невербального картографического метаязыка фонетических «изоглосс», на котором передаётся информация о территориальном распространении фонетических явлений по поверхности Земного шара. При более полной классификации невербальные картографические метаязыки, разумеется, должны учитываться (наряду со средствами визуализации данных акустической фонетики) как полезное важное дополнение к графематическим средствам фонетики].

Адъективные термины-уточнители «инструментальный» и «графематический» в неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе имеют обыкновение быть опускаемыми, что порой приводит к недоразумениям.

Разновидностью инструментальной фонетики (начиная примерно с последней четверти XX века) является **компьютерная** фонетика.

Обратим внимание на то, что хотя **визуальные** (= оптические, или т. н. «графические») средства представления фонетических знаний (**«сонограммы»**) используются в инструментальной фонетике (конкретнее, акустике) уже со второй половины XIX в., но в неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе такую фонетику (использующую графическую **визуализацию**) никто почему-то не именует «бумажной»; по-видимому, «бумажной» принято называть только графематическую фонетику.

Термин «**экспериментальная** фонетика», по сути дела, является как бы «зонтичным», то есть охватывающим две разных зоны предложенной классификации, а именно: он охватывает как **«аудитивную»**, так и **«инструментальную»** фонетику. Однако фактически в неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе нередко этот термин используется в суженном смысле как синоним для термина «**инструментальная** фонетика», что представляется некорректным ввиду нежелательности создания избыточного дублирования синонимичных друг другу терминов.

Графематическая «опосредованная» фонетика (то есть фонетика, включающая в себя **графематическую метафонетику**) подразделяется на **«традиционную»** графематическую фонетику («социализированную», «институциональную» «общественно принятую», «социально установленную», «неспециализированную») vs. **«специальную»** графематическую фонетику.

У т. н. «письменных» языков и диалектов представлены обе эти разновидности графематической фонетики — как традиционная, так и специальная; а у т. н. «бесписьменных» языков и диалектов — только специальная.

Адъективные термины-уточнители «традиционный» и «специальный», в неформальном профессиональном лингвистическом дискурсе, как правило, имеют обыкновение быть опускаемыми. Это нередко ведёт к недоразумениям.

Важнейшую («ядерную») разновидность традиционной графематической фонетики представляет **«орфографематическая»** (далее орфографематическая) фонетика, то есть фонетика (определённого языка определённой эпохи), сведения о которой берутся из орфографически правильных текстов данной эпохи (то есть из таких текстов, в которых соблюдались **орфографические правила** соответствующей эпохи). Орфографематическая фонетика отличается от **«живой»** (= «стихийной», «неграмотной») фонетики, то есть от фонетики (определённого языка определённой эпохи), сведения о которой берутся из всей совокупности текстов данной эпохи (то есть из таких текстов, в которых, вообще говоря, орфографические правила соответствующей эпохи не соблюдались).
Важнейшей разновидностью орфографематической фонетики является **орфоэпическая** орфографематическая фонетика, то есть такая фонетика, сведения о которой основываются на **«презумпции**

орфоэпической правильности», то есть на презумпции того, что носители данного языка произносили орфографически правильные тексты именно так, как того требовала орфоэпическая норма той эпохи. Орфоэпическая орфографематическая фонетика отличается от **«просторечной»** орфографематической фонетики, для которой презумпция орфоэпической правильности не соблюдалась.

Специальная графематическая фонетика подразделяется на **«транскрипционную»** и **«транслитерационную»**.

Транскрипционная графематическая фонетика может быть (с известной степенью условности) подразделена на научно-транскрипционную vs. практически-транскрипционную (в полном соответствии с дихотомией научной vs. практической транскрипции); следует, впрочем, иметь в виду, что это последнее разграничение фактически ещё не всегда можно провести с достаточной степенью чёткости.

Транслитерационная графематическая фонетика также может быть (с известной степенью условности) подразделена на научно-транслитерационную и практически-транслитерационную.

Предлагаемая классификация составных частей фонетики$_{I.1b}$ тривиальным образом проецируется на сферу фонетики$_{I.1c}$, так как для такого переноса достаточно перенести логический акцент с самого процесса научной (фонетической) деятельности на результат этого процесса, представленный в виде книги или статьи.

Несколько менее тривиальной является проекция предложенной схемы классификации разделов научной фонетики (с точки зрения эпистемологического аспекта, то есть фонетики$_{I}$) на сферу фонетического строя языка (с точки зрения онтологического аспекта, то есть фонетики$_{II}$).

Но если мы вспомним о том, что в логике XX века стало общепринятым отличать «объект» науки от её «предмета», и будем исходить из того, что «предмет» есть та совокупность свойств объекта, которую позволяет осветить (охватить) своим вниманием данная наука, то мы легко можем экстраполировать этот принцип на такой объект, как «звуки речи».

С этой точки зрения, в частности, в составе фонетики$_{II}$ (выделяемой в онтологическом плане) разумно выделять **«чистую»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков, которые воспринимаются непосредственно на слух) vs. **«опосредованную»** (т. е., те

объективно существующие свойства звуков, которые фиксируются с помощью специализированных для этого инструментов).

«Чистая» фонетика$_{II}$ включает **«интроспективную»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков своей собственной речи исследователя, которые воспринимаются им непосредственно на его слух) vs. **«аудитивную»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков чужой речи информанта, которые воспринимаются исследователем непосредственно на слух этого исследователя).

«Опосредованная» фонетика$_{II}$ включает **«инструментальную»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются искусственно созданными для этой цели инструментами) vs. **графематическую** (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются исторически сложившейся для этого знаковой системой, то есть письмом).

Графематическая фонетика$_{II}$ включает в себя **«традиционную»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются с помощью стихийно сложившейся социально общепринятой графематической системы) vs. **«специальную»** (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются искусственной специально созданной для этой цели системой специального письма).

«Традиционная» графематическая фонетика$_{II}$ включает в себя (в качестве социального «ядра», то есть «нормы») орфографематической фонетики$_{II}$, т. е., те объективно существующие свойства звуков речи определённого языка определённой эпохи, сведения о которых берутся из орфографически правильных текстов данной эпохи (то есть из таких текстов, в которых соблюдались **орфографические правила** соответствующей эпохи). Орфографематическая фонетика$_{II}$отличается от **«живой»** (= «стихийной», «неграмотной») фонетики$_{II}$, то есть от тех объективно существующих свойств звуков определённого языка определённой эпохи, сведения о которых берутся из всей совокупности текстов данной эпохи (то есть из таких текстов, в которых, вообще говоря, орфографические правила соответствующей эпохи не соблюдались).

«Ядерной» частью орфографематической фонетики$_{II}$ является **орфоэпическая** орфографематическая фонетика$_{II}$, то есть совокупность таких объективно существующих свойств звуков речи,

сведения о которых основываются на **«презумпции орфоэпической правильности»**, то есть на презумпции того, что носители данного языка произносили орфографически правильные тексты именно так, как того требовала орфоэпическая норма той эпохи. Орфоэпическая орфографематическая фонетика$_{II}$ отличается от **«просторечной»** орфографематической фонетики$_{II}$, для которой презумпция орфоэпической правильности не соблюдалась.

«Специальная» фонетика$_{II}$ (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются искусственной специально созданной для этой цели системой специального письма) подразделяется на **«транскрипционную»** и **«транслитерационную»**.

«Специальная транскрипционная» фонетика$_{II}$ (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются искусственной специально созданной для этой цели системой специального письма — транскрипцией) подразделяется на **«научно-транскрипционную»** и **«практически-транскрипционную»**.

«Специальная транслитерационная» фонетика$_{II}$ (т. е., те объективно существующие свойства звуков речи, которые фиксируются искусственной специально созданной для этой цели системой специального письма — транслитерацией) подразделяется на **«научно-транслитерационную»** и **«практически-транслитерационную»**.

Как видно из изложенного, графематическая фонетика занимает довольно важную часть общей фонетики: фонетический языковой материал весьма значительной части языков мира (как «мёртвых», так и «живых») представлен «через призму» традиционных систем письма (а также через их транслитерацию), и к тому же фонетический языковой материал «реконструируемых праязыков» и «живых бесписьменных» языков и диалектов представлен в виде «научной» или «практической» транскрипции.

Тем поразительнее тот факт, что графематическая проблематика занимает столь ничтожное место в современных учебниках фонетики и столь мало учебных часов в учебных планах подготовки лингвистов: существующие учебные курсы выглядят так, словно бы никакой фонетики, кроме «чистой» и «инструментальной», не существовало бы в принципе. Между тем очевидно, что это отнюдь не соответствует действительности.

Разумеется, допустимо по-разному проводить границы между лингвистическими дисциплинами. В частности, теоретически вполне имеет право на существование и такая концепция, где фонетика сводится только к чистой и инструментальной. Однако в этом случае непростительным искажением картины того, как язык реально функционирует, являлось бы полное отсутствие сведений о графематической фонетике в составе общей системы лингвистических дисциплин и полное отсутствие «теории письма» (//общей «грамматологии») в системе лингвистических дисциплин.

Оптимальным решением, с моей личной точки зрения, было бы некоторое компромиссное балансирование между изложением теории письменной формы языка (грамматологии) и теории устной формы языка (фонетики), насквозь прошитое взаимными отсылками. Как это сделать практически — вопрос довольно непростой. Но задуматься над ним всё-таки стоит.

С. А. Крылов

Опыт составления краткой библиографии избранных работ по начальному ознакомлению с исторической и генетической (сравнительно-исторической) лингвистикой

Ю. А. Клейнеру — с любовью и почтением

Аннотация. Статья представляет собой систематизированный библиографический обзор литературы, предназначенной для начального ознакомления с исторической и сравнительно-исторической (генетической) лингвистикой. В обзор включены научно-популярные книги и статьи, учебники и учебные пособия, разделы задачников, энциклопедические статьи, а также основополагающие научные труды по компаративистике и индоевропеистике на русском и английском языках. Библиография охватывает период с конца XIX по начало XXI века и призвана служить ориентиром для студентов-филологов, а также для всех, начинающих знакомство с данной областью языкознания.

Ключевые слова: историческая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, компаративистика, генетическая классификация языков, индоевропеистика, этимология, языковое родство, реконструкция праязыка, фонетический закон, библиография, учебная литература.

А. Литература на русском языке[1]

[1] Ниже использованы следующие сокращения: БГ = берестяные грамоты; ВвЯв = Введение в языковедение; ВвЯз = Введение в языкознание; ГК = Генеалогическая классификация; Г-к[а] = грамматик[а]; ГКЯ = Генеалогическая КЯ; Гр- = грамматическ[ий]; ДРЯ = древнерусский язык; зв- = звуков[ой]; ИЕ- = индоевропейск[ий]; ИЕЯ = Индоевропейские языки; Изм-е = изменение; Изм-я = изменения; ИЛ = История л-ки; ИЛУ = История лингв. учений; ИРЯ = история русского языка; ИРЛЯ = история русского литературного языка; ИЯз = История ЯЗ; КП = компаративистика; КЯ = классификация языков; лингв. = лингвистическ[ий]; ле-к[а] = лексик[а]; л-к[а] = лингвистик[а]; лингв. = лингвистическ[ий]; ЛЛ = лексикологи[я]; М- = морфологическ[ий]; МГ- = младограмматическ[ий]; МГзм = младограмматизм[]; МГки = младограмматик[и]; МЛ

I. Научно-популярная литература (для широкого круга читателей)[2]

I. 1. Книги

Казанский Б. В. Приключения слов. М. Молодая гвардия, 1931. — 175 с.

~ В мире слов. Л. ЛИ, 1958. — 263 с.

Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя. — Л.: ЛИ, 1962. — С. 94–164.

Вартаньян Э. А. Рождение слова. М.: ДЛ, 1970. — 160 с.

~ Из жизни слов. Изд. 3. М.: ДЛ, 1973. — 288 с.

~ Эти мудрёные слова… Рассказы. М.: ДЛ, 1980. — 63 с.

~ Путешествие в слово. Изд. 3-е, испр. М., Пщ, 1987. — 208 с.

Шанский Н. М. В мире слов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Пщ, 1985. — 255 с.

Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке ЭЛ. 2-е изд. М., Пщ, 1973. — 256 с.

Леонтьев А. А. Путешествие по карте ЯМ. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Пщ, 1990. — 143 с.

Новикова-Грунд М. В. Язык: открытый колодец времени. — М.: Интерпракс, 1995. — 139 с.

= морфологи[я]; Нат- = натуралистическ[ий]; НоЯ = наука о языке; ОЛ = общая лигвистика; ОЯв = Обще[е] языковедени[е]; ОЯз = Обще[е] языкознани[е]; ПЛ = Палеонтология лингв.; ПСл = праславянский язык; РК = реконструкци[я]; РКЛ = реконструкци[я] лингв.; РодЯ = родство языков; РЯ = русск[ий] язык[]; Сб-к = сборник; СеЯ = Семья языковая; СИ- = Сравнительно-историческ[ий]; СИМ = СИ- метод; СИЯ = СИ- ЯЗ; СлЯ = славянск[ие] язык[и]; СрГ = Сравнительная грамматика; СрМ = Сравнительный метод; СрЯв = Сравнительное ЯВ; СрЯз = Сравнительное ЯЗ; СтСл = старославянский язык; Ф-к[а] = фонетик[а]; Ф- = фонетическ[ий]; ФЗн = Ф- з-н; ФЗны = Ф- з-ны; ЦСл = церковнославянский язык; ЭЛ = этимологи[я]; ЯВ = языковедени[е]; ЯЗ = Языкознани[е]; я-ки = язык[и]; ЯМ = Язык[и] мира; ЯР = языково[е] родств[о].

[2] В данном разделе использованы следующие сокращения: ВШ = Высшая школа; ДЛ = Детская литература; ИИЛ = Издательство иностранной литературы; ЛИ = Лениздат; МУ = Издательство Московского университета; Пщ = Просвещение; УП = Учпедгиз; ФН = Флинта - Наука.

Комри Б., Мэтьюс С., Полински М., Эйтчисон Д. Атлас ЯМ. Происхождение и развитие языков во всем мире. М.: Лик пресс, 1998. — 224 с.

Плунгян В. А. Почему языки такие разные: Популярная л-ка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. — 272 с.

Старостин Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о СИЯ с Е. Я. Сатановским. При участии А. В. Дыбо, А. Ю. Милитарёва, И. И. Пейроса. М.: «Дело» РАНХиГС, 2015/2016. — 584 с.

Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Сомин А. А. [и др.]. Сто языков. Вселенная слов и смыслов. — М.: АСТ, 2018. — 224 с.

Зализняк А. А. Из заметок о любительской л-ке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. — 208 с.

I. 2. Статьи и разделы из книг для широкого читателя[3]

Долгопольский А. Б. Языки — братья, дедушки и племянники // ЗС, 1966, № 2. С. 10–14.

~ Как говорили шесть тысяч лет тому назад // ЗС, 1966, № 7. С. 26–29.

~ От Сахары до Камчатки языки ищут родственников // ЗС, 1967, № 1. С. 43–46.

~ В поисках дальнего родства // РР, 1967, № 6. С. 95–109.

~ Древние корни и древние люди // РР, 1968, № 2. С. 96–108.

~ Языки Африки и аргумент метели // ЗС, 1969, № 11. С. 26–28.

~ Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество: доступно и точно о главном в мировой науке: Международный ежегодник. 1971—72. М., Знание, 1972. С. 106–119.

~ Языки и проблемы прародины // ЗС, 1975, № 6. С. 15–19.

Аксёнова М. Д. (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. ЯЗ. РЯ.– М.: Аванта+, 1999. — Разд. «Языки развиваются» (с. 374–404), «Вавилонское смешение» (с. 405–463).

Норман Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. М.: ФН, 2004. — Разд. «Становление, развитие, взаимодействие языков» (с. 248–283).

Бурлак С. А. Как язык меняется // ЛШ, с. 56–64.

[3] Использованы сокращения: ЗС = «Знание – сила»; ЛШ = Муравенко Е. В., Шеманаева О. В. (ред.-сост.). Лин-ка для всех. Летние лингвистич. школы 2005 и 2006. М.: МЦНМО, 2008; РР = «Русская речь».

~ Доказательство и доказательность в СИЯ // ЛШ, с. 65–74.
Касьян А. С. Те, кто говорил на языке наших предков // Наука в фокусе № 11, 2012 (www)
~ Как строить деревья? Проверка на лезгинских языках [2015] // http:генофонд.рф/?page_id=2421
Алпатов В. М. ЯЗ. От Аристотеля до компьютерной л-ки. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. Гл. 12. «Как и почему изменяется язык» (С. 125–146).

I. 3. Энциклопедические статьи в «детских» энциклопедиях[4]

[***] Заимствование в языке // ЮФ 101; ⇒ ЮЛ 152.
~ История языка // ЮФ 125; ⇒ ЮЛ 180–181.
~ Монгольские и тунгусо-маньчжурские я-ки // ЮФ, 1984 177
Булатова Л. Н. Аналогия в Г-ке // ЮФ 26–28; ⇒ ЮЛ 25–27.
~ Историч. изм-я в Гр- системе // ЮФ 118–120; ⇒ ЮЛ 172–174.
~ Падение редуцированных // ЮФ 208–209; ⇒ ЮЛ 301–302.
Панов М. В. [О] закрытое // ЮФ 194–196; ⇒ ЮЛ 282–284.
~ Синхрония и диахрония // ЮФ 275–277; ⇒ ЮЛ 396–397.
~ (опубл. под псевдонимом *Михайлов В. В.*) СИМ // ЮФ 296–298 ⇒ ЮЛ 420–422.
~ Цоканье // ЮФ 328; ⇒ ЮЛ 486.
Горшкова К. В. Диалекты и история языка // ЮФ 82–83; ⇒ ЮЛ 124–125.
~ З-н открытых слогов // ЮФ 103–104; ⇒ ЮЛ 154–155.
~ Относит. и абсолютная хронология в ЯЗ // ЮФ 206–207; ⇒ ЮЛ 296–298.
Ашнин Ф. Д. Тюркские я-ки // ЮФ 311–312; ⇒ ЮЛ 447–449.
~ Угро-финские я-ки // ЮФ 313.
~ Угро-финские (финно-угорские) я-ки // ЮЛ 458.
Толстой Н. И. СлЯ // ЮФ 280–283; ⇒ ЮЛ 400–402.
~ Основоположники славяноведения (славянской филологии) // ЮФ 282; ⇒ ЮЛ 291–292.

[4] В данном разделе использованы следующие сокращения: ЮФ = Панов М. В. (сост.), Степанов Г. В. (отв. ред.). Энциклопедич. словарь юного филолога (языкознание). – М.: Педагогика, 1984; ЮЛ = Панов М. В. (сост.), Энциклопедич. словарь юного лингвиста. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ФН, 2006.

Откупщиков Ю. В. ЭЛ // ЮФ 337–338; ⇒ ЮЛ 506–508.
Лихтман Р. И. Диахронич. фонология // ЮФ 86–88; ⇒ ЮЛ 128–131.
Земская Е. А. Переразложение (деэтимологизация) // ЮФ 218; ⇒ ЮЛ 314.
Мурат В. П. Историч. изм-я в стилистике // ЮФ 123–124; ⇒ ЮЛ 178–179.
Яхонтов С. Е. Глоттохронология // ЮФ 62–64; ⇒ ЮЛ 93–95.
Касаткин Л. Л. Историч. изм-я в Ф-ке // ЮФ 124–125; ⇒ ЮЛ 179–180.
~ Оканье и аканье // ЮФ 196–197; ⇒ ЮЛ 284–286.
Широков О. С. Август Шлейхер (1821–1868) // ЮФ 253; ⇒ ЮЛ 498–499.
~ Родословное древо СеЯ // ЮФ 254; ⇒ ЮЛ 372.
~ СеЯ // ЮФ 269; ⇒ ЮЛ 387–388.
~ Смешение языков // ЮФ 293; ⇒ ЮЛ 413–414.
~ Языковой союз // ЮФ 343; ⇒ ЮЛ 521.
Климов Г. А. Кавказа я-ки // ЮФ 129–130; ⇒ ЮЛ 182–183.
Топоров В. Н. ИЕ- СеЯ // ЮФ 117; ⇒ ЮЛ 164–166.
~ Прародина индоевропейцев по данным языка // ЮФ 231–233; ⇒ ЮЛ 338–340.
Иванов Вяч. Вс. Ларингальная гипотеза // ЮФ 140–141.
Хабургаев Г. А. Балто-славянская общность // ЮФ 36–37; ⇒ ЮЛ 46–49.
~ БГ // ЮФ 38–40; ⇒ ЮЛ 51–53.
~ Диалекты как свидетели истории народа // ЮФ 83–84; ⇒ ЮЛ 126–128.
~ Прародина славян по данным языка // ЮФ 233–236; ⇒ ЮЛ 341–342.
~ Псл // ЮФ 236–237; ⇒ ЮЛ 342–344.
~ Праязык // ЮФ 237–238; ⇒ ЮЛ 344–345.
~ «Ять» в РЯ // ЮФ 346–348; ⇒ ЮЛ 531–532.
Крысин Л. П. Заимствование лексич. // ЮФ 101–103; ⇒ ЮЛ 152–154.
~ Историч. изм-я в ле-ке // ЮФ120–121; ⇒ ЮЛ 174–176.
~ Историч. изм-я в лексич. системе // ЮФ 121–123; ⇒ ЮЛ 176–178.
Алпатов В. М. Мейе Антуан (1866–1936) // ЮЛ 247.

~ МГки // ЮЛ 252–253.
~ Монгольская СеЯ // ЮЛ 256–258.
~ Тунгусо-маньчжурские я-ки // ЮЛ 443–444.
~ ЯМ // ЮЛ 516–517.

I. 4. Разделы задачников для широкого читателя

Городецкий Б. Ю., Раскин В. В. Зв- соответствия между языками // Зализняк А. А. (ред.). 200 задач по ЯВ и математике. М.: МУ, 1972. — С. 220.

[*Зализняк А. А.* (ред.)]. Лингв. задачи. М.: Пщ, 1983, с. 22–33, 89–91, 97–123.

Беликов В. И., Муравенко Е. В., Алексеев М. Е. (сост.). Задачи лингв. олимпиад 1965–1975. М.: Изд-во ВЦНМО, 2006, задачи 6–34 (с. 12–32, 179–209).

II. Учебная литература

II. 0. Учебники по л-ке, понимаемой как КП

Мюллер М. Лекции по НоЯ [1860–1865]. Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. — 314 с.

Уитни В. Д. Жизнь и рост языка // Филологич. записки. Воронеж, 1885.

Овелак А. Лин-ка. Пер. с франц. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1881. — 345 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. М.: ИИЛ, 1960. — 500 с.

Фортунатов Ф. Ф. СрЯв. Общий курс. — М.: КРАСАНД, 2010. — 184 с.

Крушевский Н. В. Очерк НоЯ. Казань, 1883. — 150 с.

Шрадер О. СрЯв и первобытная история. Лингвистико-историч. материалы для исследования индогерманской древности. Пер. с нем. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1886. — 484 с.

II. 1. Учебники по введению в КП (понимаемой как раздел л-ки)

Мейе А. СрМ в историч. ЯЗ. Пер. с франц. М.: ИИЛ, 1954. — 104 с.

Пизани В. ЭЛ. История — проблемы — метод. Пер. с итал. М.: ИИЛ, 1956. — 186 с.

Смирницкий А. И. СИМ и определение ЯР. — М.: МУ, 1955. — 59 с.

Перетрухин В. Н. СИМ изучения языков и основы генеалогической их классификации. Тюмень: [Кн. изд-во], 1960. — 36 с.

Иванов Вяч. Вс. ГКЯ и понятие ЯР. — М.: МУ, 1954. — 53 с.

Старостин С. А., Бурлак С. А. Введ. в лингв. КП. М.: URSS, 2001. — 272 с.

~ ~ СИЯ. М.: Academia, 2005. — 432 с.

Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. Курс лекций по ОЯз. М.: ФН, 2008. — 584 с.

II. 2а. Разделы учебников по введ. в лин-ку

Соссюр Ф. де. Курс ОЛ // Соссюр Ф. де. Труды по ЯЗ. — М.: Прг, 1977. Ч. I. Гл. III. Статич. л-ка и эволюционная л-ка (с. 112–132); Ч. III. Диахронич. л-ка (с. 173–217); Ч. V. Вопросы ретроспективной л-ки (с. 248–269).

Богородицкий В. А. Лекции по ОЯв. Казань, 1911. — Л. VI. О зв-з-нах (с. 76–80); Л. VII. Главнейшие зв- соответствия в арио-европейских языках (с. 81–90); Л. XI. Осн. факторы М- развития языка. Замечания по семазиологии (с. 118–129); Л. XV. Диалектич. развитие языка. Обзор языков арио-европейского семейства (с. 216–228); Л. XVI. Семейства и типы языков и их характеристика (с. 216–228). Л. XVII. Воссоздание первобытной арио-европейской культуры и последующего её развития (с. 229–246).

Томсон А. И. ОЯв. Одесса, 1906.- Гл. II. Краткий обзор и КЯ (с. 36–74); Гл. V. Ф- изм-я языка (с. 238–272); Гл. VI. § 2. Изм-е обычных значений слов (с. 316–317); Гл. VII. § 2. Возникновение формальных категорий слов (с. 312–315); Гл. VII. § 3. Изм-е формальных значений слов (с. 316–317); Гл. VIII. Изм-е языка по аналогии и некоторые другие изм-я языка (с. 318–340); Гл. IX. Изм-я языка в словах и в формах слов и в формах синтаксич. словосочетаний (с. 341–351); Гл. X. Возникновение диалектов. Смешение и вымирание языков (с. 352–364).

Кудрявский Д. Н. ВвЯз [1912/1913]. Изд. 3-е, доп. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — § 9. ГКЯ (с. 48–52).

Поржезинский В. К. ВвЯв. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Типо-литография Кушнерев. 1913. — 206 с. Гл. III–IV. ГКЯ (с. 51–67); Гл. XI. ИЕ- праязык и доисторич. эпоха в жизни «индоевропейцев» (с. 181–206).

Вилинский С. Г., Дурново Н. Н., Коган П. С., Кульбакин С. М., Соколов Н. Н., Фасмер М. Р. ЯЗ и теория литературы. М.: Типография изд-ва И. Д. Сытина, 1910. — Гл. VIII. Зв- изм-я в языке (с. 53–60); Гл. IX. Значения слов и их изм-я (с. 61–67); Гл. XI. Как изменяются формы слов (с. 79–87); Гл. XII. Происхождение форм; их вымирание (с. 88–91); Гл. XIII. Развитие языка и его смерть (с. 92–99); Гл. XV. Языки и их классификация (с. 104–106); Гл. XVI. ИЕ- СеЯ (с. 107–113); Гл. XVII. СлЯз. Болгарский язык. ЦСл (с. 114–123); Гл. XVIII. СлЯ. Сербский язык. Словинский язык (с. 124–131); Гл. XIX. СлЯ. Западнославянские я-ки. Чешский язык. (с. 132–136); Гл. XX. СлЯ. Польский язык. Кашубский язык. Лужицкий язык (с. 137–142); Гл. XXI. Взаимное отношение СлЯ (с. 143–145); Гл. XXII. РЯ и его отличит. черты (с. 146–151); Гл. XXIII. Изм-я в зв- стороне РЯ с XI в. (с. 152–161); Гл. XXIV. Изм-я в области рус. гр- форм. Склонение (с. 162–170); Гл. XXVII. Словарные заимствования в РЯ (с. 192–205); Гл. XXVII. Наречия РЯ (с. 205–214).

Ушаков Д. Н. Краткое введ. в НоЯ. Изд. 10-е, стер. [1928]. М.: УРСС, 2004. Отдел II (с. 100–142). Гл. VII. Я-ки (с. 100–112); Гл. VIII. Происхождение языка. Возникновение и исчезновение языков (с. 113–121); Гл. IX. Жизнь языка (с. 122–113)

Вандриес Ж. Язык. Лингв. введ. в историю. Пер. с франц. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. — Ч. I. Гл. II. Ф- система и её изм-е (с. 44–59); Ч. II. Гл. V. М- изм-я (с. 151–166); Ч. III. Гл. II. Как изменяется значение слов (с. 181–198); Ч. III. Гл. III. Как понятия изменяют своё название (с. 199–215); Ч. IV. Образование я-ков (с. 216–283); Ч. IV. Гл. I. Язык и я-ки (с. 216–226); Ч. IV. Гл. II. Диалекты и спец. я-ки (с. 227–239); Ч. IV. Гл. III. Общие языки (с. 240–256); Ч. IV. Гл. IV. Соприкосновение и смешение я-ков (с. 257–270); Ч. IV. Гл. V. РодЯ и СрМ (с. 271–283).

Сепир Э. Язык. Введ. в изучение речи. Пер. с англ. М.: ОГИЗ, 1934. — Гл. VII. Язык как продукт истории: движение языка (с. 116–134); Гл. VIII. Язык как продукт истории: ФЗн (с. 135–150);

Гл. IX. Как языки влияют друг на друга (с. 151-162).

Петерсон М. Н. ВвЯв. Задания № № 3 и 4. М.: Бюро заочного обучения при педфаке II МГУ, 1930. Задание № 4. VI Гл. Понятие о зв- з-не (с. 24-43).

~ ВвЯв. 1-й год заочного обучения. Задания № № 5 и 6. М.: Бюро заочного обучения при педфаке II МГУ, 1930. Задание № 4. VI Гл. РодЯ. ГКЯ (с. 1-20).

Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ. М., Прг, 1968, Гл. XVIII. СрМ (с. 328–352); Гл. XX. Ф- изм-я (с. 379–402); Гл. XXI. Типы ф- изм-ий (с. 403–426); Гл. XXII. Изм-я в частотности форм (с. 427–440); Гл. XXIV. Семантич. изм-я (с. 465–486); Гл. XXV–XXVII (с. 487–544).

Булаховский Л. А. ВвЯз. Ч. 2. Изд. 2-е. М.: УП, 1953.

Бузук П. А. Осн. вопросы ЯЗ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1924. — Гл. V. Зв- изм-я и их причины (с. 60–74); Гл. VI. Семасиология (с. 75–97); Гл. VIII. Гл. принципы изм-я гр- строя (с. 138–162); Гл. X. Понятия о СрЯв (с. 171–184).

Шор Р. О., Чемоданов Н. С. ВвЯв. М.: УП, 1945, с. 56–62, 80–88, 134–135, 161–191, 263–273.

Чикобава А. С. ВвЯз. Ч. I. Изд. 2-е. М.: УП, 1953. — Гл. I. Введ. § 2 (с. 15–16); Гл. II. Язык, его общественная сущность, развитие и происхождение § 17 (с. 60–61); § 21–31 (с. 72–123); Гл. III. Ф-ка. §§ 53–56 (с. 165–170); Гл. IV. КЯ. §§ 66–82 (с. 191–234).

Кузнецов П. С. О принципах изучения гр-ки. М.: МУ, 1961. — Разд. «Историч. развитие гр- строя», § 16–18 (с. 82–99).

Реформатский А. А. ВвЯв. Изд. 4. М., Пщ, 1967, § 76. Первые опыты ГКЯ (с. 384–389); § 77. СИМ в ЯВ (с. 389–407); § 78. ГКЯ (с. 407–449); Гл. VII. Происхождение языка, образование и историч. развитие языков (с. 457–518).

Савченко А. Н., Иоффе В. В. ОЯз. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1985. — Разд. «Развитие языка» (с. 157–206).

Звегинцев В. А. Очерки по ОЯз. М., МУ, 1962. — Гл. III. Развитие языка (с. 152–200); Гл. IV. Язык и история (с. 201–289).

Будагов Р. А. Введ. в НоЯ. 2-е изд. М., МУ, 1965.- 3-е изд. М.: Добросвет-2000, 2003. — С. 79–146, 217–223, 434–452, 470–478, 508–521.

Маслов Ю. С. ВвЯз. М., ВШ, 1975, Гл. V. Историч. развитие я-ков

(с. 241–289).
~ ВвЯз. Изд. 2-е. М., ВШ, 1987, Гл. V (с. 186–220); Гл. VI, ч. 1–2 (с. 221–230).
Баранникова Л. И. ВвЯз. Саратов: СГУ, 1973.- Гл. II, § 22 (с. 89–92).
Головин Б. Н. ВвЯз. Изд. 4-е. М.: ВШ, 1983.- Разд.: Историч. и функциональные изм-я фонем (с. 47–52); Развитие лексич. значений (с. 61–62); Перенос значений (с. 62–64); ЭЛ (с. 64–66); Изм-я материальной структуры слова (с. 93–94); СИМ (с. 191–192); Историч. метод (с. 192–193); ГКЯ (с. 183–186); Методика историч. сравнения (с. 200); СИЯ (с. 210–211); Выход за пределы СИЯ (с. 211–213); МГки (с. 213).
Глисон Г. Введ. в дескриптивную л-ку. Пер. с англ. М.: ИИЛ, 1959.- Гл. XXIII. КЯ мира (с. 435–454); Гл. XXIV. Отдельные я-ки и языковые семьи (с. 455–481).
Кодухов В. И. ОЯз. М.: ВШ, 1974.- Гл. 11. Язык и история (с. 185–201); § 41. СИМ (с. 254–262); § 42. Историко-сравнит. метод (с. 263-270).
Агаян Э. Б. ВвЯз. Ереван. Изд-во Ереванского ун-та, 1960. — § 4. СИМ (с. 15–46); Разд. II. Б. Зв- изм-я (с. 150–176); Разд. III. А, §§ 46–49 (с. 211–240).
Сусов И. П. ВвЯз. М.: Восток — Запад, 2007, с. 275–312.
Перетрухин В. Н. ВвЯз. Белгород: БГУ, 1968. Гл. IV, § 1 (с. 48–49); Гл. IV, § 2 (с. 49–58); Гл. IV, § 4 (с. 63–65); Гл. V, § 2 (с. 67–69); Гл. V, § 4 (с. 72–76); Гл. IX, § 3 (с. 129–130); Гл. XIII (с. 182–197); Гл. XVIII, § 1 (с. 257–258); Гл. XVIII, § 2 (с. 258–263); Гл. XVIII, § 3 (с. 263–267); Гл. XX, § 2–3 (с. 291–300).
Супрун А. Е. Лекции по ЯЗ. Минск: БГУ, 1971. — Л. V. Об изм-ях в языке (с. 93–117).
~ Лекции по ЯВ. Минск: БГУ, 1978. — Л. V. Системный характер языковых изм-ий и необходимость комплексного их изучения (с. 95–112).
Супрун А. Е. (отв. ред.) ОЯз. Минск, Вышэйшая школа, 1983: Ч. 4 (с. 335–421).
Немченко В. Н. ВвЯз. М.: Дрофа, 2008. — Гл. 5. Формирование и развитие языков (§ 265–303) (с. 541–602); Гл. 6. КЯ. Разд. «ГКЯ» (§ 304–308) (с. 603–611).

~ ВвЯз. М.: Юрайт, 2013. — [679 с.] — Гл. 5. Формирование и развитие языков (с. 564–629); Гл. 6. КЯ. 6.1. ГКЯ (с. 631–638).

Степанов Ю. С. Основы ЯЗ. М., Пщ, 1966. — С. 225–243.

Шадури Т. Н. ОЯз. Тбилиси: Ганатлеба, 1983. — С. 31–35, 302–348.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. ОЯз. М.: Пщ, 1979. Гл. XV. СИ- изучение языков (с. 295–307).

Лайонз Дж. Введ. в совр. л-ку. Пер. с англ. М., Прг, 1978. — Разд. 1. 3. СИЯ (с. 39–55).

~ Язык и л-ка. Вводный курс. Пер. с англ. М.: УРСС, 2004. — Разд. «Изм-е языка» (с. 165–195).

Шайкевич А. Я. Введ. в л-ку. М.: Академия, 2005, с. 211–349.

Касевич В. Б. Элементы ОЛ. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — Гл. «Генетич. изучение языков» (с. 126–129).

~ ВвЯз. СПб.: СПбГУ, 2011. — Гл. «Генетич. изучение языков» (с. 164–167).

Куликова И. С., Салмина Д. В. Теория языка. Т 2. СПб.: Наука – Сага, Форум 2009. — Гл. 17. З-ны развития языка (с. 234–279); Гл. 18. ЯР и ГКЯ (с. 280–330); Гл. 19. Виды языковой интеграции (с. 331-377).

~ ~ ВвЯ. М.: Юрайт, 2013. — Гл. 13. З-ны развития языка. ЯР и ГКЯ (с. 502–564); Гл. 14. Виды языковой интеграции (с. 565–604).

Вендина Т. И. ВвЯз. М.: ВШ, 2001. С. 38–54, 268–279.

Красухин К. Г. ОЯз. — М.: Юрайт, 2025. — Тема 13. Методы исследования языка. СИЯ. Понятие ФЗна (с. 203–217); Тема 14. ГКЯ. РК праязыка, протокультуры и прародины носителей языка-предка (с. 218–257).

II. 2б. Разделы задачников по введ. в л-ку

Мучник И. П. ВвЯз. Сб-к задач и упражнений для практич. занятий и самостоятельной работы студентов. М.: УП, 1957. — Разд. «Историч. развитие системы языка» (с. 120–121); «СИМ и ГКЯ» (с. 127–143).

Зиндер Л. Р. ВвЯз. Сб-к задач. М.: ВШ, 1987. — Разд. «ЭЛ (…). Определение зв- корреспонденций в родственных языках» (зад. 1030–1038) (с. 169–170); «Определение РодЯ» (зад. 1039–1044) (с. 170–171).

Малаховский В. А. Сб-к задач и упражнений по курсу «ВвЯз». М.: УП, 1960. — Ч. IV. СИМ в ЯЗ (с. 144–148).

Клюева В. Н. Задачник по курсу «ВвЯз». М.: ВШ, 1962.- Разделы: Ф-ка II. Ф- изм-я (с. 11–19); ЛЛ I. Развитие значения слова (с. 24–33); ЛЛ II. Пласты словарного состава (с. 33–43); ЛЛ V. Научная ЭЛ и «ложная» ЭЛ (народная) (с. 67–70).

Калабина С. И. Практикум по курсу «ВвЯз». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ВШ, 1985. — Разд.: I. ЯМ (с. 5–8); II. Происхождение языка и развитие языков (с. 8–10).

Норман Б. Ю. Лингв. задачи. М.: ФН, 2005. — Задачи 6.53–6.110. (С. 237–249).

II. 2в. Разделы учебников по истории л-ки[5]

Дельбрюк Б. Введ. в изучение языка. Из истории и методологии СрЯз // Булич С. К. Очерк ИЯз в России. СПб., 1904. — Приложение (150 с.) (passim).

Томсен В. ИЯз до конца XIX в. Пер. с нем. М.: УП, 1938. — 160 с. (passim).

Чудинов А. Н. Очерк ИЯз в связи с историей обучения родному языку [1869]. Воронеж, Типография В. А. Гольдштейна, 1872. — Гл. IX. Очерк развития историко-сравнит. ЯЗ (с. 79–107).

Лоя Я. ИЯз. М.: ВШ, 1968. — 308 с. (passim).

Тронский И. М. СИ- исследования // ТПСЯ. — С. 5–34.

Звегинцев В. А. ИЯз XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Пщ, 1964. — Разд.: «I. Зарождение СИЯ» (с. 25–68); «III. Нат- направление в ЯЗ» (с. 105–122); «IV. МГ- направление» (с. 184–232); «VII. Критика МГ- направления» (с. 301–357).

Кондрашов Н. А. ИЛУ. М.: Пщ, 1979. — Гл. 4. Возникновение СИЯ (с. 37–47); Гл. 6. § 30 (с. 55–59); Гл. 7. § 36 (с. 76–80); Гл. 14. § 57 (с. 174–177).

Робинс Р. Х. Краткая ИЯз. Пер. с англ. М.: ВШ, 2010. — Гл. 7. Сравнит. и историч. ЯЗ в XIX веке (с. 235–272).

ВенШай Вып. 1, 1974. — С. 42–94.

~ Вып. 2. 1974. — С. 6–35.

~ Вып. 3. 1970. — С. 28–60.

[5] Сокращения: ВенШай = *Венцкович Р. М., Шайкевич А. Я.* История ЯЗ. Вып. 1 3. М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1970 1974; ТПСЯ = Филин Ф. П. (отв. ред.). Теоретич. проблемы советского ЯЗ. М.: Наука, 1968.

Сусов И. П. ИЯз. М.: Восток — Запад, 2006, с. 139–211, 252–255.

Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по ИЛ. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — Гл. 4. Формирование СИЯ (с. 257–318); Гл. 6. МГ- этап в ЯЗ (с. 415–477).

~ ~ ~ ИЯз. Изд. 2=е. М.: Academia, 2005. — Гл. 4. Формирование СИЯ (с. 231–290); Гл. 6. МГ- этап в ЯЗ (с. 381–442).

Трубачёв О. Н. Этимологич. исследования // ТПСЯ. — С. 91–105.

Березин Ф. М. ИЛУ. М.: ВШ, 1975. — Гл. 3. Общее и СИЯ начала XIX в. (с. 31–42); Гл. 7, § 3. Понятие праязыка и понятие родословного древа (с. 105–108); Гл. 8. МГ- школа в ЯЗ (с. 109–128); Гл. 9. § 5. Вопросы СИЯ в работах Ф. Ф. Фортунатова (с. 139–144).

Боронникова Н. В., Левицкий Ю. А. Лекции по ИЛ. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. — С. 71–81, 89–96, 101–104, 124–125.

~ ~ ИЛУ. — М.: ВШ, 2005; 2-е изд., 2009. — С. 106–112, 122–131, 137–141, 166–167.

Алпатов В. М. [при участии Крылова С.А.] ИЛУ. Изд. 5-е. М.: Юрайт, 2025. — Л-ка XVIII века и первой пол. XIX века. Становление СИМ (с. 49–56); Август Шлейхер (с. 72–77); МГзм (с. 89–102); «Диссиденты индоевропеизма» (с. 103–111);

II. 3. Энциклопедические статьи (для взрослого читателя)[6]

[***]. ЦСл // $Б_1$ 60. Холангит – Цянь. 1934 # 625.

[6] В данном разделе использованы следующие сокращения: БРЭ = Большая Российская энциклопедия; БСЭ = Большая СЭ; $Б_Р$ = Осипов Ю. С. (гл. ред.). БРЭ. Тт. 1–35. М.: БРЭ, 2004–2017; $Б_1$ = Шмидт О. Ю. (гл. ред.). БСЭ. Тт. 1–65. М.: СЭ, 1926–1947; $Б_2$ = Введенский Б. А. (гл. ред.). БСЭ. Изд. 2-е. Тт. 8–51. М.: БСЭ, 1951–1960; $Б_{2а}$ = Вавилов С. И. (гл. ред.). БСЭ. Изд. 2-е. Тт. 1–7. М.: БСЭ, 1949–1951; $Б_3$ = Прохоров А. М. (гл. ред.) БСЭ. Изд. 3-е. М.: СЭ, 1969–1978; λ = Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистич. энциклопедич. словарь. М.: СЭ, 1990; λ_2 = Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистич. энциклопедич. словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: БРЭ, 2002; $Р_1$ = Филин Ф. П. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: СЭ, 1979; $Р_2$ = Караулов Ю. Н. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. М.: БРЭ, 1997; $Р_3$ = Молдован А. М. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. Изд. 3-е. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020; СЭ = Советская энциклопедия.

Перед цифровым знаком диапазона идёт символ ς (знак №№ страниц), или символ # (знак №№ столбцов).

~ Контаминация // $Б_1$ 34. Конкурс – Крестьянская война.1937 # 133.
~ Корреспонденции зв- // $Б_1$ 34. Конкурс – Крестьянская война. 1937 # 372.
~ МГки // $Б_1$ 39. Мерави – Момоты. 1938 # 547–548.
~ СеЯ // $Б_1$ 50. Ручное огнестрельное оружие – Серицит, 1944 # 772.
~ СлЯ // $Б_1$ 51. Серна – Созерцание, 1945 # 376–378.
~ Аналогия [в ЯЗ] // $Б_{2а}$ 2. Акты – Ариетта, 1950 ς 352–353.
~ Дивергенция [в ЯЗ] // $Б_2$ 14. Демосфен – Докембрий, 1952 ς 315.
~ Заимствования в языке // $Б_2$ 16. Железо – Земли, 1952 ς 328–329.
~ ИЕЯ // $Б_2$ 18. Индекс – Истон. 1953 ς 98–99.
~ МГки // $Б_2$ 27. Медузы – Многоножка. 1954 ς 641–642.
~ ПЛ // $Б_2$ 31. Олонхо – Панино. 1955 ς 596.
~ РКЛ // $Б_2$ 36. Раковник – «Ромэн». 1955 ς 320.
~ РодЯ // $Б_2$ 36. Раковник – «Ромэн». 1955 ς 609–610.
~ СеЯ // $Б_2$ 38. Самойловка – Сигиллярии. 1955 ς 492.
~ Скрещение языков // $Б_2$ 39. Сигишоара – Соки, 1956 ς 267.
~ ФЗны // $Б_2$ 45. Фидер – Фурьеризм. 1956 ς 299–300.
~ ЦСл // $Б_2$ 46. Фусе – Цуруга. 1957 ς 576.
~ ЭЛ // $Б_2$ 49. Элоквенция – Яя. 1957 ς 244.
~ Аналогия [в лин-ке] // $Б_3$ 1. А – Ангоб. 1970 ς 567–568 # 1677–1678.
~ Старославянизмы // $Б_3$ 24. Ч. 1. Собаки – Струна. 1976 ς 431–432 # 1278–1279.
~ Субстрат // $Б_3$ 25. Струнино – Тихорецк. 1976 ς 22 # 53.
~ Суперстрат // $Б_3$ 25. Струнино – Тихорецк. 1976 ς 83 # 236.
~ Падение редуцированных // $Б_Р$ 25. П – Пертурбационная функция. 2014, с. 130–132.
~ Палатализация // $Б_Р$ 25. П – Пертурбационная функция. 2014, с. 99-100.
~ РКЛ // $Б_Р$ 28. Пустырник – Румчерод. 2015 ς 364.
~ СИЯ // $Б_Р$ 31. Социальное партнёрство – Телевидение. 2016 ς 106–107.
~ Ф- процессы // $Б_Р$ 33. Уланд – Хватцев. 2017 ς 469–470.
Щерба Л. В. СрМ // $Б_1$ 52. Сознание – Стратегия, 1947 # 471–472.
Н[емировский] М.[Я.] ИЕЯ // $Б_1$ 28. Империалистическая война – Интерполяция, 1937 # 385–391.
~, Ш[ор] Р. [О.]. ИЕ- праязык // $Б_1$ 28. Империалистическая война – Интерполяция, 1937 # 391–394.

Б[аранников] А.[П.], М[ещанинов] И.[И.], Ш[ор] Р. [О.] ЯМ [цветная схема-карта к статье «Язык»] // $Б_1$ 65. Эфемериды – Яя, 1931, [вклейка между # 384 и 385].

Ш[ор] Р. [О.] Аналогия // $Б_1$ 2. Аконит – Анри, 1926 # 626–627.

~ Ветвь языка // $Б_1$ 10. Венгрия – Вильно, 1928 # 502–504.

~ ГКЯ // $Б_1$ 15. Гейльброн – Германия, 1929 # 147–148.

~ ЭЛ // $Б_1$ 64. Электрофор – Эфедрин. 1933 # 761–762.

~ КЯ // $Б_1$ 32. Каучук – Классон. 1936 # 833–834.

~ ФЗн // $Б_1$ 58. Флора – Франция. 1936 # 117.

~ Мёртвый язык // $Б_1$ 39. Мерави – Момоты. 1938 # 40–44.

~ ПЛ // $Б_1$ 43. Окладное страхование – Палиашвили. 1939 # 809–812.

Винокур Г. О. СтСл // $Б_1$ 52. Сознание – Стратегия, 1947 # 723–725.

Чикобава А. С., Шарадзенидзе Т. С. КЯ // $Б_2$ 21. Кинестезия – Коллизия. 1953 ς 365–368.

Горнунг Б. В., Гухман М. М. СИЯ // $Б_2$ 40. Сокирки – Стилоспоры. 1957 ς 351–352.

Чемоданов Н. С. МГзм // λ 302.

Зиндер Л. Р. Зв- з-ны [в ЯЗ] // $Б_3$ 9. Евклид – Ибсен. 1972 ς 437 # 1299.

Иорданский А. М. СтСл // $Р_1$ 331–333.

Бернштейн С. Б. СлЯ // $Б_2$ 39. Сигишоара – Соки, 1956 ς 305–309 ⇒ $Б_3$ 23. Сафлор – Соан. 1976 ς 552–553 (# 1642–1646) ⇒ $Р_1$ 297–300 ⇒ λ 460–461.

~ Прародина славян // $Р_1$ 223–224.

~ ПСл // $Р_1$ 224-225 ⇒ $Р_2$ 365–366 ⇒ $Р_3$ 531–533.

Макаев Э. А. СИМ // $Р_1$ 327–328.

~ СИЯ // $Р_1$ 328–329.

Серебренников Б. А. РодЯ // $Р_1$ 261.

~ СеЯ // $Р_1$ 283.

~ З-ны развития языка λ 159–160.

Авдусин Д. А. БГ // $Б_3$ 3. Бари – Браслет. 1970 ς 228 # 670–671.

Кодухов В. И. Нат- направление λ 324.

Кондрашов Н. А. СтСл // $Б_2$ 40. Сокирки – Стилоспоры. 1957 ς 511–512.

Жуковская Л. П. БГ // $Р_1$ 31–32.

Брук С. И., Иванов Вяч. Вс. ЯМ // $Б_3$ 30. Экслибрис – Яя. 1978 ς 467–470 # 1389–1396 ⇒ $Р_1$ 417–420.

Журавлёв В. К. Гавлика з-н (правило) // λ 91–92.
~ Нейтрализация // λ 328–329.
~ Педерсена з-н // λ 369.
~ Родство языковое // λ 418–419 ⇒ $Р_2$ 427–428 ⇒ $Б_Р$ 28. Пустырник – Румчерод. 2015 ς 590–591.
~ ФЗны // λ 554–555 ⇒ $Б_Р$ 33. Уланд – Хватцев. 2017 ς 469.
~ Фонологизация // λ 555.
~ СеЯ // $Р_2$ 462–463.
Толстой Н. И. СтСл // $Б_3$ 24. Ч. 1. Собаки – Струна. 1976 ς 431 # 1279–1280 ⇒ λ 491–492 ⇒ $Р_2$ 536–537 ⇒ (с дополнениями *А. А. Турилова*) $Р_3$ 737–738 ⇒ (соавтор — *А. А. Турилов*) $Б_Р$ 31. Социальное партнёрство – Телевидение. 2016 ς 183–184.
Горшков А. И. ИРЛЯ // $Р_1$ 99–101.
~ Славянизм // $Р_1$ 297.
Вомперский В. П. ИРЛЯ // $Р_2$ 162–168.
Иванов В[алерий]. В[ас]. Аналогия // $Р_1$ 20 ⇒ $Р_2$ 27.
~ ДРЯ // λ 143.
~ Зв- з-ны // $Р_1$ 87 ⇒ $Р_2$ 136–137.
~ ИРЯ // $Р_1$ 101–106 ⇒ $Р_2$ 168–171.
~ Неполногласие // $Р_1$ 159-160 ⇒ λ 331–332 ⇒ $Р_2$ 264–265.
~ Падение редуцированных // $Р_1$ 189–190 ⇒ $Р_2$ 315–316.
~ Палатализация // $Р_1$ 190–191 ⇒ $Р_2$ 316–317.
~ Полногласие // $Р_1$ 217 ⇒ λ 382–383 ⇒ $Р_2$ 352–353.
~ Редуцированные гласные // $Р_1$ 251–252 ⇒ $Р_2$ 410 ⇒ λ 408–409.
~ Стяжение гласных // $Р_1$ 339 ⇒ $Р_2$ 544.
~ Цоканье // $Р_1$ 387-388 ⇒ $Р_2$ 616–617.
Откупщиков Ю. В. Лахмана закон λ 255–256.
~ Уилера закон λ 532.
Касаткин Л. Л. Аканье // $Р_1$ 14–15 ⇒ $Р_2$ 19–20 ⇒ $Р_3$ 16–17.
~ Оканье // $Р_1$ 175–176; ⇒ $Р_2$ 282–283 ⇒ $Р_3$ 420.
~ Яканье // $Р_1$ 426–427 ⇒ $Р_2$ 676–677.
~ ЦСл // $Б_3$ 28. Франкфурт – Чага. 1978 ς 539 # 1604–1605 ⇒ λ 575–576.
~ ФЗны // $Р_3$ 813–814.
~ Ф- процессы // $Р_3$ 814–815.
Кубрякова Е. С. Аналогия // λ 31–32.
Плоткин В. Я. Бругмана з-н // λ 76.
~ Вернера з-н // λ 83.

~ Гримма з-н // λ 119–120.
Широков О. С. Бартоломе з-н // λ 70.
~ Грассмана з-н // λ 117.
~ Фортунатова – Соссюра з-н // λ 558.
Климов Г. А. ГКЯ // $Б_3$ 6. Газлифт – Гоголево. 1971 ς 217 # 637–638.
Топоров В. Н. ИЕЯ // $Б_3$ 10. Ива – Италики. 1972 ς 233–234 # 687–690 ⇒ λ 186–189.
~ ПЛ // λ 360–362 ⇒ $Б_Р$ 25. П – Пертурбационная функция. 2014 ς 130–132.
~ СИЯ // λ 486–490.
Сумникова Т. А. ДРЯ // $Р_1$ 77–78.
Иванов Вяч. Вс. ЯМ // $Б_2$ 49. Элоквенция – Яя. 1957 ς 500-502 ⇒ λ 609–613.
~ ГКЯ // λ 93–98.
~ Глоттохронология // λ 109–110.
~ Зибса з-н // λ 166–167.
~ Зиверса – Эджертона з-н // λ 167.
~ Контакты языковые // λ 237–238.
~ Праязык // λ 391–392.
Трубачёв О. Н. ЭЛ // $Б_3$ 30. Экслибрис – Яя. 1978 ς 296 # 875–876 ⇒ $Р_1$ 407–408.
~ Этимологич. словарь // $Р_1$ 405–407.
Долгопольский А. Б. Ностратич. языки // $Б_3$ 18. Никко – Отолиты. 1974 ς 139 # 405.
~ ПЛ // $Б_3$ 19. Отоми – Пластырь, 1975 ς 113.
~ СеЯ // $Б_3$ 23. Сафлор – Соан. 1976 ς 245 # 722-723.
~ СрГ // $Б_3$ 24, ч. 1. Собаки – Струна. 1976 ς 357 # 1058. [опубл. без подписи].
~ СИЯ // $Б_3$ 24, ч. 1. Собаки – Струна. 1976 ς 357–358 # 1058–1060.
Дыбо В. А. Шахматова з-н // λ 587–588.
~, Терентьев В. А. Ностратич. языки // λ 136.
Аксёнова И. С. Даля з-н // λ 126.
Сизова И. А. Передвижение согласных // λ 370.
Варбот Ж. Ж. ЭЛ // λ 596–597 ⇒ $Р_2$ 643–647 ⇒ $Б_Р$ 35. Шервуд – Яя. 2017 ς 489–490 ⇒ $Р_3$ 872–875.
~ Этимологич. словари // $Р_2$ 641–643.
Гудков В. П. СлЯ // $Р_2$ 489–492 ⇒ (с дополнениями *Журавлёва А. Ф.*) $Р_3$ 679–682.

Колесов В. В. Лескина з-н // λ 264.
Добродомов И. Г. Заимствование // $Р_1$ 84–85 ⇒ λ 158–159 ⇒ $Б_Р$ 10. Железное дерево – Излучение. 2008 ς 178.
Дьячков М. В. Креольские я-ки // λ 245.
Зализняк А. А. Иллич-Свитыча – Дыбо з-н // λ 172.
~ БГ // $Р_2$ 47–50.
~, Сичинава Д. В. БГ // $Р_3$ 45–48.
Копорская Е. С. Славянизмы // $Р_2$ 487–489 ⇒ $Р_3$ 676–679.
Крысин Л. П. Заимствование // $Р_2$ 132–133 ⇒ $Р_3$ 183–185.
Лопатин В. В. Опрощение // $Р_1$ 181; ⇒ $Р_2$ 294–295 ⇒ $Р_3$ 432.
~ Переразложение // $Р_1$ 201–202 ⇒ $Р_2$ 331 ⇒ $Р_3$ 485.
Леонтьев А. А. МГзм // $Б_3$ 16. Мёзия – Моршанск. 1974 ς 358–359 # 1062–1063.
Виноградов В. А. Праязык // $Б_3$ 20. Плата – Проб. 1975 ς 498–499 # 1482–1483.
~ Адстрат // λ 19.
~ Дивергенция // λ 136 ⇒ $Б_Р$ 8. Григорьев – Динамика. 2007 ς 724.
~ КЯ // $Б_Р$ 14. Киреев – Конго. 2009 ς 224.
~ Конвергенция // λ 234 ⇒ $Б_Р$ 14. Киреев – Конго. 2009 ς 730.
~ Ларингальная теория // λ 252–253.
~ Опрощение // λ 370.
~ Переразложение // λ 370.
~ Пиджины // λ 374.
~ Субстрат // λ 497.
~ Суперстрат // λ 499.
Нерознак В. П. Архетип // λ 47.
~ Реконструкция // λ 409–410.
~ Языковой союз // λ 617–618.
Топорова И. Н. Майнхофа правило // λ 277–278.
Раскин В. В. Адстрат // $Б_3$ 1. А – Ангоб. 1970 ς 240 # 694.
~ Заимствования // $Б_3$ 9. Евклид – Ибсен. 1972 ς 284 # 838.
Живов В. М. ИРЛЯ // $Р_3$ 227–233.
Алексеев М. Е. Языки народов России // $Р_2$ 669–671.
Калыгин В. П. ~ Бартоли з-н // $λ_2$ 661.
~ Бехагеля з-н // $λ_2$ 661.
~ Ваккернагеля з-н // λ 79.
~ Вандриеса з-н // $λ_2$ 661.
~ Дармстетера з-н // λ 127.

~ Остхофа з-н // λ 353 ⇒ λ_2 671.
~ Фортунатова з-н // λ_2 676.
~ Хирта з-н // λ_2 676.
~ Хольцмана з-н // λ_2 677.
Хелимский Е. А. Реконструкция // $Б_3$ 21. Проба – Ременсы. 1975 ς 616 # 1834.
~ Сетяля теория // λ 444.
Молдован А. М. ЦСл // $Б_Р$ 34. Хвойка – Шервинский. 2017 ς 312–313.
Старостин С. А. Скрещивание языков // λ 457.
Попов М. Б. Палатализация // $Р_3$ 459–464.
~ Полногласие и неполногласие // $Р_3$ 511–515.
~ Редуцированные // $Р_3$ 592–595.
Скорвид С. С. Редуцированные гласные // $Б_Р$ 28. Пустырник – Румчерод. 2015 ς 325.
~ СлЯ // $Б_Р$ 30. Сен-Жерменский мир – Социальное обеспечение. 2015 ς 396–397.
Иванова М. В. ДРЯ // $Р_2$ 123–124.
Дыбо А. В. Ностратич. языки // $Б_Р$ 23. Николай Кузанский – Океан. 2013 ς 350–351.
Крысько В. Б. ДРЯ // $Б_Р$ 9. Динамика атмосферы – Железнодорожный узел. 2007 ς 339–340.
~, Попов М. Б. ДРЯ // $Р_3$ 168–173.
~ ~, Кагарлицкий Ю. В. ИРЯ // $Р_3$ 233–252.
Бурлак С. А. ГКЯ // $Б_Р$ 6. Восьмеричный путь – Германцы. 2006 ς 535–537.
~ ИЕЯ // $Б_Р$ 11. Излучение плазмы – Исламский фронт спасения. 2008 ς 307–309.
Старостин Г. С. Глоттохронология // $Б_Р$ 7. Гермафродит – Григорьев. 2007 ς 255.
~ Праязык // $Б_Р$ 27. Полупроводники – Пустыня. 2015 ς 391.
Коряков Ю. Б. СеЯ // $Б_Р$ 29. Румыния – Сен-Жан-де-Люз. 2015 ς 742–743.

Научная литература (на русском языке)

III. 1. Основы КП

III. 1а. Книги

Серебренников Б. А. Об относит. самостоятельности развития системы языка. М., Наука, 1968. – 127 с.
~ Вероятностные обоснования в КП. М.: Наука, 1974. – 352 с.
Макаев Э. А. Общая теория СрЯз. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
Климов Г. А. Вопросы методики СИ- исследований. М.: Наука, 1971. – 87 с.
Ярцева В. Н. (отв. ред.)., *Журинская М. А.* (ред.) Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.- 208 с.
Климов Г. А. Основы лингв. КП. – М.: Наука, 1990.- 166 с.
Скрелина Л. М. Нек-рые вопросы развития языка. (Проблемы и методы диахронич. исследования). Минск: Изд-во БГУ, 1973.- 144 с.

III. 1б. Обшетеоретич. разделы из книг и статьи по КП[7]

Шухардт Г. О ФЗнах // ШИ, с. 23–55.
~ Об изучении Ф- изм-ий // ШИ, с. 56–72.
Поливанов Е. Д. Историч. ЯЗ и языковая политика // ПМ, с. 10–35.
~ Где лежат причины языковой эволюции? // ПМ, с. 36–53.

[7] В данном разделе используется ряд сокращений: АС = Абаев В. И. Статьи по истории и теории ЯЗ. М.: Наука, 2006; БИ = Беликов В. И. Избранные статьи. М.: Буки-Веди, 2023; ВЯР = Вопросы языкового родства. М: РГГУ, 2009 2015; ЖО = Жирмунский В. М. Общее и германское ЯЗ. Избранные труды. Л.: Наука. 1976; ОЯ 70 = Серебренников Б. А. (отв. ред.). ОЯЗ. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.; ОЯ 73 = Серебренников Б. А. (отв. ред.). ОЯЗ. Методы лингвистич. исследований. М.: Наука, 1973; ПМ = Поливанов Е. Д. За марксистское ЯЗ. Сб-к популярных лингвистич. статей. М.: Федерация, 1931; СИ 04 = Кочергина В. А. (сост.). СИ- исследование языков: совр. состояние и перспективы. М.: МГУ, 2004; ТОК-80 = Ярцева В. Н. (отв. ред.). Теоретич. основы классификации ЯМ. М., 1980; ПР 82 = Серебренников Б. А. (отв. ред.). Теоретич. основы классификации ЯМ: Проблемы родства. М., 1982; ШИ = Шухардт Г. Избр. статьи по ЯЗ. Пер. с нем. М.: ИИЛ, 1950.

Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в лин-ке. Вып. 4. — М., 1964. — С. 400–431.

Бенвенист Э. Семантич. проблемы реконструкции [1954] // Бенвенист Э. ОЛ. Пер. с франц., М.: Прогресс, 1974. — С. 331–349.

Абаев В. И. О ФЗне [1933]. — АС, с. 19–26.

Жирмунский В. М. СрГ и новое учение о языке [1940] // ЖО, с. 148–187.

~ Внутренние законы развития языка и проблема гр- аналогии [1954] // ЖО, с. 26–60.

~ СИ- Гр-ка и диалектология [1959] // ЖО, с. 400–422.

Серебренников Б. А. Внешние причины яз. изм-й // ОЯ–70. — С. 221–234.

~ Внутренние причины яз. изм-й // ОЯ–70. — С. 234–264.

~ Возможность возникновения изм-й в результате совокупного действия внешних и внутренних факторов // ОЯ–70. — С. 264–266.

~ Проблема системности яз. изм-ий в фонологии // ОЯ–70. — С. 270–273.

~ Тенденция к созданию симметричной системы фонем // ОЯ–70. — С. 274–278.

~ Проблема системности яз. изм-й в МЛ // ОЯ–70. — С. 278–279.

~ Проблема системности яз. изм-й в Л-ке // ОЯ–70. — С. 279–283.

~ Пути образования яз. единств (языков и диалектов) // ОЯ–70. — С. 283–285.

~ Темпы яз. изм-й. Проблема скачка // ОЯ–70. — С. 298–302.

~ Проблема прогресса в развитии языков // ОЯ–70. — С. 302–307.

~ О технике сравнит.-генетич. исследований // ОЯ–73. — С. 34–106.

~ Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетич. РодЯ // ПР–82. — С. 6–62.

Шарадзенидзе Т. С. РодЯ, процессы дивергенции, конвергенции и соответствующие им классификации языков // ПР–82. — С. 63–107.

Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // ТОК–80. — С. 148–157.

Кубрякова Е. С. Место вопроса о яз. изм-ях в совр. лин-ке // ОЯ–70. — С. 197–206.

~ О формах движения в языке и определении понятия яз. изм-й // ОЯ–70. — С. 206–210.
~ О некоторых особенностях развития языка в свете его определения как сложнодинамич. системы // ОЯ–70. — С. 211–217.
~ Роль внутренних и внешних факторов яз. развития и вопрос об их классификации // ОЯ–70. — С. 217–221.
~ К вопросу о системном характере яз. изм-й // ОЯ–70. — С. 266–270.
~, Климов Г. А., Серебренников Б. А. Гл. III. Язык как исторически развивающееся явление // ОЯ–70. — С. 197–313.
Климов Г. А. Яз. контакты // ОЯ–70. — С. 285–298.
~ Методика лингвогенетич. исследований. (Введ.) // ОЯ–73. — С. 9–33.
~ Гл. II. Проблема разграничения синхронии и диахронии // ОЯ–73. — С. 107–119.
~, Серебренников Б. А. Гл. I. Методы лингвогенетич. исследований // ОЯ–73. — С. 9–117.
Иванов Вяч. Вс. Праязыки как объекты описания в издании «ЯМ» // ТОК–80. — С. 181–207.
~ К исследованию отношений между языками // Вестник РГГУ. Серия: Филологич. науки. ЯЗ. – 2009. – № 1. – С. 1–12.
Виноградов В. А. Функционально-типологич. критерии и ГКЯ // ПР–82. — С. 258–107.
Алпатов В. М. КП сто лет назад и сейчас // СИ–04. — С. 8–17.
~ КП, её критики и герои // Вопросы филологии, 2006, № 2 (23), с. 6–14.
Беликов В. И. КП и креольские я-ки [1991] // БИ, с. 110–117.
~ Конвергентные процессы в лингвогенезе. Дисс. … д-ра филол. наук. М., 2006. — 100 с.
~ Яз. контакты и ГК // ВЯР, 2009, № 1 (с. 49–68) ⇒ БИ, с. 389–407.
Старостин С. А. Совр. положение дел в макроКП // СИ–04. — С. 434–437.
Дыбо А. В. Семантич. РК в СИЯ // СИ-04. — С. 142–166.
Касьян А. С., Старостин Г. С. Новые методы в ГКЯ и лингв. РК // Шаги / Steps. — 2015. — Т. 1, № 1. — С. 206–212.
Бурлак С. А. СИЯ // Кибрик А. Е. и др. Введ. в НоЯ. — М.: Буки-Веди, 2019. — С. 321–334.

III. 2. Общетеоретич. книги, разделы книг и статьи по индоевропеистике

Мейе А. Введ. в СрГ ИЕЯ. Пер. с франц. Изд. 3-е. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938, с. 48–81.

Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). — Л.: Наука, ЛО, 1967. — 103 с.

Десницкая А. В. Вопросы изучения родства ИЕЯ. М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 332 с.

~, Серебренников Б. А. (отв. ред.). Вопросы методики СИ- изучения ИЕЯ. М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 323 с.

Савченко А. Н. СрГ ИЕЯ. М.: ВШ, 1974. — Введ. (с. 5–28).

Семереньи О. Введ. в СрЯз. Пер. с нем., М.: Прогресс, 1980, с. 15–43.

Иванов Вяч. Вс. (ред., сост.) Новое в зарубежной л-ке. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике. М., Прогресс, 1988. — 560 с.

~ Гамкрелидзе Т. В. ИЕ- язык и индоевропейцы. Кн. 1–2. Тбилиси, 1984, с. LXXIII–XCVI (Введ. — "Языковая система и предпосылки диахронич. л-ки").

~ ~ ИЕ- прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // ВЯР, 2013, № 9. — С. 109–136.

Дыбо В. А. Язык — этнос — археологич. культура (Несколько мыслей по поводу ИЕ- проблемы) [ч. 1] // Нещименко Г. П. (отв. ред.). Язык — культура — этнос. М.: Наука, 1994, с. 39–51; [ч. 2] // Нещименко Г. П. (отв. ред.). Встречи этнич. культур в зеркале языка (в сопоставит. лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002, с. 453–476; [ч. 3] // Кочергина В. А. (сост.). СИ- исследование языков: совр. состояние и перспективы. М.: МГУ, 2004. — С. 125–141; [ч. 4] // Нещименко Г. П. (отв. ред.). Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. — Кн. 1. — М., 2006. — С. 75–94.

Герценберг Л. Г. Краткое введ. в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История, 2010. — 316 с.

Красухин К. Г. Введ. В ИЕ- ЯЗ. — М.: Академия, 2004. — 320 с.

~ СИЯ. Введ. в ИЕ- ЯЗ. — М.: Юрайт, 2021. — 314 с.

Б. Литература на английском языке[8]

Pedersen Holger. The Discovery of Language. Bloomington: Indiana UP, 1962.

Lehmann W. P. HL: An introduction. N.Y., 1962; 2nd ed. N.Y., 1973.

Antilla R. An introduction to historical and comparative linguistics. N.Y.-Ldn, 1972.

Bynon Th. HL. Cambridge, 1977.

Hock Hans Henrich. Principles of HL (2nd/rv/upd ed.). Berlin: Walter de Gruyter, 1991.

Crowley Terry. An Introduction to HL (2nd ed.). Auckland: Oxford UP, 1992.

Lehmann Winfred P. Theoretical Bases of IEL. London: Routledge, 1993.

Beekes Robert S. P. Comparative IEL. Amsterdam: John Benjamins, 1995.

Fox Anthony. Linguistic Reconstruction: An Introduction to Theory and Method. N.Y.: Oxford UP, 1995.

Szemerényi Oswald J. L. Introduction to IEL (4th ed.). Oxford: Oxford UP, 1996.

Trask R. L. HL. N.Y.: Oxford UP, 1996.

Campbell Lyle. HL: An Introduction (2nd ed.). Cambridge: The MIT Press, 2004.

[8] В данном разделе использованы сокращения: HL = Historical Linguistics; IEL = Indo-European Linguistics; UP = University Press.

Г. А. Левинтон

О переводческих приемах П. Г. Богатырева

Аннотация. Статья посвящена анализу переводческих приемов П. Г. Богатырева в его классическом русском переводе «Похождений бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. На двух примерах — переводе песни о канонире Ябурке и куплета о попе из Годонина — демонстрируется использование Богатыревым русских литературных и фольклорных подтекстов. Показано, что замена оторванных рук на отрубленную голову в первом эпизоде вводит в текст Гашека житийный мотив обезглавленного святого и отсылает к его обсуждению в «Братьях Карамазовых» Достоевского, а также к теоретическим работам самого Богатырева и Р. О. Якобсона о реализованном оксюмороне и синекдохе. Во втором случае припев «поп — чугунный лоб» возводится к формуле «поп — толоконный лоб», известной по сказке Пушкина и фольклорным записям. Анализ выявляет сознательную установку переводчика на расширение семантической игры оригинала за счет русской культурной традиции.

Ключевые слова: П. Г. Богатырев, перевод, «Похождения бравого солдата Швейка», Ярослав Гашек, русский подтекст, синекдоха, житийный мотив, Достоевский, Пушкин, фольклор, песня о канонире Ябурке.

В «Похождениях бравого солдата Швейка» (ч. 2 гл. 2) есть эпизод, где группа арестантов, включая Швейка, поет известную чешскую песню о канонире Ябурке, русскому читателю, скорее всего, незнакомую.

> <…> duch vojenský v nás upadá, navrhuji, milý příteli, abychom v noční tmě, v tichu našeho vězení si zazpívali o kanonýrovi Jabůrkovi. To povznese vojenského ducha.
>
> Пер. П. Г. Богатырева: <…> Так как мне кажется, что боевой дух у нас падает <…> я предлагаю, дорогой друг,

спеть в эту темную ночь в нашей тихой тюрьме песню о канонире Ябурке [Kanonýr Jabůrek]. Это подымет боевой дух.[1]

Рисунок 1[2]

И через минуту из помещения для арестованных раздался такой рев, что в коридоре задрожали стекла:

Он пушку заряжал,
Ой, ладо, гей люли![3]
И песню распевал,
Ой, ладо, гей люли!

Снаряд вдруг пронесло,
Ой, ладо, гей люли!
Башку оторвало,
Ой, ладо, гей люли!

А он все заряжал,
Ой, ладо, гей люли!
И песню распевал,
Ой, ладо, гей люли!

Поскольку сквозная тема этой заметки — русские подтексты в переводе с чешского, то нужно, конечно, сразу отметить, что при-

[1] *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время Мировой войны. М.: Правда, 1958.

[2] URL: https://svejkmuseum.cz/Pisnicky/jaburek.htm

[3] В интернетном издании перевода систематическая опечатка: *Ой, ладо, гей люди!*

пев в русском переводе заимствован с небольшой модификацией из «Сватовства» А. К. Толстого (1871):

По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

Хотя элемент lado и в междометном, и в глагольном варианте в оригинале песни присутствует, все же близость к песенному припеву Толстого вполне очевидна. Между прочим, М. Л. Гаспаров, говоря о судьбе балладного стиха в середине XIX века (в частности, о расподоблении метрических ассоциаций баллады и песни), отмечает: «<…> да и то, например, «Сватовство» А. К. Толстого, своими «Ой ладо, лель-люли» откровенно ссылается на песню»[4].

Однако П. Г. Богатырев существенно изменил характер ранения Ябурка. В чешском оригинале он лишается рук, но продолжает заряжать пушку:

...A u kanonu stál
a pořád ládo - ládo...
a u kanonu stál
a pořád ládoval.

Přiletěla koule prudce,
utrhla mu obě ruce,
a von klidně stál
a pořád ládo - ládo...
u kanonu stál
a pořád ládoval...

Подстрочник (из интернета):

И он стоял у пушки,
и продолжал заряжать — заряжать...
и он стоял у пушки,
и продолжал заряжать.

Ядро полетело с силой,
оторвала ему обе руки,
и он стоял спокойно,

[4] Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: РГГУ, 1990, с. 94.

и продолжал заряжать - заряжать...
и он стоял у пушки,
и продолжал заряжать...

В русском, как мы видели, он лишается головы, но продолжает петь. Характер абсурда в общем не меняется, или меняется не очень значительно, но за счет вносимого этой заменой подтекста, в основном русского, значительно расширяется семантика игры.

Святой, который держит собственную голову, это известный житийный мотив, и замена *рук* на *башку* — явная отсылка к нему. Абсурд ситуации: человек без головы может петь — основана на синекдохе: голова — рот. На ней же основан и житийный эпизод, обыгранный в «Братьях Карамазовых», — знаменитый вопрос Ф. П. Карамазова (кн. 2, гл. II: Старый шут):

> справедливо ли, отец великий, то, что в Четьи-Минеи повествуется где-то о каком-то святом чудотворце, которого мучили за веру, и когда отрубили ему под конец голову, то он встал, поднял свою голову и «любезно ее лобызаше», и долго шел, неся ее в руках, и «любезно ее лобызаше»[5].

Сомневаться в том, что Богатырев знал Достоевского, было бы нелепо, однако, эта же цитата из Достоевского появляется в контексте, как представляется, значительно более актуальном для русского переводчика «Швейка»[6], а именно в одной из первых книг его друга и постоянного соавтора в 20–30 годы[7]. Если ерничество

[5] Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч. В 30 тт. Т. XIV. Братья Карамазовы. М.: 1976. С. 42. Комментаторы говорят, что «Фёдор Михайлович <sic!> подразумевал католического святого Дионисия Парижского. История с отрубленной головой встречается в <…> поэме «Орлеанская девственница» Вольтера».

[6] Жаль было бы упустить такую деталь из письма К. П. Богатырева о последних днях его отца: «Лишь первые два дня, после моего возвращения в Москву, у него были более или менее длительные проблески сознания. В эти минуты я ему читал Швейка».

[7] Стоит отметить, что доклады по этой книге были сделаны в Московском лингвистическом кружке и в ОПОЯЗе. О соавторстве Якобсона и Богатырева см. Р. Якобсон, К. Поморска. Беседы. Иерусалим: Еврейский университет, 1982, с. 11–15. Н. И. Толстой. Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон // Живая старина, 1994, № 1, с 10–13. Х. Баран.

Федора Павловича носит прежде всего идеологический характер, то здесь этот пример появляется в аспекте чисто лингвистической поэтики, той самой синекдохи головы (и других органов) и частей лица, которая упоминалась выше:

> Ясно обнаруживает свою словесную природу реализованный оксюморон, ибо имея значения он, по определению современной философии, не имеет своего предмета <…> Таков Гоголевский «Нос», который Ковалев признает за нос, в то время, как он подергивает плечами, вполне обмундирован и т. п.
>
> Точно так же в свадебной народной песне «п-а выскочила, глаза вытаращила»[8].
>
> Ср. также житийное чудо в *Братьях Карамазовых* (юмористически примененное)
>
> Святого мучили за веру, и когда отрубили ему под конец голову, то он встал, поднял свою голову и любезно ее лобызаше…
>
> Здесь человек — традиционная семантическая единица, сохраняющая все свои свойства, т. е. окаменевшая.»[9]

Е. В. Душечкина. Письма П. Г. Богатырева Р. О. Якобсону // Славяноведение, 1997, № 5. Х. Баран. О П. Г. Богатыреве: По материалам архива Р. О. Якобсона // Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. СПб.: Алетейя, 2002, с. 137–157 (там же см. библиографию других работ, в том числе статей Якобсона о Богатыреве).

[8] Эта строчка — цитата из песни, известной под названием «Чуманиха», неоднократно записанной в 1910-е годы в Подмосковье членами Московского лингвистического кружка, включая Якобсона и Богатырева. «Чуманиха» без названия упоминалась в изложении доклада В. И. Нейштадта в МЛК в кн.: П. Г. Богатырев. Р. О. Якобсон. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин: ОПОЯЗ, 1923. Текст песни Р. О. Якобсон сообщил в письме от 12 мая 1978 г., и мы напечатали его в работе: Г. А. Левинтон, Н. Г. Охотин. «Что за дело им — хочу…». О литературных и фольклорных источниках сказки А.С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» // Литературное обозрение. 1991. № 11, с. 30. Там же приводятся метатекстовые сведения, сообщенные Якобсоном. Впоследствии песня печаталась в разных вариантах в сборниках эротического фольклора, обычно в издательстве «Ладомир».

[9] Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Подступы к Хлебникову // Р. Якобсон. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987,

Нет возможности и необходимости продолжать обширную тему отрубленной головы, но существенно отметить, что в эту традицию, несомненно, входит и позднейший стих с той же синекдохой:

Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

(«Стихи о неизвестном солдате» — может быть, со смутной аллюзией на Уголино). Разумеется, и контекст романа Достоевского (хотя в «Воронежских тетрадях» он очень обширен)[10] и тем более любые ассоциации со Швейком показались бы произвольным вымыслом, если бы не то обстоятельство, что имя прямо упомянуто в тексте:

Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной[11].

Другой пример русского подтекста (скорее всего из «Балды» Пушкина) в том же переводе Богатырева:

с. 283.1-е изд.: Р. О. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников. Прага: «Политика», 1921. Цит. по : Р. О. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Подступы к Хлебникову // R. Jakobson / Selected Writings. Vol. V. On Verse, its Masters and Explorers. The Hague et al.: Mouton, 1979, p. 315.

[10] Левинтон Г. А. Мандельштам и Достоевский: О некоторых элементах темы Достоевского в Третьей воронежской тетради // Acta Slavica Iaponica, T. 44, pp. 113–144.

[11] Не совсем понятная игра повторов в микротексте: *при**плюсн**утой, птичьим, птичьей* ***плюсной.*** Последнее описывает, конечно, определенный тип стальных лат с продольными линиями вдоль стопы. Само введение Швейка в «средневековый» рыцарский ряд, отражает своеобразный «демократизм» «Стихов о неизвестном солдате», продолженный темой «дружит с человеком калека / Им обоим найдется работа, / И стучит по околицам века / Костылей деревянных семейка — Эй, товарищество, — шар земной!». Собственно «демократизм» солдатской смерти» и является ядром общеевропейской темы «Неизвестного солдата» (ср., может быть, эту же тему у Ходасевича).

Швейк с охотой, но, как всегда, не к месту затянул:

Идет Марина
Из Годонина.
За ней вприпрыжку
С вином под мышкой
Несется поп --
Чугунный лоб.

В оригинале:

Ide Marína
od Hodonína,
za ní pan farář[12]
s bečicú vína.

Подстрочник:

Марина идёт
из Ходонина,
за ней приходской священник,
с бутылкой вина.

Этот случай менее семантически насыщен и менее показателен для русского подтекста, пушкинского или фольклорного, поскольку Богатырев вполне мог считать фразу *Поп – толоконный (чугунный) лоб* подлинным фольклором, а не фольклоризацией Пушкина. Она есть, например в «Заветных пословицах»[13] В. И. Даля[14]

Однако Даль иногда включал в свои «Заветные пословицы» краткие тексты, не относящиеся к пословицам (которым он сам и дал определение, разграничив пословицы и поговорки), взятые из

[12] Farář (приходский) священник, поп.

[13] Знакомство с рукописью Афанасьева, редактировавшего Даля (РО ИРЛИ), или с одним из списков с нее в принципе возможно, но только в начале 1920-х гг., т. к. первая публикация перевода «Швейка» относится к 1929–1930 году.

[14] Впервые опубликованы аспиранткой Р. О. Якобсона Клод Кери по списку, найденному в Гарварде: C. Carey. Les proverbes érotiques russes. The Hague et al. Mouton, 1972. Более позднее и полное издание: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, составленные и обработанные А. Н. Афанасьевым. М.: Ладомир, 1997.

текстов некоторых сказок. Подозреваю, что именно такой характер носит и *толоконный лоб (№ 384)* — в таком случае он взят или из пушкинской сказки, или из какого-то фольклорного ее варианта, или же из независимого текста («а навстречу мне поп — толоконный лоб» — сказка № 145 — фраза из финальной формулы сказки). Очень хорошая аналогия к этому примеру — это микротекст № 172: «Мудёр как царь Соломон: пьет, ест, серёт и вшей бьёт». Отсутствие контекста побудило нас с Охотиным включить эту квазипословицу в источники пушкинской сказки, между тем, это цитата из «Заветной сказки» № 104 («Соломон премудрый»), играющая сюжетную роль: по этим приметам, его должны были бы опознать (и не опознали) гонцы Соломонова врага (он проделывает все это одновременно: «в одно время и серет и ест и вшей бьет»)[15].

Во всяком случае Богатырев использует иной вариант формулы: *чугунный лоб* — из ряда *медный лоб*, и т. п. Вероятно, *толоконный лоб* был бы слишком очевидной *пушкинотой* (заимствуя слово у Хлебникова, суммировавшего сюжеты настоящей заметки: «О, достоевскиймо бегущей тучи! / О, пушкиноты млеющего полдня!»).

[15] А не последовательно, как мы полагали, ища в этих словах отдаленную параллель к: «Царь трудился понемногу, / Кушал, пил, молился Богу».

А. Н. Ливанова

Клейнер в странах Скандинавии

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурному анализу традиционной скандинавской рождественской выпечки — хвороста, известного в Дании как klejner, в Норвегии как fattigmann, в Швеции как klenäter, а в Исландии как kleinur. Прослеживается история распространения этого блюда в странах Скандинавии с позднего Средневековья до наших дней и эволюция его социального статуса — от дорогого угощения знати до повседневного исландского лакомства и символа рождества в континентальной Скандинавии. Основное внимание уделяется этимологии названий: рассматриваются версии о нижненемецком происхождении датского klejne (от kleine ‘маленький, тоненький’), дискуссионная связь с немецким Kleinod ‘сокровище’, а также норвежская народная этимология, превратившая klen ‘худосочный’ в fattigmann ‘бедняк’. Приводятся кулинарные, исторические и диалектные данные, отражающие региональные различия в рецептах и названиях, включая неожиданную параллель с греческим λάγανον и латинским laganum.

Ключевые слова: скандинавская кухня, рождественские традиции, хворост, klejner, fattigmann, klenäter, kleinur, этимология, народная этимология, датский язык, норвежский язык, шведский язык, исландский язык, нижненемецкий язык, лингвокультурология.

Клейнер (а вернее, кляйнер: klejner — это форма множественного числа, в единственном klejne) — традиционная рождественская выпечка в Дании. Как красиво сказано на сайте (Бурмистрова-Йоргенсен 2018): «Клейнер — ветеран рождественских сладостей Дании». Это хрустящее печенье в форме витого бантика из обжаренного в смальце и посыпанного сахарной пудрой теста, напоминающее русский хворост, считается одним из неофициальных символов Дании (Thingsted 2020). Вообще печенье подобного рода распространено во многих странах Европы. Для его приготовления требовались мука, жир (животный или растительный) и печка, сообщает Анне Софие Тингстед. Такое печенье готовили в средневековье не специально на рождество, а в зимние месяцы,

когда под рукой имелись необходимые продукты: озимую пшеницу убирали в конце лета – начале осени, а скот забивали в ноябре. Хотя свиного жира в Дании хватало, разводить сильный огонь нужно было долго, на это уходило много топлива, поэтому поначалу это могли себе позволить только состоятельные люди.

Однако датчане редко задумываются о том, каково происхождение этого блюда и происхождение его названия, а оно впервые упоминается как датское лишь в начале XVI века среди кушаний, подававшихся к столу епископа Ханса Браска (Thingsted 2020). Первое упоминание этого печенья в кулинарной книге относится к 1759 г. (Pedersen 1990: 6). Сетевой этимологический словарь датского языка сообщает, что слово klejne вошло в датский из нижненемецкого, где kleinet, образованное от прилагательного kleine *тоненький, маленький*, обозначало *небольшой предмет, подарочек*. От нижненемецкого прилагательного klene *тоненький, хиленький* образовано родственное слово *klenodium* сокровище (DDO). Пожалуй, связь между прилагательными и существительными очерчена несколько туманно.

Более подробно рассказывается о нижненемецком происхождении klejner в статье датской лингвистки Инге Лисе Педерсен, где говорится, что слово klejner действительно вошло в датский из немецкого, а там мелкая выпечка интересующего нас типа носила собирательное название kleinbrot *мелкий хлеб*. Пекли его и торговали им ремесленники, называвшиеся kleinbrötler в Германии, klejnebagere в Дании и klenätsbagare в Швеции (Pedersen 1990: 8). Исследовательница полагает, что больше оснований считать, что датское (и шведское) название хвороста связано именно с таким употреблением, чем возводить их к немецкому kleinod или klenodie (ibid.).

Впрочем, хворост в Германии едят, но единого обозначения для него не имеется. В разных регионах используются слова Hamburger Schmalzkuchen, Harrische, Krumme Jungs, Schürzkuchen, Verdreihte и т. д.

Вышеупомянутые klenätsbagare выпекали и продавали кленэтер в Швеции. Историк кулинарии Ричард Телльстрём пишет, что это самый старый вид выпечки из тех, что популярны у шведов по сию пору, только вместо смальца используется растительное маслом (Tellström). Едят кленэтер как и в Дании на рождество, а из-

вестно это печенье по меньшей мере с XV века, сообщает шведская сетевая кулинарная энциклопедия в статье, посвященной этому лакомству; его очень любил король Швеции Густав Васа (1496–1560) (Om klenäter).

В Норвегии, где высшие классы в период ее вхождения в состав датского государства как провинции (1536–1814) в значительной степени были представлены этническими датчанами (чиновники, священники) или норвежцами, испытавшими сильное влияние датской культуры, ассоциировавшееся с дорогой господской кухней печенье — ведь для его приготовления требовался жир — вошло в обиход по-видимому в конце XVII века (Bahr Bugge 2019: 85). Еще в 19 веке его называли так же, как в Дании — kleiner. В этимологическом словаре Фалка и Торпа (Falk, Torp 1991) имеется вхождение kleine с пояснением в скобках «вид рождественской выпечки в виде бантика <…> то же слово что klenodie *сокровище*» и указанием на средненижненемецкое происхождение этого слова, которое означало *вещица, подарочек*.

В кулинарном блоге (Jøtun 2015) сообщается, что самые ранние упоминания изделий из теста, напоминающих хворост, сохранились в домашних рукописных сборниках рецептов, из которых наиболее известны записи Карен Сплид Мёллер (Karen Splid Møller) 1819 года, хранящиеся в Национальной библиотеке Норвегии.

В словарь (Falk, Torp 1991), вышедший в 1903-1906 гг., ещё не было включено то слово, которым это печенье обычно называют теперь, а именно fattigmann, досл. *бедняк*, или, реже, fattigmannsbakkels *печенье бедняка*. Трудно определить, когда и почему датские kleiner стали называть так (Bahr Bugge 2019: 85). В печатных источниках название fattigmann встречается с 30-х годов XIX века; в частности, историк кулинарии Хенри Нутакер сообщает в своей книге «Власть нёба» («Ganens makt»), что это печенье упомянуто среди рецептов, записанных в 1833 г. (Jøtun 2015).

Как бы то ни было, в подарочном издании прославленного норвежского повара Арне Брими «Норвежские национальные блюда» говорится: «Fattigmannen — устоявшаяся рождественская традиция и одно из наших национальных блюд!» (Brimi, Kaspersen 2011: 292). Не зря в название своей почти шестисотстраничной книги, посвященной изучению пищевых привычек норвежцев с XVI века по настоящее время, культуролог Аннекен Бар Бюгге на первое ме-

сто среди трех наименований типичных норвежских блюд поставила fattigmenn (Bahr Bugge 2019: 493). Традиция распространилась широко, появились разные варианты хвороста, с различными добавками. Чаще всего используется коньяк, но иногда и ревенная настойка (Sveen et al. 1955: 416).

Однако среди символов Норвегии fattigmann не упоминают, а многие норвежцы не следуют старинной традиции печь на рождество семь обязательных сортов печенья, среди которых и хворост. Мало того, одна из опрошенных норвежек сказала, что даже забыла, что это такое — fattigmann, и ей понадобилось пробить это слово в интернете, чтобы вспомнить, что и действительно, в далеком детстве на рождество она всегда угощалась испеченным мамой хворостом. Правда, детство это и в самом деле далекое – даме под семьдесят. Кроме того, пользовавшийся еще лет сто назад огромной популярностью, но требовавший для своего изготовления больших временных и физических затрат хворост с начала тысячелетия уступает в рождественские праздники место другим видам выпечки: его можно найти на столе лишь у пяти процентов норвежцев (Bahr Bugge 2019: 493).

Относительно того, откуда взялось название fattigmann, существуют разные версии. Вышеупомянутый историк кулинарии Хенри Нутакер предположил, учитывая, что в Норвегии это печенье распространилось вначале в восточной части страны, где особенно сильны связи со Швецией (Notaker 2006: 135), и первая часть шведского названия klenät – klen — была воспринята норвежцами в одном из своих значений, а именно *убогий, худосочный*, отсюда и калька fattigmann. Отсылку к бедности объясняли по-разному. Одни как ироническую: мол, только у богатых была возможность жарить что-либо в большом количестве жира. В Дании, а затем и в Норвегии было принято жарить хворост в смальце из нутряного свиного жира (Bahr Bugge 2019: 85), но в гористой Норвегии свиноводство распространено значительно меньше, чем в плоской Дании (и в настоящее время Дания производит свинины в двадцать раз больше, чем Норвегия). Добыть свиной жир было сложнее, стоил он дороже. Кроме жира, требовались и другие ингредиенты. В знаменитой поваренной книге Хенриетты Шёнберг Эркен (для Норвегии эта книга примерно то же, что для России — прославленная Молоховец), вышедшей первым изданием в 1912 г., рецепт

хвороста требует 30 яичных желтков, бокал (!) коньяка, кардамон, лимонную цедру (Schønberg Erken 2002: 648). Вряд ли бедные могли себе это позволить. Некоторые предполагали, что поскольку на приготовление хвороста требуется так много дорогих продуктов, бедным человек становился, потратив на них все свои деньги; стоило бы назвать это печенье не fattigmannsbakkels *печенье бедняка*, а rikmannsbakkels — *печенье богача* (Jøtun 2015). В 1905 г., когда на пособие по бедности жили 18% жителей Кристиании, та же Шёнберг Эркен в поваренной книге, предназначенной специально для бедных, рекомендует использовать всего три яйца (Bahr Bugge 2019: 263).

Высказывалось и иное мнение: «Даже у бедного крестьянина была мука, куры несли яйца, корова давала молоко, а забитая свинья обеспечивала жир. Так что хотя у этого печенья богатый вкус, оно служило лакомством для бедных» (Floersheim 2015). Стоит, однако, отметить, что это мнение высказано американкой норвежского происхождения, явно глорифицирующей родину предков.

В Швеции версия о происхождении слова klenät от прилагательного klen в значении *убогий, худосочный* тоже распространена (Om klenäter). Однако тот же источник сообщает, что по мнению историка Яна-Эйвинда Свана (Jan-Öjvind Swahn), высказанному в книге «Справочник по истории кулинарии» (Mathistorisk Uppslagsbok 1999), название klenät родственно слову klenod, то есть *сокровище* — нечто драгоценное, а вовсе не *убогое* или *худосочное*. Версия шведского культуролога, совпадающая с ранее упомянутой версией норвежских лингвистов Фалка и Торпа относительно происхождения норвежского kleine и датского klejne, имеет право на существование, в том числе и с учетом семантической параллели с одним из распространенных во Франции названий хвороста, merveilles *чудеса*. В таком случае превращение kleiner в fattigmenn являет собой случай народной этимологии в действии.

Слово кленэт обнаруживается в Швеции еще раньше, чем клейнер в Дании, при этом не в рецепте или поваренной книге, а в рукописном латинско-шведском словаре, хранящемся в Упсале, где шведским kleneth переведено латинское слово laganum (Pedersen 1990: 7). Последнее обозначало тонкие полоски теста, обжаренные в оливковом масле. И блюдо, и слово римляне заимствовали у древних греков, где λάγανον обозначало и кушанье, и тесто, из

которого оно готовилось. Корень этого слова в греческом связан в том числе со значением *тонкий*, и λάγανον — именное образование как раз со вторым значением. См., например, это слово в гнезде λαγαίω этимологического словаря (Frisk 1970). В этимологическом словаре Пьера Шантрена также говорится, что это была выпечка из тонко раскатанного теста (*Chantraine 1968*). Таким образом, и в слове, обозначавшем выпечку подобного рода в античном мире, и в нижненемецком слове, которое обозначало хворост в северной Европе и которое вошло в скандинавские языки, отражается представление о том, что тесто для нее должно быть тонко раскатано, а у многозначного прилагательного klen/klein значение *тоненький* также имеется. Эта версия представляется более правдоподобной.

В Дании тем временем готовят также вид хвороста, который называется норвежским: norske klejner. Для их приготовления используется дрожжевое тесто, они крупнее и мягче обычных. Однако, как сообщается на сайте, этот вид хвороста вопреки названию пекут как раз только в Дании, и в некоторых уголках страны его называют крестьянским — bondeklejner (Svensson 2022).

Если в скандинавских странах на континенте хворост — рождественский атрибут, то в Исландии это самое популярная выпечка к кофе, кофе же пьют постоянно, и, соответственно, весь год едят хворост, который там называется kleinur (в единственном числе это слово женского рода kleina). Это национальное выпечное изделие исландцев (Wetzel 2016).

Другой источник утверждает даже, что без кофе с хворостом исландцы жить не могут. Фасованный хворост продается в любом супермаркете, хворост обязательно присутствует в меню кафе, домашним хворостом угощают гостей. Впервые в печатной поваренной книге хворост упоминается около 1900 года, и раньше это печенье так же, как и на континенте, пекли на рождество. Однако с конца XIX века популярность хвороста в Исландии росла и вскоре достигла теперешних высот. Существует множество вариантов этого печенья. Неизменна лишь форма, а размер может сильно варьировать, как и добавки в тесто (Biernat). Без хвороста не обходится отмечание праздника середины зимы Þorrablót (по названию месяца þorri традиционного исландского календаря; он начинается обычно между 19 и 25 января (Icelandic Doughnuts)).

Традиция печь хворост сохраняется и на Фарёрских островах. Называется такое печенье так же, как в Исландии, — kleynur, только дифтонг обозначается на письме иначе.

Похоже, в англоязычном мире клейнер не столь любимый объект. Для норвежского fattigmann норвежско-английский словарь (Kirkeby 1986) без комментариев рекомендует американский эквивалент fried cruller; внешне это печенье мало похоже на интересующий нас объект. При этом потомки норвежских переселенцев в США, пытающиеся сохранять если не язык, то кулинарные традиции Норвегии, продолжают печь на Рождество именно это лакомство и называют его норвежским словом: «Christmas just isn't Christmas without Fattigmann» (Floersheim 2015), а не crullers. Впрочем, многие источники, и среди них туристический сайт (Icelandic Doughnuts) предлагает иное обозначение, британское — Angel wings. На фото, во всяком случае, ангельские крылышки трудно отличить от хвороста. Впрочем, это он и есть: в Великобританию это лакомство завезли многочисленные польские иммигранты (thesavvydreamer 2017). Думается, что именно этот перевод как нельзя лучше соответствует поводу, по которому создавался этот сборник: дню ангела.

Думается, на этом следует завершить сей краткий кулинарно-лингвистический экскурс. За помощь в его создании автор благодарит Ксению Александрову, Санне Семёнову-Хедегор, Юлию Шубину и Михаила Кустодиева.

Литература

Бурмистрова-Йоргенсен Н. 2018: Клейнер – датское рождественское печенье. URL: https://www.florapassionis.com/klejner-dansk-julekage/

Bahr Bugge A. 2019: *Fattigmenn, tilslørte bondepiker og rike riddere*. Oslo: Cappelen Damm.

Biernat M.: *The Icelandic Comfort Food.* URL: https://icelandicfood.is/kleina-the-icelandic-comfort-food/.

Brimi A., Kaspersen A. 2011: *Norske nasjonalretter*. Oslo: Norsk Fakta Forlag.

Chantraine P. 1968: *Dictionnaire Étymologique De La Langue Grecque.* Paris: Klincksieck.

DDO: *Den Danske Ordbog.* URL: https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=klejne

Falk H., Torp A. 1991: *Etymologisk ordbog over det vnorske og det danske sprog.* Oslo: Bjørn Ringstrøms Antikvariat.

Floersheim I. 2015: *The Histrory of the Holiday Cookie.* URL: https://scalar.usc.edu/works/tastes-of-scandinavian-heritage/the-history-of-the-holiday-cookie

Frisk H. 1970: *Griechisches Etymologisches Woerterbuch.* Band II Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Icelandic Doughnuts: *Icelandic Doughnuts (Kleinur) – Twisted Deliciousness* URL: https://yourfriendinreykjavik.com/icelandic-doughnuts-kleinur/

Jøtun K. 2015: *Fattigmann.* URL: https:www.kristinsbeste.no/2015/11/25fattigmann//

Kirkeby W. A. 1986: *Norsk-engelsk ordbok.* Oslo: Kunnskapsforlaget.

Notaker 2006 – Notaker H. *Mat og måltid*. Oslo: H. Aschehoug & Co, 2006.

Om klenäter: *Om klenäter.* URL: http://www.kunskapskokboken.se/action/subProductCuisineGroup;jsessionid=5F92759E1A32E217C5D76702EB5C5834?productGroupId4=22069

Pedersen I. L. 1990: Fra klenodie til pisallik — grovkornede navne på finbrød. *Ord & Sag*. Nr 10, December, 5–12.

Schønberg Erken H. 2002: *Stor kokebok for større og mindre husholdninger*. Oslo: H. Aschehoug & Co, <1951>.

Sveen J., Ytreberg O., Senstad B., Kolsgaard J., Nissen H. W. 1955: *Kokebok*. Statens Lærerinneskole i Husstell. Oslo: Cappelen.

Svensson C. 2022: Norske klejner. URL: https://spisbedre.dk/opskrifter/norske-klejner

Tellström R.: *Matforskaren om svenska kakor och bakverk genom tiderna.* URL: https://folkofolk.se/inspiration/mathistoria/matforskaren-om-svenska-kakor-och-bakverk-genom-tiderna

thesavvydreamer K. 2017: *Heavenly Angel Wings Pastry Dessert – A European Delight!* URL: https://thesavvydreamer.com/angel-wings-pastry/

Thingsted A. S. 2020: *Hvordan er kleinen blevet til dansk julebag?* URL: https://videnskab.dk/kultur-samfund/hvordan-er-klejnen-blevet-til-dansk-julebag/

Wetzel F. 2016: *Klenäter – var du än kommer på Island.* URL: https://kultursmakarna.se/2016/05/23/klenater-var-du-an-kommer-pa-island/

С. И. Межерицкая

Менандр Лаодикейский
Разбор видов торжественного красноречия
О торжественном красноречии

Аннотация. Публикация представляет собой первый русский перевод двух фрагментов из риторических трактатов Менандра Лаодикейского (III в. н. э.) — главы о гимнах богам из сочинения «Разбор видов торжественного красноречия» (Διαίρησις τῶν ἐπιδεικτικῶν) и главы «О Сминфейской речи» из трактата «О торжественном красноречии» (Περὶ ἐπιδεικτικῶν). В первом фрагменте дается подробная классификация прозаических гимнов (призывающие, напутственные, физиологические, мифологические, генеалогические, вымышленные, молитвенные и отмаливающие) с практическими рекомендациями по их составлению. Второй фрагмент содержит образец конкретной речи к Аполлону Сминфейскому, иллюстрирующий применение риторических предписаний на практике. Перевод снабжен вступительной статьей, в которой освещается место Менандра в истории античной риторики, значение его гимнографической теории и соотношение теоретических наставлений с образцовой речью.

Ключевые слова: Менандр Лаодикейский, античная риторика, торжественное красноречие, эпидейктика, прозаический гимн, гимнография, Аполлон Сминфейский, вторая софистика, позднеантичная литература, перевод источника.

Менандр Лаодикейский (III в. н. э.) — древнегреческий софист и ритор, который стоит в одном ряду с крупнейшими теоретиками античного ораторского искусства: Аристотелем, Цицероном, Квинтилианом, Гермогеном и др., на сочинения которых он не только опирался в своих риторических трудах, но и писал к некоторым из них подробные комментарии[1]. Он также составлял схолии к античным ораторам[2], писал учебные декламации и даже сочинял

[1] Суда, например, упоминает о комментариях на учебник Гермогена и «Прогимнасмы» Минукиана (см.: Suidae Lexicon 1967: 361).

[2] См.: Nitsche 1883.

прозаические гимны[3], ориентируясь в этом, по всей видимости, на своего знаменитого предшественника — крупного софиста и оратора Элия Аристида (II н. э.)[4]. Однако от разнообразного творчества Менандра до нас дошло лишь два трактата по риторике, пользовавшихся большой популярностью в византийское время[5]. Это трактаты под названием “Διαίρησις τῶν ἐπιδεικτικῶν” («Разбор видов торжественного красноречия») и “Περὶ ἐπιδεικτικῶν” («О торжественном красноречии»). В первом дается общий обзор торжественного красноречия, как оно сложилось ко времени Менандра: перечисляются различные виды похвалы и хулы в зависимости от их адресата (боги или смертные, одушевленные лица или неодушевленные предметы и т. д.), а также приводится их дальнейшая градация (похвала людям, животным, городам и абстрактным понятиям); однако эта последняя часть трактата не сохранилась. Во втором трактате, носящим более практический характер, даются предписания по составлению речей в зависимости от конкретных событий частной или общественной жизни (речь, обращенная к правителю; посольская, или просительная речь; пригласительная речь; речь на прибытие лица, т. е. приветственная речь, или на его отъезд, т. е. прощальная речь, и т. п.). Таким образом, в этих двух сочинениях Менандр охватывает обширный пласт античного ораторского искусства вкупе с богатой и разветвленной риторической теорией, аккумулируя тем самым многовековой опыт своих предшественников в этой области.

Особого внимания в его первом трактате («Разбор видов торжественного красноречия») заслуживает глава, посвященная прозаическим гимнам — не только потому, что до Менандра мы не встречаем ни одного руководства или учебника по риторике, где этот относительно поздний жанр ораторского искусства[6] рассматривался бы так последовательно и подробно, но и потому, что

[3] Свидетельства об этом имеются в его трактате. См., в частности: Menand. 335 и 341 (по [Spengel 1856]).

[4] См. ниже примеч. 6.

[5] См., в частности: Russell 1981.

[6] Впервые среди античных ораторов прозаические гимны богам встречаются у Элия Аристида. Об адаптации поэтического гимна к риторике в творчестве Аристида см.: Межерицкая 2018: 851–868; Mezheritskaya 2020: 118–129.

именно в этом сочинении Менандром, судя по всему, были заложены основы античной гимнографии как важного элемента в системе риторических жанров поздней античности. Впервые на русском языке мы публикуем отрывок из указанной главы первого трактата Менандра вместе с небольшим отрывком из его второго трактата — главой под названием «О Сминфейской речи» (т. е. речи к Аполлону Сминфейскому), ценной тем, что в ней, по сути, дается образец составления прозаического гимна богу. Иными словами, перед нами тот редкий случай для античности случай, когда риторические предписания, излагаемые автором в теории, с успехом реализуются им на практике.

Перевод выполнен по изданию: Rhetores Graeci ex recognitione Leonardi Spengel. Vol. III. Lipsiae: Teubner, 1856. P. 331–344 и сверен по изданию: Russell D., Wilson N. Menander Rhetor. Oxford: Claredon Press, 1981.

Разбор видов торжественного красноречия

(331) <…> Похвала может быть обращена либо к богам, либо к смертным. Если она обращена к богам, мы говорим о гимнах, а те в свою очередь подразделяем в зависимости от того, к какому богу она обращена: (332) гимны к Аполлону мы именуем «пеанами» и «гипорхемами», к Дионису — «дифирамбами», «иовакхами» и прочими, к Афродите — «эротическими»; гимны к остальным богам мы называем либо общим словом «гимн», либо особым образом: например, «К Зевсу». А как нужно обращаться с каждым из этих видов, и подходят ли они для пишущих прозой, и какой подходит, а какой — нет, и какие способы и средства для них потребны, — это рассмотрим мы по отдельности, когда разберем целое. <…>

О гимнах к богам

(333) <…> Сами гимны бывают призывающими и напутственными, физиологическими и мифологическими, генеалогическими и вымышленными, молитвенными и отмаливающими, а также

смешанными, то есть состоящими из двух, трех или всех видов разом. Так, в призывающих гимнах, каковых много у Сапфо, Анакреонта и других лирических поэтов[7], содержится призыв к различным богам. В напутственных гимнах, каковые встречаются у Вакхилида[8], содержится напутствие при отъезде.

В физиологических гимнах, прославивших Парменида и Эмпедокла[9], сравнивается природа Аполлона и Зевса. К этой разновидности относятся и многие гимны Орфея[10]. В мифологических содержатся мифы, и возникают они из простого иносказания, например: Аполлон построил стену или Аполлон служил у Адмета и тому подобное. Генеалогические гимны следуют теогониям поэтов, когда Аполлона мы называем сыном Лето, а Муз — дочерями Мнемосины. В вымышленных гимнах мы сами придумываем богов и порождения высших или низших божеств, подобно тому как Симонид призывал Грядущее[11], иные — Сомнение, третьи — еще кого-то. В молитвенных гимнах содержится только молитва — без прочих названных частей; в отмаливающих, напротив, — только просьба отвратить беду. А кроме этих гимнов к богам, других видов, пожалуй, и не бывает.

Мифологическим и генеалогическим гимнами обычно пользуются все те, кто, следуя мифам, рассказывает о рождении богов и о том, причиною каких благ явились они для людей. Следует, мне кажется, рассмотреть и то, нужно ли пользоваться всегда одним ка-

[7] См. ниже примеч. 20.

[8] См., в частности, odd. 3; 4; 11 и 17 (по [Snell-Maehler 1970]).

[9] У нас нет никаких свидетельств о том, что Парменид и Эмпедокл писали гимны, однако в их философских поэмах — «О природе» Парменида, а также «О природе» и «Очищениях» Эмпедокла имеются многочисленные гимнические элементы. Так, поэма Парменида начинается с обширного пролога, содержащего призыв к богине, прославление атрибутов божества, просьбу адепта и т. п., см.: frr. B1; B7; B8 (по [Diels-Kranz 1952]). В обеих поэмах Эмпедокла также присутствуют обращения к богам, см.: frr. B3; B6; B17; B112; B113; B128; B131 (по [Diels-Kranz 1952]). По всей видимости, эти самые элементы, традиционные для гимнической поэзии в целом, Менандр и трактует в данном случае как гимны.

[10] См.; Orph. fr. 306 (по [Kern 1922]).

[11] Имеется в виду fr. 521 (по [Page 1962]). О нем также упоминает Плутарх в «Моралиях» (166a).

ким-нибудь видом гимнов или же всеми разом, и стоит ли думать, (334) будто сочинять гимны дозволяется лишь поэтам, а историкам и писателям — не дозволяется единственно потому, что поэзия, располагающая для этого разнообразными украшениями, больше подходит для дел божественных, а проза — для дел человеческих[1].

И историку, и писателю следует пользоваться как каждым видом гимнов по отдельности, так и всеми видами разом, как поступает Платон, коего почитаем мы выдающимся и наилучшим сочинителем. Как видим, он пользуется почти всеми этими видами — то одними, то другими; а в одной своей книге[2] — сразу несколькими. Ибо речь Федра о рождении Эрота[3] будет, пожалуй, генеалогическим гимном, а украшенная мифами речь Аристофана[4], как и речь Агафона[5], — мифологическим. Речь же Сократа[6] — ближе всего к вымышленному, ибо он выдумывает «Богатство» и «Бедность», подобно натурфилософу. В «Федре», призывая Муз, он являет нам гимн призывающий[7], а в молитве Пану — молитвенный[8]. Взгляни — и убедишься, что этим видом пользуется он повсюду, а если и не в полной мере, то потому лишь, что в прозе это не всегда дозволяется.

Об этих видах гимнов — когда к какому обращаться, и как им пользоваться, и каков должен быть стиль, — я попробую рассказать по порядку.

О призывающих гимнах

Призывающие поэтические гимны — более длинные, ибо в них может перечисляться много мест, как часто мы видим у Сапфо и Алкмана. Один призывает Артемиду с бесчисленных гор, горо-

[1] Возможно, отсылка к известной дискуссии на эту тему в гимне Элия Аристида «К Серапису» (XLV 1-13 K).

[2] В диалоге «Пир».

[3] См.: Pl. *Symp*. 178a–180c.

[4] *Ibid*. 189c–194d.

[5] *Ibid*. 194e–199b.

[6] *Ibid*. 201e–212b.

[7] См.: Pl. *Phdr*. 237a.

[8] *Ibid*. 279b–279c.

дов и даже рек, а другая — Афродиту с Кипра, Книдоса, из Сирии и многих других мест[9]. И не только перечислять, (335) но и описывать эти места поэтам не возбраняется. Например, если те призывают божество из реки, то добавляют к сему описание воды, берегов, близлежащих лугов, хороводов рек и тому подобное. И то же самое, если они призывают бога из храма. А посему призывающие поэтические гимны всегда длинны. Писателям же не надо уделять этому так много внимания. Не нужно им ни призывать богов из многих мест и стран, ни описывать каждую из них в отдельности, но подобает поступать, подобно Платону, который говорит о месте следующее: «Так вот, сладкоголосые Музы, — зовут ли вас так по роду вашего пения или в честь музыкального рода лигуров, — помогите мне…»[10].

Гомер использует этот вид в призывающем гимне с равным количеством слогов, когда в начале «Илиады» Хрис умоляет:

«О ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!»[11]

Следует, однако, помнить, что в поэзии можно сказать больше, чем в прозе. Стиль, каковой подобает призывающим гимнам, требует тщательной обработки, и отсюда поэты уделяют ему так много внимания. Подходят для этого и многочисленные призывы к богу.

Не лишним будет сказать в этой книге и о том, какой стиль использовал я в призывающем гимне к Аполлону[12], чтобы сделать его более изящным, но при этом не нарушить меры, приличествующей прозе, и не придать ему неуместной пышности. Всяческие

[9] Нам известны гимны Сапфо и Алкмана (frr. 1; 55 по [Page 1962]) к Афродите; что же касается гимна Алкмана к Артемиде, то он не сохранился. Предположительно, началом этого гимна может являться fr. 56 (того же издания).

[10] Pl. *Phdr*. 237a (перевод из [Платон 1993: 145]).

[11] Hom. *Il.* I. 37–38 (перевод из [Гомер 1990: 6]).

[12] Правилам написания этого гимна посвящена отдельная глава трактата (см. ниже).

украшения оставил я на долю поэтов, кои призывают бога[13] из тех мест, ибо сам я не стал бы его призывать. Здесь найдешь ты для себя немало полезного.

Помни и о другом правиле: ежели за призывом к богу следует молитва, (336) то разработка темы и у поэтов, и у писателей занимает меньше времени, а ежели имеется только призыв, то больше. Посмотрев внимательно, ты убедишься, что поэты всегда неукоснительно следуют этому правилу.

О напутственных гимнах

Напутственные гимны, как следует из названия, полностью противоположны гимнам призывающим. Этот вид гимнов встречается крайне редко, и встретить его можно только у поэтов. Произносятся они при действительном или воображаемом отбытии богов из отечества — как, например, отбытие Аполлона на Делос и в Милет или отбытие Артемиды в Аргос. Напутственные гимны есть и у Вакхилида[14]. Основная тема в таких гимнах — страна, города и народы, кои божество покидает, и те из них, куда он направляется, а также описание этих мест и тому подобное.

Гимн подобает произносить с чувством радости, ибо, провожая кого-нибудь в путь, подобает говорить легко и приятно. Сие же предполагает более глубокую разработку темы, как в призывающих гимнах, ибо в последних мы выражаем желание, чтобы боги поскорее к нам прибыли, а в напутственных — чтобы те как можно дольше нас не покидали. В конце должна следовать молитва к богам о возвращении или о новом посещении.

О напутственных гимнах сказано достаточно.

О физиологических гимнах[15]

Теперь, следуя установленному нами порядку, подобает сказать о физиологических гимнах. Во-первых, этот вид не годится для обычных случаев, а уместен только тогда, когда речь идет о вещах возвышенных и волнующих; а во-вторых, поэтам он подхо-

[13] Т. е. Аполлона.

[14] См. выше примеч. 8.

[15] Букв.: “φυσικοί” — «природные», т. е. содержащие учение о природе.

дит больше, чем писателям, ораторам и политикам. (337) В таких гимнах, воспевая, к примеру, Аполлона, мы отождествляем его с Гелиосом и рассуждаем о природе солнца; Геру отождествляем мы с «воздухом»[16], а Зевса — с «теплом»[17]. Таковы физиологические гимны. Этими гимнами широко пользовались Парменид и Эмпедокл[18], а также Платон: в «Федре», объясняя природу Эрота как «страдание души», он наделяет его крыльями[19].

Некоторые из этих гимнов объясняют явления природы подробно, некоторые — кратко. Главное же их различие состоит в том, что одни призваны напомнить что-либо человеку осведомленному, а другие — научить человека невежественного. Так, Парменид и Эмпедокл дают всему подробное объяснение, а Платон — краткое. Кроме того, в одних содержатся лишь намеки, а в других обо всем говорится прямо. Гимны, называемые «пифагорейскими»[20], полны намеков, а упомянутые выше, — ясны.

Рассмотрев различия между физиологическими гимнами в целом, перейдем к частным различиям. Гимны, содержащие намеки, должны быть краткими и более общими, ибо они ничего не объясняют. Прочие же гимны требуют более подробной и глубокой проработки темы. Например, Платон в «Критии» называет «Тимея» «гимном Вселенной»[21], а ученые поэты, о которых мы сказали выше, и вовсе посвятили этому целые поэмы. Молитва же в этих гимнах не нужна. Не следует произносить такие гимны перед толпой или многолюдным собранием, ибо тем они кажутся неубедительными и смешными.

---

[16] Игра слов: “Ἥρα” («Гера») и “ἀήρ” («воздух»).

[17] Игра слов: “Ζεύς” (Зевс) и “ζέω” (кипеть).

[18] См. выше примеч. 9.

[19] См.: Pl. *Phdr*. 251b–252c.

[20] Образцов пифагорейских гимнов не сохранилось (главным образом, по причине эзотерического характера этого учения), однако косвенные свидетельства об их существовании имеются у отдельных античных авторов. См., в частности: Sext. Emp. *Adv. math*. IV 2; Iamb. *Vita Pyth*. 28 (150).

[21] В самом начале диалоге «Критий» (106a–107b) имеется отсылка к речи Тимея о происхождении Вселенной, которая произносится этим же персонажем в одноименном диалоге Платона «Тимей» и занимает бóльшую его часть (27c–92e).

Стиль этих гимнов мало отличается о того, каковой подходит для дифирамба, ибо нет для человека темы, важнее этой.

О мифологических гимнах

(338) Ныне настал черед сказать о мифологических гимнах, кои одни относят к генеалогическими, а другие — нет. Первые полагают, что между теми и другими нет никакого различия, ибо считают мифы генеалогиями богов. Мифы излагают в своих теогониях Акусилай, Гесиод и Орфей. Эти генеалогии суть те же мифы. Кто же полагает, что разница между ними все-таки есть, утверждает, что иные мифы ничего общего с генеалогиями не имеют: к примеру, миф об Икарии, оказавшем гостеприимство Дионису[22]; или о Лето, снявшей с себя пояс в Зостере[23]; или о Келее, принявшем у себя Деметру[24], и тому подобное. Ведь в этих мифах нет никакой генеалогии, а есть лишь мифологический рассказ. Как видим, каждый из них прав по-своему, однако мне кажется, что здесь следует провести более четкие разграничения. Я полагаю, что все генеалогии и генеалогические гимны содержат мифы, однако не все мифологические гимны содержат генеалогии. А посему генеалогические гимны являются скорее подвидом мифологических гимнов.

О различиях мы сказали. Теперь же поговорим о самих мифологических гимнах. Во-первых, они не имеют отношения к физиологическим гимнам — я разумею, явного. Ибо ежели в них путем намеков и сообщается некое знание о божественном, то сути дела это не меняет. Во-вторых, они более всего подходят для поэтов, ибо те могут слагать такие гимны неторопливо и украшать на все лады, не вызывая пресыщения или неприязни (хотя иные из поэтов этим и злоупотребляют), (339) тогда как писателям и ора-

[22] На сюжет мифа об Икарии, получившем от Диониса в дар за гостеприимство вино, а затем убитом пастухами из страха, была написана несохранившаяся поэма Эратосфена «Эригона». О ней упоминает, в частности, Гигин (см. *Astronom*. I. 4).

[23] По одной из версий мифа — место, где Лето разрешилась от бремени, родив Артемиду и Аполлона. Однако, согласно Павсанию (I. 31,1), в Зостере Лето не родила, а только развязала свой пояс.

[24] Этот сюжет лежит в основе гомеровского гимна «К Деметре» (XIII).

торам дозволяется очень немногое. Мифологические гимны часто грустны и тягостны для слушателей, поэтому их нужно излагать как можно короче. К требованию краткости и красоты следует прибавить еще и такое: не следует перечислять в них всё подряд, но одно лучше пропустить, другое сохранить, посредством третьего — соединить, посредством четвертого — объяснить, посредством пятого — убедить или разубедить. Взяв за правило разрабатывать тему подходящим образом, ты не будешь испытывать трудностей в способе изложения.

То, что мы сказали о длине гимна, относится и к его стилю: ему должна быть присуща умеренность, дабы он был, с одной стороны, украшенным, как требуется в похвале, а с другой — не столь пышным, как в дифирамбе. Стиль должен соответствовать правилу Исократа, учившего, что красота и величавость речи достигаются не с помощью устаревших и выспренных слов, а благодаря их сочетанию и употреблению фигур[25]. Примером может служить всем хорошо знакомая строчка гимна: «Когда Деметра пришла в нашу землю…», где слова, как известно, взяты у ораторов, однако величавость возникает здесь из их соединения, благодаря общей слаженности и фигурам[26]. Сходный пример: «Тирей, взявший в жены Прокну, дочь Пандиона», хотя в этом гимне говорится о человеке. И то же самое — у Платона: «Идет молва о том, что бог преследуется Герой, своею мачехой…»[27]. Есть у него и другие подобные примеры. Это правило поможет тебе овладеть хорошим стилем. Итак, следует помнить, что в мифологических гимнах равно важны и стиль, и содержание.

О генеалогических гимнах

(340) Генеалогические гимны, как уже говорилось, некоторые относят к гимнам мифологическим. Однако мы показали, чем они различаются. Второе, о чем нужно сказать, это что редко найдется такой гимн к богам, где содержалась бы только генеалогия, — если, конечно, не причислять к гимнам и теогонии. В большинстве случаев такие гимны соединяются с мифологическими или

[25] См.: Isocr. *Evag*. 10.
[26] См.: Isocr. *Paneg.* 28.
[27] См.: Pl. *Leg.* 672b.

с другими видами — с каким-то одним или сразу с несколькими. Например, бессмысленно и несерьезно — слагать гимн Зевсу, описывая только его рождение. Тем не менее, генеалогические гимны встречаются у древних поэтов, одни из которых воспели рождение Диониса[28], другие — Аполлона[29], а Алкей — Гефеста и Гермеса[30]. Посему рассмотрим этот вид отдельно.

Следует помнить, что, ежели соединять этот вид с другими, то гимн будет длиннее, а ежели нет — то короче. Но сочинять такие гимны лучше поэтам, а не писателям. Ведь первые называют Харит «родовспомогательницами», Ор — «кормилицами» и тому подобными именами, в то время как вторым приходится быть краткими.

Красота стиля в таких гимнах заключается в чистоте и умеренности речи. В поэзии это достигается соразмерностью строк, в прозе — разнообразием колонов. Для первой образцом является стиль Гесиода, особенно в сравнении с гимнами Орфея, для второго — стиль Платона и Геродота, когда он описывает Египет[31].

О вымышленных гимнах

О вымышленных гимнах (341) надобно знать следующее: во-первых, нелегко воспевать широко почитаемых богов, о рождении и могуществе каковых все знают; гораздо лучше слагать гимны к менее известным божествам. К примеру, Платон в одном месте говорит об Эроте, что он родился раньше Земли[32], в другом, что он — сын Афродиты[33], затем — что он порождение Богатства и Бедности[34]; Павсаний у него утверждает, что Эрот ведает искусством врачевания[35]; Аристофан — что тот соединяет вместе

---

[28] Например, гомеровский гимн «К Дионису» (XXVI).

[29] В частности, гомеровские гимны «К Аполлону Делосскому» (I) и «К Аполлону Пифийскому» (II).

[30] См. fr. 308 (по [Lobel-Page 1955]) (гимн к Гермесу). О гимне Алкея к Гефесту ничего не известно.

[31] См.: Hrd. II.

[32] См. выше примеч. 14.

[33] См.: Pl. *Symp*. 180c–185e.

[34] См. выше примеч. 17.

[35] См.: Pl. *Symp*. 186a; однако это утверждает Эриксимах, а не Павсаний.

половинки наших тел. Сочиненные Платоном гимны весьма разнообразны: одни касаются природы бога, другие — его власти, третьи — рождения. В этом возможности поэтов и писателей равны. Сочиняют также гимны о Страхе и Ужасе — якобы слугах Ареса, о Бегстве — спутнике Ужаса, о Сне — брате Смерти. Да я и сам во введении к «Этике» сочинил гимн Логосу, будто бы брату Зевса.

Теперь скажем, о чем нужно заботиться при создании вымышленных гимнов. Во-первых — о том, чтобы гимны не были бессвязными, но одно в них вытекало из другого. Это правило можно соблюсти, если касаться только деяний божества и не выходить за пределы этой темы. Во-вторых, вымысел должен быть не грубым, но изящным и тонким, например: Музы — это дочери Мнемосины и тому подобное. Ибо не всякий вымысел бывает приятен, как то: Афина выскочила из головы Зевса. Такое допустимо лишь, когда сие говорится иносказательно или выражается через другие предметы; иначе вымысел не доставит удовольствия. В-третьих, вымысел должен казаться правдоподобным — например, как в нашем гимне[36] или как часто бывает у Гомера. В-четвертых, необходимо, чтобы в вымышленных гимнах факты согласовывались, а не противоречили и не исключали друг друга, как в мифе, (342) где Зевс появился прежде всех и произвел на свет остальных богов, но при этом взял в жены Фемиду, прежде считавшуюся женой Кроноса. Ведь если Зевс существовал до всех богов, то он существовал и до Фемиды. А если Фемида существовала до Зевса, то Зевс появился не прежде всех. Кроме того, в вымышленных гимнах следует избегать растянутости и избыточности. Кое-кто из молодых сочинителей, придумав некое божество по имени Ревность, укутал ее покрывалом Зависти и опоясал Враждой. К такой избыточности особенно склонен Павсаний. Наконец, и в поэзии, и тем более в прозе допускается соединять древнее и новое.

Стиль таких гимнов должен соответствовать предмету: ежели вымысел касается земного, то стиль будет простой и ясный. Под «земным» я разумею темы, каковые не вызывают страха и не связаны с богами, например: Бедность, Бессонница и тому подобное. Ежели же вымысел касается божественного, то стиль должен быть величавым.

[36] Т. е. в гимне к Логосу, упомянутом выше.

Следует помнить и то, что этот вид гимнов требует большой изобретательности и хорошего воображения.

О молитвенных и отмаливающих гимнах

Молитвенные и отмаливающие гимны соотносятся почти со всеми видами гимнов, о которых было сказано выше, ибо всякий, кто сочиняет гимн к богам, завершает его молитвой. Впрочем, некоторые пользуются ими в чистом виде. Вот пример молитвенного гимна:

Зевс, превосходнейший славой, небесный тучегонитель,
Мрак задержи ты покуда, чтоб солнце с неба не скрылось!

А это — гимн отмаливающий:
(343)

О, внемли же мне ныне, дитя Эгиоха Зевеса!
Ибо всегда ты была мне в трудностях разных опорой.

У Платона в «Федре» мы находим слова «О любезный Пан!»[37] и другие молитвы. Такие гимны не должны казаться утомительными, а молитвам подобает быть разумными, простыми и короткими, например: «Пусть исполнится то-то и то-то!». Кроме того, богов не следует поучать, но лишь просить о том, что им и так известно. У писателей, как ты увидишь, все молитвы и призывы к гражданам — краткие. Такой вид гимнов дошел и до государственников, когда те зовут богов в свидетели: «Прежде всего, о афинские мужи, возношу я молитвы богам…» или «Призываю я Аполлона Пифийского…»; это могут быть как молитвенные, так и отмаливающие гимны.

Некоторые писатели, я знаю, рассуждают в гимнах на разные трудные темы: например, о происхождении Эрота: является ли он сыном Хаоса или Афродиты? и тому подобном; или о его власти: распространяется ли она только на людей или на богов тоже? Этот вид гимнов ты различишь без труда, ибо от прочих он отличается

[37] См. выше примеч. 19.

лишь формой, но не сутью. Таким вопросом, например, задается Софокл в гимне к Судьбе[38].

Гимны, как я уже сказал, бывают составлены либо из всех этих видов, либо из большей их части, и являются при этом наилучшими похвалами, подходящими для писателей. Ведь для поэта довольно и одного какого-нибудь вида, ежели он украсит его поэтическим способом; а писателю надо пытаться сочетать все виды разом. Лучшим образцом этого являются вдохновленные пророчествами гимны Аристида: в них он описал Асклепия и Гигиею[39], каковым нечасто посвящают гимны.

Этим мы завершим книгу о гимнах к богам, в которой говорится о том, по каким правилам и в каких случаях поэты, писатели и ораторы могут воспевать богов. <…>

О ТОРЖЕСТВЕННОМ КРАСНОРЕЧИИ

О «Сминфейской речи»

(437) Во вступлении к речи оратору стоит сказать, что бога красноречия подобает благодарить посредством тех речей, каковые получили мы в дар от предводителя Муз. Ведь не только ныне, но издревле является он защитником и благодетелем нашего города, а посему заслуживает двойной благодарности — и за сами речи, и за благодеяния. Затем надо добавить, что первейшая обязанность оратора — воспевать вышних богов и никогда не пренебрегать похвалою в их честь. Во-вторых, начинать речь следует примерно так: «Еще в древности Гомер дал нам примеры гимнов, равновеликих богам, не оставив потомкам никакой надежды его превзойти. Ведь и Музы, согласно Гесиоду, всегда достойно воспевают Аполлона. Опередил нас в этом и Пиндар, сочинив богу гимны, не уступающие мощи его лиры. Но поскольку вышние боги никогда не гнушаются даже самыми скромными приношениями, ежели те совершаются с чистыми помыслами, то и я не стану

[38] См.: Soph. fr. 740 (по [Nauck 1865]).

[39] Имеются в виду гимны Элия Аристида «Дети Асклепия» (Or. XXXVIII K) и «К Асклепию» (Or. XLII K).

уклоняться от этого и по мере своих сил почту Аполлона гимном. А самого Аполлона Сминфейского молю придать мне сил, дабы смог я совладать с этой темой». В-третьих, намереваясь воздать хвалу кому-нибудь из героев, я бы не испытывал трудностей относительно того, с чего стоит начать. «Коли дерзнул я говорить о величайшем из богов, (438) подобало бы вопросить саму Пифию, восседающую на колеблющемся треножнике, — как приступить к столь трудному делу. Поскольку же пророчества ее нам неведомы, я не выкажу непочтения к вышним богам, ежели обращусь с этой просьбой к Музам, дабы научили они меня, как начать нашу речь. Ибо и Пиндар вопрошает их о том же в своих гимнах: “О гимны, звучащие под формингу, с чего мне начать?”[40]» Мне кажется, будет лучше, оставив в стороне рождение бога, перейти к самому гимну.

После такого вступления следует начинать саму похвалу богу: «О Аполлон Сминфейский, как мне тебя величать? Солнцем или хранителем света? Источником ли небесного сияния? Разумом ли, каковой, согласно философам, пронзая небесную сферу, достигает через эфир нашей земли? Творцом ли всего сущего или же той силой, каковая ему сопутствует? Благодаря тебе луна излучает свет, земля пребывает на месте, а море не выходит из берегов. Говорят, когда Хаос объял Вселенную и все кругом смешалось и пришло в движение, ты, проливши свет из небесных сфер, унял Хаос, рассеял мрак и привел всё в порядок. Однако рассуждать об этом я предоставлю разным мудрецам, сам же попытаюсь рассказать, что слышал о рождении этого бога от тех, кто ведает мифами. И рассказ этот вовсе не излишен, ибо заключает в себе истинное знание».

Далее переходи ко второй части гимна — к рождению бога — с такими словами: «Когда Зевс ниспроверг необузданную и исполненную беззаконий власть, а точнее, опирающуюся на насилие тиранию Титанов, и отправил их в глубокие недра Тартара, (439) задумал он произвести на свет отпрысков, с помощью коих можно бы было установить наилучший порядок. И выбрал он нимфу, одну из Титанид, и зачал с нею детей, но сохранил свой брак с Герой ради прочего потомства. Нимфа эта, как и подобает, выделялась среди всех красотою и юностью, и потому стала ма-

[40] См.: Pind. *Ol*. 2.1 (по [Snell-Maehler 1953]).

терью Аполлона и Артемиды. Когда же пришло ей время родить, благополучно достигла она то ли Делоса, то ли, согласно некоторым, Ликии. Кто верит, что честь оказать богине приют выпала на долю Делоса, рассказывает, как, будучи скрыт до того под водою, остров поднялся из моря и принял ее, пришедшую с Суния в Аттике, едва лишь она приблизилась. Однако Гомер знал, что сие было в Ликии, где и самому ему довелось родиться, ибо поэт говорит о «рожденной в Ликии славной луком» богине и о том, что этой земле выпала честь стать родиной бога. Говорят также, что когда бог вышел из чрева матери, то вся земля, море и небесный свод вблизи него просияли, а Хариты и Оры танцевали вкруг того места. Разве не было сие счастливым предзнаменованием, данным земле, морю и небу? А уже из Ликии, говорят, бог направился к нам и, придя в Сминфу, учредил здесь оракул и поставил треножник.

Поскольку место рождения бога вызывает споры, и одни говорят, что оное случилось на Делосе, а другие, что в Ликии, то следует это учесть, говоря, что, мол, Гомер, заслуживающий большего доверия, называет его обычно «рожденным в Ликии»[41]. К этому надобно прибавить, что, родившись в Ликии, бог должен был, конечно, прежде явиться у нас. Ведь ежели хотел он отправиться на острова, в Касталию и Дельфы, то никак не мог миновать нашу землю, (440) из каковой он туда прибыл. Да и праотцы наши были свидетелями того, какую честь бог им оказал и от каких опасностей избавил. И он бы не сделал этого, не будучи милостив к нашей земле.

Дельфы, конечно, гордятся и похваляются Пифией, Парнасом и Касталией, ибо почитают себя единственным местом обитания бога. Я же, по правде сказать, хоть и разделяю радость дельфийцев, однако не думаю, что они сильно нас превосходят. Ибо мы первыми стали получать оракулы бога, после того как оказали ему гостеприимство, и лишь потом отправился он в другие земли, жители коих последовали нашему примеру. Ведь Богу приятны оба прозвища, данные ему по названию сих мест: «Пифийский» и «Сминфейский».

Затем надо произнести похвалу этому месту, например: «Не удивительно, что бог полюбил нашу землю, едва увидел ее пре-

[41] См. гомеровский гимн «К Аполлону Пифийскому» (II).

восходную красоту». Можно описать и само место, однако без подробностей, указывая лишь то, что способно поразить, то есть самое важное. После описания места добавь следующее: «Вот почему бог всегда любил наш народ и посредством оракулов поддерживал в войне, всячески истребляя наших врагов».

Похвалу могуществу бога лучше разделить на четыре части, рассуждая так: «Я не знаю, как это вышло, но, вспомнив о земле, мы позабыли о самом боге, а посему подобает к нему вернуться». Ведь после рождения бога мы сразу перешли к похвале месту, дабы этот гимн (а гимнами называют похвалы богам) соответствовал обычаю, то есть содержал общие для всех богов темы; а «Сминфейская речь» связана с этим местом. (441) Итак, какими же делами ведает бог? Стрельбою из лука, пророчествами, искусством врачевания и музыкой.

Прежде чем говорить о каждом из этих дел в отдельности, нужно произнести общее вступление: начать же лучше со стрельбы из лука, ибо, по преданию, это первое искусство, в коем он преуспел после своего рождения: «Я не буду говорить обо всех достоинствах бога, дабы не показалось, что я валю всё в одну кучу, но хочу рассказать о каждом из них по порядку, опираясь при этом на свою память. Ведь всё разом охватить тяжело!»

«Итак, предание гласит, что бог вступил в свое первое состязание, когда, вооружившись луком и стрелами, коими снабдил его отец, наказал за дерзость Тития, оскорбившего его мать — славную супругу Зевса. Затем он умертвил своими стрелами Пифона, захватившего Дельфы. Чтобы рассказать, кто такой был Пифон, я вернусь немного назад. Земля породила дракона — да такого, что трудно описать словами и поверить слухам. Этот дракон опустошил всю землю до самых Дельф и Фокиды и захватил Парнас — самую высокую гору на свете, не уступающую по размерам Олимпу и нашей Иде. И так плотно обвил он ее своими кольцами, что не осталось на ней свободного места, а голова его возвышалась над вершиной горы и доходила до самого неба. Когда дракон испытывал жажду, то выпивал целые источники, а когда хотел насытиться, поглощал целые стада. Из-за этого Дельфы стали неприступны: никто из людей не населял больше этих мест, а оракул Фемиды пришел в запустение. Видя, что люди терпят страдания, от коих не знают спасения, и желая помочь своими

пророчествами, дабы жизнь их изменилась к лучшему, Аполлон поразил дракона острыми стрелами. (442) Что же касается сражений бога в нашей земле, то кто способен рассказать о них по достоинству: как наказал он ахейцев за то, что те оскорбили богов, или как в гневе поразил Пелида за надругательство над телом Гектора?». К этому хорошо бы добавить, что бог любит охоту, и стрелы его часто настигают диких зверей, и что вместе с сестрой, Артемидой, изобрел он искусство стрельбы из лука.

Затем скажи, что бог является величайшим и выдающимся пророком, и раскрой кратко эту тему: чем полезно искусство прорицания; как благодаря ему люди совершили величайшие деяния; что Аполлон всегда выказывал к нему глубокое почтение. Ибо, пророчествуя с треножника, бог наполнил людьми и сушу, и море, направляя поселенцев в Ливию, к Геллеспонту, в Азию и на восток. Эту часть похвалы нужно выделить особо, например: «Если бы от вас, из Дельф и Милета не разошлись повсюду пророчества бога, то вся земля, вероятно, оставалась бы необитаемой!» И можешь включить в свою речь всё, что известно от предков о пользе божественных предсказаний.

После этой темы переходи к следующей — о связи бога с музыкой. Здесь можно описать, как он играет на лире, то восседая среди богов на небесах, то пребывая с Музами на Геликоне или в Пиерии. Можно немного поразмыслить и вот над чем: «Ежели вспомним мы о тайном учении, к коему ученики философов относятся с великим почтением, то Аполлон предстает в нем в виде самого Солнца, каковое приводится в движение музыкой; и силою этой самой музыки вокруг него вращается небо и поддерживается всеобщий порядок».

(443) Впрочем, оставим эти вопросы философам и поговорим о вещах более привычных. Орфей, например, каковой обязан своей славой Аполлону, так овладел мусическим искусством, что, когда тот играл на лире, к нему отовсюду стекались дикие звери и перемещались с мест камни. Всякий, кто слышал его музыку, попадал под эти чары. Можно вспомнить и Амфиона с Арионом — как один построил стены вокруг Фив, заставив камни двигаться под свою лиру, а другой верхом на дельфине переплыл Тирренское море. Завершая похвалу, следует опять вернуться к предводителю Муз, сказав, что все названные музыканты получили свое искусство от него.

Обсудив это, переходи к четвертому качеству бога — к искусству врачевания. Каждую из указанных частей всегда предваряй особым вступлением, дабы не казалось, будто речь идет о вещах мелких и ничтожных. Ибо вступление вводит в суть дела, готовит к нему слушателей, настраивает на серьезный лад и придает больший вес теме. Сказав, что бог открыл для нас искусство врачевания, продолжай эту тему так: «Когда людей истребляли болезни и бедствия, бог, сжалившись над ними, изобрел искусство врачевания. Что может быть полезней его? Кто бы населял ныне землю, переплывал море, основывал города и устанавливал законы, если бы не знали мы искусства врачевания? Вот почему обычно все поэты и писатели называют бога "Пеаном", "Милостивым", "Защитником от страданий" и "Спасителем"». Затем расскажи о рождении Асклепия: «Желая усовершенствовать искусство врачевания и передать его людям, бог породил Асклепия. Но кто в силах достойно поведать об этом?»

(444) В каждом случае выбирай то, что общеизвестно и у всех на слуху, и уснащай этим свою речь, чтобы та казалась убедительной.

Затем переходи к теме города, например: «И вот, когда Александр, покорив всю Европу и дойдя до Азии, пришел в это место и приблизился к храму, явились ему знамения, дабы он основал город, для чего бог и привел его сюда. И он основал этот счастливый город, посвятив его Аполлону Сминфейскому, пославшему сие предзнаменование и предписавшему населить город, дабы место сие, посвященное богу, не оставалось безлюдным, а земля — необитаемой. С тех пор мы постоянно чувствуем заботу и милость этого бога и не забываем его почитать. Бог продолжает радовать нас щедрым урожаем и оберегать от невзгод, а мы благодарим его за это в своих гимнах. И в благодарность за наше благополучие мы проводим у себя священное состязание, устраиваем празднества и приносим жертвы». Затем опиши сам праздник — каков он из себя и сколько собирает людей; и что одни люди являют на нем свое превосходство — кто в ораторском искусстве, кто в телесном здоровье, а другие всё это наблюдают и слушают. Далее, подобно Исократу в «Панегирике», коротко скажи о том, какую пользу приносят эти праздники и состязания. Итак, основное правило в подобных случаях таково: прежде чем

переходить к славным деяниям бога, нужно выразить главною мысль: что музыка — это благо, и искусство стрельбы из лука — благо, и праздники — благо, а потом уже говорить обо всем более подробно. Но не задерживайся на этом слишком долго, если тебе нужно коснуться и других тем.

(445) Описав праздник, переходи к храму. Если он высок, сравни его с акрополем и скажи, что храм превосходит по величине все подобные храмы, а по высоте — даже самые горы. Если он во всем соразмерен и построен из прекрасного камня, то добавь к этому: «Кто не восхитится блеском и сиянием храма? Можно сказать, что гармония камня не уступает лире Амфиона! Разве сравнятся с ним стены Вавилона? Или стены Фив? Или храм афинян? Лишь игру на лире и музыку самого бога можно с ним сопоставить! Говорят, что Аполлон и Посейдон возвели стены для Лаомедонта; наш же храм воздвигли сообща Аполлон, Афина и Гефест».

После этого опиши статую бога, каковая ничуть не уступает статуям Зевса в Олимпии и Афины на афинском Акрополе. Затем добавь такие слова: «Чтó Фидий, чтó Дедал, создавшие замечательные статуи, когда оная статуя, верно, упала к нам прямо с небес!» Скажи и то, что она увенчана лавром — растением, посвященным богу в Дельфах. Далее опиши священную рощу, соседние с ней реки и источники и уточни, что те находятся неподалеку, а дорога, ведущая к храму, является священной и посвящена Аполлону.

В заключение речи обратись к богу, называя его обычными именами: «О Аполлон Сминфейский и Пифийский! С тебя я начал свою речь, тобою же ее и завершу. Как мне тебя называть? Ибо одни именуют тебя Ликейским, другие — Делосским, третьи — Аскрейским, четвертые — Актийским, лакедемоняне — Амиклейским, афиняне — Отеческим, милетяне — Бранхиатом. Все города, земли и народы покорствует твоей воле, (446) и, словно танцуя посреди небесного хоровода звезд, объемлешь ты собою Вселенную. Персы называют тебя Митрой, египтяне — Гором (ибо ты ведаешь сменой времен года), фиванцы — Дионисом, а дельфийцы чтут тебя под двумя именами — как Аполлона и как Диониса. Тебя окружают неистовые вакханки, ты даруешь свет луне, а халдеи почитают тебя предводителем небесных светил. И ежели радуют тебя сии имена, а также другие, еще лучше этих, то пошли благополучие и процветание нашему городу, и пусть всегда

проводится в твою честь этот праздник! Даруй успех и моей речи, ибо и ораторское искусство, и сам этот город — твои детища!»

Список условных сокращений

Diogen. Laert. — Diogenes Laertius; fr. — fragmentum; frr. — fragmenta; Hdt. — Herodotus; Hom. *Il*. — Homerus. *Ilias*; Iamb. *Vita Pyth*. — Iamblichus. *Vita Pythagorica*; ibid. — ibidem; odd. — odes; Pind. *Ol*. — Pindarus. *Olympia*; Pl. *Lg*. — Plato. *Leges*; Pl. *Phdr*. — Plato. *Phaedrus*; Pl. *Symp*. — Plato. *Symposium*; Sext. Emp. *Adv. math*. — Sextus Empiricus. *Adversus mathematicos*; Isocr. *Evag*. — Isocrates. *Evagoras*; Isocr. *Paneg*. — Isocrates. *Panegyricus*.

Библиография и источники

Гомер 1990: *Илиада.* Перевод Н. И. Гнедича. Л.: Наука.

Платон 1993: *Федр.* Перевод А. Н. Егунова. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М.: Издательство «Мысль».

Межерицкая С. И. 2018: Жанр прозаического гимна как риторическая инновация (на материале речей Элия Аристида). В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXII.* Материалы чтений памяти профессора И. М. Тронского. 851–868.

Diels G., Kranz W. (Hrsg.) 1952: *Die Fragmente der Vorsokratiker.* Bd. 1. Hildesheim; Zürich; Berlin: Weidmann.

Kern O. (Hrsg.). 1922: *Orphicorum phragmenta.* Berlin: Weidemann.

Lobel-Page 1955: E. Lobel, D. Page. *Poetarum Lesbiorum fragmenta.* Oxford: Claredon Press.

Mezheritskaya S. I. 2020: Adaptation of the poetic hymn genre to the oratory of the Second Sophistic. В сб.: *Шаги / Steps.* Т. 6. № 2. М., 118–129.

Nauck A. (Hrsg.) 1865: *Tragicorum Graecorum fragmenta.* Leipzig: B. G. Teubner.

Nitsche W. 1883: *Der Rhetor Menandros und die Scholion zu Demosthenes.* Berlin: Gaertner.

Page D. L. (ed.). 1962: *Poetae Melici Graeci.* Oxford: Claredon Press, Oxford University Press.

Russell D., Wilson N. 1981: *Menander Rhetor.* Oxford: Claredon Press.

Snell B., Maehler H. (eds.) 1953: *Pindari carmina cum fragmentis.* Leipzig: B. G. Teubner.

Snell B., Maehler H. (eds.) 1970: *Bacchilidis carmina.* Leipzig: B.G. Teubner.

Spengel L. (ed.) 1856: Rhetores Graeci ex recognitione. Vol. III. Lipsiae: Teubner.

Suidae Lexicon 1977: Adler A. (ed.). *Suidae Lexicon.* Vol. 1. Pars III. Leipzig: B.G. Teubner, 1933.

И. М. Михайлова

«И дара твоего не ослабел прибой»[1]

Аннотация. Статья посвящена позднему творчеству трех крупнейших нидерландских поэтов Золотого века — Йоста ван ден Вондела (1587–1679), Якоба Катса (1577–1660) и Константина Хейгенса (1596–1687) — в период их восьмидесятилетия. На материале трагедии Вондела «Ной, или Гибель первого мира» (1667), автобиографической поэмы Катса «Восьмидесятидвухлетняя жизнь» (1659) и поэмы Хейгенса «Труд отшельника» (“Cluyswerck”) демонстрируется, что все три автора встретили преклонный возраст в расцвете творческих сил. Анализируется, как личные обстоятельства (разорение и служба в банке у Вондела, государственная карьера и богатство Катса, семейные перемены Хейгенса) преломляются в их поэзии. Показано, что Вондел сохраняет веру в победу добра и активно откликается на политические события; Катс создает предельно откровенную, дидактически ориентированную автобиографию; Хейгенс с мягким юмором и стоической мудростью изображает повседневный быт отшельника. Публикуемые фрагменты сопровождаются русскими переводами.

Ключевые слова: нидерландская литература, Золотой век, Йост ван ден Вондел, Якоб Катс, Константин Хейгенс, позднее творчество, автобиографическая поэма, поэзия XVII века, литература и старость, перевод

ВВЕДЕНИЕ

Дорогой Юрий Александрович!

Думая о Вас сегодня, я вспомнила нидерландских поэтов, живших в Золотом веке: а чем они занимались после достижения совершеннолетия (ведь именно после восьмидесяти человек становится совершенен)? Что интересовало «принца всех поэтов»

[1] Строка из стихотворения Й. А. ван дер Гуса «День рождения господина Йоста ван ден Вондела, отмечающего свое восьмидесятилетие» Цит. по: Ошис 1988: 474.

Вондела, «мужа совета»[2] Якоба Катса и блистательного Гейгенса, когда они разменяли свой девятый десяток, чем они радовали окружающих? Знакомство с их произведениями, написанными в зрелом возрасте, доставило мне много удовольствия: поэмы Катса и Гейгенса оказались неожиданно занятными, а стихи Вондела удивительно оптимистичными. Позвольте поделиться с Вами некоторыми впечатлениями от этого чтения.

ЙОСТ ВАН ДЕН ВОНДЕЛ (1587–1679)

Самый прославленный поэт Золотого века Нидерландов Йост ван ден Вондел (Joost van den Vondel), сегодня взирающий со своего высокого постамента в знаменитом Парке Вондела в центре Амстердама на посетителей парка, прожил нелегкую жизнь и отнюдь не был обласкан центральной властью. Он был великим правдоискателем: с молодых лет писал драмы в основном на библейские, иногда патриотические темы, и не страшился открыто выражать свои политические воззрения в сатирических, а также в хвалебных стихах.

Источником его доходов служило семейное дело: несколько поколений Вонделов работало в магазине шелковых изделий, где самым ходовым товаром были шелковые чулки. Однако в неблагоприятные для экономики Нидерландов годы, в частности, во время Первой англо-голландской войны, спрос на шелковые изделия заметно падал. К тому же его сын Йост, которому поэт передал магазин в 1643 г., вел дела крайне неразумно и в 1656 г. обанкротился. В результате отец-поэт, вынужденный расплатиться с кредиторами сына, в 70 лет оказался без средств к существованию и потому стал работать охранником в амстердамском банке (Bank van Lening).[3] Такая работа не помешала ему создать именно в это десятилетие

[2] Таким эпитетом наградил Катса его первый переводчик на русский язык П. А. Корсаков в книге «Иаков Катс, поэт, мыслитель и муж совета» (Корсаков 1839). В Нидерландах его принято называть «Vadertje Cats», то есть «Батюшка / Папаша Катс».

[3] Подробнее о невзгодах в жизни Вондела см. в Истории нидерландской литературы (Михайлова 2013А: 182–182). Наиболее обстоятельный анализ его творчества дан в Приложении к изданию библейских драм Вондела в серии «Литературные памятники» (Ошис 1988, 430–478).

трагедию «Адам в изгнании» (“Adam in ballingschap”, 1664) — вторую часть библейской трилогии о первопричинах зла в мире. Первая часть, «Люцифер» (“Lucifer”), была написана десятью годами раньше, в 1654 г.

В год восьмидесятилетия Вондела в его жизни происходит по меньшей мере два радостных события, одно – в материальной жизни, второе — в духовной. Во-первых, один из его внуков получает большое наследство со стороны другого дедушки и берет деда-поэта на свое попечение, так что необходимость работать в банке отпадает. Во-вторых, Вондел заканчивает последнюю часть своей трилогии — трагедию «Ной, или Гибель первого мира» (“Noah of Ondergang der eerste wereld”, 1667). Тем самым он завершает самое грандиозное творение всей своей жизни.

Центральная мысль трилогии Вондела — это свобода человека в выборе, чему служить: силам добра или силам зла, которые постоянно ведут борьбу между собой, причем главной ареной их борьбы является душа человека. И хотя путь человечества к праведности и справедливости извилист и труден, мудрый поэт верит и велит другим верить в неизбежность победы добра. Трагедия заканчивается полным оптимизма Хором ангельской стражи:

> Verlosser, lang beloofd, verschijn, als een versterker,
> den geesten, streng gedoemd in schaduw van den kerker,
> den geesten, vuil besmet door ongehoorzaamheid,
> Gods goedheid tergende, toen d‘ ark werd toebereid;
> een voorbeeld van de kerk waarin Gij uw vertrouwden,
> als in een vrijburg, door het water zult behouden. (Vondel 2004: 278)

В переводе Е. Витковского эти строки звучат так:

> Спаситель чаемый сойдет к земному роду
> И душам горестным провозвестит свободу,
> Провозвестит, что мрак узилищ – не навек,
> тогда воздвигнется для оных душ ковчег,
> прообраз нового, незыблемого храма,
> средь бурных вод морских
> всегда плывущий прямо. (Вондел 1988: 256)

Как и в молодые годы, Вондел ни в коем случае не отгораживается от общественной жизни и продолжает писать на злобу дня.

Но даже политические стихи этой поры перестают быть такими ядовитыми, как его прежние знаменитые сатиры «Вечерняя молитва Гёзов» (1620) или «Посошок Яна Олдебарневелта» (1657). Приведем фрагмент из написанного Вонделом в 80 лет стихотворения «Лев морей на Темзе», посвященного «льву морей» адмиралу де Рёйтеру, чья эскадра в июне 1667 г. блокировала устье Темзы и тем самым приблизила конец Второй англо-голландской войны.

Hy rukt stael, als ragh aen flarden,
Sloopt kasteelen langs het strant,
Steekt met zijn gezicht den brant
In de schepen. wie kan ,t harden!
Voor het vier van ,t leeuwenoogh
Vlieght het magazijn om hoogh. (Vondel 1937: 315)

Миг — и позади оковы!
Ныне ваш черед, суда!
Очи львиные всегда
Молнии метать готовы!
Взгляд — и вражий арсенал
Пламенем и дымом стал!

(перевод В. Швыряева) (Вондел 1988: 332)

ЯКОБ КАТС (1577–1660)

Якоб Катс, в противоположность Вонделу, никогда не высказывал мнений, не совпадающих с точкой зрения властей, и был необычайно богат. Значительную часть своей жизни, с 1636 по 1650 год, он сам участвовал в государственном управлении на посту рат-пансионария провинции Голландия, а с 1645 был также хранителем Большой государственной печати, то есть занимал самую высокую должность в Республике Соединенных провинций после статхаудера. Он владел тремя роскошными поместьями и после ухода с государственной службы постоянно жил в том из них, которое расположено рядом с Гаагой.[4]

Это любимое поместье Якоба Катса называлось Зоргфлит (Zorgvliet, т. е. “zorg, vliedt!” — «заботы, убегайте!»). Здесь он и

[4] Более подробно описание жизни и творчества Катса см. Михайлова 2013Б, 213–223.

встретил в 1657 году свое восьмидесятилетие. Здесь и написал свою автобиографическую поэму, задуманную как назидание потомкам. Поскольку писал он ее два года, эта насчитывающая почти 7000 строк поэма получила название «Восьмидесятидвухлетняя жизнь» (“Twee- en tachtig-jarig leeven”, 1659). Основная мысль произведения легко прочитывается: живите, как я, умейте исправлять неизбежно совершаемые каждым человеком ошибки, и тогда вы будете столь же успешны, как я.

Якоб Катс начинает свое необычайно реалистическое и обстоятельное повествование с самого детства, с рассказов своих родителей, братьев-сестер и семьи опекуна, заботившегося о нем после смерти матери. Далее поэт подробнейшим образом изображает свою жизнь в пансионе при средней школе в г. Зирикзее, а потом при Лейденском университете (около 300 строк). Именно эти описания студенческих будней больше всего интересуют нидерландских литературоведов, занимающихся творчеством Катса или собирающих информацию о повседневном быте и нравах XVII века (Bostoen 1991, Kromhout 2016, Phillips 2008). Дело в том, что Катс без прикрас и утаек (умалчивая только собственную роль в происходящем) повествует о взаимодействии учеников с легкомысленными служанками, в чьи обязанности входило застилать постели в дортуаре. В его средней школе в Зирикзее служанка по вечерам приходила в комнату к ученикам и развлекала молодых людей рассказами отнюдь не нравоучительного содержания:

> Sy toond’ in haer bedryf veel tekens van verstant,
> Maer sy had buytens tydt, misbruyckt haer beste pandt.
> Sy had in ‘t Hof gewoont, maer was daer laes! bedrogen,
> Iet dat men maegdom hiet was van haer weggevlogen:
> Dees quam in ons vertreck als vrouw en meester sliep,
> Oock schoon het donker was en dat haer niemant riep. (Cats 1862: 853)

> Она проявляла ловкость в работе,
> Но ранее она неправильно употребила самое заветное, что имела,
> Она когда-то жила при дворе, но, увы, была там обманута
> И лишилась того, что называют девственностью:
> Таким образом, она приходила к нам в комнату, когда хозяин

и хозяйка спали,
Хотя было темно и никто ее не звал.[5]

Отчасти из-за этой служанки опекун счел необходимым поскорее послать юного Якоба в Лейден, изучать в университете право и греческий язык. Но в Лейдене юношей поджидала та же опасность: студенты откладывали в сторону книги, едва в комнату входила хорошенькая служанка по имени Луиза. Через некоторое время Луизу за это уволили, и ей на смену пришла другая, некрасивая и непривлекательная служанка, на которую студенты вообще не обращали внимания. Обиженная этим женщина решила им отомстить и заявила, будто встретила на рынке Луизу, пожаловавшуюся ей на свою плачевную жизненную ситуацию:

Sy heeft, gelijckse seyt, door schoon en listig praten,
Hier in dit eerbaaer huys haer beste pant gelaten,
Dies is sy nu ter tijt in gantsch bedroefden staet,
Sy braekt, en spickt, en spout, vermitse swanger gaet:
Nu, hy die oorsaech is van dese vreemde kuuren,
Moet dencken om de kraem en om de kinderluuren... (Cats 1862: 854)

Как она (т. е. служанка-лгунья) утверждала, говоря ловко и лживо,
Она (т. е. Луиза) лишилась в этом доме самого заветного, что у нее было,
Так что теперь находится в печальнейшем положении:
Ее тошнит и рвет, оттого что она беременна,
И тот, кто виной этому необычному состоянию,
Должен подумать о ее родах и пеленках для ребенка…

Юный Якоб Катс так испугался этого рассказа, что уже собирался нанять юриста, чтобы тот проконсультировал, как правильнее поступить:

Dies most ick, naer my docht, de rechtsgeleerden vragen,
Hoe dat een jongelingh sich hier behoort te dragen. (Cats 1862: 855)

[5] Здесь и далее подстрочные переводы выполнены автором статьи И. Михайловой.

Так что мне следовало, как я думал, спросить у правоведа,
Как молодой человек должен в таком случае себя вести.

К счастью, вскоре выяснилось, что новая служанка всех обманула и рассказ о встрече с Луизой от начала до конца выдумала.

Хотя восьмидесятилетний автор поэмы утверждает, что этот страх не имел под собой оснований и лично его взаимодействие с Луизой ограничивалось только слушанием ее увлекательных рассказов, литературоведы Филипс (Phillips 2008: 89) и Кромхаут (Kromhout 2016: 121) ему не верят, Кромхоут вступает в дискуссию с К. Бостуном, не сомневающимся в правдивости поэта (Bostoen 1991: 91).

Исключительно интересны и те фрагменты поэмы, в которых Катс рассуждает о денежных вопросах: из них следует, что стремление к материальному благополучию для него намного важнее, чем дела любовные. Так, в наставление молодому поколению он с гордостью рассказывает о том, как мудро повел себя, узнав, что у горячо любимой им благородной девушки, которой он уже собирался сделать предложение, обанкротился отец. Будущий поэт принимает единственно верное решение и расстается с возлюбленной:

Ik was tot dese maegt ten hoogsten wel genegen,
My docht in haer gelaet lag my een hoogen zegen
<...>
Maer siet, het ongeluck, haer Vader overkomen,
Heeft van my ’t eenemael haer liefde weg genomen. (Cats 1862: 861)

Я испытывал к этой девушке сильнейшую склонность,
Мне казалось, в ее лице заключено для меня высочайшее счастье1
<...>
Но видите — несчастье, случившееся с ее отцом,
Разом лишило меня этой любви.

Примечательно, что о политических событиях бурного XVII века, на которые Вондел отзывался горькими сатирическими стихами, — таких как казнь Яна Олдебарневелта, арест Гуго Гроция и др. — Катс не говорит ни слова. Он упоминает о некоторых исторических вехах — заключение Двенадцатилетнего перемирия, воз-

обновление войны против Испании — лишь в связи с вопросами собственного финансового благополучия.

КОНСТАНТИН ХЕЙГЕНС (1596–1687)

Константин Хейгенс был едва ли не самой универсальной личностью Золотого века. Он не только совмещал поэзию с государственной службой, подобно Якобу Катсу, но прославился также как ученый, музыкант, ценитель и знаток изобразительного искусства, образцовый отец пятерых детей, среди которых был великий естествоиспытатель и математик Христиан Гюйгенс (как с XVIII в. передавали эту фамилию русские переводчики трудов Христиана). Константин Хейгенс сочинял стихи лирические, нравоучительно-серьезные и сатирические, а также эпиграммы. Он использовал самые разные литературные формы (включая эмблематику) и размеры, писал на нидерландском, латинском, английском, немецком, французском, итальянском и испанском языках. Он умел играть на множестве музыкальных инструментов (лютня, гитара, виола да гамба, клавесин) и профессионально сочинял музыку, нередко исполняемую и в наши дни. На стыке его научных исследований и личных увлечений находились эксперименты с запахами: Константина Хейгенса можно назвать первым профессиональным парфюмером в Соединенных провинциях, описавшим не только способы выделения запахов из растений, но также социальную и эмоциональную значимость ароматов.[6]

Хейгенс рано овдовел и после смерти жены воспитывал детей один. С течением времени дети обзавелись собственными семьями, и под одной крышей с пожилым отцом в его имении Хофвейк долгое время жил его старший сын Константин с женой и ребенком. Но в 1679 году, когда поэту было уже за восемьдесят, невестка получила в наследство от матери большой дом и пожелала туда переехать, разумеется, вместе с мужем и сыном, оставив свекра жить в одиночестве. Тот был огорчен и удивлен, так как полагал, что ничем не мешал своим домочадцам, пока они жили все вместе:

Ick leefde rustelijck met Kind’ren en kinds kind,
Noijt tegens dit of die versuft of ongesint,

[6] Подробнее о многогранности Константина Хейгенса см. Тилкес 2013: 192–206.

Altoos gereckelyck, noijt vies of kies van eten,
Van dranck noyt onvernoeght, dat ouw‘ lien werdt verweten,
(Niet altoos wel aen all‘)… (Huygens 1898: 308)

Я жил спокойно с детьми и ребенком детей,
Никогда не проявляя неудовольствия из-за того-то или того-то,
Всегда покладистый, никогда не возражающий против (предлагаемой мне) еды,
Никогда не ропщущий по поводу напитков, в чем часто упрекают стариков,
(впрочем, не всех) …

Так он пишет в своей поэме “Cluyswerck” («Труд отшельника»), рисующей его жизнь в опустевшем после отъезда детей доме. Он рассказывает, как протекают его дни: за утро он успевает справиться со служебными обязанностями, и остальное время посвящает чтению, занятиям в саду, музицированию, живописи и другим делам. Рассказ его полностью конкретен и реалистичен, но намного более изящен, чем у Катса. В процитированных выше строках из начала поэмы уже звучит тема еды и напитков, к которой он несколько раз возвращается в дальнейшем повествовании, в частности, в шутливом описании трапезы, которую ему порой преподносят в гостях:

Mijn’ Maeltyd is, twee sneden Brood,
Meer naerde middelmaet als groot,
Met soo veel Spijs daer toe als Maghen,
Onsiecke Magen, licht verdragen.
Spijs uijtter zee, spijs uijt de Wey,
Spijs uyt den Hof, spijs uijt de Hey,
Spys na mijn‘ eigen Tong gekoren,
270 Spijs toegespijst met haer behooren.
Drij togen Bier, twee droncken Wijn,
Daer kan ick mé verzadight zijn. (Huygens 1898: 314)

Моя трапеза — два куска хлеба,
Скорее среднего размера, чем больших,
И в добавок к ним столько еды,
Сколько легко могут вынести здоровые желудки.
Пища из моря, пища с луга,

Пища из огорода, пища с вересковой пустоши,
Пища, выбранная согласно пожеланиям моего языка
И напоследок десерт, как положено.
Три глотка пива, три глотка вина, —
Этим я могу насытиться.

Поэт утверждает, что такое меню не приводит его в восторг, так что он предпочитает питаться дома и не быть обязанным пригласившим его в гости знакомым.

Хейгенс заканчивает поэму обращением к своим друзьям с просьбой не сочувствовать ему из-за его одиночества, ибо он сам наслаждается своим покоем, тишиной и свободой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, все три великих нидерландских поэта встретили свое восьмидесятилетие полными творческих сил и создали произведения, читая которые мы сегодня проникаем в мир каждого из них. Благодаря благочестивой христианской фантазии Вондела мы попадаем к подножью Кавказа, куда поэт помещает действие своего «Ноя», слышим гром с небес, бурлящий шум потопа и верим, что человечество рано или поздно образумится. Вместе с Якобом Катсом живем повседневной жизнью, задаваясь вопросом, изменилось ли что-то в людских нравах за три с половиной столетия. Восхищаясь стоической мудростью Хейгенса, мы подмечаем его мелкие слабости, в частности, с интересом читаем о его вкусовых предпочтениях и культуре питания. Думается, что и наш сегодняшний юбиляр вскоре напишет такие же, а то и еще более интересные статьи и книги, которые будут доставлять радость читателям в течение по крайней мере трех с половиной столетий.

ЛИТЕРАТУРА

Корсаков П. А. 1839: *Иаков Катс, поэт, мыслитель и муж совета.* СПб: тип. Смирдина.

Михайлова И. М. 2013А: Йост ван ден Вондел. В кн.: *От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов». История нидерландской литературы*, т. I. СПб: Alexandria, 173–191.

Михайлова И. М. 2013Б: Якоб Катс. В кн.: *От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов». История нидерландской литературы*, т. I. СПб: Alexandria, 213–228

Ошис В. В. 1988: «Трагик хороший». Творчество Вондела и нидерландская литература XVII века. В кн.: Вондел Й. ван ден. *Трагедии.* М.: Наука, 430–478.

Тилкес О. К. 2013: Константин Гейгенс. В кн.: *От «Лиса Рейнарда» до «сна богов». История нидерландской литературы*, т. I. СПб: Alexandria, 192–212.

Bostoen K. 1991: De autobiografie van Jacob Cats. In: M. Schiper en P. Schmitz [red.] *Ik is anders. Autobiografie in verschillende culturen.* Baarn: Ambo, 89–103.

Kromhout D. 2016: *Clashes of discourses: Humanists and Calvinists in seventeenth-century academic Leiden.* [Thesis, fully internal, Universiteit van Amsterdam, 2016]. URL: https://dare.uva.nl/search?identifier=6d2d0b67-d3e7-417a-910e-623e0d4045f3

Phillips D. L. 2008: *Well-being in Amsterdam's Golden Age.* Amsterdam University Press. URL: https://books.google.ru/books?id=_8o7-GHpuzgC&pg=PA77&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=1#v=onepage&q&f=false (Дата обращения 17.04.2026)

ИСТОЧНИКИ ЦИТАТ

Вондел Й. ван ден. *Трагедии.* М.: Наука, 1988.

Cats J. Twee en tachtigh-jarigh leven, van zijn geboorte af tot zijn doot toe, aen desselfs veertien kints-kinderen, dienende tot naricht van de selve. In: Cats J., *Alle de werken.* Deel 2. Zwolle: Tijl, 1862. P. 851–882. URL: https://www.dbnl.org/tekst/cats001jvan03_01/cats001jvan03_01_0416.php#528 (Дата обращения 17.04.2026)

Huygens C. Cluys-werck. In: Huygens C. *Gedichten.* Deel 8: 1671–1687. P. 308–322. URL: https://www.dbnl.org/tekst/huyg001jawo16_01/ (Дата обращения 17.04.2026)

Vondel J. van den. De Zeeleeu op den Teems. *De werken van Vondel.* Deel 10. 1663-1674. Amsterdam: De Maatschappij voor goede en goedkoope lectuur,1937. P. 313-315. URL: https://www.dbnl.org/tekst/vond001dewe10_01/ vond001dewe10_01_0063.php#62. (Дата обращения 17.04.2026)

Vondel J. van den. Noah. In: Vondel. J. van den. *Lucifer. Adam in ballingschap, of Aller treurenspelen treurspel. Noah, of Ondergang der eerste wereld.* Amsterdam: Bert Bakker, 2004. P. 280.

Т. А. Михайлова

Поэт и/как жена правителя: оправдание Атирне

Аннотация. Статья посвящена анализу традиционного топоса «поэт как супруга правителя» в ирландской литературной традиции от саговых нарративов до бардической поэзии XVI–XVII веков. Отталкиваясь от эпизода из саги «Сватовство к Луайне и смерть Атирне», в котором филид Атирне требует у невесты короля Конхобара дара, а получив отказ, губит ее песнью-поношением, автор прослеживает эволюцию мотива ритуального соития поэта с женой (или невестой) правителя. В архаический период данное требование имело сакральный характер, восходя к праву жреца на «первую ночь» как субституту соединения с богиней земли. В более поздней бардической традиции этот ритуал трансформируется в развернутую любовную метафору: поэт изображает себя возлюбленной или супругой патрона, а его смерть оплакивает как вдова. На обширном поэтическом материале показывается, как социальный договор между поэтом и правителем осмысляется в категориях брачных уз, включающих материальную зависимость, исключительную верность и чувственную привязанность. Особое внимание уделено циклу элегий, приписываемых королеве Гормлат (X в.), которые интерпретируются как результат «двойного кодирования»: за женским плачем скрывается голос осиротевшего придворного поэта.

Ключевые слова: ирландская литература, саги уладского цикла, бардическая поэзия, филиды, Атирне, королева Гормлат, поэт и патрон, ритуальный брак, право первой ночи, хвалебная поэзия, элегия, женский плач, гендерная метафора.

В ирландской саге «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» (Tochmarc Luaine ┐ aided Athirni[1]), сохранившейся в двух рукописях XIV в., восходящих, предположительно, к одному также достаточно позднему источнику, содержится следующий эпизод, являющийся собственно говоря ключевым и давшим саге название: к невесте короля Конхобара по имени Луайне приходит поэт-филид Атирне со своими двумя сыновьями, чтобы «попросить у нее да-

[1] Издание текста — см. (Stokes 1903), русский перевод — Предания и мифы 1991: 214–217. См. также новое комментированное издание текста — Breatnach 1980.

ров» (d'iarraid asceth fuirri — Stokes 1903: 278). Увидев девушку, они начинают испытывать к ней плотское влечение, однако та отказывает им в близости, мотивируя это любовью к королю. Получив отказ в даре, Атирне и его сыновья исполняют против нее три песни-поношения (glam dicind), от чего на лице девушки появляются три нарыва, Стыда, Упрека и Позора (On ┐ Ainim ┐ Aithis, перевод, предложенный С. Шкунаевым, в данном случае скорее условен) черного, красного и белого цвета. Девушка умирает от стыда, а сам поэт запирается с сыновьями в крепости. Вернувшийся из военного похода король Конхобар узнает о случившемся. Улады требуют мести и в результате поэт и его семья оказываются сожженными в собственном доме. Показателен финал саги: «Недобрым делом показалось это филидам (букв. aes dána — людям искусства) Улада»; завершается текст погребальной песнью, сложенной в честь Атирне филидом Конхобара Аморгеном.

Этот короткий текст очень интересен для анализа, причем — в разных аспектах. Так, интересен и факт требования даров у невесты короля, замещающей в данном случае самого правителя. В данном случае, как и в других, отказ поэту в даре дает ему возможность исполнить против девушки поэтическую хулу-насмешку[2], само обозначение которой (glam dicinn), а также производимый ею эффект (волдыри позора) безусловно нуждаются в специальном анализе. Естественно с данных позиций эпизод не раз описывался в ирландистике[3], однако сейчас меня интересует не это, а само требование филида-Атирне, с одной стороны, и реакция жреческого сословия уладов на его гибель, с другой.

Понимание эпизода линейно находит свои параллели в аналогичных требованиях поэта разделить ложе уже не невестой, но супругой правителя. Так, в другом тексте (сага «Осада Эдара» — Talland Étair[4]) рассказывается о том, как тот же филид Атирне, известный своими постоянными требованиями, от чего получил он прозвище «настырный, требовательный» (ailgisach, от ailges 'силь-

[2] Эпизод с Луайне в данном аспекте анализируется также в (McLaughlin 2008: 9–10).

[3] Смерть Луйне может трактоваться и как смерть от стыда, что также находит параллели в других ранних ирландских нарративах (O'Leary 1987: 41).

[4] Издание — см. (Ó Dónaill 2005).

ное желание, требование’), пришел ко двору Тигернаха Тетбулеха, короля Мунстера, и потребовал, чтобы жена короля разделила с ним ложе. Той пришлось согласиться, несмотря на то, что в ту ночь у нее начались роды. Но в противном случае пострадала бы честь короля и всего Мунстера:

Ocus ind adaig roasaíted in ben is sí adaig rifíu la Athirne do inchaib a haithig tige ar-naructhae a enech (Ó Dónaill 2005: 44) — *И той ночью была уложена женщина на ночь с Атирне для чести ее супруга, чтобы не была взята от него его честь* (букв. «лицо»).

Аналогичным образом король Монган соглашается на требование филида Форголла разделить ложе его жены ради своей чести:

A-t-dámair Mongán fo bíth a enech (White 2006: 73) — *Монган согласился на это ради своей чести.*

В то же время в саге о смерти уладского героя Лоэгайре Победоносного рассказывается о том, что поэт короля Конхобара Аэд, сын Аннина, был в тайной преступной связи с женой короля Мугайд, «и о них стало известно». Узнав об этом, Конхобар велел схватить поэта и предать его смерти, о чем и рассказывается в саге далее. Совершенно очевидно, что связь Аэда с Мугайд и связь Атирне с женой Тигернаха, короля Мунстера, с точки зрения сагового нарратива носят совершенно разный характер. Если в первом случае речь идет о тайной связи двух как бы частных лиц, во втором, как и в ряде подобных ему, мы имеем дело скорее с неким ритуалом, причем — почти публичным и, что важно, от самого короля не скрытом. Напротив, в случае отказа «пострадала бы его честь». Совершенно очевидно, что сам акт направлен в данном случае не столько на женщину, сколько на самого короля и заставляет особым образом взглянуть на социально-функциональную пару «поэт-король» особым образом.

Условно называемый топос «поэт как супруга правителя» в ирландистике разработан довольно подробно. Первым на специфику взаимоотношения поэта и короля обратил внимание Джеймс Карни, который еще в 1950 г. проанализировал текст стихотворения

XVII в. *Féuch fein an obair-si, a Aodh* (букв.: «Взгляни сам на это дело, Аод…»), считавшегося образцом любовной лирики. Его издатель отмечал, что «главной темой стихотворения является конфликт между верностью дамы своему супругу и ее слабостью по отношению к возлюбленному. Власть последнего приписывается владению искусством колдовства» (Gwynn 1921: 3). Стихотворение написано от имени жены короля, уехавшего на войну, в первой части она возвышенно отзывается о супруге, но говорит о том, что некий Томас Костелло побуждает его бежать с ним, что пока она оказывает ему сопротивление, но в дальнейшем может и проявить слабость, поскольку у него также много достоинств. Более того, в конце поэмы она признается, что готова оставить мужа. Стихотворение неоднократно переводилось на английский (варианты перевода см. в (Carney 1955: 246–257) и являлось предметом споров между филологами (в частности — об уровне поэтического мастерства автора, сложности его метафорики и о том, кто мог бы им являться). Дж. Карни предлагает совершенно иную трактовку поэмы: она предполагает, что никакой жены правителя, временно оставленной мужем, вообще не существовало, и что описанная проблема (проблема выбора и верности) на самом деле отражает взаимоотношения между самим поэтом и его патроном, который уехав на войну, о нем забыл. Томас Костелло, как предполагает Гвинн, реальное лицо, был представителем другого аристократического рода, под покровительство которого поэт хочет перейти. Как пишет Дж. Карни, «необычность поэтического языка скрывает чувство мужчины к мужчине и взаимоотношения, в которых поэт предстает как супруга своего патрона» (Carney 1955: 265). Несколько шокирующая в начале, такая трактовка сейчас уже представляется вполне логичной и, более того, традиционной.

Идея Дж. Карни была применена и к придворной валлийской поэзии. Как пишет Пр. Мак Кана, в стихах поэта Давида ап Гвилима (XIV в.), например, «поэт изображен как супруга или возлюбленная патрона» (Mac Cana 1988: 79). В одном из стихов он объясняет, что не может принять приглашение посетить север страны, потому что:

Dywed, o’m gwlad ni’m gadwyd,
Duw a’i gŵyr, dieuog wyd,

Fy mod es talm, salm Selyf,
Yn caru dyn uwch Caerdyf.
Скажу, что я не могу покинуть мой край,
Бог понимает, когда муж не свободен.
Взываю к псалму Соломона,
Я люблю того, кто живет в Кардиффе.

Под живущим в Кардиффе человеком (dyn) подразумевается не женщина, но его патрон Ивар.

В дальнейшем тема поэта как супруги патрона была развита Карни в ряде работ и, в частности, в исследовании «Ирландский бард» (Carney 1967), где на основе биографии реального поэта XVI в. Эохайда О'Хоси (Eochaidh Ó hEoghusa) описана модель взаимоотношений поэта и его знатных покровителей. Сразу должна оговориться, что, несмотря на описанную Карни сцену общей попойки, «после которой все засыпают на полу, кто где придется, но поэт обладает привилегией лежать возле принца» (Carney 1967: 112), ни о каких неформальных или извращенных отношениях в данном случае речь не идет. Чувство влюбленности, описываемое поэтами, является следствием, с одной стороны, автоматической проекции эффекта «обязательного восхищения», который не может не сопутствовать хвалебной поэзии, которая и была основной задачей придворного поэта. С другой стороны, ирландский поэт обычно был связан с тем или иным аристократическим родом, что вызывало эффект «обязательной верности и преданности». Действительно, отчасти это напоминает отношения между возлюбленными, а скорее — супругами, поскольку «жена», как правило, материально зависит от супруга, как зависел от своего патрона и поэт.

Oige et dille ndeilbhe[5]

Традиционным восторженным описаниям внешности патрона посвящена работа Д. МакМануса «Прекрасный и неотразимый» (McManus 2009), в которой он находит истоки восхвалений

[5] «Юность и красота образа…», из поэмы XVI в. Здесь и далее, если не указано иначе, стихи цитируются по статье Д. МакМануса (McManus 2009).

мужской красоты в более ранних саговых нарративах, в первую очередь – в описании красоты уладского героя Кухулина, против которой не могла устоять ни одна женщина. Ср. также описание внешности короля Конхобара:

> Conid andsin gádatar mná Connacht do Conchobur tuidecht for leith do décsin a delba dóib. Fobíth ní rabi for talmain delb duini amail deilb Conchobuir .i. etir crhruth ┐ delb ┐ dechelt, etir mét ┐ córe ┐ cutrummae, etir rosc ┐ folt ┐ gile, etir gáis ┐ álaig ┐ erlabra, etir erriud ┐ áne ┐ écosc, etir arm ┐ immad ┐ orddan, etir gnáis ┐ gaisced ┐ chenél. (Meyer 1906: 6) — *Так что тогда увидели женщины Коннахта, как он вышел вперед, и смогли разглядеть его облик. Не было на земле человека прекраснее, чем Конхобар. То есть выделялся он всем: и образом и чертами и обликом, и размером и складом и пропорциями, и глазами и волосами и лицом, и мудростью и учтивостью и красноречием, и одеждой и благородством и убором, и оружием и статью и достоинством, и поступью и честью и происхождением.*

Собственно говоря, в описании Конхобара как бы намеренно смешаны личные достоинства, включающие в себя также благородное происхождение, и достоинства чисто внешние, которые и привлекают коннахтских женщин. Но именно в смешении черт разного рода, как я понимаю, и состояло то, что называлось — *febas*.

В сагах королевского цикла, которые принято считать более реалистическими и как бы приближенными к исторической правде, также можно встретить описания внешности короля. См., например —

> Conaire Mór mac Eterscél, is é fil ann. Ardríg Hérenn uili. Nícon fil locht and isind fir eter cruth ┐ deilb ┐ deceit. Iter méit ┐ chore ┐ chutrumae. Iter rosc ┐ folt ┐ gili. Iter gaís ┐ álaig ┐ errlabrae. Iter arm ┐ erriud ┐ écosc. Iter áni ┐ imud ┐ ordan. Iter gnúis ┐ gaisciud ┐ ceniul. (Knott 1936: 32) — *Это Конайре Мор, он там. Верховный король Ирландии. Нет в этом*

муже изъяна, будь то в образе и облике и одеянии. Будь то в росте и сложении и обличье. Будь то в глазах и волосах и блеске (кожи). Будь то в мудрости и ловкости и в речениях. Будь то в достоинстве и в щедрости и в величии. Будь то в оружии и в одежде и в украшении. Будь то в храбрости и знатности и в роде его.

Все перечисленное составляло так называемый *febas*, «совокупность достоинств, великолепие» (усл.), короля, без которого он не мог не только считаться законным правителем, но и не рассматривался как кандидат на престол[6]. На базе исторических и правовых свидетельств В. Потопаева так суммирует его составляющие:

«На *febas* влияли следующие факторы:

— происхождение самого наследника, а также его родителей;

— богатство будущего правителя;

— его отвага (в начале своего правления королю полагалось совершить небольшой и желательно успешный военный поход);

— его щедрость (для своих подданных король устраивал пир, возможно, являвшийся частью инаугурационной церемонии);

— мудрость претендента на высокий титул, прежде всего — его красноречие (необходимое для исполнения судебных функций);

— красота и здоровье будущего короля (которые ассоциировались с плодородием и процветанием всего государства)» (Потопаева 2014–2016: 132).

Данное описание febas довольно ясно показывает систему ценностных установок, но при этом является во многом упрощенным, поскольку в нем не учитывается соотношение названных составляющих. Кроме того, следует понимать, что в памятниках разного рода акцент мог делаться на разных моментах. Если, например, в юридических трактатах (Corus Bésgnai и др.) детализовано было происхождение будущего правителя и его родителей (см. об этом — Jaski 2000: 29-30 et passim; Charles-Edwards 1993: 89–111), а в дидактических текстах — скорее личные качестве будущего

[6] Древняя Ирландия не знала автоматической передачи власти от короля к его наследнику, кем бы он ни был по рождению, но в каждом конкретном случае происходили выборы будущего правителя, учитывающие не только его происхождение, но и личные качества.

правителя (см. Fomin 2013), в текстах, условно называемых литературными, на первое место ставилась внешность короля. В своей статье Д. МакМанус, однако, приводит множество свидетельств того, что изъяны во внешности могли послужить поводом для лишения короля трона, и примеры эти довольно хорошо известны по саговым нарративам. Так, король уладов Конхобар пострадал от брошенного из пращи в его голову камня, который застрял в его черепе. Чтобы король смог сохранить право занимать трон, сидящий в его голове камень был позолочен (сага «Смерть Конхобара»[7]). В саге «Приключения Фергуса, сына Лейте» рассказывается о том, как король уладов по имени Фергус сражался на дне озера с водным чудовищем, от одного вида которого лицо его исказилось («выворотились от страха губы на затылок»). Улады поняли, что изуродованный король должен быть смещен и удалиться в свой дом. В саге «Битва при Маг Туиред», относящейся к мифологическому циклу, также говорится о том, что король Племен Богини Дану потерял в сражении руку и, хотя ему сделали серебряную руку, уже не мог оставаться королем. Право на престол теряют также лица с таким незначительным изъяном как косина глаз.

Надо отметить, что в традиционных саговых нарративах одним из общих мест является описание прекрасной внешности персонажа, причем в первую очередь — персонажа мужского пола. Ср, например, описание Мане, сына короля Коннахта Айлиля, из саги «Сватовство к Ферб»:

> Ba caemalaind iarum & ba cruthach in maccoem baí et*ur*ru. is e leccanfota lansolus. drechlethan. Folt fochas orbuide fírlebor fair co sniged co brainni a imda. Rosc n-airard n-adanta is e gorm glainidi ina chind. Ba cosmail fri cléithe caille cetamain fri sian slébi cechtar a da gruad. Andar latt ba fross do nemannaib rolaad ina chend. Andar latt bátar da dúal partaingi a beoil. ba gilithir snechta oenaidchi a brági & a chnes chena. (Best and O'Brien 1967: 1138) — *Был прекрасен и мил юноша, который был среди них. Длинны его щеки, полно света его широкое лицо.*

[7] Здесь и в ряде случаев далее, не имея возможности детально останавливаться на приводимых примерах, отсылаю к русским переводам соответствующих текстов, к настоящему времени уже не раз переизданных.

Волосы кудрявые длинные золото-желтые, что спадали ему на плечи. Глаза гордые благородные, они синие и освещают его голову. Были похожи на майскую листву или на горную наперстянку его щеки. Казалось тебе, волна жемчуга у него во рту. Казалось тебе, из парфянской кожи его губы, а были чистыми, как снег одной ночи, его шея и его кожа.

В свое время мною было отмечено, что женские персонажи, которые, конечно, условно, могут быть названы реальными, в текстах обычно не описаны. Если мы встречаем пространное описание женской красоты, это оказывается представительница иного мира, как правило – злонамеренная, причем описания внешности всегда следуют одному канону порядка следования элементов и развернутых метафор (см. Mikhailova 2017).

В текстах поэтических канон почти не меняется, и общая установка на изображение прекрасной внешности правителя остается и, более того, для хвалебной поэзии становится обязательной. В свой работе Д. МакМанус описывает изображение будущего короля Ниалла Девять-заложников, основателя династии Уи Нейллов, в поэме, приписываемой придворному поэту Маэля Сехналла — Куану Уа Лохлинн († 1024). Как пишет С. Пассмор, «это была своего рода инаугурационная ода, посвященная вступлению короля на престол Тары» (Passmore 2008: 148) и, что в данном случае важно, пересказывала содержание саги «Приключение сыновей Эохайда Мугмедона». Главным сюжетным стержнем в ней является эпизод соединения будущего короля с монструозной старухой, олицетворяющей землю, страну и власть и превращающейся в красавицу после соития с королем, что как бы служило гарантом законности власти Ниалла. Юный Ниалл описан стихах как:

Buididir bronnór mbrethach
níab nárfuilt Neill meicc Echdach

soilsidir caindle cíartha
gnúis meic Cairne cíallmíadcha.
(Joint 1901: 4).

Желтые как верхушка свежего золота
Концы благородных кудрей Ниалла, сына Эохайда,
Сверкающий как восковые свечи,
Облик сына Кайренн мудрого.

Прекрасный облик юноши обеспечивает ему в дальнейшем и его высокий статус: именно ему предстоит стать верховным королем и основателем династии, к которой принадлежит и Маэль Сехналл.

По мнению М.Херберт, внешняя привлекательность правителя как обязательный элемент его *febas* имеет архаические корни и восходит к осмыслению интронизации как брака короля с его землей, которую символизирует богиня власти. Тема — для ирландистки достаточно глубоко разработанная[8], однако ее проекция на шаблон тематики придворной поэзии представляет собой уже новый аспект. Богиня власти, предстающая иногда как монструозная старуха, прекрасна по своей сути, что раскрывается после ритуального соития с будущим королем. Но, как справедливо отмечает М. Херберт, прекрасным внешне должен быть и ее избранник, «поскольку женщина как божество власти должна выбрать партнера из нескольких кандидатов» (Herbert 1992: 266). Ср., например, выше — в описании короля Конхобара — акцент делается не столько на его внешних и внутренних достоинствах, сколько на том, какое впечатление производит он на коннахтских женщин, которые специально собрались, чтобы рассмотреть его, чем и пользуется его противник Кет, бросая в короля камень из пращи. Аналогичным образом в рассказе о смерти короля Ниалла, который вел боевые действия на континенте, жены франков просят короля выйти вперед, чтобы они могли увидеть его облик, причем Ниалл при этом раздевается догола (coro taiselb iarum iarna dietgudh doib — «так что показался он после раздевания им» — Stokes 1894: 295).

Король должен не просто обладать прекрасной внешностью, в чем состояло одно из требований к правителю — быть «без изъяна» (cen locht), он должен был быть и привлекателен сексуально, что может быть уходит своими корнями во фрезеровскую концепцию архаической царской власти, но что уже далеко выходит за

[8] См. Herbert 1992, там же обзор литературы по вопросу.

рамки нашего исследования. К тому же, должна все же признать, что в ранней традиции исключительной красотой и привлекательностью для женщин обладают не только короли, но и герои. Так, необычайно красив Кухулин, который не претендует на трон, а также, например, Фроех из саги «Похищение стад Фроеха». В одном из эпизодов саги, в ходе которого герой переплывает озеро, держа в зубах гроздь рябиновых ягод, говорится:

> Ba hed íarum athesc Findabrach, nach álaind atchíd ba háildiu lee Fróech do acsin tar dublind, in chorp do rogili ┐ in folt do roáilli, ind aiged do chumachtachtai, ont shuil do roglassi… (Meid 1967: 8) — *И тогда увидела Финдабайр нечто, что было прекраснее всего, что ей доводилось видеть ранее, то есть виден был Фроех над темным озером, тело его светлейшее, волосы его прекраснейшие, лицо благороднейшее, глаза сверкающие…*

Данный пример интересен тем, что в нем описан герой как бы чувственным взором своей возлюбленной (далее в саге говорится, что она потом признавалась, что ничего прекраснее не видела ни ранее, ни потом), поэтому описание автоматически предстает как субъективное и воспроизведенное через призму эротического восприятия. Но аналогичное эротическое чувство, видимо, должны были проявлять по отношению к королю все женщины в целом, даже — жены его противников.

Прекрасный облик делает героя видимым, что реализует так называемый «визуальный код» нарратива. Нечто подобное отмечал Ю. А. Клейнер в связи с описанием «героического прибытия» в «Эдде»:

> *Встряхнули плащи / мечи прикрепили,*
> *Оделись богато / Богорожденные…*

А также — в «Беовульфе» (…кольчуги встряхнули, боевое облачение). В обоих случаях, как он пишет, реализуется тема «герой на берегу», для которой важно привлечение внимания к внешности героя (см. Клейнер 2018: 45). Как пишет об этом же, но несколько обобщенно О. А. Смирницкая, эти описания объединяют в себя

видность («отмеченность героя») и ***видимость*** («соответствие между внешним блеском и внутренним достоинством») (Смирницкая 2008: 162).

Говоря строго, видимость и заметность персонажа не обязательно связаны с красотой, но это не совсем так. Внешняя красота и привлекательность предстает как одна из традиционных черт мужского персонажа ирландского эпического нарратива, что с точки зрения компилятора, делает его ***заметным*** и ***видимым*** (ср. русск. видный в значении ‘привлекательный внешне, значительный’), но для короля эта черта становится как бы технической необходимостью: в эпизодах с Конхобаром и Ниаллом правитель специально делает себя видимым… и любимым.

Но также видимым делает правителя и посвященная ему поэма, написанная поэтом, который также должен обладать не столько объективным, сколько субъективно чувственным и любящим фокусом восприятия описываемого лица. Говоря проще, чтобы воспеваемого короля любили и почитали, чтобы он вызвал восхищение, его также должен любить и почитать тот, кто его воспевает.

Бардическая поэзия знает множество примеров описаний прекрасной внешности королей, что превращается уже даже не в поэтический канон, но скорее — в шаблон, причем шаблон уже скорее социальный, отражающий специфику реальных отношений поэта и его патрона.

В своей работе Д. МакМанус отмечает, что в бардической поэзии поэт часто использует традиционные метафоры, которые были разработаны еще в саговых прозаических нарративах (зубы, как жемчуг, алые губы и проч.), однако, как мне кажется, в данном случае мы имеем дело не просто с повторением и использованием канона, но и с эксплицитной ориентацией на исторические и легендарные прецеденты. Не случайно, например, автор панегирика XVI в., строка из которого вынесена мной в заглавие раздела, называет патрона «героем Муртемне», то есть — Кухулином, который был известен тем, что он был не просто храбрым, но также вечно-юным и прекрасным, от чего треть уладских женщин была влюблена в него.

Чрезмерное и зачастую лживое восхваление красоты патрона стало в свою очередь объектом сатирической поэмы XIV в., припи-

сываемой поэту по имени Тайг Ан Гарда Мак Аойн. Первая строка — A lucht chumas bhréig san dán («О люди, которые составляют ложь в стихах») сразу указывает на поэтов, которые своих старых и уродливых плешивых патронов называют юными и прекрасными (публикация и анализ — см. Clion 2023).

Притягательность правителя для женщин также является одним из общих мест бардической поэзии. Ср., например, из панегирика, принадлежащего поэту по имени Тайг Ог О'Хигинн, адресованному Ниаллу Ог О'Ниаллу (конец XIII в.):

Lionta hí Dhuibhne i ndáil aonaigh
ar a mhnáibh suirghe seolaidh;
bean ag léim le cóig gciallaibh
d'iarraidh Néill Óig í Eoghain.
Сети О Дувне на собраниях
Он набрасывал на женщин влюбленных;
Женщина всеми пятью чувствами
Стремилась к Ниаллу Ог из Эоганахтов.

В данном случае интересно упоминание О' Дувне, то есть — Диармайда О' Дувне, легендарного героя саги «Преследование Диармайда и Грайнне», который был известен тем, что ни одна женщина не могла устоять перед ним (см. о нем и его «волшебной родинке» в Михайлова 2022: 71–95). То есть вновь в качестве традиционного приема используется отсылка к легендарному герою.

Примеров описания прекрасной внешности и чувственной привлекательности правителя можно привести еще, естественно, очень много, но хочу сейчас остановиться на одной строфе, которая, как мне кажется, может суммарно представить основной содержательный компендиум ирландской придворной поэзии:

Ní deirméd écusc an fhir
Domnall Ó Domnaill déidghil
déd ban agus bel corcra
dán trén bágh an banntrochta.

Я никогда не забуду облик этого мужа,
Домналла, потомка Домналла белозубого,

Зубы белые и губы пурпурные
Дар сильный притягивания женщин.

Эти строки принадлежат поэту первой половины XIII в., известному как Миредах О'Дали Альбанах (Шотландец), который был придворным поэтом Мак Вильяма из Коннахта, но в 1213 г. случайно убил одного из слуг и был вынужден бежать в Шотландию. Слова «никогда не забуду» в данном случае отсылают к разлуке, однако они же часто повторяются в элегических поэмах.

Do chuir ar mo chroidhe ceó[9] или: На кого ж ты меня оставил…

В свое время мною были выделены два типа плача по умершему герою или правителю: плач дружинный, условно названные мной «Спи спокойно, мы тебя не забудем» и плач женский, плач овдовевшей жены, условно — «На кого ж ты меня оставил!» (Михайлова 2009). Бардические элегии, как правило, принадлежат ко второму типу. В первую очередь, как в традиционных женских плачах (включающих как реальные плачи вдов, так и плачи профессиональных плакальщиц), в бардических элегиях акцентируется чувство горя и утраты, а также — воспоминания о счастливых днях, проведенных с усопшим. Ср., например, из анонимной элегии, которую О. Бергин датирует рубежом XVI–XVII вв.:

Ní mhairenn oighre Murchadh —
mór cumthair dona brégaibh —
dá maradh ní bheith choidhche
lá go n-oidhche inar n-égmais…
(Bergin 1970: 191).
Нет более потомка Мурхада —
много было об этом лжи —
Когда был он жив не было ночи
и дня, чтобы не были мы вместе…

Данное стихотворение интересно тем, что не известен не только его автор, но и адресат. Написанное как несомненный «плач

[9] «Пал туман на сердце мое…» (из элегии XV в.)

жены», оно может прочитываться и как элегия, сочиненная поэтом, как бы тоже осиротевшим после смерти патрона. Более того, в статье П. Братноха, посвященной теме оплакивания в бардической поэзии (Breatnach 1997) приводится много параллелей поэтических элегий с традиционными ирландскими женскими плачами. Причем автор отмечает не только сходство тематики и пафоса, но и выделяет фрагменты, в которых автор открыто говорит о том, что он оспаривает с женщинами свое право оплакивать умершего и проводить ночь на его могиле. Например:

Anmhuin air is eigin damh
ó thugas (truagh an cogadh —
neart nifhoil ar an eigin)
mo thoil d'fheart an Aiceidigh.[10]
Необходимо мне и важно для меня
чтобы оставался я (печальное дело
сила одного против других[11]*)*
моя воля (быть) на могиле Акаэда.

Или —

Mo ghul ag dul a ndeine,
cumha na mban nach buaine;
ni la do chleith mo chaoine
aoidhe mna ag breith mo bhuaidhe[12]
Мой плач утихает,
сила женщин побеждает,
но если они и затмят мой плач,
горе мое останется навечно.

Возвращаясь к анонимной элегии на смерть «потомка Мурхада» (см. выше), отмечу, что поэтические плачи, написанные как бы от имени вдовы, тоже, естественно, принадлежали придворным поэтам. И более того, позволю себе усомниться в том, что собрание элегий, приписываемых королеве Гормлат (X в.), на самом деле написаны были ею. Впрочем, в этом у меня были предшественники.

[10] Элегия на смерть Филиппа Акаэда, ум. 1460.

[11] Видимо поэт не хочет уступить место женщинам-плакальщицам.

[12] Элегия на смерть Эгнахана О доннала, ум. 1497.

Гормлат (Gormphlait) была одной из трех известных королев, носивших это символическое имя (букв. «жаркая власть»)[13]. Гормлат-поэтесса жила в первой половине X в., рассказ о ней содержится в рукописи «Лейнстерская книга» (ок. 1160 г.), где также приводятся три приписываемые ей стихотворения. Также ряд стихов Гормлат можно найти в других рукописях, но по языку они относятся уже к ново-ирландскому периоду. Полное собрание ее элегий содержится в рукописи начала XVII в. (O'Gara MS — Bergin 1970: 202). Считается, что эти элегические стихи Гормлат сочинила после смерти ее третьего мужа Ниалла Глундуба, погибшего в 919 г. во время одного из столкновений с викингами. Фигура Гормлат окружена целым ореолом преданий, помещенных в рукописях в виде комментария к стихам. В частности существует рассказ о том, что в 949 г., когда она уже в пожилом возрасте находилась в монастыре, ей явился дух Ниалла и стащил ее с кровати на каменный пол, от чего она скончалась. О. Бергин, издавший ее тексты в собрании «Ирландская бардическая поэзия», сам выражает сомнение в их подлинности (ср. также, например, «цикл лирических стихов, ***анахронистически*** приписываемых самой Гормлат» — Ní Mhaonaigh 2002: 2). Основной корпус ее стихов сохранился в рукописи XVII в., однако уже в «Лейнстерской книге» (ок. 1160) есть краткий приписываемый ей фрагмент, и там же (лист 52a) содержится как бы сага, озаглавленная, «Любовь Ниалла Глундуба к Гормлат» (Serc Gormlaithe do Niall Glúndub). То есть ее образ становится одним из псевдоисторических, и тем более не надо принимать ее авторство буквально. В то же время, образ поэтессы Гормлат остается широко известным и, более того, сборник ее стихов был издан в русских переводах (см. Гормлайт 2002). Собрание элегий действительно выглядит как оформленный поэтически типичный «женский плач», в котором превалирует тема утраты и воспоминаний о счастливой любви, однако некоторые строфы заставляют заподозрить иное. Например:

Mar smúainim a mbronnadh Níall
san tulaigh si thíar reim thaoibh,

[13] О трех Гормфлат см. — Михайлова 2004: 126–148.

is mur sccáoileadh sé a charadh —
Ceannandas maircc damh ad-chí1
(Bergin 1970: 206)
Когда вспоминаю, как одаривал Ниалл
на этом холме позади меня,
и как раздавал своим друзьям —
Кенаннас[14]*, грустно мне это видеть*[15].

Тема щедрого одаривания безусловно относится к топосу «поэт-король», поскольку, как известно, щедрость в широком смысле и щедрая плата за поэму были обязательным качеством правителя и, естественно, ценилась и воспевалась поэтами. Как полагает также К. Симмс (Simms 1989: 406), элегии Гормлат не только не были написаны самой легендарной королевой, но и оплакивают не столько реального Ниалла, сколько утрату значительности территории, центром которого был Келлс (Кенаннас). После смерти Ниалла он перестал быть королевской резиденцией, но превратился в известный в последствии монастырь, где Ниалл и был погребен и куда были затем перевезены реликвии и рукописи с о. Иона, постоянно подвергавшегося нападениям викингов. Однако, как полагает К. Симмс, если и «стихи Гормлат» были написаны позднее и не ею самой, то их анонимные авторы (а тексты датируются разными периодами) все же подразумевали именно овдовевшую королеву как своего рода лирического героя.

Проблема авторства стихов Гормлат нуждается, наверное, в дополнительном исследовании. Речь идет не только о том, что образ королевы-поэтессы был вымышленным, а приписываемые ей тексты были написаны неизвестным профессиональным поэтом, что вполне понятно. Так, например, плач Эмер по погибшему Кухулину, был, естественно, написан не ею (как вымышленным персонажем), но навсегда оставшимся анонимным филидом, а затем зафиксирован в рукописи анонимным же компилятором ранней редакции саги «Смерть Кухулина»:

[14] Cenannas — ирландское название Келлса.

[15] Ср. в русском переводе: Вспомню лишь как Ниалл / дарил на этом холме /добро расточал на нем / больно смотреть Кенаннас.

Dom-chommart a chuma.
Cotom-essart a díth.
Rom-díthracht a díbad.
Am dímaín dia *éis*
ar nim-dá ní *íarum*…
(Kimpton 2009: 48).
Раздавила меня тоска по нему.
Сломила меня его гибель.
Лишила сил меня его смерть.
Я потеряна от его ухода,
Нет ничего теперь для меня после этого…

Аналогичных примеров можно найти еще много, более того, все поэтические вставки в прозаических саговых нарративах представляют собой монологи, произнесенные тем или иным персонажем. Сюда же можно отнести и случаи, когда то или иное стихотворение, не включенное в прозаический нарратив саги, но помещенное отдельно, иногда как маргиналия, также получает автора. Так, например, в Бодлеанской рукописи поэмы «Чудо Колума Килле»[16] к редкому словосочетанию *diudercc* ‘долгий взгляд’ дана маргинальная глосса, иллюстрирующая его употребление:

> Ocus Grainne cecinit: Fil duine. Fris mad buide lemm diudercc / ara tibrind in mbith nhuile, a maic Muire, cid diubert! (Stokes 1899: 156) — *И пропела Грайнне: Есть человек. За ним могла бы следить долгим взглядом. Отдала бы ему весь мир, о сын Марии, какой обмен.*

В данном случае эта строфа, имеющая несомненно любовный характер, приписывается Грайнне, известному персонажу из саг о Финне и его воинах. Действие данного цикла саг происходит примерно в III–IV вв., поэтому сочетание «сын Марии» в данном случае является анахронизмом, что компилятора, понимающего условность авторской псевдо-атрибуции, не смущает.

[16] Элегия на смерть святого Колума Килле.

Назовем это дистанцирование-1, при котором есть отсылка к авторству, но авторству условному, не предполагающему буквальное его понимание.

Несколько иная, но близкая, ситуация: приписывание авторства того или иного поэтического фрагмента персонажу историческому. При этом часто сообщается о ситуации, в которой данный текст был сложен. Например, известная строфа, которая приписывается святому Колуму Килле: он, якобы, произнес эти слова, покидая Ирландию и отправляясь в добровольное изгнание на Иону:

Fil súil nglais
fégbas Érinn dar a hais;
noco n-aceba íarmo-thá
firu Érenn nách a mná.
(Murphy 1998: 64).
Есть блестящий глаз,
который будет смотреть на Ирландию снова.
Никогда не увижу после этого
мужей Ирландии и ее жен.

Текст стихотворения датируется издателем XI в. и не может быть написан святым, который умер в 597 г., однако он воспроизводится во многих более поздних житиях св. Колума Килле с условной установкой на достоверность авторства (предположительно, святой мог произнести что-то близкое[17]). Назовем это дистанцирование-2, включающее в себя случаи, которые могли бы быть названы литературной мистификацией, но мистификацией, ориентированной на понимание адресатом их условности.

Стихи Гормлат могут быть отнесены уже не ко второму типу дистанцирования, но к третьему, при котором сам текст предполагает два уровня прочтения, как это происходит и в описанных Карни стихах *Féuch fein an obair-si, a Aodh* (см. выше). Так, с одной стороны, на поверхностном уровне, речь идет об оплакивании вдовой погибшего супруга, на другом — об элегии, написанной на смерть патрона, причем даже не обязательно буквально Ниалла Глундуба.

[17] Подробнее об этой строфе см. в моей работе: Михайлова 2004а.

Статья К. Симмс носит название «Поэт как вдова правителя: бардические элегии» (Simms 1989), и в ней во многом суммированы представления о восприятии смерти правителя-патрона как о личной потере и невосполнимом горе. К. Симмс также акцентирует свое внимание на повторяющейся теме необходимости посещения «вдовой» могилы правителя, что было традиционной женской прерогативой, а также прихода нищеты после его смерти, что, безусловно, логически вытекает из взаимоотношений поэта и патрона.

Аналогичную тему можно найти в стихах Гормлат:

Go húaidh Néill mic Aodha Finn
rachad don chill a bhfuil sí,
sínfead ris mo tháobh ga gar —
Cheannanndas maircc damh ad-cí!
(Bergin 1970: 206).
К могиле Ниалла сына Аода Светлого
я пойду на кладбище, где она сейчас,
склонюсь я к нему боком близко —
Кеннанас, горе мне это видеть!

Интересно также, что в элегии используется прием обращения к дому усопшего, известный по принадлежащим бардам панегирикам. Например, из стихов Мак Лиага, придворного поэта короля Бриана Бору, написанных после гибели Бриана при Клонтарфе (1014):

A Chinn Choradh caidhe Brian? (Ó Conaire 1974: 50)
О, Кенн Хора, где же Бриан?

Об утрате социального статуса после смерти патрона как об одной из элегических тем пишет в своей работе и П. Братнох, приводя в качестве примера следующие строки:

speis anocht ni fhuil im onóir;
olc do chuir an rodhoigh riom[18].
Нет интереса теперь в моей чести,
плохо теперь уважение ко мне.

[18] На смерть Аода Буиде О’ Нейлла (ум. 1444).

В «стихах Гормлат» эта тема звучит еще более отчетливо:

Gan agam ó nimh go lár
acht léine bhán is brat cíar;
a cCeananndas na ccéd ríogh
bec an brigh mo bheith gan bhíadh.
(Bergin 1970: 213).
Ничего нет у меня между небом и землей,
но лишь белая рубаха и серый плащ;
в Кенаннасе сотен королей
мало значения (придают) тому, что я без пищи.

И безусловно не от лица вдовы, а от лица придворного поэта могли быть написаны следующие строки:

Mór a chomáoin oram féin,
cóir do fuaiscéoluinn ó Néil:
do-rád da fhichiod déag bó
damhsa d'áoinchreich a n-áomló.
(Bergin 1970: 205)
Велика его доброта ко мне самой,
имел(а) я право на дары от потомка Уи Нейллов:
Дал он мне дважды по двадцать и двенадцать коров
как подарок в один день сразу!

Ср. из элегии поэта XIII в. Гиолла Бриде Мак Конмиде на смерть его патрона Бриана О'Нейлла, погибшего в сражении с норманнами в 1260 г.:

Do rad fiche bó beannach
ar mo dhuain, faeighcheannach,
gé madh fiche bó bheann n-óir
fá mó agus do bh-fearr m'onóir.
(O'Donovan 1849: 148)
Дал он мне двадцать коров рогатых,
за мою поэму, хороша награда.
были бы двадцать коров златорогих,
не было бы это больше для моей чести.

И все же следует отметить, что цикл «стихов Гормлат» содержит и отсылки к самой этой легендарной фигуре. Автор стихов говорит о себе как о «дочери верховного короля», называет себя именем Гормлат и даже пишет:

As mé Gormlaith chumas rain,
deaghingheann Floinn ó Dhúin Rois;
trúagh nacho rom atá an leac -
beir a mhanaigh leat a ccois.
(Bergin 1970: 210)
Я Гормлат, которая делает строфы,
достойная дочь Ланна из Дун Ройс;
грустно, что не надо мной это могильный камень,
монах, уходи прочь![19]

В таком случае мы имеем дело с дистанцированностью-2, при которой стихи приписываются историческому или легендарному персонажу? Мне кажется, это не совсем так. Гормлат была замужем трижды, первым ее мужем был Кормак мак Кулленан, известный как епископ, составивший Глоссарий. Вскоре после брака, он вернул ее в дом верховного короля Фланна Шинны. Следующим ее мужем был Кербалл, союзник Фланна. От него она была вынуждена уйти после нанесенного ей оскорбления[20]. И третьим ее мужем и стал Ниалл Глудуб. В приписываемых Гормлат стихах в ее биографическую канву были внесены изменения: например, после смерти Ниалла она изображается живущей в доме Кербалла, который к тому времени уже давно погиб. Как пишет О.Бергин, «маловероятно, чтобы в X в. кто-то мог так ошибаться, поскольку

[19] Ср. в переводе В. Тихомирова: Гормфлат я! стихи пишу / и спешу я, Фланна дочь, — / ты отпой, монах, мой прах. / Стой, монах. Ступай-ка прочь. (Поэзия Ирландии 1988: 35).

[20] Кербалл, лежал на своем ложе, приходя в себя после полученных ран, она подошла к нему, и между ними начался некий спор, в результате которого, Кербалл, который не мог подняться, ударил ее снизу ногой, так что Гормлат упала на пол. Поскольку это случилось при свидетелях, она была вынуждена не только покинуть мужа, но и требовать возврата приданого и выкупа за нанесенное оскорбление. Вскоре Кербалл погиб от рук викингов.

в тот период личная жизнь Гормлат была всем хорошо известна» (Bergin 1970, 202). Возможно, в X в. биография Гормлат была действительно всем хорошо известна, но в период гораздо более поздний, когда создавался приписываемый ей цикл элегий, она уже забылась, и Гормлат превратилась в собирательный персонаж: тоскующая по мужу вдова, а в более широком смысле — метафорический образ. И поэтому строка «Я Гормлат, пишу стихи» должна скорее прочитываться как «я пишу стихи и тоскую, как Гормлат». Образ, ставший традиционным и использовавшийся не одним анонимным бардом, а видимо, несколькими.

«Брачный договор»

В своей статье П. Братнох пишет, что взаимоотношения поэта с его патроном «были оформлены как брак» (Breatnach 1997: 54), что предполагало ряд материальных обязательств со стороны правителя, а также включало в себя обеспечение поэту особой «чести» (onóir[21]). Взамен поэт должен был сочинять хвалебные стихи, включающие также посмертный панегирик, и быть патрону верным. Но Братнох ничего не пишет о такой важной для брака составляющей как любовь. В очерке Дж. Карни приводится рассказ о том, как Эохайд О'Хоси получил статус «королевского оллава» при дворе Хью Магира из Ферманага. Во время пира Эохайд исполнил поэму, принадлежащую поэту XIV в. Джефри Фионну О'Далы и посвященную Конору О'Браену из Томонда. Потрясенный силой содержащейся в ней лирической привязанности, Хью спросил, что вызвало эти строки: любовь? На это Эохайд ответил, что О'Браен дарил своему поэту каждый год лошадь и другие ценные вещи, поскольку между ними был заключен особый договор (conradh). На это Хью предложил Эохайду заключить такой же договор с ним самим (см. Carney 1967: 115). Однако, как мы могли бы предположить, традиционный обмен дарами между поэтом и прославляемым им правителем или иным значительным лицом далеко не предполагает собственно любви. Так, скандинавский конунг дарил скальду обручье или иной ценный предмет в ответ на

[21] Кстати, этот же термин употребляется и в стихах, приписываемых Гормлат.

прославляющую его поэму, и это был просто обмен дарами, но не более. Видимо, на уровне более раннем аналогичные отношения были установлены и между поэтами и королями Древней Ирландии (см. об этом в работе — Watkins 1976). В поэзии О'Хоси, однако, тема любви звучит постоянно, причем, как пишет Карни, он называет Хью Магира своим возлюбленным (mo leanánn) и даже супругом (mo chéile) Аналогичное употребление я нашла, например, в поэзии другого барда XVI в. Фиоргала Ог Мак Ан Варда, который называет своего патрона Бриана О'Рурка mo rogha lennán (мой избранный возлюбленный, см. Ó Conaire 1974: 56).

Ср., аналогичная тема в средневековой валлийской поэзии, например:

Нет никого, кого я любил бы больше…

(из «Книги Талиесина», адресовано королю Ириену — Фалилеев 2012: 29)

Тема взаимоотношений главного поэта (ollamh flatha) и короля (правителя) детально разработана в очерке П. Братноха «Королевский поэт» (Breatnach 1983). Опираясь в основном на поэтические строки, написанные бардами, он воссоздает картину взаимоотношений именно брачных, в которых не последнее место занимают отношения чисто физической близости, но именно близости, не более того. Ср. например, приведенные им строки:

Ní bíom ní as fhaide a fholt fionn
gan luighe ar aon ar éinphioll
Не будем мы долго, о светловолосый,
без лежания вместе на одном ложе.

Аналогичную тему совместного лежания находит в бардической поэзии и Дж. Карни. Ср., из опубликованной им поэмы XVII в. Томаса Мак Бриана Дорха, написанной на бракосочетание его патрона:

Ní coir tar cheann do cheeile,
ní guth, ní gníomh aithmhéile,
ní mean guile arna fhégain,

huighe leam ‘s lem lethéadaibh.
(Carney 1955: 268).
Не преступление против твоей супруги,
не стыд, не деяние грустное,
не значит это грехом для тебя
лежать со мной и мне подобными.

В стихах поэта XIV в. Адава О’Фиаланя, обращенных к его патрону Томасу Мак Хаврадану, П. Братнох находит, например, и такие строки:

Sléacht an t-abhra craobhach corr,
sín an béal corcra chugom
tabhair phóg go diochra dhamh
dar moid fhiochdha budh athchar.
Склони свою бровь круглую правильную,
протяни ко мне свои губы пурпурные,
дай мне глубокий поцелуй.
И успокоится тогда твой гнев.

Подобных примеров можно найти еще очень много, но пора уже попытаться сделать предварительные выводы. Взаимоотношения поэта с правителем строятся по разным моделям, среди которых превалирует та, которая предполагает преданный взгляд снизу вверх. Достаточно вспомнить Пушкина, который в 1826 г. написал обращенные к Николаю I «Стансы», завершающиеся строфой:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Кстати, отсылка к славным предкам как часть «комплекса восхищения» также находит свои параллели в ирландской бардической поэзии, что уже выходит за рамки моего очерка. Перед смертью, получив письмо от Николая, Пушкин не выпускал его из рук и, по свидетельству Жуковского, сказал: «Скажи государю, что мне жаль умереть; ***был бы весь его***» (Щеголев 1987: 162). В чем-

то близкое чувство, согласно трактовке Г. Морева, испытывал к Сталину и Борис Пастернак, писавший 1934 г. родителям: Я стал частицей своего времени и государства, и его интересы стали моими (см. Морев 2020: 30). Параллелей в истории культуры здесь можно найти множество, как, впрочем, и контр-примеров. Однако ирландский поэт не просто заявляет о своей преданности патрону и не просто объявляет о своей любви к нему, он как бы намеренно становится в позицию конкуренции с женой короля, отчасти тем самым ей уподобляясь. Видимо, в данном случае не только срабатывает реализованная метафорика принадлежности («был бы весь его…»), но и включаются дополнительные факторы.

Вернемся к филиду Атирне и его взаимоотношениям с женами королей. Все приведенные выше многочисленные примеры относятся уже к поэзии бардической, XI–XVII вв., когда расстановка сил в обществе предполагала приоритет светской власти и когда распространение христианства в значительной степени умалило значение поэтического сословия, во многом — наследующего друидизму. Сага «Сватовство к Луайне» относится к уладскому циклу, события которого условно датируются I в. н. э., то есть рисуют картину Ирландии языческой. Друиды (жрецы) и филиды (поэты) были частью одного сословия, хранящего архаические ритуалы и на определенном этапе стоящего на социальной лестнице выше сословия воинов (королей). Однако, как полагает С. В. Шкунаев, данное состояние дел продолжалось до определенного момента, когда в стране стихийно произошло то, что он называл «восстанием кшатриев» (см. Шкунаев 1995, см. также Бондаренко 2015: 136–152, Bondarenko 2014), при котором «Мощное корпоративно жречество сделалось стесняющим обстоятельством для аристократии, тормозом ее динамичного и более самостоятельного развития. Типологическую параллель такому положению дает противоположная периферия индоевропейского мира — Индия, где в свое время военное сословие кшатриев целиком встало на сторону буддизма /…/ во многом смягчавшего всеобъемлющую ритуализацию жизни — основу общественного положения и значимости жречества» (Предания и мифы 1991: 12). Причем не принятие христианства умалило значение друидизма, но напротив, именно стремление избавиться от власти друидов и побудило ирландских королей обратиться к новой вере. В общем, положение дел, при котором

«волхвы не боятся могучих владык» ирландских королей уже не устраивало. Отголоски этих конфликтов, зародившихся, как писали еще А. и Б. Рисы, на северо-востоке Ирландии, то есть на территории уладов (Rees 1961: 124), мы видим в саговых нарративах постоянно, однако, как правило, антагонистом правителя становится не друид, а скорее филид, обладающий неким мистико-магическим даром и умением исполнять против короля песнь-поношение. И, как мне кажется, один из таких случаев и описан в саге о Луайне и шире — в биографии Атирне.

Соитие с женой правителя, ритуально осуществляемое жрецом, имеет архаический характер, что, по мнению Пр. МакКаны может быть названо субститутом соединения короля с богиней земли (Mac Cana 1988: 85). В то же время, ритуальное соединение правителя с жрецом, как он пишет, имеет параллели в традиции индийской, где локальный жрец пурохита традиционно вступал в символическую связь с локальным правителем. Причем, остается не ясным, кто при этом какую роль исполнял. Это был брак как соединение, единение и становление особой сакральной связи между сословиями, что в дальнейшем должно было обеспечить благополучие и процветание территории. Развивая эту мысль, я могу предположить, что в Ирландии субститутом данного ритуального соединения стало ритуальное соитие филида с женой местного правителя, как бы замещающей его самого. Поведение Атирне, таким образом, это стремление обеспечить благополучие той земли, куда он приходит, и осеменить ее особым сакрализованным семенем. В дальнейшем социальная расстановка сил в обществе резко переменилась, поэты свое значение утратили, но метафора взаимоотношений между сословиями как топос любви и брака сохранилась.

Эпизод с Луайне имеет несколько иной характер и, как кажется, более прост и логичен для анализа. В саге «Сватовство к Эмер» есть такой фрагмент: Кухулин, после долгих испытаний, наконец привозит в Эмайн Маху свою невесту Эмер, однако первая брачная ночь оказывается омраченной тем, что она должна провести ее с королем Конхобаром (в качестве выхода из положения в спальне присутствуют другие воины, что не дает королю возможности соединения с девушкой). Это прямая отсылка к обычаю *jus primae noctis*, известному в средневековой Ирландии как *coil cétingen*. Но

если король (правитель) обладал правом первой ночи по отношению к невесте своего вассала, то кто мог обладать аналогичным правом по отношению к невесте самого правителя? Естественно — лицо, стоящее выше его на социальной лестнице, а именно жрец, воплощавший в себя божество.

Многочисленные примеры подобных ритуалов описаны в книге известного немецкого психолога, историка культуры и оккультизма Ганса Фреймарка (1881–1945) «Оккультизм и сексуальность» (1909). Как он пишет, например, «В окрестностях Пандияра новобрачная обыкновенно приносит свою девственность в жертву божеству. То же самое происходит и в землях каннара, и в окрестностях Гоа. В некоторых частях Индии жрецы исполняют обязанности богов. Калькуттский король оставляет первосвященнику своего государства на первую ночь ту девушку, на которой он хочет жениться; за эту услугу король выплачивает ему крупную сумму денег. В Джаггернауте во время восьмидневных торжеств в честь Вишну жрецы уводят в храм девушку, чтобы ночью она сошлась с богом и расспросила его о предстоящей засухе или урожае. Тот факт, что она отдаётся богу, должен, по их мнению, расположить его в их пользу» (Фреймарк 1994: 45–46). Приведенные им примеры относятся в основном к Азии в целом и в первую очередь — к Индии, но интересно, что именно с традицией индийской сравнивает «брак» короля с поэтом и Пр. Мак Кана. Сопоставление Древней Ирландии с Индией является для кельтологии уже общим местом, ср. например, известную книгу М. Диллона «Кельты и Арии» (Dillon 1975), исследование М. Фомина (Fomin 2013), традиционное сопоставление ирландского инаугурационного обряда совокупления с белой кобылой и индийского ритуала ашвамедха, а также много другое. Мы можем предположить, что аналогичный ритуал мог существовать и в Древней Ирландии, и его отголоски мы находим в сагах, где описывается соединение невесты короля с друидом или филидом. Вспомним, что и сам король Конхобар был зачат не своим официальным отцом Фахтной Фатахом, но друидом Катбадом.

Мое предположение находит неожиданное подтверждение в относительно позднем ирландском и шотландском обряде, описанном Пр. Мак Кана (Mac Cana 1968). Согласно свидетельствам английских путешественников XVII–XVIII вв., во время брачной

церемонии ирландских и шотландских аристократов невеста отдает свое брачное покрывало или даже свой наряд целиком придворному поэту. Так, путешественник XVII в. по имени Ф. Морисон, пишет о том, что знатные люди в Ирландии настолько почитают своих поэтов, что оставляют за ними право провожать невесту к брачному ложу, причем та должна отдать поэту свой наряд. Эпиталама, датированная 1701 г. и посвященная вступлению в брак Тайгом О'Родайге, написанная его придворным поэтом Педаром О'Мальхонари носит название: Ollamnacht .i. spré nuachtar .i. éadach nuachair go coitchionn do bhí Tadhg do chongbháil do hainndlighteach ó Pheadar Ó Maolchonaire — «Право оллава на дар от невесты, то есть ее брачный наряд, который получил Педар О'Мальхонари».

Мак Кана также приводит строки из анонимного стихотворения, содержащегося в одном из бардических трактатов:

> Liom a heach 'sa heirreadh nuachair
> *Мне (принадлежит) ее лошадь и ее брачный наряд.*

Традиционно этот обычай рассматривался как своего рода дар жены правителя, имеющий материальную ценность. Однако, как справедливо отмечает автор, за этим, возможно стоят символические представления о лишении жрецом девственности невесты короля.

Итак, возвращаясь к эпизоду с Атирне и Луйне, можно предположить, что мотивация его желания соединиться с невестой Конхобара описанная как внезапно вспыхнувшее чувство, является вторичной. На самом деле за его поведением скрывается архаический ритуал соединения жреца с невестой короля, с девушкой, воплощающей страну. Но, что характерно, идея о праве первой ночи, которым, как полагал Атирне, он обладал, была не понята и не принята как самой девушкой, так и королем. Атирне был сожжен в собственном доме вместе со своими сыновьями и дочерями. Но, что очень показательно, компилятор завершает текст словами:

> Rob olc le haes dana Ulad in gnim sin do denum (Stokes 1903: 284) — *Плохим показалось людям искусства уладов это деяние…*

Литература

Бондаренко Г. В. 2015: *Мифы и общество Древней Ирландии.* М.: ЯСК.

Гормлайт 2002: Стихи королевы Гормлайт. Пер. С.Шабалова. М.; СПб.: Летний сад.

Клейнер Ю. А. 2018: На полпути к цели («Речи Хамдира» 16; «Беовульф» 225–227a; «Исход» 174–176b). *Атлантика. Записки по исторической поэтике.* Вып. 15. М.: Макс-Пресс, 37–48.

Михайлова Т. А. 2004: *Хозяйка судьбы. Образ женщины в традиционной ирландской культуре.* М.: ЯСК.

Михайлова Т. А. 2004a: Какого цвета глаза были у святого Колума Килле (к проблеме скрытой семантики древнеирландского glass). В сб.: *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура.* Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004, 785–795.

Михайлова Т. А. 2009: Вербальный и невербальный компоненты оплакивания в ирландской погребальной обрядности. В сб.: *Слово устное и слово книжное.* Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Изд. РГГУ, 203–224.

Михайлова Т. А. 2022: *Грамматика нереального. К анализу структуры средневекового нарратива.* М.: ЯСК.

Морев Г. 2020: *Поэт и царь. Из истории русской культурной мифологии: Мандельштам, Пастернак, Бродский.* М.: Новое издательство.

Потопаева 2014–2016: Потопаева В. Королевы, шуты и рабыни: Женщины при ирландском королевском дворе. *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.* Вып. 11, М.: Индрик, 129–148.

Поэзия Ирландии 1988: *Поэзия Ирландии.* Пер. с ирл. и англ. Сост. Г. Кружкова, Т. Михайловой, А. Саруханян. М.: Художественная литература.

Предания и мифы 1991: *Предания и мифы средневековой Ирландии.* Пер., сост., комм. С. В. Шкунаева. М.: Издательство Московского университета.

Смирницкая 2008: Смирницкая О.А. Sīð Bēowulfes: границы «культурной лексики» в древнеанглийском эпосе. В кн.: Смирницкая О. А. *Избранные статьи по германской филологии.* М.: Изд-во МГУ, 161–170.

Фалилеев 2012: Фалилеев А. И. *Из ранней валлийской поэзии.* М.: Наука, Литературные памятники.

Фреймарк 1994: Фреймарк Г. Оккультизм и сексуальность. Пер. с нем. М.: Константа.

Шкунаев 1995: Шкунаев С.В. Раннеирландская традиция и языческое прошлое: проблемы и перспективы изучения. *ВДИ*, № 3, 1995, 38–47.

Щеголев 1987: Щеголев П. Е. *Дуэль и смерть Пушкина.* М.: Книга.

Bergin 1970: Bergin O. (ed.) *Irish Bardic Poetry. Texts and Translations, together with an introductory lecture*. Dublin: DIAS.
Bondarenko 2014: Bondarenko G. A 'Kshatriya Revolution' in the Ulster Cycle? In: *Emania. Bulletin of the Navan Research Group*, vol. 22, 137–144.
Breatnach 1980: Breatnach L. Tochmarc Luaine ocus Aided Athairne. In: *Celtica*, vol. 13, 1–31.
Breatnach 1983: Breatnach P. The Chief's Poet. In: *Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature*, Vol. 83-C, 37–79.
Breatnach 1997: Breatnach P. The poet's graveside vigil: a theme of Irish bardic elegy in the fifteenth century. In: *Zeitschrift* für *celtische Philologie*, Bd. 49-50, 50–63.
Carney 1955: Carney J. *Studies in Irish Literature and History*. Dublin: DIAS.
Carney 1967: Carney J. *Medieval Irish Lyrics, selected and translated with The Irish Bardic Poet: a study in the relationship of Poet and Patron*. Dublin: The Dolmen Press.
Charles-Edwards 1993: Charles-Edwards T. M. *Early Irish and Welsh kinship*. Oxford: Clarendon Press.
Clion 2023: Clion G. A lucht chumas bréig san dán: a satire on praise poets. In: *Zeitschrift* für *celtische Philologie*, Bd. 70, 47–66.
Dillon 1975: Dillon M. *Celts and Aryans: Survival of Indo-European Speech and Society*. Calcutta: Indian Institute of Advanced Study.
Fomin 2013: Fomin M. *Instructions for Kings. Secular and Clerical Images of Kingship in Early Ireland and Ancient India*. Heidelberg: Universitätsverlag.
Gwynn 1921/1923: Gwynn E.J., O'Reilly T. (eds.) Tomás Costelloe and O'Rourke's Wife. In: Ériu, Vol. 9, 1–11.
Herbert 1992: Herbert, M. Goddess and king: the sacred marriage in early Ireland. In: Fradenburg L. O. (ed.), *Women and sovereignty*, Cosmos, Vol. 7, 264–75.
Jaski 2000: Jaski B. *Early Irish Kinship and Succession*. Dublin: Four Courts Press.
Joynt 1910: Joynt, M. (ed.) Echtra mac Echdach Mugmedoin. In: É*riu*, vol. 4, 91–111.
Kimpton 2009: Kimpton B. (ed.) *The Death of Cú Chulainn. A Critical Edition*. Maynooth: National University of Ireland.
Knott 1936: Knott E. (ed.) *Togail Bruidne Da Derga*. Dublin: DIAS.
Mac Cana 1968: Mac Cana Pr. An Archaism in Irish Poetic Tradition. In: *Celtica*, Vol. 8, 174–181.
Mac Cana 1988: Mac Cana Pr. The Poet as Spouse of His Patron. In: Ériu, Vol. 39, 79–85.
McLaughlin 2008: McLaughlin R. *Early Irish Satire*. Dublin: DIAS.

McManus 2009: McManus D. Good-looking and irresistible: the hero from Early Irish Saga to Classical Poetry. In: Ériu, vol. 59, 57–109.

Meid 1967: Meid W. (ed.) *Táin bó Fraích*. Dublin: DIAS.

Meyer 1906: Meyer K. (ed.) *The Death-Tales of the Ulster Heroes*. Dublin: Royal Irish Academy.

Mikhailova 2017: Mikhailova T. A. Portraying a person: description devices in Ulster saga narrative. In: *Ulidia 4. Proceedings of the Fourth International Conference on the Ulster Cycle of Tales*. Ed. M. B. Ó Mainín and G. Toner. Dublin: Four Courts Press, 95–115.

Ní Mhaonaigh 2002: Ní Mhaonaigh M. Tales of Three Gormlaiths in Medieval Irish Literature. In: Ériu, Vol. 52, 1–24.

Ó Conaire 1974: Ó Conaire B. (eag.) Éigse. *Dunaire Nua na hArdteistiméireachta*. Baile Átha Cliath: Mac Goill agus Macmillan Teoranta,.

Ó Dónaill 2005: Ó Dónaill C. (ed.) *Talland* Étair. *A Critical Edition*. Maynooth: National University of Ireland, Department of Old and Middle Irish.

O'Donovan 1849: O'Donovan J. *Miscellany of Celtic Society*. Dublin: Celtic Society.

O'Leary 1987: O'Leary Ph. The Honour of Women in Early Irish Literature. In: Ériu, Vol. 38, 27–44.

Rees 1961: Rees A. and B. *Celtic Heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales*. London: Thames and Huson.

Simms 1989: Simms K. The Poet as Chieftain' Widow: Bardic Elegies. In: L. Breatnach, K. McCone and D. O Corráin (eds), *Sages, saints and storytellers: Celtic studies in honour of Professor James Carney*, Dublin: an Sagart, 400–411.

Stokes 1894: Stokes W. (ed.) The prose tales of the Rennes Dindshenchas. In: *Revue celtique*, Vol. 15, 273–336, 418–84.

Stokes 1899: Stokes W. (ed.) The Bodlean *Amra Choluimb Chille.* In: *Revue celtique*, Vol. 20, 31–55, 132–183, 248–289.

Stokes 1903: Stokes W. (ed.) The wooding of Luaine and death of Athirne. In: *Revue celtique*, Vol. 24, 270–287.

White 2006: White N. (ed.) *Compert Mongán and Three Other Early Mongán Tales. A Critical Edition*. Maynooth: National University of Ireland, Department of Old and Middle Irish.

Watkins 1976: Watkins C. The Etymology of Irish *dúan.* In: *Celtica*, Vol. 11, 270–277.

Э. И. Мячинская

Эволюция письменного функционирования английских диалектов

Аннотация. Статья посвящена эволюции письменного функционирования английских диалектов в художественной и нехудожественной литературе от XIX века до наших дней. Прослеживается изменение роли диалектных вкраплений: от социально-комической характеристики персонажей (Ч. Диккенс, Дж. Роулинг) и темпорального маркера (Дж. Фаулз) до языка повествования, выполняющего нарративно-психологические и композиционные функции (И. Уэлш, И. Бэнкс). Особое внимание уделяется современной диалектной литературе Йоркшира, где формируется локальная письменная норма для передачи диалектного произношения. На материале пересказов библейских сюжетов, фольклоризованных сказок и поэтических переводов (У. Вордсворт) демонстрируются такие черты, как имитация устности, жанровая игра и стилистическая инверсия. Отмечается связь расширения сферы диалектных текстов с перестройкой социолингвистической ситуации в Великобритании и ослаблением престижа нормативного варианта.

Ключевые слова: английские диалекты, диалектная литература, йоркширский диалект, кокни, стилизация, письменная форма диалекта, социолингвистика, нарратив, устность, языковая норма, художественный текст.

Репутация. Репутация ученого для Юрия Александровича Клейнера является важным жизненным фактором. Он меня как-то спросил: «Ты знаешь, почему меня считают серьезным ученым?» И сам ответил: «А это потому что я занимаюсь серьезными вещами». Сказано было в шутку, но, как известно, «в каждой шутке…». У Юрия Александровича очень высокий, можно сказать повышенный, уровень требовательности к своим работам и к своей научной деятельности, включая доклады, семинарские занятия, консультации со студентами и пр. С такой же требовательностью он относится и к работе коллег и связанных с ним людей, что для них может оказаться довольно трудно.

С Юрием Александровичем мы учились в Университете в одной группе. На втором курсе, в 1964 г. на семинарах по литературоведению студенты вслух читали свои курсовые работы. Его работа была посвящена сказке «Соловей и роза» Оскара Уайльда. Как мы помним, в конце сюжета Девушка отвергла влюблённого Студента, поскольку алая роза, расцветшая благодаря жертвенной смерти Соловья, не подходила к её наряду, а другой поклонник уже подарил ей драгоценности. И в конце своей курсовой работы, изящной и эмоциональной, Юрий Александрович написал «И тогда она перестала быть женщиной». Руководитель семинара, Игорь Васильевич Ступников — эстет, большой знаток английской драматургии — в уважительном удивлении посмотрев на автора, спросил его: «Вы где-нибудь печатаетесь? Расскажите о себе». Конечно, потом студент не оформил как следует ни текст, ни список библиографии и не получил высокую оценку, но для него это было неважно. Вот так, с ранней поры, Юрию Александровичу важно было заявить о себе, выделиться, быть замеченным серьезностью подхода и восприятия. В академическом отношении это проявилось достаточно рано. Если дипломные работы того периода были в основном посвящены контексту, лексико-семантическим вариантам, семантическим полям и пр., то он писал о конечном безударном «-е» — теме, которую никому не пришло бы в голову исследовать и из которой потом вырастет его докторская диссертация.

В аспирантуре мы также оказались в одно время и, естественно, интересовались работами друг друга. Его работа — «Безударный вокализм английского языка (Современное состояние и диахрония)» (Клейнер 1979) — серьезнейший труд, сопровождается библиографическим списком в 299 наименований (тогда как в требованиях к работам того времени было «не меньше 100 работ»!). При этом не цитируется ни одна его собственная работа — хотя бы для ровного счета! Ему никогда не важен был ни ровный счет, ни лишнее само-цитирование. Текст, содержание и мысли его работы настолько серьезны, что я не всё в ней понимала. Как это: согласный [r], нейтральный гласный [Ə] и долгий гласный [Ə:] — аллофоны одной фонемы? Я, впрочем, и сейчас этого не понимаю…

Моя диссертация писалась на гораздо более легкомысленном материале — на произношении современных английских диа-

лектов, хотя и в аспекте диахронической фонологии (Мячинская 1979). Юрий Александрович, как истинный ученый, имеет такую «жадность», неугомонность — ему хочется заниматься многим за пределами его собственной темы, он готов расширяться в параллельное пространство. Было такое впечатление, что моя тема интересовала его даже больше, чем его собственная. Он привнес диалектный материал в свою диссертацию, включив параграф «Безударный вокализм в диалектах английского языка». (Клейнер 1979: 163–164), и у нас даже была совместная статья на общем материале (Клейнер, Мячинская 1980).

Поэтому скажу здесь несколько слов о современном использовании диалектных написаний в английских художественных и нехудожественных текстах. Диалект имеет, как правило, устную форму бытования, но здесь речь пойдет как раз о письменной форме. Исследователи — диалектологи и исторические фонологи в основном работают с научной фиксацией произношения, когда используется фонетический алфавит или иные алфавиты для записи звучания. Но в интересующей нас сфере диалект не записывают, а на нем пишут.

Социально-стилистическая характеристика литературных героев

Условно отправной точкой может служить Ч. Диккенс, в романах которого используется изображение кокни как социальная характеристика героев, а именно, социально сниженная, как правило, для комического эффекта. Эта функция используется и в современной литературе. Так, например, в романе Дж. Роулинг о Гарри Поттере есть персонаж, водитель междугороднего автобуса, речь которого представлена следующим образом.

“Yep,” said Stan proudly, “anywhere you like, long’s it’s on land. Can’t do nuffink underwater. ‘Ere,” he said, looking suspicious again, “You did flag us down, dincha? Stuck out your wand ‘and, dincha?” (*Мячинская* 2012: 671)

Очевидно, что стилизация строится на использовании маркированных фонетических характеристик кокни — наиболее известных, типизированных и удобных для письменного воспроизведения, а именно: губно-губной спирант вместо интердентального

(*nuffink = nothing*) и опущение слогоначального [h] (‘*and* = hand). Форма *dincha* (= didn’t you), в которой представлена ассибиляция [t/d+j] на стыке слов, также носит диалектный характер, однако не привязана исключительно к диалекту кокни.

Аналогичным образом пользуется диалектом Дж. Фаулз в романе «Дэниэл Мартин». Действие романа происходит в 1970-х гг., однако главный герой на протяжении всего романа вспоминает свою жизнь. Одно из таких воспоминаний — его детство в Девоншире, которое пришлось на время Второй мировой войны, для изображения его автор использует особенности речи девонширских фермеров.

***— Thic** for **thee**, **thic** for **thee**, says doling Mr Luscombe, and where’s my plum **vidies** to?*
*— Ma says to eat up **they**, says Bill.* (Fowles 1997)

В этом примере использована диалектная форма указательного местоимения — “*thic*”, личного местоимения 2 л. ед. ч.” — “*thee*”, *they* вместо *them* — типические морфологические черты южных диалектов, а также репрезентация диалектного произношения существительного “*victuals*” — “*vidies*”. Очевидно, что здесь функция стилизации не социально-комическая, а темпорального соотнесения.

Романы на диалекте

В современной художественной литературе роль диалектов расширяется, диалект становится языком повествования и выполняет авторские установки и намерения. Роман Ирвина Уэлша «На игле» (Irvine Welsh “Trainspotting”) знаменит в частности тем, что текст написан на эдинбургском варианте диалекта скотс (то, что называется шотландский английский) с использованием фонетической транскрипции в написании слов и с обильной инкорпорацией молодежного нарко-сленга (Welsh 1993). Герои романа — наркоманы, молодые люди без определенных занятий, с дурными наклонностями — то, что называется словом «маргиналы». Так достигается согласование между описанием маргинальной социальной периферии и языковой репрезентацией. Характерно, что, когда герой едет в Лондон, автор переходит на нормативный язык

(Мячинская 2007). Таким образом, оппозиция диалекта и нормы сохраняется, однако как бы переворачивается, выстраивается «наоборот» по сравнению с диккенсовским типом стилизации.

В современной литературе интеграция диалектной речи в произведение становится все разнообразнее: диалект может стать языком повествования и средством разграничения различных нарративных линий. Шотландский писатель Иэн Бэнкс написал роман «Мост» в 1986 г. (Banks 2013). «Главный герой романа попадает в автокатастрофу и впадает в кому. Все действие романа, таким образом, является отражением подсознания героя, находящегося в коме, и имеет несколько уровней. На первом уровне выступает основной сон героя — ему видится, что он очутился на огромном мосту посреди океана. Мост представляет собой, по сути, целое государство: на нем живут и работают тысячи людей, там развита инфраструктура и т. д. Иногда в эту линию врывается внутренний голос героя, который сознает, что находится в коме, и ведет разговор сам с собой. Наконец, на мосту герою снятся сны, которые также представляют собой новые линии повествования, отражающие более глубокое подсознание героя, — можно сказать, область его бессознательного. Разграничение этих линий, которые могут сплетаться между собой даже в рамках одного предложения, осуществляется языковой стилизацией. Жизнь героя на мосту написана нормативным языком в литературно-художественном стиле. Внутренний голос героя, стилизуется под разговорную речь с инкорпорацией фраз на шотландском диалекте, а один из снов героя, в котором он предстает в виде варвара в некоем мире, походящим на мир научно-фантастических произведений, передается полностью на шотландском диалекте с помощью фонетического письма» (Николаева 2015: 71–72). Примечательно, что герой — человек высокого культурного уровня, так что диалектная речь не служит статусной социальной характеристикой, функция ее нарративно-психологическая. Автор использует диалектные и разговорные черты, которые представляются общеизвестными языковыми стереотипами. В таком качестве они информативны для читателя, воспринимаются им так, как задумывает автор. При этом точность передачи реального диалектного материала нерелевантна, главное отделить и обозначить линии повествования.

Йоркширский диалект. Тексты о диалекте

В современной лингвокультурной жизни Великобритании заметное место принадлежит деятельности Йоркширского диалектологического общества, целью которого является способствовать разными методами существованию и распространению йоркширского диалекта. Ежегодно издаются Summer Bulletin и Transactions of the Yorkshire Dialect Society, а также отдельные публикации на диалекте и о диалекте. Примером серьезной темы в забавном изложении может быть история сложения диалекта Западного Райдинга, написанная на этом диалекте (Wraith 2025):

"*Naa then thee! Haa'sta doin? Bravely? Naa that's grand to hear. Ey up Aw've summat Aw've bin meaning to talk to thee abaat, an it's t' history o uz dialect. Naa Aw knaw history can get fair stallin soo' Aw'st hoap to meek it interestin-like, but Aw recon it wants doin cos there's some fowk's getten a queer noation at we speyk slang, an Aw wish to dispell this.*
To start off we mun goo' all t'way back to t'Anglo-Saxons, them lads wi their fancy helmets an shields <... > Naa afoor thease lads come ower , ther wor populations o fowk auready on t'island, British Celts, ancestors o today'd Cornish, Welsh an Bretons (them last-uns thowt they wor too fancy for t'rest as buggered off to France)"
(Ibid,9)

Цитируемый отрывок демонстрирует строго продуманные и достаточно установившиеся способы передачи диалектных форм, можно сказать локальную норму, или орфоэпическую регулярность — допускающую вариантность, но, тем не менее, принятую в данном лингво-культурном сообществе. Вместе с тем, при очевидном ярком отличии от литературной нормы в плане произношения и морфологии, диалект как бы вставляется в рамки нормативного синтаксиса и свободно комбинируется с лексикой литературного стиля. Статья заканчивается, как и полагается научной статье, грамотной заключительной фразой, просто написанной в иной орфографии:

"Naa as Aw've heeleeted t'main historical influences at's most important, Aw hoap tha's come away fra all this fealin a fair bit brainier an happen praader o thi heritage!" (ibid, 13).

Пересказ евангелических сюжетов

Аналогичным образом на йоркширском диалекте пересказываются библейские сюжеты: передача фонетического звучания методами английской орфоэпии, использование разговорных и сленговых лексических элементов для придания юмористической окраски при сохранении нормативной синтаксической структуры предложения, что делает текст «читаемым» и соотносимым с исходными текстами. (Kellet 1996; Myachinskaya 2019):

Ivverybody's 'eard tell o't'feedin' o't'five thahsand. Ther's some say 'at t'real merricle wor 'at Jesus gat all these fowk ter share among thersebs t'food the'd browt wi' 'em… (Kellet 1996,54).

Или одна из заповедей Нагорной проповеди:

The mun think thissen blessed when when tha's sorrowful an' 'eart sluffened. Think on! Afooare long tha's bahn ter bi cheered up an' gi'en neew strength! (Ibid 36).

Если, не касаясь формальных характеристик, сравнить этот текст просто по стилю, духу, выбору понятных лексических средств с каноническими текстами английского и русского Евангелий, то будет очевидна ориентированность на естественность ситуации и восприятия, на читателя определенного уровня и определенных запросов. Ср. канонические версии:

Blessed are they that mourn; for they shall be comforted. (*Mat* 5: 4);
«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф 5:4).

Автор пересказа Арнолд Келлет так объясняет использование йоркширской речи при создании текста: «мощная и насыщенная [robust] йоркширская речь гораздо больше соответствует тому, как звучали жители Галилеи — не «правильная речь» [talking posh], а приземленная речь рыбаков и крестьян…» (Kellet 1996: blurb).

Фольклоризация текста традиционных сказок и басен

Особой популярностью у авторов и читателей йоркширского диалекта пользуются фольклорные сюжеты: рассказы и воспоми-

нания из жизни пишущих и пересказы известных сказок и историй. Замечательный образец этого жанра — сказка о Золушке. Оригинал сказки был написан французским писателем Шарлем Перро, имел несколько переводов на английский язык, из которых самым популярным является перевод Р. Самбера. Объектом нашего анализа стало переложение Д. Халламшира в сборнике «Йоркширские истории» (The Yorkshire Fables) (Hallamshire 1994). Весь текст сказки о Золушке — авторская речь, прямая речь всех персонажей — написан на диалекте с активным использованием разговорных оборотов, современных культурных референций, сленга. Пропорция этих элементов различна у различных героев. Так в речи Принца почти нет диалектных черт, только разговорные, а у второстепенных героев (водитель автобуса, дворцовый страж) практически используется фонетическое письмо. В сказку включен автор-сказитель, который сразу задает уровень диалектизации:

Авторская речь: *And she worked **reet** hard **int** kitchen, **scrubbin** floors and **all that sort of stuff*** (ibid: 5).

Вот отрывок диалога между Золушкой и ее крестной матерью Феей:

"By eck," says Cinderella. "Couldn't tha come through door like normal folk or what!"
"Aye up love," t'old lady says and looks at a bit of paper she were holding. "Are tha Cinderella or what?" she says as she reads paper (ibid: 6).

Здесь представлены морфологические диалектные черты и эмоционально-разговорные элементы при нормативности синтаксиса.

Особенно интересна динамика стилистической игры в речи сестер (Ugly Sisters). Обычно это типичный набор диалектных морфологических черт и изображение небрежной разговорной речи.

*"**Tha** can forget goin to ball," first one says. "Tha's got nowt to wear and **tha's not borrowing owt of mine neither**. So it looks like **tha's staying at home wi' cat, dunt it**?"* (ibid: 5).

Однако, когда Сестры хотят говорить красиво (talking posh) , о*ни* переходят с йоркширского диалекта на кокни;

They come sweeping into kitchen to show off, then they laughed at Cinderella and went off ***talking all posh***
*"**Hay fink hay** will **darnce** with the Prince **hat** the first **hopportunity**," says first one.*
[I think I will dance with the Prince at the first opportunity]
"**Yais**," says second. "And **hay will darnce** with the Prince soon as I've got some rum punch darn me neck" ibid: 6).

Используются стереотипные фонетические характеристики кокни: добавление [h] в начале слова и варьирование f ~ th (fink = think). Практически так, как было у Диккенса, однако с идеей «наоборот».

Характеристика *to talk posh* в реальной жизни характеризует речь людей, говорящих на нормативном английском, который иначе называют RP или BBC English. Люди, которые не владеют этим вариантом, пользуются выражением *to talk posh* свысока, чтобы выразить некоторое презрительное отношение к представителям иного класса, стоящего выше их в социальном отношении. Используемый здесь прием «диалект в диалекте» иронически обыгрывает реальную социолингвистическую оппозицию «норма – диалект».

Таким образом, при формальных признаках литературной (авторской) и фантастической сказки, йоркширская Золушка превращается в авторскую сказку с фольклорной основой и элементами юмористического рассказа в результате использования разговорной диалектной культуры. «Важной чертой йоркширской диалектной прозы является именно имитация устности и разговорности — прием отражения в тексте произведения живого диалекта в той форме, в которой он продолжает использоваться жителями графства Йоркшир. Данный принцип берет свое начало именно в фольклорной традиции, поскольку ориентированность на устную речь — основополагающая черта фольклорных текстов» (Аскритова 2020: 55).

Диалектный перевод поэтического текста

И, наконец, в диалектной литературе представлен собственно диалектный перевод — текст, максимально приближенный к оригиналу. Это знаменитое стихотворение У. Вордсворта «Нарциссы» («Daffodils) [Приводится первая строфа оригинала].

I wandered lonely as a cloud / That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd, /A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees, / Fluttering and dancing in the breeze.

Перевод в стихотворной форме на диалект Северного Райдинга Йоркшира без попытки аллитерации, но с рифмой сделан Джозефом Биддулфом (Biddulph 2025).

Ah waz woakin, lonely lahk a cloud
At fleas i t'skaih ower t'mooars an hills,
When all at yance Ah sees a crowd,
Grit lots o gowden daffodils,
Reet next te t'lake, reet thrang i t'yaks ;
How monny there Ah cudn't ax. (ibid:74–75)

Даже на таком незначительном текстовом отрезке можно дать если не развернутый, то многоаспектный лингвистический анализ. С точки зрения диахронической фонологии: особенности древнеанглийского вокализма: древнеанглийское преломление в [e:] reet (right), отсутствие перехода [долгого a] в [o долгое открытое] (yak = oak). Особая среднеанглийская вокализация [g] (д.а. flugan > fleas = flies), полная вокализация [l] (gowden =golden). Сохранение д. а. [sk] метатезы ks > sk (ax = ask); особенности Великого сдвига гласных ([a долгое] > ia > ja в yaks = oaks), монофтонгизация ((Ah = I, lahk = like) и пр. Морфологическое выравнивание окончания 3 л ед. ч. глагола с окончанием –es (Ah sees =I see). Окончание in = ing. Лексическое использование шотландского слова thrang (throng = crowd).

Дж. Биддулф не стремится соперничать с автором, но старается показать красоту и способность диалекта включаться в поддержание многовековой поэтической традиции северных диалектов, анализу которой посвящена его статья.

Такое очевидное расширение сферы и функции диалектных текстов в современных условиях не объясняется увеличением исследовательского интереса к ним. В британском английском уже некоторое время происходит перестройка лингвистической ситуации, которая проявляется в уменьшении силы, диктата и ослабление престижа нормативного варианта, RP и Standard English и повышение роли нестандартных вариантов – диалектов, сниженных

разговорных регистров, а также иноязычных вариантов, распространившихся из-за наплыва переселенцев со всего мира (то, что теперь называется Multiculturalism). Иными словами, повышается терпимость к языковой вариативности в условиях изменившейся социальной структуры общества и повышения статуса носителей непрестижных вариантов.

А приведенное здесь стихотворение “Dafodils” — это мой своеобразный букет нарциссов для юбиляра — легкомысленный и несерьезный, зато от души.

Литература

Аскритова 2020: Аскритова К. В. Золушка по-йоркширски: анализ фольклорного варианта. ВКР. на соиск. степ. бакалавра лингвистики. Науч. рук Мячинская Э.И. СПбГУ, СПб (в рукописи).

Клейнер 1979: Клейнер Ю.А. Безударный вокализм английского языка (Современное состояние и диахрония). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Л., (в рукописи).

Клейнер, Мячинская, 1980: Клейнер Ю.А. Мячинская Э. И. Корреляция усечения слога и ее использование в изучении вокализма английского языка. В сб. Взаимодействие языковых структур в системе. ЛГУ, Л., 147–155

Мячинская 1979: Мячинская Э. И. Отражение Великого Сдвига гласных в современных английских диалектах. Аавтореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. ЛГУ, Л.

Мячинская 2007: Мячинская Э.И. Роман Ирвина Уэлша «Трейнспоттинг» как социолингвистический феномен. В сб: *Англистика XXI века. 3-я всероссийская межвузовская конференция.* Сборник материалов конференции. СПб., 2007, 410–414

Мячинская 2012: Мячинская Э. И. Стилизация диалектной речи в английском и русском художественных текстах. В сб. *«Коммуникация. Мышление. Личность»:* Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К.Ф.Седова. Саратов: Издательский центр «Наука», 670–672

Николаева 2015: Николаева М. В. *Анализ эволюции перевода английской диалектной речи на русский язык (на материале художественных произведений XIX–XXI веков)*. ВКР на соиск. степ. магистра лингвистики. Науч. рук. Э. И. Мячинская. СПбГУ, Кафедра английской филологии и лингвокультурологии. СПб., (в рукописи).

Banks 2013: Banks I. *The Bridge*. London: Little, Brown Book Group.

Biddulph 2025: Biddulph J. Ready for Yorkshire Eisteddfod / The Example of Medieval Strict-Meter Poetry in a Northern Dialect. In: *Transactions of the Yorkshire Dialect Society.* Part 125, Volume 23, 64–78

Fowles, 1997: Fowles, J. *Daniel Martin*. Boston: Back Bay Books.

Hallamshire 1994: Hallamshire D. *The Yorkshire Fables*. Sheffield: Fleming Press.

Kellet 1996: Kellet A. *Ee By Gum, Lord! The Gospels in Broad Yorkshire*. Otley, West Yorkshire: Smith Settle Ltd.

Myachinskaya 2019: Myachinskaya E., Kovalenko E., Kozhevnikova E., Ustinova O. The Gospels in Yorkshire Dialect: Functions and Linguistic Features. In: *Proceedings of the 2019 International Conference on Religion, Culture and Art Lecture Notes in Arts and Humanities (ARTSH)*. Ottawa: Clausius Scientific Press Inc., 64–69.

Welsh 1993: Welsh I. *Trainspotting*. Great Britain: Martin Sacker& Warburg Ltd.

Wraith 2025: Wraith J. A bit abaat West Riding dialect, i West Riding dialect. In: *Yorkshire Dialect Society Summer Bulletin*. № 72, June 2025, 9–13.

Н. Л. Огуречникова

К вопросу об акцентно-звуковой организации дроттквета (апол*ог*ия сл*ог*а)

Аннотация. Статья посвящена анализу акцентно-звуковой организации скальдического размера дроттквет в свете описания аллитерации и хендингов в «Перечне размеров» Снорри Стурлусона. В центре внимания — вопрос о роли слога как оперативной единицы скальдического стиха и о соотношении хендингов со слоговыми и морфемными границами. Вопреки распространенной точке зрения о слогоделении «от гласного до гласного», автор показывает, что слоговые и морфемные границы иррелевантны для хендингов: рифмующие экспоненты регулярно не совпадают с экспонентами морфем, переходят через морфемные швы и словоразделы. На обширном материале скальдической поэзии демонстрируется, что аллитерация и хендинги отмечают слоги с наибольшим просодическим весом, а их структурная функция заключается в делимитации текста. В основе дроттквета лежат два взаимодействующих принципа: силлабо-квантитативный, реализующийся в строке, и акцентно-звуковой, реализующийся во фьордунге. Просодический вес слога рассматривается как результат взаимодействия его сегментной структуры, акцентного выделения в слове и просодического веса слова во фразе, включая случаи намеренной деформации естественных просодических контуров скальдами.

Ключевые слова: дроттквет, скальдическая поэзия, хендинг, аллитерация, слог, слогоделение, просодика, акцент, фьордунг, Снорри Стурлусон, «Перечень размеров», древнеисландский язык, морфема, рифма.

Предисловие. В 2025 году в ходе совместного германского семинара Института лингвистических исследований РАН и Института языкознания РАН, на котором выступал Анатолий Симонович Либерман, я задала докладчику вопрос о слоговых границах в древнеисландском. Ответ Анатолия Симоновича был абсолютно понятен и созвучен с моими представлениями о просодической структуре древнеисландского слова. Вместе с тем оставалась непонятной приверженность исследователей скальдического стиха,

включая истинных знатоков скальдической поэзии, другой точке зрения. С вопросом о слоговых границах в древнеисландском непосредственно связано описание хендингов в «Перечне размеров» Снорри, и соответствующий фрагмент «Перечня размеров» долгое время не давал мне покоя. Однажды я пожаловалось на Снорри Стурлусона Юрию Александровичу, который написал в ответ, что «сети для того и расставляют, чтобы не вырваться было», правда вдогонку Юрий Александрович прислал мне интересный опус, где, в частности, предложил думать самой: «Ваш вопрос, Вы и отвечайте». От этого стало намного легче, но не сразу. Статья, с одной стороны, представляет собой отклик на работы Юрия Александровича, включая его «Очерки по общей и германской просодике» (Клейнер 2018) и статью "The Syllable according to Aristotle" (Клейнер 2017); с другой стороны, это результат моих размышлений над описанием хендингов в «Перечне размеров» Снорри. Надеюсь, что попытка вырваться из расставленных сетей и продолжить движение не слишком разочарует дорогого юбиляра.

Введение. Дротткветт — это результат трансформации и дополнительной регламентации эддической формы (Смирницкая 1994: 417–418), отличающийся особой звуковой организацией. Находя опору в германском акцентном стихе, скальдический стих вводит новый, силлабо-квантитативный, принцип организации текста (об этом далее), сохраняя аллитерацию как аспект звукового строя и дополняя ее внутренней рифмой, или хендингом.

I. Описание аллитерации и хендингов в «Перечне размеров»

В «Перечне размеров» Снорри, рассматривая разграничение скальдических размеров, объясняет звуковую организацию скальдического стиха и говорит об аллитерации и хендингах следующее[1]:

Hver er grein setningar háttana?

«В чем заключается формальное разграничение размеров?»

Tvenn. «Оно двоякое».

Hver? «Какое?»

Málsgrein ok hljóðsgrein. «Это разграничение речи и разграничение звуков».

[1] Цит. по (Faulkes 1999: 3–5), перевод мой.

Hvat er málsgrein? «Что такое разграничение речи?»

Stafasetning greinir mál allt, en hljóð greinir þat at hafa samstǫfur langar eða skammar, harðar eða linar, ok það er setning hljóðsgreina er vér kǫllum hendingar, svá sem hér er kveðit:

«Позициями аллитерирующих букв/звуков определяется разграничение речи в целом, а умение различать звуки позволяет разграничить слоги долгие и краткие, ударные и безударные, и именно разграничение звуков в слогах мы называем хендингами, такое, как в этом тексте».[2]

Lætr sár Hákun heitir
(hann rekkir lið) bannat
(jǫrð kann frelsa) fyrðum
friðrofs konungr ofsa;
sjálfr ræðr allt ok Elfar,
ungr stillir sá, milli
(gramr *á gipt at fremri)
Gandvíkr jǫfurr landi.

Konungr sár (= sá er. — H.O.) Hákun heitir (hann rekkir lið, kann frelsa jǫrð) lætr bannat fyrðum ofsa friðrofs. Sá stillir, ungr jǫfurr, ræðr allt landi milli Gandvíkr og Elfar (gramr á gipt at fremri). (Развертка моя. — H. O.)

«Конунг по имени Хакон победил неприятеля (буквально: запретил воинам *насилие/бурю нарушения мира* > *битву*); он воодушевляет войско, может освободить землю. Он, молодой *владыка* < *гневный (в битве)*, правит всеми землями между (бухтой) Гандвик и (рекой) Эльв, *тем больше* > *так прирастает* конунгова удача».

Hér er stafasetning sú er hætti ræðr ok kveðandi gerir, þat eru tólf stafir í eyrindi, ok eru þrír settir í hvern fjórðung. Í hverjum fjórðungi eru tvau vísuorð. Hverju vísuorði fylgja sex samstǫfur. Í ǫðru vísuorði er settr sá stafr fyrst í vísuorðinu er vér kǫllum hǫfuðstaf. Sá stafr ræðr

[2] Альтернативная трактовка контекста представлена в работе (Глебова, Успенский 2024: 10); мы, однако, разделяем точку зрения других исследователей: (Boer 1927: 266; Finnur Jónsson 1929: 234 Gade 1995: 28).

kveðandi. En í fyrsta vísuorði mun sá stafr finnast tysvar standa fyrir samstǫfun. Þá stafi köllum vér stuðla. Ef hǫfuðstafr er samhljóðandi, þá skulu stuðlar vera enn inn sami stafr, svá sem hér er:

Lætr sá er Hákun heitir
hann rekkir lið bannat.

«В данном случае позиции аллитерирующих букв/звуков определяют размер и задают ритм, в этой строфе двенадцать аллитерирующих букв/звуков, по три в каждом фьордунге. В каждом фьордунге шесть слогов. Каждая четная строка начинается с того звука/буквы, который мы называем главной аллитерацией. Этой буквой/звуком определяется ритм речи. А в первой строке эта буква/звук встречается дважды и стоит перед слогом. Эти буквы/звуки мы называем подпорками. Если главной аллитерирующей буквой/звуком оказывается согласный, то и подпорками должны быть точно такие же согласные, как в этом случае:

Lætr sá er Hákun heitir
hann rekkir lið bannat».

En rangt er ef þessir stafir standa fyrir samstǫfun optar eða sjaldnar en svá í fjórðungi vísu. En ef hljóðstafr er hǫfuðstafrinn, þá skulu stuðlar vera ok hljóðstafir, ok er fegra at sinn hljóðstafr sé hverr þeira. Þá má ok hlýða at hljóðstafr standi fyrir optar í fjórðungi í fornǫfnum eða í málfylling þeirri er svá kveðr at: ék´, eða svá: en, er, at, í, *á, of, af, um´, ok er þat leyfi en eigi rétt setning.

«Нехорошо, если аллитерирующие буквы/звуки стоят перед слогом чаще или реже, чем в этом фьордунге висы. Если же главной аллитерирующей буквой/звуком является гласный, тогда и подпорки должны быть гласными буквами/звуками, и красивее, если аллитерирующими окажутся разные гласные. Часто бывает так, что аллитерирующей буквой/звуком во фьордунге оказывается гласный местоимений или фразовых частиц, таких как: ‘ek’, или как: ‘en, er, at, í, *á, of, af, um’, но это допущение, а не правильная форма».

Qnnur stafasetning er sú er fylgir setning hljóðs þess er hátt gerir ok kveðandi. Skal sú grein í dróttkvæðum hætti svá vera at fjörðungr vísu skal þar saman fara at allri stafasetning ok hljóða. Skal í fyrra vísuorði þannig greina þá setning:

jǫrð kann frelsa fyrðum.

«В других случаях расположение букв/звуков соответствует звуковым последовательностям, которые также определяют размер и ритм речи. Размер дроттквеття отличается тем, что во фьордунге висы должны быть как аллитерирующие звуки/буквы, так и слоги:

jǫrð kann frelsa fyrðum».

Hér er svá: ´jǫrð ... fyrð-´. Þat er ein samstafa í hvárum stað ok sinn hljóðstafr fylgir hvárri ok svá upphafsstaf[r en eininr stafir] eru eptir hljóðstaf í báðum orðum. Þessa setning hljóðfalls kǫllum vér skothending. En í qðru vísuorði er svá:

Friðrofs konungr ofsa.

«Здесь вот как: ´jǫrð ... fyrð-´. В каждом случае один слог, и в каждом слоге по одному гласному, с которого начинается слог, в этих двух словах за гласным следуют одни и те же согласные. Это созвучие мы называем скотхендингом. А в другой строке висы так:

Friðrofs konungr ofsa».

Svá er hér: ´-rofs ... ofs-´. Þar er einn hljóðstafr ok svá allir þeir er eptir fara í báðum orðum, en upphafsstafir greina orðin. Þetta heita aðalhendingar. Svá skal hendingar setja í dróttkvæðum hætti at hin síðari hending í hverju vúsuorði, er heitir viðrhending, hon skal standa í þeiri samstǫfu er ein er síðar, en sú hending er frumhending heitir stendr stundum í upphafi orðs — kǫllum vér þá oddhending — stundum í miðju orði — kǫllum vér þá hluthending. Þetta er dróttkvæðr háttr. Með þeima hætti er flest ort þat er vandat er. Þessi er upphaf allra hátta sem málrúnar eru fyrir qðrum rúnum.

«Здесь вот как: ´-rofs ... ofs-´. В обоих словах один и тот же гласный, и за ним следуют одинаковые согласные, а слова различаются начальными буквами/звуками. Это мы называем адальхендингами. В дротткветте хендинги должны располагаться так, чтобы второй хендинг в строке, который называется дополнительным, был на предпоследней позиции в каждой строке, а тот хендинг, который мы называем начальным, иногда оказывается в начале строки, и тогда мы называем его внешним, а временами — в середине строки, и тогда мы называем его внутренним. Так устроен размер дроттквет. Этот размер использован в большинстве искусно сложенных стихов. От него происходят все размеры точно так же, как от рун алфавита происходят другие руны»[3].

Представленное выше описание аллитерации и хендингов в «Перечне размеров» ставит вопрос о том, что такое слог, и об отношении хендингов к слоговым и морфемным границам.

II. Хендинги и слогоделение от гласного до гласного

Ведущие специалисты, как и авторы последних исследований, посвященных скальдическому стиху, полагают, что для древнеисландского характерно слогоделение от гласного до гласного (см., в частности, работы (Kuhn 1983: 53–54; Gade 1995: 31 ff.)). Говоря о слогоделении в дротткветте, К. Гаде (Ibid.) ссылается на Г. Пиппинга, следовавшего за Э. Русенгреном (о них см. (Либерман 1971: 23–25)); вместе с тем аргументом в пользу такого слогоделения подчас оказываются хендинги скальдической поэзии: “Old Norse internal rhymes, which in most instances extend until and including the consonant which is the least sonorous … e.g. *lystr* : *lasta, hendr* : *enda*, seem to suggest a final maximalistic (maximal coda) syllabification of Old Norse. This syllabification would give *bú*-a, *vit*-a, as well as, e.g., *land*-a, *fall*-a” (Myrvoll 2016: 248). Когда хендинги принимаются за основу слогоделения в языке скальдов, трудно убедить сторонников Пиппинга (или Снорри) в том, что хендинги, в действительности, постоянно переходят через слоговые границы (Haustl. 3.4.

[3] Вероятно, Снорри имел в виду то, что запись звуков при помощи рун не была нормализована и «алфавитное» звуковое значение рун могло отличаться от того, как руны реально использовались на письме.

hjalmf*al*-dinn því v*al-d*a; Haustl. 4.8. v*ar-n*endr goða f*ar-n*ir), при слогоделении от гласного до гласного хендинги в примерах из драпы Тьодольва Хвинского совпадут со слогом. Между тем граница хендинга не обязательно совпадает с границей «слога Снорри», то есть со звукосочетанием от гласного до гласного (за исключением последнего): «in spite of Snorri's statement, there are plenty of examples, where only one of two (or more) consonants participates in the rhyme" (Kristján Árnason 2007: 99). Кристьян иллюстрирует свой тезис примерами, которые мы выборочно воспроизводим ниже, сохраняя его разметку.

Скотхендинги:

• Her]gauts vinu bar]ðir (Bragi, Ragnarsdrápa 5,8);

• þat vas fræg]t í fag]ran (Þjóðólfr Arnórsson. Magnúsflokkr 12,3).

Адальхендинги:

• Dan]markar þik van]ðan (Óttarr svarti, Hǫfuðlausn 3,4);

• skjót]t ok mǫrgu spjót]i (Þjóðólfr Arnórsson, Magnúsflokkr 9,2) (Ibid., 99–100).

Примеры Кристьяна показывают, что участие в рифме второго или третьего согласного, следующего за гласным, не обязательно.

Тезису о совпадении границы «слога Снорри» с границей хендинга противоречат и так называемые пустые рифмы (empty rhymes), возникающие, когда за долгим гласным или дифтонгом следует морфемный шов (включая границу с флексией), словораздел, *v* или *j*.

Примеры пустых рифм:

• hr*æ*, þess konungs *æ*vi (Sigvatr Þórðarson, *Bersǫglisvísur* 2.4.)[4]

• hr*æ*kǫst (fira* *æ*vi) (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, *Magnússdrápa* 11.4.)

• — v*é* það vísi kn*ý*ja — (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, *Þorfinnsdrápa* 17.3.)

• s*á*s á sinni *æ*vi (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, *Haraldsdrápa* 10.3)

• (hornþ*ey*s) faðir m*ey*jar (Gunnlaugr ormstunga Illugason, Lausavísur 8.6)

• þ*á*s Hôkonar þ*æ*fis (Haukr Valdísarson, Íslendingadrápa 16.5)

[4] Скальдические висы цитируются в соответствии с материалами сайта skaldic.org (The Skaldic Project: Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages).

• Gǫndlar þey*s ok Eyjar. (Hallar-Steinn Rekstefja 11.4)

• *æ* sé øfri sk*ý*jum (Guðmundr Svertingsson, Hrafnsdrápa 9.7)

• *ei* var auðs á m*ý*gi (Einarr Gilsson, Guðmundarkvæði 24.7)

• *ei* var auðar b*æ*gir (Einarr Gilsson, Selkolluvísur 4.3)

• Sv*á* hlóð siklingr h*ó*van (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, Magnússdrápa 11.1)

• hjǫrþ*ey* á Skán*ey*ju (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, Magnússdrápa 16.4)

(См. также материал в (Gade 1995: 33; Kristján Árnason 2007)).

Примечательно, что Ханс Кун, разделявший взгляды Пиппинга (и Снорри) на слогоделение в древнеисландском (Kuhn 1983: 54), сомневался в том, что хендинги связаны со слогом, поскольку они регулярно формируются на морфемных швах и словоразделах: Ebenso wenig wissen wir, ob bei der Reimbildung ein Zusammenhang mit der Silbentrennung des Altnordischen im Spiele war. Nicht ganz seltene Fälle, in denen diese Reime über eine Kompositionsfuge oder Wortgrenze hinüberzugreifen scheinen, so wie etwa in Hstl. 5[7] ó-svífrandi ása, Goþþ. 1[2] blá-rǫst konungr árum, Gunnhildr[1] (Skj. 61) Há-reið á bak báru, ... sprechen dagegen «Мы столь же мало знаем о том, было ли образование рифм связано с делением на слоги в древнескандинавском языке. Нередкие случаи, когда рифмы, по-видимому, переходят морфемные швы в словосложениях или словоразделы, ... противоречат этому» (Kuhn 1983: 78). Аргумент Куна все же нуждается в дополнительных комментариях; слогообразование происходит в речи, и слоговые границы зависят от ее характера, поэтому можно допустить релевантность словоразделов и морфемных швов в композитах при скандовке[5], но в целом слогообразование не ограничено пределами морфем или слов:

• Rôð eru ljót, ef láta (Sigvatr Þórðarson, Lausavísur 16.5) > rô-ðe-rul-jó-tef-lá-ta.

Между тем в примерах Куна слоговые границы, по-видимому, совпадают с границами морфем и слов. Сомнение вызывает только Hstl.5[7]; в современном исландском языке сочетания s, p, t, k + j, r, v неделимы, они не могут разбиваться слоговой границей, но статус таких консонантных групп в языке скальдов не очевиден. Инфор-

[5] О. А. Смирницкая отмечает, что скальдический стих был рассчитан на скандовку (Смирницкая 1994: 383).

мация о том, какие консонантные группы были неделимыми в языке скальдов, фрагментарна, хотя этот вопрос привлекает внимание исследователей (Kristján Árnason 2007: 87 ff.). Не вызывают сомнения только сочетания sk, sp, st, основным аргументом в пользу их неделимости служит аллитерация в германском акцентном стихе.

Возвращаясь к Снорри, обратим внимание на то, что его металингвистические рассуждения отражают средневековые представления о языке и, в частности, о слоге (о них см. (Hrein Benediktsson 1972: 103–105)). В своем понимании слога Снорри, вероятно, ориентировался на континентальные латинские грамматики и руководствовался внутренней формой калькируемого латинского (и соответствующего греческого) термина лат. *syllaba*. Говоря о сочетаниях звуков, начинающихся с гласного, Снорри не поясняет значение слов др.-исл. *samstafa* и др.-исл. *samstǫfun*, функционально эквивалентных в «Перечне размеров», но абстрактные существительные женского рода с суффиксом -un- в древнеисландском, как и в современном исландском языке, имеют значение результата действия и представляют собой отглагольные образования (*stafa saman* «составлять буквы» > samstǫfun буквально «сочетание букв/звуков»). Подобные экспоненты, лишь спорадически совпадающие с сегментными структурами ударных слогов, называются хендингами, а их созвучия (полные или частичные) образуют внутренние рифмы.

Представление о слогоделении от гласного до гласного не изжило себя в скальдоведении, и взгляды многих известных исследователей не отличаются, по существу, от взглядов Снорри.

III. Хендинги и альтернативная точка зрения на слогоделение

Ю. К. Кузьменко отмечает, что в протогерманском и в древних германских языках «в слогах CVCV(C) корневой слог был открытым независимо от длительности гласного (т. е. CV̆ – CV и CV̄ – CV) и конечноморфемный согласный в таких словах становился слогоначальным (др.-исл. ge-ta, ta-ka, готск. a-la, mi-tan; др.-а. fæ-tu, wi-ne)» (Кузьменко 1991: 140) (ссылки на предшествующие исследования см. в указанной работе). Рассматривая аллофоническое варьирование закорневых -i-и -j- в составе бифонемных ком-

плексов с основообразующим гласным[6], Ю. А. Клейнер обращает внимание на правила древнегерманской фонотактики, предполагающие слогоначальность -j- и указывающие на то, что слоговая граница в соответствующих словах проходит после тяжелых начальных комплексов /(C)V:-/, либо /(C)VC-/, ср. гот. was-jis, stō-jis, dō-meis, wan-deis (Клейнер 2018: 160–164). Слоговые границы в германских языках, таким образом, не обязательно совпадают с морфологическими: dōm-eis, wand-eis. От видения слоговых границ и их соотношения с морфемным членением, конечно, зависит трактовка слогов как тяжелых или легких (Ibid.: 163).

Рассматривая вопрос о частотности различных сегментных просодических единиц в текстах, Ю. К. Кузьменко (Ibid.: 141), говорит о следующих типах слогов: CV̆C, CV̆CC, CV̄C, CV̄CC. Все эти типы слогов представлены в древнеисландском языке: CV̆C (guð «бог», lof «слава») , CV̆-CV̆(C) (staði, acc. pl. от staður «место»; himin «небо»), CV̆C-CV̆ (hverjum, dat. sg. от hverr «кто; любой, каждый»; skepna «животное, живое существо»), CV̆CC (jörð «земля», guðs, gen. sg. от guð «бог»; ferð «поездка» skjótt, nom. sg. от skjótr «быстрый, стремительный»), CV̆CC-CV̆ (offra «предлагать, дарить»; þrennra, gen. pl. m., f., n. от þrennr «тройной»); CV̄C, (tál, n. «соблазн, обман», leið «путь, дорога»), CV̄-CV̆ (sólar, gen. sg. от sól солнце», síðan, adv. «с тех пор»), CV̄CC (ást, «любовь», lífs, gen. sg. от líf «жизнь»; dýrð «слва», brjóst «грудь»), CV̄CCC (sjálfr «сам», austr, adv. «на восток», váttr «свидетель», meiddr, pp. (nom. sg.) от meiða «повреждать, портить»). Последний тип CV̄CCC не попадает в поле зрения Кузьменко в указанной работе, но, возможно, его и не было, поскольку сложные консонантные группы всегда имеют тенденцию к упрощению.

Эту точку зрения на слогоделение разделяет Кристьян Ауртнасон (2007; 2011); принимая ее, мы констатируем иррелевантность слогоделения для хендингов. Примеры, аналогичные приведенным выше, неисчислимы:

А. Граница одного из хендингов совпадает со слоговой границей (в случае односложных слов):

[6] Ссылки на исследования прошлых лет, где аллофоническое варьирование сонантов (закон Зиверса) рассматривается в связи со слоговыми границами, см. в указанной работе Клейнера (Клейнер 2017: 160–161).

• gr*amr* fyr skǫrpum h*am-r*i (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 18.6)

(граница первого хендинга совпадает со слоговой границей, а граница второго хендинга не совпадает со слоговой границей, совпадая с границей экспонента морфемы)

• Móðǫflugr r*æð*r m*æð-r*a (Úlfr Uggason, *Húsdrápa* 2.5)

(граница первого хендинга совпадает со слоговой границей, а граница второго хендинга не совпадает со слоговой границей, но совпадает с границей экспонента морфемы)

В. Границы обоих хендингов не совпадают со слоговыми границами:

• hjalmf*al-d*inn því v*al-d*a (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 3.4)

• v*ar-n*endr goða f*ar-n*ir (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 4.8)

Языковой материал, рассмотренный в разделах 2–3, говорит о том, что как бы ни понимался слог, слоговые границы иррелевантны для хендингов.

IV. Хендинги и экспоненты морфем

Говоря о хендингах, О. А. Смирницкая пишет следующее: «дротткветт оперирует не чисто просодическими единицами — слогами, а просодическими экспонентами морфем, т.е. единицами фономорфологического уровня» (Смирницкая 2008: 223). Отношение хендингов к морфемным границам и словоразделам явствует из примеров, приведенных ниже.

А. Хендинги и морфемная структура слова

1) Граница хендинга совпадает с границей экспонента морфемы

• br*ýn*t skreið til vánar (Haraldr harðráði Sigurðarson, *Gamanvísur* 2.3)

• horna s*und* at h*end*i (Egill Skallagrímsson, *Lausavísur* 38.3)

• h*el*nauð es þat h*yl*ja (Egill Skallagrímsson, *Lausavísur* 10.7)

2) Хендинг не доходит до границы экспонента морфемы

• Kannk s*ig*rviðum s*eg*ja (Sigvatr Þórðarson, *Nesjavísur* 1.5) (первый хендинг не доходит до границы экспонента морфемы, в слове sigr «победа» -r- принадлежит корню, а граница дополнительного хендинга совпадает с границей экспонента корня)

• m*org*un, Rúðub*org*ar (Sigvatr Þórðarson, *Nesjavísur* 1.2)

«утро, Руана[7] (gen. sg.)» (первый хендинг не доходит до границы экспонента морфемы (morgun), а граница второго хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• leikbl*að*s Regin fj*að*rar (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 12.6) (граница первого хендинга совпадает с границей экспонента морфемы, а второй хендинг не доходит на границы экспонента морфемы; -r- в слове fjǫðr «перо» принадлежит корню)

• *áð*r ór hneigihl*ið*um (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 20.1) (первый хендинг не доходит до границы экспонента морфемы, *áð*r, нар. «уже, скоро»)

• þess vas grams) und gǫmlum (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, *Magnússdrápa* 19.3.)

3) Хендинги на морфемных швах

• S*uðr*vík Dǫnum k*uðr*i (Sigvatr Þórðarson, *Víkingarvísur* 4.8)

(граница первого хендинга совпадает с границей экспонента морфемы, а дополнительный хендинг переходит через морфемный шов в словоформе)

• br*agð*víss at þat l*agð*i (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 5.6) (граница первого хендинга совпадает с границей экспонента морфемы, а дополнительный хендинг переходит через морфемный шов в словоформе)

• svá g*ørð*um vér sv*erð*a (Þórarinn svarti máhlíðingr Þórólfsson, *Máhlíðingavísur* 5.5)

(первый хендинг переходит через морфемный шов в словоформе, а граница дополнительного хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• m*ǫgr* hafnýra f*ǫgr*u (Úlfr Uggason, *Húsdrápa* 2.6) (первый хендинг переходит через морфемный шов в словоформе, а граница дополнительного хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• þás h*ofr*egin h*afr*ar (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 15.5) (первый хендинг переходит через морфемный шов в композите, а граница дополнительного хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• hj*ǫrl*autar kom S*ǫrl*a (Einarr skálaglamm Helgason, *Vellekla* 30.4)

(первый хендинг переходит через морфемный шов в компози-

[7] Rúðu-borg, f. Руан (город в Нормандии).

те, а граница дополнительного хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• Afk*arl*ig varð j*arl*a (Arnórr jarlaskáld Þórðarson, *Magnússdrápa* 51) (первый хендинг переходит мерфемный шов, а граница второго хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

• h*err*unnr hǫfnum fj*arr*i (Hallar-Steinn, *Rekstefja* 14.7) (оба хендинга переходят морфемные швы)

• hv*atl*yndum Þork*atl*i (Hallar-Steinn, *Rekstefja* 29.5) (первый хендинг переходит мерфемный шов, а граница второго хендинга совпадает с границей экспонента морфемы)

B. Хендинги на словоразделах

• þ*á v*á Þórsteinn h*ôv*an (Haukr Valdísarson, *Íslendingadrápa* 23.7)

• þ*á r*auð þegn í dr*eyr*a (Haukr Valdísarson, *Íslendingadrápa* 13.3.)

• s*á r*éð síns of hl*ýr*a (Haukr Valdísarson, *Íslendingadrápa* 17.5)

• tr*ú þ*ás tóksk með l*ýð*um (Guðmundr Svertingsson, *Hrafnsdrápa* 8.7)

• S*eg þ*ú at vatn þat er v*ígð*i (Einarr Gilsson, *Guðmundarkvæði* 11.1)

C. Особый случай (краткие двусложники)

Краткие двусложники любопытны с точки зрения структуры рифмующих экспонентов, в состав которых может включаться первый или второй слог слова.

• en sunr b*ið*ils sv*ið*nar (Þjóðólfr ór Hvini, *Haustlǫng* 13.3) (первый хендинг захватывает не весь корень)

• Að*al*ráðr farar dv*al*ði (Gunnlaugr ormstunga Illugason, *Lausavísur* 10.6)

Если в последнем примере рифмуют не *al: al*, а *að*l: *alð*, то это случай следующего типа, когда несинкопированный гласный второго слога не учитывается рифмой:

• Egill fekk unda gagli (Haukr Valdísarson, *Íslendingadrápa* 10.1) (рифма *egl: gagl*)

• Ætla á Hamar, þvíat, humra (Einarr Gilsson, *Selkolluvísur* 13.1)

В последнем примере мы предполагаем рифму h*amr*: h*umr* с учетом синкопы в словоформе humra (humurr, m. «омар, лобстер»).

Языковой материал, рассмотренный в разделах 2-4, говорит об иррелевантности слоговых и морфемных границ для хендингов, что явствует и из примеров Снорри. Вернувшись к его описанию хендингов, нетрудно увидеть, что лишь в двух (из четырех) случаев экспоненты, называемые им *samstǫfur* (f., pl.), совпадают с

сегментной структурой соответствующих слогов: *jǫrð*, f. «земля, страна», (frið)-*rofs* «нарушения (мира)» (gen. sg. от frið-rof, n.,-s «нарушение мира»). В двух других случаях такого совпадения нет: f*yr-ð*ir, pl. «мужи» (поэтизм), *of-s*a < ofsi, m. «насилие; буря, шторм» > «битва». Об иррелевантности морфемных границ для экспонентов, называемых *samstǫfur,* говорит то, что в случае (frið)r*of-s* (где -s показатель gen. sg.) экспонент переходит через морфемный шов, захватывая грамматический показатель, в то время как окончание дополнительного хендинга *ofs*a совпадает с границей экспонента корня.

V. Акцентно-звуковая структура фьордунга

Снорри не случайно пишет о связи аллитерации и хендингов с ритмической организацией поэтической речи (см. цитату в начале статьи). Ритмика фьордунга — это акцентная структура (чередование ударных и безударных слогов), формирующаяся во взаимодействии словесного и фразового ритма. Звуковая организация скальдического стиха не существует в отрыве от его акцентной структуры и подчеркивает ее, делая более рельефными акцентные контуры фьордунга, основной структурной единицы скальдического стиха. Приведенные в начале работы рассуждения Снорри не расходятся с таким пониманием акцентной структуры фьордунга.[8]

[8] Говоря о ритмике фьордунга Кристьян Ауртнасон (Kristján Árnason 2007: 110–111), описывает ее словом *контрапункт* (букв. «точка против точки»). В музыке, где латинское слово давно стало термином, теория контрапункта говорит о принципах соединения мелодий (тем) в музыкальном произведении; полифония создается одновременным звучанием нот разных мелодий, при этом одновременно звучащие ноты разделены определенным интервалом (например, терцией), и нота одной мелодии буквально находятся напротив ноты другой мелодии, ср. лат. «точка против точки»). Взаимодействие фразового и словесного ритма во фьордунге не создает контрапункта: в случае, когда позиции аллитерации и хендингов различаются, акцентом выделены разные слоги (которые в силу линейности речи не произносятся одновременно и не противопоставлены), когда позиции аллитерации и хендингов совпадают, акцентом выделен один слог, у которого нет никакого коррелята («точки напротив»).

Важным аспектом акцентного принципа является просодический вес слова (степень его акцентного выделения во фразе). Просодический вес слова непосредственно связан с его грамматическим разрядом (Sievers 1893: 41–46; Heusler 1956: 106–108; Kuhn 1983: 113–124; Gade 1995: 37–38). Применительно к скальдическому стиху нельзя говорить о метрических рангах слов, поскольку аллитерацией нередко выделяется слово низкого метрического ранга, однако в целом, за исключением случаев намеренной деформации скальдом естественной структуры речи, скальдический стих не отвлекается от просодического веса слов, которому в эддическом стихе соответствуют метрические ранги.

Аллитерация, созвучие инициалий слов (в отличие от инициалий корневых морфем в германском акцентном стихе), подчеркивает выделение слова в речи (у Снорри это буквально — «разграничение речи», то есть выделение слов в речи), указывая на него исследователю. В скальдическом стихе естественные просодические контуры речи, канонизированные аллитерационным стихом, могут быть деформированы, то есть акцент может выделять слово с низким просодическим весом (Смирницкая 1994: 348).

Хендинг, созвучие, в состав которого входит гласный ударного слога, подчеркивает выделение слога в слове или — в случае односложного слова — слова в речи, дополняя тем самым фразовый ритм. Как отмечает О. А. Смирницкая (Смирницкая 1994: 351 ff.), просодическая структура слова может быть деформирована скальдом, акцент может сдвигаться на слог, являющийся безударным в слове как единице словаря.

В указанной работе О. А. Смирницкая связывает хендинги со структурой строки (*vísuorð*) и считает, что основной функцией хендингов было скрепление разорванных частей строки (клаузулы с основным фрагментом строки) (Смирницкая 1994: 389). Смирницкая, кроме того, полагает, что метрическая схема дроттквета находит завершение в строке (Ibid. 357). Однако учитывая взаимодействие словесного и фразового ритма во фьордунге, о котором пишет Смирницкая в цитируемой работе, естественно было бы считать фьордунг той структурной единицей стиха, в рамках которой реализуется акцентно-звуковой принцип дроттквета, тем более что разграничение хендингов (различие между скотхендин-

гами и адальхендингами, связанными с разными строками фьордунга) противопоставляет строки фьордунга.

Акцентно-звуковой принцип, реализующийся во фьордунге, взаимодействует с силлабо-квантитативным принципом, который заключается в счете слогов с учетом их долготы или краткости. Силлабо-квантитативный принцип реализуется в строке (vísuorð).

Говоря о поэтической речи скальдов, необходимо иметь в виду, что результатом взаимодействия двух указанных принципов (силлабо-квантитативного и акцентно-звукового) является просодический вес слога, то есть соотношение между сегментной структурой слога (долготой и краткостью), степенью его акцентного выделения в слове и просодическим весом (степенью акцентного выделения во фразе) того слова, в состав которого входит слог. Для скальда имел значение именно просодический вес слога.

5.1. Аллитерация и фразовый ритм фьордунга

В отличие от аллитерационного стиха ритмика фразы в скальдическом стихе не обязательно совпадает с естественной просодикой исландской речи: в скальдическом стихе акцент может выделять не только полнозначные слова, но и слова, не несущие на себе фразового ударения за рамками поэтического языка скальдов. Это служебные слова, не обладающие просодическим весом, а также указательные и личные местоимения, не несущие на себе фразового ударения за исключением случаев эмфазы. О. А. Смирницкая отмечает, что «метрические ударения часто не мотивированы в дротткветте, т.е. выделяют слова безотносительно к их значимости» (Смирницкая 1994: 348) (далее приводятся примеры выделения аллитерацией указательных местоимений, а также глаголов *hafa* и *vera* в функции связок). В примерах, которые приводит О. А. Смирницкая в указанной работе, выделение аллитерацией глаголов-связок *hafa* и *vera*, действительно, не мотивировано, однако в поэзии скальдов есть другие случаи, когда выделение аллитерацией служебных слов облегчает восприятие синтаксической структуры и, соответственно, смысловых связей во фьордунге.

Рассмотрим хельминг из «Вис Берсёгли» Сигвата Тордарсона, где аллитерация указывает на выделение предлога *af*:

Þjóð helt fast á fóstra
fjǫlblíðs lǫgum síðan
(**e***nn* eru **a**f þvís m*inn*ir)
Aðalst*ein*s (búendr s*ein*ir)

Síðan þjóð helt fast á lǫgum fjǫlblíðs fóstra **A**ðalst*ein*s; búendr eru enn seinir af því´s minnir.

Позднее люди твердо придерживались законов весьма дружелюбного *воспитанника Эдельстана* (> *Хакона*); бонды до сих пор не спешат отказываться от того, что помнят.

Sigvatr Þórðarson. *Bersǫglisvísur* 5.5–8. https://skaldic.org/m.php?p=text&i=1352

В данном случае выделение предлога акцентом и аллитерацией связано не только с формированием акцентной структуры фьордунга, оно облегчает восстановление синтаксической и семантической структуры фьордунга, подчеркивая в том числе, что абсолютивному употреблению предлога *af* сопутствует эллипсис инфинитива: *at göra af e-u* «расставаться с чем-то» (Cleasby 1957: 5).

Во фьордунге из «Выкупа головы» Оттара Черного аллитерацией выделены личное и указательное местоимения.

Nú ræðr **þ**ú fyr **þ**eiri
(**þ**ik remmir goð miklu)
fold, es forðum heldu
fimm bragningar (gagni).

Nú ræðr þú fyr þeiri fold, es forðum heldu fimm bragningar; þik remmir goð miklu gagni.

«Теперь ты правишь той землей, которой прежде владели пять лучших конунгов; Бог укрепляет тебя великой победой».

Óttar svarti. Hǫfuðlausn 19.1–4 https://skaldic.org/m.php?p=text&i=1340

Представляется, что в данном случае трудно было бы спорить с семантической функцией акцентного выделения, поддерживаемого аллитерацией; Оттар под страхом смерти обращается непосредственно к Хакону и говорит о том, что велик именно Хакон, о том, что в актуальной ситуации именно он является правителем (nú ræðr **þ**ú) и правит именно той землей (**þ**eiri fold), которой прежде владели целых пять конунгов. Драпа не просто адресована Хакону,

от речевого поведения Оттара зависит его жизнь, и выделение аллитерацией личных и указательного местоимений как нельзя лучше соответствует стремлению скальда установить личный контакт с правителем, выразить ему свое почтение (вероятно, мнимое) и всячески подчеркнуть его величие и исключительность.

Семантика и функции акцентного выделения, безусловно, не самый любопытный аспект скальдической поэзии, поэтому он не обращает на себя внимания, но в поэзии скальдов немало случаев, когда аллитерация связана с выделением слов, структурно или семантически значимых в непосредственном контексте. Служебные слова (как правило, предлоги) не только не являются исключением, напротив, именно их выделение акцентом указывает на синтаксическую и смысловую структуру текста, облегчая его восприятие. Разумеется, просодическое выделение слова в поэзии скальдов не сопоставимо с просодическим весом слов разных грамматических разрядов, отражающимся в метрических рангах германского аллитерационного стиха. Метрический ранг слова не обусловлен контекстом, он характеризует слово как единицу поэтического языка, это константа; акцентное выделение семантически значимого слова в поэзии скальдов — это функция акцента, указывающего на значимость слова в отдельном контексте, но не характеризующего слово как единицу поэтического языка. Поэзия скальдов исключительно перформативна, для нее существует только актуальное настоящее, непосредственный контекст, этой спецификой поэзии скальдов определяются, в частности, функции акцентов, поддерживающихся аллитерацией.

5.2. Хендинги и просодика слова в поэтической речи

Как отмечает О. А. Смирницкая (Смирницкая 1994: 351 ff.), просодическая структура слова может быть деформирована скальдом, акцент может сдвигаться на слог, являющийся безударным в слове как единице словаря. Как правило (не всегда) сегментная структура слога, на который переносится акцент, поддерживает перенос, и с точки зрения сегментной структуры такой слог является долгим. Чаще всего акцент переносится на второй компонент композитов или на тяжелый суффикс производных слов. Между тем акцентная структура композитов и производных слов с тяжелыми суффиксами зависит от контекста не только в поэтическом

языке скальдов. При акцентном выделении вторых элементов композитов, на которое указывает хендинг, не всегда можно уверенно говорить о просодической деформации слова.

5.2.1. Просодическая деформация сложного и производного слова.

Тяжелые суффиксы приравнивается в поэзии скальдов ко вторым элементам композитов и могут быть выделены акцентом. В следующей висе Сигвата хендинги указывают на акцентное выделение суффикса -and- в словоформе þrettanda (Þrett*and*a: Þr*œnd*a). Контекст (акцент и аллитерация на первой позиции и глагольная словоформа *vann* с низким просодическим весом в позиции перед клаузулой) говорит не о переносе акцента на второй слог, а только о некотором усилении второстепенно-ударного долгого слога, в результате чего в краткой строке формируется просодическая структура, аналогичная D^2-стиху. Во втором хельминге висы Сигват употребил топоним Gunnvaldsborg, тройной композит, в котором акцент выделяет не только первый компонент (это подчеркнуто аллитерацией), но и последний, на что указывает хендинг (Gunnvaldsb*org*: m*org*in). В данном случае ничто не говорит о переносе акцента, и скальд сохраняет естественную просодическую структуру композита.

Þrett*and*a vann **Þ***rœnd*a
— **þ**at vas flótta bǫl — dróttinn
snjallr í Seljupollum
sunnarla styr kunnan.
Upp lét **g**ramr í **g**amla
Gunnvaldsb*org* of m*org*in
— Geirfiðr hét sá — gǫrva
gengit, jarl of fenginn.

Snjallr dróttinn Þrœnda vann þrettanda kunnan styr sunnarla í Seljupollum; þat vas bǫl flótta. Gramr lét gǫrva gengit upp í gamla Gunnvaldsborg of morgin, jarl of fenginn; Geirfiðr hét sá.

«Храбрый конунг людей из Тронда (= конунг Олав) выиграл тринадцатую знаменитую битву на юге, в Сельюполларе; это стало бедствием для тех, кто бежал. Утром конунг приказал всему войску отправиться в старый Гуннвальдсборг, (и схватил) ярла; его звали Гейрфид».

Sigvatr Þórðarson. Víkingarvísur 13. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3840&v=&x=0

5.2.2. Деформация просодической структуры имен собственных

Деформация просодической структуры имен собственных всегда заметна. В двух следующих примерах хендинги сопутствуют акцентной деформации имен Hákun и Magnúss, но это разные случаи. Перенос акцента на безударный слог в имени Hákun не мотивирован, чего нельзя сказать о просодической модификации имени Magnúss. Вероятно, Сигват напоминает слушателям о французских корнях имени. В этой связи полезно вспомнить рассказ об имянаречении Магнуса, сына конунга Олава Святого, о чем рассказывается в 122 главе «Саги об Олаве Святом». По свидетельству саги, имя конунгу Магнусу дает именно Сигват Тордарсон, автор рассматриваемых здесь вис, он же объясняет в саге выбор имени и говорит конунгу Олаву: „Ek hét hann eptir Karla-Magnúsi konungi. Þann vissa ek mann beztan í heimi“ (Ólafs saga Helga 2002: 210). «Я назвал его в честь конунга Карла Великого, я знаю, что он самый лучший муж на всем белом свете». Французский вариант имени: Carolus magnus (Карл Великий). Вероятно, французским происхождением имени Магнус объясняется долгота и возможность окказионального акцентного выделения второго слога (не только в поэтической речи).

Hét, sás fell á Fitjum,
fjǫlgegn, ok réð hegna
heiptar rán, en **h**ônum,
Hôk*un*, firar *un*nu.

Hôkun, sás fell á Fitjum, hét fjǫlgegn ok réð hegna heiptar rán, en firar unnu hônum.

«Хакона, павшего на лугу Фит, называли самым справедливым, и он наказывал за грабежи, но люди его любили».

Sigvatr Þórðarson. Bersǫglisvísur 5. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3764&v=&x=0

Oss dugir Ôleifs messu — jǫfur magnar goð — fagna **m**einalaust í **m**ínu **M**agn*ús*s fǫður h*ú*si.	Dugir oss fagna meinalaust messu Ôleifs, fǫður Magnúss, í húsi mínu; goð magnar jǫfur. Нам (=мне) подобает безгрешно встречать в моем доме праздник Олава, отца Магнуса, когда читают его мессу; Бог укрепляет правителя».

Sigvatr Þórðarson. Erfidrápa Ólafs helga 25. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3869&v=&x=0

5.2.3. Поддержка хендингом акцентного выделения односложного слова

Выделение акцентом односложного слова может поддерживаться одновременно как аллитерацией, так и хендингом. При позиционном совпадении с аллитерацией хендинг самодостаточен, он нужен только для рифмы, и у него нет других функций.

Fór í fylking þeira framm (iðrask nú) miðri — snarir fundusk þar — Þrœnda (þess verks búendr) merki.	Merki Þrœnda fór framm í miðri fylking þeira; snarir fundusk þar; búendr iðrask nú þess verks. «Люди (= воины) Тронда несли знамя в середине своих рядов; там встречались отважные люди; теперь фермеры сожалеют об этом поступке».

Sigvatr Þórðarson. Erfidrápa Ólafs helga 1. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3772

При несовпадении позиций хендинга, выделяющего односложное слово, с позицией аллитерации хендинг, вероятно, не способствует дополнительному выделению такого односложного слова во фразе. В примере ниже хендинги сопутствуют акцентам, выделяющим односложные слова þeir и keypt: (þ*eir*: **f***ár*i) и (k*eypt:* **h***eipt*ir). Сомнительно, однако, что акценты, на которые указывают хендинги, существенно меняют просодический вес этих слов в контекте, скорее слова выделяются естественным об-

разом на фоне окружения: указательное местоимение þeir обладает бóльшим просодическим весом, чем глагол *hafa* в качестве связки (hafa keypt «обменялись»). Односложная словоформа keypt —это причастие II от глагола kaupa, и все известные классификации слов по их просодическому весу указывают на то, что причастия II, наряду с существительными и прилагательными, обладали самым высоким просодическим весом (см. ссылки в начале раздела V). В окружении двух безударных слогов причастие II должно было хорошо выделяться во фразе, оно не требовало дополнительного выделения. Хендинги последней строки фьордунга указывают также на просодическую деформацию имени Хакон (Hôkun), где акцент перенесен на второй слог (**H**ôk*un*: m*un*di).

Þ*eir* hafa **f**yrr af **f***á*ri
— **fr**amts Eireks kyn — meira
hǫfðum k*eypt* an **h***eipt*ir
Hôk*un* saman m*un*di.

Þeir hafa fyrr keypt hǫfðum af fári, meira an Hôkun mundi saman heiptir; kyn Eireks [e]s framt.

«Ранее они уже сталкивались лбами в ярости, степень их вражды была больше, чем Хакон был в состоянии погасить; родич Эйрика (= Хакон) — выдающийся (человек)».

Sigvatr Þórðarson. Vestfararvísur 4. 5-8. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3854&v=&x=0

5.2.4. Разрушение просодических контуров КС в дротткветте

Закономерным следствием словесных экспериментов скальдов, намеренно нарушающих естественные просодические контуры речи, являются краткие строки, которые не оправдали бы просодических ожиданий Э. Зиверса, отразившихся в вероятностных контурах КС аллитерационного стиха (A, B, C, D, E). В следующей висе Сигвата хендинг указывает на акцентное выделение второго компонента в композите *einǫrð*, которому никак не способствует словоформа lætr (глагол láta), поскольку глаголы — это слова с низким просодическим весом, и долгий слог не меняет существенным образом их слабую выделенность в речи. Краткосложная словоформа *fé* в слабой предклаузульной позиции, не допускающей долгосложных существительных (по правилу Крейги (Craigie 1900)),

выделена аллитерацией, что также не способствует переносу акцента на второй компонент композита *einǫrð* «верность, преданность». Контекст композита *einǫrð* позволяет уверенно говорить о просодической деформации естественных контуров речи ради рифмы, но результатом игры скальда оказывается крайне неуклюжая краткая строка со стыком ударений на третьей и четвертой позициях, указывающим на безударность первой и второй позиций, иначе в строке было бы три ударных позиции вместо двух допустимых.

Rôð eru ljót, ef láta landsmen konung þenna lætr ein*ǫrð* **f**é **f***irrð*a **f**erð — liðþrota verða.	Rôð eru ljót, ef landsmenn láta þenna konung verða liðþrota; fé lætr ferð firrða einǫrð. «Наши перспективы будут неприглядными, если соотечественники этого короля позволят ему остаться без войска; нажива лишает людей верности».

Sigvatr Þórðarson. Lausavísur 16.5-8. https://skaldic.org/m.php?p=verse&i=3869&v=&x=0

Скальды, без сомнения, хорошо знали просодические контуры эддического стиха, но отнюдь не гнушались их разрушением, поэтому не стоит ждать от краткой строки дротткветтa, предшествующей клаузуле, обязательного соответствия просодическим контурам эддической КС.

5.3. Поддержка делимитации текста аллитерацией и хендингами

Как отмечалось в начале раздела V, акцентно-слоговая структура фьордунга является результатом реализации двух принципов, силлабо-квантитативного и акцентно-звукового. Взаимодействием этих принципов определяются не только просодические контуры фьордунгов, но и членение фьордунгов на соотносимые отрезки (которые в речи не выглядят как строки).

Силлабо-квантитативный принцип, с одной стороны, регламентирует количество слогов в строке, с другой стороны, он требует

заполнения клаузулы долгосложным словом любого грамматического разряда (Gade 1995: 35) (ср. (Смирницкая 2008: 223)). Акцент *всегда* выделяет первый ударный слог в долгосложном слове, заполняющем клаузулу; хендинг *всегда* отмечает такой ударный слог, тем самым функция акцентно-звукового выделения клаузулы заключается в делимитации стихотворного текста.

Долгий слог (или краткий двусложник), заполняющий первую ударную позицию второй строки фьордунга, *всегда* выделен акцентом, и поскольку такой ударный слог *всегда* отмечен аллитерацией (позиция ключевой аллитерации), функцией акцентно-звукового выделения первой ударной позиции во второй строке фьордунга является делимитации текста.

Таким образом, акцентно-звуковая структура стиха связана с делимитацией стихотворного текста, его членением на соотносительные отрезки.

Hr*æddr* fór hjǫrva r*add*ar
h*err* fyr malma þv*err*i;
róg*eis*u gekk r*æs*ir
ráðst*erk*r framar m*erk*jum.
G*err*a gramr í sn*err*u
geirv*íf*a sér hl*íf*a,
hinns *yfr*inn gat, j*ǫf*ra,
óls kv*án*ar byr m*án*a.

Herr fór hræddr hjǫrva r*add*ar fyr þv*err*i malma; ráðsterkr ræsir rógeisu gekk framar merkjum. Gramr j*ǫf*ra g*err*a sér hl*íf*a í sn*err*u **g**eirv*íf*a, hinns gat *yfr*inn byr kv*án*ar m*án*a **ó**ls*.

*m*án*a **ó**l = jötunn [Morður Árnason 2007: 737].

Войско шло в ужасе от голосов мечей (битвы) перед тем, кто уничтожал оружие из металла (воин = Хакон); зачинщик огня раздора (меч > воин = Хакон) шел вперед, сильный советом (> мудрый), впереди знамен. Предводитель воинов (= Хакон) под натиском жен с копьями (= валькирий > битвы), тот, кто достиг великого попутного ветра жены недуга луны (великан > великанша > разум).

Guthorm sindri. Hákonardrápa 8.1. https://skaldic.org/m.php?p=text&i=1216

5.4. Просодические контуры поэтической речи скальдов

Акцентный контур фьордунга формируется во взаимодействии просодики фразы, в общем случае не совпадающей с естественным фразовым ритмом, и просодики слова, в том числе искусственно создаваемой скальдом; на просодическую структуру фьордунга исследователю указывают аллитерация и хендинги, сопутствующие ударным позициям в стихе. Указания аллитерации и хендингов на акцентное выделение слогов не всегда достаточны для определения акцентной структуры фьордунга, в таких случаях необходимым дополнительным критерием является просодический вес соответствующих слов и слогов.

Просодические контуры поэтической речи скальдов несходны. Многие скальды не были склонны к деформации естественной просодики слова в поэтической речи, но Сигват Тордарсон, блистательный и весьма интересный своими экспериментами скальд, явно получал удовольствие от игры в просодическую деформацию слова и фразы. Вне зависимости от индивидуальных склонностей скальдов аллитерация и хендинги всегда являются признаками ударных слогов и позволяют исследователю судить о просодической структуре слов и фьордунга, включая случаи переакцентуации. Вместе с тем мысль о том, что хендинги являются инструментом переакцентуации слова (Смирницкая 1994: 349) вызывает сомнения, переакцентуация слова (перенос ударения на безударный слог) сама по себе не требует рифмы и не является функцией хендинга, скорее наоборот, переакцентуация происходит в угоду рифме, и рифма как аспект акцентно-звукового принципа скальдического стиха оправдывает перенос ударения на слог, являющийся безударным в слове как словарной единице.

VI. Структурные принципы и единицы скальдического стихосложения

Как отмечалось в разделе V, в основе скальдического стихосложения лежат два принципа, которые взаимодействовали в поэтической речи скальда: 1) акцентно-звуковой принцип и 2) силлабо-квантитативный принцип.

1. *Оперативной единицей* скальда, необходимой для реализации акцентно-звукового принципа, является *слог*. *Структурной*

единицей скальдического стиха, в рамках которой реализуется акцентно-звуковой принцип, является фьордунг.

2. Силлабо-квантитативный принцип мы подробно рассматриваем в другой работе, здесь же отметим только то, что силлабо-квантитативный принцип — это счет слогов в строке с учетом их долготы или краткости.

Оперативной единицей скальда, необходимой для реализации силлабо-квантитативного принципа, является *слог*. *Структурной единицей* скальдического стиха, в пределах которой реализуется силлабо-квантитативный принцип, является строка (vísuorð).

Несмотря на то, что *samstafa* у Снорри — это не слог, а экспонент, в состав которого входит гласный и следующие за ним согласные (один или несколько), очевидно, что подсчет подобных экспонентов всегда соответствует количеству гласных и, стало быть, количеству слогов в строке, не препятствуя слогосчитанию, одному из аспектов силлабо-квантитативного принципа. Опосредованный счет слогов оправдан, если вопрос о слоговых границах не рассматривается или не решен, что в данный момент едва ли относится к вопросу о слогоделении в древнегерманских языках.

VII. Заключение (акцентно-звуковая организация дротткветта)

Результатом взаимодействия силлабо-квантитативного и акцентно-звукового принципов в поэтической речи скальда была просодическая структура поэтической речи, то есть последовательность слогов, обладавших разным просодическим весом. Просодический вес слога — это результат взаимодействия трех факторов: 1) сегментной структуры слога (его долготы или краткости), 2) степени акцентного выделения слога в слове и 3) просодического веса слова, то есть степени его акцентного выделения в речи. В поэтической речи скальдов просодический вес слогов мог быть как естественным, так и искусственным; искусственный просодический вес слога был результатом намеренной деформации скальдом естественных просодических контуров речи. Вне зависимости от подобной деформации аллитерация и хендинги отмечают слоги с наибольшим просодическим весом в стихе. Стихосложение, конечно, не было процессом измерения просодического веса слогов, искусный скальд чувствовал просодику речи интуитивно.

Говоря об аллитерации и хендингах в первом разделе работы, мы не отвлекались от того, что звуковая организация скальдического стиха лишь дополняет его акцентную структуру, в основе которой лежит *слог,* поскольку слог является носителем акцента. Как аллитерация, так и хендинги требовали акцентного выделения слогов, в противном случае звуковые повторы не были бы слышны и не воспринимались бы аудиторией. Акцентно-звуковое выделение слогов не лишено структурной функции в стихе, фиксированные позиции аллитерации и хендингов подчеркивают акцентное выделение первого слога клаузулы, завершающей каждую строку фьордунга, и первого слога второй строки фьордунга; таким образом, структурная функция акцентно-звукового выделения названных позиций во фьордунге заключается в делимитации стихотворного текста (висы), иными словами — в членении поэтической речи на соотносительные отрезки.

Акцент — это межуровневый фактор (не только в поэзии скальдов), и акцентному выделению слога всегда сопутствует выделение морфемы, сопряженной со слогоносителем; в древнеисландском языке это чаще всего корень слова. Рифмующие экспоненты (хендинги), начинающиеся с выделенного акцентом слогоносителя (гласного), неизбежно пересекаются с экспонентами морфем, выделенных тем же акцентом, совпадая с ними в той или иной степени. Однако регулярные случаи неполного совпадения границ хендингов с границами экспонентов морфем, включая случаи перехода хендингов через морфемные швы и (реже) через словоразделы, говорят о том, что морфемная структура слова иррелевантна для акцентно-звуковой организации скальдического стиха. Скальд неизбежно оперировал всеми единицами *древнеисландского языка*, но ни морфемы, ни их экспоненты не были оперативными единицами *скальдического стиха*. Соблюдение рифмы требовало от скальда постоянного анализа звукового состава речи, такой анализ не ограничивался экспонентами морфем.

Оперативными (не инвентарными) единицами скальдического стиха были просодические единицы, *слоги*.

Литература

Глебова Д. С., Успенский Ф. Б. 2024: *Первый грамматический трактат*. М.: Изд-во МЦНМО.

Клейнер Ю. А. 2018: *Очерки по общей и германской просодике* / Отв. ред. Н.Д. Светозарова. Санкт-Петербург: «Наш Университет».

Кузьменко Ю. К. 1991: *Фонологическая эволюция германских языков.* Л.: Наука.

Либерман А. С. 1971: *Исландская просодика.* Л.: Наука.

Смирницкая О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии.* Т. I–II. М.: Филология.

Смирницкая О. А. 2008: Поэтика и лингвистика скальдов. В кн.: Смирницкая О. А. *Избранные статьи по германской филологии.* М., 219–230.

Boer, R. C. 1927: Om kommentaren til Háttatal. In: *Arkiv for Nordisk Filologi* 43 (1927): 262–309.

Cleasby R., Vigfusson G. 1957: *An Icelandic-English Dictionary.* Oxford: Clarendon Press.

Craigie W. 1900: On some points in Skaldic Metre. In: *Arkiv for Nordisk Filologi* 16 (1900), 341–384.

Faulkes A. 1999: *Snorri Sturluson. Edda. Háttatal* / Ed. by Anthony Faulkes / Viking Society for Northern Research. Exeter: Short Run Press Ltd.

Finnur Jónsson 1929: Skjaldekvad. In: *Arkiv for Nordisk Filologi* 45 (1929), 127–149.

Gade Kari Ellen 1995: The Structure of Old Norse Dróttkvætt Poetry. In: *Islandica XLIX.* Cornel University Press: Ithaca and London.

Heusler A. 1956: *Deutsche Versgeschichte mit Einschluss des altenglischen und altnordischen Stabreimverses.* Berlin: W. De Gruyter.

Hrein Benediktsson 1972: *The First Grammatical Treatise. Introduction, text, notes, translation, vocabulary, facsimiles.* Reykjavík: Institute of Nordic Linguistics.

Kleiner Y. 2017: The Syllable according to Aristotle. In: *Histoire Épistémologie Langage* 39/1 (2017), 137–153.

Kristján Árnason 2007: On the Principles of Nordic Rhyme and Alliteration. In: *Arkiv for Nordisk Filologi* 122 (2007), 79–114.

Kristján Árnason 2011: *The Phonology of Icelandic and Faroese.* Oxford: University Press.

Kuhn H. 1983: *Das Dróttkvætt*. Heidelberg: C. Winter.

Myrvoll Klaus Johan 2016: The constitutive features of the dróttkvætt metre. In: Approaches to Nordic and Germanic Poetry. Ed. by Kristján Árnason (et al.) / Publisher Institute of Linguistics. Reykjavík: University of Iceland Press.

Mörður Árnason 2007: *Íslensk orðabók*. Reykjavík: Edda.
Ólafs saga helga 2002: Ólafs saga helga. In: Heimskringla II. Útg. Bjarni Aðalbjarnarson. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 2002.
Sievers E. 1893: *Altgermanische Metrik*. Halle: Max Niemeyer.

Д. Д. Пиотровский

Неизвестная дочь Пипина Короткого

Аннотация. Статья посвящена фарерской балладе «Песнь об Оулуве» (Óluvu kvæði) — первому тексту на фарерском языке, записанному в орфографии В.У. Хаммерсхайма, которая используется и поныне. Рассматриваются литературные источники баллады, восходящие через исландскую и норвежскую традиции к французской жесте XII века «Доон де ла Рош», а также ее сюжетная структура, сочетающая элементы волшебной сказки и героического эпоса. Выявляются исторические прототипы персонажей (Пипин Короткий, Карл Великий) и анализируются функции вымышленных героев (Оулува, Хувин, Мюйлинт, Ландрус) в соответствии с морфологией волшебной сказки. Публикуется полный текст баллады в оригинале с параллельным стихотворным переводом на русский язык и подробным комментарием, что делает памятник доступным для сравнительно-типологических и литературоведческих исследований.

Ключевые слова: фарерские баллады, «Песнь об Оулуве», Хаммерсхайм, фарерский язык, «Доон де ла Рош», «Сага о Карле Великом», волшебная сказка, средневековая литература, Пипин Короткий, Карл Великий, перевод.

Фарерская баллада «Песнь об Оулуве» является первым текстом на фарерском языке с использованием орфографии, применяемой и по настоящее время. Эта система правописания была разработана Венцеславом Ульрихом Хаммерсхаймом (1819–1909) на этимологическом принципе. По большому счету Хаммерсхайм приспособил для языка фарерского письмо исландского языка. До Хаммерсхайма делались попытки создать для фарерского языка фонетическую орфографию. Для записей баллад ее впервые разработал Йенс Кристиан Свабо (1746–1824), а пастор Йохан Хенрик Шрётер (1771–1851) сделал попытку придать этой письменности общенародный характер [о фарерской письменности до Хаммерсхайма см. Пиотровский 2023: 177–186, 2025: 269–275]. Недостатком новой системы были весьма значительные расхождения между письменной и звуковой формами языка, достоинством же — то,

что для образованного читателя были видны родственные связи фарерского языка с исландским и в меньшей степени с другими скандинавскими языками, то есть теми языками, на которых и формировался круг чтения для такого искушенного читателя.

Баллада впервые появилась в «Антикварном журнале (Antiquarisk Tidsskrift)» за 1846-1848 гг. [Óluvu kvæði 1847: 279–304]. Позднее в другой редакции она будет включена в «Фарерскую антологию» Хаммерсхайма [Hammershaimb 1891: 188–215]. В настоящей публикации использован текст более раннего издания.

История, рассказанная в балладе, известна и по другим памятникам. Самым ранним из них, насколько об этом можно судить, оказывается французская жеста XII в. «Доон де ла Рош» [Doon de la Roshe 1921]. К ней восходит вторая глава норвежской «Саги о Карле Великом» [Karlamagnus Saga 1860: 50-75], созданной в конце XIII в. Однако, как указано в самом тексте «Саги», существовала промежуточная английская версия [там же: 50], ныне утраченная. Согласно указанию Хаммерсхайма к «Саге о Карле Великом» восходит исландская песнь, хранящаяся или хранившаяся в архиве Общества старых рукописей «Rímnabók» №5 [Óluvu kvæði 1847: 280]. И уже к этому исландскому тексту непосредственно восходит фарерская баллада. Помимо этого, имеется испанский роман XVI в. «История Энрике, сына Оливы» [Historia de Enrique 1871]. Версия истории, изложенной в этом романе, пересказана в книге Фердинанда Вольфа «О новейших достижениях французов в издании их языческого наследия, в особенности франкско-каролингского цикла сказаний; с отрывками из неизданных и редких произведений близкого содержания» [Wolf 1833: 98–123].

Содержание баллады таково: Оулува — дочь Пиппинга (Пипина Короткого), короля Фракланда, и сестра Карла Великого. Хувин, король неназванного в балладе государства, сватается к ней и получает согласие. Новобрачные отправляются в королевство Хувина. Их сопровождает Энджильбрет. Там Оулува встречается со злодеем Мюйлинтом, который влюбляется в нее. У Хувина и Оулувы рождается сын по имени Ландрус. Хувин должен отправиться на войну. Заботу о молодой жене он поручает Мюйлинту. Но тот, злоупотребляя доверием короля, пытается склонить Оулуву к супружеской измене. Это Мюйлинту не удается. Тогда он подносит королеве напиток забвения. Напиток оказывает свое действие, Оу-

лува забывает мужа. Мюйлинт находит негра и с помощью того же напитка забвения укладывает его в постель вместе с Оулувой. Сам же Мюйлинт спешит привести короля Хувина и убедить его в неверности жены. По просьбе Хувина к нему приезжает Пиппинг. Но и ему Мюйлинт дает тот же напиток, и Пиппинг забывает, что Оулува — его дочь. Энджильбрет вызывает Мюйлинта на поединок и выбивает его из седла, но Мюйлинт остается жив. Оулуву подвергают испытаниям. Сначала — водой, потом — огнем. Она их выдерживает. Мюйлинт пытается убить Ландруса. Но неудачно, его стрела ломается о лобную кость мальчика. Тогда Мюйлинт вновь клевещет на королеву, говорит, что это она пыталась убить их с Хувином сына. Оулаве предстоит третье испытание, — отправиться в лес, где живут змеи. Змеи ее не трогают. В это время Мюйлинт выдает замуж за короля Хувина свою дочь Галианну. У них рождается сын Мауландрус. Два мальчика растут вместе. Во время игры, перешедшей в ссору, Ландрус сильно ударил Мауландруса. Мюйлинт бежит жаловаться королю. Ландрус вынужден бежать. Он отправляется к родственнице его матери — Сивье. Сивья дважды дает Ландрусу одежду и коня, но оба раза их у него отнимают при помощи колдовства. В третий раз Сивья снаряжает Ландруса в путь. Юноша встречает двух карликов, которые дают ему платочек, оберегающий от бед, и меч. Потом Ландрус находит в лесу Оулуву и отвозит ее к Сивье. Когда Ландрус ездил в церковь ему встретился дракон. В обличьи дракона была его мачеха Галлиана. Конь Ландруса дракона побеждает. Потом он везет Оулаву к отцу. Мюйлинт признается в своих злодействах. Его отвозят в лес к змеям. На этот раз чуда не случилось, змеи растерзали Мюйлинта. Хувин просит Оулуву снова занять свое место на троне, но она не желает этого. Героиня баллады уходит в монастырь. Ландрус же становится великим воином.

Сюжет баллады следует считать скорее сказочным, чем героическим. Здесь хорошо прослеживаются, выделенные В. Я. Проппом, элементы и типичные действующие лица волшебной сказки. Коллизия начинается с того, что король Хувин муж главной героини отправляется на войну, то есть имеет место «отлучка из дома» [Пропп 1928: 36]. Тут же появляется «вредитель» — Мюйлинт и совершает свои злодеяния [там же: 37 и далее]. Находится «герой» — Ландрус, который «покидает дом» [там же: 48]. Возникает

«волшебный помощник» — Сивья [там же: 49]. Далее «герой и вредитель вступают в борьбу» [там же: 60]. Наконец «вредитель побеждается», и «беда ликвидируется» [там же: 61]. Но по большому счету все эти элементы нельзя считать чуждыми и героическому эпосу.

Исторические прототипы есть не у всех действующих лиц. Разумеется, известны Пипин Короткий и Карл Великий. Проблематично отождествление Энджильбрета. История знает нескольких персонажей с близким по звучанию именем (Энгильберт, Ангильберт и др.), но установить, кто из них дал свое имя для героя баллады, не удается. Остальные персонажи явно вымышлены и в первую очередь главная героиня Оулува. Дочь Пипина Короткого с таким именем истории не известна.

Далее приводится текст баллады с параллельным переводом. Фарерский текст приводится по изданию Óluvu kvæði, Olufas kvad, en færøisk folkesang, meddeelt af V. U. Hammershaimb [Óluvu kvæði 1847: 279–304].

Óluvu Kvæði.	Песнь об Оулаве
I	I
Góða skemtun gera skal, hvar eg gengi í dans: kvøði um kong Pipping og Óluvu dottir hans.	Хорошее будет веселье, я в пляс пуститься непрочь: жил-был король Пиппинг, а Оулава – его дочь.
Viðgangur: Stígum fast á várt golv, sparum ei vár skó! Gud mann ríða, hvar vær drekkum onnur jól.	Припев: Притопнем по полу, не жалея сапог! Когда мы пляшем, не усидит на месте даже Бог.
II	II
Pipping kongur af Fraklandi Gertrúð heitir hans frúgv, væn er Óluva dottir teirra, higgin og so trúgv.	Пиппинг – король Фракланда, Гертру – его жена, красива Оулава их дочь, мудра и им верна.

III
Karlamagnus Pippingsson
bróðir er hann at fljóði,
væl eru tey af ættum komin,
Jóhannis hinn góði.

IV
Hugin situr í hásæti
talar við sína dreingi:
hvar viti tar mín javnlíka,
tað havi eg hugsað leingi?

V
Allir drýptu hövdi niður,
eingin tordi tala,
uttan ein af sveinunum,
hann tók tá til at mæla.

VI
Uttan ein af sveinunum,
hann tekur til orða svá:
betst mannstú vita við sjálvum tar,
hvört tín stendur hugur á.

VII
Betst mannstú vita við sjálvum tar,
hvört tín stendur hugur á,
hoyrt havi eg gitið Pipping kong,
íð væna dottur á.

VII
Betst mannstú vita við sjálvum tar,
hvört tín stendur hugur á,
hoyrt havi eg gitið Pipping kong,
íð væna dottur á.

VIII
Pipping kongur dottur á,
fögur er hon í brúnum,
flattað hár á herðar er lagt
við silkibondum snúnum.

III
Карл Великий, Пиппинга сын
он деве брат родной,
а рода основатель –
Иоанн святой.

IV
Хувин сидит на троне
вокруг него много людей:
кто знает равную мне,
рассказать может о ней?

V
Все опустили голову,
никто слова не проронил,
только один из воинов,
вдруг так заговорил.

VI
Только один из воинов,
он такие слова говорит:
ты сам знаешь лучше,
что на сердце твоем лежит.

VII
Ты сам знаешь лучше,
что на сердце твоем лежит,
слышал я что Пиппинг король,
красивую дочь растит.

VII
Ты сам знаешь лучше,
что на сердце твоем лежит,
слышал я что Пиппинг король,
красивую дочь растит.

VIII
Пиппинг король дочь растит,
она лицом прекрасна,
косы спадают на плечи
связаны лентой атласной.

IX
Pipping kongur dottur á,
björt er hon sum sól,
so er at líta á moyarkinn,
sum droyri liggur á snjó.

X
Er hon so væn og tekkelig,
sum tar sigið frá,
hagar streingi eg heiti mítt –
hana skal eg fá.

XI
Hagar streingi eg heiti mítt,
Frakland fari eg til,
biðja dottur Pipping kongs,
tað standist hvat af íð vil.

XII
Letur hann so Hugin kongur
síni skipini búgva,
alla letur hann streingina
af reyðargulli snúgva.

XIII
Letur hann so Hugin kongur
búgva skipin sín,
bæði laðar hann í tey
virtin og so vín.

XIV
Brýndir vóru brandar,
borðini vóru blá.
toppurin var af reyðargulli,
sum sól skein fagurt á.

XV
Vindur nú upp síni silkisegl,
gulli vovin við rand,
strikar ei á bunka niður
firr enn við Pipping land.

IX
Пиппинг король дочь растит,
она как солнце ясное,
щеки ее горят,
как кровь на снегу красная.

X
Она так мила и красива,
словами о том не сказать,
готов принести я клятву:
хочу ее в жены взять.

XI
Готов принести я клятву,
во Фракланд мой путь ведет,
просить короля Пиппинга,
а там уже как пойдет.

XII
Велит тогда Хувин король
корабли на воду спустить,
все велит под завязку
красным золотом нагрузить.

XIII
Велит тогда Хувин король
спустить корабли на воду,
потом он их нагружает
вином и сладким медом.

XIV
Отточены были мечи,
доски покрашены синим,
вымпел из красного золота,
в нем солнце играет красиво.

XV
Надулся шелковый парус,
края златом обшиты были,
спустили его не раньше,
чем к Пиппингу прплыли.

XVI
Kongur siglur til Fraklands burt,
bønarorð at biðja,
tá fall öllum folkum væl,
sum sögur munu siga.

XVII
Lítil drengur í liðini situr,
goymur at smalu og geit,
hann sar skip eftir havi koma,
havnir vil tað leita.

XVIII
Allar rekur hann geiturnar
saman á grønan völl,
síðan axlar hann kápu blá,
hann gengur í kongins höll.

XIX
Síðan axlar hann kápu blá,
hann gengur í kongins höll:
eg eri mar í einum luti
vísari enn tar eruð öll.

XX
Eg eri mar í einum luti
vísari enn tar eruð öll,
eg sá skip eftir havi koma,
íð segl hava hvít sum mjöll.

XXI
Sartú skip eftir havi koma,
íð segl hava hvít sum lín,
vera mann einhvör hövdingi
at biðja dottur mína.

XXII
Hegar íð teirra snekkjur
kenndu fagurt land,
lata teir síni akker falla
á so hvítan sand.

XVI
Король поехал во Фракланд,
свататься к девице,
этому все были рады,
в саге о том говорится.

XVII
Пастушок сидит на лугу,
овец и коз он пасет,
видит он в море корабль,
что к берегу идет.

XVIII
Он всех оставляет коз
на лугу большом,
он синий плащ надевает,
идет в королевский дом.

XIX
Он синий плащ надевает,
идет в королевский дом:
я скажу тебе что-то,
не знаешь ты о том.

XX
Я скажу тебе что-то,
не знаешь ты о том,
видел я в море корабль,
парус белый как лён.

XXI
Видел ты в море корабль,
парус белый как снег,
должно быть некий хёвдинг
дочь сватать едет ко мне.

XXII
Быстро их корабль
к земле причалить смог,
бросают они якорь
на белый тот песок.

XXIII
Lata teir síni akker falla
á so hvítan sand,
firstur steig Hugin kongurin
sínum fótum á land.

XXIV
Firstur steig Hugin kongurin
sínum fótum á land,
tolv brinjaðir af hans monnum
undir hans hvörji hand.

XXV
Hugin gekk frá strondun niðan
væl í skrúðum klæddur,
reyðargullhjálm á hövdi bar,
hann var firi ongum ræddur.

XXVI
Uppi í miðjum grasgarði
axlar hann síni skinn,
og so búgvin gengur hann
í högar hallir inn

XXVII
Og so búgvin gengur hann
í högar hallir inn,
sum Pippingur firi borði sat
við monnum hundra fim.

XXVIII
Hugin gekk í höllina inn,
í forðum var sá siður,
hevir nú allt í einum orði,
heilsar og hann biður.

XXIX
Hugin stendur á hallar golvi,
ber fram kvøðu sína:
sit væl reystur Pipping kongur,
tú gev mar dottur tína.

XXIII
Бросают они якорь
на белый тот песок,
первым поставил Хувин
на землю свой сапог.

XXIV
Первым поставил Хувин
на землю свой сапог,
две дюжины воинов
сопровождали его.

XXV
Хувин пошел от берега
роскошно он одевался,
шлем из красного золота,
он никого не боялся.

XXVI
В середине зеленого сада
он плечи покрыл плащом,
одетый и в путь готовый
он входит в высокий дом.

XXVII
Одетый и в путь готовый
он входит в высокий дом,
там Пиппинг король сидел
и пятьсот людей за столом.

XXVIII
Хувин входит в зал,
как в прошлом обычай был,
потом он в одной речи,
приветствовал и просил.

XXIX
Хувин стоит на полу,
речь заводит свою:
здравствуй, Пиппинг король,
отдай мне дочь твою.

XXX
Leingi sat hann Pippingur,
hugsaði um tey ráð,
hvursu hann skuldi Hugin kongi
eitt gagnligt andsvar fá.

XXXI
Tí svaraði Pipping kongur:
ikki skal slíkum spara,
leið mína dottur í höllina inn,
sjálv firi seg at svara.

XXXII
Frúgvin var bæði studd og leidd,
hon inn í höllina gekk;
Hugin situr í hásæti,
hann imsa liti fekk.

XXXIII
Tekkilig var Óluva
í öllum vörildar tokka,
hárið var sum spunnið gull,
tað lagaðist allt í lokka.

XXXIV
Ver vælkomin min sæla dottir
biðlinum her at svara,
síðan kannstu kjósa tar,
um tú vilt kappan hava.

XXXV
Svaraði frúgvin Óluva
í firsta orði tá:
hug bar eg at Hugin kongi,
áður enn eg hann sá.

XXXVI
Öllum fell tað væl í lag
faðir hennar og móðir,
og so frúnnar fosturfaðir,
Engilbret hinn góði.

XXX
Долго сидел Пиппинг,
конца раздумьям нет,
какой он должен Хувину
достойный дать ответ.

XXXI
Ответил Пиппинг король:
я решенья дождусь,
приведите сюда мою дочь,
сама ответит пусть.

XXXII
Девушка со служанками
в зале она появилась;
Хувин сидит на троне,
его лицо изменилось.

XXXIII
Хороша была Оулува
во всем мире любимая,
ее волосы были уложены,
в золотые локоны длинные.

XXXIV
Добро пожаловать, дочь,
ответ нужно гостю дать,
можешь сама выбрать,
кого женихом назвать.

XXXV
Отвечает девица Оулува
первыми словами:
был мне мил Хувин прежде,
чем видеть смогла глазами.

XXXVI
Все были тем довольны,
и мать девицы той,
и ее воспитатель,
Энджильбрет святой.

XXXVII
Tá íð frúgvin Óluva
ratti hond ivir borð,
listuligt var á at lýða
teirra festnarorð.

XXXVIII
Tað var reysti Hugin kongur,
fell á síni kna,
meðan hann frúnna Óluvu
til konu festi sar.

XXXIX
Drukkið var teirra brúdleypið,
hirðin var so fegin,
sum fuglurin á viði situr,
verður á ljósum degi.

XL
Hugin festi Óluvu,
førdi hana heim,
hörpur og so pípur
leikaðu firi teim.

XLI
Silki og so perlur
var eftir veginum breitt,
so var frúgvin Óluva
niður til strandar leidd.

XLII
Tóku teir frúnna Óluvu
liftu ivir stavn,
fram gingu riddarar og sveinar,
teir góvu henni drottningar navn.

XLIII
Millun báða stavnana
har brá ein fagur litur,
sum hon frúgvin Óluva
í liftingini situr.

XXXVII
Была то девица Оулува
понравился ей жених,
радостно было слышать
о помолвке их.

XXXVIII
То был отважный Хувин,
он на колено встал,
когда девицу Оулуву
в жены себе звал.

XXXIX
Весело пили на свадьбе,
конца радости нет,
птица на ветке сидела,
когда настал рассвет.

XL
Хувин взял Оулуву,
домой они путь держали,
арфы, дудки и флейты
им в дороге играли.

XLI
Шелками и жемчугами
дорога ее устилалась,
когда девица Оулува
к берегу направлялась.

XLII
Взяли тогда Оулуву,
на корабль подняли деву,
подъехали воины и всадники,
назвали ее королевой.

XLIII
Между двумя штевнями
лицо ее сияло,
когда девица Оулува
на юте восседала.

XLIV
Millun báða stavnana
ein fagur litur brá,
hvar hinn reysti Hugin kongur
frúnni situr hjá.

XLV
Vindur nú upp síni silkisegl,
honum birur vöx,
siglur so til sjálvs sins lands
í tölum dagar sex.

XLVI
Firstur steig hann Hugin kongur
sínum fótum á land,
og hon frúgvin Óluva
undir hans högru hond.

XLVII
Liftir hann frúnna Óluvu
upp á land við sar:
Gud og milda Maria moy
veri nú við tar!

XLVIII
Tá var hinn illi Mýlint
riðin oman á strond,
heilsaði hann drottningini
ok tók í hennara hond.

XLIX
Tekkilig var Óluva
bæði til fót og hond,
Mýlint hugaðist drottningina,
táið hon steig á land.

L
Tey vóru ikki leingi saman,
til tess tey gótu svein,
á góðum stundum gitin var
og so var hann borin í heim.

XLIV
Между двумя штевнями
лик ее белел,
когда отважный Хувин
рядом с девой сел.

XLV
Надулся шелковый парус,
дул ветер все сильней,
они домой к себе плыли
на корабле шесть дней.

XLVI
Первым поставил Хувин
на землю свой сапог,
а девица Оулува
справа была от него.

XLVII
Он взял девицу Оулуву
на берег тогда с собой:
Бог и дева Мария
пусть будут с тобой!

XLVIII
То был злобный Мюйлинт
к берегу вниз идет,
приветствует он королеву,
руку ей подает.

XLIX
Хороша была Оулува
вся с головы до ног.
Мюйлинт пленен королевой,
едва та сошла на песок.

L
Были они вместе,
и малое время спустя,
в добрый час так случилось,
у них родилось дитя.

LI
Hann var lagdur í klæði væl,
gott er at taka til evna,
so var hann til kirkju borin,
Landrus bað hon nevna.

LII
Borin var hann frá kirkju heim,
lagdur móður íhjá,
meira legdi hon røkt á hann
enn allt tað gull, hon á.

LIII
Hugin situr í hásæti
við reyðum kinnum og bleikum:
hvör skal goyma drottning mína,
meðan eg fremji leik?

LIV
Tí svaraði frúgvin Óluva,
konginum var so kær,
Engilbret meg higar førdi,
hann skal vera hjá mar.

LV
Eg velji út af mínum monnum
Mýlint riddaran snjalla,
hann skal goyma drottning
og so mína gripi alla.

LVI
Velur tú út af tínum monnum
Mýlint riddaran ríka,
kenni eg hann af verkinum,
firstur mann hann teg svíkja.

LVII
Hugin fór á skogva burt,
vildi fremja leik;
eftir situr Óluva,
hon er á kinnum bleik.

LI
Завернут он был в пеленки,
скажем словами такими,
его отнесли в церковь,
Ландрус ему дали имя.

LII
Принесен он был из церкви,
мать была рядом с ним,
одарила его любовью,
и золотом своим.

LIII
Хувин сидит на троне
он бледен и красен щеками:
кто защитит королеву,
пока я на бой уезжаю?

LIV
Отвечает королева Оулува,
говорит любезно с супругом,
меня привез Энджильбрет,
пусть он будет мне другом.

LV
Я выбрал из моих людей
Мюйлинта воина могучего,
он защитит королеву,
и все мое имущество.

LVI
Ты выбрал из твоих людей
Мюйлинта воина искусного,
я знаю его делишки,
тебя он обманет гнусно.

LVII
Хувин отправился в лес,
на бой он уезжает;
одна осталась Оулува,
с бледными щеками.

LVIII
Óluva situr í kirkjuni,
lesur úr síni bók;
har kom Mýlint gangandi,
og hendur um frúnna tók.

LIX
Hoyri tað Mýlint ríki,
íð ætlar at gera illa,
tú vilt svíkja kongin –
slíkt mann dømin spilla.

LX
Eg skal geva tar meira gull,
hann tekur til orða at birja,
enn hann gav tar Hugin kongur,
táið hann fór at gilja.

LXI
Hoyr tað frúgvin Óluva,
viltú játtast mar,
tolv merkur í reyðargulli
vil eg geva tar.

LXII
Hav tú sjálvur títt reyðargull,
eg tiggi ei gávur af tar,
nogv mann eg firi eygum sjá,
sum gud hevur unnað mar.

LXIII
Tá íð Mýlint hetta sá,
hann kundi ei drottning vinna,
brátt hann snúist henni frá
á tí sama sinni.

LXIV
Mýlint gengur í kjallara,
blandar mjöð og vín,
og so mikið ómini
lat hann har útí.

LVIII
Оулува сидит в церкви,
книгу свою читает;
тут является Мюйлинт,
за руки деву хватает.

LIX
Послушай, Мюйлинт могучий,
ты дело задумал злое,
ты решил обмануть короля –
это злодейство большое.

LX
Я дам тебе больше золота,
он такие слова сказал,
чем дал тебе Хувин король,
когда тебя завлекал.

LXI
Послушай, королева Оулува,
ответь согласием мне,
двенадцать марок золота
за это я дам тебе.

LXII
Оставь себе твое золото,
не приму даров от тебя,
я вижу здесь многих мужей,
которые любят меня.

LXIII
Тогда увидел Мюйлинт,
королеву ему не сломить,
он ушел от нее восвояси
в тот же самый миг.

LXIV
Мюйлинт идет в погреб,
смешал там вино и мед,
потом принес наверх
забвенья напиток тот.

LXV
Og so mikið óminni
letur hann har útí,
ber nú inn firi Óluvu,
biður hana drekka til sín.

LXVI
Óluva tekur við kerinum,
gerdi firi seg kross:
Gud og milda Maria moy
veri nú við os!

LXVII
Tá íð hon hevði drukkið,
hon greiddi aftur ker,
minntist ei á Hugin kong
og ikki hvar hann er.

LXVIII
Tað var hinn illi Mýlint,
illfúsur hann vinnur,
stedgar ikki síni ferð,
firr enn hann Blámann finnur.

LXIX
Gakk tú tar til hallar heim,
kjós tar fagurt fljóð,
frúgvin mann ikki undan sigast,
hon öllum er javngóð.

LXX
Líkari var mar føðslan góð,
matur og hartil drekka,
ongar eru höviskar kvinnur,
sum tikja í mar tokka.

LXXI
Líkari var mar føðslan góð,
matur og hartil klæði,
munnu flesrallar höviskar kvinnur
meg bæði spotta og haða.

LXV
Он принес наверх
забвенья напиток тот
и королеве Оулуве
выпить его дает.

LXVI
Оулува берет кубок,
делает крест рукой:
Бог и дева Мария,
пусть они будут со мной!

LXVII
Она подняла напиток,
был кубок опустошен,
она не помнила Хувина
и даже не знала, где он.

LXVIII
То был злобный Мюйлинт,
подлость он замышлял,
он не остановился,
пока негра не разыскал.

LXIX
Поедем со мной в залы,
там есть дева прекрасная,
она тебе не откажет,
она ко всему безучастная.

LXX
Мне бы лучше выпить
и вкусной поесть еды,
а придворные дамы,
меня доведут до беды.

LXXI
Мне бы лучше выпить,
поесть и принарядиться,
а придворные дамы
будут ворчать и дразниться.

LXXII
Mýlint gav honum óminnisdrink,
sum sögur ganga ífrá,
nektaði hann úr öllum klæðum,
bar til seingjar svá.

LXXIII
Neyðugan tók hann Blámannin,
frú Óluvu legði hjá,
tað var ei so undarligt,
at brúður í liti brá.

LXXIV
Bláar leggur hann armarnar
ivir drottningar háls,
hann var blíður og bjartur,
men fátt var henni til máls.

LXXV
Bláar leggur hann varranar
niður á drottningar munn,
henni var blíður og bjartur ímót,
ganga nú svikini kunn.

LXXVI
Stedgaðist Mýlint teimun hjá
eina so skamma stund,
síðan snúist haðan frá
á Hugin kongins fund.

LXXVII
Hugin kemur af skogvi heim,
sar tey merki stór:
hvör hevur her til hallar verið,
síðan eg heiman fór?

LXXVIII
Hugin talar við Mýlint ríka,
eg geri tað ei at loyna:
hvar er Óluva drottning mín,
íð eg fekk tar at goyma?

LXXII
Дал ему он напиток забвения,
в саге о том говорится,
Мюйлинт негра раздел,
велел в постель ложиться.

LXXIII
Заставил он негра лечь,
кладет Оулуву с ним вместе,
не пришлось удивляться,
что горело лицо невесты

LXXIV
Он черными руками
королеву обнял за шею,
был он вполне любезен,
но не понравился ей.

LXXV
Он черными губами
прикоснулся к ее устам,
был он с нею любезен,
но был ясен обман.

LXXVI
Мюйлинт мига не медлил
быстро покинул дом,
он поспешил на встречу
С Хувином королем.

LXXVII
Хувин домой приехал,
видит следы незнакомые:
кто побывал тут в залах,
пока меня не было дома?

LXXVIII
Хувин спросил у Мюйлинта,
не стану я это скрывать:
где королева Оулува,
я велел ее охранять?

LXXIX
Tar stígið ivir breiða borð,
veldigi harri her,
síðan skal eg siga frá,
hvar Óluva drottning er.

LXXX
Leiddur var hann í husið inn,
sum Óluva firi lá,
konginum varð so illa við,
táið hann hetta sá.

LXXXI
Hugin stendur á hallargolvi,
sortnar ratt sum mold:
illa hevur tú Óluva nú
spillt títt ljósa hold.

LXXXII
Mýlint tók tann Blámannin,
hann legði firi gátt:
her mannstú tann lagsmannin sjá,
íð hon hevur haft í nátt.

LXXXIII
Mýlint treiv sítt góða svörð,
hjó hann í luti tvá,
hvar hans reyða blóð tá rann,
har tendraðust ljósini á.

LXXXIV
Hoyri tað tú Mýlint ríki,
hetta er mikil villa,
tú hevur dripið hann sakleysan
og tað gerdi tú illa.

LXXXV
Tegi, tegi, veldigi harri,
tali tar ikki slíkt,
hetta eru frúnnar illgerningar,
tikir os vera líkt.

LXXIX
Сначала сядь ты за стол,
воин могучий здесь,
потом я тебе скажу,
твоя королева где.

LXXX
Его ввели в помещение,
к королеве Оулуве в покои,
королю стало очень плохо,
когда он увидел такое.

LXXXI
Хувин стоит в зале,
почернел словно земля:
плохо ты Оулува
чтишь своего короля.

LXXXII
Мюйлинт схватил негра,
бросил его у дверей:
смотри, вот он, любовник,
что был ночью с ней.

LXXXIII
Мюйлинт выхватил меч,
его разрубил надвое,
где красная кровь текла,
там сияние огневое.

LXXXIV
Послушай, Мюйлинт могучий,
тут затруднение большое,
ты убил невиновного,
ты дело содеял злое.

LXXXV
Молчи, могучий воин,
слова не помогут никак,
это все женские чары,
на нас действуют так.

LXXXVI
Það var Hugin kongurin,
tekur til orða so:
heim skal bjóða Pipping kongi,
senda eftir honum boð.

LXXXVII
Það var hann tá Engilbret,
íð tey boðini bar
haðan og til landana,
sum Pippingur staddur var.

LXXXVIII
Hoyr tú það nú Engilbret,
tú sig mar satt ífrá:
hvursu livur Óluva dóttir mín,
íð Hugin kongi er hjá?

LXXXIX
Eg kann ikki sannari
siga tar nú til,
hon er funnin hjá öðrum manni,
kongur teg finna vil.

XC
Kongur kemur at landinum
(broytur í bragdar tátti)
spir eftir Óluvu síni dottur:
munnum vit finnast aftur?

XCI
Mýlint gengur í kjallara,
blandar mjöð í ker,
stígur so inn firi Pipping kong
ok svik til hans tá ber.

XCII
Mýlint gav honum óminnisdrikk,
hann skuldu einki minnast,
ei til Óluvu sína dottur,
einki henni unna.

LXXXVI
То был Хувин король,
говорит такие слова:
попрошу короля Пиппинга,
чтобы он прибыл сюда.

LXXXVII
То был святой Энджильбрет,
послание он доставил
в дальнюю ту страну,
где Пиппинг правил.

LXXXVIII
Послушай, ты, Энджильбрет,
правду скажи, не тая:
как там живет Оулува,
у Хувина короля?

LXXXIX
Я не могу правдивее
это тебе сообщить,
ее застали с другим,
король хочет с тобой говорить.

XC
Король приехал в страну
(то прядь уже другая)
ищет Оулуву дочь свою:
с ней встретиться я желаю.

XCI
Мюйлинт идет в погреб,
налил вино с медом в бокал,
потом королю Пиппингу
обманный напиток он дал.

XCII
Дал ему он напиток забвения,
тот обо всем забыл,
и свою дочь Оулуву
он больше не любил.

XCIII
Inn kom frúgvin Óluva,
hon fell sínum faðir til fóta,
rak hann hana reiður burt,
hon sá sar lítið til bóta.

XCIV
Hann tók hövdið af Blámanni,
Óluvu kastar firi kna:
tak tú hetta lagsmanns hövur,
tú elska tað nátt og dag.

XCV
Öllum var nú harrunum
svikini til mongdar,
uttan hinum trúgva Engilbret,
sum frúnni filgdi til landa.

XCVI
Eg skal verja drottningina,
berjast skaltú við meg,
eg í berari skjúrtuni,
Mýlint! herklæð teg!

XCVII
Riðu teir tá distin saman
af so tungari treyt,
Engilbret hevði Mýlint ríka
so langt af saðli á breyt.

XCVIII
Tað er mín firsta undanførsla:
flitið meg út á hav!
eri eg sek í hesum verki,
sökki eg niður í kav.

XCIX
Óluvu førdu á havið út,
so er greint firi mar,
tá íð teir komu til landana,
var Óluva firi har.

XCIII
Вошла королева Оулува,
отцу она бросилась в ноги,
оттолкнул он ее злобно,
она видит, нет ей подмоги.

XCIV
Взял он голову негра,
бросил Оулуве ее:
ты этого развратника
любила ночью и днем.

XCV
Никто из отважных воинов
не распознал клевету,
лишь Энджильбрет верный,
что берег женщину ту.

XCVI
Я защищу королеву,
ты сразишься со мной,
я в одной рубахе,
Мюйлинт! выйди на бой!

XCVII
Они едут на поединок,
трудна работа была,
и вот Энджильбрет Мюйлинта
вышиб из седла.

XCVIII
Мое первое очищение:
бросьте в море меня одну!
если я в этом виновна,
тогда пойду я ко дну.

XCIX
Вывезли Оулаву в море,
я ясно то вижу сам,
когда вернулись на берег,
Оулува была уже там.

C
Tað var illi Mýlint,
íð nú mundi mæla svá:
hetta eru frúnnar illgerningar,
sum her vær munnum sjá.

C
То был злобный Мюйлинт,
к таким он прибег словам:
это все женские чары,
вот что увиделось нам.

CI
Tað er mín onnur undanførsla
í lugandi bál at renna;
eri eg sek í hesum máli,
tá mann mítt lekam brenna.

CI
Второе мое очищение
в горящий костер вбежать;
если я в этом деле повинна,
мое тело будет пылать.

CII
Óluvu settu á bálið út
(mangt varð henni at meini),
beit ikki eldur á hennara holdi,
heldur enn knívur á hörðum steini.

CII
Бросили Оулаву в костер
(суждено ей много вреда),
от огня ей была не бóльшая,
чем для твердого камня беда.

CIII
Ikki vildi kongurin
taka tá frúgv af lívi,
tí hann hevði á nökrum stundum
unnað tí væna vívi.

CIII
Совсем не хотел король
женщину жизни лишать,
свою жену красивую
он полюбил опять.

CIV
Óluva gekk at vögguni
at minnast við sonin sín:
liv nú heilur og happadrjúgvur,
gloym ikki móður tína!

CIV
Оулува идет к колыбели
сыну напутствие дать:
будь здоров и счастлив,
не забывай свою мать!

CV
Fram kom illi Mýlint,
íð báðum vildi mein,
spenndi örv á stinnan strong,
tað brast í brúnabein.

CV
Выступил злобный Мюйлинт,
к обоим испытывал злость,
приложил к луку стрелу,
та сломалась о лобную кость.

CVI
Mýlint fór firi kongin inn,
frúnni at vekja harm:
ei er hon í einum vond,
nú vil hon drepa sítt barn.

CVI
Мюйлинт пошел к королю,
чтобы женщине навредить:
не одно она зло совершила,
она хочет сына убить.

CVII
Ikki verði tar, Mýlint ríki,
eydna af tínari giftu;
hann íð alla vörild skapti,
skal millum okkara skifta.

CVII
Не случится, Мюйлинт могучий,
тот брак, что задумал ты сам;
тот, кто весь мир создал,
в том помешает нам.

CVIII
Tað er mín triðja undanførsla,
um tar viljið hana tiggja:
setið meg í oyðumörk,
hvar ormar og ódjór liggja.

CVIII
Третье мое очищение,
раз хотите его затеять:
отведите меня в темный лес,
где живут страшные змеи.

CIX
Fluttu teir drottning í oyðumörk
mitt í orma tal,
allir lögdust teir niður hjá henni,
allt gekk henni væl.

CIX
Отвели ее в темный лес,
туда, где у змей жилье,
не напали на королеву,
не тронули ее.

CX
Tóku teir frúnna Óluvu,
førdu í ormaborg;
heima liggur kongurin,
sjúkur í sínari sorg.

CX
Взяли королеву Оулуву,
отвели в логово змей;
дома остался король,
болен печалью своей.

CXI
Henni kom føði af himni niður,
legðist frúnni hjá,
meðan kongur í borgum liggur
treygur af tungari trá.

CXI
Ей ниспослана небом пища,
кладет ее рядом с собой,
пока лежит король в замке
снедаемый тоской.

CXII
Settu teir frúnna í oyðumörk
í tá ormapínu;
men Mýlint býður konginum
Galionnu dottur sína.

CXII
Оулуву увели в темный лес
к змеям из дома прочь,
Мюйлинт королю предлагает
Галианну, свою дочь.

CXIII
Eg mann ongari jomfrú lova
at leggja á mín arm
eftir Óluvu drottning míni,
tí hon vekir mar harm.

CXIII
Не хочу я другую женщину
обнимать своею рукой
после королевы Оулувы,
что вред принесла такой.

CXIV
Hoyr mín veldigi harri,
lat ikki á hana minnast,
tak nú við Galionnu,
ástir við hana at binda.

CXV
Mundi tá reysti Hugin kongur
falla á síni kna,
táið hann Galionnu Mýlints dottur
til konu festi sar.

CXVI
Tey vóru ikki leingi saman,
til tess tey gótu svein;
hann var á illum stundum gitin,
og so var hann borin í heim.

CXVII
Sveipar hon hann í klæði væl,
gott er at taka til evna,
síðan lat hon presti bera,
Málandrus bað hon nevna.

CXVIII
Áður hann gat á golvi gingið,
tá beit hann mann í føtur,
Mýlint og hon Galianna
bjóða firi hann bøtur.

CXIX
Upp har vuxu sveinarnir
báðir á eini grund;
so var munur teirra millum
sum kristin maður og hundur.

CXX
Teyr vuxu upp í ríkinum
báðir í eini höll;
tað var sonur Óluvu,
íð hirðin unti öll.

CXIV
Послушай, могучий воин,
не надо о ней крушиться,
ты в мою дочь Галианну
сможешь теперь влюбиться.

CXV
Отважный король Хувин
на колени упал,
когда Галианну дочь Мюйлинта
он себе в жены взял.

CXVI
Были они вместе,
и малое время спустя,
в недобрый час так случилось,
у них родилось дитя.

CXVII
Завернула его в пеленки,
скажем словами такими,
послала за священником,
Мауландрус ему дала имя.

CXVIII
Прежде чем стал ходить,
за ноги людей он кусал,
Мюйлинт отец Галианны
возмещение предлагал.

CXIX
Выросли два парня,
разные были однако;
друг с другом они разнились
как человек и собака.

CXX
Они выросли в королевстве
в одном они зале жили;
то был сын королевы Оулувы,
которого все любили.

CXXI
Báðir riðu sveinarnir
eftir lekvöllum fram,
reystir var sonur Óluvu,
í hvörjum leiki vann.

CXXII
Málandrus hevði upp sína hond,
gav honum högg á tenn,
blóðið fleyt í barmin niður,
sógu tað mangir menn.

CXXIII
Landrus slóg tá afturímót,
tað brast hans brúnabein,
kenndi sar illi Málandrus
so brádliga fáa mein.

CXXIV
Mýlint gegur firi kongin inn:
hvör skal hetta mál verja,
at tú letur tín horkonuson
títt einkabarn so berja?

CXXV
Mýlint gegur firi kongin inn:
sveininum vildi sút;
Hugin letur Landrus unga
við lurkum lemja út.

CXXVI
Landrus fór tá uttan hallar,
til tess hevði hann frætt,
hvar hin sæla kona býr,
við móður hans var í ætt.

CXXVII
Á tí sama kvöldinum
gisti hann Sivju heima,
minntust tey á móður hans,
sorgir vuxu hjá teimun.

CXXI
Вместе на поле игрищ
ездили два мальчугана,
силен был сын Оулувы,
он побеждал постоянно.

CXXII
Мауландрус поднял руку,
ударил его по зубам,
кровь потекла по груди,
это видели многие там.

CXXIII
Ландрус ударил в ответ,
разбил ему лобную кость,
Мауландрусу стало плохо,
его охватила злость.

CXXIV
Мюйлинт идет к королю:
как может такое быть,
позволяешь ты сыну шлюхи
твоего сына бить?

CXXV
Мюйлинт идет к королю:
сам он объят злом;
Хувин велит Ландруса
отстегать кнутом.

CXXVI
Ландрус покинул дом,
добрался он к концу дня,
туда, где жила женщина,
матери родня.

CXXVII
Тем же самым вечером
приехал он к Сивье в дом,
о матери вспоминали,
горевали они об одном.

CXXVIII
Hon gav honum gullbúín klæði,
drongur er hann fríður,
heilur og sælur, Landrus mín,
á hvönn vegin tú ríður!

CXXIX
Það var reysti Landrus,
rað sar út at ríða,
sviku teir af honum klæðini
innan grøna líða.

CXXX
Snarliga tá snúist hann
aftur á Sivju fund,
úti stóð og fagnaði honum
hit inniliga sprund.

CXXXI
Það var Sivja fostra hans,
tekur so hátt at læga:
Galianna er tín sjúkmóðir,
enn vil hon teg æga.

CXXXII
Skar hon aftur gullbúin klæði,
gav honum horsið fríða:
ver væl um teg, Landrus mín,
hvönn veg tú manst ríða.

CXXXIII
Það var um ein annan dag,
hann ætlar sína frændir vitja:
tá íð hann kom á skogvin fram,
hann sá tvá pílgrima sitja.

CXXXIV
Teir buðu hinum stíga
inn firi breiða borð,
eta og drekka gott við sar,
tí hann var so vælborin.

CXXVIII
Дала ему с золотом платье,
он был хорош собой:
будь здоров, мой Ландрус,
каким бы ни был путь твой!

CXXIX
То был отважный Ландрус,
ехать решился он,
отобрали обманом одежду
там, где зеленый склон.

CXXX
Он быстро развернулся
к Сивье назад ехать нужно,
встречала его у дверей
женщина радушная.

CXXXI
То была Сивья няня,
стала вдруг хохотать:
твоя мачеха Галианна
хочет тебя напугать.

CXXXII
Скроила с золотом платье,
был дан ему конь другой:
будь осторожен, Ландрус,
куда бы ни вел путь твой!

CXXXIII
То было на следующий день,
хочет родичей видеть своих:
когда он через лес ехал.
увидал пилигримов двоих.

CXXXIV
Они его просят сесть
к ним за стол широкий,
поесть и выпить с ними,
он был гость высокий.

CXXXV
Ikki visti Landrus af,
firr enn horvið var af breyt
matur og drekka og klæði góð,
allt tá honum treyt.

CXXXV
Ландрус и не заметил,
как все исчезло вдруг,
еда, и питье, и одежда,
у него прямо из рук.

CXXXVI
Nakin ríður Landrus ungi
aftur á Sivju fund,
úti stendur og fagnar honum
hit inniliga sprund.

CXXXVI
Голый едет Ландрус
к Сивье назад ему нужно,
встречает его у дверей
женщина радушная.

CXXXVII
Hevði hon upp sína høgru hond,
hann á kjálka slær:
tak tú ikki mannminkan
af minni manni tar.

CXXXVII
Подняла она правую руку,
бьет его по щеке:
не будет больше бесчестья
от малых людей тебе.

CXXXVIII
Gav hon honum gullbúin klæði,
horsið tað hit sterka:
møtur tú tíni sjúkmóður,
tú vinn henni ábótaverk.

CXXXVIII
Дала золотом шитое платье,
коня, что других сильней:
если ты встретишь мачеху,
ты верх возьмешь над ней.

CXXXIX
Landrus reið har uttan halla,
var honum einki at meini;
hoyrdi hann har dvörga tvá
mæla inni í steini.

CXXXIX
Ландрус покинул дом,
ему нет вреда на земле;
услышал, как два карлика
разговаривают в скале.

CXL
Hesin er sonur Óluvu,
íð teir vildi svölt,
firra drottning Hugin kongs –
mín bróðir, tala ikki hvöllt.

CL
Вот он, сын Оулувы,
ее хотят уморить,
перед женой Хувина
ты громко не говори.

CXLI
Óluva er í oyðumörk
væl í fimtan vetur,
henni kemur føði af hinni niður,
tað hevur at týða betur.

CLI
Оулува в темном лесу
уже пятнадцать зим,
ей с небес посылают еду,
то было делом большим.

CXLII
Teir hava sar ein lítlan dúk
upp á seg at binda,
har er hvörs manns gødska í,
kann allar sútir rinda.

CXLIII
Svaraði eldri dvörgurin
talar við sín bróður:
fá tú honum henda dúk
at føra síni móður.

CXLIV
Undirstóð hann dvörga mál,
áður hann haðan gekk,
brand hann hevði heim við sar,
íð góðan sigur fekk.

CXLV
Landrus reið tá haðani burt,
er so greint firi mar,
aldrig hoyrði hann fagrari song,
enn tá firi oyrum bar.

CXLVI
Landrus var komin firi heygin tann,
íð hans lá móðir í dvali,
har seng ein so heilagur fuglur
betur enn náttargali.

CXLVII
Landrus legði örv á strong,
hann býr seg til at skjóta,
fuglinum sar firi brosti liggja
mangar ormar ljótar.

CXLVIII
Hoyr tú tað hin ungi maður,
hvursu skál eg teg nevna,
firi hvat vilt tú deyða meg,
hvat havi eg gjört til hevndar?

CXLII
Был у них платочек
на голову повязать,
кто бы им ни владел,
тот мог беды избежать.

CXLIII
Ответил старый карлик,
брату он так сказал:
вручи ему этот платочек,
чтоб он его матери дал.

CXLIV
Понял он карликов речь,
когда уже уезжал,
с собой меч он принес домой,
с ним много побед одержал.

CXLV
Ландрус тогда уехал,
это ясно видит мой глаз,
не слышал он песни прекрасней,
чем та, что звучала сейчас.

CXLVI
Ландрус подъехал к горе,
мать без чувств рядом с ней,
там пела священная птица
лучше, чем соловей.

CXLVII
Ландрус к луку стрелу приложил,
хотел стрелять скорей,
перед птичьей грудью увидел
много мерзких змей.

CXLVIII
Послушай, юный воин,
как мне тебя называть,
что я тебе сделала,
зачем в меня стрелять?

CXLIX
Landrus skalt tú nevna meg,
Hugin konungs son,
tað var mar til móður sagt,
at Óluva hat hon.

CL
Af gudi verði tú gövgaður,
Landrus sonur mín,
hvat hevur hann til ráða tikið,
Hugin faðir tín?

CLI
Hann hevur fest sar aðra drottning,
Galianna hon heitir,
Mýlint ríki er faðir hennar,
so mongum illt hann veitir.

CLII
Átt hava tey ein ungan son,
Málandrus skulum vit nevna,
han hevur eir úr móður kini,
borin til illt at evna.

CLIII
Livur hon Sivja, fostra mín,
íð býr firi handan á,
tú bið hana senda mar klæði góð,
hevur hon til tess ráð.

CLIV
Brádliga fór tá Landrus ungi
aftur á Sivju fund,
úti stóð og fagnaði honum
hit inniliga sprund.

CLV
Eg var mar í skogvi í dag,
har mína móður eg sá,
hon bað teg senda sar klæði góð,
um tú hevur til tess ráð.

CXLIX
Ландрус меня называй,
сын Хувина короля,
мне сказали, что Оулува –
это мать моя.

CL
Богом ты благословен,
Ландрус сын мой,
какой он тебе дал совет,
Хувин отец твой?

CLI
У него королева другая,
Галианна ее зовут,
Мюйлинт ее отец,
только зла от него ждут.

CLII
У них есть юный сын,
Мауландрус его звать,
он в свою мать весь,
рожден, чтоб зло учинять.

CLIII
Живет Сивья, няня моя,
на другом берегу реки,
попроси ее дать мне одежду,
если ей будет с руки.

CLIV
Он тут же развернулся
к Сивье назад ехать нужно,
встречала его у дверей
женщина радушная.

CLV
Я в лесу был сегодня,
мать видел-таки,
она просит дать ей одежду,
если будет тебе с руки.

CLVI
Sivju varð so illa við,
hon tekur so sárt at gráta:
tín móður mátti á skemri stund
sítt unga lívið láta.

CLVII
Gud firigevi tar fostra mín,
tú grunar ei guds mátt,
eg havi við mína móður mælt,
og tað skal frættast brátt.

CLVIII
Sivja skar tá klæði góð,
gav honum horsið sterka:
finnur tú tína sjúkmóður,
tú løna henni ábótaverk.

CLIX
Burtur reið tá Landrus ungi
bæði við gleði og gleim,
fordi hann sína sælu móður
aftur til Sivju heim.

CLX
Tað var um ein helgan dag,
hann ætlar til kirkju ríða,
visti ikki firr enn hann var
í sterkum streymi og stríðum.

CLXI
Visti ikki firr enn hann var
í sterkum streymi og stríðum,
rossið bar hann aftur til lands
á fagrar flötur og fríðar.

CLXII
Skapar hon seg í drekalíki,
eitur vildi sprana,
horsið henni leyp á bak,
Galionnu tað varð at bana.

CLVI
Сивье стало вдруг плохо,
слезами она заливается:
твоя мать, может случиться,
с жизнью своей расстанется.

CLVII
Бог воздаст тебе, няня,
ты не знаешь силу небесную,
я говорил с моей матерью,
станет о том известно.

CLVIII
Сивья скроила платье,
дала коня посильней:
если ты встретишь мачеху,
верх возьми над ней.

CLIX
Прочь едет юный Ландрус
с радостью большой,
он привез дорогую мать
потом к Сивье домой.

CLX
То было в праздничный день,
едет в церковь невдалеке,
ехал и вдруг оказался
в быстрой и бурной реке.

CLXI
Ехал и вдруг оказался
в быстрой и бурной реке,
конь его вынес на берег
в долину в речной луке.

CLXII
Приняла обличье дракона,
яд вокруг изрыгала.
конь ей на спину прыгнул,
смерть Галлиане настала.

CLXIII
Tað var um ein helgan dag,
dreingir drekka jól,
drottning fell úr hásæti
deyð á hallargolv.

CLXIV
Landrus tók sína sælu móður,
setti hana á sín hest,
riðu tey tá til hallar heim,
sum tey máttu betst.

CLXV
Tað var frúgvin Óluva,
hon gekk í höllina inn,
allar tær, íð inni vóru,
bliknaðu tá um kinn.

CLXVI
Landrus gekk í höllina inn,
faðir síns skegg hann ristur,
allir teir, íð inni vóru,
sótu tá alvæl tvistir.

CLXVII
Landrus stendur á hallargolvi,
Mýlint at honum neig:
sig mar skjott og skundiliga
hví tú mína móður sveik?

CLXVIII
Miskun, miskun, Landrus ungi,
vænti eg tó af tar,
tí at eg havi Hugin kongi
so leingi verið kærur.

CLXIX
Tað skal eingin af mínum monnum
vinna honum mein,
firr enn hann sigir á öllum lutum,
hvursu hann drottning sveik.

CLXIII
То было в праздничный день,
пьют воины в рождество,
королева упала с трона
на полу ее тело мертво.

CLXIV
Ландрус взял дорогую мать,
посадил ее на коня,
они едут в залы домой,
своего иноходца гоня.

CLXV
То была королева Оулува,
в зал входит она,
все оне, кто там были,
побледнели вдруг как одна.

CLXVI
Ландрус входит в зал,
рвет он отцу бороду,
все они, кто там были,
смотрели на это холодно.

CLXVII
Ландрус стоит в зале,
Мюйлинт ему поклонился:
скажи ты мне немедленно,
как на обман ты решился?

CLXVIII
Пощади меня, юный Ландрус,
будь же ко мне любезен,
ведь я королю Хувину
был так долго полезен.

CLXIX
Никто из моих людей
вреда ему не сделает,
пока не расскажет подробно,
как он обманул королеву.

CLXX
Hoyr tað Landrus, kappin reysti,
eg geri tað ei at loyna:
beyð eg henni gull og fa,
so vildi eg fljóðið royna.

CLXXI
Einki vildi hon játta mar,
men vekja mar stóran harm,
tí tók eg sakleysa Blámannin,
og legði í hennara arm.

CLXXII
Ræddur var nú Mýlint ríki,
fell Óluvu til fóta,
rak hon hann af reiði burt,
hon bað ikki sálina njóta.

CLXXIII
Hesir somu ljótu ormar,
sum Óluvu vóru skjól,
hagar førdu teir Mýlint ríka,
so sorgarfull vóru hans jól.

CLXXIV
Settu teir Mýlint í ormagröv,
tað vóru eingi undur,
áður hann kom har hálvur inn,
teir rivu hann kikan sundur.

CLXXV
Hugin situr í hásæti,
imsa liti fekk,
tá íð hann sá hit væna vív,
eftir hallargolvi gekk.

CLXXVI
Kongur býður drottning síni
á armi hjá sar at liggja,
tökk havi frúgvin Óluva,
hon vildi tey boð ei tiggja!

CLXX
Послушай, Ландрус отважный,
не скрыть мне моих дел:
предлагал я ей деньги и золото,
ее обмануть я хотел.

CLXXI
Не хотела она соглашаться,
было у ней неприятие,
я взял невиновного негра,
и ей положил в объятия.

CLXXII
Испугался Мюйлинт могучий,
упал ей в ноги дрожа,
Оулува его оттолкнула,
не нужна ей его душа.

CLXXIII
Те самые мерзкие змеи,
что Оулуву защищали,
к ним отвезли Мюйлинта
рождество его было печально.

CLXXIV
Бросили Мюйлинта к змеям,
не случилось чуда.
его тело они растерзали,
он не вышел оттуда.

CLXXV
Хувин сидит на троне,
его лицо изменилось,
видит прекрасную женщину,
в зале она появилась.

CLXXVI
Просит король королеву
снова в свой покой,
отвечает королева Оулува,
не хочет ему быть женой!

CLXXVII	CLXXVII
Hon gav seg í kloystur inn	Она ушла в монастырь
af so góðari trú,	благочестья полна,
aldrig á síni ævini	никогда на своем веку
tað livur hon betur enn nú.	лучше она не жила.
CLXXVIII	CLXXVIII
Tað var frúgvin Óluva,	То была королева Оулува,
gav seg í nunnukloystur;	к сестрам ушла в монастырь;
Landrus heitir hennar sonur,	Ландрус ее сын звался,
íð bæði varð ríkur og reystur.	он великий был богатырь.

Комментарии

II. *Мудра,* возможный намек на библейскую притчу о десяти девах (Мф 25, 1-13). Во всяком случае в фарерском переводе библии «мудрые девы» описываются именно словом *higgin*.

XXV. Здесь обыгрывается фарерская поговорка *hann er ikki so ræddur sum illa klæddur* ‘он более смелый, чем кажется (букв. он не так труслив, как плохо одет)’.

XXXV. *Был мне мил Хувин прежде, чем видеть смогла глазами,* напрашивается параллель из «Бринхильды» (B, XVII)

Undarliga hevir tú	Это очень странно
tær ástir við tar lagt,	и очень необычно,
at tú unnar mannin tann,	ты любишь человека,
íð tú hevir ikki satt	не зная его лично.

L. *Они*, т. е. Хувин и Оулува

LII. Редкий случай силлепса в фарерских балладах. В сочетании *leggja røkt* ‘заботиться’ глагол входит в состав фразеологизма, в сочетании же *leggja gull* ‘положить золото, украсить золотом’ он выступает в своем основном лексическом значении.

LIII. *он бледен и красен щеками* такое же описание в балладе «Кузнец Реин» применено к Шууру (Сигурду) (RS XLII). В обоих случаях переменчивый цвет щек указывает на состояние волнения персонажа.

LXVIII. *Пока негра не разыскал,* чисто фарерская деталь. В других версиях истории присутствует не негр, а слуга.

CXVIII. *За ноги людей он кусал,* Г. Сторм указывает, что данная строфа взята из норвежской баллады «Хермод злой»:

Hermod krype på Serklandsgolvi	Хермод ползает по полу,
han bite folk i føtann	кусает людей за ноги.
faðir hans geng på tingit fram	его отец идет на тинг
og byd fer drengin bøtar.	и предлагает людям возмещение.

На этом основании Сторм устанавливает норвежское происхождение всей баллады [Storm 1874: 218].

CLXII. *Конь ей на спину прыгнул, смерть Галлиане настала.* Место очень сильно напоминает эпизод из Шахнаме Абдулкасима Фирдоуси. Конь Ростема (Рустама) Рехш бьется со львом и побеждает его.

> Скрывался в тех зарослях лев: никогда
> И слон не посмел бы забраться туда.
> Во мраке полночном к берлоге своей
> Вернулся лютейший из лютых зверей.
> И видит: спит витязь, подобный слону.
> К стерегшему богатыря скакуну
> Лев ринулся: раньше схвачу, мол, коня,
> А там и седок не уйдет от меня.
> На Рехша напал, но сверкающий конь,
> Весь вспыхнув от ярости, будто огонь,
> Ногами передними зверя сразил
> И в спину сраженному зубы вонзил.
> Сломил он свирепого рассвирепев,
> Был в клочья растерзан поверженный лев [Фирдоуси 1957: 368-369].

Предполагать здесь влияние в ту или иную сторону не приходится.

Литература

Пиотровский Д. Д. 2023: Изучение фарерского языка и литературы в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Верхневолжский филологический вестник, № 4 (35). Ярославль, 177-186.

Пиотровский Д. Д. 2025: Йохан Хенрик Шрётер: к вопросу о создании письменности на фарерском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIX (2)*. СПб., ИЛИ РАН, 269–275.

Пропп В. Я. 1928: *Морфология сказки. Вопросы поэтики.* Непериодическая серия, издаваемая отделом словесных искусств. Выпуск XII. Л.: Academia.

Фирдоуси 1957: *Шахнаме. Том первый. От начала поэмы до сказания о Сохрабе.* Издание подготовили Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М., Издательство АН СССР.

Doon de la Roche 1921: *Chanson de geste publiée par Paul Meyer et Gédéon Huet*. Paris, Champion (Société des anciens textes français).

Hammershaimb V. U. 1891: Færøsk Anthologi I. Text samt Historisk og Grammatisk Indledning. Med Understøttelse af Carlsbergsfondet. København, S. L. Møllers Bogtrykkeri (Møller & Thomsen).

Historia de Enrique fi de Oliua 1871: *Rey de Iherusalem, Emperador de Constantinopla*. (Segun el ejemplar único de la Biblioteca Imperial de Viena). Publícala la Sociedad de bibliófilos españoles. Madrid.

Karlamagnus Saga ok Kappa Hans 1860: *Fortællinger om Keiser Karl Magnus og Hans Jævninger. I norsk bearbeidelse fra det trettende aarhundrede.* Udgivet af C. R. Unger. Christiania. Trykt hos H. J. Jensen.

Óluvu kvæði 1847: Óluvu kvæði, Olufas kvad, en færøisk folkesang, meddeelt af V. U. Hammershaimb. *Antiquarisk Tidskrift, udgivet af det Kongelige Nordiske Oldskrift-Selskab*, 1846–1848. Kjöbenhavn. Trykt hos Sally B. Salomon, 279–304.

Storm G. 1874: *Sagnkredsene om Karl den Store og Didrik af Bern hos de Nordiske Folk. Et Bidrag til Middelalderens Litterære Hiatorie af Gustav Storm.* Udgivet af den Norske Historiske Forening. Kristiania. P. T. Mallings Bogtrykkeri.

Wolf F. 1833: *Über die neuesten Leistungen der Franzosen für die Herausgabe ihrer National Heldengedichte insbesondere aus dem fränkisch-karolingischen Sagenkreise; nebst Auszügen aus ungedruckten oder seltenen Werken verwandten Inhalts.* Ein Beitrag zur Geschichte der romantischen Poesie von Ferdinand Wolf, Scriptor an der k. k. Hofbibliothek. Wien, Fr. Beck'sche Universitäts-Buchhandlung.

Т. В. Рождественская

О надписях на фресках в ц. Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке: предварительные замечания[1]

Аннотация. Надписи в составе фресковых композиций XII в. в ц. Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке еще не были предметом филологического анализа, за исключением описания их палеографии. Предварительный анализ графико-орфографических и некоторых фонетических особенностей надписей может свидетельствовать о важности включения этих текстов в репертуар памятников древнерусской некнижной письменности для истории русского языка

Ключевые слова: надписи в составе древнерусской живописи Полоцка, графика, орфография, библейские литургические цитаты.

Церковь Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке была создана и расписана, согласно архитектурно-археологическим и искусствоведческим исследованиям, в последней трети первой половины XII в. (Селицкий 2006: 46–52), а по мнению исследователя и реставратора ее фресковой росписи В. Д. Сарабьянова, до 1161 г. и основу живописной артели, расписывавшей храм, составляли греки (Сарабьянов 2009; 2016). В последнее десятилетие усилиями реставраторов и искусствоведов Д. А. Скобцовой (Москва) и белорусских коллег (Минск) ведутся активные работы по дальнейшей расчистке и реставрации уникальных фресковых росписей Спасской церкви (Скобцова 2009, 2013, 2021).

В 2025 г. часть надписей на фресках была монографически опубликована И. Л. Калечиц (Калечыц 2025). Автор отмечает, что «первейшей задачей было не чтение надписей, а фиксация и передача графических особенностей букв**,** что и является одной из

[1] Статья написана в рамках проекта РНФ № № 25-18-00862 «Вербальное и визуальное в эпиграфической письменности Древней Руси».

основных задач палеографии и эпиграфики» (Калечыц 2025: 15). Публикуемые фресковые надписи сохранились на свитках в руках изображенных персонажей на хорах, на северной стене наоса и частично в подкупольном пространстве и на внутренней лестнице. И. Л. Калечиц выделяет среди них три группы, в зависимости от сохранности. Это, во-первых**,** имена святых, пророков, мучеников, апостолов; во-вторых, комментарии к композиции, названия библейского или агиографического сюжета, напр., *Рождество Христово, Лазарево воскрешение*; в-третьих, тексты на свитках — литургические библейские цитаты. На основе изучения палеографии всех надписей, представленных в монографии и составленной И. Л. Калечиц палеографической таблицы, автором высказывается осторожное предположение, что надписи на свитках могли быть сделаны самой преп. Евфросинией, «учитывая ее богословскую образованность и мастерство в переписывании книг, а также глубокое знакомство в церковными книгами» (Калечыц 2025: 16). Не будем касаться вопросов палеографии надписей и вопроса о том, насколько велико было личное участие преп. Евфросии в написании текстов на свитках, поскольку такое предположение нуждается в значительно более основательной аргументации и в сопоставлении с палеографией не только аналогичных надписей на фресках других храмов и на иконах, но и с книжными почерками синхронных рукописей.

Опубликованный материал — прориси надписей и их фотографии – невелик по объему, предварительные наблюдения сводятся к следующему:

Графико-орфографические черты:

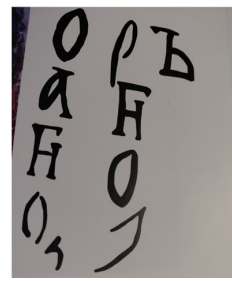

Рис. 1 – св. Георгий: Калечыц І. Л. Палеографічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аутарства. Мінск. «Беларуская навука». 2025. С. 7. Іл. 7.

1. Грецизированные окончания имен собственных — *о* и *ос*: **Анькюдиноос, Данило, (Гео)ргиос, Еплоос, Николаос, Ѳеодороос** (Рис. 1), где конечный знак типа сигмы имеет скорее декоративный характер, что нередко встречается в написаниях имен на древнерусских фресках и на иконах. При этом имена святых **Борисъ, Глебъ, Вѧчеславъ, Романъ** имеют стандартный конечный ъ.

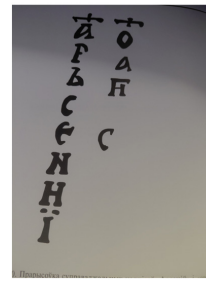

Рис. 2 – св. Арсений: Калечыц І. Л. Палеографічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аутарства. Мінск. «Беларуская навука». 2025. С. 38. Іл. 20.

2. Вставка в этих именах неогранических ъ и ь, что обычно для заимствованных слов: **Анькюдиноос, (Гео)ргиос, Ерьмола(и), Лаврьъ, Аръсенїї** (Рис. 2), **Затьхѣа, оус(пени)є Ѳеокътисти (но), евань(г)елиѧа**. В имени **Закхеи** в форме **Затьхѣа** — *к* > *т* перед вставным ь.

3. В надписи на свитке в композиции из Притчи о богатом и Лазаре при изображении богача в аду читаются фрагменты из пяти строк: **…Лаз(зор)ѧ (да) омочить пьрьстъ** отметим двуеровое написание **пьрьстъ**, отражающее восточнославянское «второе» полногласие.

4. После гласных употребляется исключительно є.

5. Представляет несомненный интерес наличие в двух формах нового ѣ: **въскрѣшеньє Лазорево** (Рис. 3), **мнищѣском**8 — в надписи на свитке в руках Ефрема Сирина, а также орфографическое смешение ѣ и е: **тако жѣ.**

6. Напряженный и передается как ь: **житью, въскрѣшенье, въ посл**8**шаньи.** Такие формы недавно были отмечены Р. Н. Кривко в трех надписях на кресте 1161 г. Евфросинии Полоцкой, в статье, посвященной истории нового **ѣ** (Кривко 2025: 8, сн. 18, 19): **wфро|-**

синьѧ, wфр|осиньꙗ, w|фросиньи, кованьѥ, камѣньѥ, ср. **семию | (с|боръ).**

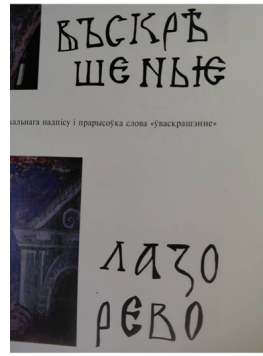

Рис. 3 – Воскрешение Лазарево: Калечыц І. Л. Палеографічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аутарства. Мінск. «Беларуская навука». 2025. С. 41. Іл. 25, 26.

Все надписи выполнены древнерусскими писцами книжными почерками и отражают восточнославянские графико-орфографические особенности.

Обратимся непосредственно к надписям-цитатам на свитках персонажей, которые, по классификации И. Л. Калечиц, относятся к третьей группе опубликованных ею надписей.

В монографии опубликованы надписи на свитках в руках следующих персонажей: Ефрема Сирина, Варлаама и Иосафа, Саввы Освященного, Евфимия Великого, Моисея Мурина, Максима Исповедника, Стефана Нового, преп. Варлаама, при изображении Содома цитируется текст о помиловании десяти праведников. Все эти надписи разной степени сохранности, от нескольких строк до нескольких букв.

Изучение подобных цитат имеет несколько аспектов. Важно определить **репертуар источников,** их славянскую редакцию, определить, в какой мере отразились в надписях различные правописные школы, графико-орфографические приемы, редакторские изменения. Анализ этих особенностей позволит говорить об участии местных мастеров, об отражении определенной письменной традиции. Сложность такого анализа связана с тем, что тексты

эти, как правило, весьма кратки по объему, поскольку писцу надо было разместить цитату, а чаще всего ее небольшую часть, в сравнительно малое пространство, которое было определено внешними причинами — как архитектурными особенностями храма, так и иконографической программой росписи в целом. Как правило, тексты на свитках, представлены в их литургических редакциях и в основном ориентируются на тексты богослужебные, а в случае пророческих цитат на паремейники.

Методология изучения подобных надписей ставит несколько вопросов: ***во-первых,*** насколько точно воспроизводится тот или иной текст по сравнению с книжной традицией; ***во-вторых***, в какой степени богослужебные цитаты подвергаются редактуре и чем это могло быть вызвано; ***в-третьих***, проявляются ли в литургической цитате графико-орфографические или языковые региональные черты или черты определенной редакции текста, каковы **пределы варьирования** книжной языковой нормы в некнижных текстах; ***в-четвертых***, писец — книжник или художник?

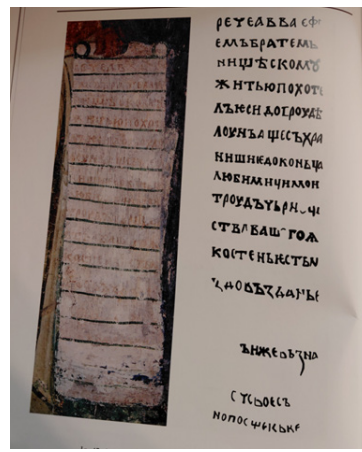

Рис. 4 – Надпись на свитке Ефрема Сирина: Калечыц І. Л. Палеографічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аутарства. Мінск. «Беларуская навука». 2025. С. 58. Іл. 47.

Одна из пространных надписей на свитке цитирует фрагмент Слова 42 Паренесиса Ефрема Сирина (Рис. 4): **рече авва Ефр/емъ брате мъ/ нищѣском8\ житью похоте\лъ ѥси доброу дѣ\лоу нъ**

аще съхра\ ниши ѥ до коньца\ любимици мои\ троудъ чьрнець\ ства вашего ѧ\ко стень ѥсть м\здовъзданнье…..\...ъ иже въз-на…\ече бо есъ\ …нопоещекькве…(цркве?) (Калечыц 2005: 58).

О. Ф. Жолобов отмечал, что ««уже самые ранние древнерусские оригинальные сочинения, написанные во второй половине XI в., обнаруживают знакомство с Паренесисом Ефрема Сирина. Для древнерусских писателей он стал источником словесных образов и композиционных приемов, которые они не просто использовали, но и перерабатывали — в соответствии с духом творческого заимствования, свойственного уже самым ранним образцам славянской литературы» (Жолобов 2011: 258), и что «раннее появление древнеславянского перевода «Ефрема», а затем широкое его распространение и популярность находят естественное объяснение в том, что творения преподобного Ефрема довольно рано стали устойчивым элементом литургической практики (Жолобов 2011: С. 248).

Поэтому не случайно, что фрагменты этого текста в его литургической редакции использовались древнерусскими не только книжниками, но и в некнижной письменности — я имею в виду цитаты в составе росписей в храме и, например, в одном из граффито в Софии Киевской.

Анализ полоцкого текста на свитке Ефрема Сирина, несмотря на его краткость, показывает, что этот текст воспроизводящий начало Слова 42, следует наиболее ранним спискам Паренесиса Ефрема Сирина. Естественно, что мастер, писавший текст, подверг его значительной компрессии, что обусловлено малым «писчим» пространством свитка. Ср. начало этого Слова по древнерусской рукописи около 1289 г (РНБ, Ф. 588, собр. М. П. Погодина, оп. 2, ед. 71а; Жолобов 2009: 37): **Того жде стго и прп(д) о(т)ца наше(го) ефрѣма\ наказание о о(т)падающи(х) о(т) своеа лености и не\ пщующихъ вины о грѣсѣхъ. Сло(в) мв //Брате мнишьскомоу житию похотѣлъ еси\ добру дѣлоу похотѣлъ еси аще схраниши е до\конца. Трѣзвисѧ оубо и вънѣмли себѣ ꙗко\прѣмоудръ а не ꙗко моудръ и ꙗко мни(х) а не\ ꙗко не мни(х).**

См. также начало Слова 24 в этой рукописи (Рис. 5).

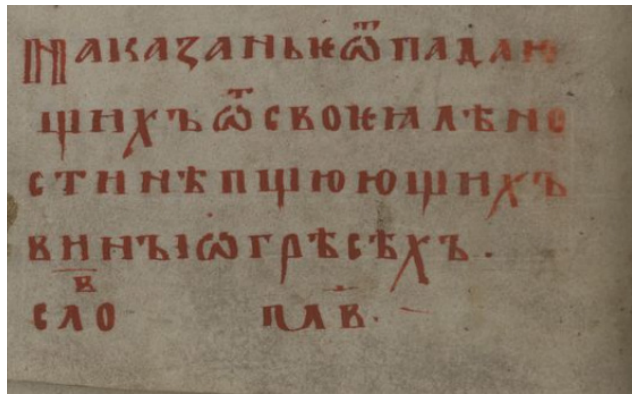

Рис. 5. Начало Слова 42 в рукописи собр. РНБ, Ф. 588, собр. М. П. Погодина, оп. 2, ед. 71а.

Дальнейшие работы по расчистке и укреплению фресок с текстами ц. Спаса Преображения даст возможность более подробного прочтения сохранившихся надписей – одних из ранних памятников некнижной письменности Древней Руси.

Посвящаю эти краткие заметки Юрию Александровичу Клейнеру, «яко премудру» медиевисту, доброму другу и коллеге на ниве средневековой письменности с пожеланием доброго здоровья и новых творческих свершений.

Литература

Жолобов О. Ф. Древнерусские «книги, рекомыя Ефремъ» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2010–2011. М., 2011. С. 241–262.

Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а. The corpus of the Old Russian copies of the Paraenesis of Ephraem Syrus. II: RNB, Pogod. 71a // Russian Linguistics (2009) 33: 37–64.

Калечыц І. Л. Палеографічная спадчына полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: суправаджальныя надпісы на фрэсках і пытанне аутарства. Мінск. «Беларуская навука». 2025.

Кривко Р. Н. Новый ѣ в истории науки и истории языка // WSlJb N. F. 13 (2025) С.1–37

Сарабьянов В. Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2009.

Сарабьянов В. Д. Спасская церковь Евфросиньевского монастыря в Полоцке. 3-е изд., доп. и перераб. — Полоцк; Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке. 2016.

Селицкий А. А. Сюжеты полоцких фресок в просветительской деятельности Евфросинии Полоцкой // Мастацкая адукацыя і культура. 2006. № 3. С. 46–52.

Скобцова Д. А. О некоторых технико-технологических особенностях основного объема росписи Спасской церкви в Полоцке //Вестник сектора древнерусского искусства. М. 2021. 1. С. 31–45.

Скобцова Д. А. Роспись жертвенника и дьяконника Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке (предварительные замечания о программе декорации) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009.

Скобцова Д. А. Фрески Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке в контексте искусства XII в. Проблема стиля // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПГКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 120–125.

Н. Л. Сухачев

«Дневник» и картины Марии Башкирцевой

Аннотация. Статья посвящена анализу «Дневника» Марии Башкирцевой (1858–1884) в его взаимосвязи с ее живописным наследием. Рассматривается формирование художественного видения Башкирцевой, проявившегося как в словесных «зарисовках» дневника, так и в ее живописных работах. Показано, что стилистика «Дневника» складывалась под влиянием французского натурализма (Э. Золя, Г. де Мопассан) и представляет собой не спонтанную исповедь, а осознанный литературный проект с установкой на читательское восприятие. Прослеживается путь Башкирцевой от первых уроков рисования до профессиональных занятий в Академии Жюлиана, анализируются ее взгляды на технику и задачи живописи, а также критические отзывы современников (А. П. Боголюбов). Освещается драматическая судьба художественного наследия Башкирцевой, значительная часть которого была утрачена в XX веке. Утверждается глубинное единство словесного и изобразительного творчества художницы, основанное на общем принципе отстраненного наблюдения и «позирования» перед зрителем.

Ключевые слова: Мария Башкирцева, «Дневник», натурализм, французская литература, живопись, Академия Жюлиана, автопортрет, Бастьен-Лепаж, Робер-Флери, Г. де Мопассан, художественное наследие, Русский музей.

«Молодая девушка искренне рисует свои восторги, свои тревоги и сомнения, как и свое ребяческое тщеславие — эту тень, за которою еще ярче выступает ее бурный, пламенный интеллект»[1]

[1] «Мария оказалась победительницей». Предисловие к раннему французскому изданию (см.: Башкирцева М. Дневник… 2014, с. 658. Ссылки на это изд. далее даны в тексте (с. в скобках). 1-е изд. «Дневника…» было подготовлено к печати А. Терье (фр. Claude-Adhémar-André Theuriet, 1833–1907), поэт, прозаик, драматург, член Фран-цузской Академии (с 1867 г.). Переводы его рассказов и романы в 1880–1908 гг. часто появ-

Рис. 1. «Автопортрет с палитрой», 1882, масло, холст, 73×92, Музей изящных искусств им. Жюля Шере, Ницца

Мария Башкирцева (фр. Marie Bachkirtseff, Гавронцы[2], Полтавская губ., 12 / 24 нояб. 1858[3] — Париж, 31 окт. 1884), дочь полтавского предводителя дворянства Башкирцева Константина Павловича (ум. в 1883) и Марии Степановны (урожд. Бабаниной, 1833–1920). После развода с мужем мать с дочерью уезжает в 1870 г. в Швейцарию, затем в Баден-Баден и Вену. С 1872 г. они

лялись в русских изданиях. Размеры картин приводятся в см.

[2] Также Гайворонцы (близ Диканьки).

[3] Автор «Дневника…» называет дату: 11 ноября 1860 г. (с. 5).

живут в Ницце, летом 1877 г. переезжают в Париж. Осенью Мария поступает в Академию Жюлиана[4]. Статья посвящена природному сродству «переживаний», порождающих словесные и изобразительные искусства.

М. Башкирцева могла слышать названия Малороссийская губерния (применительно к Полтавщине) и Слободско-Украинская губерния. К последней в XVIII в. относилась Харьковская губерния, где после ссоры родителей Мария провела детские годы в имении деда по материнской линии (в с. Черняковка[5]). В «Дневнике» под 1873 г. записано: «Тетя Софи играет на рояле малороссийские песни, и это напоминает мне деревню» (с. 11). Но ее, скорее всего, повеселила бы дефиниция «украинка в Париже» (в заглавии статьи о ней в одном из киевских журналов). И анахроничны попытки соотнести памятные записи с еще неведомым их автору «декаденством»[6].

1. «Дневник Марии Башкирцевой»[7]. Французский оригинал содержит сотню тетрадей, первые записи датированы 1872 г.: «… имя Марии Башкирцевой сохранила, прежде всего, ее “исповедь”. Подвергнутый (не без помощи профессионалов) основательному сокращению и редакции, “Дневник” был опубликован Марией Степановной Башкирцевой в 1887 г., через три года после смерти дочери. Книга имела оглушительный успех. Вызывая порой диаметрально противоположные суждения и эмоции, она мало кого оставляла равнодушным. В Париже началась настоящая

[4] Художественная школа, готовившая учеников для поступления в высшую Школу изящных искусств. Основана в 1868 г. «академистом» Р. Жюлианом (Rodolphe Julian, 1839–1907), в «Дневнике» также Жулиан.

[5] По ее владельцу, полковнику Черняку.

[6] Фр. décadent появляется в начале 1880-х гг. (в одной из пародий на Верлена и Малларме). Более привычным сло-во становится в начале 1890-х гг., ок. 1896 г. оно проникает в отечественную прессу, хотя русский эквивалент упадничество отмечен еще в конце XIX в. Только применительно к началу XX вв. можно говорить о «декадентах»-символистах, которыми Башкирцева, впрямь, зачитывалась.

[7] См.: Башкирцева М. 1) Дневник... 1888; 2) Дневник… 1893 и сл. Все отечественные издания воспроизводят перевод Л. Я. Гуревич, следовавшей советам М. С. Башкирцевой.

“башкирцевомания”»[8]. Со временем выяснилось, что текст был существенно «цензурирован»[9].

Мария Башкирцева получила домашнее образование. Помимо европейских языков, она изучала латынь и древнегреческий, с 13 лет занималась пением, освоила игру на рояле, гитаре, арфе и мандолине. К ученическим занятиям рисованию Мария приступает в 15 лет, если судить по следующей записи (1873 г.):

> «Сегодня у меня был большой спор с учителем рисования Бинза[10]. Я ему сказала, что хочу учиться серьезно, начать сначала, что то, что я делаю, ничему не научает, что это пустая трата времени, что с понедельника я хочу начать настоящее рисование. Впрочем, не его вина, что он учил не так, как следует. Он думал, что до него я уже брала уроки и уже рисовала глаза, рты и т. д., и <не знал> что рисунок ему показанный, был мой первый рисунок в жизни и притом, сделанный мною самой» (с. 22).

---

[8] Жукова И. А. Взгляд «беспристрастного» художника... 2007. С. 146. Также ср. отзыв русского современника: «”Дневник” покойной Марии Башкирцевой (“Journal de Marie Baschkirtzeff”), изданный в Париже ее семьей два года назад, с некоторого времени стал у нас модной книгой. Им восхищаются, повторяя слова Гладстона из “Nineteenth Century”, что это ”одна из примечательнейших книг нынешнего столетия»; о нем спорят, пожалуй, не меньше, чем спорили в Париже при появлении этой книги, или в Лондоне после статьи Гладстона, и в Америке, где ”Journal” в английском переводе издания Cassel and Co разошелся в десятках тысяч экземпляров», — см.: Тимский Ф. Жертва самообожания… 1893, с. 241. О жизни М. Башкирцевой и рецепции ее «Дневника» в европейской культуре конца XIX–XX вв. также см.: Александров А. Л. Подлинная Жизнь мадемуазель Башкирцевой. 2003; Коснье К. Мария Башкирцева. 2008 (франц. изд.: Cosnier Colette. Marie Bachkirtseff… 1984; переизд. 1985; 1987); Светлов В. А. Идиллия грусти… 1897.

[9] В 1985 г. Колет Коснье изучила подлинники «Дневников» М. Башкирцевой в парижской Национальной библиотеке Франции, считавшиеся утраченными. Большая их часть оставалась неопубликованной, изданные страницы содержали лакуны и явные искажения, см.: Hélard-Cosnier C. Marie Bachkirtseff 1987; К. Коснье подготовила полное изд.: Bachkirtsev M. Mon journal. Paris, 1995–2005. T. 1–16.

[10] Ф. Бинза, также Бенза. Других сведений о нем не обнаружено.

И несколько далее:

> «Я начала учиться рисовать» (с. 27)

С 1876 г. из-за начавшегося туберкулеза Башкирцева стала терять голос (после 1880 г. и слух). 5 апреля 1876 г. она оставляет в «Дневнике» следующую запись.

> «Я пишу и говорю обо всех, кто за мной ухаживает… Все это происходит из-за отсутствия удовлетворяющей меня деятельности. Я рисую и читаю, но этого — недостаточно.
>
> Такому тщеславному человеку, как я, нужно привязаться к живописи, потому что это вечно живая неиссякаемая деятельность.
>
> Я не буду ни поэтом, ни философом, ни ученой. Я могу быть только певицей или художницей.
>
> Это уже очень много. И потом — я хочу быть популярной, это главное» (с. 84)[11].

Башкирцева была окружена вниманием родных и друзей семьи. Знавшие ее ближе восхищались образованностью Марии. Она мечтала о славе творца — писателя[12], певицы, художника. Ее «Дневник» был издан посмертно в 1887 г. Предисловие М. Башкирцевой к нему, подписано 1 мая 1884 г. Примечательно, во-первых, ее намерение опубликовать часть текста:

> «…я ненавижу всякие предисловия (они помешали мне прочесть много прекрасных книг) и всякие предуведомления, этих извергов издателей. Поэтому то я и пишу сама мое предисловие: без него можно было бы обойтись, если бы я издавала все, но я желала бы ограничиться тем, что

[11] Ср. запись от 1873 г.: «Я создана для триумфов и сильных ощущений, поэтому лучшее, что я могу сделать, — это сделаться певицей» (С. 12).

[12] М. Башкирцева опубликовала под псевдонимом Полина Оррел (Pauline Orrel) несколько феминистских статей в парижской газете «La Citoyenne» («Гражданка»).

начинается с 18-ти летнего возраста: все предшествующее слишком длинно» (с. 10).

Концовка приведенного текста обнаруживает, что с какого-то времени, речь идет не о бесхитростной передаче сокровенных «девических» переживаний, но об определенной литературной задаче:

> «Если я и не проживу достаточно, чтобы быть знаменитой, дневник этот все-таки заинтересует натуралистов: это всегда интересно — жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время с страстным желанием, чтобы оно было прочитано; потому, что я вполне уверена, что меня найдут симпатичной; и я говорю все, все, все. Не будь этого, зачем бы… Впрочем, будет само собой видно, что я говорю все» (там же).

Речь идет не о спонтанном решении опубликоваться. Почти с самого начала, заметна имплицитная, затем и выраженная авторская установка на мнение читателя. Стилистика М. Башкирцевой формировалась не без оглядки на современную ей французскую литературу — прежде всего на поэтику Э. Золя и Г. де Мопассана. Семью годами ранее (Ницца, 16 мая 1877 г.) в дневник занесена следующая запись:

> «Меня мучает мысль, что мой дневник не будет интересен, что невозможно придать ему интерес, избегая неожиданностей. Если бы я писала с перерывами, я могла бы… Но эти ежедневные заметки заинтересуют разве что какого-нибудь мыслителя, какого-нибудь глубокого наблюдателя человеческой природы… Тот, у кого не хватит терпения прочесть все, не прочтет ничего и ничего не поймет» (с. 284).

И несколько далее (30 мая 1877 г.):

> «…женщина, которая пишет, и женщина, которую я описываю, — две вещи разные. Что мне до ее страданий?

> Я записываю, анализирую, я изображаю ежедневную жизнь моей особы, но мне, мне самой все это весьма безразлично. Страдают, плачут, радуются моя гордость, мое самолюбие, мои интересы, моя кожа, мои глаза; но я при этом только наблюдаю, чтобы записать, рассказать и холодно обсудить все эти ужасные несчастья, как Гулливер смотрел на своих лилипутов» (с. 287).

Даже одна из ранних записей 1873 г. обнаруживает рационалистическую подоплеку «Дневника»:

> «Все, что я говорю, не есть еще моя сущность, мое существо; у меня их еще нет. Я вижу только внешним образом» (с. 30).

Иными словами, «Дневник…» описывает жизнь, переживания и мысли его протагониста — как бы автора, но рассматривающего самого себя со стороны — в качестве отстраненного «действующего лица». Этот персонаж и «переживает» упоминаемые события и впечатления в качестве «автора». Описываемый характер обусловлен все же обширным кругом чтения стоящего за ним «автора» и его мечтаниями, порожденными и жизненными событиями, и книгами[13]. Особое место в записях «героини» занимал модный в ту пору натурализм. Достаточно присмотреться к началу первого письма, которое Башкирцева осмелилась послать Г. де Мопассану[14]:

> «Милостивый государь.
> Читая Вас, я испытываю почти чувство блаженства.

[13] Этим, похоже, объясняются отчасти описания романтической любви героини «Дневников» по отношению ко всем лицам, бывавшим у Башкирцевых.

[14] Переписку М. Башкирцевой и Г. де Мопассана см. в цит. изд. «Дневника» (С. 659–681). Примечательно, что в одном из писем, подписанных в ответ на неудачную «догадку» писателя о своем анонимном корреспонденте мужским псевдонимом «Жозеф Савантен», Башкирцева называет своего именитого адресата «злополучным золяистом» (с. 671).

> Вы боготворите правду, которую нам раскрывает природа, и находите в ней источник поистине великой поэзии. Вы волнуете нас, рисуя нам движения души с тонкостью, столь глубоко проникающей в человеческую природу, что мы невольно узнаем в них самих себя…» (с. 659).

В «автобиографических» пассажах «Дневника» имеется также размышление о словах, похоже, занимавших воображение Марии чаще всего:

> «Слово гений обладает тем же свойством, что и слово любовь. В первый раз едва решаешься написать его, а как раз написал, так и пойдешь употреблять его каждый день по поводу всякого пустяка. Впрочем, это же можно сказать и обо всем, что кажется с первого раза огромным, страшным, неприступным…» (с. 374).

Приведенная запись несколько проясняет тот аспект «Дневника», который вызывал и будет вызывать как чрезмерные восторги, так и резкие неприятия его «внешнего» содержания. Башкирцева ясно осознавала как суетность такого восприятия — в н е ш н е г о, так и неоднозначность переживаний, которые старалась выразить «…хоть при помощи пера!» (там же).

Восприятие «Дневника» Башкирцевой русской интеллигенцией было неоднозначным, о чем можно судить, например по краткому резюме в литературной энциклопедии:

> «Либерально-демократическая критика подвергла “Дневник” и сам факт его публикации резкой критике[15] <…> Л. Н. Толстой отмечал искусственность Башкирцевой[16] <…> А. П. Чехов квалифицировал “Дневник” как “чепуху”, хотя и оговаривался, что “к концу повеяло чем-то

[15] Ссылки на: Н. Михайловский (Северный вестник. 1887. № 12) и М. Протопопов (Русская мысль. 1892. № 4).

[16] Ссылка на: Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1: 204.

человеческим”[17] <…> В. Г. Короленко чутко уловил типичность “Дневника” для того умонастроения, которое “называется у нас теперь fin du siècle <конец века>”[18] <…> В. Я. Брюсов в 1892 г. записал: Башкирцева — “это я сам со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами”[19] <…> В. Хлебников считал “Дневник” Башкирцевой уникальным явлением мировой культуры как “точный дневник своего духа”[20] <…> Увлечение Башкирцевой пережила М. И. Цветаева, посвятив “блестящей памяти” Башкирцевой “Вечерний альбом”[21] (М., 1910) …»[22].

Рис. 2. «Игра», 1877, карандаш, пастель, бумага, Музей Жюли Шере, Ницца

«Дневник» Марии Башкирцевой — м о н о л о г автора об отношении к жизни во всех ее «пустяках» и огромности. Вместе с тем, это и д и а л о г с читателем (пусть воображаемым). Перед ним автор позирует и откровенно кокетничает. Поэтика дневниковых записей столь же импульсивна, сколь и рациональна[23]. Начатые

[17] Ссылка на: Чехов А. П. Письма. Т. V: 127.

[18] Ссылка на: Короленко В. Г. Письма к П. С. Ивановской. М., 1930: 35.

[19] Ссылка на: Брюсов В. Я. Дневники… М., 1927: 5.

[20] Ссылка на: Хлебников В. Собр. произв. Л., 1930. Т. 2: 10.

[21] Ссылка: См. также Цветаева А. Воспоминания. 3-е изд. М., 1983: 331–332.

[22] Кайдаш С. Н. Башкирцева… 1989: 188

[23] «Постоянно, на каждом шагу Башкирцева испытывает, проверяет свой талант во всем. Лучше всего иллюстрирует ее блестящие способности переписка с Мопассаном 1884 года», — *Дьяков Л.* Мария Башкирце-

14-летней девочкой, они оборвались с уходом из жизни 26-летнего автора, уже искушенного в жанре литературной «исповеди».

2. Обучение ремеслу и пейзажные описания. «Живописная» часть артистического наследия М. Башкирцевой не менее значима, чем ее мемуары. В какой-то мере это та же манера, жесткого «внешнего» взгляда на себя и свое окружение. Художественное виденье Башкирцевой формируется из недр дневника — из наблюдательности автора, работающего со словом[24]. Можно оценить, например, запись, сделанную месяца за четыре до начала занятий в Академии Жюлиана:

> «Вчера вечером пока играли в карты, я делала набросок при свете двух свечей, которые слишком мерцали от ветра, и сегодня утром я набросала на полотне наших игроков.
>
> Мне страшно хочется написать четырех человек, сидящих вокруг стола, схватить положение рук и выражение лиц. До сих пор я рисовала только головы, большие и маленькие…» (С. 287).

На протяжении всего «Дневника…» такого рода словесные «зарисовки», представленные как зримый образ, не редкость. Приведу некоторые из них, начиная с самых ранних (1873 г.):

ва. 2009.

[24] Но мне кажется не вполне продуманным, пусть и эффектным, утверждение Льва Дьякова: «Литературные достоинства «Дневника» неоспоримы. И все-таки каждая его строчка свидетельствует, что автор *прежде всего — художник* (выделено мной — *Н. С.*). Тонкие, проникновенные зарисовки природы, ее настроений, великолепные, будто вылепленные рукой скульптора, портреты людей. Даже к своему внешнему облику она относится как к художественному произведению: “Мой наряд и прическа сильно изменили меня. Я походила на картину”», — *Дьяков Л.* Мария Башкирцева...» (с. 26). Все-таки язык, а не виденье «художника» формирует личность. Правда, чаще всего, если оставаться в рамках языка, видимую грань между словесным образом и изобразительным провести невозможно (только материальную — между знаком языка и «картиной»).

«…вокруг меня была такая прекрасная картина: ключ окружен деревьями, так что не видно ни земли, ни неба, видишь только струйку ручейка и камни, поросшие мхом; и кругом деревья, самых разнообразных пород, освещенные солнцем» (С. 19).

Рис. 3. «Девушка, читающая на водопаде», ок. 1882, акварель, бумага, внизу с отступом слева: Maria B.

«M-me Савельева при смерти; мы отправляемся к ней <…> В ее комнате сидит старая m-me Патон. Я посмотрела на постель, но сначала не могла ничего различить и искала глаза больной; потом я увидела ее голову, но она так изменилась, что из женщины полной стала совсем худой; рот открыт, глаза закрыты; дыхание сильное и тяжелое» (С. 20–21).

«Разразилась гроза; молнии были просто страшны; иногда они падали на землю, оставляя на небе серебристую черту, — тонкую, как римская свеча» (С. 26).

«Начиная с Милана местность восхитительна, такая

зеленая, такая плоская, взгляд простирается в бесконечность, и никакая гора не встает стеной перед глазами» (С. 29).

Подобного рода «картины», увиденные внимательным взглядом, все же являются порождением словесной — точнее к у л ь т у р н о й традиции (в самом широком ее понимании как преемственности жизненного опыта, передаваемого через времена и страны благодаря языку). Вот, например, запись 1876 г.

«Я только что пела и чувствую боль в груди. И вот вы уже видите, что я позирую как бы в роли мученицы! Как это глупо!

Я причесана как Венера Капитолийская, одета в белое, как Беатриче, с четками и перламутровым крестом на шее.

Что ни говори, а есть в человеке известная потребность в идолопоклонстве, в материальных ощущениях. Бога в простоте Его величия недостаточно» (С. 104).

Цитата насквозь литературная. Но вместе с тем, это взгляд на себя со стороны, если даже не самолюбование. Оглядка, пусть и мельком, на древнее зеркало, за амальгамой которого «материально» ощущаются переживания всех, кто вглядывался в него до тебя.

Вот еще один пассаж из дневника, за тот же год.

«Я оставалась в саду до сумерек, которые так хороши на море — фоном служит бесконечность <…> Фонтан, грот с каплями воды, беспрерывно падающими с уступа на уступ, прежде чем попадут в бассейн; все окружающее, густые деревья придают этому уголку уютность и таинственность, располагающие к лени и мечтательности.

Почему вода всегда располагает к мечтательности?

Я оставалась в саду, глядя на вазу, в которой распускается великолепная розовая саппа, представляя себе, как красивы в этом прелестном саду мое белое платье и зеленый венок» (с. 104).

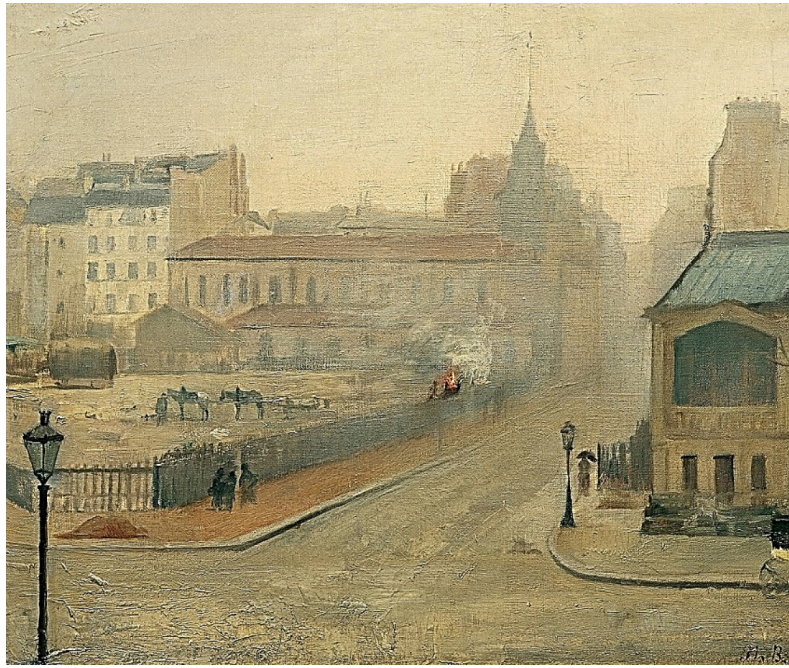

Рис. 4. «В тумане», 1882, масло, холст, внизу справа: М. В., Галерея Бельведер, Вена.

И тут же, «живописную» сценку и «мечтательность» разрушает ирония:

> «Неужели у меня нет другой цели в жизни, как только одеваться с таким искусством, украшать себя зеленью и *думать об эффекте*? (выделено мной, — *Н. С.*).
>
> Откровенно говоря, я думаю, что, если бы прочли что́ я пишу, меня нашли бы скучной…» (там же).

Это поза? Или желание найти *свою* позицию в жизни? Разумеется, поиски велись в контексте современной автору «Дневника» культуры, под влиянием идей, буквально «витавших в воздухе», что можно утверждать и применительно к «идеалам» искусства, разделяемых М. Башкирцевой (включая понимание живописи как

«верного зеркала»[1] Природы). Показательна запись от 28 июля 1876 г.[2]:

> «Затем картины.
>
> Мы достигли времени, предназначенного для крайнего усовершенствования живописи — идеала искусства. Начали с жестких линий, с красок слишком ярких, не сливающихся между собой, потом перешли к мягкости, доходящей до неясности очертаний. Полного подражания природе, вполне верного снимка с нее, — что бы там ни говорили и не писали, — еще не было.
>
> Закроем глаза на то, что было между самой примитивной и современной[3] манерой в живописи и сосредоточим на них все внимание.
>
> Жесткость, ослепительные краски, резко проведенные линии — вот в чем состоит первая.
>
> Мягкость, краски, настолько сплывающиеся между собой, что рисунок проигрывает в рельефности, какое-то избегание линий — вот вторая.
>
> Теперь нужно было бы, так сказать, взять концом кисти слишком яркие краски древних картин и перенести их на безжизненные современные. Тогда будет совершенство.
>
> Есть еще род живописи, еще совершенно новый, состоящий в том, что пишут картины “пятнами”. Но это ужасно[4], хотя таким образом и достигается некоторый эффект.

---

[1] Напомню, что именно романтики перенесли приведенную метафору и на язык.

[2] Запись примыкает к впечатлениям от берлинских музеев.

[3] К этому слову дано примечание М. Башкирцевой: «Под современными я подразумеваю здесь Рафаэля, Тициана и других великих мастеров».

[4] Такое пренебрежение импрессионизмом (вряд ли неприятие) — слово impressionnisme уже было на слуху с 1871 г. — по-своему объяснимо. Автор «Дневника…» все же продумывает усвоенную культурную традицию, более подвижную в том, что затрагивает словесное искусство, и относительно консервативную, когда речь идет, например, о живописи — ее еще надо «увидеть» глазом.

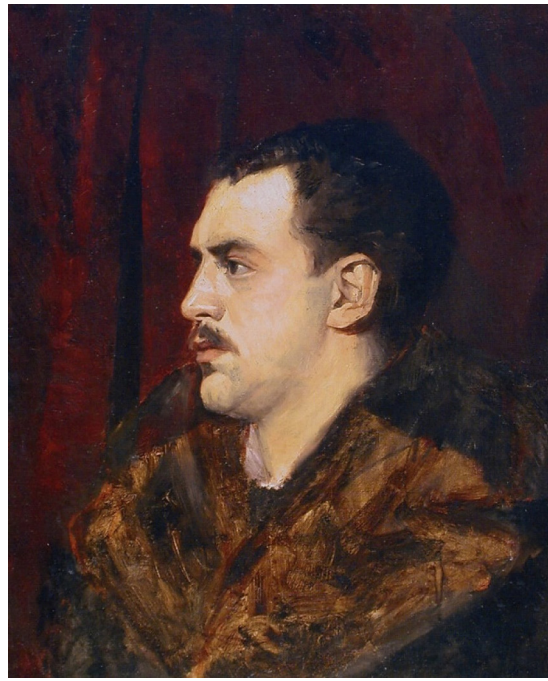

Рис. 5. «Портрет брата Павла (Paul Bachkirtseff)», 1876, масло, холст, 54×65, Музей изящных искусств им. Жюля Шере, Ницца.

В картинах новых мастеров значение обстановки — обыденных предметов, как то: мебели, домов, церквей, недостаточно оценено. Пренебрегают точностью в передаче обстановки и таким образом производят какую-то *сбивчивость* линий; слишком злоупотребляют ретушевкой (тогда как можно было бы пользоваться ею, не возводя этого в обыкновение); таким образом фигуры выделяются недостаточно резко и кажутся такими же мертвенными, как окружающие их предметы, которые сделаны не с достаточной *точностью* и кажутся как бы не вполне твердо стоящими и неподвижными. В таком случае, дитя мое, так как, по-видимому, ты так хорошо понимаешь, что нужно для совершенства… Не беспокойтесь, я буду работать и, что еще лучше, добьюсь в этом успеха!» (с. 166–167).

В приведенной цитате примечательны и наблюдения над техникой живописи — ее фактурой, и намерение «работать». Показательна как бы диалогическая форма виденья Башкирцевой ремесленной подоплеки и «идеальной» значимости живописи — «полного подражания природе». Самообращение «дитя мое» — выдает некоторое колебание, неуверенности в своих силах (если только речь не идет просто о пародии речи своих наставников ремеслу живописца). Условное сомнение (пусть и под видом пародии) тут же снимается ответным «добьюсь в этом успеха!»

В записи от 28 августа того же 1876 г. сцена в фойе полтавского театра вызывает у Башкирцевой прямую ассоциацию с иллюстрацией к литературному образу (если только речь идет о персонаже драмы Гете «Торквато Тассо»):

> «Я не могла лишить себя удовольствия порисоваться на большой лестнице! Я села посредине; молодые люди, которые шли наверх вместе со мной, сели ниже на ступеньки, а князь стал на колени. Видели вы гравюру изображающую Элеонору Гете? Это было точно так же, даже мой костюм был тот же. Только я ни на кого не смотрела, я смотрела на лампы» (С. 213).

В это посещение России Мария работает над портретом брата “Paul Bachkirtseff”, ср. запись от 8 сентября 1876:

> «Если мне удастся портрет Поля, это будет чудо, так как он не позирует, и сегодня я рисовала четверть часа одна…» (с. 221).

2-о октября 1877 г. Мария впервые посещает парижскую мастерскую Р. Жюлиана:

> «…единственную серьезную школу для женщин. Там работают каждый день от восьми часов до полудня и от часу до пяти. Когда Жюлиан ввел меня в залу, там позировал какой-то обнаженный человек» (с. 308).

Рис. 6. «В студии. Мастерская Жюлиана», 1881, масло холст, 188×154, внизу слева: M. Bachkirtseff 1881, Художественный музей, Днепропетровск

О решении стать профессиональным художником, возможно свидетельствует запись от 7 января 1878 г.:

> Верить или не верить в будущность художницы? <…> Хочу быть знаменитой!..
> И буду.» (с. 333).

А далее (от 13 февраля):

> «Я хочу от всего отказаться ради живописи. Надо твердо помнить это, и в этом будет вся жизнь» (с. 335).

Кажется, автор уже не позирует. Скорее, речь могла бы идти о самовнушение на грани надежды и сомнений (запись от 15 февраля):

«Я рисую по обыкновению, что, однако, не мешает мне быть крайне недовольной собой. Я сказала это Роберу-Флери[5] некоторое время назад; в субботу, исправляя наши рисунки, он спросил:

— Это Вы сделали?

— Да.

— Вы не рисовали целых фигур до поступления сюда?

— Нет.

— И вы еще жаловались, кажется?

— Да.

— На то, что медленно подвигаетесь?

— О, да!

— Ну, а я так был бы очень доволен на вашем месте.

Это было сказано с благосклонной веселостью и стоило многих похвал.

Да когда же я смогу… писать портреты?.. Через год… — я надеюсь, по крайней мере» (с. 335-336).

Объективна ли изложенная сценка «с натуры»? Лишь в меру того насколько литературный замысел «Дневника» сообразуется с различными событиями и впечатлениями из жизни его автора. В любом случае, запись в дневнике не представляет собой точной фиксации состоявшегося разговора. Из последующих записей Марии об ее «академических» разочарованиях и успехах понятно, что обыгрывается определенный сюжет:

«— С некоторого времени, — сказал мне сегодня утром Робер-Флери, — образовалась какая-то граница, которой вы не можете перешагнуть; это нехорошо! С такими действительно серьезными способностями, как ваши, вы не должны затрудняться такими пустяками, тем более что вы обладаете всем, что дается действительно трудно» (с. 340, запись от 16 марта).

Несколько ниже:

[5] Тони (Антуан) Робер-Флёри (Tony Robert-Fleury; Париж, 1837 — Вирофле, 1911), французский художник. Препода-вал в Академии Жюлиана.

«Я обещала вам перейти границу, о которой говорил Робер-Флери.

Я сдержала свое слово. Мной были необыкновенно довольны; мне повторяли, что с такими серьезными способностями, как мои, действительно стоит работать, что я сделала удивительные успехи и что через месяц или два…

— Вы будете считаться между самыми сильными, — прибавил Робер-Флери <…>

— Приготовьтесь, — сказал мне шепотом Жулиан, — приготовьтесь к ненависти со стороны всех здешних, потому что мне еще не приходилось видеть никого, кто добился бы таких результатов в какие-нибудь пять месяцев.

— Жулиан, — сказал Робер-Флери при всех, — я только что должен был наговорить кучу комплиментов m-lle Башкирцевой, которая просто на диво одарена.

Жулиан, несмотря на свою толщину, чуть не подпрыгнул…» (С. 340, запись от 23 марта).

При смене временного плана Жюлиан, явно присутствовавший при предыдущем «только что», разумеется, «подпрыгнул» чисто стилистически. Недели через три очередной повтор (запись от 12 апреля):

«Вчера Жулиан встретил в *Кафе* Робера-Флери, и Робер-Флери сказал ему, что я ученица поистине интересная и удивительная, и что он возлагает на меня большие надежды» (С. 343).

Если вернуться в 1876 г., когда Мария Башкирцева еще не знала Жюлиана, можно удивиться цепкости ее зрительных впечатлений, воссоздаваемых по памяти (запись от 22 сентября)[6]:

«О, Рим, Пинчио, возвышающийся как остров среди Кампаньи, пересекаемой водопроводами, ворота del Popolo, обелиск, церкви кардинала Гастоло по обе стороны Корсо, дворец Венецианской республики, эти темные, узкие

[6] Это период пребывания М. Башкирцевой в Полтавской губ.

> улицы <…> Мне кажется, что я вижу все это. Я закрываю глаза и мысленно проезжаю по городу, посещаю развалины, вижу…
>
> Я противоположна тем людям, которые говорят: с глаз долой — из сердца вон. Исчезнув с глаз моих, предмет получает двойное значение: я его разбираю, восхищаюсь им, люблю его» (С. 230–231).

Допускаю, что в приведенной записи присутствует толика позирования. И напомню, что портрет брата Поля был написан Марией отчасти по памяти[7].

Из сохранившихся картин М. Башкирцевой 1878 годом датирован ее «Автопортрет в шляпе с пером» (холст, масло, Музей Феликса Зима, Мартиг, Франция).

В 1879 г. Башкирцева получает золотую медаль на конкурсе ученических работ и с этого времени регулярно выставляет свои картины[8].

Что касается оценки живописного стиля Марии Башкирцевой приведу не самый лицеприятный отзыв встречавшегося с ней современника — А. П. Боголюбова[9], «моряка-художника» и основателя Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева, чей «беспристрастный взгляд», по словам первого публикатора его очерка о Башкирцевых, был ответом на творимый «миф о ней», ответом на

> «…многочисленные слащавые отзывы о Башкирцевой и ее дневнике, авторы которых дивились “гениальности столь рано погибшего цветка русской интеллигенции”».

Внук Радищева, маринист и баталист Боголюбов не принял ни портретов Марии Башкирцевой, ни ее пейзажей.

---

[7] Ср. цитированную выше запись от 8 сентября 1876 г. (С. 221).

[8] Выставляя картины, М. Башкирцева иногда пользовалась псевдонимом Мари Константен Рюсс.

[9] См.: *Жукова И. А.* Взгляд… 2007. С. 147.

«Первые портреты и некоторые этюды с натуры зеленые, как весенний шпинат, появились на выставке и были подняты газетчиками на степень замечательного труда! <…> Видя эти ученические произведения, сильно смахивающие на Бастьен-Лепажа[10], все говорили, что это его кисть, а в портретах — его товарищ Т. Робер-Флери <…>

Прошло четыре года, и наконец появилась картина на выставке под названием «Митинг» — уличные мальчишки около забора, на углу, в числе 5 о чем-то рассуждают. Картина точно имела достоинства. Выражения мальчишек были бойко подмечены, и группа хорошо составлена. Но, кто знает живопись Бастьен-Лепажа, тот прямо скажет, что это его кисть, характер и композиция, это подтвердили все художники. Но реклама без устали твердила о гениальности Башкирцевой»[11].

Рис. 7. «Встреча (Le meeting)», 1884, масло, холст, 193×177, внизу справа: M. Bachkirtseff. 1884, Музей Орсе, Париж

В далекой ретроспективе многое из того, что представляется сомнительным и спорным при жизни того или иного писателя или художника, обретает иную весомость. И не в силу «патины времени», а скорее вопреки, коль скоро из постоянно разрастающегося

[10] Жюль Бастьен-Лепаж (Jules Bastien-Lepage, Данвиллер, Мёз, 1 ноября 1848 — Париж, 10 декабря 1884), одним из первых он изображал крестьянский быт в духе натурализма.

[11] *Боголюбов А. П.* Феномен-девица… 2007.

множества произведений — словесных или изобразительных, остаются наиболее качественные. Такие, которые пребывают вне места и времени[12].

3. Судьба наследия Марии Башкирцевой-художника. К сожалению, многие ее рисунки и полотна утрачены, скорее всего, безвозвратно. После кончины дочери мать постаралась открыть доступ к ее живописному наследию для всех, желающих с ним ознакомиться, если верить свидетельству А. П. Боголюбова:

> «…со смертью дочери Башкирцевы не переставали эксплуатировать ее таланты. Прежде всего, они купили отель в улице Prony с мастерскою, обмеблировали его роскошно и в нем устроили музей и ателье, где только не доставало Мери, но все ее эскизы, картины, рисунки и подмалевки были расставлены самым выгодным для осмотра образом»[13].

По инициативе и не без содействия М. С. Башкирцевой состоялась первая персональная выставка художницы в Париже (открылась 23 февраля 1885 г.), организованная «Обществом женщин-живописцев и скульпторов», в котором состояла М. К. Башкирцева. По просьбе матери предисловие к каталогу ее картин написал поэт Франсуа Коппе[14]. Затем последовала выставка в Амстердаме (зима 1887 г.), а позже в ленинградском Русском музее (1929 г.)[15].

Основную часть живописных работ М. Башкирцевой мать

---

[12] В начале 60-х годов ушедшего столетия я непременно останавливался в Русском музее перед «Сиренью» (1880) и «Зонтиком» (1883, масло, холст, 93×74), практически ничего не зная тогда ни о М. Башкирцевой, ни о перипетиях ее литературного и художественного наследия. История ее полотен не менее трагична, чем жизнь автора.

[13] Боголюбов А. П. Феномен-девица… 2007.

[14] Cataloge des œuvres de Mlle Bachkirtseff. Paris, 1883 — включает перечень 100 живописных работ, 6 пастелей, 35 рисунков и 5 скульптур; более 20-ти работ воспроизведены. Текст предисловия также см.: *Коппе Ф.* Картины Марии Башкирцевой // Дневник… 2014. С. 649–652.

[15] См.: Чистякова 2018.

перенесла в родовое полтавское имение. В 1908 г. она передала Музею Александра III (будущий Русский музей, Санкт-Петербург) 141 работу Марии (рисунки, эскизы, полотна, пастели, скульптурные этюды)[16]. В 1917 г. остававшаяся на Полтавщине часть коллекции сгорела вместе с подожженной усадьбой. Немногие работы, уцелевшие во флигеле, погибли при бомбежке в 1941 г.

Рис. 8. «Жены-мироносицы (Святые жены)», 1883, масло, холст, Музей изобразительного искусства им. Радищева, Саратов

Из коллекции Русского музея в 1929 г. несколько работ было передано в Красноярск. В 1930 г. еще две картины Башкирцевой из Ленинграда перешли в музей Днепропетровска. В силу идеологизированной национальной политики, проводившейся советской властью, особенно в республике с «имперским» названием *украйны*[17] (польским по происхождению), по запросу Наркомпроса УССР в 1932 г. в разные ее музеи поступило 127 произведений М. Башкирцевой. В Русском музее осталось 8 живописных поло-

[16] За семь лет обучения в мастерской Р. Жюльена Башкирцева создала более 150 полотен, 200 рисунков, 35 пастелей и несколько скульптур, ср.: *Дьяков Л.* Мария Башкирцева.

[17] Так это название воспроизводил Н. С. Лесков.

тен и 13 графических работ. При эвакуации Харьковской картинной галереи в начале Великой Отечественной войны бесследно пропали 66 полотен. В нынешней Украине оставалось не более 3 картин Башкирцевой — в музеях Харькова, Днепра (Днепропетровска) и Сум.

Одна из последних работ Марии Башкирцевой — «Жены-мироносицы (Святые жёны)», 1883, масло, холст, была подарена А. П. Боголюбову с надписью на подрамнике надпись: «Саратовскому музею. Мария Башкирцева. 1883. Париж — esquisse le saints femmes». Одноименный эскиз (? 1884), наряду с несколькими скульптурами, мольбертом художницы, и мебелью, хранится в часовне Марии Башкирцевой[18] на парижском кладбище Пасси.

К 150-летию со дня ее рождения в Музее изящных искусств Ниццы открылась персональная выставка (16 августа 2008 г. — 11 января 2009 г.), на которой экспонировались дневник, некоторые картины, рисунки и личные вещи, в том числе фарфоровая бонбоньерка с ее портретом. Были выставлены и работы художников, связанных с Башкирцевой, — Ж. Бастьена-Лепажа, а также Л. Бреслау[19] и А. Нордгрен[20], учившихся вместе с ней в Академии Жюлиана.

[18] Возведена по проекту архитектора Эмиля Бастьен-Лепажа, брата художника.

[19] Л. Бреслау (Louise Catherine Breslau, 1856–1927), швейцарская художница.

[20] А. Нордгрен (Anna Nordgren, 1847–1916), шведская художница.

Рис. 9. Часовня на могиле Марии Башкирцевой, Пасси, Париж, 2014 (фотография А. Х. Гирфановой)

Фонд «Возрождение памяти Марии Башкирцевой» и Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва) на выставке «Избранница судьбы» (21 августа — 20 сентября 2018 г.) представили экспонаты из частной коллекции Татьяны и Николая Швец: графические работы, созданные в период обучения художницы в мастерской Р. Жюлиана, считавшееся утраченным полотно «Молодая женщина, читающая “К вопросу о разводе” А. Дюма»[21], фотографии Марии и ее близких, некоторые личные вещи и редкие издания «Дневника» (Избранница… 2018).

[21] Также: «Портрет мадемуазель Дины», «Молодая женщина, читающая Дюма», «Портрет юной читающей девуш-ки», масло, холст, 130×98, частное собр. Полотно выставлялась на Салоне 1880 г., считалось утраченным.

27 августа 1883 г. Мария Башкирцева заносит в «Дневник» следующую запись:

> «Я дала на лоторею в пользу Искии[22] моего «Рыбака на ловле» <…> Он таки очень недурен — мой рыбак, и вода — совсем хороша <…> Все мы какие-то безумцы. Зачем работать над произведением искусства; толпа ведь ровно ничего в нем не смыслит. И однако ты ведь любишь толпу, друг любезный? Да; т. е. я желаю составить себе всеми признанную репутацию, чтобы возбуждать в людях еще больший восторг и удивление» (С. 559).

То, что по жизни несовместно — «удивительная» личность и толпа, составляет естественную интригу искусства, наряду с ее извечными сюжетами: Творец и Мир, Любовь и Смерть.

Литература

Александров А. Л. Подлинная Жизнь мадемуазель Башкирцевой. М.: Захаров, 2003. — 230 с.

Башкирцева М. Дневник [Отрывки] / Пер. с франц. Л. Я. Гуревич // Северный Вестник. 1888.

Башкирцева М. Дневник / Пер. с франц. Л. Я. Гуревич СПб.: Изд. ред. «Северного Вестника», 1893 (3-е изд.: Пг.; М., 1916; М.: Искусство, 2001; М.: Захаров, 2014 [прил.: Рец. У. Э. Гладстона на англ. пер. «Дневника…» (1889); А. Терье, предисл. к фр. изд. (1887); Переписка М. Башкирцевой и Г. де Мопассана]; СПб.; Азбука-Аттикус, Колибри, 2017.

Башкирцева М. Неизданный дневник. Переписка с Гюи де Мопассаном / Пер. с франц. Ялта: «Джалима», 1904.

Башкирцева М. Дневник. Избранные страницы / Пер. Л. Я. Гуревич с франц. 3-го изд.; Подгот. текста, вступит. статья и примеч. А. Е. Басманова; Худ. А. Быков. М.: Молодая гвардия, 1991.

Боголюбов А. П. Феномен-девица / Предисл. и примеч. И. Жуковой. Взгляд «беспристрастного» художника. Неизвестные воспоминания А. П. Боголюбова о Марии Башкирцевой // Наше Наследие 2007. № 83–84. С. 146–153.

[22] 28 июля 1883 года, в результате разрушительного землетрясения на о-ве Искья (Ischia — в северной части входа в Неаполитанский залив) погибло 2313 чел.

Дьяков Л. Мария Башкирцева // Искусство. 2009. № 1. С. 22–28 с. ил.

Жукова И. А. Взгляд «беспристрастного» художника. Неизвестные воспоминания А. П. Боголюбова о Марии Башкирцевой // Наше Наследие 2007. № 83–84. С. 146–149.

Избранница судьбы Мария Башкирцева. L'Elue du Destin Marie Bachkirtseff. Антология / Сост. Татьяна Швец. М.: «Вече», 2008. (Авторы: Андре Тёрье, Пьер-Жан Реми, Колет Элар-Коснье, Беатрис Дебрабандер-Декамп, Лев Анненский, Татьяна Швец, Николай Кнорринг, Игорь Владимиров, И. Н. Шувалова, Татьяна Золозова, Анастасия Тетрель)

Кайдаш С. Н. Башкирцева Мария Константиновна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1989. С. 188.

Коппе Ф. Картины Марии Башкирцевой // Дневник… 2014. С. 649–652 (1-я публ.: Cataloge... 1883).

Коснье К. Мария Башкирцева: портрет без ретуши / Пер. с фр. Т. Чугуновой; предисл. И. Ф. Владимирова; Послесл. Т. Д. Швец. М.: Терра-Книжный клуб, 2008 (франц. изд.: Cosnier C. Marie Bachkirtseff, Un portrait sans retouches. Rennes, Édi. Horay, 1984 (переизд.: Paris: Pierre Horay, 1985)).

Светлов В. А. Идиллия грусти (Посвящается М С. Башкирцевой) // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. Май. С. 389-400.

Светлов Андрей. Мария Башкирцева. Русская художница, покорившая Мопассана // Искусство. 2009. № 1. С.

Тимский Ф. Жертва самообожания и культ Марии Башкирцевой // Вестник иностранной литературы. 1983. Кн. I. С. 241–253.

Чистякова И. А. О выставке М. К. Башкирцевой в Русском музее в 1929 году (по материалам архива ГРМ) // Страницы истории отечественного искусства. К 100-летию Василия Алексеевича Пушкарева. Сборник статей по материалам научной конференции. СПб., 2018. Вып. XXXI. С. 58–67 (Русский музей).

Bachkittseff M. Journal de… Paris: G. Charpentier et Cie éditeurs, 1887–1890. T. 1–2.

Bachkirtsev M. Mon journal / Éd. G. Apostolescu. Montesson. Paris, 1995–2005. T. 1–16 (Cercle des amis de M. Bachkirtseff).

Cataloge des œuvres de Mlle Bachkirtseff. Paris: Ludovic D-Bachet, Éd., 1883 (L'Union des Femmes Peintres et Sculpteurs).

Hélard-Cosnier C. Marie Bachkirtseff ou le Journal censuré // L'Ukraine et la France au XIXe siècle. Paris; Munich: Sorbonne nouvelle, 1987.

В. С. Томеллери

О судьбах грамматической терминологии в контексте языковых и культурных контактов

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования грамматической терминологии в церковнославянской, армянской и грузинской традициях в контексте языковых и культурных контактов. На материале нескольких примеров (винительный падеж, этимология, повествовательный падеж) показано, что сходства в терминологии могут быть обусловлены как более или менее верным толкованием общего источника, так и взаимным влиянием и вторичным переосмыслением.

Особое внимание уделяется случаям семантического смещения и непонимания исходных греческих терминов уже на ранних этапах их внешней и внутренней рецепции, а также механической адаптации одного устоявшегося падежного наименования для заполнения пустой клетки в парадигме другого языка.

Анализ демонстрирует, что формирование и развитие грамматических понятий определяется не только внутренней логикой языкового описания, но и интенсивным культурным и переводческим взаимодействием.

Ключевые слова: грамматическая терминология, греческая и латинская традиции, армянский язык, грузинский язык, церковнославянский язык, винительный падеж, этимология, повествовательный падеж

Предварительные оправдания

Грамматические трактаты античности, средневековья и последующих эпох давно находятся в центре внимания исследователей, так как в них отражается языковое сознание их составителей и метаязыковая рефлексия над собственным или чужим языком. При этом нельзя забывать тот немаловажный факт, что эти сочинения в большинстве случаев создавались для практического изучения языков и решения конкретных филологических задач, возникавших при чтении и интерпретации образцовых текстов: в языче-

скую эпоху классической греческой и латинской литературы, и в христианскую эпоху Священного Писания. В этой связи развитие грамматических понятий тесно связано с толкованием сложных текстов и лексико-грамматическими трудностями их анализа и перевода.

В Древней Греции эволюция грамматики проходила долгий путь: от риторической практики софистов через философскую рефлексию стоиков (понимающих грамматику как искусство открытия и доказательства истины, а язык — как окно в деятельность человеческого мышления) к технической филолого-экзегетической дисциплине, направленной прежде всего на понимание и объяснение гомеровского текста, и, наконец, к инструменту преподавательской деятельности (Dionisio Trace 1962: 1, Robins 1998: 14). Знаменитое первое предложение трактата «Τέχνη γραμματική», приписываемого Дионисию Фракийцу[1], определяет грамматику как вид филологической деятельности (Винокур 2000: 28), посвященной анализу литературных произведений:

> Γραμματική ἐστιν ἐμπειρία τῶν παρὰ ποιηταῖς τε καὶ συγγραφεῦσιν ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ λεγομένων (Dionisio Trace 1962: 31) — *Грамматика* есть осведомленность (эмпирия) в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков (АТЯС 1936: 105 = АТЯС 1996: 111).

Подобное определение, воспроизводимое дословно у Варрона (Taylor 1990: 17, Robins 1993: 42)[2], повторяется также в армянской

[1] О проблеме авторства см. Robins 1998 и Muchnová 2009. Згарби (2004: 41) призывает к крайней осторожности ввиду сложного и многослойного характера дошедшего до нас текста «Τέχνη γραμματική»: указывая на неподлинный или, по меньшей мере, составной характер сочинения, он отмечает противоречие между вступлением и тем фактом, что основное место в трактате отводится буквам, слогам и частям речи (Sgarbi 2004: 38). Возможно, эту версию трактата следует рассматривать как окончательную и каноническую редакцию первоначального учебника Дионисия, существенно переработанного в ходе теоретических и технических изменений, но сохранившего имя автора как знак авторитетного происхождения этого сочинения (Robins 1993: 44).

[2] «*ut Varroni placet, ars grammatica, quae a nobis litteratura dicitur, scientia est <eorum> quae a poetis historicis oratoribusque dicuntur ex parte*

адаптациии трактата Дионисия[3]. Современные историки науки отмечают, что грамматика рассматривается как эмпирическое знание того, что обычно употребляется у поэтов и прозаиков, причем ее наиболее важным аспектом, упомянутым в конце определения Дионисия, является «критическое осмысление признанной литературы» (Robins 1998: 15). Таким образом, грамматическое «искусство» в основном занимается объяснением языковых выражений и приемов, толкованием трудных и непонятных слов, а также стилистическим суждением о произведениях поэтов и историков и т. д. (Утургаидзе 1991: 257).

В средневековую эпоху грамматика понималась не только как средство обучения правильному письму и систематизированному пониманию языка в его употреблении, но и как дисциплина, призванная помочь учащемуся, как потенциальному «служителю Слова», осмыслить, каким образом речь и письмо соотносятся с литературой и, шире, с космическим порядком мироздания, выявляющим его соотнесенность с общими принципами организации бытия (Ervine 1995: 149).

Длительный процесс эмансипации грамматики от первоначальных прагматических задач так описывается грузинским лингвистом, профессором Восточного факультета Санкт-Петербургского университета А. А. Цагарели (1844–1929)[4]:

> Возникновение и развитие грамматических понятий в литературе какого-нибудь народа, как признак сознательного, критического отношения к языку, есть, бесспорно, один из важнейших шагов вперед в умственной жизни его. Но понятия эти возникают и развиваются не вдруг, а постепенно и в разных видах: сначала они тесно связаны с экзегети-

maiore» (*Marii Victorini artis grammaticae* 1, 6, цит. по Funaioli 1907: 265; см. также Robins 1996: 4, 1998: 18–19).

[3] «քերականութիւն է հմտութիւն որք ի քերդողաց եւ ի շարագրաց իբրեւ բազում անգամ ասացելոց» K‘erakanowt‘iwn ē hmtowt‘iwn ork‘ i k‘erdołac‘ ew i šaragrac‘ ibrew bazowm angam asec‘eloc‘ — «Грамматика есть опытное знание того, что употребляется у поэтов и историков наиболее часто» (Адонц 1915: 1 = 2008: 1).

[4] О его личности и научно-преподавательской деятельности см. Харитишвили (2009: 34–42).

> ческим и лексическим (этимологическим) розбором [sic!] и объяснением трудно понимаемых писателей. Из экзегетико-этимологического хаоса мало-помалу выделяются и специализируются логические и грамматические категории и определения; но грамматика и логика еще долго связаны между собою, грамматические категории еще долго представляются в форме логических понятий и определений (Цагарели 1873: V; это место частично цитируется также, до слова «писателей», у Сарджвеладзе 1983: 113).

Разнообразие привлекаемых здесь языков и авторов, вероятно, вызовет у юбиляра, а также у читателя в целом некоторое удивление и, смеем надеяться, интерес. Настоящее введение определяется не столько классическим образованием и научными интересами автора, сколько актуальностью исследуемой проблематики, связанной с анализом культурного и языкового пространства на стыке византийской и латинской традиций, в рамках которого формируются специфические формы их взаимодействия и взаимовлияния.

Как известно, греческая грамматическая традиция служила основным источником средневековых грамматических знаний как для латиноязычной западноевропейской традиции, воспринявшей ее через Древний Рим, так и для христианского Востока — не только в определении предмета, но и в классификации лингвистических явлений и соответствующей терминологии. В более поздний период латинский язык приобретал все большее значение и оказывал возрастающее влияние на области, первоначально сформированные на основе греческой культуры; следовательно, как будет показано ниже, наследники греческой грамматической традиции развивались собственным, зачастую независимым путем, иногда пересекаясь и своеобразно переплетаясь.

В настоящей статье, посвященной истинному «любителю» (*absit iniuria verbo*) грамматических вопросов, выявляется в известной степени неслучайный характер терминологических совпадений при частичной случайности отдельных лексических решений в церковнославянской, армянской и грузинской традициях, что позволяет подчеркнуть определяющую роль культурного диалога и межъязыковых контактов в становлении грамматик.

Не будем здесь касаться хорошо известных фактов категориального влияния греческих и латинских образцов, таких как ис-

кусственное введение в описание армянского и грузинского языков форм женского рода у местоимений и имен существительных, обозначающих лиц, выделение двойственного числа в армянском языке, а также приписывание артикля как части речи церковнославянскому языку. Следует иметь в виду, что многочисленные переводческие формы и обороты, нередко кажущиеся искусственными или даже ошибочными, служили прежде всего средством интерпретации оригинального текста (вроде морфосинтаксической и лексической глоссы современного языкознания) для иноязычной аудитории. С учетом вспомогательной функции ранних переводов основ «грамматического искусства» закономерно, что ключевые понятия, как правило, передавались дословно, в виде более или менее понятных калек; подобные новшества нередко закладывали основы грамматики соответсвующего языка и формировали новую терминологию[5].

Основное внимание будет уделено трем частным примерам: в первых двух независимые друг от друга традиции обнаруживают сходные интерпретации, восходящие, по-видимому, к общему, труднообъяснимому источнику; в последнем же один и тот же внешний термин обозначает различные явления в разных языках. Рассмотрим теперь первый конкретный случай, иллюстрирующий указанные выше процессы.

1. Кто виноват? Accusatio non petita…

Первое любопытное терминологическое совпадение представлено в (церковно)славянской и латинской грамматических традициях. Речь идет, по словам Ваккернагеля, о наиболее странном названии падежа[6] — «винительного» (лат. *accusativus*), кото-

[5] В связи с армянским переводом Дионисия Фракийского Клаксон отмечает, что наличие нескольких (не менее трех) соответствий для термина συλλαβή позволяет выдвинуть гипотезу о том, что армянская версия «Τέχνη γραμματική» изначально предназначалась для совместного чтения с греческим оригиналом (Clackson 1998: 123). Армянский книжник преследовал одновременно теоретическую и прагматическую цели: усвоение греческой грамматической науки с ее категориальным и метаязыковым аппаратом и применение дионисиевского таксономического подхода к собственному языку (Scala 2008: 285–286).

[6] «Merkwürdigster Kasusnamen» (Wackernagel 1926: 19).

рый в латинском и славянском восприятии прямо связывается с глаголом «обвинять» (лат. *accusare*) в результате утраты мотивации и последующей неосознаваемости первоначального значения:

> The original meaning of these oblique cases was soon forgotten; the accusative did not originally mean the case that denotes the object of an accusation, but the case that denotes the effect of (τὸ αἰτιατόν, 'that which is caused by') an action; so that its original meaning is best expressed by the epithet *effectivus* or *causativus* (Sandys 1903: 145, см. также Allen, Brink 1980: 69).

В церковнославянском трактате о *Восьми частях слова*, в греко-славянской грамматике *Ἀδελφότης. Грамматіка доброглаголиваго еллинословенскаго ꙗзыка* (1591), а также в грамматике Лаврентия Зизания (1596), он называется «виновным» (Weiher 1977: 388; Булич 1904/1989: 171; Кузьминова 2000: 44), тогда как у Мелетия Смотрицкого (1618) употребляется термин «винительный», сопровождаемый тавтологическим объяснением названия: «и҃мже кого́ повѝнна твори́мъ» (Кузьминова 2000: 170).

Ошибочная семантическая связь со значением «вина» (Wolanin 2013: 235), давно отмеченная в литературе (Trendelenburg 1836)[7], предполагает определенную соотнесенность с юридической сферой, более понятной, возможно, для римского мира, нежели для славянского. Ввиду временного и географического расстояния между двумя грамматическими традициями, трудно определенно утверждать, восходит ли подобная лексическая ассоциация к общему источнику в греческом мире или же является результатом случайного совпадения и независимого недоразумения.

В кавказском материале наблюдается иная картина. Здесь, с одной стороны, встречается единообразная дословная (?) передача, а с другой — терминологическое разнообразие, указывающее на трудности в определении значения греческого термина.

В грузинской средневековой грамматической традиции, где все названия падежей образуются посредством присоединения суффикса *-it-* к абстрактным или отглагольным формам, винительный падеж, который, впрочем, в именном склонении формально

[7] См. также Kent (1938: 384, § 16, прим. a): «[...] the accusative was in Latin a poorly named case, through a mistranslation of its Greek name».

не выделяется и, следовательно, морфологически не существует[8], обозначается термином *mizezobiti* (მიზეზობითი), буквально «причинный, каузативный», образованным от абстрактного имени *mizezoba* (მიზეზობა), в свою очередь производного от существительного *mizezi* (მიზეზი) «причина» (Утургаидзе 1991: 259)[9].

В армянском тексте «Τέχνη», в котором при формировании падежной терминологии наблюдается также наличие семантических калек, основанных на греческой модели (Sgarbi 1990: 276), винительный падеж называется *hayc'akan* (հայցական) от глагола *hayc'em* (հայցեմ) «спрашиваю»; этот термин, по мнению некоторых исследователей, вполне корректно и удовлетворительно передает «петитивное» значение греческого термина (Sgarbi 1990: 348, n. 99). Армянский переводчик, хорошо владевший греческим языком, тем самым избежал ошибки, характерной для римской и церковнославянской грамматических традиций, заключающейся в неудачной передаче термина πτῶσις αἰτιατική: в результате почти буквального калькирования закрепилось «ошибочное наименование» (*misnomer*) *casus accusativus* вместо более точного *casus effectivus* (Schmitt 1991: 219; 1993: 210)[10].

На самом деле, в этом пассаже армянская версия Τέχνη содержит два альтернативных объяснения одного и того же греческого

[8] Формально прямое дополнение выражается дательным падежом при переходных глаголах первой видо-временной серии (настоящее и будущее) и именительным при глаголах второй (аористной) и третьей (перфектной) серий. Эргативность грузинского языка неоднократно и убедительно ставилась под сомнение; однако нас здесь интересуют не характеристика языкового строя в целом, а конкретные названия отдельных падежей, восходящие к греческому, а позднее — к латинскому и/или армянскому языку.

[9] Возможно, что в греческом языке название винительного падежа (αἰτιατική πτῶσις) восходит к термину αἰτιατόν, употребляемому Аристотелем для обозначения результата, обусловленного определенной причиной (αἰτία) (Wolanin 2013: 234). Английский перевод Τέχνη предлагает именно такое чтение: «the causal relates to a cause» (Kemp 1987: 178).

[10] Каузативная связь не соотносится здесь с термином *causativus*, введенным Присцианом и отражающим юридическую интерпретацию слова αἰτία (Allen, Brink 1980: 69): *quarto loco est accusativus sive causativus: 'accuso hominem' et 'in causa || hominem facio'* (Присциан, *Institutiones grammaticae* 5, 72–73, цит. по изданию Keil 1855/II: 185–186).

термина αἰτιατική: за формой *hayc‘akan* в тексте следует обозначение *xndrakan* (խնդրական) «вопросительный, следственный (?)». Употребление двух лексем со значением «спрашивание» или «поиск» свидетельствует скорее о неуверенности переводчика и(ли) о возможном непонимании греческого термина, истолкованного, по-видимому, как производное от глагола αἰτέω (Allen, Brink 1980: 73). Более того, здесь засвидетельствован и третий эквивалент *p‘ostakan* (փոստական) «причинный», сопровождаемый пояснительной глоссой *patčaṙ* (պատճառ) «причина» (Адонц 1915: 17). Этот последний термин, напоминающий грузинскую передачу *mizezoba*, по-видимому, является добавлением в армянской версии и оформлен в виде дословного перевода выражения «согласно языку греков» (*əst hellenac‘woc‘ lezowin* —ըստ հելլենացւոց լեզուին), то есть как точное воспроизведение греческой модели (Sgarbi 1990: 348–349). Таким образом, можно с определенной долей уверенности предположить, что армянский переводчик, подобно своим латинскому и славянскому «коллегам», осознавал возможную связь с глаголом αἰτιάομαι «обвиняю» и существительным αἰτία «причина»:

> the “accusative” (*hajc‘akan*) is the “inquisitive” (*xndrakan*), or, in the Greek language, the “causative” (*p‘ostakan*) (Clackson 1998: 130).

Выражение *əst heɫɫenac‘woc‘ lezowin* («согласно языку греков») более нигде в тексте не используется при передаче технических терминов и представляет собой крайне редкое отступление от принципа пословного перевода. Его появление может объясняться стремлением армянского переводчика подчеркнуть, что глоссы *xndrakan* и *p‘astakan* восходят к одному и тому же греческому термину (Clackson 1998: 131). Это уточнение ценно также тем, что термин αἰτιατική интерпретируется в значении «причинный, каузативный»; кроме того, оно соответствует чтению κατ᾽αἰτίαν, засвидетельствованному — в текстуально проблемном и возможно испорченном месте сочинения (Callipo 2012) — частью списков греческого подлинника и у Херобоска[11] и принятому в издании

[11] Издатель приводит следующее определение Херобоска: ἡ δὲ αἰτιατικὴ (scil. λέγεται) κατ᾽αἰτίαν, ἐπειδὴ αἰτίαν σημαίνει, οἷον Διὰ τὸν

Пекореллы (Dionisio Trace 1962: 40), тогда как в критическом издании Улига представлен вариант κατ᾽αἰτιατικήν (Sgarbi 1991: 574; ср. также с. 627).

Текстуальные перипетии бытования греческого текста, колебания армянского толкователя, предполагаемая (или мнимая?) ошибка латинских и славянских переводчиков, а также недоумение современных исследователей[12] свидетельствуют о том, что уже в ранних иноязычных попытках передачи данный греческий термин воспринимался как этимологически темный и семантически неясный. Логичным продолжением изложенного является обращение к самому греческому термину «этимология», который разделяет сходную судьбу с винительным падежом, а также к его интерпретации в различных традициях.

2. Что такое этимология?

Не менее примечательной является иноязычная передача сложного слова «этимология» (ἐτυμολογία), первый член которого, τὸ ἔτυμον («истинное значение слова»), этимологически связано с наречием ἐτεός «истинно, реально» (Beekes 2010: 474). В средневековье, однако, значение данного технического термина представлял собой семантический оксюморон, ведь древние византийские комментаторы затруднялись в его экспликации, истолковывая этимологию как способность объяснять выражения и отвечать на вопросы учеников; при этом следует подчеркнуть, что средневековая этимология была ориентирована на выявление «истинного» значения, а не на формальную реконструкцию анализируемой единицы, и понималась не столько как дисциплина, изучающая происхождение слов, сколько как способ выявления их глубинной семантики посредством специфической сегментации лексических единиц (Томеллери 2021: 291–294).

Ἀρίσταρχον ἐτιμήθην, καὶ Διὰ τὸν Ἀρίσταρχον ὑβρίσθην (Dionisio Trace 1962: 136) — «А винительный падеж называется «по причине», поскольку он обозначает причину; например: “из-за Аристарха я был почтен” и “из-за Аристарха я был оскорблен”».

[12] Весьма остроумна, но не вполне ясна интерпретация, согласно которой αἰτιατικὴ πτῶσις следует трактовать как падеж косвенной речи — *accusativus cum infinitivo* (Kapp 1956).

Такое умение выражается в готовности книжника-грамматика к истолкованию слов и ответам на вопросы учеников, что засвидетельствовано, в частности, следующим схолием к Τέχνη:

> «Τέταρτον ἐτυμολογίας εὕρησις». Ἐτυμολογία δέ ἐστιν ἕτοιμος ἑρμηνεία λέξεως, οἷον ὡς ὅταν ἐρωτηθῶμεν, τί ἑρμηνεύεται πατήρ, ἐπὶ μὲν τοῦ θεοῦ ἑτοίμως ἀποκριθῶμεν, «ὁ τὰ πάντα τηρῶν», ἐπὶ δὲ ἀνθρώπου «ὁ τοὺς ἰδίους παῖδας τηρῶν»· ὥστε δεῖ τὸν γραμματικὸν καὶ τὰς ἐτυμολογίας τῶν ὄντων γινώσκειν καὶ ἐρωτώμενον ἑτοίμως ἀποκρίνεσθαι (Hilgard 1901: 568) — Четвертое — нахождение этимологии». Этимология же есть готовое истолкование слова; например, когда нас спрашивают, что означает слово πατήρ («отец»), мы должны быть готовы ответить: применительно к Богу — «сохраняющий все», применительно же к человеку — «сохраняющий своих детей». Следовательно, грамматик должен знать также этимологии существующих слов и, будучи спрошенным, давать готовый ответ.

В этом пассаже утверждается, что «πατήρ» значит «сохраняющий все», а дальше уже идет уточнение: отец семейства хранит детей, а Бог — отец нас всех, хранит все. Таким образом, «этимология» осмысляется скорее как способность к дифференциации смысловых оттенков одной и той же лексической единицы в конкретном (кон)тексте, нежели как установление ее происхождения в современном понимании термина. Эта интерпретация, по-видимому, лежит в основе древнегрузинских и церковнославянских передач греческого термина, в которых засвидетельствовано сложное слово — калька с греческого со значением «готовое истолкование»: მზა-მეტყველებაჲ — *mza-meṭqelebay*[13] (Махарадзе 1991: 91) и **готово–словиѥ** (Кузенков 2006: 254–255).

Итацистическое смешение с именем прилагательным ἕτοιμος ‘готовый’, по-видимому, встречается уже в византийской интерпретации этой этимологически поистине загадочной лексемы. Тем

[13] В древнегрузинской традиции засвидетельствовано также соответствие *mza-ṗasuxobay* (მზა-პასუხობაჲ), т. е. «способность в любой момент иметь наготове ответ», которое примыкает к приведенному выше византийскому источнику: ἐρωτώμενον ἑτοίμως ἀποκρίνεσθαι (Утургаидзе 1991: 257).

самым существенно ослабляется предположение о том, что речь идет лишь об ошибочном истолковании греческого термина со стороны иностранных рецепторов; соответственно, данные формы нельзя рассматривать исключительно как свидетельство неспособности переводчиков различать многочисленные омонимичные формы греческого языка, как обычно считалось в славистической литературе (ср. Keipert 1988: 102; Kakridis 2000: 452; Кузенков 2006: 276, прим. 51).

Таким образом, подобно рассмотренному выше случаю винительного падежа, следует предположить аналогичную ситуацию непонимания термина уже в рамках самой грекоязычной традиции.

3. Повествовательный падеж (casus narrativus)

Взаимодействие греческой и латинской грамматических традиций приводило к формированию специфических случаев скрещения и смешения на понятийном и терминологическом уровнях. Например, в уже вышеупомянутой церковнославянской грамматике Мелетия Смотрицкого «Грамматіки Славе́нскиа пра́вилное Сѵ́нтагма» (Евье, 1619) классификация частей речи и их грамматических категорий осуществляется под значительным влиянием латиноязычной грамматической традиции (Kociuba 1975). Этот на первый взгляд странный факт вызван особой ситуацией на соответствующих территориях, характеризующихся интенсивной полемикой между католической и православной церквями: сочинение Смотрицкого может оцениваться как синтез двух конфессионально и, в меньшей степени, лингвистически противоположных традиций. Отсутствие грамматической категории артикля в обоих языках — латинском и церковнославянском — обусловливает его замену междометием[14], причем Смотрицкий явно следует латинской модели

[14] Термин «междометие», впервые засвидетельствованный в церковнославянской традиции именно у Смотрицкого, представляет собой прямую кальку латинского термина. Еще до грамматики Смотрицкого *interiectio* как часть речи фиксируется в древнерусском переводе *Ars Minor* Элия Доната. Здесь для ее обозначения переводчик использовал термин ра҃зличіе, ранее соотносившийся с артиклем, в результате чего этот уже известный в грамматической традиции термин приобрел новое лексическое и грамматическое содержание (Archaimbault 2000: 636).

(Ďurovič 1995: 27). К тому же, его аргументация в пользу отхода от греческой традиции почти дословно воспроизводит положения Квинтилиана[15]:

> ἄρθρον: Сѝрѣчъ ча́сть сло́ва ра̀ли́чїе называ́емꙋю, Славе́нскомꙋ ꙗ҆зы́кови несвойстве́ннꙋ ѡ҆ста́вихѡ҃ Мѣстоиме́нїю до́лгъ е҆̀ дово́нѣ и҆спо҆на́ющꙋ. Во ѳ҃смꙋю же сло́ва часть Мѣдоме́тїе, Лати́нски interiectio называ́емꙋю сво́йстве҆́нѣ прина́хѡ҃ (Кузьминова 2000: 155, л. 20; см. также Поржезинский 1909: 557–558).

Показательно, что в московском издании, напечатанном 2 февраля 1648 года под редакцией справщиков Печатного двора Михаила Стефановича Рогова и Иоанна Васильевича Шевелева (Наседки), имя автора было опущено, поскольку Мелетий Смотрицкий, принявший униатство, считался отступником от православия. Московская традиция не допускала безразличного отношения к конфессиональной принадлежности грамматических авторитетов (Мечковская 1987: 218): артикль был восстановлен в соответствии с «православной» грамматической нормой, тогда как примеры междометий перенесены в раздел наречия в русле греко-славянской грамматикографической традиции (Кузьминова 2007: 553).

В отличие от двух предыдущих терминов, где формальное сходство объясняется общим источником, в третьем случае наблюдается более сложная ситуация: внешнее совпадение обозначения сопровождается существенным расхождением в содержании. Речь идет еще об одном падежном наименовании, обладающем интереснейшей историей становления и развития и связанном с ключевым перекрестком на кавказском пространстве. Имеется в виду так называемый повествовательный падеж, соответствующий в современной терминологии местному, или, в русской грамматической традиции, предложному падежу, возникновение которого в грамматике Смотрицкого связано не только с внутренними факторами, но и с менее заметным влиянием латинской грамматической традиции. В отличие от предыдущей грамматики Лаврентия Зизания (1596), которая знала лишь пять падежей, именовный, родный, дательный, творительный и виновный (Кузьминова 2000: 44), Смотрицкий до-

[15] «Noster sermo articulos non desiderat, ideoque in alias partes orationis sparguntur. Sed accedit superioribus interiectio» (*Institutio Oratoria* I, 4, 18).

бавил еще два, поместив седьмой, названный им «сказательным» (Ďurovič 1995: 27), в конце перечня после творительного падежа: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный (Кузьминова 2000: 170). Своим неожиданным названием этот падеж обязан значению, которое возникает в сочетании с предлогом «о» для выражения предмета речи:

> Сказа́т҃е̑ныи е̑стъ и̑мже ска́зуемъ: ꙗ̆кѡ, ѡ̀ чл҃вцѣ (Кузьминова 2000: 170).

Представление полной системы (церковно)славянских падежей обусловлено не только внутренней потребностью в ее целостном описании, но и, парадоксальным образом, восходит к дискуссиям в латинской грамматике о необходимости разграничения простого отложительного падежа — семантически близкого славянскому творительному — и тех разнообразных значений, которые возникают при его сочетании с предлогами[16].

В стремлении найти славянский эквивалент латинского аблатива, управляемого предлогом, выбор предлога «о» выглядит несколько необычным и не вполне очевидным, особенно если принять во внимание широкий спектр значений данного падежа при различных возможных сочетаниях. Исходя из сочетаемостных свойств соответствующих латинских предлогов, становится понятным, почему в терминологической модели Смотрицкого приоритет отдан не локативной функции славянского предложного падежа (с предлогами въ, на, при), а повествовательной, реализуемой предлогом ѳ. На самом деле единственное однозначное соответствие наблюдается между лат. *de* и слав. ѳ (в значении тематического дополнения), тогда как прочие латинские предложные конструкции с отложительным падежом в славянском передаются с помощью других падежей (Keipert 1991: 282):

a + ABL = от + родительный
cum + ABL = с + творительный
sine + ABL = без + родительный и т. д.

Сходная ситуация наблюдается в армянской грамматической

[16] В латинских грамматиках отложительный падеж обычно давался в сочетании с предлогом *ab*. О так называемом седьмом падеже см. Uría 2017.

традиции середины XVII века, которая в значительной степени складывалась под влиянием деятельности западных миссионеров, а также римской типографии *Congregatio de Propaganda Fide*. Эти ученые грамматики, долгое время остававшиеся вне должного внимания как искусственные образования, представляют особый интерес, поскольку в них предпринимается попытка синтеза традиционных армянских грамматических представлений с аналитическими предписаниями латинской грамматики (Weitenberg 1995: 9).

В труде *Grammaticae et logicae institutiones linguae literalis armenicae* (Рим, 1645) Клеменс Галанус впервые вводит три дополнительных падежа — в том числе повествовательный падеж (*patmakan* – պատմական) — тем самым осуществляя инновацию в армянской грамматической традиции (Джаукян 1981: 35–36). Ему вторит грамматика классического армянского языка Иоанна Агопа, изданная в 1675 г.: в перечне десяти падежей армянского языка упоминается также повествовательный падеж (Менгель 2021: 173), окончание (*terminatio*) которого совпадает с окончанием отложительного падежа, от которого он отличается наличием «префикса» (*inchoatio*) *z*, с которым сочетается:

> *i mard-oy* (ի մարդոյ)[17] ‘ab homine’ vs. *z-mard-oy* (զմարդոյ) ‘de homine’
> *i č‘ar-ē* (ի չարէ) ‘a malo’ vs. *z-č‘ar-ē* (զչարէ) ‘de malo’ (Agop 1675: 173).

Эта традиция сохранялась длительное время, по крайней мере в семантическом отношении: например, в грамматике классического армянского языка второй половины XIX века среди функций отложительного падежа упоминается нарративное значение — в сочетании с префиксом *z* (զ) для выражения предмета речи при глаголах речи (Lauer 1869: 87).

Итак, как в церковнославянской, так и в армянской грамматической традиции обнаруживается тождественное влияние латинской грамматической мысли, предполагающей функционально-семантическую дифференциацию отложительного падежа (в сочетании с предлогом и без него).

[17] В исходном значении отложительный падеж сочетается с предлогом *i*.

Существенно более сложной представляется грузинская грамматическая традиция, которая характеризуется синкретизмом, проявляющимся в более или менее органичном синтезе разнородных лингвистических и культурных элементов: в XVIII в. грузинские грамматисты без труда интегрировали наследие местных традиций X–XII вв. с результатами описаний грузинского языка итальянскими миссионерами XVII–XVIII вв., а также с общими положениями греко-латинской системы, представленными в армяно-русских (европейских) грамматиках того времени (Утургаидзе 1991: 256). В рамках этой традиции «повествовательный падеж» (*motxrobiti* – მოთხრობითი) переосмысляется в совсем другом функциональном отношении.

3.1. Повествовательный падеж как подлежащее в нарративном контексте?

В отличие от предыдущих случаев, повествовательный падеж в грузинском языке обладает семантически менее нагруженным значением и выполняет грамматическую функцию маркирования синтаксической роли субъекта действия преимущественно, хотя и не исключительно, при употреблении переходных глаголов второй (аористной) серии. Отождествляемый в лингвистической литературе с эргативным падежом северокавказских языков, по ряду причин он длительное время не выделялся в системе именного и местоименного склонения. Его показатель, флексия -m(a), рассматривался, в той или иной степени осознанно, как алломорф окончания именительного падежа, находящийся с ним в отношении дополнительной дистрибуции, обусловленной видовременной формой глагола. Лишь в середине XVIII века он получил признание в качестве морфологического элемента парадигмы.

Включение повествовательного падежа в склонение имен и местоимений, равно как и его формальное и функциональное определение, принадлежит Антону I (Tuite 2017: 1118), который в своей грамматике (1753; вторая редакция 1757) впервые ввел форму с окончанием *-ma(n)*. В образцах склонения *motxrobiti* выступает между отложительным и творительным падежами, несмотря на то что функционально он представляет собой разновидность имени-

тельного падежа[18] и используется для обозначения субъекта завершенного действия:

1.	წრფელობითი	*crpelobiti*	именительный
2.	ნათესავობითი	*natesavobiti*	родительный
3.	მიცემითი	*micemiti*	дательный
4.	შემასმენლობითი	*šemasmenlobiti*	винительный
5.	დაწყებითი	*daċqebiti*	отложительный
6.	მოთხრობითი	*motxrobiti*	повествовательный
7.	მოქმედებითი	*mokmedebiti*	творительный
8.	წოდებითი	*ċodebiti*	звательный

До него в грузинской грамматической традиции засвидетельствован в качестве соответствия армянскому термину *patmakan* грузинский термин *sameṭqvelo* (სამეტყველო) «локутивный, речевой падеж» (Абуладзе 1940: 151), встречающийся в грамматике Зураба Шаншовани (1737), переведенной с армянского (Шаншовани 1881: 13).

Периферийное место, занимаемое *motxrobiti* в данной парадигме, ясно показывает, что название этого падежа, долгое время не находившего места в системе склонения, восходит к армянской модели, претерпев при этом существенный семантический сдвиг в сторону синтаксической функции. Наряду с этим напрашивается вопрос о мотивации самого термина и его связи с функцией соответствующего падежа, что требует отдельного рассмотрения.

3.2. От повествовательного падежа к падежу повествования?

Распространенное (функциональное) объяснение термина *motxrobiti* связывает его с высокой частотностью данной падежной формы в описании прошлых событий при глаголах второй серии, где преобладают аористные формы изъявительного наклонения:

[18] В анонимной рукописной грамматике XVIII века, составленной итальянским миссионером и построенной по модели латинского языка с шестью традиционными падежами, повествовательный падеж прямо называется «измененным именительным» (Орловская 1959: 147).

> This curious name reflects the high frequency of the ERG case in narratives of past events, where the aorist tense predominates (Tuite 2017: 1118).

В первой печатной грамматике грузинского языка, составленной Гайозом Ректором (1789), выделяются восемь падежей, которые по своим названиям и порядку воспроизводят классификацию Антония Первого. При этом повествовательный падеж определяется, по сути, тавтологически — через соотнесенность с предметом высказывания:

> მოთხრობითად, ოდესცა მოითხრობოდეს საქმე ვისიმე; მაგალ. კაცმან, კაცებმან და სხუანი *motxrobitad, odesca moitxrobodes sakme visime; magal. ḳacman, ḳacebman da sxûani* (Николаишвили 1970: 57)
>
> «В повествовательном падеже, когда речь идет о чьем-либо деле; напр.: ḳac-man, ḳac-eb-man и др.».

В противоположность этому, рукописная грамматика Иоане Картвелишвили (ок. 1809) предлагает скорее этимологически пространственное (возможно, отложительное) толкование, согласно которому «повествовательный падеж» указывает на то, «от кого или от чего исходит повествование или действие» (ვისგან ანუ რაისგანაც მოითხრობის ანუ იმოქმედების საქმე რაიმე — *visgan anu raysganac moitxrobis anu imokmedebis sakme rayme*, цит. по: Илуридзе 2006: 52). Это объяснение, во всяком случае, дает основание считать, что здесь подразумевается падеж подлежащего, выступающего носителем или инициатором действия, выраженного глаголом. Остается, однако, неясным, имел ли автор грамматики в виду аористные формы, характерные для повествования, или же в данном определении повествовательный падеж по-прежнему рассматривался им как носитель содержания высказывания.

В этих определениях прослеживается колебание между армянской грамматической традицией, трактующей повествовательный падеж как семантико-морфологическое расширение отложительного для обозначения предмета высказывания, и стремлением более точно определить его синтаксический статус в грузинском языке.

На основе кратко представленного материала можно выдвинуть осторожную гипотезу о том, что термин повествовательный

в грузинском языке (*motxrobiti*) первоначально представлял собой заимствование армянского *patmakan*, впоследствии «механически» перенесенное на другой падеж, ранее не выделявшийся как самостоятельный. Подобные случаи, затрагивающие не только категорию падежа, в грамматической традиции нередки. Так, например, как уже было сказано выше, в древнерусском переводе *Ars Minor* термин ѧзличїє, впервые обозначавший другую часть речи (т. е. артикль), был использован для обозначения междометия, приобретя тем самым новое лексико-грамматическое содержание (Archaimbault 2000: 636).

Наблюдается чрезвычайно интересное пересечение разнонаправленных традиций: в церковнославянском и армянском языках «повествовательный» обозначает предложно оформленный падеж (соответственно местный и отложительный) с определенной семантической функцией, тогда как в грузинском этот термин закрепляется за особым падежом (т. наз. эргативом) или алломорфом окончания именительного падежа. К тому же как церковнославянский термин *сказательный*, так и армянский *patmakan* восходят к латинской традиции (в первом случае — через иезуитское образование, во втором – через миссионерскую деятельность). Однако, хотя авторы церковнославянских и армянских грамматик усваивали латинскую модель независимо друг от друга, в грузинской традиции термин *motxrobiti* был применен к долгое время не признававшемуся и не выделявшемуся «новому» падежу — в середине XVIII века, в рамках классификации, опиравшейся преимущественно на армянскую традицию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что наблюдаемая лексическая общность в различных грамматических традициях, обусловленная семантической неоднозначностью используемых терминов, имеет два основных типа мотивации: она либо восходит к единому (и не вполне ясному) источнику (примеры 1–2 и отчасти 3 в латинским и армянским языках), либо является результатом взаимовлияния (пример 3 в грузинском языке). Кроме того, терминологические решения определяются не только внутренней логикой языкового описания, но и интенсивными культурными контактами.

Рассмотренный материал наглядно показывает, что даже обозначения специфических языковых категорий могут формироваться под воздействием внешних факторов, нередко в виде механических заимствований. В этом отношении культурный обмен оказывается не менее значимым, чем собственно метаязыковой анализ, и играет существенную роль в формировании, развитии и передаче грамматической терминологии, которая, как мы постарались показать, не всегда легко распознается и поддается надлежащему истолкованию.

Литература

Абуладзе И. В. 1940: აბულაძე ილ. ქართული გრამატიკული ლიტერატურის ადრინდელი ძეგლები. საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის მოამბე 10, 1940. С. 141–159 [Ранние памятники грузинской грамматической литературы, *Бюллетень государственного музея Грузии* 10, 1940. С. 141–159].

Адонц Н. Г. 1915: *Дионисий Фракийский и армянские толкователи*, издал и исследовал Н. Адонц (Bibliotheca armeno-georgica, 4). Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Адонц Н. 2008: Ադոնց Ն. Երկեր հինգ հատորով, Գ.: Հայերենագիտական ուսումնասիրություններ. Երևան: Երևանի պետական համալսարանի հրատարակչություն, 2008 [*Сочинения в пяти томах*, т. III: Исследования по арменистике. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета].

АТЯС 1936: *Античные теории языка и стиля*, под общей редакцией О.М. Фрейденберг. Москва-Ленинград: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство.

АТЯС 1996: *Античные теории языка и стиля (антология текстов)* (Античная библиотека). Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя».

Булич С. К. 1904–1989: *Очерк истории языкознания в России*, том 1: XIII в.–1825 г. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1904 [Nachdruck und Nachwort von H. Keipert. München: Otto Sagner, 1989 (Specimina Philologiae Slavicae 83)].

Винокур Г. О. 2000: *Введение в изучение филологических наук*, составление и сопроводительные статьи С. И. Гиндина. Москва: Лабиринт.

Джаукян Г. Б. 1981: Языкознание в Армении в V–XVIII вв. В сб.: Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. *История лингвистических учений. Средневековый Восток*. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 7–52.

Илуридзе 2006: ილურიძე ქ. სახელთა ბრუნება *XIX* საუკუნის *I* ნახევრის ქართული ენის გრამატიკებში, დისერტაცია

ფილოლოგიის მეცნიერებათა კანდიდატის სამეცნიერო ხარისხის მოსაპოვლებად. თბილისი: არნ. ჩიქობავას ენათმეცნიერების ინსტიტუტი, 2006 [Илуридзе К. *Именное склонение в грамматиках грузинского языка первой половины XIX века*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси: Институт языкознания им. Арн. Чикобава, 2006].

Кузенков П. В. 2006: «Великого книжника Антиохийского возглашениое о календах, нонах и идах». Трактат о римских древностях в Древнеславянской кормчей. В сб.: Грацианский М.В., Кузенков П.В. *Κανίσκιον: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. Игоря Сергеевича Чичурова*. Москва: PSTGU, 240—279.

Кузьминова Е. А. (сост.) 2000: *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Москва: Издательство Московского университета.

Кузьминова Е. А. 2007: *Грамматика 1648 г.* Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е. А. Кузьминовой. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет.

Махарадзе Н. А. 1991: Термин ἐτυμολογία (этимология) и его древнегрузинские эквиваленты. В сб.: *Византийские этюды*. Тбилиси: «Мецниереба», 90–95.

Менгель С. и др. 2021: *Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков*. Москва: Издательский Дом ЯСК.

Мечковская Н. Б. 1987: О филологической полемике в восточнославянской книжности XIV–XVII веков. *Russian Linguistics,* 11, 2/3, 217–236.

Николаишвили 1970: ნიკოლაიშვილი ე. გაიოზ რექტორი. ქართული ღრამმატიკა, ტექსტი გამოსაცემად მოამზადა, გამოკვლევა და ლექსიკონი დაურტო ე. ნიკოლაიშვილმა. თბილისი: გამომცემლობა „მეცნიერება“ / *Гайоз Ректор. Грузинская грамматика*, текст подготовила к печати и снабдила исследованием и словарем Е. Николаишвили. Тбилиси: Мецниереба.

Орловская Н. К. 1959: Анонимная грузинская грамматика XVIII в. на итальянском языке, სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები 75, დასავლეთ ევროპის ენებისა და ლიტერატურის სერია / *Труды Тбилисского государственного университета имени Сталина* 75, серия западноевропейских языков и литературы, 135–164.

Поржезинский В. 1909: К истории русской грамматики и грамматической терминологии. В сб.: *Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском*

Университете (5 декабря 1879-5 декабря 1909 года). Москва: Печатня С.П. Яковлева, 556–562.

Сарджвеладзе З. А. 1983: У истоков грузинской лингвистической мысли. *Вопросы языкознания*, № 1, 113–121.

Томеллери В. С. 2021: «Этимологические» объяснения в Толковой Псалтири Брунона и их славянская передача. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, № 1 (27): Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 288–304.

Утургаидзе Ф. Г. 1991: Грузинская лингвистическая мысль в эпоху средневековья. В сб.: Десницкая А. В. *История лингвистических учений. Позднее средневековье*. СПб.: Наука, С.-Петербургское отделение, 255–264.

Харатишвили Г. С. 2009: *Грузины–профессора, преподаватели и выпускники Санкт-Петербургского университета (XIX–XX вв.)*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета.

Цагарели А. А. 1873: *О грамматической литературе грузинского языка. Критический очерк*. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.

Шаншовани З. 1881: მოკლე ღრამმატიკა ქართულისა ენისა, ქმნული ზურაბ შანშოვანისაგან *1737* წელსა. გამოცემული ალ. ცაგარელისაგან. სახსოვრად V არხეოლოგიურის კრებისა თბილისს. სანქტ-პეტერბურღი: სტამბა საიმპერატორო აკადემიისა მეცნიერებათა / *Краткая грузинская грамматика, составленная Зурабом Шаншовани в 1737 г.*, изданная А. Цагарели. В память V археологического съезда в Тифлисе. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.

Agop J. 1675: *Puritas Haygica seu grammatica armenica a Iohanne Agop sacerdote armeno composita, ad maiorem Dei gloriam, et ad honorem Beatissimae Virginis Dei Genitricis Mariae*. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide.

Allen W. S., Brink C. O. 1980: The Old Order and the New: A Case History. *Lingua* 50, 61–100.

Archaimbault S. 2000: La tradition latine et les langues slaves dans le Bas Moyen-Age. In: Auroux S. et al. *History of the Languages Sciences-Geschichte der Sprachwissenschaften-Histoire des sciences du langage* (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft – Handbooks of Linguistics and Communication Science, 18/1). Berlin-New York: Walter de Gruyter, 634–637.

Beekes R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 10/1). Leiden-Boston: Brill.

Callipo M. 2012: Nota a Τέχνη γραμματική, GG 1/1 32, 1: il nome dell'accusativo. *Sileno. Rivista semestrale di studi classici e cristiani* 38, 1/2, 257–263.

Clackson J. P. 1998: The *Technē* in Armenian. In: Law V., Sluiter I. *Dionysius Thrax and the Technē Grammatikē* (The Henry Sweet Society Studies in the History of Linguistics 1). Münster: Nodus Publikationen, 121–133.

Dionisio Trace 1962: *Τέχνη γραμματική*, testo critico e commento a cura di G. B. Pecorella, Bologna: Cappelli.

Ďurovič Ľ. 1995: Émergence de la pensée grammaticale en Russie ancienne et formation de la grammaire du russe normatif. *Histoire Épistémologie Langage* 17, 2 (Une familière étrangeté: la linguistique russe et soviétique), 17–32.

Ervine R. 1995: Yovhannēs Erznkac'i Pluz's *Compilation of Commentary on Grammar* as a starting point for the study of Medieval Grammars. In: Weitenberg J. J. S. *New Approaches to Medieval Armenian Language and Literature* (Dutch Studies in Armenian Language and Literature 3). Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 149–165.

Funaioli G. 1907: *Grammaticae romanae fragmenta*, collegit recensuit Hyginus Funaioli, volumen prius. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri.

Hilgard A. 1901: *Scholia in Dionysii Thracis artem grammaticam*, recensuit et apparatum criticum indicesque adiecit Alfredus Hilgard. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri.

Kakridis Y. 2000: Greek Influence in the Grammatical Theory of Church Slavonic. In: Auroux S. et al. *History of the Language Sciences. An International Handbook on the Evolution of the Study of Language from the Beginnings to the Present* (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 18, 1). Berlin-New York: Walter de Gruyter, 450–454.

Kapp E. 1956: Casus accusativus. In: *Festschrift Bruno Snell zum 60. Geburtstag am 18. Juni 1956 von Freunden und Schülern überreicht*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 15–21.

Keil H. 1855: *Grammatici Latini*, vol. 2: Prisciani Institutionum Grammaticarum libri I–XII, ex recensione Martini Hertzii. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri.

Keipert H. 1988: Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts. In: Panzer B. *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposiums vom 28. bis. 30. April 1986*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 100–121.

Keipert H. 1991: Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen. In: Auburger L., Hill P. *Natalicia Johanni Schröpfer octogenario a discipulis amicisque oblata. Festschrift für Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag* (Philologia et Litterae Slavica 1). München: Slavica Verlag Dr. Anton Kovač, 277–290.

Kemp A. 1987: The *Tekhnē Grammatikē* of Dionysius Thrax Translated into English. In: Taylor D. J. *The History of Linguistics in the Classical Period* (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science,

Series III: Studies in the History of the Languages Sciences, 46). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 169–189.

Kent R. G. 1938: *Varro on the Latin Language* (with an English translation), in two Volumes, Volume 2: Books VIII.–X. Fragments. Cambridge, Massachusetts-London: Harvard University Press-William Heinemann LTD.

Kociuba O. 1975: *The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj's Church Slavonic Grammar*, Ph. D. Ann Arbor, Michigan: Columbia University.

Lauer M. 1869: *Grammatik der classischen armenischen Sprache*. Wien: Wilhelm Braumüller.

Muchnová D. 2009: Dionýsios Thráx a jeho autorství Techné grammatiké. In: Kulhánková M., Loudová K. *Epea pteroenta. Růženě Dostálové k narozeninám*. Brno: Host, 250–261.

Robins R. H. 1993: *The Byzantine Grammarians. Their Place in History* (Trends in Linguistics, Studies and Monographs, 70). Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Robins R. H. 1996: The initial section of the Tékhnē grammatiḱē. In: Swiggers P., Wouters A. *Ancient Grammar: Content and Context* (Orbis, Supplementa, 7). Leuven-Paris: Peeters, 3–15.

Robins R. H. 1998: The Authenticity of the *Technē*. The *status quaestionis*. In: Law V., Sluiter I. *Dionysius Thrax and the Technē Grammatikē* (The Henry Sweet Society Studies in the History of Linguistics 1). Münster: Nodus Publikationen, 13–26.

Sandys J. E. 1903: *A History of Classical Scholarship from the Sixth Century B. C. to the End of the Middle Ages*. Cambridge: University Press.

Scala A. 2008: L'antica traduzione armena della Téchnē grammatiḱē attribuita a Dionisio Trace e l'elaborazione del metalinguaggio armeno. In: Busetto L. *La traduzione come strumento di interazione culturale e linguistica. Atti del seminario svoltosi a Genova nei giorni 6-7 novembre 2008*, Milano: Qu.A.S.A.R. s.r.l., 285–294.

Schmitt R. 1991: Osservazioni sull'adattamento armeno del sistema grammaticale dei greci. *Rendiconti dell'Istituto Lombardo, Accademia di Scienze e di Lettere, Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche* 125, 2, 215–219.

Schmitt R. 1993: Armenische Grammatiker-Duale. *Lingvistika* 33, 1, 209–220.

Sgarbi R. 1990: Tecnica dei calchi nella versione armena della γραμματικὴ τέχνη attribuita a Dionisio Trace. *Memorie dell'Istituto Lombardo, Accademia di Scienze e di Lettere*, Classe di Lettere, Scienze morali e Storiche 39, 4, 233–369.

Sgarbi R. 1991: Studio contrastivo sull'adattamento strutturale armeno della «Téchnē» dionisiana. *Memorie dell'Istituto Lombardo, Accademia di Scienze e di Lettere*, Classe di Lettere, Scienze morali e Storiche 39, 1990 [опубликовано в 1991], 7, 535–632.

Sgarbi R. 2004: Problemi dell'*Ars Grammatica* "dionisiana". In: Milani C., Finazzi R. B. *Per una storia della grammatica in Europa. Atti del Convegno 11–12 settembre 2003 (Milano, Università Cattolica)*. Milano: I.S.U. Università Cattolica, 35–41.

Taylor D. J. 1990: Dionysius Thrax vs. Marcus Varro. *Historiographia Linguistica* 17, 1–2, 15–27.

Trendelenburg F. A. 1836: Accusativi nomen quid tandem sibi velit. *Acta Societatis Graecae* 1, 117–124.

Tuite K. 2017: Alignment and Orientation in Kartvelian (South Caucasian). In: Coon J., Massam D., Travis L. D. *The Oxford Handbook of Ergativity*. Oxford: University Press, 1114–1138.

Uría J. 2017: Septimus Casus: The History of a Misunderstanding from Varro to the Late Latin Grammarians. *Journal of Latin Linguistics* 16, 2, 239–266.

Wackernagel J. 1926: *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, zweite Auflage, erste Reihe. Basel: Verlag Emil Birkhäuser & Cie.

Weiher E. 1977: Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats „Über die acht Redeteile". *Anzeiger für Slavische Philologie* 9, 2 (Gedenkschrift für Josef Matl), 367–427.

Weitenberg J. J. S. 1995: Introduction. In: Id. *New Approaches to Medieval Armenian Language and Literature* (Dutch Studies in Armenian Language and Literature 3). Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 7–10.

Wolanin H. 2013: Descriptive Criteria of Nominal Inflectional Categories in Ancient Greek Grammar. *Classica Cracoviensia* 16, 207–241.

Abstract. On the Fate of Grammatical Terminology in the Context of Language and Cultural Contact

The article examines the features of the formation of grammatical terminology in the Church Slavonic, Armenian, and Georgian traditions within the context of linguistic and cultural contacts. Drawing on some case studies (the accusative case, etymology, and the narrative case), it shows that similarities in terminology may result either from a more or less accurate interpretation of a common source or from mutual influence and subsequent reinterpretation.

Particular attention is paid to cases of semantic shift and misunderstanding of the original Greek terms already at early stages of their external and internal reception, as well as to the mechanical adaptation of an established case designation to fill an empty slot in the paradigm of another language.

The analysis demonstrates that the formation and development of grammatical concepts is shaped not only by the internal logic of linguistic description but also by intensive cultural and translational interaction.

Keywords: Grammatical terminology, Greek and Latin traditions, Armenian language, Georgian language, Church Slavonic language, Accusative case, Etymology, Narrative case

А. В. Циммерлинг

Подпоручик Киже и Падеревский: так ли загадочны имена собственные?[1]

Аннотация. В первой части статьи рассматривается сформулированная С. Крипке Загадка Падеревского и восстанавливается алгоритм рассуждений логического агента Питера, делающего утверждения о свойствах двух носителей имени “Падеревский”. Показывается, что в убеждениях Питера нет противоречия, так как он по умолчанию принимает постулат об омонимии имен собственных и не принимает гипотез о тождестве индивидов, пока ему не предъявлено доказательство. Во второй части статьи обсуждается переменная сфера действия имен собственных и обсуждаются контексты, где имена персонажей художественных произведений и имена фантомных индивидов (Подпоручик Киже) могут интерпретироваться как имеющие широкую сферу действия. Узкая сфера действия имен собственных в общем случае возможна при отвлечении от вопросов о происхождении имени и онтологии предметных областей, где они могут определяться.

Ключевые слова: имена собственные, предикаты, индивиды, сфера действия, контексты de dicto, контексты de re, контексты de jure, противоречивость, Парадокс Падеревского.

1. В сторону Падеревского

В знаменитой статье С. Крипке «Загадки контекстов мнения», впервые опубликованной в 1979 г. (Kripke 1979) и вышедшей на русском языке семь лет спустя в блестящем переводе Г. Е. Крейдлина (Крипке 1986), обсуждается две загадки (puzzle), или, в более формальном переводе, парадокса, связанных с употреблением имен собственных — Парадокс Пьера (Pierre’s Puz-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование языков мира и языковых ареалов: типологические, корпусные и полевые данные, FMNE-2025-0006», поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ. Я благодарю Д. Б. Тискина за дискуссию. Все недочеты лежат на авторе.

zle) и Парадокс Падеревского (Paderewski's Puzzle). В этой статье я коснусь второго из них. Он сводится к тому, что если *a* и *b* — разные имена одного и того же объекта *de re*, но X об этом не знает, он может иметь противоречивые установки *de dicto,* т. е. в мирах убеждений X-а, о том, что a имеет свойство *p* в мире B_X, но *b* имеет свойство ~ *p* в том же мире B_x. X по определению является искренним рациональным агентом, который не лжет и не шутит. В таком виде парадокс был известен еще Фреге, а вклад Крипке состоит в том, что вместо двух разных знаков типа "Утренняя Звезда"[2] и "Вечерняя Звезда", указывающих на один и тот же объект *de re*, используется тот же самый знак "Падеревский", но его денотат в мирах убеждения X-а, который не знает, что пианист Падеревский и премьер-министр Польши — одно и то же лицо, раздваивается. Если положить *p* = 'быть музыкальным' и приписать X-у установку о том, что пианисты обычно или всегда музыкальны, а политики обычно или всегда немузыкальны, убеждения X-а, согласно Крипке, будут противоречивы, хотя X рассуждает рационально, не лжет и не шутит.

Как известно, парадоксом называют правильно построенное рассуждение, исходящее из правильных или принимаемых правильными при первом рассмотрении посылок, но приводящее к противоречию (Смирнова 2001; 2011). Элегантное слово «загадка» (встречался также перевод английского *puzzle* как «задача») намекает на то, что речь идет не просто о логических казусах, а о некотором объекте, который предположительно может изучаться естественнонаучными методами, например, о естественном языке. Типовая реакция на утверждения о том, что некие контексты или употребления языковых выражений сопряжены с парадоксальными эффектами, сводится к тому, что в самом объекте описания никакой аномалии нет, а мнимые или реальные парадоксы возникают в силу выбора неправильной теории. Такой схеме следуют не только лингвисты, стремящиеся отстраниться от проблем метафизики или выбрать нужную им логическую модель, ср. (Булыгина, Шмелев 1997: 453–460), но и отдельные философы, см. статьи Д. Сосы и

[2] Здесь и далее знак "N" (кавычки-лапки) резервируется для записи имен собственных, чтобы отделить его от знака '...' (марровские кавычки), используемого в толкованиях, переводах и записи дескрипций.

М. Дойча (Sosa 1996; Deutsch 2011), где доказывается, что обсуждаемые С. Крипке парадоксальные эффекты возникают лишь при принятии слишком радикальной версии теории имен собственных, т. н. строгого миллеанизма (strict milleanism), согласно которому имя собственное не является предикатом, а его единственным значением служит указание на конкретный объект в акте референции. Полемика с теорией Д. С. Милля была одним из мотивов Крипке (Kripke 1980: 68–70) , но его критики полагают, что он отстранился от нее в недостаточной мере.

Противоречив ли естественный язык? Суммарные характеристики типа «наивная картина мира» слишком расплывчаты, чтобы им доверять. Если говорить о хранящейся в памяти системе словарных и близких к ним концептов, наивная картина мира явно противоречива даже в пределах одного и того же языка[3] не говоря о неполном соответствии концептов одного языка концептам другого. Если же говорить о грамматике и грамматической семантике, интерпретируемой в терминах истинности, тезис о непротиворечивости логической формы естественного языка и ее универсальном характере уместно принять: едва ли стоит постулировать разные условия истинности для английских, русских, древнерусских и древнеисландских предложений с глаголами мнения только потому, что стоящие за этими глаголами лексические концепты, ср. англ. *believe*, *think*, *consider*, *seem*, рус. *верить, думать, считать, казаться*, др. исл. þyk*kja, sýnask, virðask, halda* не совпадают. Столь же нелепо настаивать на том, что Парадокс Падеревского не проявляется в обществах, где нет фамилий типа “Падеревский” или законы воспрещают музыкантам и политикам носить одинаковые имена.

Основой для описания имен в новых и древних языках Европы остается теория Милля (Mill 1881), которая соответствует магистральной линии европейской науки от античности до структурализма XX в. — противопоставлять нарицательные и собственные имена как разные типы знаков (Курилович 1962;

[3] Так, в русском языке одновременно используются лексические концепты предыдущий ‘прошедший’, по внутренней форме — ‘идущий впереди’, и предстоящий ‘будущий’, по внутренней форме — ‘стоящий впереди’ (пример Т. В. Булыгиной, устное сообщение).

Циммерлинг 2025). Первые, по Миллю, одновременно означают и обозначают свойства (denote and connote), в то время как вторые являются дефектными выражениями, которые указывают на объект, не обозначая его свойств. Развивая свой тезис, Милль поясняет, что прозрачная внутренняя форма имени собственного, ср. топоним *Dartmouth* букв. ‘устье <реки> Дарт’ не дает оснований считать нахождение в устье реки компонентом его значения (Mill 1881: 36). Из теории Милля вытекает еще одно следствие, не проговоренное им открыто, возможно потому, что он считал его само собой разумеющимся:

(i) Если различие между нарицательными и собственными именами определяется через способность обозначать естественные свойства объектов, свойство ‘носить имя “Дартмут”/ “Милль” / “Падеревский” является металингвистическим, а не естественным.

Постулат (i) характерен для класса теорий, которые принято называть «референциалистскими» (Jeshion 2018; Delgado 2022), и не принимается альтернативными теориями, трактующими имена собственные как предикаты, указывающие на класс объектов с общим свойством ‘носить имя “N”’, см. (Burge 1973; Fara 2015). «Предикативистские» теории объясняют, почему имя вроде “Дартмут” или “Падеревский” может прилагаться к разным объектам, но сталкиваются с трудностями при объяснении способности имени указывать на конкретный город Дартмут или конкретного носителя фамилии “Падеревский”. Их сторонникам приходится в этом случае постулировать нулевое указательное местоимение или нулевой определенный артикль, обеспечивающий референциальную привязку к денотату (Matushansky 2008). Референциалисты решают проблему иначе, постулируя для референтных и неферентных имен разный статус. Продолжатель Милля А. Гардинер назвал имена собственные, привязанные к денотату, ‘воплощенными’ (embodied), а имена индивидов, существующие как часть синодика, каталога или телефонной книги — ‘развоплощенными’ (disembodied) (Gardiner 1940). Будем далее отмечать воплощенные имена красным

маркером, а развоплощенные — синим, там где уточнение важно[4]. Спустя полвека аналогичное разделение было заново открыто Д. Капланом. Воплощенным именам Гардинера соответствуют ‘common-currency names’ Каплана, букв. ‘имена в общей валюте’: под ними оба автора понимают омонимичные имена, привязанные к конкретным носителям, ср. “ДЭВИД$_1$” (Юм) vs “ДЭВИД$_2$” (Каплан). Развоплощенные имена Каплан называет ‘generic names’, букв. ‘обобщенные имена’, примером их признается имя “Дэвид” как часть списка имен, используемых для наречения людей в некотором обществе. Прецедентные личные имена, когда ребенок нарекается “ДЭВИДОМ$_К$” в честь Дэвида Юма, причисляются к именам в общей валюте (Kaplan 1990: 112). Тот же подход можно применить к топонимам, когда, например, в честь города Дартмута в Девоне, носящего имя “ДАРТМУТ$_1$” омонимичным именем “ДАРТМУТ$_2$” нарекается другой город или иной объект.

В центре интересов С. Крипке, что видно из названия книги (Kripke 1980), было доказательство необходимой связи между именем и его денотатом и вклад имен собственных в описание мира. Крипке трактует индивидные имена как т. н. твердые десигнаторы (rigid designators), прикрепленные к индивидам в акте первичной номинации, где индивид был наречен “АРИСТОТЕЛЕМ$_К$” или “ПАДЕРЕВСКИМ$_К$”: прочие употребления этих имен применительно к тем же индивидам трактуются как анафоры. Это отличает теорию Крипке от взглядов сторонников Милля, для которых имя собственное — просто дефектный знак, бирка, приложенная к индивиду, а также от взглядов Б. Рассела и его последователей, стремящихся свести имена к определенным дескрипциям, описывающим свойства индивида в мире *w*: следуя рецептам Рассела, имя “ПАДЕРЕВСКИЙ$_К$” в интересующем нас аспекте можно было бы интерпретировать как конъюнкцию свойств, идентифицирующих его носителя в том мире, в котором тот живет, будь это действительный мир или мир некоторого множества текстов, например, ‘пианист-виртуоз & ученик Теодора Лешетицкого & премьер-министр Польши в 1919 г.’, или ‘заглавный

[4] Красный маркер будет также спорадически использоваться для обозначения референтов, носящих омонимичные воплощенные имена: в этом случае используется запись без кавычек, например, САУЛ$_К$.

персонаж Парадокса Падеревского & герой мемов Розенталя и Клемансо', но Крипке по этому пути не идет. Омонимия имен интересовала Крипке меньше, но он вынужден был с ней считаться. Относительно имени "Аристотель" Крипке замечает, что сам он в своем идиолекте резервирует его за единственным объектом (древнегреческим философом, учеником Платона), но признает, что другие носители имеют право прилагать его к разным индивидам, например, людям или животным (Kripke 1980: 8). В самом деле, омонимия имен — наблюдаемый факт, в то время как определение тождества их носителей, например, пианиста Падеревского и политика Падеревского — всегда результат реализованной кем-то (фельдфебелем, Вольтером или искусственным интеллектом) процедуры. Кроме того, конвенциональное закрепление любого имени в дискурсе за каким-то одним объектом не мешает тем же носителям языка использовать омонимичное имя для других объектов в другом дискурсе: в этом плане имена знаменитостей типа "Падеревский", "Крипке", "Рафаэль" не отличаются от массовых имен типа "Джон" или "Вася". Легко представить себе ситуацию, когда носитель языка, обученный в разговоре о живописи использовать имя "РАФАЭЛЬ$_1$" только по отношению к автору «Сикстинской Мадонны», в спортивном комментарии будет использовать имя "РАФАЭЛЬ$_2$" по отношению к другому лицу, поскольку так принято называть игрока обсуждаемой футбольной команды.

Вернемся к Парадоксу Падеревского. В мирах убеждения Питера (искреннего рационального агента Крипке) как имя "ПАДЕРЕВСКИЙ$_1$" (музыкант), так и имя "ПАДЕРЕВСКИЙ$_2$" (политик) являются воплощенными. Кроме того, в ментальном лексиконе Питера существует развоплощенное имя "Падеревский", приложимое к разным индивидам, а также общее представление об омонимии имен, существенно используемое в логическом выводе о том, что если пианисты музыкальны, а политики немузыкальны, и известно, что имя "П" имеется и у пианиста A, и у политика B, то $A \neq B$, т. е. A и B — разные индивиды, носящие омонимичные имена. Сознает ли Питер, что его знания о мире, где живут A и B, неполны? Вполне возможно. Видит ли он противоречие в своих рассуждениях до того, как прочтет статью Крипке или жизнеописание Падеревского? Нет, поскольку

гипотеза об омонимии имен принимается им по умолчанию до тех пор, пока ему не представят доказательство того, что A = B. Динамика расширения его знаний от момента, когда он еще не прочел справочник и не освоил новые факты, к моменту, когда это он это сделал и поменял первоначальное мнение, тоже не свидетельствует о том, что начальное состояние его убеждений было противоречиво. Крипке пытается доказать обратное, постулируя общую для Питера и интерпретатора его установок предметную область, где должна проверяться референция имени “Падеревский”, но этот шаг вызывает сомнения. С одной стороны, действительный мир, где живут Питер и его интерпретатор, и где A = B, служит источником достижимых из него (ближайших) возможных миров, в том числе, мира убеждений Питера, где A ≠ B. С другой стороны, у Питера изначально нет дискурса, где референция имени “Падеревский” одновременно проверяется на двух фрагментах действительного мира — множестве музыкантов и множестве политиков[5]. Здесь Крипке подводит сделанное им допущение, что Питер — не просто субъект мнения (которое может быть произвольным и немотивированным), а рациональный агент. В таком случае, Питер должен был предусмотреть возможность, что музыкант одновременно является политиком, а то, что он этого не сделал применительно к Падеревскому, как уже было сказано выше, объясняется тем, что Питер принимает гипотезу об омонимии имен по умолчанию и не принимает гипотез о тождестве индивидов, пока ему не предъявили доказательство. В свете современных реалий Питер мало чем отличается от робота, ведущего информационный поиск.

Перейдем от логического робота к человеку. Допустим, что этого человека зовут “Юрий”, и что он — профессор университета, автор книги (Клейнер 2010), мастер устного рассказа и обладатель иных свойств. Кроме того, в дискурсе того фестшрифта, где опубликована наша статья, имя “Юрий” относится к герою фестшрифта и имеет уникальную референцию, аналогичную имени “АРИСТОТЕЛЬ$_{К}$” в дискурсе Крипке, и однозначно расшифровывается как “ЮРИЙ$_{КЛЕЙНЕР}$”. Введем в рассмотрение другого человека, рацио-

[5] К выводу о том, что убеждения Питера непротиворечивы, на основе иных соображений приходит также Д. Б. Тискин (2013).

нально мыслящего агента по имени Саул. Саул знает референцию имени “ЮРИЙ$_{\text{КЛЕЙНЕР}}$”, но может при этом не знать некоторых свойств Юрия. В этой ситуации истинность предложения (1) не влечет истинности предложений (2) и (3).

(1) Саул знал, что разговаривает с Юрием.

(2) Саул знал, что разговаривает с автором книги «Очерки по общей и германской просодике».

(3) Саул знал, что разговаривает с мастером устного рассказа.

В описанной ситуации нет парадокса ни с точки зрения здравого смысла, ни с точки зрения более строгих рассуждений. Между тем, она близка к казусу Падеревского. Чтобы сходство стало явным, надо, во-первых, заменить глагол *знать, что p* на глагол *верить в p*, а во-вторых, приписать Саулу убеждение, что некоторое свойство p обычно или всегда несовместимо со свойством q. Положим p = ‘быть остроумным’ и припишем Саулу установку о том, что профессора не бывают остроумными, а также знание двух фактов — a) Юрий — профессор; b) Юрий блистал остроумием за обедом. Так как Саул мыслит рационально и при этом придерживается модели Крипке или модели Милля, он, вместо того чтобы проверить неортодоксальную гипотезу об остроумном профессоре, заключает, что речь идет о разных индивидах и омонимичных именах. Тогда:

(4) Саул верит в то, что ЮРИЙ$_1$ остроумен.

(5) Саул верит в то, что ЮРИЙ$_2$ не остроумен.

(6) Саул верит в то, что ЮРИЙ$_1$ и ЮРИЙ$_2$ — разные индивиды.

Остается спросить, есть ли противоречие между предложениями (4) – (6) в той форме, как они записаны выше, или между соответствующими убеждениями Саула. Увы, это иллюзия. Противоречие вносится интерпретатором, который незаконным образом снял нижние индексы в предложениях (4) и (5), сохранив миллеанистский тезис о том, что имя собственное в акте употребления является воплощенным, но при этом не обозначает никаких свойств индивида. М. Дойч (2011) вслед за Д. Сосой (1995)

видит недоработку Крипке в последней части этой формулировки, так как радикальный миллеанизм разрешает свободную замену всех индивидных имен, например, “ЮРИЙ$_{к}$” и “КЛЕЙНЕР$_{к}$”, и вообще всех указаний на индивид, ср., например, дескрипции ιx-(*Сын*(*x*, *Александр*)) ‘(сын Александра$_{j}$)$_{k}$’ и ιx(*Автор*(*x*, ιy(*Книга*(*y*) & *Вышла* (*y*, *2010*)))) ‘(автор (книги 2010 г. $_{j}$)$_{k}$’ *salva veritate*, т. е. при условии, что они отсылают к тому же самому денотату *de re*. Это — явно контринтуитивный критерий, игнорирующий специфику контекстов мнения (убеждения) и желания: так, если Саул знает, что ЮРИЙ$_{к}$ остроумен, но не знает, что ЮРИЙ$_{к}$ = сын Александра$_{j}$, он, скорее всего, не имеет особых убеждений относительно того, остроумен ли сын Александра$_{j}$. Аналогично, если Саул, увидев остроумного человека, всегда хочет рассказать ему анекдот, но никогда не испытывает желания рассказать анекдот профессорам из опасения, что они лишены чувства юмора, ему нельзя приписать желания рассказать анекдот ПРОФЕССОРУ КЛЕЙНЕРУ$_{к}$, даже если он хочет рассказать анекдот ЮРИЮ$_{к}$. С нашей точки зрения, однако, корень зла не в правилах подстановки, а в снятии индексов с омонимичных имен.

Когда логик апеллирует к интуиции, у лингвистов обычно возникают подозрения. В данном случае, как мне кажется, разница между казусом Юрия и казусом Падеревского лежит за пределами логики и чистой лингвистики, но касается вклада имен в описание мира, т. е. онтологии естественного языка. Впрочем, относить ли эту область исследований к философии, лингвистике или чему-то еще — вопрос темперамента или, опять-таки, соглашения. Приписанное Саулу убеждение, будто профессора не бывают остроумными, едва ли играет большую роль в описании мира: слишком много исключений известно, а эмпирическая база для проверки этой корреляции довольно велика. Приписанное же Питеру убеждение, что музыкант Падеревский$_{1}$ и политик Падеревский$_{2}$ — разные лица, помимо прямо оговоренных Крипке вещей, поддерживается тем привходящим обстоятельством, что эмпирическая база случаев, когда один из лучших пианистов-виртуозов мира становится премьер-министром большой страны, гораздо меньше. Но все это — фоновые знания Питера, Саула и комментаторов о мире, в котором они живут, а не логика.

В заключение нашего экскурса отметим два эпизода инобытия Падеревского в мире мемов и академических анекдотов. Первый из них относится к фразе, приписываемой великому пианисту Морицу Розенталю (1862–1946), ученику Листа. Розенталь часто бывал язвителен по отношению к коллегам. Услышав, что Падеревский в концерте играет не на уровне своей репутации, Розенталь сказал, что это не Падеревский. В передаче писателя и музыкального критика Хэролда Шонберга эта фраза выглядит так:

(7) Rosenthal said: “Yes, he plays well, I suppose, but he’s **no Paderewski**”[6] (Schonberg 1987: 284).

Розенталь безусловно знал, что перед ним Падеревский$_1$ de jure. Однако он утверждает, что исполнитель в услышанном им концерте, назовем его “ПАДЕРЕВСКИЙ$_К$”, не является ПАДЕРЕВСКИМ$_1$ *de re*, поскольку его игра по тем или иным причинам (усталость, увлечение политикой или плохая форма) не соответствует критериям, по которым определяется ПАДЕРЕВСКИЙ$_1$. Перефразируя Крипке и добавляя индексы:

(8) Moritz believes that PADEREWSKI$_К$ has **no musical talent**.

Второй эпизод касается русского перевода статьи Крипке, вышедшего в СССР в 1986 г. Фамилии “Падеревский” в этой статье нет, поскольку некоторые аспекты деятельности Падеревского$_{1\text{-}2}$ в СССР не одобрялись. Поэтому в переводе фамилия “Падеревский” была заменена фамилией “Вишневский” (Крипке 1986: 233–234). Трудно сказать, одобрил бы это Розенталь, но Крипке, по большому счету, возражать был не должен, так как он настаивал

[6] В английской версии фразы Розенталя перед именем “Paderewski” стоит отрицательное местоимение *no*, что указывает на вторичный контекст употребления имени собственного, ср. также *He is not **a Paderewski.*** Нам не удалось проверить, как эта фраза выглядела по-немецки. Иронический отзыв Розенталя о незрелой игре молодого Владимира Горовица, который бравировал октавами, wikipedia.de воспроизводит или переводит так:

Er mag **ein Oktavian** sein, aber **kein Cäsar**.

на том, что подстановка имен с разным звучанием и буквенным составом не влияет на его парадокс.

2. Подпоручик Киже и его миссия

В повести ЮРИЯ$_{J}$ ТЫНЯНОВА «Подпоручик Киже» описан сценарий, как графический фантом стал юридически признанным человеком со свойствами. Сначала возникло случайное имя “Киже”, а затем, благодаря действиям бюрократической системы, возник его денотат, т. е. имя, в полном соответствии с терминологией А. Гардинера, «воплотилось» и стало интерпретироваться как “КИЖЕ$_{K}$”. Логиков больше интересовали контексты, где имена собственные, подобно предикатам, обнаруживают переменную сферу действия. Большинство этих контекстов придумано самими логиками, но некоторые из них похожи на фрагменты естественно-языковых текстов. В стандартном случае имена собственные имеют широкую сферу действия над оператором пропозициональной установки, так, предложение (9) интерпретируется ‘существует такой *x*, носящий имя “КИЖЕ$_{K}$”, о котором император думает, что он — хороший офицер’.

(9) Император думает, что КИЖЕ$_{K}$ — хороший офицер.

Узкая сфера действия имен собственных преимущественно реализуется в модальных контекстах, а также при неправильной атрибуции свойств неподходящим индивидам (Тискин 2013). Если есть один и только один действительный мир @, предложение (10) имеет узкую сферу действия имени персонажа “НОЗДРЕВ$_{G}$”, поскольку это имя лишено денотата в @ и не может, по Крипке, быть твердым десигнатором, а в достижимом из @ мире «Мертвых Душ» Ноздрев является вралем по определению — таким его написал Гоголь. В этом случае предложение (10), если оно имеет коммуникативную ценность, означает примерно следующее: ‘хотя создатель «Мертвых Душ» наделил НОЗДРЕВА$_{G}$ свойством ‘быть вралем’, это свойство не является логически необходимым’.

(10) НОЗДРЕВ$_{G}$ мог и не быть вралем.

Правда, чтение с широкой сферой действия, как будто, тоже возможно. Для этого надо релятивизировать понятие действительного мира и условиться, что мир $@_g$, т. е. мир «Мертвых Душ» служит действительным миром для всех трансформаций этого текста, включая реконструкции черновиков, экранизации, режиссерские прочтения и т.п.: в одних версиях Ноздрев будет вралем, а в других нет. Существование НОЗДРЕВА$_G$ и КИЖЕ$_K$ в качестве литературных персонажей, а также ЧАПАЕВА$_C$ и ПАДЕРЕВСКОГО$_K$ в качестве героев мемов и анекдотов оспорено быть не может. Кроме того, все эти имена являются воплощенными, а их референты имеют определенные свойства, которые можно обсуждать. Поэтому желательно найти или создать имя с узкой сферой действия, употребление которого не сопряжено с презумпцией существования индивида. Такая попытка была в 1987 г. предпринята К. Бахом, который допустил, что если бы победитель выборов определялся по алфавиту, имя “Aaron Aardvark” принесло бы своему носителю победу.

(11) The electoral process is under attack, and it is proposed, in light of recent results, that alphabetical order would be a better method of selection than the present one. Someone supposes that “Aaron Aardvark” might be the winning name and says, ‘If that procedure had been instituted, Ronald Reagan would still be doing TV commercials, and Aaron Aardvark might have been president.’ (Bach 1987: 146–147).

Из фоновых деталей видно, что в (11) обсуждается гипотетическая ситуация в реально существующей стране. Можно усилить контекст, перенеся мысленный эксперимент в несуществующее место. Планеты Нибиру, по данным современной науки, не существует, как нет и выборов президента на ней. Это позволяет снять высказывавшееся комментаторами примера (11) опасение, что соседство с 40-м президентом США в одном предложении наделяет Аарона Аардварка модусом существования (на самом деле, нет).

(12) Если бы на планете Нибиру проводились выборы президента, и победитель определялся бы по алфавиту, а при этом использовался латинский алфавит и принцип чтения слева направо, ААРОН ААРДВАРК$_{К}$ мог быть стать победителем.

Поддержанная в (Geurts 1997: 323–324) идея о существовании имен собственных с облигатной узкой сферой действия или контекстов, где такая интерпретация обязательна, является теоретически ценной. Правда, я, в отличие от Б. Хёртса, не вижу способа доказать, что имя потенциального победителя выборов по алфавиту в (11) и (12) не употреблено во вторичной функции в значении ‘какой-нибудь там Аарон Аардварк’. Сложно доказать и обратное положение о том, что в (11) и (12) индивидное имя не используется в своей прямой функции указания на индивид. Другое дело, что об этом индивиде мы знаем лишь то, что он носит имя “Аарон Аардварк”, и что такое имя дает ему шанс на потенциальных выборах по алфавиту. Трудности возникают при попытке ответить на вопрос, откуда это имя взялось в возможном мире (мирах) w_a, где (возможно) живет Аардварк. Сразу скажем, что ответ «его придумал философ Кент Бах» нам не подходит, так как это превращает Аардварка в персонажа некоторого множества текстов и добавляет его в компанию к НОЗДРЕВУ$_{G}$ и ПАДЕРЕВСКОМУ$_{К}$. Предположим теперь, что имя Аардварка берется из телефонной книги избирателей или порождается генератором случайных имен. В первом случае имя “Аардварк” как часть списка циркулирующих в некотором обществе (будь то США или Нибиру) имен является развоплощенным. Как справедливо замечает Д. Б. Тискин (ук. соч.), нельзя быть заранее уверенным в единственности Аардварка, поэтому в нотацию примеров типа (12) лучше ввести не расселовскую дескрипцию ιx *.Aaron.Aardwark(x)*, а квантор существования $\exists x$ *.Aaron.Aardwark(x)*[7]. Второй

[7] Запись с квантором соответствует предикативистскому тезису о том, что имя собственное является предикатом особого рода, а именно — указывает на множество индивидов, носящих имя “N”. Однако референциалистская теория Гардинера, вводящая различение ВОПЛОЩЕННЫХ и развоплощенных имен, приходит к аналогичному результату, так как развоплощенное имя допустимо трактовать как предикат. Известный

случай сложнее. Допущение о существовании безымянных индивидов небезобидно, но наличие у одного и того же индивида нескольких имен не является проблемой до тех пор, пока не приходится выяснить, какое из них разрешено в данном контексте. В сценарии выборов по алфавиту, скорее всего, лицензируется конкретное воплощенное имя в его буквенной или иной форме, а не вся совокупность имен индивида А. Если процедура выборов мыслится как эффективная, замена кодесигнатных имен *salva veritate*, в общем случае, не проходит[8]. Требуется проверять всю базу данных избирателей Нибиру, чтобы убедиться в том, какие из их имен правильны *de jure*, иначе, например, мошенник по имени “ZZYXIE ZYGOTE$_{К}$” сможет предъявить права на имя “AARON AARDWARK$_{К}$”.

Итог нашего путешествия по областям, где обитают КИЖЕ$_{К}$, НОЗДРЕВ$_{G}$, ААРДВАРК$_{N}$ и им подобные, таков. Рассматривать имена собственные как предикаты с узкой сферой действия в некоторых контекстах можно и даже интересно (особенно логикам). Однако при попытке построить или хотя бы представить себе онтологию тех областей, где обитают эти фантомы, они стремительно рвутся за пределы своей пропозиции, обретают квантор существования и свойства, подтверждающие, что они в некотором роде существуют.

пример Б. Хёртса (ук. соч.: 323), можно трактовать двояко, в зависимости от того, какой путь — от развоплощенного имени в списке английских имен к воплощенному или наоборот — принимается:

a. In English, Leslie may be a man or woman.

b. But John is always a man.

При первом сценарии пример (i) интерпретируется как сообщение о свойствах английских личных имен ≡ ‘В английском языке имя “Лезли” может относиться как к мужчине, так и женщине, но имя “Джон” всегда относится к мужчине’. При втором сценарии пример (i) интерпретируется как сообщение о возможных прецедентных случаях, когда конкретный носитель имен английских воплощенных имен “ЛЕЗЛИ$_{К}$” и “ДЖОН$_{К}$” оказывается мужчиной или женщиной.

[8] Разумеется, эффективной (разрешимой) можно признать и такую процедуру, где победителем становится первый заявивший права на имя “Аарон Аардварк” или случайно выбранный кандидат из множества носителей этого имени. Но это, возможно, не тот смысл, который имел в виду автор примера (11), Кент Бах.

В заключении рассмотрим производственный анекдот, где реинкарнация подпоручика Киже возникает в устном диалоге. *X* звонит на работу и просит позвать некоторого сотрудника K_i, допустим, Платона Кузьмича Ковалева$_i$ (Клейнер 2021), к телефону. *Y* отвечает, что K_i вышел. Тогда *X* интересуется, нет ли K_i в цеху. Не расслышав фразы ‘А в цеху его$_i$ нет?’, *Y* интерпретирует вопрос как относящийся к индивиду по имени “ОВ-----В$_К$”, передадим эту фамилию в виде “ОВЦЕУХОВ$_К$”. Такой человек *Y-у* неизвестен, вполне вероятно даже, что он никогда не слышал подобной фамилии. *Y* из анекдота отвечает, что Овцеухов у них не работает. В нотации (14) *Овцеухов*(*x*) трактуется как предикат ‘иметь имя “Овцеухов”’.

(13) X: Позовите КОВАЛЕВА$_I$.
Y: Он$_i$ вышел.
X: А в цеху его$_i$ нет?
Y: А ОВЦЕУХОВ$_К$ у нас не работает.

(14) $\sim \exists x$(*Овцеухов*(*x*) & *Работает_у_нас*(*x*))
‘Не существует никого с именем “Овцеухов”, кто бы работал у нас.’

Нет оснований считать, что *Y* шутит. Кроме того, он отвечает искренне и правдиво: в списке сотрудников организации т. Овцеухова действительно нет. *Y-а* легко заменить на робота, имеющего некоторые навыки общения и знания предметной области. Это испортит анекдот, но сохранит модель. Последняя реплика *Y-а* сообщает, что Овцеухов отсутствует в списках *de jure*: из этого не вытекает ни то, что Овцеухов существует *de re* где-то за пределами организации, ни то, что он не существует *de re*. То же самое *Y* мог бы сказать про Аардварка.

В другом завершении анекдота *Y* отвечает, что Овцеухов сегодня не пришел на работу. Такой предикат переносит фантом в действительный мир, так как лишь реально существующие люди имеют свойство приходить или не приходить на работу. Реакция *Y-а* в (15) отражает позицию полного доверия к собеседнику: раз тот задал вопрос об индивиде О. (в действительности, как мы знаем, *X* такого вопроса не задавал), неуместно подвергать существование О. сомнению. А также доверие к принципу

широкой сферы действия имени собственного (имя не должно быть пустым).

(15) X: А в цеху его нет?
Y: Овцеухов сегодня не пришел на работу.

(16) $\exists x$(*Овцеухов*(x) & ~*Пришёл_на_работу*(x)).
‘Существует носитель имени “ОВЦЕУХОВ$_{К}$”, который не пришел на работу.’

3. Есть ли у имен загадочные свойства?

Отстаивая теорию твердых десигнаторов, главный авторитет по именам и модальности пишет, что предложение *Аристотель мог бы не быть Аристотелем* ложно, в том время как предложение *Аристотель мог бы носить другое имя* может быть истинным (Kripke 1980: 62). В самом деле, при допущении, что при переходе от действительного мира к достижимым из него возможным мирам индивиды никуда не исчезают, может найтись возможный мир, где Аристотеля зовут “Аардварк” или “Чапаев”. Правдивость этой гипотезы подтверждает упомянутый в разделе **1** казус с русским переводом статьи (Kripke 1979), где персонаж Парадокса Падеревского, ПАДЕРЕВСКИЙ$_{К}$, был переименован в “ВИШНЕВСКОГО$_{К}$”. Неразличение предикатов быть *N* и носить имя “*N*” Крипке объявляет искажениями, вносимыми небрежной речью[9].

Свойство ‘носить имя “N”’ — не миф, оно активируется в контекстах, где возникает Аардварк, и в менее вызывающих случаях, систематизированных в (Fara 2015). Другое дело, что это свойство, по постулату (i), признается металингвистическим, а не естественным (natural kind), и потому не может использоваться для моделирования противопоставления нарицательных и собственных имен[10]. Некоторые сторонники Крипке предположили, что речь

[9] “… Sloppy, colloquial speech, which often confuses use and mention” (Kripke 1980: 62).

[10] Впрочем, многие сторонники предикативизма к этому и не стремятся, ср. изящное замечание Д. Графф Фары: “Being proper is not an interesting property” (Fara 2015: 78). На это можно осторожно заметить, что

тех философов, которые допускают имена собственные с узкой сферой действия, тоже является небрежной, и что это относится к примеру К. Баха (11) про Аардварка (Lee 2021: 256–257). Чонгю Ли (ук. соч.) утверждает, что хотя толкование (11), при котором любой носитель имени “Аарон Аардварк” может стать победителем выборов по алфавиту, теоретически возможно, оно, скорее всего, не соответствует тому, что имел в виду говорящий[11]. Этот тезис не вызывает доверия. Во-первых, никто не знает, что имел в виду говорящий в (11), назовем его КЕНТОМ$_{К}$, и отличаются ли теории КЕНТА$_{К}$ и К. БАХА$_{К}$. Во-вторых, апелляция к правде жизни — не лучший довод против модели: она столь же (не)убедительна, как попытка Р. О. Якобсона опровергнуть тезис Н. Хомского об автономности синтаксиса на том основании, что предложение *Colorless green ideas sleep furiously* ‘Бесцветные зеленые идеи яростно спят’, если его рассматривать как часть сообщения, порожденного кем-то отличным от Хомского в условиях языковой коммуникации, обретает некоторое значение, интерпретируемое конвенционально (Jakobson 1959). Даже если обретает, объект обсуждения подменяется: вместо основ семантики и грамматики стрелки переводятся на анализ текста (дискурса).

В модальных и контрфактических высказываниях о несуществующих в действительном мире персонажах художественных текстов или мемов нет ничего аномального или небрежного. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» была издана в 1836 г. и написана за несколько лет до этого, а умер писатель в 1852 г. С учетом этого, и (15), и (16) — контрфактические высказывания. НОС$_{G}$ (с большой буквы) — персонаж этой повести: он сбежал с лица МАЙОРА КОВАЛЕВА$_{G}$ и воплотился в виде статского советника по ученой части.

(17) Если бы повесть Гоголя была написана на тридцать лет позже, НОС$_{G}$ мог бы стать железнодорожным генералом, а не статским советником по ученой части.

есть такая наука лингвистика, для которой различение имен нарицательных и собственных (proper) все же важно, хотя, возможно, и не является интересной проблемой.

[11] Формулировка Чонгю Ли более замысловата: “…the utterance of

(18) Если бы повесть Гоголя была напечатана на двести лет позже и в другой стране, НОС_{G} мог бы иметь не имя “НОС_{G}”, а имя, связанное с иной частью тела.[12]

В разделе **2.** мы отметили, что имена в высказываниях типа (17) – (18) могут при некоторых соглашениях интерпретироваться как имеющие широкую сферу действия, если мир повести «Нос» рассматривать как действительный по отношению ко всем трансформациям и репликам этого текста, источником которых он служит. Транзитивным образом, та же уловка доступна и для возможных миров этих реплик. Одна из них — это опера Д. Д. Шостаковича «Нос» (1928), где НОС_{DSCH} поет тенором. Можно строить контрфактические контексты, где этот персонаж обретает иные естественные свойства, например, способность петь басом, а также металингвистическое свойство иметь другое имя.

(19) Если бы Шостакович был в ином настроении, НОС_{DSCH} мог бы петь басом.

(20) Если бы режиссер оперы был любителем перевертышей и ревизий либретто, НОС_{DSCH} наверняка назывался бы “СОН_{DSCH}”.

Фрагменты дискурса, в том числе, анекдоты — материал для проверки того, как долго живут имена с узкой сферой действия. Имена, не доживающие до контекстов типа (17) – (20), подобны эфемерным изотопам, возникшим в ходе эксперимента и просуществовавшим короткое время, или шуткам, переставшим быть смешными, едва отзвучали. Чем детальнее представлен достижимый возможный мир, и тем более, возможные миры, достижимые из

(21) can convey the proposition that whoever bears the name “Aaron Aardvark” might have been president. But it does not seem that they <ex. 20 and 21> semantically express those propositions” (Lee 2021: 257). Я интерпретирую это рассуждение так, что хотя пропозицию *p* можно извлечь из содержания предложения (21) = наш пример (11) в качестве семантического следствия или импликатуры, она не является тем, что непосредственно утверждает говорящий в (11), т. е. ассертивным компонентом значения.

[12] Во избежание недоразумений поясняем, что, обсуждая индивида НОС_{G}, носящего имя “НОС_{G}”, имеем в виду его и только его.

него, вроде оперы Шостаковича по отношению к повести Гоголя, тем больше оснований трактовать его как действительный, и приписать именам широкую сферу действия. Крипке видел загадку в контекстах мнения, а ПАДЕРЕВСКИЙ$_{к}$ понадобился для их проверки. Его комментаторы сочли, что контексты мнения, в целом, понятны, а связь между парадоксом и теорией имен требует разъяснения. Похоже, имена собственные интереснее людям, чем убеждения.

Словарик-путеводитель

Падеревский$_{1}$ — индивид, обладающий свойством ‘носить имя “Падеревский” и иметь музыкальный талант’.

Падеревский$_{2}$ — индивид, обладающий свойством ‘носить имя “Падеревский” и быть лишенным музыкального таланта’.

Падеревский$_{k}$ — инвидид, являющийся персонажем Загадки Падеревского, сформулированной С. Крипке, и предположительно совмещающий свойства Падеревского$_{1}$ и Падеревского$_{2}$.

“Вишневский$_{k}$” — то же, что *“Падеревский$_{k}$”*, альтернативное имя Падеревского$_{k}$ в русском переводе статьи (Kripke 1979).

Юрий$_{k}$, он же Юрий$_{KLEINER}$— высокочтимый индивид, являющийся персонажем Загадки Юрия и адресатом фестшрифта.

Киже$_{k}$ — фантомный индивид из повести «Подпоручик Киже» Ю. Н. Тынянова.

Аарон Аардварк$_{k}$ — фантомный индивид из Загадки Аардварка К. Баха.

Овцеухов$_{k}$ — фантомный индивид из анекдота о сотруднике Овцеухове.

Ноздрев$_{g}$ — персонаж повести «Мертвые Души» Н. В. Гоголя.

Чапаев$_{c}$ — персонаж анекдотов о В. И. Чапаеве.

Майор Ковалев$_{g}$ — персонаж повести «Нос» Н. В. Гоголя.

Нос$_{g}$ — персонаж повести «Нос» Н. В. Гоголя, отличный от Майора Ковалева$_{g}$.

Нос$_{dsch}$ — персонаж оперы «Нос» Д. Д. Шостаковича.

Питер — логический агент из Загадки Падеревского.

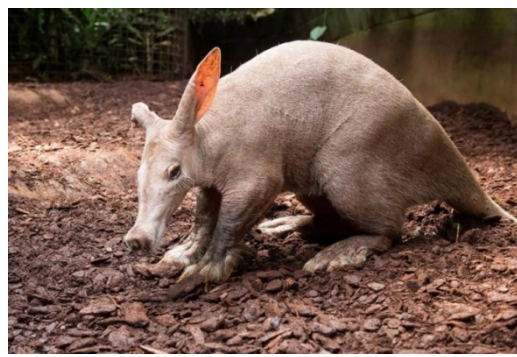
Саул — логический агент из Загадки Юрия.

Кент — логический агент из Загадки Аардварка.

Mr. Y — логический агент из Загадки Овцеухова.

Приложение

Имя нарицательное ‘aardvark’ обозначает *трубкозуба* (Orycteropus afer), единственного представителя отряда *трубкозубых* (Tubulidentata) из класса *млекопитающих* (Mammalia). *Быть трубкозубом* — это естественное свойство.

Это не Аарон Трубкозуб, а просто трубкозуб. Впрочем, никто не мешает Вам назвать его Аароном.

Литература

Булыгина Т. А., Шмелев А. Д. 1997: *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки русской культуры.

Клейнер Ю. А. 2010: *Очерки по общей и германской просодике*. СПб: СПбГУ.

Клейнер Ю. А. 2021: Несколько предположений о повести Н. В. Гоголя «Нос». *Русская литература*, 3 (3). 161–178. URL: https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-3-161-177

Крипке С. А. 1986: Загадка контекстов мнения. В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 194–242.

Курилович Е. 1962: Положение имени собственного в языке. В сб.: *Очерки по лингвистике.* Пер. с пол., фр., англ., нем. М.: Изд-во иностр. лит., 215–266.

Смирнова Е. Д. 2001: О загадке контекстов мнения. *Логические исследования*, 8, 199–210.

Смирнова Е. Д. 2011: Теоретико-познавательные и логико-семантические основания парадоксов. *Вестник РГНФ*, 1, 68–78.

Тискин Д. Б. 2013: Имена, сфера действия и модальные контексты. В сб.: *Философия языка и формальная семантика.* Куслий П. С. (ред.). М.: Альфа-М, 161–174.

Циммерлинг А. В. 2025: Имя собственное и языковой знак. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 22 (4). 905–922.

Bach K. 1987: *Thought and reference*. Oxford: Clarendon Press.

Burge T. 1973: Reference and proper names. *Journal of philosophy*, 70, 425–439.

Delgado L. 2022: Names and nouns. *Philosophical Studies*, 2022, 179: 3233–3258. URL: https://doi.org/10.1007/s11098-022-01826-1.

Deutsch M. 2011: The Paderewski Puzzle and the Principle of Substitution. *Grazer Philosophische Studien,* 83(1), 123–141.

Fara D. G. 2015: Names are predicates. *Philosophical Review*, 124, 59–117.

Gardiner A. H. 1940: *The theory of proper names. A controversial essay*. London.

Geurts B. 1997: Good news about the description theory of names. *Journal of Semantics,* 14 (4), 319–348.

Jakobson R. 1959: Boas' view of grammatical meaning. *American Anthropologist*, 61, 139–145.

Jeshion R. 2018: Katherine and the Katherine: On the Syntactic Distribution of Names and Count Nouns. *Theoria*, 33 (3), 473–508.

Kripke S. A. 1979: A Puzzle About Belief. In: A. Margalit (ed.), *Meaning and Use*. Dordrecht & Reidel, 239–283.

Kripke S. A. 1980: *Naming and Necessity*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Lee Jeonggye 2020: Against predicativism about names. *Philosophical Studies*, 177: 243–261. URL: https://doi.org/10.1007/s11098-018-1187-3.

Matushansky O. 2008: On the Linguistic Complexity of Proper Names. *Linguistics and Philosophy*, 31 (5), 574–627.

Schonberg H. C. 1987: *The Great Pianists*. (Rev. and updated ed.). New York: Simon & Schuster.

Sosa D. 1995: The import of the puzzle about belief. *Philosophical review*, 105, 373–402.

А. А. Яковлева

О морфологии нидерландских междометий

Аннотация. Статья посвящена морфологическим особенностям нидерландских междометий, рассматриваемым в свете теоретических положений Ю. А. Клейнера о характере репрезентации как основании для разграничения частиц и междометий. Анализируется структурная вариативность междометий на материале языка чатов и мессенджеров — сферы письменной устной речи, предоставляющей богатые данные о графической передаче междометных единиц. Основное внимание уделяется редупликации как грамматическому средству образования междометий. На основе анализа однокомпонентных и многокомпонентных (редуплицированных) форм выдвигаются и частично проверяются гипотезы о соотношении редуплицированных и нередуплицированных вариантов в разных группах междометий: звукоподражаниях, императивных обращениях к животным, эмоциональных и контактоустанавливающих междометиях. Показано, что для эмоциональных междометий редупликация регулярно выступает как деривационный механизм на уровне просодики, тогда как для контактоустанавливающих — как полноценный способ словообразования. Отдельно рассматриваются случаи графической вариативности, «склеивания» сложных единиц и интонационного переразложения, подтверждающие тезис о морфологической аморфности как ключевом свойстве прототипического междометия.

Ключевые слова: междометие, нидерландский язык, морфология, редупликация, графическая вариативность, просодия, частицы, язык чатов, письменная устная речь, деривация, звукоподражание.

Рассуждения глубокоуважаемого юбиляра профессора Юрия Александровича Клейнера о природе междометия стали поводом для изучения автором морфологических свойств этой части речи на материале нидерландского языка. В переданных автору заметках Ю. А. Клейнер пишет о том, что характер репрезентации может служить основанием для разграничения частиц и междометий, в том числе омонимичных или квази-омонимичных, различаю-

щихся, например, супрасегментным оформлением, ср.: Да vs Да-а.

В ряде западных лингвистических школ междометия определяются как подкласс частиц (Jespersen, Schiffrin, Fraser и др.), тогда как в русистике междометие традиционно считается особой частью речи (Ломоносов, Барсов, Востоков, Греч, Виноградов, Германович и др.). В нидерландской традиции междометия — *tussenwerpsels* или *interjecties* — также принято выделять в отдельный грамматический класс (Rijpma, Schuringa; Smedts, Belle; Wolf и др.) и понимать максимально широко. Так, голландцы относят к междометиям звукоподражания, императивные обращения к животным, этикетные формулы и диалоговые реплики (в частности, *ja* (да) и *nee* (нет)).

А. И. Германович еще в 1966 г. писал о «своеобразной морфологии междометий» (Германович 1966: 73). Междометия не способны изменяться, они не располагают системой грамматических форм, а отсутствие словоизменительных и деривационных морфем объединяет междометия с другими служебными словами — союзами, предлогами и частицами (Шаронов 2008: 32). Отсутствие словоизменительных и деривационных морфем объясняется природой междометий — являясь фактором второй сигнальной системы и будучи обусловлены в своем происхождении настоятельной потребностью человека кратчайшим образом выразить реакцию на речь собеседника или явления действительности, междометия выступают как категория живая, органически связанная с мимикой и жестом (Германович 1966: 152, 155).

Появление и активное распространение в конце XX века так называемой Computer-Mediated Communication (CMC) — языка чатов и мессенджеров — предоставило пользователю инструменты для визуализации невербальной стороны коммуникации, по сути «положив на бумагу» мимику и жест. Основные коммуникативные задачи пользователей «новых медиа» таковы: 1) пиши, как говоришь; 2) выражайся максимально кратко; 3) компенсируй отсутствие просодии и мимики. На графическом уровне перечисленные задачи находят выражение в нарушениях правил орфографии и пунктуации, повторении букв и слогов, активном использовании эмотиконов, акронимов, аббревиатур и иных механизмов сокращения (Dekker 2015: 3). Представляя собой редкий феномен письменной устной речи, язык чатов на сегодняшний день является самым

богатым источником для изучения междометий, так как графическая передача междометия здесь определяется самим пользователем, а не распознающей компьютерной программой или редактором, как в случае с базами данных разговорного языка.

Важным критерием, по которому междометия могут быть отделены от служебной лексики, считается их морфологическая аморфность. Оговоримся, что речь идет, прежде всего, о так называемых первичных эмоциональных междометиях: «Прототипические междометия — аморфные единицы, что естественно при слабой значимости звукового состава этих единиц. Появление морфемной структуры приводит к автоматическому выводу единицы из состава междометий» (Шаронов 2008: 34). Способность междометных морфем к «растягиванию» — агглютинации и присоединению других формантов, не формирующих ее морфологическую структуру, а лишь удлиняющих произнесение, может служить дополнительным средством разграничения первичных междометий и частиц, которые тоже зависят от интонации, но имеют неизменный звуковой состав. Вторичные междометия, как правило, имеют более сложную структуру, а также сохраняют черты материнской лексемы[1]. При определении языковой единицы как вторичного междометия учитываются: 1) изолированная синтаксическая позиция; 2) десемантизация; 3) потеря словоизменительных возможностей; 4) потеря сочетаемостных возможностей; 5) внутренняя аморфность грамматической модели (Шаронов 2008: 59). Иными словами, чтобы стать междометием в «полном смысле слова», лексической единице нужно стать похожей на первичное междометие.

Не разделяя междометия на первичные и вторичные, А. И. Германович при анализе междометий приходит к выводу, что имеются серьезные структурно-смысловые основания для деления эмоциональных междометий на две группы: а) междометия, значения которых определяется не столько составом фонем, сколько характером интонации, и б) междометия с устойчивым значением (Германович 1966: 155). Первые с трудом поддаются семантической

[1] См. напр. Яковлева А. А. Семантико-прагматические особенности нидерландских междометий *zeg* и *hoor*. В сб.: Скандинавская филология. Т. 16, вып. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. P. 61–73.

классификации, так как путем изменения интонации они могут выражать самые разнообразные значения. В составе второй группы намечается ряд разрядов, отличающихся структурными особенностями, этимологией, иногда значением и синтаксическими свойствами. Рассмотрим примеры из этих двух групп с точки зрения их графической и интонационной вариативности.

Вариативность нидерландских междометий на графическом уровне, буквально «внутри морфемы», зачастую имеет спонтанный характер, подобными единицами изобилуют чаты и блоги, однако они почти никогда не фиксируется словарями. Так, наряду с нормативным написанием встречаются разнообразные варианты графической передачи междометий, например: *zo (так) – zooo, zoooo, ah (ах) – ahhhh, aaahhh, ja (да)- jaa, jaaa, jaaaa, jaaaaa, jjjjja, jahaa, jaja, neenee* или заимствования из английского *oké (окей): okéééé, o…ké, o-ké* (Cornelisse: 2010, 2012). Богатую графическую вариативность демонстрируют простые одноморфемные (однокомпонентные) эмоциональные междометия разного происхождения. Сложные единицы, состоящие из нескольких лексем, в процессе десемантизации имеют тенденцию к «склеиванию», стремясь к одноморфемному составу, подобно прототипическим первичным эмоциональным междометиям:

> *En toen gingen we zwemmen,* ***enzo****. — А потом мы пошли плавать,* ***и все такое.*** (Cornelisse 2010: 70)

> ***Welnu,*** *toen MTV Europe nog niet zo lang bestond, waren er voortdurend Duitse reclames op te zien. —* ***В общем,*** *когда MTV Европа еще только появилось, на нем постоянно крутили немецкую рекламу.* (Cornelisse 2012: 80)

> *Hij had Obama 'van harte gelukgewenst' met de overwinning.* ***Gottegod.*** *— Он 'от всего сердца' поздравил Обаму с победой.* ***Божебоже.*** (Cornelisse 2010: 89)

Бывают и обратные случаи, когда сложные по составу единицы подвергаются интонационному переразложению, в результате чего сложное междометие фактически становится набором простых:

> *Vroeger was het* ***'Oh my God!'****. En nu eerder:* ***'Oh. My. God.'*** *— Если раньше говорили 'Oh my God!'. То теперь скорее:*

‘Oh. My. God.’ (Cornelisse 2010: 196)

Рассуждая о морфологии, нельзя не упомянуть, что важным грамматическим средством образования междометий являются повторы или редупликация. Редупликация — это частный случай образования многокомпонентных междометий (ср. русск. О-о! и Э-хе-хе…). Большую часть таких междометий составляют звукоподражания и императивы, обращенные к животным. Повторное междометие может представлять собой удвоенный, утроенный, а в случае с междометиями «подзывания животных» и многократно повторенный вариант однокомпонентного междометия с сохранением его значения. Но повторение без изменения семантики свойственно также и первичным эмоциональным междометиям:

Blub/blubblub *(буль/буль-буль*) — звук исчезающего под водой предмета.

Hap/hap-hap (*ам/ам-ам*) — звук откусывания.

Au – au-au (*ай/ай-я-яай*) — выражение боли или сопереживание при виде (осознании) боли другого человека.

Некоторые морфологические редупликанты представляют собой междометные единицы, которые отличаются от семантики однокомпонентного междометия одним или несколькими дополнительными значениями:

Ha – haha – hahaha (*ха/ха-ха/ха-ха-ха*) — смех.

Ha-ha-ha (*ха-ха-ха*) — произнесенное нарочито раздельно, с акцентом на каждую из частей употребляется в случаях, когда, по мнению говорящего, услышанное представляется как раз совершенно не смешным.

Еще одну небольшую группу составляют преимущественно вторичные редуплицированные междометия, не имеющие однокомпонентной междометной пары:

Maarmaar *(как же так?)* — в единичном употреблении широко используется в нидерландском языке как союз в значении «но» или частица со значением «смягчения высказывания», например при императивах, однако не может

выступать в функции междометия. В качестве междометия выступает только редуплицированная форма: ***Maarmaar****, het is toch niet te geloven dat zoiets zomaar kan (Как же так, нельзя ведь поверить, что подобные вещи вообще случаются)* (Dekker 2015: 38).

Кроме того, существуют примеры, когда в современном нидерландском языке редуплицированное междометие (уже) не имеет семантических пересечений с однокомпонентным и, таким образом, является омонимичным однокомпонентному:

Hè (*да, а, ах*) — может занимать практически любую синтаксическую позицию, причем значение полностью зависит от места в предложении. Приведем в качестве примера диалог:

Gezellig terrasje, **hè**? - Ja **hè**, heerlijk. — **Hè**, zo lekker. — Echt wel. Zonnetje erbij, **hè**, niks meer aan te doen. (*Замечательная терраска, **да**? – Да, **слышь**, чудесно. – **Ах**, как приятно. – И правда. Солнышко светит, **да**, можно побездельничать.*) (Cornelisse 2025: 25)

Hèhè (*ну, вот, наконец-то*) — выражение усталости после тяжелой работы или в перерыве от нее с оттенком облегчения или удовлетворения. Также может выражать наиболее ненавязчивый способ сообщить о своем присутствии в незнакомой компании и готовности, при необходимости, пойти на контакт. Паулин Корнелиссе, подробно исследовавшая это междометие (Cornelisse 2025: 56-57), приводит пример с человеком, заходящим в сауну, где уже сидят другие люди и говорящим *hèhè* вместо приветствия.

Многокомпонентные редуплицированные междометия представляют собой совсем иное явление, чем синтаксические повторы. С синтаксической точки зрения междометия занимают изолированную позицию, что также отличает их от большинства частиц. Тем не менее нидерландские лингвисты Рейпма и Схюринга считают возможным говорить о наличии у междометий так называемой «синтаксической валентности» (Rijpma, Schuringa 1971: 94), подразумевая их способность употребляться несколько раз подряд,

а также сочетаться с другими междометиями:

Zeg, zeg, zeg, *zou je dat niet eens laten? — Эй, эй, эй, может ты перестанешь?* (Rijpma, Schuringa 1971: 94)

Oke, oke, *rustig maar, niemand probeert je toch tegen te houden? — Ладно, ладно, успокойся, тебя ведь никто не отговаривает?* (Cornelisse 2012: 74)

Zeg hee, *wat doe jij daar? — Эй, слышь, что ты там делаешь?* (Rijpma, Schuringa 1971: 94)

Nou ja, *het heeft natuurlijk weinig zin het hierover te hebben. — Ну, да, нет, конечно, никакого смысла об этом говорить.* (Cornelisse 2010: 24)

Языковой материал показывает, что в некоторых случаях обнаружить смысловые противопоставления между однокомпонентными и редуплицированными эмоциональными междометиями не удается. С другой стороны, в ряде примеров первые и вторые оказываются абсолютно разными единицами. И. А. Шаронов, вслед за Л. Л. Федоровой, называет наличие разницы между однокомпонентными и многокомпонентными междометиями (например, *Эй* и *Эгей*, где первое — оклик, направленный к ближестоящему, а второе к стоящему далеко) — косвенным признаком, отделяющим группу эмоциональных междометий от контактоустанавливающих (Шаронов 2008: 37). Этот тезис ждет дальнейшего изучения и подтверждения или опровержения на материале нидерландского языка. Кроме того, требуют подтверждения еще ряд тезисов:

1) Звукоподражаниям свойственно наличие обеих форм, при этом вторая может быть многокомпонентной, а императивы, обращенные к животным, напротив, имеют лишь редуплицированные формы, тяготеющие к многократному повторению.

2) Что касается эмоциональных междометий, то при наличии обеих форм они чаще всего имеют различающийся набор значений. Таким образом, для группы эмоциональных междометий редупликация регулярно выступает как деривационный механизм, но реализуется на уровне просодики.

3) Для группы контактоустанавливающих междометий редупликация является полноценным способом образования новых

единиц, то есть механизмом словообразования.

4) Деривационные и синтаксические свойства междометия как части речи определяются морфологией, а именно морфологической аморфностью междометий.

Литература

Барсов А. А. 1981: *Российская грамматика.* М. 778 с.

Востоков А. Х. 1831: *Русская грамматика.* СПб. 355 с.

Германович А. И. 1971: *Междометия русского языка.* Киев: Радянська школа. 169 с.

Греч Н. И. 1830: *Практическая русская грамматика.* Т. 1. СПб. 526 с.

Ломоносов М. В. 1952: *Российская грамматика.* Полн. собр. соч. Т. 7. М., 595–760.

Шаронов И. А. 2008: *Междометия в речи, тексте и словаре.* М.: РГГУ. 288 с.

Cornelisse P. 2010: *Taal is zeg maar echt mijn ding.* Amsterdam/Antwerpen: Uitgeverij Atlas Contact. 231 p.

Cornelisse P. 2012: *En dan nog iets.* Amsterdam/Antwerpen: Uitgeverij Atlas Contact. 219 p.

Cornelisse P. 2025: *Hèhè. Over wat we zeggen zonder dat we het doorhebben.* Uitgave Stichting Collectieve Propaganda van het Nederlandse Boek. 61 p.

Daniëls W. 2000: *Komkom, tuuttuut, hoho. Over herhalingswoorden en herhalingsnamen.* Amsterdam / Antwerpen: L. J. Veen. 136 p.

Dekker de B. 2015: Prototypische chatspeakkenmerken in Vlaamse tienerchattaal. De invloed van gender, leeftijd en medium. *Taal en Tongval*, 2015, Vol. 67, No. 1. Amsterdam University Press, 1–41

Fraser B. 1990: An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*. № 14, 383–395.

Jespersen O. 1965: *Language: It's Nature, Development and Origin.* London: Allen & Unwin. 448 p.

Rijpma E. R., Schuringa F. G. 1971: *Nederlandse Spraakkunst.* Groningen: Wolters-Noordhoff NV. 354 p.

Schiffrin D. 1987: *Discourse Markers.* Cambridge: CUP. 364 p.

SmedtsW., Belle van W. 2003: *Taalboek Nederlands.* Kapellen: Uitgeverij Pelckmans. 448 p.

Wolf H. 2018: *Basisboek Syntaxis.* Groningen: Uitgeverij kleine Uil. 215 p.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КЛЕЙНЕРА

Научные работы

1974

От навыка к умению: Разговорный английский язык: Учеб. пособие к практ. занятиям по англ. яз. для студентов I–IV курсов / Министерство высшего и среднего специального образования, Ленинградская лесотехническая академия им. С. М. Кирова. Ленинград, 1974. (Совместно с О. А. Антоновой, Н. Г. Ксенофонтовой и др.)

1976

«Речи Хамдира», 16; «Беовульф», 225–227a // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Л.; М., 1976. Ч. 2. С. 68–69.

Сдвиг гласных и ударение в истории английского языка // Лингвистические исследования 1976: Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М.: АН СССР, 1976. С. 71–79.

1977

Фонологическая интерпретация нейтрального гласного и *r* в английском языке // Kalbotyra, XXVIII(3). Vilnius, 1977. С. 23–29.

1978

Безударный вокализм в английских диалектах // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Краткие сообщения. Л.: Наука, 1978. С. 67–68.

Редукция или сдвиг? // Исследования структуры английского языка. Ижевск: Удм. ун-т, 1978. С. 80–84.

1979

Безударный вокализм английского языка (современное состояние и диахрония): Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Л., 1979.

1980

Корреляция усечения слога и её использование в изучении вокализма английского языка // Взаимодействие структур в системе. Л.: ЛГУ, 1980. С. 147–155. (Совместно с Э. И. Мячинской.)

Методические указания и задания по английскому языку для работы с ТСО. Л.: Ленингр. лесотехн. акад., 1980.

Методические указания и задания по английскому языку для работы с ТСО (III курс). Л.: Ленингр. лесотехн. акад., 1980.

1981

Методические указания и задания по английскому языку для работы с ТСО (I курс). Л.: Ленингр. лесотехн. акад., 1981.

Методические указания и задания по английскому языку для работы с ТСО (II курс). Л.: Ленингр. лесотехн. акад., 1981.

1982

О происхождении датского толчка // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 2. С. 83–85.

1985

Латинская грамматическая традиция в Англии VII–XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л.: Наука, 1985. С. 62–77.

Латинская литература и древнеанглийская устная словесность // Западноевропейская средневековая словесность. М.: МГУ, 1985. С. 51–53.

Н. С. Трубецкой: биография и научные взгляды // Kalbotyra, XXXV(3). Vilnius, 1985. С. 98–110.

1986

Скандинавское преломление // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 2. С. 357–359.

1988

Акцентная вариативность в английском языке // Вариативность в германских языках: Тезисы докладов и сообщений всесоюзной конференции. Калинин: КГУ, 1988. Ч. 1. С. 11–12.

Станет ли английский язык слогоморфемным? // Историческое развитие языков и методы его изучения: Тезисы межвузовской конференции. Свердловск: СГПИ, 1988. С. 160–161.

Фонология сонантов в английском языке // Лингвистические единицы различных уровней в языке и речи. Краснодар, 1988. С. 10–14.

The singer and the interpreter: Caedmon and Bede // Germanic Notes. Vol. 19. No. 1/2. 1988. P. 2–6.

1989

Слоговое равновесие // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989. Ч. 2. С. 239–241.

Структура слога и обучение чтению (английский язык) // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе. Республиканская научно-методическая конференция. Тезисы докладов. Самарканд, 1989. С. 4–11.

Umlaut: a case of prosodic variation // Paradigminiai ir sintagminiai germanų kalbų tyrinėjimai = Paradigmatic and syntagmatic investigations in Germanic languages: Respublikinės mokslinės konferencijos tezės: Vilnius, 1989 m. gegužės 11–13 d. / LTSR liaudies švietimo ministerija ir kt.; ats. red. A. Steponavičius. Vilnius: Vilniaus universitetas, 1989. P. 40–42.

1991

Закон Вернера // Проблемы истории индоевропейских языков. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции, посвящённой возвращению городу названия Тверь. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. Ч. 1. С. 22.

Заметки по древнегерманской просодике // Диахроническая контрастивность германских языков. Сб. науч. трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 4–11.

1992

[Послесловие] // Карр Дж. Д. Бесноватые; Ведьмино Логово; Защиту ведёт Патрик Батлер: Романы. СПб.: Лениздат, 1992. С. 606–607.

1993

Неосознанное авторство и устная форма (М. И. Стеблин-Каменский, М. Пэрри, А. Б. Лорд) // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии:

Тез. докл. М.: ИРИ, 1993. Ч. 2. С. 244–245. (Дополненная версия: Устная форма и неосознанное авторство — см. № 32, С. 360–361.)

Сюжет — песнь — традиция // Слово в контексте литературной эволюции. М., 1993. С. 44–54. (Переиздание — № 83.)

Чтения памяти А. Б. Лорда // Этнографическое обозрение. 1993, № 1. С. 150–154. (Совместно с Г. А. Левинтоном и Б. Н. Путиловым.)

Acquired bilingualism // Twenty-sixth conference of Societas Linguistica Europaea. Abstracts of papers. Cracow, 1993.

1994

А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция // Лорд А. Б. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 350–365. (2-е изд. — № 160.)

От переводчиков // А. Б. Лорд. Сказитель. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 7–9. (Совместно с Г. А. Левинтоном.) (2-е изд. — № 164.)

1995

Вторая конференция памяти Альберта Бейтса Лорда // Кунсткамера. Этнографические тетради / Центр «Петербургское Востоковедение», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. Вып. 8–9. С. 394–401. (Совместно с Г. А. Левинтоном.)

Ударение, безударность, редукция (английский язык) // Проблемы фонетики, II. М., 1995. С. 172–179.

Формулы и клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С. 50–52.

Comparative. Contrastive. Convergent // Twenty-eighth conference of Societas Linguistica Europaea. Leiden, 1995.

1997

Германская диалектология и Фонологический семинар ЛО ИЯ // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 11–14 марта 1997 года. Вып. 1: Романо-германский цикл. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 23–26.

Что «различительно» в языках со слоговым равновесием? // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск. 10–14 сентября 1997. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 370–371.

Phonetic universals and prosodic preferences // Universals versus preferences. Societas Linguistica Europaea. 29th Annual meeting. Programme and abstracts. Klagenfurt, 1997.

The privileged position a quarter century later // Germanic studies in honor of Anatoly Liberman / Ed. by K. G. Goblirsch, M. B. Mayou, and M. Taylor. Odense: Odense University Press, 1997. P. 157–173. (NOWELE: North-Western European Language Evolution, 31–32.)

Slavic and Germanic: two lines of prosodic evolution // The XIII International Conference on Historical Linguistics. 10–17 August 1997. Heinrich-Heine Universität Dusseldorf. Abstract volume. Dusseldorf, 1997. P. 96–97.

1998

Компенсация: диахрония или история? // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 16–22 марта 1998 г. Вып. 13: Секция общего языкознания. Тезисы докладов / Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 41–44.

Корреляция усечения слога (к истории изучения) // Англистика: современные достижения и традиции. Российская межвузовская научная конференция, посвящённая 50-летию кафедры английской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 34.

XIII Международная конференция по историческому языкознанию // Язык и речевая деятельность. Т. 1. 1998. С. 220–222. (Совместно с Е. В. Перехвальской, А. Ю. Русаковым и Н. Д. Светозаровой.)

Ударение, акцент, просодема // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвящённых 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 1998. С. 72–78.

Шкала сонорности // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. Тезисы докладов Международной конференции. Звенигород, 25–27 ноября 1998 года. М., 1998. С. 53–55.

1999

Закон Сиверса (германские языки) // Язык и речевая деятельность. Т. 2. 1999. С. 169–185.

Здесь говорят по-русски (комментарий к комментарию) // Нева, 1999, № 8. С. 197–204.

Моросчитание: германский, славянский... // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 1: Секция балтистики. 2–4 марта 1999 г. «Проблемы фо-

нетики и акцентологии балтийских языков». Тезисы докладов. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. С. 20–21.

О происхождении исландской преаспирации // Скандинавская филология (Scandinavica). VI. 1999. С. 115–124.

Первые научные чтения Петербургского лингвистического общества // Язык и речевая деятельность. 1999. Т. 2. С. 333–334. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Поэтический язык как язык // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 15–22 марта 1999 г. Вып. 16: Секция общего языкознания / Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб.: СПбГУ, 1999. Ч. 1. С. 22–25.

Продолжение жизни // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1999. Т. 3, № 1. С. 388–391.

Просодика: метафоры и реальность // Проблемы фонетики, III. М.: Наука, 1999. С. 160–169.

Aelfric's "Latin Grammar" and its medieval context // 8th International Conference on the History of Language Sciences. Ecole Normale Supérieure, Fontenay-aux-Roses, 14–19 September 1999. Résumés des communications. P. 32.

Fernassimilation: Germanic palatal umlaut and breaking // Interdigitations. Essays for Irmengard Rauch / Ed. by G. F. Carr, W. Harbert, and Lihua Zhang. New York: Peter Lang, 1999. P. 93–106.

Russian-Yiddish: phonetic aspects of language interference // International Congress of Phonetic Sciences 99. San Francisco, 1999. P. 1397–1400. (With: N. Svetozarova, T. de Graaf, R. Niuweboer.)

Syllables, morae and boundaries // Interdisciplinary journal for Germanic linguistics and semiotic analysis. 1999. Vol. 4. No. 1. P. 1–17.

2000

Типы просодических и супрасегментных явлений (На материале германских языков). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. СПб., 2000.

Compensatory variation // New insights in Germanic linguistics II / Ed. by I. Rauch, G. F. Carr. New York: Peter Lang, 2000. P. 57–78. (Berkeley insights in linguistics and semiotics, Vol. 38.)

Рец.: Gennady Estraikh. Soviet Yiddish. Language planning and linguistic development. Oxford: Clarendon Press, 1999. — 217 p. (Oxford modern languages and literature monographs) ISBN 0-19-818479-4 // Язык и речевая деятельность, 2000. Т. 3, Ч. I. С. 319–323. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Рец.: Gennady Estraikh. Soviet Yiddish. Language planning and linguistic development. Oxford: Clarendon Press, 1999. — 217 p. // Studies in Language, 2000. Vol. 25, No 2. P. 368–378. (With N. D. Svetozarova.)

Quantity loss in Yiddish: a Slavic feature? // Languages in contact / Ed. by D. G. Gilbers, J. Nerbonne and J. Schaeken. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2000. P. 193–197. (Studies in Slavic and general linguistics, Vol. 28.) (With N. Svetozarova.)

2001

Научные чтения ПЛО-2001 // Язык и речевая деятельность. 2001. Т. 4, Ч. I. С. 283–285.

Палатализация и умлаут в германских языках // Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 159–167.

Скандинавская акцентуация: диахронический аспект // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. С. 293–294.

2002

Анклавный язык в составе языкового союза (к постановке проблемы) // Материалы конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой / РАН, Санкт-Петербургский научный центр, Институт лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2002. С. 90–94. (Совместно с Л. Н. Каминской.)

Проблемы просодики. СПб.: Издательство СПбГУ, 2002. (2-е изд. — № 108.)

2003

Идиш в Петербурге. Учеб. пособие к курсу «Этнолингвистика». СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. (Совместно с Ф. А. Елоевой.)

О границах интерпретации (фонология и фонетика ударения) // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. В. Бондарко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 62–65.

От составителя // М. И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 3–4.

Устная традиция и письменная культура // Б. Н. Путилов. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 314–320. (Ethnographica Petropolitana, 9)

«Фонетические балканизмы» и их фонологические основания // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы IV Международной научной конференции. Звенигород, 11–13 апреля 2003 года. М.: Институт русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 2003. С. 46–47. (Совместно с Л. Н. Каминской и А. А. Лукиной.)

Что заимствуется при языковых контактах и исчезает при языковых изменениях? // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы IV Международной научной конференции. Звенигород, 11–13 апреля 2003 года. М.: Институт русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 2003. С. 60–61.

Эволюция поэтического языка как диахронический процесс // Philologica Scandinavica. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 80–89.

Praise and honor (Gothic *hazjan*, Old English *hergan*, and Russian *čest'*) // Language in time and space. A festschrift for Werner Winter on the occasion of his 80th birthday / Ed. by Brigitte L. M. Bauer, Georges-Jean Pinault. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 233–240. (Trends in linguistics. Studies and monographs 144 / Ed. by W. Bisang, H. H. Hock.)

Unconscious authorship and oral composition: Comparing the two theories // Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб.: Наука, 2003. С. 325–329.

2004

ПетербурЖские повести? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М.: Институт русского языка РАН, 2004. С. 77–78.

Позиция и контекст // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 123–132. (Studia philologica.)

Процедуры сегментации: иерархия и последовательность // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 60–63.

Слог от Аристотеля до Куриловича: означающее или означаемое? // Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры

общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 486–489.

Сюжет — песнь — традиция // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100–летию М. И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 161–172 (Studia philologica) (впервые — № 29)

Yiddish in St. Petersburg. The last sounds of a language // Klezmer, Klassk, jiddisches Lied. Jüdische Musikkultur in Osteuropa / Hrsg. von K. E. Grözinger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 205–221 (with N. D. Svetozarova, T. de Graaf.)

2005

Исторический, лингвистический и социологический аспекты петербургского идиша // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения — 2004. Материалы конференции. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (Т. 6). Санкт-Петербург, 6–17 ноября 2004 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 36–46. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Нейтральный гласный и неопределённая фонема (к типологии языковых союзов) // Respectus Philologicus / Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. Nr. 8 (13) Kaunas, 2005. P. 97–103. (Совместно с Л. Н. Каминской.)

2006

«Малый» язык в большом городе: идиш в Петербурге наших дней // II Международный симпозиум по полевой лингвистике: Материалы. Москва, 23–26 октября 2006 г. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 69–72. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

От редактора // В. Б. Касевич. Труды по лингвистике. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 5–6.

«Портрет традиции» в терминах лингвистики // Материалы I Международной научной конференции «Эпический текст: проблемы и перспективы изучения». 21–23 сентября 2006 г. Часть III. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2006. С. 125–130.

Языковые изменения и динамика языка // Филология. Русский язык. Образование: сборник статей, посвящённый юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 126–136.

Englih *Loo* and French *Lunette* // Язык и речевая деятельность, 2004. Т. 7. С. 124–125.

Рец.: N. G. Jacobs. Yiddish. A linguistic introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 // Diachronica, 2006. Vol. 23. No 2. P. 417–425.

2007

Боярин: барин — дворянин // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 103–109.

Междометия и частицы // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27–30 ноября 2007 г. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 98–100.

О реальности границ и границах супплетивизма // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции 8–10 октября 2007 года, Институт русского языка РАН. М., 2007. С. 108–109.

Эпентеза или усечение? // Проблемы фонетики, V. М.: Наука, 2007. С. 45–53.

2008

Диахрония: хронология и типология // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: Збірник наукових праць / Донецький національний університет. Випуск 18. Донецьк, 2008. С. 168–178.

«Легенда о призвании певца» с точки зрения формульной теории // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика (К дню рождения О. А. Смирницкой): сб. науч. статей / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 282–295.

Поэтическая традиция: вариативность и изменение // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: 9–12 сентября 2008 г.: Материалы конференции. М.; Архангельск: Ин-т всеобщ. истории РАН; Поморский гос. ун-т, 2008. Ч. 2. С. 134–135.

2009

О периодизации истории германских языков // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони. 9–13 ноября 2009 года / Институт лингви-

стических исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 131–132.

Предисловие // Стеблин-Каменский М. И. Из записных книжек (1958–1981). Дневники. Письма. Проза. Стихи. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 7–11.

The context of accentual changes // Fifth International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Silesian University in Opava, 7.7.–10.7.2009. [Programme and Abstracts]. Opava, 2009. P. 9–10.

Рец.: A. S. Liberman. Word origins… and how we know them. Etymology for everyone. Oxford: University Press, 2005. 312 pp. // Язык и речевая деятельность. 2005. Т. 8. [СПб.]: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 236–248.

Рец.: A. Steponavičius. Diachronic linguistics and etymology. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Biały[m]stoku, 2006. 150 p. // Язык и речевая деятельность. 2005. Т. 8. [СПб.]: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 342–344. (Совместно с Д. Д. Пиотровским.)

2010

Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. (Лингвистические исследования.) (2-е изд. — № 165.) Рец.: Н. Д. Светозарова // Вопросы языкознания, 2012, № 5. С. 131–133.

Предисловие // Поэтика традиции: сб. науч статей / под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 9–17.

Предисловие научных редакторов // Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 3–12. (Совместно с П. А. Клубковым.)

Проблемы просодики: Учеб. пособие. Изд. 2-е, исправл. СПб.: СПбГУ; РИО; Филологический факультет, 2010. (1-е изд. — № 69.)

Устная традиция изнутри и извне // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2010 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 124–128.

Фонетические корреляты ударения (диахронический аспект) // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года. М.: Институт русского языка РАН, 2010. С. 74–75.

Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии // Поэтика традиции: сб. науч статей / под ред. Я. В. Василькова, М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 18–44.

2011

Гимн Кэдмона. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum IV.24. Текст, грамматика, словарь, перевод, параллели: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

Лингвистика без границ = Linguistics without borders // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 5–6 = 7–8 (Совместно с Л. А. Вербицкой, С. И. Богдановым и С. А. Крыловым.)

Понятие и термин в фонологии (гортанная смычка, диэрема, сегментация, etc., etc.) // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 101–106.

Стяги и копья (к поэтике эпических реалий) // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон. М.: Университет им. Дмитрия Пожарского, 2011. С. 157–166.

Фольклорный «мотив» и эпическая «тема» (семантика vs. грамматика) // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова. Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. С. 68–75.

Accentuation and quantity // From present to past and back. Papers on Baltic and Slavic accentology / ed. by R. Sukač. Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang, 2011. P. 75–85. (Potsdam linguistic investigations, vol. 7.)

2012

О древнеанглийских источниках современного английского прогрессива // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 278–285.

Some thoughts on Paul Garde's theory (in connection with the Russian translation of *L'accent*) // IWoBA VIII / VIII међународна конференција из балтско-словенске акцентологије, Нови Сад, 6–8. јул 2012. године. Нови Сад: Филозофски факултет, 2012. С. 32.

Time dimension in Scandinavian mythology // Sixth Annual international conference on comparative mythology: "Global mythology: Typological and regional studies". September 1–3, 2012. European University, Saint Petersburg, Russia. Program and Abstracts / International Association for Comparative Mythology. St. Petersburg, 2012. P. 9–10.

2013

«Акцентное единство» и «акцентные единицы» (к завершению русского перевода книги П. Гарда «Ударение») // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции. 27–29 сентября 2013 года. М., 2013. С. 45–47.

Заседание, посвящённое 100-летию А. Б. Лорда // Русская литература, № 3, 2013. С. 247–249. (Совместно с Г. А. Левинтоном.)

Кафедра общего языкознания вчера, сегодня, завтра // Конференция, посвящённая 150-летию Кафедры общего языкознания. 4–7 сентября 2013 года / Санкт-Петурбургский государственный университет. СПб., 2013. С. 6–11. (Совместно с Л. А. Вербицкой и Е. В. Горбовой.)

«Любительская лексикография» на профессиональном уровне // Конференция, посвящённая 150-летию Кафедры общего языкознания / Санкт-Петурбургский государственный университет. СПб., 2013. С. 60–63.

Просодика сегментная и супрасегментная. Часть I: Основные понятия просодики: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013.

Просодика сегментная и супрасегментная. Часть II: Корреляция усечения слога: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013.

Устная традиция и традиция фиксированных текстов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 221–246.

ODIN – ᾍΙΔΗΣ // Seventh Annual international conference on comparative mythology: “Sources of mythology: National and international myths”. May 15–17, 2013. Eberhard Karls University, Tübingen, Germany. Program and Abstracts / International Association for Comparative Mythology. Tübingen, 2013. P. 15.

2014

Акцентные дублеты: система и норма (из маргиналий к [Касаткин 2006: § 49]) // Проблемы фонетики, VI. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. С. 151–156. (Совместно с Л. А. Вербицкой.)

Подводные камни системы публикаций открытого доступа: Мнения в разных странах мира // Научная периодика: проблемы и решения №2 (20), март — апрель 2014. С. 9–20. (Совместно с Э. Бонаккорсо, Р. Божанковой, К. Д. Каденой и др.)

Ударение по Гарду // XLIII Международная филологическая конференция. 11–16 марта 2014 года. Тезисы. СПб., 2014. С. 235.

Bottlenecks in the open-access system: Voices from around the globe // Journal of librarianship and scholarly communication, Vol. 2, Issue 2. 2014. P. 1126. (With E. Bonaccorso, R. Bozhankova, C. D. Cadena, etc.)

Editors' introduction // History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XII). Saint Petersburg, 28 August — 2 September 2011. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. xv–xviii. (With V. B. Kasevich and P. Seriot.)

Foreword & acknowledgements // History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XII). Saint Petersburg, 28 August — 2 September 2011. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. ix–x. (With V. B. Kasevich and P. Seriot.)

Рец.: P. Garde. L'accent. Deuxième édition, corrigée et augmentée. Limoges : Lambert-Lucas, 2013. 169 p. // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 149–153.

Germanic dragons: mythological or heroic? // Eighth Annual international conference on comparative mythology: "Fighting dragons and monsters: Heroic mythology". May 24–26, 2014. Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan. Program and abstracts / International Association for Comparative Mythology. Yerevan, 2014. P. 19.

Introduction // Язык и речевая деятельность. 2014. Т. 14: Материалы Международной конференции, посвящённой истории лингвистических учений ICHoLS-12, Санкт-Петербург 2011. С. 10–13. (With V. Kasevich, P. Seriot)

Mémoires d'un linguiste. En souvenir de Pavel Kloubkov // La linguistique soviétique à la recherche de noveaux paradigmes. Cahiers de l'ILSL, № 40, 2014. P. 155–164.

The syllable from Aristotle to Kuryłowicz // 13th International Conference on the History of the Language sciences (ICHoLS XIII). 25–29 August 2014, Universidade de Trás-os-Montes e Alto Douro, Vila Real, Portugal. Conference Handbook. 2014. P. 163–164.

2015

Морфологические и фонемные границы // XLIV Международная филологическая конференция. 10–15 марта 2015 года. Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 105–106.

[Поздравление М. В. Гординой] // Профессор кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета, доктор филологических наук Мирра Вениаминовна Гордина / Сост. Н. Д. Светозарова; Каф. фоне-

тики СПбГУ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 44–45.

Предисловие // П. Гард. Ударение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 5–9. (Совместно с А. В. Андроновым.)

«Точка зрения» историка науки // XLIV Международная филологическая конференция. 10–15 марта 2015 года. Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 503–504.

The speeches of the Elder Edda and the Germanic pantheon // Ninth Annual international conference on comparative mythology: "Power and speech: Mythology of the social and sacred". June 10–12, 2015. Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland. Program and abstracts / International Association for Comparative Mythology. Toruń, 2015. P. 20–21.

2016

Рец.: Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков. Язык. Традиция. Текст. СПб.: Наука, 2014. 674 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Том 13. Вып. 1. 2016. С. 153–157. (Совместно с Д. Д. Пиотровским.)

В оправдание генеративистики: иерархия уровней — иерархия границ // XLV Международная филологическая конференция. 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 262–263.

Виды сегментации — типы границ // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 59–61.

Гром и Громовержец (Þórr – Þrymr): эддическое калькирование // XLV Международная филологическая научная конференция, 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 252.

Стеблин-Каменский Михаил Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 31. М.: Большая российская энциклопедия, 2016. С. 210.

Forgotten legacy of classical phonology // Tarptautinė mokslinė konferencija Profesoriaus Alekso Girdenio (1936–2011) 80 metų gimimo sukakčiai paminėti „Dabartinių baltų kalbų ir tarmių transformacijos". Lietuvių kalbos institutas, 2016 m. spalio 19–21 d. Pranešimų tezės. [Vilnius, 2016]. P. 36.

Textualization of mythology and the triad of the Germanic pantheon // Power and speech: mythology of the social and the sacred / Ed. by M. Lisiecki, L. S. Milne, N. Yanchevskaya. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON, 2016. P. 309–326.

Thor's double // Tenth Annual international conference on comparative mythology: "Time and myth: the temporal and the eternal". May 26–28, 2016. Masaryk University, Brno, Czech Republic. Program and abstracts / International Association for Comparative Mythology. Brno, 2016. P. 24.

**Wōðanaz/Óðinn* за пределами германского пантеона // Скандинавская филология. 2016. Том 14, вып. 1. С. 30–42.

2017

Гром и Громовержец (Þórr – Þrymr): эддическое калькирование // Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 122. Paris: Atlantis Press, 2017. P. 310–313.

Дни и труды Якова Николаевича Любарского // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XV. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 274–303

Е. Д. Поливанов об умлауте и сингармонизме // XLVI Международная филологическая конференция. 13–22 марта 2017 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/36/reports/5851/

Жанр дискуссий в советском языкознании 1950-х гг. // XLVI Международная филологическая конференция. 13–22 марта 2017 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/36/reports/5847/

XLV Международная филологическая конференция, 14–21 марта 2016 года, Санкт-Петербург, Россия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 14. Вып. 1. 2017. С. 135–147. (Совместно с коллективом авторов.)

General and comparative linguistics without ideological context // International Conference Ideology and Linguistic Ideas. 6–9 October, 2017, Tbilisi, Georgia. Program and Abstracts / Giorgi Akhvlediani Society for the History of Linguistics; Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. Tbilisi, 2017. P. 34.

The other world(s) of Germanic mythology // Eleventh Annual international conference on comparative mythology: "Creatures of the night: mythologies of the otherworld and its denizens". June 8–11, 2017. University of Edinburgh. Program and abstracts / International Association for Comparative Mythology. Edinburgh, 2017. P. 28–29.

The syllable according to Aristotle // Histoire Épistémologie Langage. T. 39, fasc. 1. 2017. P. 137–153.

2018

А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция // А. Б. Лорд Сказитель. 2–е изд., испр. и дополн. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. С. 518–543. (1-е изд. — № 32.)

К вопросу об экспериментальной проверке существования моносиллабов сложной конфигурации // XLVII Международная филологическая конференция. 19–28 марта 2018 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8697/ (Совместно с Е. И. Риехакайнен.)

На полпути к цели («Речи Хамдира» 16; «Беовульф» 225–227a; «Исход» 174–176b) // Атлантика = Atlantica: Записки по исторической поэтике. Вып. XV. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 37–48.

Несостоявшаяся революция Е. Д. Поливанова (рукопись статьи «Об эволюции русского языка за революционный период (1917 – 1933) // «Национальные лингвосферы — сопредельные зоны партнёрства» (Ч. Айтматов). Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова. 24–26 октября 2018 г., Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына. Бишкек, 2018. С. 101–108. (Совместно с Д. Д. Филатовой.)

От переводчиков // А. Б. Лорд. Сказитель. 2–е изд., испр. и дополн. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. С. 5–9. (Совместно с Г. А. Левинтоном.) (1-е изд. — № 32.)

Очерки по общей и германской просодике. 2-е изд. испр. и дополн. СПб.: Наш Университет, 2018. (1-е изд. — № 105.) Доступно на сайте кафедры общего языкознания СПбГУ: https://genling.spbu.ru/phonolog/publications/Kleiner2018.pdf

Сегменты и границы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 17. Фонетика. М., 2018. С. 184–193.

Старшая Эдда — учебник эпического сказительства? // XLVII Международная филологическая конференция. 19–28 марта 2018 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8025/

Another hypothesis concerning the grammar and meaning of *Inter eils goticum* // NOWELE: North-Western European Language Evolution. Vol. 71, No. 2, 2018. P. 236–248

The worlds and other worlds in Scandinavian mythology // Mitrasampradānam: Сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 13–19.

2019

Идиш как открытая языковая система // XLVIII Международная филологическая конференция. 18–27 марта 2019 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/10014/ (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Лордовские чтения // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 54–55. (В составе публикации: К 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Из воспоминаний коллег.)

От эпоса к балладе: перерождение или преемственность? // Международная конференция, посвящённая 110-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Адмони, Санкт-Петербург, 8–11 октября 2019 года. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 55. (Совместно с Д. Д. Пиотровским.)

From epic to ballad: the Faroese ‘Sjúrður cycle’ // Скандинавская филология. 2019. Том 17, вып. 1. С. 134–145 (Совместно с Д. Д. Пиотровским.)

From the point of view of a historian of science // История лингвистики, история идей: Фестшрифт в честь Патрика Серио / под ред. С. Морэ и А. де Ля Фортель = = Histoires des linguistiques, histoires des idées; Mélanges offerts à Patrick Sériot / sous la direction de S. Moret et A. de La Fortelle. М.: ОГИ, 2019. С. 288–303.

From the rage of gods to swearing (Semantics of the Old Germanic inner world) // Thirteenth Annual international conference on comparative mythology: “Mythology of metamorphoses: comparative & theoretical perspectives”. June 10–14, 2019. Estonian Literary Museum. Program and abstracts / International Association for Comparative Mythology. Tartu: ELM Scholarly Press, 2019. P. 31.

Rasmus Rask and Jakob Grimm: two Lautverschiebung models // Ideology and linguistic ideas: International conference dedicated to Rasmus Rask, September 12–14, 2019. Program and abstracts. Tbilisi, 2019. P. 43.

2020

Древнегерманская мифологическая география // Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание: Материалы международной научной конференции (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) (Нижний Новгород, 16–17 ноября 2018 г.) / под ред. А. Н. Маслова и А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 103–107.

Лингвокультурные (не)совпадения, или *Sui Mei Travels about the Soviet Union* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 17. Вып. 4. 2017. С. 720–737.

Орфоэпия — история языкознания — история языка // XLIX Междуна-

родная филологическая конференция, посвящённая памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). 16–24 марта 2020 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/42/reports/12616/

The formula: morphology and syntax // John Miles Foley's world of oralities: text, tradition, and contemporary oral theory / ed. by M. C. Amodio. Leeds: Arc Humanities Press, 2020. P. 107–121.

Yiddish and Slavic Contact // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / Ed.-in-Chief M. L. Greenberg. Berlin: Brill, 2020 (With N. D. Svetozarova.)

2021

Несколько предположений о повести Н. В. Гоголя «Нос» // Русская литература. 2021. № 3. С. 161–177.

Фонетический и фонологический слог // Наука СПбГУ — 2020. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, 24 декабря 2020 года. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 1344–1345.

2022

Готский «гекзаметр» // Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского / отв. ред. М. Л. Кисилиер. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2022. С. 371–378.

Дискуссия о фонеме // Материалы XLVI Международной научной филологической конференции 13–22 марта 2017 года, Санкт-Петербург. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. С. 45–46.

На службе русского языка и российской науки (Людмила Алексеевна Вербицкая) // Русская речь. 2022, № 1. С. 119–127 (Совместно с В. Б. Касевичем и Н. Д. Светозаровой.)

Орфоэпия — история языкознания — история языка // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвящённая памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019): Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. С. 12–26.

Система языка и языковая стихия // 50-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. 15–23 марта 2022 года. Тезисы докладов. Электронная публикация: https://conference-spbu.ru/conference/45/reports/16448/ (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

2023

«...не хухры-мухры»: грамматика тавтологии (маргиналия к семинарским занятиям) // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург : Сборник тезисов. СПб.: СПбГУ, 2023. С. 576–577.

Орфоэпия и орфофония: термины и понятия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2023. № 4. С. 46–54. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

2024

«И никакой лингвистики...» (свидетельство лингвиста) // Фонетические этюды: сборник статей в честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора Павла Анатольевича Скрелина / научн. ред. В. В. Евдокимова, У. Е. Кочеткова, Е. А. Шамина. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 11–13.

«Нейтрализация: название и суть», пятьдесят пять лет спустя // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVIII (2) / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 1817–1829.

Общество и его журнал // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 19–26 марта 2024, Санкт-Петербург: Сборник тезисов. СПб.: СПбГУ, 2024. С. 76–77. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Моросчитание в русском песенном стихе // Тезисы докладов IX Международной научной конференции «Фонетика сегодня», Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 5–7 декабря 2024. М., 2024. С. 42–43.

2025

Ещё раз о разграничении фонетики и фонологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 22. Вып. 4. 2025. С. 796–806.

«Манас» эпосунун типологиялык келечеги = «Манас» в типологической перспективе // VIII Бүткүл дүйнөлүк «Дүйнө элдеринин эпостору» фестивалы: Эл аралык илимий-практикалык симпозиумдун материалдарынын топтому = VIII Всемирный фестиваль «Эпосы народов мира»: Сборник материалов Международного научно-практического симпозиума / Ред. колл.: Ю. А. Клейнер, В. Л. Кляус, С. Т. Кайыпов. Бишкек: Улуу Тоолор, 2025. С. 114–120, 349–355.

От составителей. Метод Касевича // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Том 22. Вып. 4. 2025. С. 724–728. (Совместно с Н. Д. Светозаровой.)

Предисловие // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Избранные доклады / под ред. В. М. Мокиенко, К. В. Манёровой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2025. С. 9–11 (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. VII) (Совместно с К. В. Манёровой и В. М. Мокиенко.)

Терминологическая (не)однозначность // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2025. № 1. С. 233–239.

Традиция и текст: бытование и смысл // LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 25–31 марта 2025, Санкт-Петербург: Сборник тезисов. СПб.: СПбГУ, 2026. С. 903–904.

Old English breaking: A parallel to Lachmann's Law // Germanic interrelations: Studies in memory of Hans Frede Nielsen / ed. by S. Laker et al. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2025. P. 157–172. (NOWELE Supplement Series, 34).

Программы учебных курсов

Введение в германскую филологию. Программа курса / Языковой центр СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Историческое развитие английского языка. Программа курса / Языковой центр СПбГУ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Введение в германскую филологию. Учебная программа // Санкт-Петербургский государственный университет. Канадский колледж. Учебные программы. СПб., 2000. С. 136–139.

Историческое развитие английского языка. Учебная программа // Санкт-Петербургский государственный университет. Канадский колледж. Учебные программы. СПб., 2000. С. 140–142.

История лингвистических учений // Кафедра общего языкознания: Учебные программы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 82–86. (Совместно с П. А. Клубковым.)

Составление и Редактирование

Карр Дж. Д. Бесноватые; Ведьмино Логово; Защиту ведёт Патрик Батлер: Романы / составление, послесловие, примечания Ю. А. Клейнера. СПб.: Лениздат, 1992. (Роман «Бесноватые» с примечаниями переиздан в кн.: Карр Дж. Д. Дьявол в бархате: Детективные романы. М.: Центрполиграф, 1993. С. 445–639. («Мастера остросюжетного детектива», вып. 31.))

Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии / Отв. ред. Ю. А. Клейнер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Научные чтения – 2003: Материалы конференции (Санкт-Петербург, 15–17 дек. 2003 г.). Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность», Т. 5 / Ред. колл.: Ю. А. Клейнер, Н. Д. Светозарова, В. А. Беляков; Петербургское лингв. общ-во. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Стеблин-Каменский М. И. Из записных книжек (1958–1981). Дневники. Письма. Проза. Стихи / Сост. Ю. А. Клейнер. СПб.: Европейский Дом, 2009.

Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования / Науч. ред. Ю. А. Клейнер, П. А. Клубков. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.

Касевич В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Клейнера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006, т. 1; 2011, т. 2.

Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича / Под ред. Л. А. Вербицкой, С. И. Богданова, Ю. А. Клейнера, С. А. Крылова. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2011.

History of Linguistics 2011. Selected Papers from the 12th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 August — 2 September 2011 / Eds. V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot. Amsterdam: John Benjamins, 2014.

Гард П. Ударение / авториз. пер. с франц. А. В. Андронова и Г. В. Васильевой под ред. Ю. А. Клейнера и М. В. Гординой; отв. ред. Ю. А. Клейнер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015.

VIII Бүткүл дүйнөлүк «Дүйнө элдеринин эпостору» фестивалы: Эл аралык илимий-практикалык симпозиумдун материалдарынын топтому = VIII Всемирный фестиваль «Эпосы народов мира»: Сборник материалов Международного научно-практического симпозиума / Ред. колл.: Ю. А. Клейнер, В. Л. Кляус, С. Т. Кайыпов. Бишкек: Улуу Тоолор, 2025.

Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры / Ред. Ю. А. Клейнер, В. Н. Сажин (с 1999 г. также D. Macfadyen). СПб., 1994–2001, Т. I–III.

Переводы

С английского на русский:

Дю Морье Д. Опасный мужчина // Дю Морье Д. Не позже полуночи: Рассказы. Л.: Лениздат, 1989. С. 310–346.

Кервуд Дж. О. Долина Безмолвных Великанов // Кервуд Дж. О. Долина Безмолвных Великанов: Романы; повесть. Л.: Лениздат, 1991. С. 221–420. (Совместно с Л. Н. Ненадкевичем)

Кристи А. Дело о безупречной служанке // Кристи А. Расследование ведёт мисс Марпл: Романы и рассказы / Сост. П. Клубков. Душанбе: Адиб, 1991. С. 396–405.

Кристи А. Трава смерти // Кристи А. Расследование ведёт мисс Марпл: Романы и рассказы / Сост. П. Клубков. Душанбе: Адиб, 1991. С. 384–395.

Карр Дж. Д. Бесноватые // Карр Дж. Д. Бесноватые; Ведьмино Логово; Защиту ведёт Патрик Батлер: Романы. СПб.: Лениздат, 1992. С. 5–219. (Переиздано в кн.: Карр Дж. Д. Дьявол в бархате: Детективные романы. М.: Центрполиграф, 1993. С. 445–639. («Мастера остросюжетного детектива», вып. 31.))

Лорд А. Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. С. 10–322 (Совместно с Г. А. Левинтоном)

Лорд А. Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 10–479 (Совместно с Г. А. Левинтоном)

С русского на английский:

Venetsianov and his school / Comp. and introduced by Tatiana Alexeyeva. Transl. by Carolyn Justice and Yuri Kleiner. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1984.

Boris I. Asvarishch. German and Austrian painting: nineteenth and twentieth centuries. [Translated from the Russian by Valery A. Fateyev and Yuri A. Kleiner]. Florence: Giunti, c1988. (Hermitage catalogue of Western European painting, 15.)

Larissa A. Dukelskaya and Elizaveta P. Renne. British painting: sixteenth to nineteenth centuries. Florence: Giunti Martello Editore, c1990. (Hermitage catalogue of western European painting, 13.)

Anna G. Barskaya and Albert G. Kostenevich. French painting. Mid-nineteenth to twentieth centuries. [Translated from the Russian by Valery G. Derawyagin, Valery A. Fateyev and Yuri A. Kleiner]. Florence: Giunti, c1991. (Hermitage catalogue of Western European painting, 12.)

Tamara D. Fomichova. Venetian painting: fourteenth to eighteenth centuries / edited by Olga N. Nechipurenko; translated from the Russian by Yuri A. Kleiner. Florence: Giunti, c1992. (Hermitage catalogue of Western European painting, 2.)

Tatyana K. Kustodieva. Italian painting: thirteenth to sixteenth centuries. Florence: Giunti, 1994. (Hermitage catalogue of western European painting, 1.)

Диссертации, защищённые под руководством Ю. А. Клейнера

Пиотровский Д. Д. Взаимодействие временных форм глагола: на материале скандинавских памятников. СПб., 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андронов Алексей Викторович, к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва. baltistica@gmail.com

Антонова Ольга Валентиновна, к. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. ovantonova@gmail.com

Ашкенази Роза Сергеевна, независимый исследователь, Санкт-Петербург. roza.ashkenazi@yandex.ru

Бондарко Николай Александрович, д. ф. н., профессор РАН, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований (ИЛИ) РАН, Санкт-Петербург. n-bond@yandex.ru

Валенцова Марина Михайловна, к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва. mvalent@mail.ru

Губанов Илья Борисович, к. и. н., старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) = МАЭ РАН. gilya1969@mail.ru

Джаксон Татьяна Николаевна, д. и. н., главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, Москва. tatjana.jackson@gmail.com

Джункова Катарина (Katarína Džunková), к. ф. н., Институт славистики им. Я. Станислава Словацкой академии наук. Братислава, Словакия. katarina.dzunkova@seznam.cz

Дзиццойты Юрий Альбертович, к. ф. н., профессор, Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия / Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН. dzicc@mail.ru

Ершова Элина Антоновна, СПбГУ, филологический ф-т, II курс магистратуры. wind-seagull@mail.ru

Еселева Анастасия Александровна, к. ф. н., научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. eselana@mail.ru

Жаров Борис Сергеевич, к. ф. н., доцент, филологический ф-т СПбГУ. bzharov@gmail.com

Зайчик Михаил Леонидович, I курс магистратуры СПбГУ, кафедра общего языкознания / лаборант ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. zaichik.michail@gmail.com

Иванов Сергей Валентинович, к. ф. н., старший научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. serge0ivanov@gmail.com

Казанский Николай Николаевич, д. ф. н., академик РАН, главный научный сотрудник, научный руководитель ИЛИ РАН. nickazansky@gmail.com

Каленчук Мария Леонидовна, д. ф. н, профессор, член-корреспондент РАО, главный научный сотрудник, зав. отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. mkalenchuk@yandex.ru

Кисилиер Максим Львович, к. ф. н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания СПбГУ / старший научный сотрудник ИЛИ РАН. kisimac@gmail.com

Крылов Сергей Александрович, д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт Востоковедения РАН. krylov-58@mail.ru

Левинтон Георгий Ахиллович, к. ф. н., профессор эмеритус факультета антропологии Европейского университета. levinton@eu.spb.ru

Ливанова Александра Николаевна, к. ф. н., доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ. alex_livanova@yahoo.com

Межерицкая Светлана Игоревна, к. ф. н., старший научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. mezh1924@gmail.com

Михайлова Ирина Михайловна, д. ф. н., профессор СПбГУ, кафедра скандинавской и нидерландкой филологии. iri-mi@mail.ru

Михайлова Татьяна Андреевна, д. ф. н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва. tamih.msu@mail.ru

Мячинская Эльвира Ивановна, к. ф. н., доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ. elvirivan2009@mail.ru

Найдич Лариса Эриковна, к. ф. н., почетный профессор кафедры языкознания Еврейского университета Иерусалима, Израиль. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Огуречникова Наталия Львовна, д. ф. н., профессор кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков РУДН. ogurechnikowa@mail.ru

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич, к. ф. н., доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет (ПСПбГМУ) им. акад. И. П. Павлова. dimapiotrovsky@hotmail.com

Рождественская Татьяна Всеволодовна, д. ф. н., профессор СПбГУ, кафедра русского языка. tat.rozhd@gmail.com

Рябухина Юлия Владимировна, к. ф. н., доцент ИТМО, Центр изучения иностранных языков, Санкт-Петербург. yulia.inspiration@gmail.com

Сардарбек кызы Нурайым, декан факультета русской и славянской филологии Кыргызский национальный университет (КНУ) им. Жусупа Баласагына, доктор филологических наук, Бишкек. skn12@mail.ru

Светозарова Наталия Дмитриевна, д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. ndsvetozar@gmail.com

Серио Патрик (Patrick Sériot), PhD, профессор, Université de Lausanne, UNIL, Швейцария. patrick.seriot@unil.ch

Сухачев Николай Леонидович, к. ф. н., ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. nsuh@inbox.ru

Томеллери Витторио Спрингфилд (Tomelleri Vittorio Springfield), PhD, д. ф. н., ассоциированный профессор Университета г. Турин. springfield66@hotmail.com

Фалилеев Александр Игоревич, д. ф. н., ассоциированный научный сотрудник, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. a.falileyev@gmail.com

Филиппова Алиса Константинова, СПбГУ, филологический ф-т, IV курс. fealicee@gmail.com

Циммерлинг Антон Владимирович, д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва. fagraey64@hotmail.com

Яковлева Александра Алексеевна, к. ф. н., доцент СПбГУ, кафедра скандинавской и нидерландской филологии. yakosasha@gmail.com

Научное издание

Vil KLEINER witze:
К 80-летию профессора Юрия Александровича Клейнера

Сборник статей

Ответственный редактор
Николай Александрович Бондарко

Директор издательства *А. А. Галат*
Дизайнер обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать: 16.06.2026
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать цифровая
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,1
Тираж 100 экз. Заказ № 609

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812) 328-16-12
e-mail: iliran@mail.ru

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595;
E-mail: irhga@mail.ru; https://irhga.ru

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134